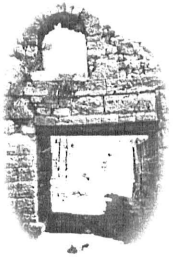
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»
. . .
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК



Выпуск X

Министерство культуры и искусств Украины
Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Национальная академия наук Украины
Крымский филиал Института археологии

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск X

Севастополь
1999

робкова, Е.А.Айбабиной, Э.А.Хайретдиновой). Уделено внимание и вопросам христианизации населения Крыма в раннее средневековье (статья В.М.Зубаря).

В разделе "Нумизматика и сигиллография" публикуются новые монетные находки из генуэзской крепости Чембало (Н.А.Алексеенко), исследуются сходные изображения некоторых монетных выпусков Ольвии и Херсонеса (И.А.Снытко и Е.Я.Туровский), вводятся в научный оборот несколько новых свинцовых печатей византийского Херсона (статья Н.А.Алексеенко и К.Д.Смычкова). Крайне интересна обширная статья В.Л.Мыца, посвященная уникальной находке генуэзских серебряных слитков и реконструкции на их основе одного из важнейших элементов системы денежного обращения генуэзской Газарии.

В завершающем разделе сборника читатель познакомится с результатами геофизических исследований на высоте Безымянной (М.Ю.Николаенко) и антропологическими материалами из раскопок некрополя средневековой Балаклавы (А.В.Иванов).

Работая над настоящим сборником, мы стремились к тому, чтобы он был интересен и полезен археологам-античникам, историкам-медиевистам, краеведам и любителям истории.

Основную задачу мы видели в том, чтобы материалы 10-го выпуска «Херсонесского сборника» несли новейшую научную информацию, чтобы они стали фундаментом на котором возможно будет в дальнейшем достоверно моделировать процессы исторического развития древнего и средневекового Крыма.

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

С.Г.Колтухов

«ЗОЛОТОЙ» СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ КУРГАН

В наши дни, в связи с удревнением времени основания Херсонеса, а также исследованиями ранних горизонтов Керкинитиды, большую роль начинает играть вопрос о варварском окружении древних греческих апойкий в Западном Крыму, этно-культурных особенностях местного населения и его социальной стратификации. В этой связи слабо изученный «скифский» аспект представляется все более значимым.

С конца прошлого столетия в круг основных археологических памятников европейской Скифии было введено впускное погребение из Золотого кургана, раскопанного под Симферополем в 1890 г.[1]. Впервые в широком историко-археологическом контексте его рассмотрел М.И. Ростовцев, поставив на первое место в подгруппе крымских курганов и проведя хронологические параллели с Нимфейскими, старшими Семибратними курганами и Острой Томаковской могилой[2]. В дальнейшем, памятник коротко характеризовали в перечне наиболее ярких погребальных объектов степной Скифии[3] в соответствии с интерпретацией, предложенной М.И.Ростовцевым. Пожалуй, единственным смещением акцента было краткое, но чрезвычайно емкое определение, данное В.А.Ильинской и А.И.Тереножкиным: «По характеру инвентаря Золотой курган особенно близок к Острой Могиле у с. Томаковки. Оба памятника занимают выдающееся место среди курганов степной скифской знати раннего периода»[4]. В последние годы, для обоснования гипотезы о глубоком изменении материальной культуры Степной Скифии на рубеже архаического и классического периодов[5], А.Ю.Алексеевым была предпринята достаточно обоснованная ревизия хронологии группы степных и лесостепных погребальных памятников конца VI-V вв. до н.э.[6]

К числу наиболее репрезентативных памятников этого времени отнесено погребение в Золотом кургане под Симферополем, раскопанное в 1890 г. Однако сам памятник и его вещевой комплекс (помимо двух, наиболее ярких предметов) так и не был рассмотрен[7]. Безусловно,основной причиной явилась хронографическая направленность работы, вполне отвечающая особенностям стиля исследователя - использованию наиболее ярких хроноиндикаторов.

Не менее существенно и то, что скифское погребение из Золотого кургана никогда и нигде обстоятельно не публиковалось, хотя среди многочисленных описаний этого объекта известно по меньшей мере пять, содержащих дополнительную информацию по отношению к отчету, опубликованному в ОАК за 1890 г., и рукописному отчету Н.И.-Веселовского[8].

В настоящее время автору представляется возможным свести воедино все доступные сведения для археолого-историографической характеристики памятника[9].

В первую очередь, следует прояснить вопрос о полноте и достоверности отчетных материалов. Раскопки были начаты 4 июня 1890 г. под общим руководством Н.И. Веселовского[10]. Полевые работы производили члены Таврической ученой архивной комиссии ее председатель А.Х.Стевен, хранитель музея древностей А.О.Кашпар; в исследованиях участвовал Арс.И.Маркевич. Есть все основания думать, что графика к последовавшей вскоре публикации курганов, предпринятой А.Х. Стевеном, выполнена А.О.Кашпаром, преподававшим рисование в Симферопольской гимназии (рис.2-4). Н.И.Веселовский осуществлял лишь общий контроль, вполне доверяя компетентности своих помощников, имевших некоторые навыки археологических разысканий. Расчистка скифского погребения была проведена 13 июля А.Х.Стевеном в присутствии А.О. Кашпара. Н.И. Веселовский в это время исследовал большой курган в Шульговке Мелитопольского уезда Таврической губернии, однако 15 июля (очевидно, сразу же после сообщения об открытии) уже был в Симферополе[11]. Возникает вопрос: видел ли Николай Иванович Веселовский скифское захоронение до его разборки? Не имея определенного ответа, мы обязаны самым серьезным образом учитывать не только описание захоронения в Отчете археологической комиссии и описание могилы, составленное М.И. Ростовцевым на основе рукописного отчета Н.И.Веселовского, но и отчет о раскопках курганов под Симферополем, изданный А.Х.Стевеном в Известиях Таврической ученой архивной комиссии[12], составленный весьма тщательно. О месте хранения находок известно то, что после завершения раскопок они поступили в Императорский Эрмитаж. В Симферополе, для музея Таврической ученой архивной ко-

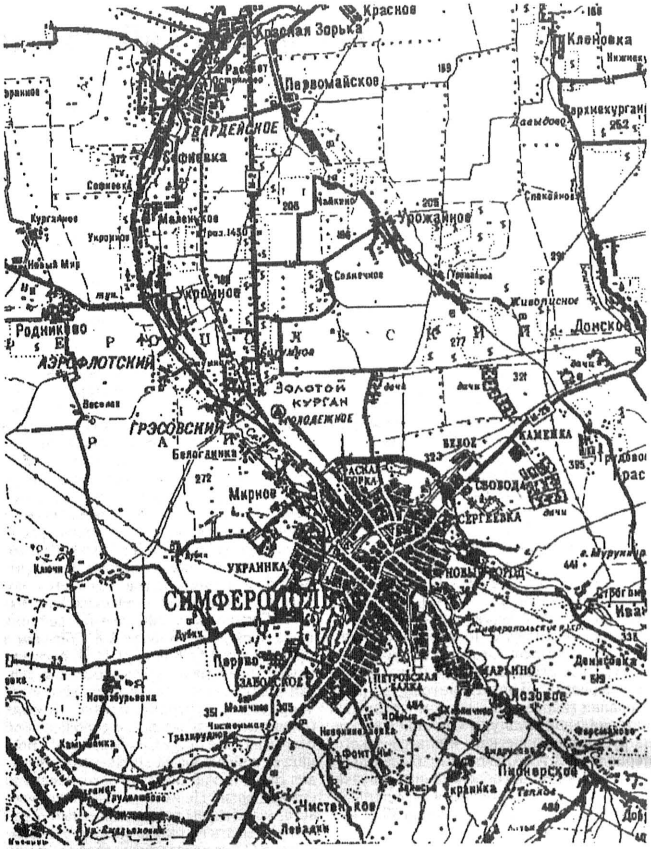


Рис.1.
Место расположения Симферопольского Золотого кургана.

миссии, были оставлены золотая пуговица и несколько фрагментов щита[13].

М.И. Ростовцев, охарактеризовав Золотой курган в соответствии с материалами Н.И.Веселовского, а также каталогом вещей Г.Е.Кизерницкого, сетовал на отсутствие иллюстраций. Опубликованный отчет А.Х.Стевена обильно проиллюстрирован материалами, сведенными в таблицы (рис.2-4). К сожалению, из-за ошибки, произошедшей при подготовке издания, «...все изображения и предметы вышли обращенными в противоположную сторону»[14]. К выводам, сделанным на основе изучения плана погребения, следу-

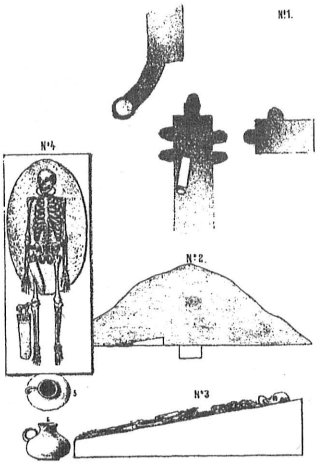


Рис.2.
Скифское погребение в Золотом кургане (по Стевену). N 1 - план кургана, N 2 - профиль кургана, NN 3 - 4 - план и профиль погребения.

ет относиться с особой осторожностью, так как в рисунке заметны явные признаки, присущие графическим реконструкциям, выполненным отнюдь не в поле. Слишком правильная анатомическая прорисовка скелета в некоторых деталях не соответствует описанию, например раздавленный череп изображен как целый (рис.2,3-4). На рисунке отсутствует изображение рукояти меча, форма которой охарактеризована в отчете, наконечник ножен расположен слева, хотя (по описаниям) он находился справа или между бедренными костями, к тому же он нарисован без соблюдения масштаба.

Изображение металлических украшений пояса несет все признаки реконструкции (рис.2,4). Недостаточно детализированные пассажи присутствуют в тексте отчета; таковы описания «щита» и «пояса». Необходимо отметить, что версию о щите сразу же не принял Н.И. Веселовский, расценивший находку как пластинчатый доспех[15], к такой оценке полностью присоединился и М.И.Ростовцев[16]. Этого же мнения придерживались М.И.Артамонов[17], Т.Н.Троицкая[18], а В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин допускали присутствие в могиле либо панциря, либо щита[19]. В.Ю. Мурзин, очевидно, основываясь на обстоятельном исследовании Е.В.Черненко[20], в одной из сравнительно недавних работ писал о щите[21]. Наличие портупейного пояса с металлическими украшениями сомнений не вызывало, однако уже М.И. Ростовцев отмечал неясность назначения золотых украшений так называемых пуговиц (рис. 4,9 11)[22]. Несомненно, существует вопрос об интерпретации упомянутого в отчетах «ложа», на котором покоились останки человека (рис. 2,3 4).

Исследователь кургана А.Х. Стевен писал о том, что форму погребального сооружения проследить не удалось. М.И.Ростовцев признавал, что «форма погребения остается... не вполне ясной»[23]. В.А.Ильинская и А.И.Тереножкин считали отчетные материалы достаточными для реконструкции могильного сооружения в виде прямоугольной ямы[24].

Данные о расположении кургана можно считать достаточно общими, но не содержащими противоречий. В наиболее полном виде они приведены у А.Х.Стевена. Курган находился на землях помещика Нестроева в 5 верстах в направлении от Симферополя на Сарабуз (пгт.Гвардейское) и в одной версте от почтовой дороги на Евпаторию, на возвышенности правого берега Салгира. Единственная возвышенность, полностью отвечающая такому описанию, находится к северу от Симферополя, на территории современного поселка Молодежный (рис.1). Микротопоним «Золотой курган» в это время уже использовался местными жителями. Не исключено, что он возник вследствие удачного ограбления одного из погребений, некогда находившегося в этом кургане. В 1973 г. Северо-Крымская экспедиция (исследователь В.А.Колотухин, руководитель экспедиции А.А.Щепинский) завершила раскопки Золотого кургана, разобрав остатки насыпи на снос. Были обнаружены несколько погребений эпохи бронзы. Находок скифского времени уже не было.

Сведения о размерах кургана можно получить только из отчетов прошлого столетия . Его высота, по сообщению А.Х.Стевена, составляла 4 1/2 арш. около 3,1 м. М.И.-Ростовцев, со ссылкой на рукописный отчет Н.И.Веселовского, приводит иную цифру 1,78 м. Однако, описание стратиграфии кургана в статье Стевена, с указанием мощности слоев, полностью соответствует высоте в 3 м. Окружность составляла 46 сажен, или

96,12 м. Здесь данные Веселовского и Стевена совпадают; в таком случае, диаметр был несколько более 28 м. При описании стратиграфии А.Х.Стевен указывает, что подерновым слоем скрывался слой камня[25].

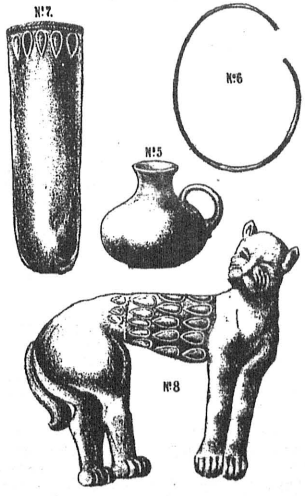


Рис.3.
Инвентарь погребения (по Стевену). N 5 - гончарный сосуд, N 6 - гривна, N 7 - нижняя обкладка ножен, N 8 - пантера - украшение горита (рисунок искажен художником)

Скорее всего, это каменная облицовка насыпи кургана. К сожалению, на рисунке Кашпара курган изображен без соблюдения масштаба (рис. 2,1 2). Методика раскопок была традиционной для своего времени. Вскрышные работы велись тремя небольшими траншеями с несколькими неглубокими минами[26]. Самый большой раскоп шириной 2 1/2 сажени (5,7 м) разрезал насыпь от центра до юго-восточной полы (рис. 2,1).

В 1890 г. в кургане были обнаружены 4 погребения, 3 из них относились к эпохе бронзы[27]. Впускная скифская могила, судя по плану кургана (рис. 2,1), находилась в нескольких метров к ЮВ от центра на уровне поверхности материка.

Контур погребального сооружения не зафиксирован. Но в отчетах присутствует описание покатого «ложа», ориентированного с северо запада на юго восток, или с запада на восток ; размером 2,59 х 0,76 м. Ориентировка погребения на плане кургана позволяет думать, что оно развернуто с запада на восток, возможно с небольшим отклонением (рис. 2.4). Перепад высот между западной и восточной оконечностями превышал 45 см; подобный наклон мало характерен для дна могил. Скорее всего, аргументом в пользу существования в могиле двух уровней служит рисунок Кашпара, на котором сосуд, найденный в могиле, изображен стоящим у восточной оконечности «ложа», несколько ниже его (рис. 2.3). Однако выше я уже писал об особенностях этого рисунка. Размеры, скорее всего, определены по доскам, которыми было покрыто «ложе». В отчете А.Х. Стевена есть прямое указание на то, что голова, грудь и таз погребенного покоились на щите овальной формы, а ноги на досках. В Степной части Скифии деревянные настилы известны в это время в Аджигольских курганах, и в первой Завадской могиле[28]; деревянные полы и настилы нередки в Лесостепи и в могильниках греческих городов Северного Причерноморья. Возвышения в могилах скифского времени зафиксированы на Среднем Дону[29]. И все же, признавая существование грунтовой прямоугольной ямы, следует согласиться с мнением М.И.Ростовцева о том, что форма погребального сооружения остается непонятной в деталях, однако его размеры вряд ли намного превышали размеры настила, так как остальные предметы, даже кость лошади, были обнаружены на костяке или непосредственно рядом с ним.

Скелет человека лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Для скифов ранней, средней и поздней поры вполне типична западная ориентация с некоторыми отклонениями к северу или к югу. В могиле находились: гончарный сосуд, панцирь или щит с чешуйчатой бронеи, остатки колчана и лежавшего там же лука, меч, пояс с бронзовым набором, нашейное украшение в виде гривны. На ногах прослеживались остатки кожаной обуви, на груди найдена лопатка лошади.

Гладкая золотая гривна диаметром 17,5 см, с сужающимися закругленными концами (рис. 3.6), датирована В.Г.Петренко концом VI-V в. до н.э.[30] Использование шейного украшения такого типа в иранской традиции свидетельствует о высоком со-

циальном статусе человека.

По мнению А.Х.Стевена, под костяком лежал овальный, несколько вогнутый щит размером 1 арш. 12 вершк. х 1 арш. (120 х 71 см) с покрытием из железных чешуек, густо набитых на дерево. Там же найдены остатки истлевшей одежды (?), множество кусков кожи и дерева. С железом скипелись две бронзовые пластинки, круглая диаметром 1,5 см, с отверстием посредине и продолговатая, длиной 5,6 см[31]. Из приведенного описания и противоречивых оценок находки понятно, что «щит», как таковой, расчищен не был. Выше мы отмечали, что Н.И.Веселовский изначально (на наш взгляд совершенно правомерно) посчитал предмет остатками панциря.

Действительно, обилие кожи логично связать с кожаной основой панциря, а дерево считать остатками дощатого настила, находившегося ниже. Захоронения воинов на панцирном доспехе известны у собственно степных причерноморских скифов с позднейшей архаической или начала средней поры, то есть с момента их массового «археологического» появления. Таково погребение в кургане у с. Кара Кият (Фруктовое), исследованное Н.И.Веселовским и А.О.Кашпаром северо западнее Симферополя в 1895 г.,[32] погребение у Вишневки в Степном Крыму[33], в Степном Причерноморье погребения в кургане N6 у Александровки («Самарский»)[34] и у Новой Розановки[35]. Нередки они и в более поздних катакомбах.

Серьезные сомнения в интерпретации находки как панциря могло вызвать то, что железные пластины высотой 5 и шириной 1,7 см (точные размеры пластин 4 х 1,7 и 4 х 2,5 см[36]), по мнению М.И. Ростовцева, были скреплены бронзовыми гвоздиками с широкими шляпками[37]. Однако Е.В. Черненко, сторонник интерпретации находки в качестве щита, познакомившись с остатками изделия, хранящимися в Эрмитаже, обнаружил не гвозди, а небольшие бронзовые бляшки с отверстием в центре, явно декоративного назначения[38]. В остальном, остатки чешуйчатого набора не отличаются от панцирных. Конструктивных частей, которые можно было бы однозначно рассматривать как остатки щита, в коллекции не обнаружено. Следовательно, реальным аргументом в пользу того, что в могиле находился щит, остается интерпретация А.Х. Стевена, не принятая Н.И. Веселовским, и овальный контур на плане погребения, нанесенный рукой Кашпара (рис.2,4). Единственным косвенным подтверждением тому, что в могиле все-таки мог находиться щит, служит аналогия, приведенная А.И. Мелюковой[39], пишущей о том, что в 1963 г. близ Запорожья был обнаружен наборной щит, лежавший под спиной погребенного. Однако, к какому бы мнению не склонялись исследователи, следует помнить, что достоверных сведений о том, что находилось в могиле - щит, панцирь, или (что наиболее вероятно) несколько предметов с чешуйчатой броней, а не нарисованный Кашпаром неподъемный щит, - мы уже не получим.

Свидетельство о находке в погребении остатков кожаного портупейного пояса, ук-

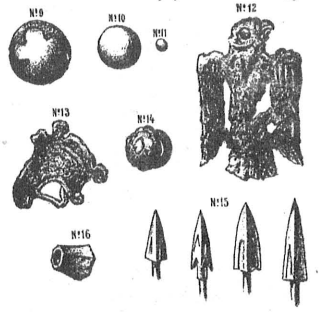


Рис.4.
Инвентарь погребения (по Стевену). N 9 - 10 - « золотые пуговицы» - украшения портупеи, 11 - «золотые пуговицы» - детали крепления лопасти к ножнам, NN 12 - 14 - бронзовые украшения пояса, N 16 - бронзовая ворварка, N 15 - бронзовые наконечники стрел.

рашенного бронзовыми бляхами со скобами на оборотной стороне (рис. 4.14), в определенном М.И.Ростовцевым[40] объеме принято всеми исследователями. Кожаные портупейные пояса (в том числе и пояс из Золотого кургана) подробно рассмотрены в работах Е.В.Черненко и А.И.Мелюковой[41]. Металлические детали пояса были обнаружены в области таза[42]. Концы пояса украшали четыре бронзовые фигурные бляхи (рис. 4, 12-13). Крайние с изображениями орлов с опущенными крыльями, у которых туловища и головы развернуты в профиль (рис. 5,1). За орлами располагались головы грифонов в профиль (рис.5,3). Аналогичные бляхи с изображением орла и грифона настолько похожие, что можно было бы предполагать изделия одного круга были найде-

Рис.5.

Инвентарь погребения (по Ильинской, Тереножкину): 1 - бронзовое украшение в виде фигурки орла, 2-фигурка пантеры, 3- бронзовое украшение в виде головы грифона, 4 - наконечник ножен, 5- гончарный сосуд, 6 - щиток серьги-заушницы (по Артамонову), 7 - бронзовые наконечники стрел (по Мелюковой)

ны в Журовских курганах «Г»[43]. Вопрос о более точной датировке журовских находок внутри хронологического отрезка, ограниченного последней третью VI-первой (или даже второй) четвертями V в. до н.э. сейчас решается в пользу более поздней даты металлических изделий по отношению к сосудам[44].

Опубликованные сосуды (самосский лекиф и кольцевой аск) имеют широкий круг аналогий в ольвийском некрополе в комплексах, датируемых последней третью концом VI в. до н.э.[45] Два других сосуда, которые могли бы уточнить хронологию курганов, известны лишь в описании[46]. Следовательно, основанием для определения времени журовских бронз могут служить лишь украшения из Золотого кургана.

К этому же поясу (?) М.И.Ростовцев отнес 40 литых «пуговиц» с рельефным орнаментом (рис.4,14), очень похожих на украшения конской узды из кургана 499 у с. Басовка. Погребение в кургане 499 датируют первой половиной V в. до н.э.[47]

В области таза были найдены несколько бронзовых «трубочек» (рис. 4,16). Ростовцев высказал предположение о том, что 7 гладких и шестигранных ворварок украшали конец кисти, крепившейся к эфесу меча[48]. Подобное заключение интересно, но, кажется, не подтверждается аналогиями. Остановимся подробнее на находках. Из публикации Стевена известно, что несколько ворварок обнаружены в области таза; число их не указано. При описании колчана упоминается пять бронзовых «трубочек», лежавших вместе со стрелами; у Ростовцева эта деталь не отмечена. Исследователь, пользовавшийся каталогом Г.Е.Кизерницкого [49], скорее всего, указал общее количество находок. В протоколе заседания ТУАК, зафиксировавшем поступление вещей в музей Таврической ученой архивной комиссии, ворварки не упомянуты[50], следовательно все они поступили в Эрмитаж. Если это так, то лишь 2 ворварки были найдены в области таза, они могли находиться на ремнях или ремне, служившем для соединения концов пояса. Впрочем, круг их применения окажется значительно шире в том случае, если в могиле дей-

ствительно находился наборной доспех.

Одним из наиболее сложных для интерпретации предметов является меч в кожаных (?) ножнах, украшенных золотым наконечником (рис.3,7; 5,4), названный небольшим железным акинаком (?). По описанию Стевена, он находился между бедренными костями[51]. Однако, по отчету Веселовского, меч располагался с правой стороны[52], а на рисунке Кашпара наконечник ножен изображен слева, без масштаба и, несомненно, выше, чем следует из описания (рис.2,4).

Анализ изображений мечей на скифских изваяниях, проведенный В.С.Ольховским, свидетельствует о том, что в конце VI и в V вв. до н.э. мечи, как правило, крепились к поясу спереди, а рукоять была развернута вправо[53]; таким и был способ подвески меча в Золотом кургане. Предположение о точности рисунка Кашпара, которое могло бы свидетельствовать в пользу ритуального травестизма в погребальном обряде, или ношения меча на перевязи, представляется наименее вероятным.

Размеры полностью железного меча, распавшегося на куски, в отчетах не указаны; форма перекрестия не определена. О форме навершия можно судить по сообщению В.Ю.Мурзина: «Навершие акинака состоит из двух близко сходящихся волют, образуя как бы кольцо»[54]. Подобному описанию отвечает форма навершия меча из кургана 401 у Журовки (погребение датируется рубежом первой второй, второй четвертью V в.до н.э.[55]) и изображение наверший меча и кинжала на Мелеровском изваянии, относящиеся к концу VI или первой трети V в. до н.э.[56] О форме рукояти известно лишь то, что она, предположительно, была охвачена железными кольцами[57]. Насколько далеко простирается реконструкция авторов отчета в этом случае, сказать трудно, однако горизонтальное рифление на краях рукоятей можно наблюдать на близких по времени скифских мечах из кургана Шумейко, кургана 2 у Райгорода, кургана 401 у Журовки, изображении мечей на Кировоградском изваянии второй половины VI-начала V в. до н.э., Калининском изваянии V в. до н.э.[58] и на более поздних скифских мечах.

Размеры кожаных, а скорее всего, конструктивно более сложных ножен, не зафиксированы. Нижняя их часть была украшена золотой пластиной 18,8 х 5,8 см[59] (рис.3,7; 5,4), со скругленным нижним концом и загнутым краем, пришитым к основе[60]. Верхний край пластины украшен 4 рядами золотой проволоки с внутренней разделкой под веревочный орнамент. Ниже пять миндалевидных проволочных гнезд для эмали, под каждым из них припаян небольшой золотой шарик. Как пишет М.И. Ростовцев: «Овал оборота загнутой бляхи был заполнен припаянным куском золотой бляхи в виде полумесяца»[61]. Очевидно, наконечник закольцован так же, как и наконечник из кургана N 6 у Александровки. Эта же деталь позволяет провести параллель с Острой Томаковской могилой, в которой найдена золотая лунница, декорированная треугольниками из зерни[62], и с литейной формой второй половины VI-начала V в. для отливки различных предметов (в том числе и лунниц), происходящей с Березани[63]. Ножны с такой же орнаментацией наконечников происходят из Острой Томаковской могилы и шестого кургана у Александровки[64] Они относятся к типу изделий, особенности которых хорошо видны на вотивном акинаке из Меджидии[65]. Ножны мечей из Фетерсфельде-Виташкова и кургана у хут. Шумейко можно отнести к близкому, но иному типу. По давно устоявшемуся мнению исследователей, это произведения греческой торевтики ольвийской, пантикапейской или ионийской[66]. Последнее определение может иметь самый широкий смысл.

Ближайшей параллелью ножнам из Золотого кургана могут служить ножны из кургана N 6 у Александровки, наконечник которых отличается иным характером закольцовки, несколько большими размерами и числом напаянных под гнездами шариков. Верхняя часть не имела (или ко времени помещения меча в могилу уже не имела) золотой обкладки. К ней крепилась лопасть, декорированная золотой пластиной с изображением вепря. Этот сюжет имеет широкий круг аналогий в Причерноморье и известен на Ближнем Востоке[67] .

Для дальнейшей интерпретации ряда находок из Золотого кургана важно описание способа крепления лопасти к ножнам из Александровского кургана. «Вдоль нижнего прямого края пластины пробито 21 сквозное отверстие, служившее для соединения с основой ножен. Для этой цели предназначались золотые полусферические бляхи диаметром 0,4 см с напаянной петлей на внутренней стороне»[68]. Аналогичные следы крепления лопасти можно видеть на ножнах из Острой Томаковской могилы[69]. Так же крепились лопасти очевидно более поздних мечей из первого и шестнадцатого курганов, раскопанных в начале XX столетия у Елизаветовской станицы[70] . М.И.Рос-

товцев вполне определенно отделил от украшений собственно пояса следующие предметы, найденные в области таза: две круглые золотые пуговицы со скобами, диаметром 15 мм (рис.4,9,10), 25 маленьких золотых пуговиц со скобами, диаметром 5 мм (рис.4,11). Впрочем, как сообщает Стевен, их обнаружили при просеивании земли[71]. На костяке (в области таза) нашли и золотую пуговицу со скобой диаметром 25 мм, щиток которой был украшен треугольниками из филиграни (рис.4,9), 25 малых «пуговиц» (на основании аналогий, приведенных выше) служили для крепления лопасти к ножнам. Ее металлическая бляха, скорее всего, была утрачена еще в древности. Параллельно возникает вопрос, а не было ли первоначально у ножен верхней золотой обкладки, совершенно естественной при подобном способе соединения ножен и лопасти? «Пуговицы» диаметром 15 мм, по форме и размеру не отличаются от круглой золотой бляхи, найденной рядом с мечом в тайнике Александровского кургана; тут же находилась рельефная золотая бляха с зооморфным мотивом, названная исследователями «скарабеем»[72]. Можно думать, что такие бляхи использовали для портупейных креплений мечей к поясу. Видимо, этой же цели служила и третья, орнаментированная пуговица. Она оригинальна, на первый взгляд, но в сущности не столь уж сложна в интерпретации (рис.5,6). Это округло-выпуклый щиток серьги-заушницы, аналогичной найденным в Ёмчихе и в Ольвии; может быть отнесен к кругу украшений ионийского или ольвийского производства[73]. Комплексы ольвийского некрополя с такими серьгами датируются третьей и последней четвертями VI в. до н.э. и неизвестны позднее конца VI-начала V в. до н.э.[74] Скорее всего, в число украшений меча этот щиток попал при одном из вполне вероятных ремонтов. В силу сказанного, дату меча не следует чрезмерно строго увязывать с датировкой серег ольвийского типа.

Остатки деревянного, обтянутого кожей «колчана», содержавшего по данным Веселовского 180, а по Стевену около 200 разнообразных (рис.4,15) наконечников стрел, найдены слева от костяка на уровне берцовых костей. Пять ворварок высотой 3 см, находились вместе со стрелами и могли размещаться на концах ременных частей налучья. Его вполне убедительная реконструкция предложена Е.В. Черненко: «Слева от погребенного лежал «колчан», покрытый серебряной пластиной (рис.2,4). Судя по ее рисунку на плане погребения, он имел вытянутую форму, слегка расширяясь вверху и сужаясь книзу. Вдоль верхнего края пластина была украшена четырьмя овалами. Судя по масштабу (выше я уже писал о «масштабности» рисунка *Кашпара С.К.*), пластина имела длину 40 см, ширину до 15 см. Над пластиной лежала бронзовая рельефная фигурка хищника (львицы?) со скульптурной головой, повернутой в фас (рис.5,2)... Очевидно, в этом кургане был горит, а не лук с колчаном, и серебряная пластина покрывала только ту часть, где помещались стрелы».[75] В основе реконструкции Е.В.-Черненко лежат отчет Н.И.Веселовского и рисунок А.О.Кашпара. Однако А.Х.Стевен описывает предмет несколько иначе. Судя по некоторым деталям, это описание основано на личных впечатлениях, возникших в процессе расчистки:

«Далее, от левого колена и до стопы находился колчан со стрелами; верхняя часть колчана была украшена... фигурою львицы (рис.2,8)... с такими же украшениями, как и на ножнах. Колчан был, очевидно, деревянный, обтянутый кожею (остатки того и другого явственно сохранились) и был наполнен стрелами числом до 200, разнообразных форм и величин, с древками, которые однакоже от прикосновения распадались, а сохранились лишь небольшие кусочки, на которые надеты были наконечники стрел из меди». И лишь затем, после описания щита, сообщает: «Кроме того... оказалась масса истлевшей одежды, и на ней попалась тонкая серебряная бляха, множество кусков истлевшей кожи и дерева»[76]. Не столь однозначно и описание колчана у М.И.-Ростовцева: «...колчан был деревянный, может быть, обтянутый серебряным листом, куски которого были найдены с 180 наконечниками стрел»[77].В этой ситуации, реконструкцию Е.В.Черненко следует признать наиболее вероятной, а в плане определения находки как горита очевидно бесспорной. Однако достоверность ее деталей может подтвердить лишь изучение остатков серебряной пластины, если они сохранились.

Выше предполагаемой пластины лежала литая бронзовая фигурка «львицы», длиной 8,8 см, с плоским рельефным туловищем в профиль и объемной головой, повернутой в фас (рис.5,2). На обороте находилась скоба[78]. Туловище обернуто золотым листом с напаянными на него миндалевидными проволочными гнездами для цветной эмали. По краям этот участок был опоясан перевитыми проволочками. Бронзовые бляхи, сочетающие объем и низкий рельеф, хорошо известны в скифских памятниках лесостепи первой половины V в. до н.э. Та-

ковы фигурки кошачьих хищников на украшениях конского убора из кургана 401 у Журовки, обтянутая золотым листом фигурка быка из Золотоношского уезда Полтавской губернии, ранее, очевидно, ошибочно включавшаяся в комплекс вещей из кургана Шумейко[79]. Причины ошибки убедительно раскрыл А.Ю.Алексеев[80].

Безусловно, ближайшей аналогией пантере из Золотого кургана следует считать изображение этого же хищника на пластине из Журовских курганов «Г». Но этот предмет может быть датирован только на основе даты пантеры Золотого кургана. Близкой композиционной аналогией изображениям из Журовки и Золотого кургана может послужить более грубое, но принципиально такое же изображение кошачьего хищника на бронзовом налобнике из Макеевского кургана 491[81]. Чрезвычайно важно то, что комплекс погребения содержит разнообразную и хорошо датируемую античную посуду. Второй налобник из этого же комплекса объемная передняя часть фигурки кошачьего хищника в фас выполнен так же, как и передняя часть пантеры из Золотого кургана. Макеевское погребение датировано первой половиной V в.до н.э. Однако такая хронология представляется нам неоправданно расширенной.

Самосский лекиф относится к концу VI рубежу VI-V вв. до н.э.[82], аттическая чернолаковая чашка к рубежу столетий или к началу V в.до н.э.[83] Близким временем, судя по расписной посуде из коллекции Государственного Эрмитажа[84], может быть датирован чернофигурный скифос с изображениями Диониса, Ариадны и сатиров, отнесенный Н.А.Онайко к кругу мастера Тезея начала V в.до н.э.[85] Произведения мастера Тезея Дж. Бордман датирует концом VI в. 480 г.до н.э., однако, рисунок на сосуде, по мнению И.И.Вдовиченко, ближе группе Крокотос, относимой Бордманом к концу VI в.до н.э.[86] Присутствие в этом же комплексе бляхи с изображением свернувшегося хищника, выполненной в стиле украшений из Басовского кургана 499, позволяет связать появление бронзовых блях данного типа в Северное Причерноморье со временем не позднее первой четверти V в.до н.э. Бляхи из погребений в кургане N 6 у Ковалевки и кургана Ю.А. Кулаковского в Крыму[87] представляются мне более поздними, относящимися ко второй четверти середине V в. работами греческих мастеров.

Изучив стилистические особенности фигурки пантеры из Золотого кургана, В.А. Ильинская посчитала ее изделием греческого мастера[88], с чем следует полностью согласиться. Изображение «попоны» на туловище пантеры позволяет высказать предположение о том, что мастер мог рассматривать этот образ как аналог известной пантере Дионисийского цикла.

А.И. Мелюкова классифицировала 139 из 200-180 бронзовых наконечников стрел из Золотого кургана (рис.5,7) и отнесла их ко второй хронологической группе стрел (VI-V вв.до н.э.)[89]. 5 наконечников типа 6.4 двухлопастные, ромбовидные в сечении с внутренней втулкой (рис. 5,7,11). Аналогичные наконечники найдены в могиле 66 ольвийского некрополя, исследованной в 1911 г. Могилы с близкими номерами, вероятно, находившиеся на этом же участке, датируются концом VI-началом V в. до н.э.[90] Наконечник стрелы типа 3.7 отнесен ко второй хронологической группе скифских стрел.

Наконечник стрелы типа 4.1 рассмотрен в числе стрел, появляющихся в конце VI в. до н.э. и широко распространенных в середине второй половине V в. до н.э. и позднее.

Сто девятнадцать наконечников принадлежат к типу 1-2,6, господствующему во второй хронологической группе, двенадцать стрел относится к типу базисных башнеобразных (тип 9.3), датируемых этим же временем. Близкие по пропорциям стрелы известны в колчанном наборе скифского погребения из кургана N6 у Александровки[91], которое авторы раскопок склонны датировать концом VI в. до н.э.

Один наконечник включен в тип 10.2 (рис.5,7,9). Такие стрелы редки в колчанных наборах и в значительном количестве встречены лишь в Марицинском (Аджигольском) кургане 1 G второй четверти V в. до н.э. и в кургане у Жовнино. Подобный наконечник известен в погребении из Днепрорудного[92], которое на основании датировки аттической чернолаковой чашечки 480 г. до н.э.[93] можно отнести к концу первой второй четверти V в.до н.э.

В свое время В.А.Колотухин указал автору на отсутствие в колчанном наборе стрел архаического типа, что может свидетельствовать в пользу его заметного омоложения. Однако судя по стрелам из курганов у Александровки и Вишневки, в них практически нет собственно архаических наконечников. Следует согласиться с А.Ю.Алексеевым перед нами новые виды колчанных наборов, появляющиеся в степи в конце VI или

начале V вв.[94] . С другой стороны, из 200-180 стрел, находившихся в горите, А.И.Мелюковой удалось классифицировать только 139. Среди остальных 40-60 стрел могли быть самые разнообразные типы.

В ногах, вне деревянного настила и, судя по рисунку Кашпара, несколько ниже его, стоял красноглиняный сосуд высотой 25 см (рис. 3,5) с округлым туловом на кольцевым поддоне и одной ручкой, прикрепленной к плечику. По мнению Ростовцева, сосуд по форме близок позднесамосским ойнохоям[95]. В.А.Ильинская и А.И.Тереножкин, приведя другой рисунок сосуда (отличающийся в деталях (рис. 5,5), определили его как позднесамосский кувшин конца VI-начала V в. до н.э.[96] А.Ю. Алексеев, неоднократно затрагивавший в своих работах, посвященных памятникам V в., Золотой курган и датирующий его в настоящее время в рамках первой половины V в. до н.э., своего мнения по поводу сосуда не высказал.

Судя по приведенным аналогиям, комплекс вещей в погребении Золотого кургана имеет достаточно широкие хронологические рамки. Ножны меча, скорее всего, неоднократно подвергавшиеся ремонту, возможно, относятся еще к VI в.до н.э. Сам меч (изделие, скорее всего, более позднее) относится к концу VI-первой половине V в. до н.э. В рамках конца VI-первой половины V в. может быть датирован набор стрел и бронзовые ворварки. Украшение горита (пантера) датируется, очевидно, концом VI-первой четвертью V в.до н.э., сосуд рубежом VI-V вв.до н.э. Наиболее предпочтительной датой самого погребения представляется первая четверть V в.до н.э. Значительное омоложение или удревнение комплекса выглядит мало вероятным.

Круг близких по обряду степных захоронений тяжело вооруженных воинов конца VI-первой половины V в.до н.э. определен С.И.Андрух[97]. Это погребения в курганах у Новорозановки и Александровки (Самарский) и погребение в кургане у с. Вишневка в Степном Крыму. Очевидно, к этой же группе относится не только разграбленное погребение в Острой Томаковской могиле, а возможно и несколько других, менее ярких погребений (к сожалению, разграбленных). В Крыму к памятникам этого круга можно отнести и погребение 3 в кургане 1 (Кара Киятском) на землях Талаевой близ Симферополя, исследованное Н.И.Веселовским в 1895 г. Количество таких захоронений увеличивается во второй половине-конце V в.до н.э.

Вишневское погребение датировано С.И.Андрух рубежом VI-V - первой половиной V в. до н.э.[98] Набор стрел выглядит столь же ранним, как и в Дзюбиной могиле или шестом Александровском кургане[99], что позволяет предположить датировку, близкую первой четверти V в.до н.э. Погребение в кургане на землях Талаевой[100], судя по наконечникам стрел и лепному орнаментированному сосуду[101], относится к первой половине V в. до н.э.

Захоронение у Вишневки было совершено в северной поле кургана эпохи бронзы, в узкой овальной могильной яме длиной не менее 2 м и шириной до 0,8 м. Скелет лежал головой на запад на развернутой чешуйчатой броне. В защитный комплект входили панцирь, набедренники, наголенники. Наступательное оружие было представлено тяжелым копьем, акинаком с ножнами, украшенными тремя золотыми розетками, луком и стрелами, находившимися в горите. К гориту крепилось конусовидное золотое украшение на железной основе.

Погребение в кургане 1895 г. на землях Талаевой совершено в северной части насыпи в могиле размером 2,1 х 1,1 м. Скелет лежал на наборном панцире в вытянутом положении на спине, головой на запад. Среди находок следует отметить меч, длиной 1 арш. (около 70 см), положенный поперек ног, остатки колчана с 33 наконечниками стрел у левой ноги, две ворварки, бронзовое украшение и бронзовую пряжку(?), железный нож, чернолощеный лепной кубок с врезным орнаментом.

Судить о погребальном обряде ограбленных захоронений в Дзюбиной и Острой Томаковской могиле не приходится. Арцизский курган выделяется захоронением коня; подобного не прослежено в других, неограбленных могилах, однако памятник вполне справедливо отнесен к более поздней хронологической группе[102]. В остальном это погребение воина почти того же типа, что и в Вишневке, Александровке, Золотом кургане и Кара-Киятском кургане. Последние захоронения представляются нам наиболее близкими по обряду. Во-первых, все они впущены в полы уже существовавших курганов; очевидно, какие-то причины «идеологического» или практического характера не позволяли совершить погребения в сакральном ядре, центре кургана. Во всех случаях близки размеры и ориентация могил. В Золотом кургане и в кургане у Александровки засвидетельствовано использование дерева. Тела умерших покоились на развернутом доспехе. В Александровке и Вишневке тип доспеха практически совпадает. По нашему мнению, доспех из Золотого

кургана также мог состоять из нескольких предметов.

Существенное отличие заключено в гривне, свидетельствующей об особом статусе тяжеловооруженного всадника из Золотого кургана. Строгую и сложную социальную иерархию скифского общества следует считать доказанным фактом. В последнее время в литературе о скифских древностях стала вполне корректной ссылка на Ксенофонта, перечислившего инсигнии военно административной власти в персидской державе конца V в.до н.э. Артапат, один из скипетроносцев Кира, обладал золотым акинаком, гривной, браслетами и рядом других украшений.

Сиенесий (царь киликийцев) получил от Кира в качестве дара коня с золотой уздой, гривну, браслет и золотой акинак. В Золотом кургане (в силу специфики условий и особенностей скифского погребального обряда) присутствуют два предмета из этого перечня меч и гривна. В материковой степи эти же изделия обнаружены в комплексе вещей из Острой Томаковской могилы[103]. На особую близость захоронений из Симферопольского и Томаковского курганов указывали В.А.Ильинская и А.И.Тереножкин[104]. Могила в Томаковском кургане была найдена при случайных обстоятельствах, уже после завершения раскопок, в неисследованной, очевидно периферийной, части кургана. Среди уцелевших золотых изделий: гривна, обкладки рукояти и ножен меча, конус, лунница с зернью и эмалью. Конус, как правило, служил украшением горита. В Золотом кургане вместо конуса лежал иной предмет такого же назначения фигурка пантеры. Следовательно, комплексы престижных вещей из Золотого и Острого Томаковского курганов практически совпадают и свидетельствуют об очень высоком социальном положении похороненных в них предводителей военных формирований Степной Скифии периода формирования скифского этноса[105]. Вероятно эти вожди стояли во главе крупных военных отрядов скифских орд, заселивших где-то у рубежа VI-V вв. степные пространства Северного Причерноморья. Судя по тому, как последовательно А.Ю. Алексеев стремится довести нижнюю хронологическую границу первой группы скифских древностей классического периода до 515 г. (наиболее вероятного времени похода Дария и совершенно обоснованно видя в нем один из рубежей скифской истории), процесс создания Скифии с центром в Северопричерноморской степи мог начаться незадолго до персидского вторжения или (что более вероятно, исходя из археологического контекста) вскоре после него. Новые типы вещей позволяют увидеть ряд параллелей с древностями восточных пространств Евразии[106]. Однако основываясь на «эллинизированных» материалах Золотого кургана, не представляется возможным отвечать на основной вопрос каким было начало этого процесса. Можно лишь утверждать, что конец VI-первая четверть V в. до н.э. тот рубеж, с которого новая Скифия, описанная (?) спустя несколько десятилетий Геродотом, становится объектом археологического исследования. Появление в это время одного из скифских отрядов в Крыму свидетельствует о том, что степные кочевники могли оказывать (и несомненно оказывали) самое серьезное влияние на жизнь ранних греческих апойкий не только в восточной, но и в западной части полуострова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ОАК,1890. С.4-5.
2. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 397 400, 410 412.
3. Сошлюсь лишь на основные работы, дающие некоторые дополнительные характеристики к отчетному материалу, или нетрадиционную интерпретацию отдельных находок: Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага Ленинград, 1966. С.29-30; Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. С.73. К этой же традиции следует отнести и мнение Г.Н.Курочкина, рассматривавшего погребение в Золотом кургане как типичное для скифской знати «средней руки»: Курочкин Г.Н. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII-VII вв. до н.э. и курган Арджан// Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 110.
4. Ильинская В.А.,Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. К., 1983. С.109. Близкую оценку Золотого кургана можно найти и у Б.Н. Мозолевского. См.: Мозолевский Б.Н. К вопросу о скифском Герросе // СА. 1986. N 2. Однако относя могилу к числу погребений скифской аристократии, исследователь не делает акцент на сходстве погребального инвентаря Острой Томаковки и Золотого кургана.
5. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // АСГЭ. Вып. 31. Л., 1991; Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII-IV вв. до н.э.:

историко археологический очерк). СПб. 1992.
6. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография... С.44-51.
7. Алексеев А.Ю. Ук. соч. Рис. 2,14.
8. Стевен А.Х.Раскопка курганов близ Симферополя летом 1890 года. ИТУАК, в. 11. Симферополь, 1891; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 397-400; Черненко Е.В. Скифский доспех. К., 1968. С.105 106; Граков Б.Н. Скифы. М.,1971. С.73; Ильинская В.А.,Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. С. 109; Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. К., 1994. С.37.
9. Автор сознает слабые стороны своей статьи. Безусловно, работу по скифским древностям Крыма, обнаруженным в XIX веке, более уместно подготовить в Санкт-Петербурге на основе коллекции, хранящихся в Государственном Эрмитаже, может быть в форме свода археологических источников на материалах, происходящих из курганов, раскопанных в Пантикапейском и Нимфейском некрополях, в Предгорном и Степном Крыму. К сожалению, такого исследования нет.
10. Стевен А.Х. Раскопка курганов близ Симферополя. С. 47 сл.
11. Стевен А.Х. Ук. соч. С.47; Маркевич А.И. Памяти Александра Христиановича Стевена // ИТУАК. N 45. Симферополь, 1911. С.23.
12. Стевен А.Х. Ук.соч. С.147-149.
13. Протокол заседания ТУАК от 5 сентября 1890 г.// ИТУАК. в. 11. 1891. С. 159.
14. Стевен А.Х. Ук.соч. С.148.
15. ОАК, 1890. С.4-5.
16. Ростовцев М.И. Ук.соч. С. 397.
17. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. С.30.
18. Троицкая Т.Н. Скифские курганы Крыма // ИКОГО. Вып. 1. 1951. С.90.
19. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв.до н.э. С. 109.
20. Черненко Е.В. Скифский доспех. С. 105.
21. Мурзин В.Ю. Скифская архаика... С.37.
22. Ростовцев М.И. Ук.соч. С.398.
23. Стевен А.Х. Ук.соч. С.148; Ростовцев М.И. Ук.соч. С.397.
24. Ильинская В.А.,Тереножкин А.И. Ук.соч. С. 109.
25. Стевен А.Х. Ук.соч. С147.
26. Стевен А.Х. Ук.соч. С.147.
27. Ростовцев М.И. Ук.соч. С.397.
28. Яценко И.В. Скифия VII-V вв. до н.э. М., 1959. С.78;
29. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Д1-31. 1965. С.13. Чрезвычайно показательной и важной для этно-культурной интерпретации памятника может оказаться параллель с возвышениями, нередко покрытыми деревом, в погребальных сооружениях Уйгаракского могильника азиатских саков VII-V вв. до н.э. Столь же интересны найденные там же, в комплексе VI в.до н.э., пряжки в виде свернувшихся хищников, расположенные в хронологическом поле между Арджаном и Макеевским курганом N 491. Среди украшений конской упряжи из этого могильника есть композиционная и стилистическая параллель известному хищнику из Журовки, лежащему на подкововидном предмете. См. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв.до н.э. М.,1973. Не менее интересны канавки вдоль коротких стен некоторых могил, зафиксированные в архаическом некрополе Ольвии. См.: Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л.,1988. С.9.
30. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4-5. 1978. С.44.
31. Стевен А.Х. Ук.соч. С.148; Ростовцев М.И. Ук.соч. С.397.
32. ОАК, 1895. С. 14; Кашпар А.О. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные проф. Н.И.Веселовским в 1895 г.// ИТУАК. N 24. С.144.
33. Андрух С.И. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. 1988. N 1.
34. Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Скифское погребение конца VI-V вв. до н.э. у с.Александровка // Древности Степной Скифии. К., 1982.
35. Шапошникова О.Г. Погребение скифского воина на р. Ингул // СА. 1970. N 3.
36. Черненко Е.В. Ук.соч. С.105.
37. Ростовцев М.И. Ук.соч. С. 397.
38. Черненко Е.В. Ук.соч. С.106.
39. Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Д1-4. 1964. С.78.
40. Ростовцев М.И. Ук.соч. С. 397-398.

41. Черненко Е.В. Скіфські бойові пояси // Археологія. Т.XVI. 1964; Черненко Е.В. Скифский доспех; Мелюкова А.И. Вооружение скифов.
42. Стевен А.Х. Ук.соч. С.149.
43. В.А. Ильинская, А.И.Тереножкин. Ук.соч. Рис. на с.256-257.
44. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в.до н.э. Рис. 2,2.
45. ИАК. Вып. 14. 1905. Рис. 61, 62; Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. Кат. 112, 252, 106, 162, 225, 226, 230.
46. ИАК. Вып. 14. С. 26-27.
47. Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. К., 1968. С.78; Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья. САИ. Д1-33. 1977. Табл. 26,16.
48. Ростовцев М.И. Ук.соч. С.398.
49. Ростовцев М.И. Ук.соч. С.397.
50. Протокол заседания ТУАК от 5 сентября 1890 г.
51. Стевен А.Х. Ук.соч. С. 149. Мы воспроизводим план погребения по А.Х.Стевену без изменений и без учета ошибки, требующей его разворота на 180 градусов по вертикальной оси.
52. Ростовцев М.И. Ук.соч. С.398.
53. Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII-V в.в. до н.э. М., 1994. С. 73.
54. Мурзин В.Ю. Скифская архаика... С.37.
55. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. Табл.20,14;
56. Ольховский В.С. Евдокимов Г.Л. Ук.соч. Кат.76, 77.
57. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 398.
58. Мелюкова А.И. Ук.соч. Табл. 15,3,6; 20,14 ; Ольховский В.С. Евдокимов Г.Л. Ук.соч. Кат. 26.
59. Артамонов М.И. Ук.соч. С. 94, N23.
60. Ростовцев М.И. Ук.соч. С. 398.
61. Ростовцев М.И. Ук. соч. С. 398.
62. В.А.Ильинская, А.И.Тереножкин. Ук.соч. С. 98; Артамонов М.И. Ук.соч. Рис.19.
63. Островерхов А.С. Звериный стиль и античные города Северного Причерноморья // ВДИ. 1996. N 2.
64. Мелюкова А.И. Ук. соч. Табл. 19,5; Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Ук.соч. Рис.3,1.
65. Мелюкова А.И. Ук. соч. Рис. 2,2.
66. Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V веках до н.э.// САИ. Д1-27. 1966. С.20-21, 30 31. В этой работе соображения о месте производства таких вещей изложены в наиболее развернутой, но отнюдь не бесспорной форме. В пользу персидско-ионийских параллелей для Фетерсфельде может свидетельствовать не только декор меча, но и наблюдения С.А.Скорого и Е.В.Черненко над конструктивными особенностями бронзовых мечей из Фракии. См.: Черненко Е.В. Скифо-Персидская война.К., 1984. С. 59. Для мечей из кургана Шумейко и Острой Томаковской могилы является совершенно несомненным стилистическое единство в архаичном изображении животных на верхней части обкладки ножен, что позволяет считать эти предметы относящимися к одному кругу в том смысле, в котором такое определение применяют для античной расписной керамики. Например, в ином, хотя и близком («пантикапейском»?) стиле выполнены золотые ножны из Елизаветовских курганов.
67. Переводчикова Е.В. Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле // КСИА. Вып. 186. 1986. С.12 и сл.
68. Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Ук.соч. С.98.
69. Артамонов М.И. Ук.соч. Табл.65-66.
70. Артамонов М.И. Ук.соч. Табл.324,329.
71. Стевен А.Х. Ук. соч. С.148-149.
72. Ковалева И.Ф.,Мухопад С.Е. Ук. соч. С.99.
73. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв.до н.э.// САИ. Д 4-5.1978. С. 24-26.
74. Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. Кат. NN 122,170, 172, 232, 234. На щитке из Золотого кургана в альбоме Артамонова видно отверстие, расположенное в центре (рис.22), вероятно служившее для крепления львиной головки или дужки. Сам щиток сношен, зернь затерта, что могло произойти только при использовании его в качестве украшения меча.
75. Черненко Е.В. Скифские лучники. К., 1981. С. 48-49.
76. Стевен А.Х. Ук. соч. С. 149.

77. Ростовцев М.И. Ук. соч. с. 399.
78. Артамонов М.И. Ук. соч. С.105,N75. У Стевена 12 см длины, 9 высоты. См. Стевен А.Х. Ук. соч. С.149.
79. Ильинская В.А. Тереножкин А.И. Ук.соч. Рис. на стр.254,257,322; Артамонов М.И. Ук-.соч. Рис.30.
80. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография... С. 49.
81. Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья // САИ. Д1-33.1977. С.29, Табл. 13,2,3.
82. Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв.до н.э. САИ. Д1-4. 1967. С.93.
83. Sparkes B.,Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C.// The Athenian Agora. Vol.XII. 1970. Cat.976.
84. Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. Кат. 118-119.
85. Онайко Н.А. Ук.соч.С.27.
86. Boardman J. Athenian Black Figure Vases. New York, 1988. Chronological chart. P.234, P.108.
87. Галанина Л.К. Ук.соч. Табл. 26,20-23; Мурзин В.Ю. Ук.соч. Рис.24; Артамонов М.И. Ук. соч. Табл.78.
88. Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. N2. С. 79.
89. Мелюкова А.И. Ук.соч. Табл.II,32.
90. Скуднова В.М. Ук.соч. Кат. 116.
91. Ковалева И.Ф.,Мухопад С.Е. Ук.соч. Рис. 4.
92. Мурзин В.Ю. Ук. соч. Рис. 18.
93. Sparkes B., Talcott L. Op.cit. Kat. 975, 984.
94. Алексеев А.Ю. Скифская хроника.С. 106 и сл.
95. Ростовцев М.И. Ук.соч. С. 399.
96. Ильинская В.А.,Тереножкин А.И. Ук.соч. С.109, Рис. на стр. 103.
97. Андрух С.И. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. 1988. 1.С. 169.
98. Андрух С.И. Ук.соч. С. 169.
99. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография... Рис.1; Ковалева И.Ф.,Мухопад С.Е. Ук.соч. Рис. 4.
100. ОАК, 1895. С. 14; Кашпар А.О. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные проф. Н.И.Веселовским в 1895 г.// ИТУАК. 24. 1896. С.146; Троицкая Т.Н. Скифские курганы Крыма. ИКОГО. 1. 1951. С. 91.
101. Мелюкова А.И. Ук.соч. Табл.8,И; Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.,1991. Рис. 8,1.
102. Алексеева И.А., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифское погребение у г.Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. IV в.н.э.). Тирасполь. 1997.
103. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Ук.соч. С.109.
104. Ильинская В.А.,Тереножкин А.И. Ук.соч.С.109.
105. Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. К., 1990. С. 78.
106. Алексеев А.Ю. Скифская хроника. С. 108-113.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГРЕКО-РИМСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

А.В.Буйских

ЖИЛЫЕ ДОМА НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ ХЕРСОНЕСА

Современные представления об исторической топографии Северного района Херсонеса Таврического сложились благодаря систематическим исследованиям, проводимым здесь Г.Д.Беловым с перерывами более 30 лет, начиная с 1931 г.[1] Среди большого количества памятников, ставших эталонными для разработки многих важнейших проблем истории и археологии Херсонеса, далеко не последнее место занимают кварталы жилых домов эллинистического времени, исследованные этим археологом и введенные им же в научный оборот. Его основные выводы выдержали проверку временем - за прошедшие десятилетия ни у кого из исследователей не возникло кардинальных сомнений ни в планировочных реконструкциях Г.Д.Белова[2], ни в хронологической атрибуции, ни в функциональной интерпретации открытых объектов.

Ряд ценных наблюдений относительно планировки херсонесских жилых домов (по материалам Г.Д.Белова) принадлежит А.Н. Щеглову. Именно он впервые попытался связать воедино планировочные принципы, известные в жилом домостроительстве городов с регулярной системой планировки (прежде всего, Олинфа) с жилыми домами, открытыми в Херсонесе и в Калос Лимене, выявить единый модуль, принятый при их строительстве. Заслугой А.Н.Щеглова является и одна из первых научно обоснованных реконструкций - не только в планировочном и объемном отношениях, но и в попытке выделить функциональное назначение каждого помещения - дома из Калос Лимена[3].

Результаты полевых исследований Г.Д.Белова теоретически обобщил С.Д.Крыжицкий. Он подчеркнул (и это особенно важно для изучения истории античного жилого домостроительства в Северопричерноморском регионе и его сравнительной характеристики) высокую степень организации планировки города, распространение единых принципов регулярной системы планировки в пределах всего Херсонесского государства. Это, в свою очередь, способствовало относительно более высокой степени типизации жилищ, прямоугольности их планировки. Жилые дома на северном берегу были отнесены им к категории домов малой площади безордерной схемы[4]. Согласившись с планировочными реконструкциями автора раскопок в целом, С.Д.Крыжицкий предложил и свои реконструкции - как объемные, так и планировочные, исходя из установленного равнозначно-параллельного принципа планировки жилых домов Херсонеса.

Исключением из общего правила явился, пожалуй, только «дом с мозаикой» в XV квартале. Как убедительно доказал в одной из своих последних работ О.И.Домбровский, знаменитая галечная мозаика относилась не к позднеэллинистическому банному помещению, а принадлежала андрону жилого дома раннеэллинистического времени[5]. Тем не менее, крайне неудовлетворительная сохранность строительных остатков эллинистического времени в этом квартале, к сожалению, не позволила хотя бы в общих чертах попытаться реконструировать весь дом (планировочная реконструкция Г.Д.Белова, как будет показано ниже, реальности не соответствует). В связи с этим, блестящая гипотеза О.И.Домбровского, во многом основанная, к тому же, на его полевых наблюдениях, оказалась результатом тонкого искусствоведческого, стилистического и типологического анализа, не подкрепленным, к сожалению, необходимой в таком случае планировочной реконструкцией.

При такой, казалось бы, в целом вполне благополучной ситуации в исследовании жилых домов эллинистического времени в Херсонесе (имеются в виду только жилые дома малой площади на северном берегу), а также полном отсутствии новых археологических данных, способных внести коррективы в принятые уже в качестве аксиомы реконструкции, мое обращение к этим памятникам может вызвать удивление. Однако, с моей точки зрения, уже давно существует необходимость изучения античной архитектуры Херсонеса Таврического на качественно новом уровне; к этому обязывает как класс самого памятника, уникального с точки зрения сохранности градостроительного ансамбля, так и современный уровень развития мирового антиковедения. Жилое домостроительство эллинистического времени в контексте изучения общих вопросов градостроительного развития представляет одну из важных проблем этого направления, на сегодняшний день практически не исследованную, несмотря на обилие опубликованной информации.

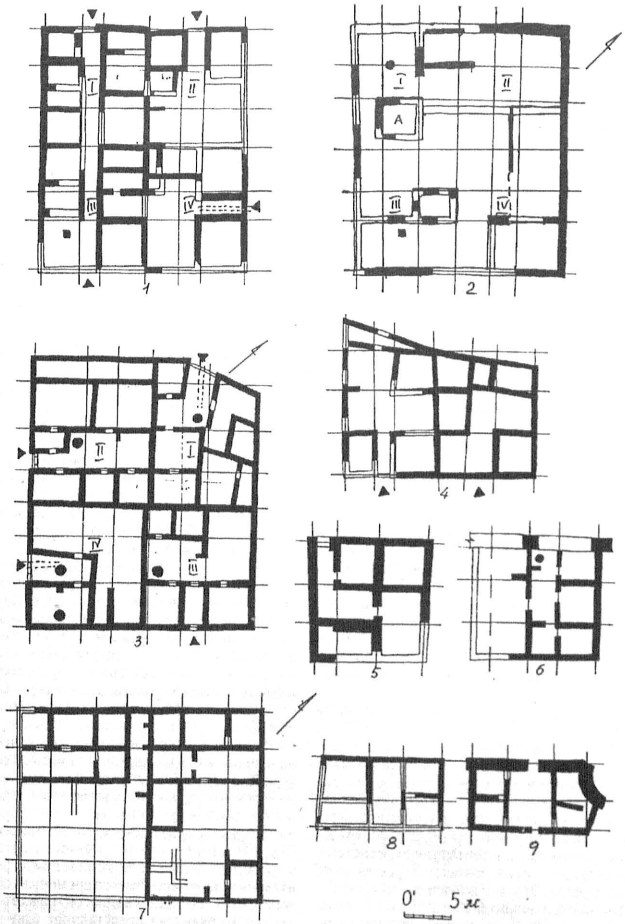


Рис. 1.
Жилые дома на берегу Херсонеса и населенных пунктов Херсонесского государства: 1-4 - Херсонес, 5-6 - Калос Лимен, 7,9 - Панское-1, 8 - Керкинитида.

Настоящая статья является частью более общей работы, посвященной градостроительному плану античного Херсонеса[6]. Однако, в силу ограниченного объема указанного исследования, вопросы рядовой жилой застройки не получили в нем желаемого освещения, что и явилось причиной повторного обращения к этой проблеме с целью более подробного ее исследования. Поэтому представляется необходимым кратко повторить некоторый выводы проделанной работы, имеющие непосредственное отношение к указанной проблеме и в данном случае принимаемые нами *a priori*[7].

В результате проведенного исследования на примере Северо-восточного района удалось реконструировать размеры жилого квартала в 75 х 200 футов стандарта 0,3265 м (дорический фут), состоявшего из 10 типовых домов, размерами 37,5-36 х 40 футов указанного стандарта (12,24-11,75 х 13,06 м), площадью в 159,85-153,46 кв. м. В данном случае, размеры жилых домов были высчитаны теоретически - как известно, в северо-восточном районе в натуре сохранились эллинистические дома намного больших размеров[8]. Для того, чтобы осуществить практическую реконструкцию всей градостроительной ситуации Херсонеса середины - второй половины IV в. до н.э. в рамках единой системы регулярной планировки, необходимо было выяснить реальность существования типовых домов небольших размеров в городе, в связи с чем и пришлось обратиться к домам, исследованным Г.Д.Беловым на северном берегу. Наиболее ценную информацию, как оказалось, представляют дома эллинистического времени, открытые в кварталах XIV, XV, XVI, XIX. Квартал XIV, размерами 12,3-17,3 х 21,3-21,7 м средней площадью 318,2 кв. м[9] состоял из двух домов (Рис.1;4). Размеры домов: 12,3-14,0 х 11,3-11,0 м (средняя площадь - 146,6 кв. м), 14,0-17,3 х 10,7-10,5 м (средняя площадь - 165,89 кв. м). Не составляет труда также сосчитать, что средняя площадь домов в XIV квартале равна 156,24 -159,1 кв. м.

Квартал XIX, размерами 28 х 24 м, состоял из четырех домов (I-IV) (Рис.1;3), причем площадь дома 1 была равной 12 х 15 м[10]. В таком случае, площадь квартала равна 672 кв. м, а площадь дома 1 - 180 кв. м. Мои промеры по опубликованному Г.Д.Беловым чертежу дают следующие размеры квартала и отдельных домов (по внешним стенам): квартал - 24,4-29,5 х 25,5 м (средняя площадь - 686,25 кв. м; дом 1 - 12,5-16,0 х 12,0 м (средняя площадь - 171 кв. м), дом II - 16,0 х 13,5 м (площадь - 216 кв. м), дом III - 13,2 х 12,0 м (площадь - 158,4 кв. м), дом IV - 13,0 х 13,0 м (площадь - 169,0 кв. м). Следовательно, вариация площади домов в XIX квартале - 158,4 - 216 кв. м

Квартал XVI, размерами около 23,0 х 26,4 м, площадью около 607,2 кв. м[11] состоял из трех домов (II, III, IV), два из которых (II, III) имели типичную, а третий (IV) - нетипичную планировку, состоя из вытянутых вдоль поперечной улицы отдельных помещений, отделенных узким длинным проходом от домов II и III (Рис.1;1). Размеры домов: II - 16,5 х 13,2 м (площадь - 217,8 кв. м); III - 13,2 х 16,5 м (площадь - 217,8 кв. м[12]. Квартал XV был занят одним домом (I), размерами 22,5-23,85 х 27,0 м, площадью 625 кв. м.

Наличие параллельного принципа планировки (на что справедливо обратили в свое время внимание А.Н.Щеглов и С.Д.Крыжицкий) в домах XIV и XIX кварталов сомнению не подлежит. Все помещения каждого из домов - как жилые, так и хозяйственные (в том числе имевшие производственно-ремесленную функцию) - действительно в ряде случаев располагались вдоль длинного коридора. Именно этот принцип параллельности помещений относительно продольной оси и предоставил мне возможность реконструировать наличие нескольких взаимно пересекающихся планировочных осей, в строгом соответствии с которыми и проходила разбивка в плане каждого конкретного дома. Таким образом, речь идет об организации внутреннего пространства типового дома в пределах заданных двух пересекающихся продольных и поперечных осей на его плане. Как представляется, именно такой вариант планировочной схемы с полным правом теперь дает возможность утверждать о реальности существования типового проекта планировки жилых домов в Херсонесе, с его немногочисленными решениями взаиморасположения входа - двора - помещений.

Необходимо напомнить, что стандартные дома-ячейки (парцеллы) являлись обязательной и необходимой частью любого регулярного градостроительного плана. Подобные планы, как известно, будучи продуктом Великой Греческой колонизации, возникли еще в эпоху архаики[14]. В результате деятельности Гипподама Милетского, регулярные градостроительные схемы получили новое теоретическое и практическое осмысление. Проект регулярного города учитывал в мельчайших деталях организацию

макро- и микропространства: от всего градостроительного ансамбля, общественных центров, культовых и гражданских сооружений - до жилых домов рядовых членов гражданской общины.

Существование типовых жилых домов в городах с регулярной планировкой классического времени установлено в результате фундаментального исследования В.Хофнера и Е.Л.Шванднера[15]. «Классическими» в этом плане памятниками являются Олинф и Кассопа. В Олинфе пятно плана дома было разделено двумя продольными и тремя поперечными осями[16], в Кассопе - двумя продольными и двумя поперечными[17]. В планировочном отношении херсонесские дома наиболее близки домам Кассопы, построенным по принципу безордерной схемы. Дома Кассопы имели четко выделенный андрон по левую сторону от входа (двора), женскую половину - с противоположной, правой стороны и главное помещение (ойкос) - напротив входа, через двор[18]. Дома Олинфа имели более сложную планировочную организацию - наличие дополнительной оси было обусловлено обязательным устройством пастады, причем она могла располагаться параллельно или перпендикулярно входу (в зависимости от того, откуда осуществлялся вход в дом - с продольной или поперечной улицы)[19]. Установленная типовая планировка херсонесских домов, основанная на аналогичном строго геометричном принципе, дает возможность выявить и некоторые особенности их организации, попытаться определить функциональное назначение отдельных помещений, а также, что наиболее существенно, откорректировать выполненные ранее реконструкции, предложить новые варианты планировочных и пространственных решений.

Наш обзор целесообразнее всего начать с домов XIX квартала, планировка которых наиболее точно восстановлена Г.Д.Беловым (рис.1;3). Прежде всего, совершенно очевидно, что расположение двора параллельно входу. Двор имел вытянутую прямоугольную (коридорообразную) форму, реже - Г-образную с обязательным наличием колодца или цистерны (нередко - того и другого). В домах I и IV из дворов на улицу были выведены водостоки. Это обстоятельство, скорее всего, свидетельствует об отсутствии в квартале специальной дренажной аллеи, обязательной, например, в жилых кварталах Олинфа[20]. В доме II северо-восточная часть двора была занята пастадой - нетипичность ее расположения относительно других помещений дома, небольшая полезная площадь дали возможность соотнести ее не с пастадой, а с экседрой[21]. Скорее всего, здесь действительно была предпринята попытка устройства именно портика, плохо вписывавшегося в неприспособленную для этого жесткую планировочную сетку. Отсюда и его уникальность для домов указанной схемы в Херсонесе.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема андрона. До сих пор в херсонесских дворах андроны выделены не были[22], что само по себе не является чем-то необычным. Необходимо отметить, что далеко не во всех известных к настоящему времени домах, раскопанных в городах классической - раннеэллинистической эпохи, андрон вообще четко выделен (по крайней мере так, чтобы его можно было безошибочно идентифицировать в процессе раскопок). Андрон мог располагаться слева или справа от входа в дом. Как правило, строго выдерживалось только требование изоляции помещения для гостей-мужчин от женской половины дома сооружением внутреннего двора. В таком случае, как верно подметил Л.Неветт, мужское население таких домов было отделено скорее концептуальными, чем физическими барьерами[23].

В рассматриваемых херсонесских домах II, III, IV слева от входа имелось по большому прямоугольному помещению, сообщавшемуся только со двором, которое, с моей точки зрения, вполне могло выполнять функции андрона.

При внимательном изучении плана очевидно также и то, что каждый из домов XIX квартала имел и по одному изолированному большому помещению, вход в которое осуществлялся также через двор. В домах I и III в таких помещениях (по Г.Д.Белову) находились алтари, сложенные из камней, с сохранившейся золой на поверхности. Позволю себе высказать предположение, что это были не алтари, а стационарные очаги, находившиеся либо по центру помещения (дом II), либо чуть в стороне (дом I). В доме I, в этом же помещении, в углу находился еще один очаг с черепичным подом. Аналогичные стационарные очаги (каменные и глинобитные) внутри помещений были открыты В.А.Кутайсовым в жилых домах Керкинитиды раннеэллинистического времени. Помещения эти (как правило, самые большие в домах) вполне логично были интерпретированы им в качестве ойкосов[25].

Наиболее интересные примеры пространственной организации ойкосов дает Олинф. Как правило, это были большие,

квадратные или подквадратные в плане помещения с очагами в центре, размеры которых колебались от 0,77 х 0,77 до 1,50 х 1,35 м[26] (для сравнения - очаг херсонесского дома I - 1,0 х 1,0 м[27]). Авторы раскопок Олинфа интерпретировали ойкосы в качестве кухонь с обязательным наличием сквозного колодца (вытяжки-дымохода) через второй этаж. Однако помимо утилитарной (кухонной) функции, эти помещения выполняли и роль ойкосов - главных помещений дома. Они ведут свое начало от мегаронов гомеровских времен. Все ойкосы в домах Олинфа имели отдельный выход через портик во двор, не сообщаясь с другими помещениями[28]. Ойкос дома 1 в Кассопе также имел каменный прямоугольный очаг. Однако в ряде других помещений, интерпретированных в качестве ойкосов, очаги не были прослежены[29]. Алтари же в домах Олинфа, в частности, известны во дворах[30].

Что же касается функциональной атрибуции остальных помещений каждого дома, то, вероятно, правы Д.М.Робинсон и Дж.В. Грэхем в том, что отдельные помещения, помимо обязательной женской комнаты (гинекея), были полифункциональны - они могли иметь ремесленную и торговую функции, служить складским или каким-либо другим хозяйственным целям[31]. Номенклатурный набор вещевого материала, обнаруженный при раскопках дома I в XIX квартале и достаточно подробно разобранный Г.Д.Беловым[32], вполне соответствует такому заключению. Ту же планировочную схему в целом имеют и два дома в квартале XIV (рис.1;-4).

Исходя из установленного принципа планировочной разметки домов по взаимопересекающимся осям, с моей точки зрения, требует и значительной корректировки выполненная Г.Д.Беловым планировочная реконструкция квартала XVI. Здесь изначально размещалось не три, а четыре дома (I-IV) (рис.1;1), размерами: дом I - 11,4 х 12,6 м (площадь - 143,64 кв. м), дом II - 11,2 х 13,1 м (площадь - 146,72 кв. м), дом III - 11,6 х 13,6 м (площадь - 157,95 кв. м), дом IV - 11,4 х 13,7 м (площадь - 156,18 кв. м)[33]. Следовательно, амплитуда колебания площади домов - 143,64 - 157,95 кв. м, их средняя площадь составляет 151,12 кв. м. Размеры квартала по опубликованному чертежу - 23.0 х 28,0 м, площадь - 644,0 кв. м. В таком случае, средняя теоретическая площадь, отведенная под каждый дом, составляет 161,0 кв. м . Приведенные подсчеты показывают, что разница между реальной средней площадью жилого дома в XVI квартале и высчитанной теоретически - минимальна - 151,0 - 161,0 кв. м . Ее верхний предел, к тому же, перекрывается с теоретически высчитанной площадью дома в типовом квартале Северо-восточного района.

Все четыре дома имеют совершенно аналогичную планировку в виде симметрично расположенных вдоль длинного коридора помещений. Интересно, что площади дворов наверняка могли бы быть увеличенными за счет присоединения одного из помещений, т.е. иметь не только удлиненную прямоугольную, но и Г-образную форму. Следует также специально подчеркнуть, что реальная внутриквартальная застройка в ряде случаев отличалась от восстановленной типовой схемы, что, впрочем, не должно удивлять.

В настоящее время следует считать надежно установленным, что начало реализации регулярного градостроительного плана в Херсонесе относится к концу второй четверти - середине IV в. до н.э[34]. Именно этим рубежом датируется новый этап каменного наземного домостроительства в Северо-восточном районе города, с которым и соотносится появление квартальной блокировки[35].

Северный район был включен в черту города и распланирован по регулярной схеме несколько позднее, в последней трети IV в.до н.э. Концом IV в. до н.э., судя по археологическим данным, следует датировать здесь начало жилого домостроительства[36] Дома эти существовали практически на протяжении всего эллинистического времени, вплоть до рубежа II-I вв. до н.э. Перестройки и внутренние перепланировки усадеб, часть из которых вполне могла быть связана с изменением социального статуса их владельцев, за 200 с лишним лет были неизбежны. Однако, несмотря на активную строительную деятельность, заложенный изначально принцип типового проектирования был выдержан достаточно четко.

Исходя из изложенного выше, можно в общих чертах попытаться восстановить и планировку XV квартала - соотнести те немногочисленные строительные остатки, которые были продатированы Г.Д.Беловым эллинистическим временем, с типовой планировочной схемой (рис.1;2). Как следует из реконструкции, открытые in situ стены домов в южной и юго-восточной частях квартала (дома III,IV), полностью совпадают с направлениями осей типовой схемы. В доме I (северо-западная часть квартала) на реальность предложенного планировочного решения указывает наличие цистерны (ко-

лодца) во дворе, помещения в северо-восточной части дома и, главное, андрон с мозаичным полом - в юго-западной. Нельзя не вспомнить добрым словом еще раз реконструкцию О.И.Домбровского[37] - восстановленная планировочная схема, при всех ее возможных допусках, расставляет, как мне представляется, все точки над i.

Существование в Херсонесе типовых жилых домов малой площади безордерной схемы, характерных именно для городов с регулярной системой планировки, является, таким образом, бесспорным фактом. Более того, все эти дома обладали стандартным набором помещений, необходимых для нормального проживания семьи.

Помимо жилых домов малой площади в Херсонесе, представляется целесообразным рассмотреть и жилые дома, открытые в других населенных пунктах Херсонесского государства. Это несколько выходит за рамки данной статьи, но, тем не менее, имеет прямое отношение к рассматриваемым вопросам.

По такой же планировочной схеме был построен и дом, открытый М.А.Наливкиной в Калос Лимене[38]. В настоящее время нуждаются в некоторой корректировке его планировочная и объемная реконструкции, выполненные А.Н.Щегловым[39]. Прежде всего, параллельный принцип требует сократить в ширину помещения, расположенные слева от входного коридора (двора) (рис.1;6). Несомненно, что по центру дома изначально располагался вытянутый двор, о чем также свидетельствует наличие и цистерны (колодца) в его дальней части, практически у оборонительной стены, к которой дом был пристроен. Нельзя, конечно, исключать, что как и в случае с некоторыми херсонесскими домами, рассмотренными выше, дом в Калос Лимене претерпел ряд внутренних перепланировок, которые не могли не отразиться на функциональном использовании отдельных помещений. Тем не менее, то, что типовой принцип планировки был перенесен в жилую застройку Калос Лимена из Херсонеса, сомнению не подлежит. Площадь дома, согласно откорректированной реконструкции плана, могла находиться в пределах 150,0-155,0 кв. м, перекрываясь, таким образом, с нижним пределом площади типового (идеального) дома в Херсонесе[40].

Еще один дом с аналогичным принципом планировки был открыт в цитадели Калос Лимена (рис.1;5). Несмотря на Г-образное расположение двора и небольшие габариты дома (площадь - 100 кв. м), наличие двух взаимопересекающихся осей в основе его планировки очевидно. Регулярная планировка Калос Лимена еще не доказана археологически, хотя о ее существовании (по крайней мере, на отдельных участках), вероятно, уже можно говорить. Об этом свидетельствуют результаты раскопок строительных комплексов цитадели и наличие упомянутых двух домов типовой схемы планировки, относящихся к хронологическому рубежу не ранее середины IV в. до н.э. - времени основания Калос Лимена Херсонесом Таврическим[42].

В плане изучения типового домостроительства Херсонеса Таврического представляют интерес также и дома, исследованные на поселении Панское-1. Это дом, пристроенный с внешней стороны к стене комплекса V-7[43] и дома V 2-2 и V 2-3[44] (рис.1;7,9). Симметричный план построек дал основание авторам раскопок (что вполне справедливо) связать их с херсонесской строительной традицией, а в отношении двух последних - сделать вывод об их принадлежности «постройкам т.н. «олинфского» типа, но с оригинальным композиционным решением, впервые встреченным в пространственной организации греческих поселений»[45].

Предпринятый анализ планировочных особенностей жилых домов Херсонеса, в результате которого была выявлена типовая планировочная схема, не позволяет говорить об использовании в них «т.н. «олинфского» типа». Указанный тип был характерен только для Олинфа. Типовая планировочная организация жилых домов Херсонеса находит ближайшие аналогии, как уже говорилось, среди жилых домов Кассопы, отличающихся от олинфских менее сложной планировкой. Если говорить о типе, т.е. о типологической принадлежности херсонесских домов, то следует говорить только об использовании идеальной типовой планировочной схемы организации, характерной для городов с регулярной планировкой.

Дома же, обнаруженные на Панском-1, отличаются от херсонесских, прежде всего, определенной вариабельностью плана. Основной блок дома V 2-2, площадью в пределах 156,0 кв. м (как и в Херсонесе!), увеличен за счет добавленной площади двора (общая площадь составляет 260,0 кв. м). Дом, пристроенный к более ранней стене с башней, наоборот, имеет неполный план. В нем также соблюден принцип симметрии, наличие двух продольных осей, но при этом - одной поперечной.

Дом с аналогичным неполным планом известен также и в Керкинитиде[46] (рис.1;8). Отступления от типовой схемы следует, скорее всего, объяснять несколь-

кими причинами. Во-первых, на поселении отсутствовала та жесткая регламентация, которую было необходимо соблюдать в городе в условиях квартальной блокировки. К тому же, потребность в увеличенном дворе была обусловлена и функциональным назначением усадьбы. Во-вторых, как и в случае с домом № 2 из Керкинитиды, типовая схема дома далеко не всегда могла быть в точности вписана в уже сложившуюся более раннюю городскую планировку.

Подведем некоторые итоги. Значение открытых Г.Д.Беловым жилых домов на северном берегу Херсонеса в полном объеме представляется только сейчас. Именно они дали реальное подтверждение существования типового жилого домостроительства в городе, практически подтвердили наличие идеальной градостроительной модели Херсонеса. Именно в этом заключается непреходящее значение исследований Г.Д.Белова, стоявшего в начале изучения одного из интереснейших памятников античного градостроительства позднеклассического времени - Херсонеса Таврического.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в 1931-1933 гг // МИА. № 4. 1941. С.202-203. Он же. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935-36 гг. Севастополь,1938; Он же. Археологические раскопки в Херсонесе в 1949 г. // ВДИ. 1950. № 2. С.227-231, Белов Г.Д, Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. № 34. 1953. С.32-108; Белов Г.Д, Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII (раскопки 1941,1947 и 1948 гг. // МИА. № 34. 1953. С.160-236; Белов Г.Д. Эллинистическая мозаика // МИА, № 34, 1953. С.279-295; Он же. Эллинистический дом в Херсонесе // ТГЭ. № 3. 1962. С.143 сл.; Он же. Раскопки в Северном районе Херсонеса в 1938 г. // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. - Киев,1974. С.82-92.
2. Примером служат реконструкции отдельных домов, выполненные А.Н.Щегловым на основании планировочных предложений Г.Д. Белова, см.: Щеглов А.Н. Полис и хора. Симферополь,1978. С.30-31.
3. Щеглов А.Н. Жилой дом эллинистического Калос Лимена (опыт реконструкции) // ХКААМ. М.,1976. С.232 сл.
4. Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев,1982. С.49.
5. Домбровский О.И. Херсонесская галечная мозаика и некоторые аспекты истории античного искусства // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев,1994. С.159 сл. Справедливости ради отмечу, что ранее С.Д.Крыжицкий, при рассмотрении жилых домов Херсонеса, упомянул о типичности галечных мозаик, аналогичных открытой в Херсонесе, для андронов (Ук.соч. С.50-51).
6. Буйских А.В., Золотарев М.И. Градостроительный план Херсонеса Таврического (в печати).
7. Подробная система доказательств и метрологического расчета приведена в указанной выше работе.
8. Рыжов С.Г. Дом IV-III вв. до н.э. в Херсонесе // СА, 1985, № 4
9. Промеры произведены по плану, опубликованному Г.Д.Беловым в отчете за 1935-1936 гг.
10. Белов Г.Д. Эллинистический дом... С.143.
11. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI.. С.49. Авторы приводят размеры квартала только в ширину (С.49). Длина открытой части квартала и его площадь подсчитаны согласно промерам по опубликованным планам (таблица I,II)
12. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Ук. соч. С.57,62. Указанные в тексте площади домов II и III в 208 м² - вероятно, опечатка (?).
13. Размеры даны по плану, опубликованному Г.Д.Беловым и С.Ф. Стржелецким: Ук. соч., С.35.
14. Castagnoli F..Ippodamo di Mileto e l'urbanistica a pianta ortogonale. Roma,1956; Ward-Perkins J.B. Cities of Ancient Greece and Italy: Planning in Classical Antiquity. - New York, 1974.
15. Hoepfner W.,Schwandner E.-L. Haus und Stadt im klassischen Griechenland. Munchen,1986.
16. Ibid. S.48-49, abb.34,35.
17. Ibid. S.109, abb.104.
18. Ibid.
19. Ibid. Abb.35.
20. Olynthus, VIII. P.307-311; Hoepfner W.,Schwandner E.-L. Op.cit. Abb.35. При реконструкции общей градостроительной ситуации были учтены два возможных варианта планировочной организации типового квартала - с дренажной аллеей вдоль тыльных стен домов и без нее - как вполне соответствующих модели идеального планировочного решения (подробнее см.: Буйских А.В..Золотарев М.И. Градостроительный план...).

21. Крыжицкий С.Д. Жилые дома. С.51.
22. Там же, С.50. Андрон, открытый В.А.Кутайсовым в Керкинитиде, до сих пор во многих отношениях уникален для истории жилого домостроительства в Северном Причерноморье: Кутайсов В.А. Дом с андроном из раскопок Керкинитиды // СА.1985, № 3, С.178 сл.
23. Nevett L.C. Gender relations in the Classical Greek household: the archaeological evidence // BSA. N90. 1995. P.372-373.
24. Белов Г.Д. Эллинистический дом.. С.144.
25. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида IV-II вв. до н.э., Киев,1990. С.91 сл.
26. Olynthus, VIII. P.185-194.
27. Белов Г.Д. Эллинистический дом... С.144.
28. Hoepfner W..Schwandner E.-L. Op.cit. S.60-61.
29. Ibid., abb.104.
30. Olynthus, VIII. P.159.
31. Ibid., p.l67.
32. Белов Г.Д. Эллинистический дом... С.148 сл.
33. Размеры домов установлены по чертежу, опубликованному: Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Ук. соч., табл.1, С.106.
34. Буйских А.В., Золотарев М.И. Градостроительный план...
35. Золотарев М.И. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб. Вып. IX. С.33-34.
36. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Ук. соч. С.39.
37. Домбровский О.И. Ук. соч. С.165.
38. Наливкина М.А. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948- 1952) // ИАДК. Киев,1957. С.272-274.
39. Щеглов А.Н. Жилой дом... С.233, рис.1.
40. А.Н.Щеглов реконструировал площадь дома из Калос Лимена в пределах 120-200 кв. м. (Жилой дом... С.238).
41. Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Некоторые итоги изучения Калос Лимена // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С.190, рис.2.
42. Там же. С.89.
43. Столба В.Ф. Дом IV в. до н.э. на поселении Панское 1 (раскопки 1987г.) // КСИА. Вып.204. 1991. С.78 сл.
44. Столба В.Ф., Ханнестад Л., Щеглов А.Н. Раскопки поселения Панское 1 в Крыму // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия: Материалы пленума ИИМК. СПб,1995. С.50-53; Щеглов А.Н. Исследования Тарханкутской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. - Симферополь, 1997. С.275.
45. Щеглов А.Н. Исследования.. С.275.
46. Кутайсов В.А. Ук. соч. С.111, Рис.57 - дом 2.

Т.Н.Высотская, Г.И.Жесткова

РЕЛЬЕФНАЯ КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ МОГИЛЬНИКА «СОВХОЗ №10»

Могильник «Совхоза-10», расположенный недалеко от горы Сахарная Головка близ Херсонеса - один из интереснейших памятников Северного Причерноморья первой половины первого тысячелетия нашей эры. Полная публикация его материалов еще предстоит.

В данной статье речь пойдет о небольшой группе рельефных краснолаковых сосудов, найденных в некрополе вместе с погребенными по обряду ингумации. Среди них так называемое рыбное блюдо овальной формы с горизонтальными плоскими ручками. По всему периметру отогнутого наружу плоского края - орнамент из вдавленных овалов. В центре, в квадратной рамке - рельефное изображение Геракла, укрощающего керинейскую лань (рис. 1). Аналогичные блюда с разными сюжетами - повсеместные находки на городищах и в могильниках Северного Причерноморья. Достаточно сказать, что они найдены на Боспоре (Пантикапей, Мирмекий, Илурат, Семеновка, Гермонасса), в Ольвии, в Тире, в Неаполе скифском, на городище Алма-Кермен, в некрополе Заветное[1]. Фрагменты подобных сосудов многочисленны в Херсонесе. На поселении у деревни Семеновки на блюде тот же сюжет - Геракл, борющийся с ланью[2].

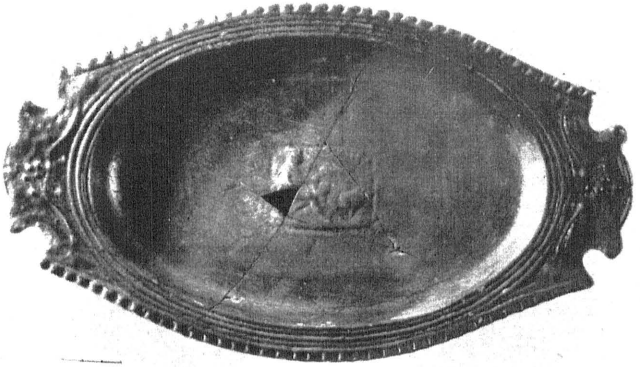


Рис. 1
Блюдо овальной формы

Общепринята точка зрения о пергамском происхождении таких блюд[3], хотя высказано малоубедительное предположение об их производстве в Северном и Восточном Причерноморье[4], но этому прежде всего противоречат качество глины, цвет лака и прочие морфологические признаки, отличающие эти сосуды от краснолаковой керамики местных мастерских.

Рассматриваемое «рыбное» блюдо по комплексу находок (могила N 40) датируется II - III вв.н.э., что соответствует общепринятой их датировке, подкрепленной находкой вместе с таким блюдом монеты Савромата II в некрополе Пантикапея[5].

Иконографически тип Геракла в данном случае близок к изображению на рельефных кубках из Пергама, в том числе на кубке того же времени из Тиритаки, где можно видеть сцены подвигов героя[6].

Ко всему сказанному следует добавить, что культ Геракла, подвиги которого в греческой мифологии стали апофеозом человеческой мощи и героического дерзания[7],

был чрезвычайно популярен в Херсонесе, где почитали его и в первые века нашей эры, о чем свидетельствуют памятники искусства, теофорные имена и граффити[8].

Одной из сторон культа Геракла была хтоническая. Поскольку в погребальной практике древних народов каждый предмет, сопровождающий покойного, имел определенный смысл и назначение, блюдо с изображением Геракла могло быть сакральным. Оно вошло в круг памятников, свидетельствующих о почитании героя и в округе Херсонеса во II - III вв.н.э.

В подбойной могиле 56 некрополя «Сотется на жезл, обвитый змеей. Справа у ног божества - алтарь с пламенем (рис. 2).

Изображение восходит к известному оригиналу - статуе Асклепия из Пергама[11], получившему многочисленные реплики в скульптуре, терракоте, монетах.

В Херсонесе известны бронзовая статуэтка и фрагмент мраморного торса Асклепия в той же позе, гемма с Асклепием и Гигиеей[12].

Прямую аналогию нашему сосуду приводит в своей статье У.Хаусман. Это сосуд с афинской агоры[13].

Подобные амфоры в Северном При-

Рис.2
Амфора с изображением Асклепия и Гигиеи

вход 10» найдена краснолаковая амфора с рельефными изображениями: на одной стороне фигура Асклепия, на другой - Гигиен и маленькая фигурка Телесфора. Сосуд описан опубликовавшим его В.А.Анохиным[9], затем его переиздали К.В.Голенко и А.Н.Щеглов[10].

К сказанному публикаторами добавим, что фигура Асклепия на сосуде развернута фронтально, голова повернута чуть вправо, левая рука скрыта плащом, правая опира-

черноморье встречаются крайне редко. Нам известна амфора из Неаполя скиф-ского с изображением Гермеса и Эрота[14] и фрагмент амфоры с фигурой Диониса в рост с городища Алма-Кермен[15].

Исключительность находок затрудняет их датировку и уточнение центра производства. По поводу последнего есть две точки зрения. М.П.Ваулина, основываясь на идентичности изобразительных приемов на рельефных сосудах Книда и амфор, подоб-

ных неапольской, считала их продукцией Книда[16].

Однако книдскому происхождению таких амфор противоречат наблюдения В.И.-Кадеева и С.Б.Сорочана о сокращении в первые века нашей эры торговых связей Херсонеса с Книдом[17].

Е.Бониш подобные сосуды из западноримских провинций отнесла к александрийским[18]. Мы также разделяли это мнение[19]. А.Радулеску, на основе анализа группы привозных сосудов с Нижнего Дуная, типологически близких данной амфоре, допускал, что изначальным центром их производства был север Африки[20]. К мнению о том, что Северная Африка в римское время была одним из главных районов античного мира по производству глиняных фигурных сосудов, склоняются и другие ученые[21].

Хаусман, признавая североафриканскую форму рассматриваемых сосудов, склоняется в пользу их александрийского происхождения[22]. Александрийскими считал эти сосуды и Ф.Курби[23].

Анохин сопоставил изображение на амфоре из могильника «Совхоз 10» с монетами Пергама с аналогичными сюжетами и, принимая во внимание, что такие монеты распространились в городах южного побережья Понта в первой четверти III в.н.э., на этом основании, во-первых, датировал этим же временем данный сосуд, а, во-вторых, косвенно связал производство подобных амфор с мастерскими южного побережья Понта[24].

Итак, Анохин датирует амфору первой четвертью III в.н.э. Ваулина неапольский сосуд относила ко II в.н.э. Хаусман считает, что подобные амфоры датируются III в.н.э., а в IV в. широко распространяются[25]. Радулеску нижнедунайские цилиндрические кувшины, типологически близкие амфорам с рельефными изображениями, относит к III в.н.э.

Уточнить датировку амфоры из могильника «Совхоз 10» по комплексу находок трудно, так как она найдена с маловыразительными предметами, однако они (гончарный кубок, несколько бус и пр.) скорее могут принадлежать III, а не II в.н.э.

Дискуссию о датировке подобных сосудов можно считать завершенной благодаря находке такой амфоры на афинской агоре в колодце, заполненном материалом первых двух третей III в.н.э.[26]

Обратимся к следующему предмету. В той же могиле 40, откуда происходит «рыбное» блюдо, найдено круглое блюдо из светлой глины диаметром 26,5 см. Довольно тусклый красный лак неровно покрывает сосуд. На блюде (часть его утрачена) - штампованный рельефный орнамент. Вдоль отогнутого наружу края - три рельефных пояска, окаймленных рядом вдавленных овалов, - тот же орнаментальный прием, что мы видели на «рыбном» блюде. В центре, в обрамлении из трех концентрических окружностей - фигура Асклепия в рост, развернутая почти фронтально с небольшим поворотом влево. Голова повернута влево. Правая рука на бедре, левая согнута в локте и приподнята. Асклепий опирается на жезл, который обвивает змея. Ее туловище украшено точечным орнаментом. С левого плеча бога ниспадает плащ, образуя внизу складки. Справа от фигуры помещен алтарь с горящей на нем жертвой (рис. 3).

Рис.3
Блюдо с рельефными изображениями

Поза Асклепия в данном случае - один из типологических вариантов, находящих прямые аналогии в скульптурном воплощении[27].

Вся остальная часть блюда разделена на четыре сегмента рельефными гирляндами из трех рядов углублений, выполненных полой внутри палочкой. Гирлянды держат Эроты. Сохранилось три фигуры Эротов, они попарно обращены друг к другу. У одного гирлянда покоится на левом, у другого - на правом плече, соответственно развернут и торс.

В сегментах между гирляндами - стоящие в рост фигуры, по сторонам которых выпуклые розетки, также выполненные полой внутри палочкой. Сохранилось три фигуры, от четвертой - только нижняя часть торса. Чтобы исправить нечеткость штампа, мастер по сырой глине очертил контуры фигур.

Если смотреть на тарелку от облома про-

тив часовой стрелки, то первый торс, по-видимому, принадлежит Афродите Анадиомене. По сторонам ее - выпуклые овалы, возможно, имитирующие капли, ниспадающие с волос богини. Следующая фигура с мощным торсом - скорее мужская, по-видимому, Аполлон-кифаред. Еще менее ясна третья фигура. Слева от нее ветвь, справа - какой-то предмет, напоминающий плод. Анахождении таких сосудов[31]. Эта точка зрения нам представляется весьма убедительной. Так же, как и «рыбные» блюда, эти тарелки датируются II - III вв.н.э.

Рассматриваемое блюдо, как и амфора с изображением Асклепия и Гигиеи, во-первых, представляют особый интерес как предметы, свидетельствующие о культе Асклепия, распространенном не только в

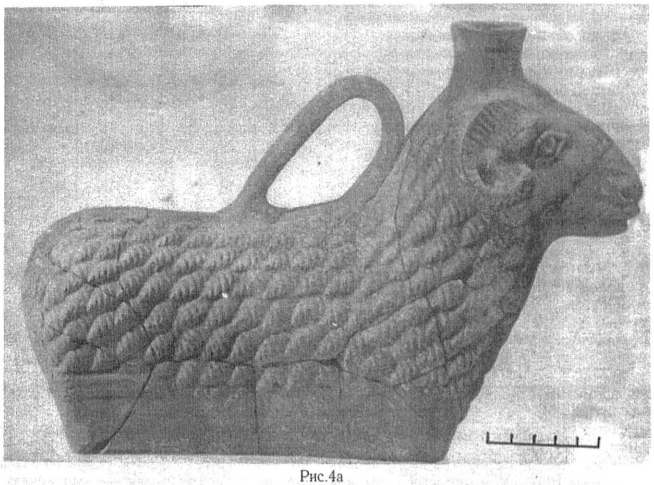


Рис.4а
Фигурный сосуд в виде барана, лежащего на подставке

логий блюду нам найти не удалось.

Мотив «Эроты, поддерживающие гирлянды» в античном искусстве первых веков нашей эры был довольно распространен. Достаточно в качестве примера привести фрагменты мраморных саркофагов II - III вв.н.э. из Херсонеса с их пышными тяжелыми гирляндами из листьев и плодов[28].

По технике выполнения рельефа при помощи штампа и полой внутри палочки наш сосуд близок к блюдам с изображением Гелиоса на колеснице из Неаполя скифского[29] и Херсонеса[30]. Фрагмент аналогичного блюда с теми же розетками найден М.И.Золотаревым в Херсонесе в 1994 г. (инв. N 24/37272).

Анализируя неапольскую находку, Д.С.Раевский присоединяется к мнению Т.Н.Книпович о восточно-греческом происХерсонесе, где предполагается святилище этого божества[32], но и в его округе.

Голенко и Щеглов объясняют такую популярность культа Асклепия присутствием в составе римского гарнизона, расквартированного в Херсонесе во II - III вв.н.э., выходцев из Фракии, где культ Асклепия был развит в первые века нашей эры чрезвычайно широко[33].

Эти находки, во-вторых, делают вполне обоснованным предположение об оседании близ Херсонеса ветеранов римской армии и членов их семей.

Третий экземпляр из нашей коллекции принадлежит фигурному сосуду в виде барана из могилы 113а. Его туловище покоится на невысокой прямоугольной подставке, оно покрыто рельефными овальными выступами, имитирующими завитки. Хоро-

шо промоделированы глаза животного и крутые рога. Во рту отверстие для слива, а на темени - воронковидное горлышко, на спине - сложнопрофилированная ручка. Сосуд покрыт тусклым бурым лаком, он оттиснут в форме из двух половинок, шов тщательно заглажен. На дне на подставке по сырой глине процарапано имя мастера CIMΩN (рис. 4а,б). Мастера довольно часто писали свои имена на подобных сосудах различных форм[34]. В Тире, например, найден аналогичный нашему сосуд, на подставке которого также процарапано имя мастера[35].

Примечательно, что на Боспоре есть надгробие I - III вв.н.э. с тем же именем ...IMON [КБН, N 724], на нем изображен семисвечник, свидетельствующий о том, что погребенный был евреем, скорее всего, выходцем из Малой Азии.

По условиям находки наш сосуд датируется концом II в.н.э. Он входит в круг широко известных фигурных сосудов Северного Причерноморья, смоделированных в виде животных и птиц. Среди них мы встречаем петуха, слона, вепря[36], обезьяну, собаку, льва[37], крокодила, верблюда. Однако чаще всего можно видеть барана.

В Ольвии известно пять таких сосудов[38], найдены они в Керчи, в станице Тифлисской[39], в Херсонской области близ городища Золотой мыс[40], в сарматских погребениях I - III вв.н.э.[41] В Херсонесе также многочисленны фрагменты таких сосудов (инв. N 39/37028, 94/35664, 2587/11, 54/12 и др.). Перечень можно продолжить.

Несмотря на несомненную однотипность, перечисленные сосуды различны. Это видно по форме и способу прикрепления ручек, размеру, форме завитков, имитирующих шерсть, и т.д. Предполагается малоазийское происхождение таких сосудов, что, по всей вероятности, подкрепляет и имя мастера на нашем экземпляре.

Большинство исследователей датирует их II - III вв.н.э.[42] Этому не противоречат ни боспорское надгробие, ни предложенная нами датировка комплекса из могилы 113а. Исходя из сказанного, относить такой сосуд к I в.н.э., как это делает О.Д.-Дашевская[43], вряд ли было бы верно.

Фигурные сосуды несомненно ритуальные. У некоторых народов в древности существовало представление о том, что, выпивая вино из сосуда в форме животного, приобретаешь его силу. По обычаю хеттов царь, царица, жрецы, выпивающие вино или пиво из ритуального сосуда в форме животного, приобретали божественную силу[44].

В ритуале многих народов баран играл большую роль. Он постоянно выступает как жертвенное животное. В Египте в некоторых храмах специально содержали священных баранов. У древних греков баран - одно из животных, посвященных Афродите[45].

В мифологии и искусстве древних иранцев образ барана связан с понятием «фарн» - символом благополучия, царского могущества. Неудивительно поэтому, что именно сосуды в форме барана встречаются в сарматских погребениях.

Рис.4б
Надпись на подставке фигурного сосуда

В коропластике римского времени животным уделялось сравнительно мало места, предпочтение отдавалось самим божествам. Вместе с тем значение барана, по-видимому, не только не утратило своего сакрального смысла в это время, но значительно возросло, и этим можно объяснить преобладание изображений этого животного среди фигурных малоазийских сосудов II - III вв.н.э.

Фигурные сосуды вообще играли определенную роль в культе мертвых. М.И. Максимова считала, что они соединяли в себе как бы два элемента погребального культа: сам сосуд и фигуру изображенного, что, с одной стороны, удовлетворяло требованиям религии, а с другой преследовало известные экономические цели - вместо двух предметов помещали один[46]. О связи животных с культом мертвых свидетельствуют и этнографические примеры. Душа барана, считали таджики, помогает душе человека перейти через мост в рай. И по сей день у народов Афганистана и Кавказа бараньи рога служат вотивными приношениями.

Пятый сосуд из могильника «Совхоз 10» - краснолаковая патера с отогнутым наружу краем, обрамленным тремя валиками, орнаментированными насечками. Подставка кольцевая. Рифленая ручка заканчивается головой барана. Диаметр патеры 23 см (рис. 5). В центре двух окружностей, также обрамленных насечками, рель-

ефная голова Медузы. Лицо скуластое, пухлые губы; пышные волосы уложены в локоны, ко лбу сходятся извивающимися змейками, по сторонам расположены крылыш-

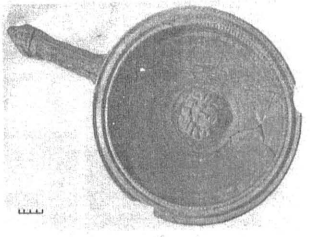


Рис.5
Глиняная патера с головой Медузы

ки, завершающие канонизированный образ Медузы. Сосуд неровно покрыт жидким красным лаком. Голова Медузы сформована отдельно и затем прикреплена. На такую технику изготовления подобных мисок в свое время обратила внимание М.П.Ваулина, полагая, что наличие на медальонах шипов, углубления от которых всегда прослеживаются, служит показателем принадлежности изделий книдской группе керамики[47].

Нанесение на сосуд изготовленных отдельно рельефных украшений широко практиковалось в античном керамическом производстве[48]. В нашем случае указанный технический прием находит прекрасное подтверждение, благодаря находке в Херсонесе при раскопках цитадели терракотовой головки Медузы, совершенно аналогичной по иконографии и размеру рассматриваемой на патере (инв. N 57/37079, рис. 6).

Подобные патеры представляют собой прямые копии бронзовых сосудов из хорошо датированных комплексов I - II вв.н.э.[49]

Форма сосудов имеет александрийское происхождение. В I в.н.э. их изготовляли в Италии, а затем и в других центрах империи, откуда они широко распространились по римским провинциям. Особенно много их по Дунаю[50].

Патеры делали не только из бронзы и серебра, но и из стекла[51], но особенно популярными в первые века нашей эры становятся глиняные патеры. Некоторые исследователи считают, что они использовались как ковши[52], большинство же относит их к ритуальным сосудам.

Доказательством правильности последнего мнения может служить патера с медальоном Зевса, принесенная в дар храму Зевса в Дура-Европос[53]. Усиливают эту аргументацию детали патеры, в том числе ручка с головой барана.

В среднеазиатской и сарматской керамике бараны на ручках считались охранителями сосудов[54]. Особая роль здесь принадлежала Медузе. Образ Медузы Горгоны - демона подземного мира - очень характерен для греко-варварского искусства периферии античного мира. Ему придавали апотропеическое значение, поэтому постоянно встречаются гипсовые прилепы[55], кружки из керамики, кости[56], металла[57], в том числе золотые нашивные бляшки с изображением Медузы.

Во II в.н.э. головы Медуз из стекла, изготовленные отдельно, подобно головке нашей патеры, прикреплялись к стеклянным сосудам[58].

Такая головка сама по себе могла служить амулетом. Эту функцию, видимо, выполняла и найденная в Херсонесе глиняная головка Медузы, что подтверждает сильная потертость предмета. К тому же в некрополе «Совхоз 10», в каменном ящике XXV (урна 1) найдена пережженная сердоликовая (?) головка Медузы, служившая амулетом-подвеской.

Рассматриваемая патера обнаружена в той же могиле 113а, где был баран, что позволяет отнести ее также ко II в.н.э.

Предложенная вниманию читателей небольшая группа краснолаковой керамики из могильника «Совхоз 10» весьма показательна. Прежде всего, она свидетельствует, что в местной среде в первые века нашей эры продолжают существовать греческие религиозные традиции. Местное население почитало тех богов и героев, что входили в греческий пантеон. Если к культу Асклепия, Геракла добавить Геру, Артемиду (граффити на тарелках[59]), Афину, Зевса, Нику, Марса (перстни с геммами[60]), то сомнений не остается.

Все рассмотренные сосуды привозные. Если вопрос о центре производства того или иного предмета дискуссионен, то малоазийский импорт четырех из них бесспорен. Торговля Северного Причерноморья с Малой Азией возрастает к концу I - II вв.н.э. Несмотря на то, что Херсонес все еще находился под властью Боспора, в середине II в. он получил элевтерию. Это способствовало развитию его экономических связей, а римский гарнизон, расквартированный в городе, являлся надежной гарантией безопасности.

Вопрос об этническом составе населения, оставившего могильник «Совхоз 10», сложен, он будет рассмотрен нами в другой связи. Однако отметим, что среди местного населения, прежде всего, были греки, тесно связанные с Херсонесом, сохранившие свои погребальные традиции, свой пантеон.

Во II - III вв.н.э. близ Херсонеса, по-видимому, осели римские ветераны, в том числе и выходцы из Фракии, среди которых был распространен культ Асклепия. Но постепенно основание, на котором стояли бережно охраняемые традиционные культы, было расшатано. Этому в значительной степени способствовали этнические процессы, бурно развивавшиеся в Северном Причерноморье в первые века нашей эры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. К., 1972. Рис. 29-24; 33-9.
2. Кругликова И.Т. Поселение у деревни Семеновки // КСИА. 1961. Вып. 83. Рис. 31-1.
3. Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок боспорских экспедиций 1935-1940 гг. // МИА. 1952. N 25. С. 308; Раевский Д.С. Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя // Ежегодник ГИМ 1965 1966 гг. М., 1970. С. 98-99; Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса в I-IV вв.н.э. Харьков, 1970. С. 154.
4. Лордкипанидзе О.Д. Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды (основные типы и датировка) /груз. яз. // Вестник отд. обществ. наук АН ГССР. 1962. N 1. С. 237-238.
5. Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок боспорских экспедиций 1935-1940 гг. С. 307.
6. Наливкина М.А. Кубок из Тиритаки с изображением подвигов Геракла // МИА. 1958. N 85. Рис. 4, 5. С. 316.
7. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 75.
8. Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984. С. 17.
9. Анохин В.А. Кувшин с рельефными изображениями Асклепия и Гигиен // КСИА АН Украины. 1959. Вып. 8. С. 166 сл.
10. Голенко К.В., Щеглов А.Н. О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом (по нумизматическим и археологическим данным) // Dacia, n.s. 1965. IX. Рис. 5а.
11. Щеглов А.Н. Скульптурные изображения Асклепия // СХМ. 1960 г. Рис. 4.
12. Щеглов А.Н. Скульптурные изображения Асклепия. Рис. 1; Голенко К.В., Щеглов А.Н. О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом (по нумизматическим и археологическим данным). Рис. 4.
13. Hausman U. Oinoforoi // Mitteilungen des deutschen archaologischen Institut. 1954/55. Bd. 69. S. 127.
14. Шульц П.Н. Тавро-скифская экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. 27. -Рис. 27; Ваулина М.П. К истории торговых сношений Северного Причерноморья с Книдом // СА. 1959. N 1. Рис. 1.
15. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Рис. 9-2.
16. Ваулина М.П. К истории торговых сношений Северного Причерноморья с Книдом. С. 74 сл.
17. Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса в I - IV вв.н.э. С. 40, 45; Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в.н.э. Харьков, 1989.
18. Bonis E. Kesohellenisztikus dombormuves edenycsopert elteryedese a romai tartomanyokban // AE. 1952. 79. U. I.. S. 31.
19. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. С. 117.
20. Radulesku A. Importations de ceramique au III siecle de n.e.Bas-Danube // Pontica. 1974. N 7. S. 318 etc.
21. Герцигер Д.С. Четыре фигурных сосуда из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 92.
22. Hausman U. Oinoforoi. S. 143.
23. Hausman U. Oinoforoi. S. 143.
24. Анохин В.А. Кувшин с рельефными изображениями Асклепия и Гигиен. С. 168.
25. Hausman U. Oinoforoi. S. 138.
26. Hausman U. Oinoforoi. S. 138.
27. Reinach S. Repertoire de la statuaire greque et romain. Paris, 1930. M. II. Vol. I. Fig. 31-3; 38-7.
28. Античная скульптура Херсонеса. 1976. № 456, 459, 461.

29. Раевский Д.С. Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя. Табл. II-2.
30. Борисова В.В. Раскопки в цитадели 1958-1959 гг. // СХМ. 1963. Вып. 3.
31. Раевский Д.С. Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя. С. 98 99.
32. Голенко К.В., Щеглов А.Н. О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом (по нумизматическим и археологическим данным). С. 379.
33. Голенко К.В., Щеглов А.Н. О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом (по нумизматическим и археологическим данным). С. 381.
34. Козуб Ю.І. Фігурна посудина з Ольвії // Археологія. 1973. N 8. С. 90, 92.
35. Карышковский П.О., Клейман И.В. Древний город Тира. К., 1985. С. 105. Рис. 34.
36. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. Табл. CXLVI, 1, 4, 6, 9.
37. Козуб Ю.І. Фігурна посудина з Ольвії. С. 90. Рис. 1, 3.
38. Мелюкова А.И. Сарматское погребение из кургана в с. Олонешты (Молдавская ССР) // СА. 1962. N 1. С. 201.
39. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия Восточной Европы (II в. до н.э. - V в.н.э.) // САИ. 1970. Вып. Д1-27. Рис. 39-1.
40. Зубарь В.М. Работы Широкобалковской экспедиции // АО за 1980 г. М., 1981. С. 51.
41. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. К., 1993. С. 92; Мелюкова А.И. Сарматское погребение из кургана в с. Олонешты (Молдавская ССР). Рис. 5; Прохорова Т.А., Гугуев В.А. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. N 1. Рис. 3-16.
42. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. С. 28.
43. Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961-1962 гг. // КСОГАМ. Одесса, 1964. С. 53.
44. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 63.
45. Мифы народов мира. М., 1982. Т. II. С. 238.
46. Максимова М.И. Античные фигурные вазы. М., 1916. Т. I. С. 4 сл.
47. Ваулина М.П. К истории торговых сношений Северного Причерноморья с Книдом. С. 78.
48. Шургая И.Г. О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре // МАСП. 1962. Вып. 4. С. 109.
49. Немсадзе Г.М. Погребения иберской знати из Згудери // КСИА. 1977. Вып. 151. С. 112. Рис. 5.
50. Шелов Д.Б. Италийские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков нашей эры // ААН. 1965. Т. VII. С. 256.
51. Кунина Н.З. Две стеклянные патеры из некрополя Пантикапея // СГЭ. 1964. Вып. 25. С. 37.
52. Апакидзе А., Гобеджишвили Г., Капанадзе А., Ломтатидзе Г. Мцхета. Тбилиси, 1959. Т. I. С. 89.
53. Тревер К.В. Очерки по истории древней Армении. М., 1953. С. 244.
54. Мифы народов мира. С. 557.
55. Иванова А.П. Художественные изделия из дерева и кости // Античные города Северного Причерноморья. М.-Л., 1955. Т. I. С. 425.
56. Rich A. Illustrirtes Worterbuch der Romischen alterthumer mit steter beruchsichtigung der Griechischen. Paris-Leipzig, 1862. P. 85.
57. Пасхина Е.П. Керамические кружки с изображением Горгоны из Никония // Исследования по античной археологии юго-запада УССР. К., 1980. С. 114-115.
58. Римское искусство и культура. Каталог выставки римско-германского музея г. Кельна в ГМИИ. М., 1984. С. 237.
59. Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. С. 38.
60. Щербакова В.С. Коллекция гемм из некрополя в окрестности Херсонеса // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1981. С. 94 сл.

В.К. Голенко

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ «ЦИТАДЕЛИ» НА ГОРЕ ОПУК

Внушительное крепостное сооружение, воздвигнутое на восточной оконечности вершинного плато горы Опук и входящее в систему Узунларского вала (Рис. 1), является одним из наиболее крупных, хорошо сохранившихся и привлекающих внимание исследователей памятников боспорской фортификации. До последнего времени датировка цитадели оставалась достаточно условной. Первый исследователь Киммерика - П. Дюбрюкс, считавший крепость «акрополисом» Киммерика[1], дал первое и исключительно подробное описание древностей г. Опук. Однако он не ставил своей целью дать точное хронологическое определение разведанных им памятников и относил их ко времени источников, упоминавших о них, или ко времени, на которое эти источники указывали[2]. И.Бларамберг на основании анализа письменных источников, визуального знакомства с памятниками и опираясь на материалы небольших раскопок, определял дату крепости более предметно. Он считал, что первоначально город соотносился с валом и рвом, служившими границей между владениями скифов и ранних Спартокидов, и продолжал быть «заставою, которая составляла последние пределы, обозначенные Константином Порфирогенитом Воспорянам, по случаю их споров с Херсонитами, в IV веке»[3]. Ю.Ю.Марти, проведший после многолетнего перерыва в 1927 г. подробные разведки на г. Опук, относил возникновение крепости к поздне-эллинистической эпохе, скорее всего к моменту «объединения скифов и напора их на греков», а «отсутствие поливных черепков поздневизантийской эпохи», по его мнению, указывало на то, «что крепость существовала в римскую эпоху и затем вскоре была заброшена»[4]. И.Б.Зеест и И.Т.Кругликова, проводившие археологические исследования на городище Киммерик, раннегреческом поселении «холм А» и на ряде объектов в окрестностях Киммерика, ограничились лишь разведочным обследованием крепости и уточнением ее планировки. И.Б.Зеест полагала, что «весь оборонительный комплекс Киммерика, по всей видимости, был сооружен около нача-

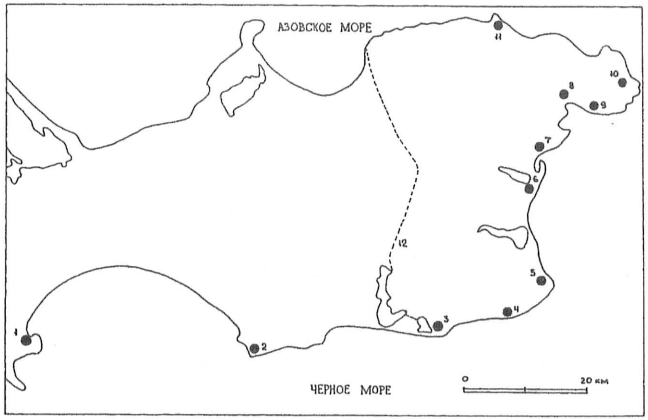


Рис.1.
Ситуационная схема южного побережья Керченского полуострова.

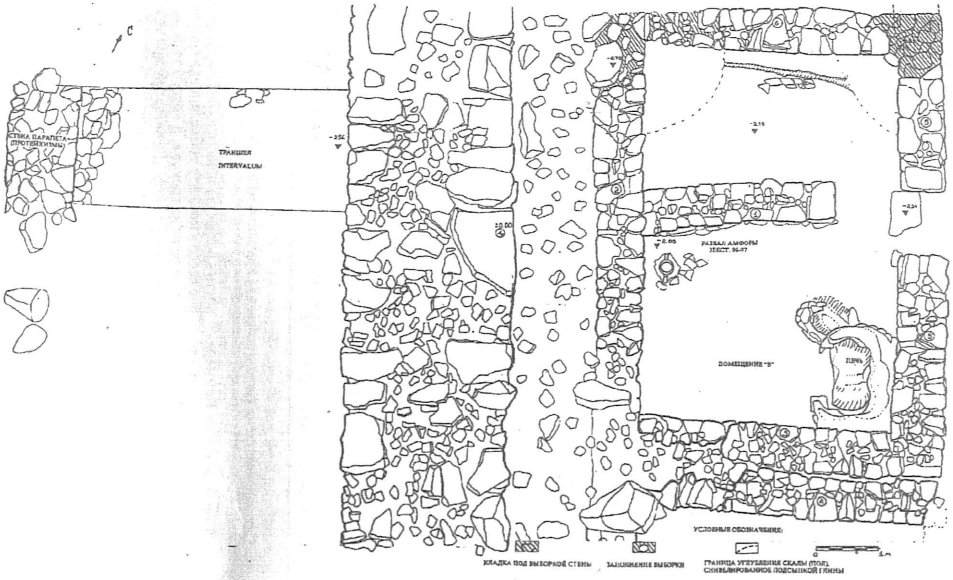


Рис.2.
План участка западной куртины, intervalum'а, парапета и двух помещений «казарм» крепости на вершинном плато г. Опук.

ла нашей эры, но бытовал, несомненно, на протяжении длительного периода, вплоть до III-IV вв»[5]. И.Т. Кругликова, проводившая разведки, допускала и более раннюю дату основания крепости: «Судя по подъемному материалу, возведение крепости следует отнести к I в. до н.э. Впрочем, не исключена возможность ее существования и в более раннее время, так как наряду с фрагментами краснолаковой керамики римского времени имеется фрагмент чернолакового сосуда, фрагменты так называемых «мегарских» чаш и стенка сосуда, покрытого коричневым лаком эллинистического времени» [6]. Авторы одной из последних публикаций, посвященных «цитадели», осторожно предполагают, что крепость была построена в I в. до н.э. и существовала до начала VI в.н.э.[7] В своих выводах они опираются на материалы зольника, публикация которых готовится в настоящее время автором настоящей статьи. Эти напластования сформировались около крепости и предшествовавшего ей более раннего убежища. Однако, хотя они и дают достаточно полный хронологический срез культурных отложений, но, тем не менее, не определяют дату возведения «цитадели». В целом, традиционно считается, что развитие фортификационных сооружений Опука первоначально было предпринято в период войны Сатира I и Левкона I против Феодосии, когда Киммерик стал пограничным городом, в то время как более поздние оборонительные сооружения, к которым относятся «цитадель» и «восточная стена» на водоразделе горы, как правило, связываются с фортификационной деятельностью Асандра[8].

Предпринятые автором раскопки участка западной куртины крепости, прилегавших к ней двух внутренних построек «казарменного» типа («казематов») и мусорных напластований между внешним фасадом куртины и остатками протейхизмы (парапета) на краю рва (Рис. 2) позволили уточнить время возведения тех построек цитадели, которые формируют в наше время сохранившийся облик этого сооружения. Стратиграфическая ситуация позволяет утверждать, что куртина и «казематы» были построены одновременно.

Стена куртины шириной 2.60-2.80 м, сложенная из крупных слегка обтесанных блоков известняка, сохранилась на высоту до 2.50 м. Она вытянута вдоль эскарпа по линии Ю-С и отделена ото рва остатками протейхизмы (парапета), сооруженного из дикарного известняка. Между куртиной и парапетом за время существования крепости сформировались мусорные отложения мощностью более 1,5 м. При возведении куртины грунт, содержавший культурные напластования и строительные остатки более раннего времени, был полностью удален до поверхности материковой скалы, неровности которой, насколько можно судить по исследованному участку, были снивелированы известняковой крошкой[9]. К внутреннему фасаду куртины примыкали помещения - «казематы», которые были отделены от нее проходом шириной чуть более метра. Из раскопанных помещений два, площадью около 14 и 8 кв.м, имели общий вход со стороны улицы. Их стены сохранились на высоту до 1.40-1.65 м, в одном из помещений располагалась печь тандырного типа. Оба помещения также были сооружены на вычищенной поверхности материковой скалы, которая одновременно служила полом помещений.

Фрагменты керамической тары и кружальной керамики, собранные в ходе раскопок помещений «казематов» и напластований под куртиной (Табл. I - II), распадаются на несколько репрезентативных групп[10], позволяющих уверенно датировать данное сооружение.

Наиболее массовым материалом в зольнике под куртиной, особенно в перекрытом им слое коричневого суглинка, относящегося ко времени возведения стены, были фрагменты красноглиняных амфор типа Делакеу с расширяющимся книзу горлом и профилированным желобками венцом (Табл. I). Этот тип амфор широко распространен в Северном Причерноморье. Морфологически выделяются три типа этих амфор. Начальная дата производства керамической тары этого типа определена достаточно приблизительно и относится к периоду 360 - 380 гг.н.э., а в целом его бытование следует относить к середине IV-V в.н.э.[11] Среди опукских материалов встречаются достаточно крупные фрагменты, для подавляющего большинства венчиков амфор из раскопок 1997 года характерны четкая профилировка края и выраженный гребень на тыльной стороне горла. Профилировка венчиков амфор этого типа в собранной коллекции достаточно разнообразна. Наиболее точный хронологический репер дают находки амфор данного типа из Ятруса, где они были встречены в комплексах периода «А», который датируется Б.Беттгером 360-408 гг.н.э.; вероятней всего, амфоры этого типа появляются около середины IV в.н.э. Примечательно, что подобные амфоры не встречались при раскопках са-

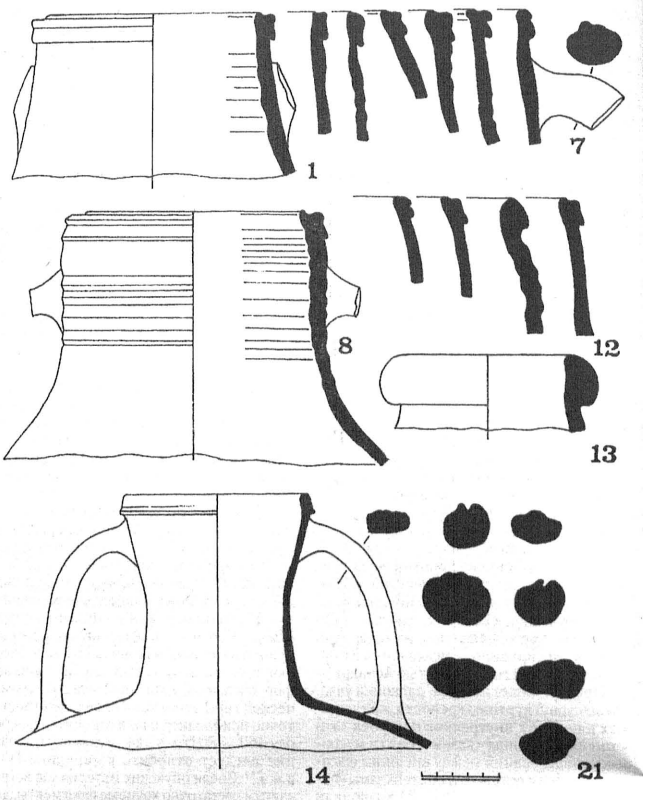


Таблица I.
Керамический материал из раскопок. Амфорная тара.

мого городища Киммерик[12], расположенного в 1.5 км по прямой от крепости на юго-западном приморском склоне г. Опук.

Другой значительной группой керамической тары, встреченной в слоях цитадели (как при раскопках помещений «В» и «С», так и зольных напластований), являются красноглиняные широкогорлые амфоры типа 96-97, по Зеест. Фрагменты этих амфор пока не встречены в слоях времени сооружения куртины (относящихся к IV в.), в то время как их крупные фрагменты, включая археологически целую форму одного из сосудов (Табл. I, 14*), зафиксированы в обо-

* Полная реконструкция данного сосуда на таблице не воспроизведена.

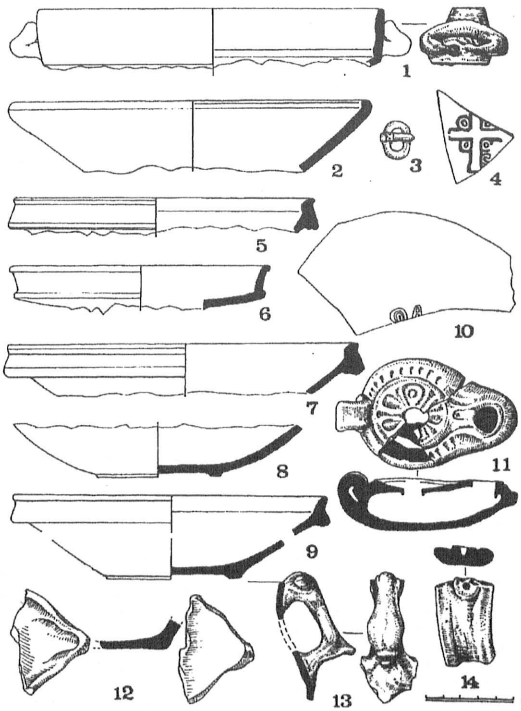


Таблица II. Керамический материал из раскопок.

1 - буролаковая чаша середины I в.н.э. из поверхностного слоя за куртиной.
2 - венчик краснолаковой миски типа «Африканский красный лак» 2-ой половины IV - 1 четверти V вв.н.э. из погребенного зольником слоя коричневого суглинка
3 - бронзовая пряжка.
4 - монограмматический крест на донной части краснолаковой миски 470 - 580 гг.
5,7 - венчики мискок типа «Позднеримский красный лак» начала VI - VI вв.н.э. (5- из мусорных напластований за куртиной, 7 - с пола помещения).
6 - краснолаковая миска типа III Д-1 или III Г-1 по А.Труфанову - из мусорных напластований за куртиной.
8 - кольцевой поддон краснолаковой миски с пола помещения.
9,10 - неполный профиль краснолаковой миски с фрагментом монограмматического креста из мусорного слоя за куртиной.
11 - красноглиняный светильник с солярным орнаментом на щитке с пола помещения.
12 - фрагмент ладьевидного лепного светильника из слоя разрушения помещения.
13 - зооморфная ручка лепного сосуда из мусорных напластований за куртиной.
14 - профилированная ручка лепного сосуда с декоративным налепом из верхних слоев мусорных напластований за куртиной, конец III в.н.э.

их помещениях «казематов», разрушенных на финальном этапе существования крепости. Подробная типология и хронология этих амфор (IV-VI вв.) пока не разработаны, однако можно говорить об их бытовании в V-VI вв. А.В. Сазанов предлагает достаточно широкую датировку для этого типа сосудов - от конца IV до третьей четверти VI вв.н.э.[13]

Среди находок также достаточно часто встречаются узкогорлые светлоглиняные амфоры типа Е, по Д.Б.Шелову[14]. Большая их часть найдена в отложениях коричневого суглинка под зольником (под стеной цитадели), однако в наматериковом слое они пока не были встречены. Амфоры этого типа отличаются более массивным округлым венчиком и округлым дном. Амфоры этого типа часто встречаются на поздних боспорских памятниках и их следует относить к последней четверти IV - V вв. Их дополняет группа светлоглиняных амфор типа F, которые бытуют во второй четверти IV - конце IV вв., но не позднее середины V в.[15]

Амфоры с рифлением типа «набегающая волна» (Табл. I, 16, 18) довольно редки среди находок и в основном представлены в верхней части погребенного зольником слоя коричневого суглинка. Это явление достаточно закономерно, поскольку амфоры этого типа в основном характерны для слоев боспорских памятников второй половины V и вплоть до первой половины VII в.н.э. [16], однако для цитадели Киммерика последняя дата едва ли приемлема.

Среди наиболее характерных находок в рассматриваемых слоях выделяются немногочисленные фрагменты краснолаковых мисок группы «африканские краснолаковые сосуды, форма 62, тип В», которые Дж. Хейс датирует 350-425 гг.[17] (Табл. II, 2). На памятниках позднеантичной и раннесредневековой Таврики сосуды этого типа были очень распространены в слоях от первой половины IV в. до третьей четверти VI в[18]. Один фрагмент из погребенного зольником слоя коричневого суглинка принадлежит к довольно редкому для Таврики типу «африканского красного лака формы 67», который Дж.Хейс датирует 360-470 гг. В слое завала обоих помещений, а также в мусорных напластованиях под куртиной обнаружены фрагменты краснолаковых мисок с греческими монограмматическими крестами («поздний римский С ,форма 3») конца V - третьей четверти VI в.[19] (Табл. II, 4, 8, 9-10). В том же слое завала встречен бронзовый статер плохой сохранности Фофорса или Рескупорида VI, датируемый 285-310 гг. или первой третью IV в.

В погребенном зольником слое коричневого суглинка также встречены фрагменты (венчик и стенка) стеклянного кубка зеленовато-оливкового стекла с каплей синего стекла типа I Д по Н.П.Сорокиной. Этот вид стеклянных изделий датируется гуннским временем и относится к концу IV - первой половине V в.н.э.[20] К числу других показательных находок следует отнести бронзовую пряжку, затерявшуюся в трещине пола помещения В (Табл. II, 3). Она принадлежит ко второй варианту (по классификации А.И.Айбабина) и датируется первой половиной - серединой IV в.н.э.[21] Обстоятельства ее находки позволяют полагать, что она была утеряна вскоре после сооружения помещения. То же можно сказать и о красноглиняном светильнике, оказавшемся в подсыпке неровностей скального пола (Табл. II,11). Наиболее близкая его аналогия (но с несколько иным обрамлением щитка) датируется поздним III - серединой IV вв.н.э.[22]

Приведенные находки позволяют заключить, что возведение комплекса крепости (в том виде, в котором он дошел до наших дней[23]) относится к периоду не ранее первой половины IV в. На это время приходится заключительный этап херсонесско-боспорских войн, начавшихся в конце III в.н.э., в которых Киммерику также была отведена определенная роль, связанная с изменениями границ Боспора. Рассматриваемый краткий период истории Боспора и Херсонеса достаточно скудно освещен источниками. Основным письменным источником по данному вопросу пока остается 53 глава дидактического сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей».

Сложение на побережье Меотиды полиэтничного союза варварских племен оказало огромное влияние на политическое и этно-культурное состояние Боспорского государства, которое оказалось втянутым в так называемые «готские» и «скифские» войны и последующие набеги на земли римских провинций[24]. Появление нового варварского субстрата в боспорском обществе оказало значительное влияние на дальнейшее политическое развитие Боспора. В частности, оно вылилось в противоборство Боспора с Херсонесом, который и после вывода римского гарнизона в третьей четверти III в.н.э., оставался в союзнических отношениях с Римом и рассматривался им как римский форпост в Таврике.

Константин Багрянородный сообщает о

трех херсонесско-боспорских войнах. Первая произошла в правление императора Диоклетиана (284-305 гг.), вероятно около 291-292 гг.[25], когда «скифы» Меотиды под руководством боспорянина Савромата (имя, которое у Константина Багрянородного, как мы увидим, приобретает этно-нарицательное значение) вторглись в Лазику и римские владения в Малой Азии. Римские войска во главе с трибуном Константом I не смогли нанести поражения варварам, и Диоклетиан обратился к Херсонесу с просьбой выступить в глубоком тылу противника. Херсонесские войска нанесли боспорянам поражение, захватили столицу царства - Пантикапей и пленили семьи знатных граждан. Это вынудило варваров заключить выгодный для Рима мир. Вторая война разразилась после совместных боевых действий римлян и херсонесского войска на Истре во второй декаде IV в. Боспорский царь, все также названный Савроматом, сын Крискорона, внук того самого Савромата, который в 291-293 гг. воевал с Констанцием Хлором, стремясь к реваншу, желая отомстить за прошлые поражения, вновь собирает среди «варваров» Меотиды войско и выступает против Херсонеса. В местности Кафа боспорское войско было разгромлено, и там были установлены пограничные знаки, маркировавшие границу Боспора.

Вопрос о том, как изменялись территориальные владения Боспора в результате первых двух войн, представляется нам достаточно сложным, но вполне открытым для дискуссий. Судя по всему, в ходе первой войны территориальные владения Боспора вероятно не были нарушены. К сожалению, помимо сообщений Константина Багрянородного, иных достоверных сведений, кроме кладов, мы пока не имеем. Первый клад, датированный временем не ранее 291 г., был найден в Судаке (с. Уютное) в 1958 г. и, скорее всего, был тезаврирован во время первой войны Боспора и Херсонеса. Он содержал более 1000 статеров боспорских правителей от Ининфимея до Фофорса и лишь один денарий Гордиана III[26]. Второй клад, получивший название Тарахташского и, вероятно, связанный с событиями второй войны, был найден в с. Дачное в ближних окрестностях Судака в 1908 г.[27] и содержал статеры Рескупорида III, Савромата IV, Тейрана, Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI, при этом большинство монет принадлежит чекану Рескупорида VI и Фофорса. Кроме того, в кладе было встречено некоторое число медных выпусков римских императоров - Максимиана, Максенция, Максимина, Лициния и Константина. Наиболее поздняя монета клада датирует тезаврацию клада временем не ранее 328 г.н.э. Состав судакских кладов (главным образом, Тарахташского) является вопросом дискуссионным, но вполне показательным. Сравнивая монетные клады III - IV вв.н.э., происходящие с территории Боспорского государства, К.В.Голенко отмечает, что из 33 известных в настоящее время* кладов «только в пяти присутствовали римские монеты», при этом в четырех из них** содержались лишь пять римских эмиссий, и только в одном Тарахтаншском кладе «среди 607 определенных монет оказалось 69 римских». К.В.Голенко объясняет это тем, что клад был зарыт за пределами Боспорского государства «вблизи владений Херсонеса, на рынках которого в конце III и в IV вв.н.э. господствовала римская общеимперская монета.»[28] Однако в данной ситуации ссылка на состав денежного обращения Херсонеса вряд ли является сильным аргументом. Так, по наблюдениям А.М.Гилевич, «прекращение в конце III в. выпуска (Херсонесом - В.Г.) собственной монеты привело к тому, что в городе наряду с римской медью стали обращаться монеты последних боспорских царей, что послужило стимулом к интенсивному притоку меди с Боспора. Этим только и можно объяснить огромное количество монет Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI, встречающихся в Херсонесе»[29]. Римские монеты, приведенные в списке А.М.Гилевич и выпущенные в годы херсонесско-боспорских войн, то есть в период от конца III в. до 337 г.н.э., составляют 459 экз. Чекан боспорских правителей того же времени (Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI), включая утраченные монеты конца III - IV вв., среди находок в Херсонесе составляет также значительное количество - не менее 368 экз. В целом, римская и боспорская монета распределяются почти поровну, составляя соответственно 55.5 и 44.5 %%. И хотя приведенную А.М-

* За последние годы был обнаружен ряд кладов интересующего нас времени: Шумреченский, Анапского района (1972) и Батарейский клад (1975) из Темрюкского района Краснодарского края (Р.А.Исанчурин, Е.Р.Исанчурин. Монетное дело боспорского царя Радамсада. \\ НЭ.-1989, т. XV. с. 92-93), но их состав, в целом, не меняет общей картины.

** включая упомянутый Судакский.

.Гилевич сводку монет можно считать устаревшей, с точки зрения статистики она вполне репрезентативна, поскольку охватывает находки из раскопок, проводившихся на территории города многие десятилетия (с 1888 по 1963 гг.). Закономерно возникает вопрос: насколько чуть более 11 % римских эмиссий из числа монет Тарахташского клада, на фоне абсолютного большинства боспорских статеров, могут отражать зависимость местного (приграничного) денежного рынка от денежного обращения Херсонеса? Мы не можем полностью отрицать, что римские выпуски участвуют в денежном обращении самого Боспора[30] - они часто, хотя и в небольшом количестве, встречаются при раскопках боспорских городов на европейской и азиатской сторонах пролива[31]. Кроме того, мы не можем полностью принять и тезис о том, что римская монета не встречается в кладах коренных областей Боспора. Во-первых, многие клады попадают в руки исследователей не в полном виде; часть монет остается на руках у находчиков или держателей. Во-вторых, Судакский и Тарахташский клад не являются единственными кладами содержавшими римские эмиссии, так 4-й Керченский клад 1904 г., датированный временем не позднее 336 г.н.э., содержал два ауреуса Константина II. При этом клад оказался сильно фрагментированным. Бесспорно правы Р.А.Исанчурин и Е.Р.Исанчурин, выделяя на Боспоре три зоны денежного обращения, имевших свои особенности, - центральную, западную и восточную. Они справедливо отмечают, что восточный район тяготеет к денежному рынку Кавказа и Восточного Причерноморья, а в западном «циркулируют незначительные группы римских» монет[32]. Это заставляет нас усомниться в том, что наличие римской монеты в Тарахташском кладе исключительно связано с херсонесским влиянием, скорее всего отражая лишь особенности денежного обращения этой части Таврики. Незначительное количество римской меди или ее отсутствие в кладах из коренных областей Боспора можно объяснить двояко. С одной стороны, в ходе херсонесско-боспорских войн приток римской монеты на Боспор из Херсонеса мог значительно сократиться. С другой стороны, этот факт мог не отразиться на денежном хозяйстве Боспорского государства, ибо (в отличие от Херсонеса) Боспор сохраняет, хотя и полностью деградированный, но самостоятельный чекан статеров, вполне удовлетворяющий как свой внутренний денежный рынок, так, кстати, и херсонесский. Таким образом, мы не можем с полной уверенностью принять предположение К.В.Голенко о том, что материалы Тарахташского клада отражают тесную связь с денежным рынком Херсонеса. Более того, как мы видим, широкое обращение боспорской меди в самом Херсонесе и обращение римского чекана на Боспоре заставляют привлекать нумизматический материал с большой осторожностью.

Однако в любом случае следует признать, что в период 291-292 и 328-329 гг. н.э. Судакская долина и ее окрестности входила в зону, в которой свободно и активно обращались эмиссии боспорских правителей. А сам факт, что оба клада, судя по всему, были зарыты в ходе первых двух войн, может подтверждать и то, что окрестности Судака входили в состав Боспора.

Известная надпись Аврелия Валерия Сога, сына Олимпа (КБН, № 64), датированная 603 г.б.э. (306 г.), позволяет говорить, что Феодосия в период между первой и второй войнами находилась под властью Боспора и, не исключено, что и перед третьей войной владения Боспора простирались за пределами Феодосии. Описывая битву между боспорянами и херсонитами, Константин Багрянородный отмечает, что она произошла вне города, в местности, именуемой Кафа (ἔξω ἐν τᾶς τοῦ λεγομένου Καφᾶ τόποις). Издатели справедливо отмечают, что поскольку в тексте употреблено наречие ἔξω[33], обозначающее «вне, вне дома, города, по ту сторону, снаружи, etc.», граница боспорского государства пролегала за Феодосией, которая (согласно географическому трактату из собрания Государственного Исторического Музея) к периоду 360 - 386 гг. уже именовалась Кафой[34]. Однако текст источника прямо не указывает, что по завершении второй войны граница пролегла именно через Кафу - Феодосию, хотя ряд исследователей считает это доказанным фактом. Константин Багрянородный прямо указывает, что пограничные знаки были установлены «в том самом месте под названием Кафа, где, сразившись, победили Савромата»[35] (ἐν τῷ αὐτῷ λεγομένῳ Καφᾶ, εν ᾧ τόπῳ πολεμήσαντες τὸν Σαυρομάτον ἐνίκησαν). Это в первую очередь ставит вопрос, что понимать под «Кафой» Константина Багрянородного - город Феодосию-Кафу или всю территорию, находившуюся под юрисдикцией этого центра. Бесспорно прав Е.А.Катюшин, отмечая, что под топонимом Кафа «у Константина Багрянородного выступают некие земли, являвшиеся,

с его слов, ареной вооруженных стычек боспорян с херсонеситами, а вместе с тем - и непосредственным предметом раздора между ними»[36]. Однако вряд ли правомерно отождествлять территорию «Кафа» с округой античной Феодосии более раннего времени, северная, северо-западная и восточная границы которой предположительно восстановлены Е.А.Катюшиным[37]. В этой связи встает вопрос: какими же были территориальные владения Боспора в это время, и где пролегала его западная граница? К сожалению, в научном обороте имеется ничтожное количество информации о позднеантичных памятниках окрестностей Коктебеля, Щебетовки и Судака, однако их наличие не вызывает сомнения[38]. В этом случае, следует допустить, что часть плодородных приморских долин, включая окрестности Судака, могла входить в сферу прямого политико-экономического влияния боспорской Кафы. А в результате второй войны ареал политико-экономического влияния Боспора был лимитирован округой Кафы - то есть, вероятно, той территорией, которой Боспор владел после присоединения Феодосии и в момент своего наивысшего расцвета в IV в.до н.э. Судя по всему, результатом этой войны стала попытка поставить крест на стремлении Боспора распространить свое влияние в Таврике в той мере, в какой он обладал им в митридатовский и постмитридатовский период.

Третий клад был обнаружен в 1927 г. у горы Курубаш в окрестностях Феодосии[39]. Клад состоял исключительно из статеров Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI. Клад датируется временем не ранее 327 г.н.э. Материалы этого клада также мало могут помочь в выяснении геополитической обстановки в данном регионе, поскольку мы можем лишь гадать, связан ли он с непосредственными военными действиями, или зарыт осторожным хозяином при известии о начале новой войны.

Третья война Боспора с Херсонесом произошла в период не ранее 336 г.[40] В результате поединка «венценосца и протевона страны херсонитов» Фарнака, сына Фарнака и боспорянина Савромата, решившего исход в последней войне, граница боспорских владений была отодвинута от Кафы и установлена у Киверника (Киммерика), где были возведены пограничные знаки. Издатели и комментаторы труда Константина отмечают, что оставленные боспорянам 40 миль земли указывают на границу Боспора в районе «местечка» Казека[41]. Однако Казека расположена на расстоянии 40 миль от Пантикапея по прямой, и вряд ли пределы Боспора устанавливались таким механическим способом. Кроме того, местность в окрестностях данного поселения мало подходит для возведения здесь государственных рубежей - она как перед Казекой со стороны Феодосии, так и между Киммериком и Казекой, насколько можно судить по скудным данным об археологической ситуации того времени, была практически не заселена[42]. Если пределы европейской части Боспора определялись от Пантикапея не по прямой, а по линии побережья, граница попадает именно в район Киммерика. Кроме того, не исключено, что расстояние в 40 миль относится не к участку между границей и столицей Боспора, а ко всей территории его европейской части до Боспора Киммерийского. В этом случае граница вновь приходится на окрестности Киммерика. Район Киммерика по своим фортификационным данным бесспорно выигрывает в сравнении с Казекой - он замыкает с юга мощный Узунларский вал, пересекающий весь полуостров. И скорее всего, по этому валу и пролегла последняя граница позднеантичного Боспора.

С событиями последней боспорско-херсонесской войны, на наш взгляд, связана заключительная кардинальная реконструкция цитадели и оборонительных стен на водоразделе горы, проведенная около второй четверти IV в. При этом, следует заметить, выбор Киммерика вряд ли случаен - Боспору, вероятно, была осознанно оставлена территория, подвластная ему до начала борьбы Спартокидов за подчинение Феодосии, и Киммерик вновь становится боспорским пограничным городом. Находка под стенами крепости стелы с рунами старшего футарка[43] позволяет предполагать, что охрана этой границы могла осуществляться «варварами» из числа древнегерманских племен, осевших на побережье Меотиды и на Боспоре и вовлеченных в конфликты Боспора и Херсонеса. Найденная стела бесспорно относится к языческому периоду германцев Восточного Крыма, поскольку, согласно сообщениям Иоанна Златоуста, к концу IV в. боспорские германцы уже были православными.

Цитадель Киверника, вероятно, просуществовала до конца первой трети VI в., о чем свидетельствуют находки фрагментов краснолаковых мисок группы «Поздний римский С» формы 3 типа Е, по Дж. Хейсу (Табл. II, 5, 7), и фрагменты амфор с рифлением типа «набегающая волна» в слое разрушения памятника. Его гибель, веро-

ятно, следует отнести к военным конфликтам на Боспоре в VI в.[44]

Таким образом, мы можем предполагать, что результатом херсонесско-боспорских войн стало целенаправленное территориальное ограничение боспорского влияния в Таврике - в ходе первой войны Рим, вероятно, не вмешиваясь в территориальные вопросы, дал Боспору понять о сохранении зоны своих интересов на полуострове, выразителем которых выступал Херсонес. В ходе второй войны сфера влияния Боспора в Таврике была сведена к «историческим» границам этого государства времен ранних Спартокидов, а в результате третьей - Боспор был низведен к землям, которыми он обладал на полуострове в период сложения Боспорского царства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Первоначально Дюбрюкс посчитал ее городом Китеем, однако вскоре принял справедливую критику своей гипотезы И.Бларамбергом.
2. Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // ЗООИД. 1858. Т. IV. С. 81 сл.
3. Бларамберг И. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД. 1848, Т. II. С.10.
4. Марти Ю.Ю.Городища Боспорского царства (Киммерик, Китей, Акра)//ИТОИАЭ. 1928. Вып.2 (59). С.10
5. Зеест И.Б. Раскопки Киммерика в 1947-1948 г. // ВДИ. 1949. № 3. С.95.
6. Кругликова И.Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947-1951 гг. // Боспорские города, т. II (МИА. 1956. № 85). С. 221.
7. Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Оборонительные сооружения Европейского Киммерика // Проблемы истории, филологии, культуры. Часть 1. История. Магнитогорск. 1997. Вып.4. С. 141.
8. В числе последних работ: А.А. Масленников. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М. 1998. С. 269.
9. Судя по отдельным находкам из мусорных напластований за куртиной крепости, процесс расчистки культурных напластований более раннего времени происходил и после возведения крепости по мере освоения ее внутренней территории, о чем свидетельствуют отдельные находки I - III вв.н.э. (Табл.II, 1, 13-14).
10. Автор выражает искреннюю признательность В.Ю. Юрочкину за помощь в анализе керамического комплекса.
11. А.В.Сазанов допускает и более позднее их использование, вплоть до 2 четверти VI в. (Сазанов А.В. О хронологии Боспора в ранневизантийское время // СА. 1989. № 4.С. 50.
12. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора// МИА №83. 1960. Аннотация к типу 100.
13. Полная реконструкция данного сосуда в таблице не воспроизведена.Сазанов А.В. О хронологии Боспора... С.47.
14. Полная реконструкция данного сосуда в таблице не воспроизведена.Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156.
15. Сазанов А.В. О хронологии Боспора... С. 45.
16. Сазанов А.В. О хронологии Боспора... С. 44.
17. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London. 1972. P. 109.
18. Сазанов А.В. О хронологии Боспора... С.53.
19. Hayes J.W. Late Roman Pottery... P.363 ff. В.Ф. Гайдукевич датировал несколько более ранним временем: «Найденные в помещении VII обломки краснолаковых блюд с оттиснутыми на дне с помощью штемпеля крестами относятся к последней четверти IV-V вв. н.э., т.е. к периоду, когда на месте Тиритаки возникла усадьба и вновь обосновались жители, использовавшие это строение лишь частично. Обломки блюд вышеуказанного типа обнаруживались в завалах над слоем пожарища и в других помещениях усадьбы» (Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг.// МИА.1952. № 25. С. 126-127, рис. 160, 161).
20. Сорокина Н.П. О сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971.№ 4. С. 90.
21. Айбабин А.И. Хронология могильников позднеримского Крыма и ранесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 27, рис. 22, 3-4.
22. Chrzanovski L., Zhuravlev D.. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow. (Studia Archaeologica, 94). Roma. 1998. P. 127-128, N 70.
23. Лишь раскопки внутри «цитадели» позволят определить ее преемственность с более ранним укреплением.

24. Подробнее об этих событиях см.: Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954; он же. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275-279 гг.// ВДИ. 1964. №4; Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990; Пиоро И.С. Крымская Готия. Очерки этнической истории населения Крыма в позднеантичный период и раннее средневековье. Киев, 1990; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская Империя. Киев, 1998 и др.
25. Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора// Античное общество. М., 1967. С.204 сл.
26. Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М. 1966. С. 188. Голенко К.В. Третий Патрейский клад (1970г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в.н.э.// НЭ. 1978. т. XII. СС. 11-12, 39, № 22.
27. Стевен А. Таракташ ский клад // ИТУАК. 1909. Т. 19. С. 99 сл.; Голенко К.В. Третий Патрейский клад... С. 39, № 23. Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время... С. 189.
28. Голенко К.В. Третий Патрейский клад... С. 17, ссылка 28.
29. Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса// НиС. 1968. С. 16.
30. Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р. Монетное дело боспорского царя Радамсада // НЭ. 1989. № 15. С. 66.
31. К сожалению, автор вынужден опираться лишь на устаревшую сводку, приведенную в работе Кругликовой И.Т. Боспор в позднеантичное время... С. 192-193.
32. Р.А.Исанчурин, Е.Р.Исанчурин. Монетное дело боспорского царя Радамсада // НЭ. 1989. № 15. С. 92-93.
33. Константин Багрянородный. Об управлении империей/ Текст, перевод, комментарии под ред. Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. М. 1989. С.454, ссылка 24.
34. Шангин М. Новый географический текст// ВДИ. 1938. №4. С.252-255.
35. Константин Багрянородный. Об управлении империей. С.255. Привожу перевод издателей.
36. Катюшин Е. Феодосия. Каффа. Кефе. Феодосия. 1998. С. 51.
37. Катюшин Е. Феодосия... С. 23 и далее.
38. В начале 1980-х гг. автору посчастливилось принять участие в разведках с применением аэрофотометодов под руководством К.К.Шишкина, в ходе чего были обнаружены многочисленные участки культурного слоя позднеантичного времени в окрестностях Коктебеля и в долине под южным склоном Таракташа. К сожалению, результаты этих разведок не были обработаны должным образом.
39. Шелов Д.Б. Феодосийский клад боспорских «статеров» // ВДИ. 1950. № 2. СС. 134 слл.; Голенко К.В. Третий Патрейский клад... С.40, № 29.
40. Проблему датировки этих событий см.: Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев. 1998. С.159.
41. Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 454, ссылка 27.
42. Отчасти, определенную роль в этом сыграла и не вполне благоприятная гидрогеологическая ситуация в этой части Керченского полуострова.
43. Голенко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В. Рунический камень с г. Опук в Крыму и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // Древности Боспора, вып. 2. М., 1999. С. 77-97.
44. Сазанов А.В. Боспор в ранньовізантійский час // Археология. 1991. № 2.

Д.В.Журавлев, Л.Хршановски

ГРУППА ГРЕЧЕСКИХ СВЕТИЛЬНИКОВ ИЗ ХЕРСОНЕСА

Светильники античного времени всегда привлекали внимание исследователей яркостью материала и своей информативностью. Для территории Северного Причерноморья наиболее подробно были исследованы светильники именно из Херсонеса. Но даже здесь сразу бросается в глаза некоторая неравномерность в исследовании. Так, если римские светильники из Херсонеса сравнительно подробно были рассмотрены В.И.Кадеевым и С.Б.Сорочаном, то к осветительным приборам более раннего времени практически никто не обращался. Не так давно авторами публикуемой статьи был издан первый том каталога светильников Государственного Исторического музея - светильники из Херсонеса[1]. К сожалению, полностью издать русский вариант в настоящее время невозможно, и мы решили ввести в научный оборот по крайней мере светильники классического и эллинистического времени из московского собрания. Несмотря на то, что коллекция херсонесских светильников ГИМ небольшая, в ней присутствует ряд важных и интересных экземпляров, в том числе и относящихся к древнейшему периоду существования города. Так, в частности, публикуемая нами группа ранних светильников, датируемых концом VI - первой половиной V вв. до н.э., служит прекрасной иллюстрацией к концепции о раннем Херсонесе, разработанной М.И.Золотаревым и Ю.Г.Виноградовым[2].

К сожалению, паспортные данные на публикуемые нами светильники отсутствуют, что затрудняет датировку. Кроме того, в связи с тем, что произвести анализы глины в настоящее время не представляется возможным, все определения центров производства даны нами лишь предположительно и в дальнейшем могут быть скорректированы. Номера светильников в статье соответствуют номерам по английскому изданию каталога.

Рис.1.1 Открытый гончарный светильник округлой формы. Стенки светильника вертикальные. Большое отверстие для фитиля сделано в нижней части стенки, соединяясь со скругленным на конце рожком небольшого размера. Дно светильника плоское, ручка отсутствует. Глина - светло-коричневая (7.5 YR 6/4)[3], без заметных включений, лаковое покрытие отсутствует. Следов горения на рожке не прослежено. Размеры: длина - 7,1; ширина - 5,3; высота - 1,4 см.

Инв. № 33426, ОВП 539, Оп. 121/I, № 49. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Место изготовления: Не исключено, что этот светильник является изделием местных мастерских.

Аналогии: точные параллели этому светильнику нами не найдены; при этом он имеет ряд общих черт с экземплярами из Археологического музея Стамбула[4].

Дата: без археологического контекста точная датировка затруднительна; при этом отнесение светильника к VI-V вв.до н.э., основанное на его форме, представляется нам наиболее вероятным.

Рис.1.2 Открытый гончарный светильник круглой формы, стенки слегка загнуты внутрь. Дно плоское, изнутри в центре имеется невысокий конический выступ. Ручка отсутствует. Рожок широкий, массивный, с большим овальным отверстием для фитиля. Глина - светло-оранжевая (5 YR 6/6). Лак - от красного (2.5 YR 5/6) до темно-коричневого (5 YR 3/3). Размеры: длина - 9,5; ширина - 7,2; высота - 2 см.

Инв. № 33426, ОВД 542, Оп. 121/I, № 49. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича до 1894 г.

Место изготовления: Этот светильник, вероятно, имеет аттическое или родосское происхождение[5]. Подобная форма восходит к светильникам афинского производства типа Howland 12 A[6]. Глина публикуемого светильника близка по описаниям Хоуланда светильникам, найденным в Афинах, и светильникам, найденным в Линдосе, для которых авторы публикации стамбульской коллекции предполагают родосское производство[7].

Аналогии: самые близкие аналогии - светильник, найденный в Пантикапее[8], а также экземпляры из Археологического музея Стамбула[9].

Дата: экземпляры из Афин относятся ко второй четверти VI - V вв. до н.э.

Рис.1.3 Гончарный светильник открытого типа. Стенки светильника слабо вогнуты, край их немного нависает как снаружи, так и изнутри. В центре дна сделан возвышающийся над стенками конический выступ. Носик широкий, частично утрачен, ручка отсутствует. Нижняя часть светиль-

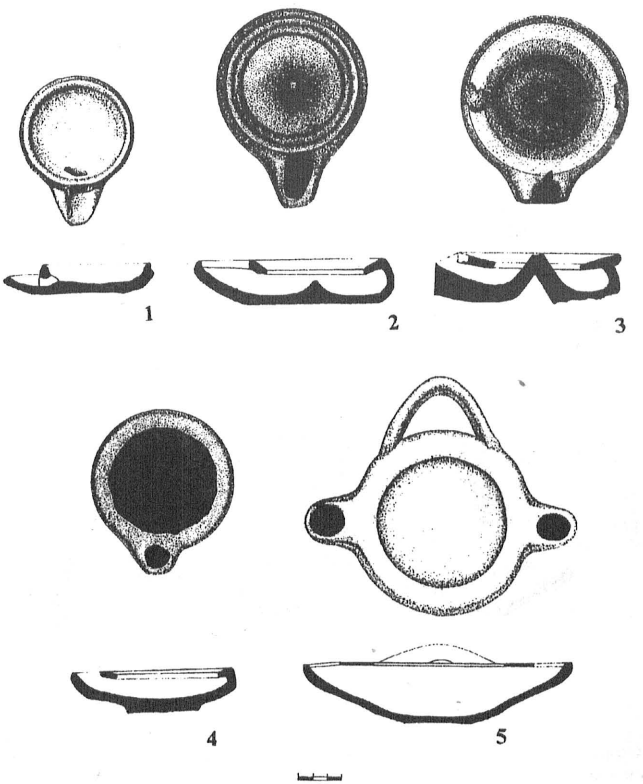


Рис. I

ника, сильно поврежденная с одной из сторон, вогнута в центре, образуя описанный конический выступ[10]. Глина бежево-коричневая (10YR 7/4), с включениями слюды. Светильник покрыт темным серо-черным (10YR 3/1) лаком лишь местами: с одной стороны, для декоративных целей - двумя кольцевыми полосами по краю венчика и на рожке, а для предотвращения впитывания масла в пористую глину - по всей нижней внутренней поверхности тулова. Размеры: длина - 8,9; ширина - 8; высота - 2,2 см.

Инв. № 33426, ОВД 536, Оп. 121/I, № 49. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, до 1894 г.

Место изготовления достоверно не известно; возможно, импорт из восточной Эгеиды[11] или местное производство.

Аналогии: В Северном Причерноморье

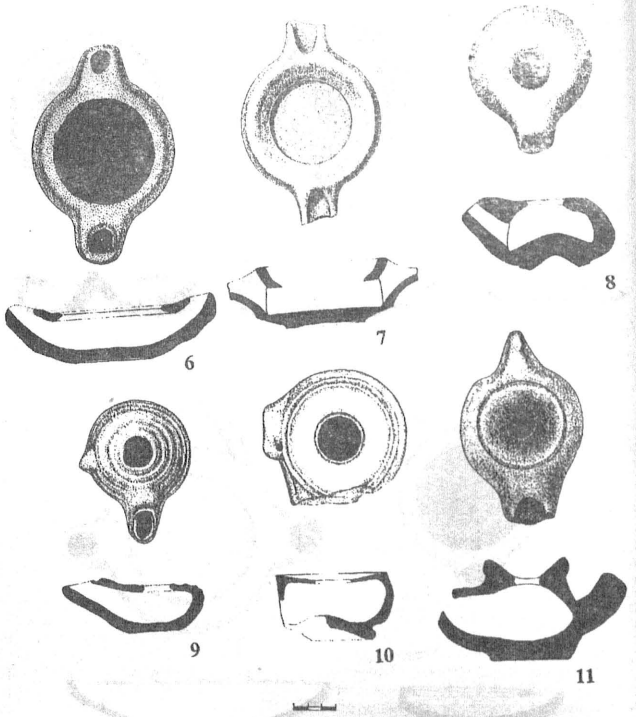


Рис.2

близкие светильники были найдены в Пантикапее[12] и Ольвии[13]. Два подобных светильника хранятся в Археологическом музее Стамбула[14].

Дата: близкие афинские светильники типа Howland 16 датируются второй половиной VI - 20-ми годами V вв. до н.э.[15]

Рис.1.4 Открытый гончарный светильник круглой формы. Вместилище для масла неглубокое, стенки вогнуты, их края неровные. Дно светильника слабо вогнуто. Рожок короткий, скругленный на конце, с большим отверстием для фитиля. Ручка отсутствует. Глина - светло-коричневая (5Y 8/6), лак - серо-коричневый, оливковый (5Y 6/4). Размеры: длина - 7,6; ширина - 6,5; высота - 1,9 см.

Инв. № 33426, ОВД 511, Оп. 121/1, № 49. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича до 1894 г.

Место изготовления: Для близких образцов из других регионов Д.Бейли предположил[16], что это местная имитация известного и широко распространенного типа Howland 21 A[17]. Не исключено локальное (т.е. херсонесское) производство и нашего экземпляра.

Аналогии: светильник с острова Березань по форме сильно напоминает наш, однако глина, согласно описаниям, имеет некоторые отличия[18]. Светильник из Британского Музея[19] также очень близок публикуемому нами экземпляру, но у него основание несколько меньшего размера, а размеры в целом больше.

Дата: при сопоставлениях с афинскими параллелями - первая половина V века до н.э.; в Херсонесе же, по устной информации С.Б.Сорочана, подобные светильники были найдены даже в комплексах IV в. до н.э.

Рис.1.5 Гончарный открытый светильник круглой формы с двумя длинными рожками, расположенными по двум противоположным сторонам тулова. Центральная часть светильника открыта; окружена высокими тонкими стенками, вогнутыми вовнутрь. Дно светильника плоское. Между рожками расположена большая изогнутая ручка, круглая в сечении. Глина - красно-коричневая (2.5YR 5/6). Лак в разных частях светильника имеет различные оттенки - от бежевого (7.5YR 6/4) до кирпично-красного (2.5YR 5/6). Светильник имеет явные следы использования (горения) на рожках. Размеры: длина - 12,7; ширина - 10,8; высота - 2,5 (с ручкой - 3,6); диаметр центральной части - 6 см.

Инв. № 54746. Собрание графа А.С. Уварова.

Место изготовления: вероятно, светильник был изготовлен местными мастерами.

Аналогии: Этот тип светильников, очертания которого напоминают лампы Broneer, 5, хорошо известен на территории Боспорского царства, в частности, в Пантикапее[20] и Мирмекии[21]. Также известны светильник из Причерноморья[22] и светильник идентичной формы, но чуть меньшего размера и более низкого качества изготовления из Керчи (собрание Эрмитажа)[23]. Светильник, хранящийся в Римско-Германском музее в Майнце[24], также близок публикуемому не только в размерах, но и по характеру глины и лака. Этот экземпляр также происходит с Юга России. Из собрания Берлинского музея происходит еще один светильник из Южной России - идентичный по форме, но меньших размеров, который датируется V - IV вв. до н.э.[25]

Дата: Аналогичные светильники из Северного Причерноморья датируются V (или даже концом VI) - III вв. до н.э.

Рис.2.6 Открытый гончарный двурожковый светильник. Стенки загнуты вовнутрь, края неровные. Дно светильника немного вогнуто. Два длинных рожка, скругленных на концах, расположены по противоположным сторонам тулова; ручка отсутствует. Отверстия для фитилей, как, впрочем, и весь светильник, сделаны не очень аккуратно. Глина - кирпично-красная (2.5 YR 6/8) с мелкими белыми включениями, лак отсутствует. Размеры: длина - 11; ширина - 7,5; высота - 2,5 см.

Инв.№ 33426, ОВД 538, Оп.129/1, № 49. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича до 1894г.

Место изготовления: Наш светильник по размерам и профилировке напоминает родосские светильники, хранящиеся в Британском музее[26], но в отличие от них он лишен лакового покрытия. Гипотетически возможно предположить местную имитацию родосского типа светильников.

Аналогии: В Нимфее были найдены близкие светильники в виде керамического брака около печи[27]. Некоторые из них почти идентичны нашему экземпляру, некоторые - имеют в центре конический выступ. Близкий светильник с более высоким поддоном хранится в Эрмитаже (происходит с Юга России)[28].

Дата: между серединой V и серединой IV вв. до н.э.

Рис.2.7 Гончарный светильник круглой формы. Стенки в нижней части скруглены, кверху становятся почти вертикальными. Дно светильника слабо вогнуто. Два рожка расположены по противоположным сторонам, отверстия для фитиля имеют овальную форму. Ручка отсутствует. Внешняя сторона рожков имеет следы огня. Глина кирпично-красная (2.5YR 5/8), лак варьирует от красного (2.5YR 5/6) до темно-коричневого (2.5YR 4/6). Размеры: длина - 10,1 (в сохранившейся части); ширина - 7,1; высота - 3,3 см.

Инв. №: 33426, ОВД 539, Оп. 121/1, № 49. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича до 1894г.

Место изготовления: в связи с отсутствием близких аналогий, очевидно, можно предположить понтийское производство.

Дата: публикуемый экземпляр напоминает афинские светильники Howland, тип 23, датированные концом третьей четверти V - первой четвертью IV вв. до н.э.[29] Однако, афинские светильники почти всегда полностью покрыты черным лаком, в то время как наш экземпляр имеет красно-коричневое покрытие только снаружи.

Рис.2.8 Гончарный светильник с туловом шаровидной формы и длинным коническим рожком. Стенки загнуты внутрь, образуя ровное отверстие для наливания масла. Дно имеет небольшой выступ, с наружной стороны сильно вогнуто. Глина - оранжево-коричневая (5YR 6/6), с небольшими известковыми включениями. Снаружи светильник лаком не покрыт; внутренняя поверхность резервуара для масла, очевидно, была покрыта лаком темно-красного цвета (10R 4/6) для предохранения масла

от впитывания в глину. Размеры: длина - 7,6; ширина - 6,1; высота - 35 см.

Инв. № 33426, ОВД 543, Оп. 121/1, № 49. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича до 1894г.

Место изготовления: иероятно, местное производство(?).

Аналогии: ближайшая параллель - светильник неизвестного происхождения из коллеции Археологического Музея в Стам-

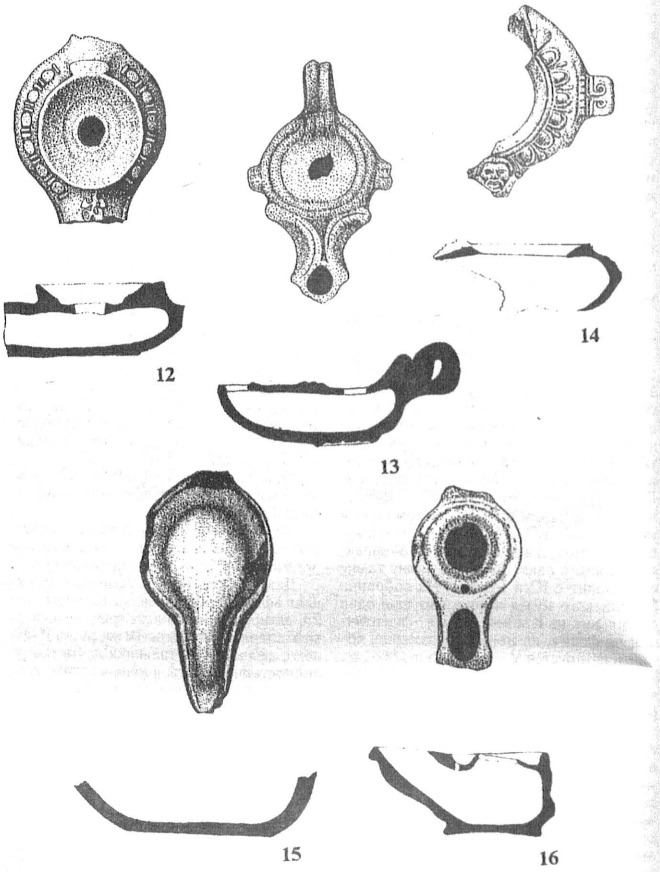


Рис.3

буле; размеры, визуальные характеристики глины и лака, покрывающего светильник изнутри, почти идентичны, судя по описанию авторов каталога, но рожок несколько длиннее[30]. Также близок он к светильнику из Ал Мина, хранящемуся в Британском Музее[31] (немного различаются лишь размеры). Профилировка светильника, хранящегося в Ларнаке,[32] также близка, но не идентична - светильник имеет выступ на одной из сторон, и верхняя часть тулова украшена кольцевыми бороздками. Близки нашему светильнику форма и размеры (кроме основания) трех светильников из Сицилии, из музея Кремоны[33]. Можно также провести некоторые параллели со светильником из Пантикапея (собрание Эрмитажа)[34].

Дата: середина IV - III вв. до н.э. Возможно, светильники этого типа связаны с некоторыми лампами, которые (как полагает целый ряд исследователей) являются пергамскими[35]; правда, в настоящее время доказательств для последнего утверждения нет. Этот тип светильников был широко распространен на территории Греции и Малой Азии в IV-III вв. до н.э.

Рис.2.9 Гончарный светильник круглой формы, верхняя часть почти плоская, вокруг центрального отверстия для масла сделаны концентрические бороздки. На одном из плечиков с левой стороны, прикреплена ручка-ушко. Длинный, трубчатый рожок со скругленным концом слегка поднят вверх. Дно плоское. Глина кирпично-красная (5YR 5/6), плохо отмученная, с черными включениями. Лак красный (10R 4/6), плохой сохранности. Размеры: длина - 7,2; ширина - 5,3 (с рожком - 5,7); высота - 2,6 см.

Инв. № 33426, Оп.121/I, № 49. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича до 1894г.

Место изготовления: Вероятно местное производство, однако наш экземпляр напоминает и коринфские светильники Broneer тип VII, и западнопонтийские типа Iconomu IV.

Аналогии: находки подобных светильников уже были зафиксированы на территории Херсонеса[36]. Также близки светильники из Археологического музея в Софии[37] и из Добруджи[38].

Дата: III в. до н.э.

Рис.2.10 Гончарный светильник округлой формы; неглубокая бороздка опоясывает щиток, в центре которого расположено широкое ровное отверстие для масла. С левой стороны - ручка в виде небольшого выступа с небольшим сквозным отверстием. Качество изготовления этого экземпляра очень хорошее, но к сожалению, он плохо сохранился - часть тулова и весь рожок утрачены. Дно несколько вогнуто, с соответствующим выступом изнутри на дне. Глина - темно-серая (5YR 3/1). Снаружи светильник был полностью покрыт черным (7.5YR 3/1) лаком. Размеры: длина - 7,2; ширина - 7; высота - 3,4 см.

Инв. № 26945, Оп. 116/I, №1. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1891г.

Место изготовления: Много подобных светильников, очевидно, местного производства, было обнаружено в Греции[39]; в понтийский регион они попадали, видимо, в качестве импорта.

Аналогии: Этот светильник принадлежит к широко распространенному типу Howland 25B. Несколько целых светильников этого типа были найдены в Тире в подвале № 289, который датирован концом III - началом II вв. до н.э.[40] Правда, их размеры меньше нашего экземпляра, а глина - светло-коричневая. На территории Причерноморья такие светильники были найдены в Одессосе[41], Ольвии[42] и около современной Одессы[43], в скифском погребении, отнесенном к IV в. до н.э. Похожие экземпляры происходят из Добруджи[44], Аполлонии[45], Пеллы[46] и Смирны[47]. Отдельные светильники этого типа хранятся в музеях Будапешта[48], Варшавы[49], Праги[50], Санкт-Петербурга[51].

Дата: начало III - начало II вв. до н.э.

Рис.2.11 Гончарный светильник так называемого «кувшинчикового типа". Массивный венчик, сильно расширяющийся кверху, приподнят над шаровидным туловом. Ручка конической формы, прилеплена почти вертикально. Широкий рожок частично обломан. Дно светильника плоское. Глина светло-коричневая (5YR 5/6), плохо отмучена, с известковыми включениями. Лак отсутствует. Светильник, очевидно, побывал в огне, и его левая часть сильно повреждена. Размеры: длина - 9,4 (в сохранившейся части); ширина - 6; высота - 5,1 см.

Инв. №: 39246, Оп. 119/I. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Место изготовления: вероятно, местное производство.

Аналогии: Форма и профиль напоминают некоторые светильники из Пантикапея, хранящиеся в Британском Музее[52], а также в ГМИИ им. А.С.Пушкина, но эти светильники имеют ряд морфологических отличий. Кроме того, в Историческом музее хранится еще один аналогичный светильник из Херсонеса (раскопки Н.В.Пятышевой), не

вошедший в настоящую публикацию.

Дата: II в. до н.э.

Рис.3.12 Гончарный светильник, форма тулова близка биконической, с острым углом между двумя частями. Верхняя часть светильника плоская, с центральным отверстием для наливания масла, окруженным узким высоким валиком (для предохранения масла от выливания при полном заполнении лампы). Правда, наш светильник не был обеспечен специальным отверстием для вытекающего масла (часто существовшими на таких светильниках), через которое собравшееся масло стекало внутрь лампы. «Усик» украшает верхнюю часть рожка, большая часть которого утеряна. Ручка также была отбита еще в древности. Дно плоское. Глина светильника светло-серая (2.5YR 4/1), лак - черный (2.5Y 4/1-2.5/1). Светильник имеет небольшие повреждения: ручка и большая часть носика утрачены. Размеры: длина - 6,9 (в сохранившейся части); ширина - 5,7; высота - 2,7 см.

Инв. №: ОВП 534. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Место изготовления: Очевидно, импорт из Малой Азии. Этот светильник может быть отнесен к эфесскому типу[53] (Howland, Тип 49, Bruneau Тип VII, 5).

Аналогии: самый близкий нашему экземпляр, хранящийся в Стамбуле[54], отличающийся главным образом низким валиком, окружающим отверстие для масла; декор на плечиках идентичен, различается лишь на рожке - три миртовых листа и голова.

Дата: Конец II - первая четверть I вв. до н.э.

Рис.3.13 Светильник изготовлен в форме. Плоский щиток, с отверстием для наливания масла посередине, окружен двумя концентрическими невысокими валиками. Эти два валика перекрыты ручкой, также изготовленной в форме, украшенной двумя бороздками, в нижней части которой расположен выступ, возможно имитирующий еще одну круглую профилированную ручку. Отверстие для масла обломано по краям, но из-за хорошего состояния светильника можно осторожно предположить, что слишком узкое отверстие было расширено преднамеренно в древности, с тем, чтобы расширить его, облегчая доступ масла внутрь[55]. Два изготовленных в форме вместе со светильником боковых выступа, с двумя бороздками каждый, были расположены в центре боковых сторон так, чтобы использоваться как маленькие ручки. Длинный носик окружен двумя большими волютами, на которых сделаны неглубокие бороздки. Дно светильника, по которому прочерчены две кольцевые бороздки, на низком поддоне. Глина, из которой был изготовлен светильник, серая (2.5Y 4/1), с большим количеством известковых включений. Лак отсутствует. Размеры: длина - 8,6; ширина - 5,2; высота - 2,4 (с ручкой - 3,6); диаметр щитка - 2,3 см.

Инв. №: 59 К. Таврическая губерния (Херсонес?), 1894 г.

Место изготовления: Можно предположить, что это слегка упрощенный дериват пергамских светильников.

Аналогии: Полных аналогий нами не найдено. Как уже отмечалось выше, близко к нашему экземпляру стоят светильники II в. до н.э. происходящие из Коринфа[56], отнесенные к эфесскому типу и два светильника неизвестного происхождения из Археологического музея Стамбула I в. н.э., где мы видим те же декоративные элементы[57]. Однако не только форма, но и качество изготовления этих ламп имеют сильные отличия. Поэтому мы можем предполагать лишь их отдаленное родство с публикуемым светильником.

Дата: дату публикуемого экземпляра установить сложно, поскольку восстановить археологический контекст невозможно. Однако, наш светильник следует за коринфскими и, вероятно, предшествует или является одновременным светильникам из Стамбульского музея, непосредственно пергамского производства II-I вв. до н.э.[58] Таким образом, мы можем лишь предположить датировку в пределах I в. до н.э. - I в. н.э.

Рис.3.14 Светильник изготовлен в форме; т.к. большая часть светильника утрачена в древности, форму возможно восстановить только по аналогиям. Тулово имело выпуклую коническую форма, ребро между верхней и нижней частями скруглено. У светильника утеряны не только рожок, дно, ручка, но и большая часть тулова. Плечи светильника украшены рядом ов, разделенных кисточками. В центре, где располагался рожок, овы прерываются, и сделана рельефная маска безбородого усатого мужчины с короткими волосами. Горизонтальный выступ прямоугольной формы, украшенный рядом из шести прямоугольных насечек и двух линий с прямым углом, увенчанных волютами, размещается посередине, в основании верхней половины тулова. Аналогичный выступ несомненно располагался на противоположной стороне светильника. Глина оранжево-красная

(5YR 6/6) с включениями слюды. Лак также имеет оранжево-красный цвет (5YR 6/6-5/6). Размеры: 6,9x5,2 (в сохранившейся части); высота - 2,6 см (в сохранившейся части).

Инв. № 39320. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинич в 1899 г.[59]

Место изготовления: пергамское производство, тип Walters 52.

Аналогии: светильник из музея в Бонне[60], происходящий, очевидно, с территории Малой Азии, почти идентичен: тот же декор на плечиках, аналогичный выступ, близкие лак и глина. Другой светильник (из Британского музея) также близок по декору, но глина и лак отличны[61]. Аналогичны нашему и светильники из Лейдена[62] и Стамбула[63]. Следующая параллель происходит из Брюссельского собрания[64], но если форма, декоративные элементы близки к нашему экземпляру, то цвет глины и очень плохое качество лака и проработки деталей говорят об очень далеком родстве этого светильника с нашим. Наконец, светильник из Италии, хранящийся в Лувре[65], имеет идентичную форму тулова и выступа, а также орнаментацию, но глина имеет сильные отличия, и качество проработки деталей значительно ниже, чем на херсонесском экземпляре.

Дата: Конец II - вторая половина I вв. до н.э.

Рис.3.15 По всей видимости, нижняя часть лепного светильника вытянутой формы. Рожок длинный и широкий, тулово, очевидно, имело биконическую форму, дно - гладкое. Вся верхняя часть светильника утеряна. Глина - темно-серая (10YR 4/1), лак - серо-коричневый (10YR 6/4); их качество не очень высоко. Размеры: длина - 12,5 (в сохранившейся чаасти); ширина - 7; высота - 3,1 см.

Инв. №: 33426, Оп. 121/1-49. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Место изготовления: Светильник местного производства (?).

Аналогии: При отсутствии верхней части не представляется возможным не только предлагать возможную реконструкцию, но и искать аналогии.

Дата: I в. до н.э. (?).

Рис.3.16 Гончарный светильник с туловом цилиндрической формы, рожок широкий и длинный, к краю слегка расширяется; дно слабо вогнуто в центре. Отверстие для воздуха сделано между отверстием для масла и краем рельефного валика, опоясывающего край светильника. Ручка утеряна в древности. Не исключено, что этот экземпляр побывал в печи или в пожаре - большая часть светильника сильно обожжена. Светильник сделан из светлой красно-коричневой глины (7.5YR 7/8). Лаковое покрытие от темно-красного (2.5YR 4/6) до темно-коричневого (2.5YR 3/1). Размеры: длина - 6,9; ширина - 4,2; высота - 3,3 см.

Инв. №: ОВП1/261.

Место изготовления: это несомненно импортный светильник - из Греции или Малой Азии, типа Esquiline (по названию холма в Риме, где они были впервые обнаружены).

Аналогии: относится к хорошо известному типу Broneer XVI, третья группа (профиль 52). Эти светильники были очень популярны в Италии со II в. до н.э. до начала I в. н.э.[66] В Греции и Малой Азии их самое широкое распространение может быть отнесено с конца I в.до н.э. до первой половины II в. н.э.[67] Этот тип светильников успешно конкурировал сперва с эфесскими лампами, а затем - с римскими формованными светильниками, украшенными рельефными изображениями на щитках.

Дата: Эта группа светильников в целом датируется между концом I в. до н.э. и концом I в. н.э.[68]

Таким образом, публикация даже столь небольшой коллекции светильников может дать немало интересной информации не только о торговых связях Херсонеса в классический и эллинистический период, но и о наиболее ранних типах осветительных приборов, существовавших в полисе с момента его основания. Не вызывает сомнения необходимость скорейшей публикации остальных светильников из Херсонеса, хранящихся не только в ГИМ, но также в Херсонесском заповеднике и Государственном Эрмитаже, что несомненно увеличит источниковую базу для дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum - Moscow. Roma. 1998. См. также информацию о каталоге: Журавлев Д.В., Хршановски Л. К изданию корпуса светильников Государственного Исторического музея // РА, 1997, № 4, сс. 218-223; Chrzanovski L., Zhuravlev D. The Corpus of Ancient Lamps in the State Historical Museum (Moscow): Vol.1: Lamps

from Chersonesos // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, vol.4, N 3, 1997, pp. 245-249.

2. См. последнюю статью с подробной библиографией -Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник, вып. IX. Севастополь, 1998.
3. Все номера цветов указаны нами по таблицам Munsell Soil Color Charts. Princeton, 1992.
4. См. Kassab Tezgör D., Sezer T. Catalogue des lampes en terre cuite du musee archeologique d'Istanbul. Tome 1. Epoques protohistorique, archaïque, classique et hellenistique. Istanbul. 1995, №№. 80 - 86, pp. 53, 54. Большинство этих светильников - неизвестного происхождения. Авторы предлагают датировать их концом VII - первой половиной VI вв. до н.э., относя их производство к восточно-эгейского региону.
5. Подобный светильник был найден и на Березани. См. Howland R.H., Greek Lamps and their survivals, The Athenian Agora, IV, Princeton, 1958, p. 25, сноска 33.
6. Howland, Op.cit., pp. 25 - 26, pl. 3, 31.
7. Kassab Tezgor, Sezer, Op.cit., NN 108 - 112, pp. 61, 62.
8. Забелина В.С. Античные глиняные светильники из раскопок Пантикапея// Археология и искусство Боспора. Сообщения Государственного музея Изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. Вып. 10. Москва., табл. III, 1
9. Kassab Tezgör, Sezer, Op.cit., N 111, p. 62, датированный концом VI - первой четвертью V вв. до н.э.
10. Этот выступ служил для удобства при переноске светильника: Howland, Op.cit., p. 25.
11. Глина и лаковое покрытие напоминают светильник из Кадикёя: Kassab Tezgör, Sezer, Op.cit., № 97, p. 57.
12. Забелина, Указ. соч., сс. 302 - 303, табл. III, 2, датированный VI-V вв. до н.э.
13. Вальдгауэр О. Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники. СПб,1914, №. 562, с. 68, табл. LIV.
14. Kassab Tezgor, Sezer, Op.cit. NN 97, 98, pp. 57-58, датированные второй половиной VI в. до н.э.
15. Howland, Op.cit. pp. 30- 35, pl. 4, 32.
16. Bailey D.M. Catalogue of the lamps in the British Museum, London. I. Greek, Hellenistic and early Roman Pottery lamps. London 1975., 1975, pp. 73 - 74.
17. Howland, Op.cit., pp. 44 - 46; pl. 6, 34. В Афинах этот тип светильников датируется с конца VI до второго десятилетия V в.н.э.
18. Вальдгауэр, Указ.соч. №. 7, с. 20 , табл.I. Глина - «красноватая».
19. Bailey, Op.cit., Q 119, p. 74, pl. 24 - 25. Светильник происходит из Пантикапея.
20. См. Кругликова И.Т. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI-II вв. до н.э. // Пантикапей, МИА № 56, М.,1957, рис. 26,4; 8, 10; Забелина, Указ. соч. табл. I, 1. Эти светильники датируются авторами публикаций VI - IV вв.до н.э. Отметим, что подобные светильники являются частой находкой в столице Боспорского царства и в последние годы.
21. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935-1938 гг. // Боспорские города. МИА, № 25. М.-Л.,1952, с. 197, рис. 107, 1; Он же. Античные города Боспора. Мирмекий. Л. 1987, рис. 54, 2; 99. Эти светильники датированы IV в. до н.э.
22. Античные государства Северного Причерноморья. [Археология СССР]. М. 1984, табл. CXXXII, 5.
23. Вальдгауэр,Указ.соч., №. 18, с. 21, табл. II.
24. Menzel H., Antike Lampen im Romisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz, Mainz.1969, №. 21 (5781), S. 12 - 13 , Abb. 2, 1.
25. Heres G. Die punischen und griechischen Tonlampen der Staatlichen Museen zu Berlin, Berlin. 1969, № 38, p. 27, pl. 4.
26. Bailey, Op.cit., Q 377, p. 171; Pl. 76, 77, 139a.
27. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы, САИ, вып. Г1-20. М., 1966, табл. 17, 7 - 11.
28. Вальдгауэр, Указ.соч., № 537, с. 65, табл. LI, происходит с Юга России.
29. Howland, Op.cit., pp. 56 - 62.
30. Kassab Tezgör, Sezer, Op.cit., №. 213, pp. 92-93, датированный III в. до н.э.
31. Bailey, Op.cit., Q 507, p. 233; Pl. 100-101, датированный второй-третьей четвертью IV вв.до н.э.
32. Oziol T. Les Lampes au Musee dela Fondation Pierides, Nicosie, 1993, № 10, p. 20; Fig. 3, p. 22, отнесенный ко второй половине IV в.до н.э.
33. Pontiroli G. Lucerne antiche dei Musei di Cremona. Milano. 1980, №№ 63 -65, pp. 110 -112 , pl. L - LII. «Lucerna monolicne vasca tonda. Greca, IV - III sec. a. C.
34. Вальдгауэр, Указ. соч., №. 38, табл. III. Глина аналогична, лак отсутствует.
35. Kassab Tezgör, Sezer, Op.cit., p. 92 (см. светильники № 207-212, pp. 91-92). Авторы отмеча-

ют, что в Пергаме эти светильники датированы 275- 225 гг. до н.э.

36. Вальдгауэр, Указ. соч., №. 36, с. 22, табл. III.
37. Кузманов Г., Антични лампи. София. 1992, № 14.
38. Iconomu C., Opaite greco-romane. Bucuresti. 1967, № 78, рис. 10.
39. См. Howland, Op.cit., №№ 301 - 313, pp. 72 - 74, Pl. 38.
40. ЛевинаЭ.А., Светильники из Тиры (кон. VI-I вв. до н.э.) // Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев. 1987, рис.1, 8 (Тип VIII).
41. Тончева Г. Гробни находки от Одесос // Известия на народния музей, № 12. Варна. 1961, № 12, с. 44 и рис. III, №№ 3 и 9
42. Парович-Пешикан М., Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев. 1974, рис. 97, 1.
43. Левина, Указ. соч., с. 111.
44. Iconomu, Op.cit., рис. 9.
45. Иванов Т. Антична керамика от некрополя на Аполония // Аполония, София. 1963, №. 678, табл. 125 (Тип II).
46. Δρουγου Σ. Ανασκαφε Πελλασ 1957-1964 οι πηλινοι λιχνοι. Αθηναι. 1992, №. 65, p. 65 и pl. 5, №. 16.
47. Kassab Tezgör, Sezer, Op.cit. №. 205, p. 90, датированный второй третью III века до н.э. (форма выступа и лаковое покрытие различаются).
48. Szentleleky T. Ancient Lamps. Budapest. 1969, №. 29, p. 40 (форма бокового выступа отличается).
49. Bernhard, Op.cit., №. 71.
50. Marsa J. Punic, Greek and Hellenistic Lamps in Prague Collection // Graecolatina Pragensia, V, 1972, № 27; A.A.V.V. Anticke lampy vystava. Trutnov-Hostinné Katalog. Museum Podkrkonsi Trutnov Galerie Anticheho Umeni Hostinne. 1978, № 2 (размеры светильника немного большие).
51. Вальдгауэр, Указ. соч., №. 50, сс. 7, 23 и табл. IV. По мнению О. Вальдгауэра, это египетская имитация пелопонесского типа.
52. Bailey, Op.cit., №№ Q 124 - Q 126, pp. 76 - 77, Pl.24 - 25.
53. Howland, Op.cit., pp. 166 - 170 , Pl. 49.
54. Kassab Tezgör, Sezer, Op.cit., № 313, p. 127, датированный последней четвертью II - I вв. до н.э.
55. Отметим, что и светильники более позднего времени, часто находимые с проломленными щитками, скорее всего, также подвергались этой процедуре, а вовсе не были случайно сломаны. Ср.: Коробков Д.Ю. Античные керамические лампы с иудейской сакральной символикой // Музей - хранитель памятников сакральной культуры. Религия и культурная память человечества. Материалы V Санкт-Петербургских религиоведческих чтений. Спб, 1997, с. 66.
56. См. Broneer O., Corinth IV,2. Terracotta Lamps. Cambridge. 1930, № 325, p. 161, Pl. VI, тип Broneer XIX.
57. Kassab Tezgör, Sezer, Op.cit. , №№ 464, 465, pp. 174 -175, отнесенные к I в. н.э.
58. См. Kassab Tezgör, Sezer, Op.cit., сноска № 465, p. 175, и светильники № 375, 376, p. 145.
59. Этот светильник был опубликован и в ИАК: Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г., ИАК, 1901, рис. 28.
60. Hubinger U., Die antiken Lampen des Akademischen Kunstmuseums der Universitet Bonn. Berlin.1993, № 79, S. 49, Taf. 10, датированный концом I в. до н.э. -началом I в.н.э. Автор публикации отметил, что экземпляр Д.Бейли, вероятно, принадлежит к пергамскому типу и выступал в роли предшественника опубликованных им светильников.
61. Walters H.B. Catalogue of the greek and roman lamps in the British Museum, London, 1914, № 322, pp. 45 - 46; Pl. XL, Bailey, Op.cit., Q 474, pp. 202 - 203; Pl. 89. Серо - коричневая глина, кремовый лак с красно-коричневыми пятнами (Датировка - конец II - середина I в. до н.э.).
62. Brants J. Antieke Terra-cotta Lampen uit het Riksmuseum van oudheden te Leiden. Leiden. 1913, № 85, p. 9; Pl. I.
63. Kassab Tezgor, Sezer, Op.cit., № 337, pp. 133-134, датированный последней четвертью II - I в. до н.э.
64. См. Skinkel-Taupin C. Lampes romaines de tradition hellénistique // Bulletin des Musees royaux d'Art et d'Histoire, 1971-1972, № 4, p. 54; Fig. 6; глина желтая, лак практически весь стерт.
65. Lyon-Caen C., Hoff V. Catalogue des lampes en terre cuite grecques et chretiennes. Paris, 1986, № 122, pp. 54 - 55; глина бежевая, лак - оранжевый.
66. См. например: Gualandi Genito M.C. Lucerne fittili delle collezioni del Museo Civico Archeologico di Bologna // Fonti per la storia di Bologna 3, Bologna, 1977, №№ 100-106, pp. 65-66;Pl. 20; Rickman Fitch C., Wynick Goldman N. Cosa: the lamps // Memoirs of the American Academy in Rome, vol. XXXIX, Ann Arbor. 1994, pp. 39-43.
67. См. Broneer, Op. cit., pp. 56-60.
68. См. точку зрения О. Бронира относительно подобных светильников, найденных в Коринфе (Broneer, Op.cit, pp. 58 и 59).

Ю.П. Зайцев

ДВА СЮЖЕТА ИЗ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

При археологических реконструкциях истории Северного Причерноморья IV - II вв. до н. э. особое значение всегда имели керамические клейма, представляющие собой массовый, и в то же время достаточно информативный источник, позволяющий оперировать сравнительно узкими датировками многих событий.

Не является исключением из этого правила и позднескифская культура Крыма. Определение времени возникновения и воссоздание ранних периодов ее существования базируются именно на данных керамической эпиграфики[1], полученных, в основном, при раскопках Неаполя скифского.

Впервые неапольская выборка клейм была специально проанализирована Т.Н. Высотской[2]. Рассмотрев 162 родосских, 19 книдских, 32 херсонесских, 13 косских и 28 синопских черепичных клейм, исследовательница пришла к заключению о непрерывном существовании Неаполя с IV в. до н. э., что повлекло за собой весьма ответственные исторические выводы[3].

Меньшая часть той же коллекции была опубликована А.С. Голенцовым и В.К. Голенко, которые пришли к иным результатам, определив возникновение Неаполя последней четвертью - концом III в. до н. э[4].

Этот вывод был затем поддержан С.Г. Колтуховым и О.А. Махневой при публикации материалов новых раскопок оборонительной стены (и нескольких происходящих отсюда клейм)[5], а также в статье "Неаполь скифский в эпоху Диофантовых войн"[6].

Примечательно, что две первые работы рассматривают керамические клейма в качестве самостоятельного источника, без учета условий их находок. В последующих статьях этот недостаток частично устранен: для большинства экземпляров здесь указаны археологический контекст и соотношение с конкретными строительными остатками, хотя они и не стали объектом специального изучения.

Новые раскопки Неаполя недавно позволили вновь обратиться к анализу амфорных и черепичных клейм, число которых теперь достигло шестисот[7].

На этот раз было полностью приведено их распределение по слоям и комплексам, позволяющее, наряду со многими положительными моментами, поставить ряд вопросов, на которые тогда не было ответа. Так, например, вызывал удивление бесспорный факт совместной (и многократной) встречаемости родосских клейм III, IV и V хронологических групп (220 - 180, 180 - 150, 150 - 108 гг. до н. э.)[8] в непотревоженных слоях и закрытых комплексах второй половины II в. до н. э., а также расхождение в определении времени строительства оборонительной стены (конец III - первая четверть II вв. до н. э.)[9] и Южного дворца (не ранее начала 30-х гг. II в. до н. э.)[10], взаимосвязанных между собой планиграфически.

Подробное изложение всех точек зрения заинтересованный читатель может найти в названных работах, здесь же уместно повторить только некоторые моменты, имеющие принципиальное значение.

Так, автором данной статьи был сделан вывод о том, что наиболее ранний период собственно неапольской истории (Е3), может быть датирован первой половиной(?) - серединой II в. до н. э., и что в это время территория будущей крепости была занята группой изолированных строительных комплексов типа эллинистических усадеб, просуществовавших здесь до возникновения первой оборонительной стены. Начало крепостного строительства было определено временем, близким пожару 1, который случился в период ок. 135 г. до н. э.[11]

Данная реконструкция событий вызвала достаточно резкую критику со стороны наиболее компетентных коллег - специалистов, придерживающихся прежней точки зрения о возникновении крепости в конце III - первой четверти I I вв. до н. э.[12] Основным и решающим аргументом в данном случае оставались все те же амфорные клейма, находки которых так или иначе связывались с фортификационными сооружениями.

Действительно, на сегодняшний день известно 34 штампа на ручках родосских амфор, происходящих из раскопов А и А[1] (1945 - 1949 гг.) (Рис. 1, 5), раскопа Е[1] (1958 - 1959 гг.) (Рис. 1, 4), раскопа 1926 г. (Рис. 1, II) и раскопа VI (1981 - 1982 гг.), археологический контекст которых должен быть разобран отдельно для каждого участка.

Так, только два клейма с именами фабрикантов Аминты и Марсия (III группа)[13] найдены в локальном зольнике, который перекрыт вторым поясом основной стены,

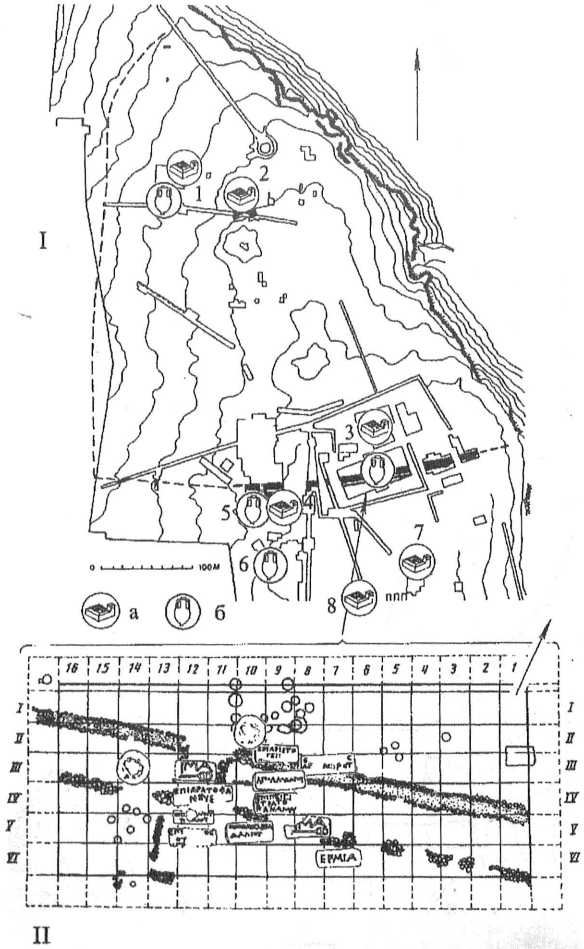


Рис.1

План Неаполя Скифского (I) с обозначением предполагаемых усадеб (а) и связанных с ними локальных мусорных отложений (б). План раскопа 1926 года (II) с обозначением мест находок ручек родосских амфор с клеймами.

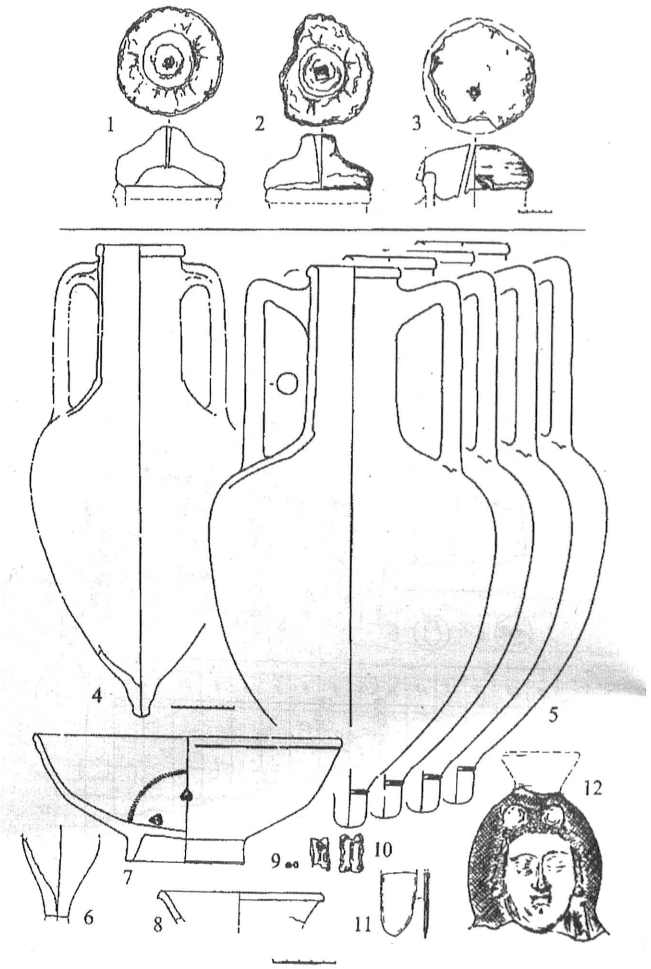


Рис.2.
Нелоторые находки из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского. 1-3 - сырцовые пробки амфор. 4-12 - находки из локальной линзы под кладкой 45.

протейхизмой и мавзолеем. Стык зольных отложений с внешним панцирем древнейшей стены пока нигде не зафиксирован. Если даже такая ситуация и будет достоверно прослежена в будущем, то все равно она не сможет однозначно свидетельствовать о том, что стена построена раньше, чем образовалась зольная насыпь. Вполне допустимо, например, что при расчистке трассы под возведение древнейшей стены могли быть удалены линзы рыхлых культурных отложений, попадавшие в зону строительства и потенциально снижавшие жесткость конструкции. Тогда, спустя много столетий, стратиграфическая картина будет совершенно одинакова при обоих вариантах. Сами же зольные напластования логично связать с соседней усадьбой, остатки которой были перекрыты восточной башней у центральных ворот[14] (Рис. 1, 5).

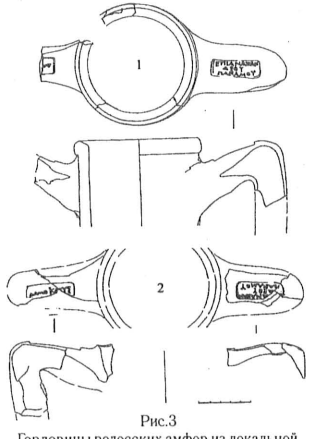


Рис.3
Горловины родосских амфор из локальной линзы слоя пожара 1.

Раскоп Е (Рис. 1, 4). В надматериковом суглинке, на площади всего ок. 100 кв. м. было обнаружено 8 клейм на ручках родосских, 1 - на ручке книдской и 1 - на ручке косской амфор. Слой, в котором они находились, компактно залегал между пригородным мегароном Е и древнейшей оборонительной стеной и был частично перекрыт II - IV поясами стены. Кроме клейменых ручек здесь были найдены сравнительно многочисленные фрагменты буро- и чернолаковой посуды, "мегарских" чашек, выразительные профильные части амфор и лепной керамики, хорошо известная форма для отливки налобника с крючком[15], кости животных.

Учитывая весь комплекс данных, приводить которые здесь вряд ли уместно, происхождение этого слоя может быть связано с функционированием упомянутого здания (сначала меньшая по размерам постройка, сгоревшая в пожаре 1, затем - строительство и функционирование мегарона Е). В такой реконструкции вполне допустима упомянутая ситуация с перемещением более ранних напластований при строительстве оборонительной стены. Так, в полевом дневнике Т.Н. Высотской за 1959 год, при отсутствии здесь культурного слоя отмечено наличие суглинка с археологическим материалом в неровностях скалы под стеной I - II строительных периодов. По мнению автора раскопок, это - свидетельство выравнивания материковой поверхности путем засыпки естественных впадин и углублений перед строительством[16]. Так это, или нет - однозначно сказать сложно, но в любом случае бесспорно наличие культурных напластований (перемещенных или уцелевших на месте) к началу крепостного строительства. Эта версия подтверждается обнаружением при разборке древнейшей стены, как раз на раскопе Е, некоторого количества фрагментов амфор эллинистического времени, фрагмента венчика мегарской чаши, а также, клейма с именем эпонима Лафейда[17] на ручке родосской амфоры (V группа, 150 - 108 гг. до н. э. [18]). Это чуть ли не единственный подобный случай за всю практику раскопок оборонительной системы городища: на всех остальных открытых участках забутовка самой ранней стены оказывалась стерильной. Исходя из этого, можно предположить, что часть близлежащего культурного слоя, накопившегося, таким образом, до строительства оборонительных сооружений, попала в забутовку вместе со скальным щебнем.

Самым представительным в отношении коллекции амфорных ручек с клеймами, которые неоднократно использовалась для обоснования датировки оборонительной стены[19], является раскоп Н.Л. Эрнста 1926 г. Действительно, здесь наблюдается преобладание родосских клейм четвертой хронологической группы[20], что вроде бы может подтвердить относительно раннее возникновение крепостных сооружений.

Для большинства экземпляров в коллекционной описи отмечены стратиграфическая позиция (принадлежность к надматериковому слою IV) и место находки на плане (квадрат с двойным цифровым обозначением), что позволяет восстановить их распределение по раскопанной территории. Полученный результат представляет определенный интерес (Рис. 1, II). Оказывается, что 13 клейм довольно компактно залегают примерно в центре раскопа, и это скопление как бы разделено ("разрезано") трассой фортификационных сооружений так, что часть клейм оказывается на городской территории, часть - в периболе, а остальные - уже на территории пригорода. Очевидно, что динамика накопления культурного слоя при наличии оборонительной стены никогда не даст такой картины.

В противном случае, клейменые амфорные ручки должны или распределяться относительно равномерно по всей площади раскопа, при равномерном накоплении отложений по всему памятнику; или только на крепостной территории; или только на пригороде. В двух последних случаях стена должна ограничивать распространение слоя.

Все это позволяет предположить, что возникновение оборонительной системы имело место не до, а после образования локальной линзы культурных отложений, насыщенной (помимо прочего) чернолаковой керамикой и клеймами. Как и на других участках, здесь, вероятно, произошла расчистка поверхности под строительство, а снятый грунт был распределен по сторонам от фундамента крепостной стены.

Упомянутые отложения, скорее всего, могут быть связаны с функционированием усадебного комплекса периода Е3, ничтожные остатки которого открыты на соседнем раскопе VII б[21] (Рис. 1, 3). Оба объекта разделяет расстояние всего в 25 - 30 м.

Очевидная локальность скопления амфорных клейм на раскопе 1926 г. подтверждается и материалами сравнительно недавних раскопок. Так, примыкающий к нему раскоп VI 1981 - 1982 гг. (площадь ок. 900 кв. м) добавил только два родосских и два херсонесских клейма, а на следующем к востоку раскопе VI 1983 - 1984 гг. подобных находок не было совсем.

Таким образом, ситуации на всех упомянутых участках показывают неоднозначность стратиграфической картины возле оборонительных сооружений Неаполя и позволяют допускать существование усадебных структур на месте будущей крепости в первой половине - середине II в. до н. э. С каждым из таких комплексов (предположительно их не менее шести (Рис. 1, а)) логично связывать локальные мусорные отложения, отмеченные повышенным содержанием родосских амфорных клейм 220 - 180 - 150 гг. до н. э. (Рис. 1, б).

Теперь, после анализа наиболее раннего горизонта Неаполя, обратимся к следующему периоду его "археологической истории".

Известно, что в качестве основы для стратиграфической колонки второй половины II в. до н. э. была принята ситуация

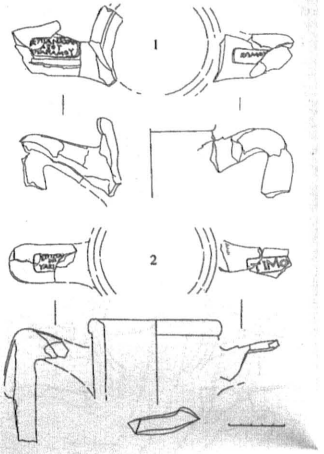


Рис.4
Горловины родосских амфор из локальной линзы слоя пожара 1 под кладкой 45.

на раскопах А - Б, где открыт узел центральных ворот и комплекс Южного дворца. На большой площади здесь исследованы сопутствующие строительным остаткам отложения, насыщенность которых археологическим материалом является уникальной. Из них происходят более четырехсот стратифицированных керамических клейм, восемь монет, фибулы, золотые украшения, бусы и огромное количество самой разнообразной импортной керамики[22].

Наиболее представительная серия клейменых ручек родосских амфор[23] была получена при многолетних исследованиях слоя

пожара 1, состоявшего из обгоревшей глины и обмазки стен, насыщенных древесным углем и другими перегоревшими органическими остатками. На территории дворца он был представлен локальными прослойками и линзами небольшой мощности, залегающими как внутри построек, так и за их пределами[24]. Среди остатков сооружений, не восстановленных после катастрофы, он сохранился в неприкосновенности, тогда как мегарон Н был тщательно вычищен от перегоревшего строительного мусора, основная часть которого была перемещена на 150 - 200 м к югу, где и была обнаружена раскопками 1979, 1987 - 88 гг.[25] Такое своеобразие археологического контекста этой выборки клейм и их значительный хронологический диапазон (III - V группы, 220 - 105 гг. до н. э.) дали повод для иных трактовок комплекса и отрицания его закрытого характера.

Например, было высказано предположение о том, что "Археологическим подтверждением похода сарматов в скифскую ставку (Легенда Полиена об Амаге) являются материалы из слоя пожара конца первой четверти II в. до н. э. на Неаполе скифском"[26]. По мнению автора этой гипотезы, более ранний пожар случился в период, близкий 179 г. до н. э. ,а второй - не ранее 150 г. до н. э., т.е. спустя четверть века и на том же месте, где и первый. Затем оба пожарища одновременно перекопали и вывезли на пригородную территорию, в результате чего они и перемешались.

В свете подобных реконструкций значительный интерес представляет один вещественный комплекс, полученный при раскопках северной части Южного дворца Неаполя скифского в 1992 г. Происходит он из локальной линзы площадью не более 10 - 15 кв. м и мощностью до 5 - 8 см, состоявшей из перегоревшей сырцовой глины, кусков печины, "пластинок" белой многослойной обмазки, древесного угля и ошлакованных сгустков стекловидной массы, и состоит из следующих сильно обожженных и поврежденных предметов (Рис. 2, 4 - 12):

- амфора (Рис. 2, 4) с яйцевидным корпусом, цилиндрическим горлом, овальными в сечении ручками и венчиком в виде уплощенного валика. Глиняное тесто в изломе плотное, красно - коричневого цвета, с очень большим количеством мелких блесток. Профиль восстановлен графически, центр производства не определен (Самос ?);

- четыре родосские амфоры (Рис. 2, 5), представленные всеми профильными частями и большим количеством (более двух тысяч) стенок, расслоившихся и измельченных от действия огня. Стенки одного из сосудов в среднем на 2 мм толще, чем остальных;

- чернолаковая чашка (Рис. 2, 7) округлой усеченно - конической формы, на кольцевом поддоне. На дне - концентрическая окружность из штампованных насечек и четыре простые пальметки[27];

- венчик чернолаковой чашки (Рис. 3,7);

- нижняя часть (Рис. 3, 6) веретенообразного сероглиняного флакона;

- цилиндрическая пронизь из голубого египетского фаянса (бисер) (Рис. 3, 9)[28];

- два бараньих астрагала с отверстиями (Рис. 3, 10);

- бронзовая пластинка (Рис. 3, 11);

- фрагмент (голова с остатками налепного конического вместилища) фигурного терракотового фимиатерия в виде полуфигуры Деметры (Рис. 3, 12). На волосах сохранились остатки темно - коричневой краски, на покрывале - голубой, поверхность лица покрыта пленкой тонко отмученой желтой глины[29].

Обстоятельства находки не оставляют никаких сомнений в том, что все эти предметы были разбиты и сгорели на месте. Образовавшаяся линза, перекрывшая тонкий слой золистого суглинка с клеймом эпонима Аристогейта (V), была перекрыта фундаментальной кладкой № 45 - северной оградой дворцового комплекса в периоды D4 - 1[30]. Исходя из этого, данный комплекс может быть признан единовременным и абсолютно закрытым.

В контексте данной работы особое значение приобретают восстановленные горловины всех четырех родосских амфор, на каждой из которых сохранились верхние прилепы ручек с прямоугольными клеймами (Рис. 3, 4).

Три эпонимных клейма несомненно оттиснуты одним штемпелем, на них четко читается имя Анаксандра и месяц Панам. Двум из них соответствуют фабрикантские клейма с именем Дамокла, также выполненные при помощи одной матрицы (Рис. 3, 1,2), а третьему - штамп с именем Комос (или Комо) (Рис. 4, 1). Четвертая пара - эпоним Павсаний и фабрикант Тимо (Рис. 4, 2) - принадлежала наиболее массивной амфоре, на плече которой было прочерчено граффити.

Обратимся теперь к специальной литературе для датировки клейм и определения хронологии нашего комплекса. Анаксандр - эпоним пятой хронологической группы (150 - 108 гг. до н. э.)[31] или времени ок. 150 г. до н. э[32], но в списках новых хронологических соответствий он упомянут в паре с Лином - фабрикантом третей хронологической группы[33]. На Неаполе известны еще пять клейм с таким именем, два из них происходят из

раскопок Южного дворца[34]. Фабрикант Дамокл, согласно недавним разработкам, уверенно отнесен к группе III[4] (200 - 165 гг. до н. э.)[35], Комос также назван в сводном фабрикантском списке, но без хронологического определения[36]. Насколько удалось выяснить, подобное сочетание личных имен на клеймах до сих пор не встречалось.

Эпонимов с именем Павсаний известно три[37]; в данном случае наиболее подходит Павсаний III, который большинством исследователей отнесен к четвертой группе (180 - 150 гг. до н. э.)[38], а в недавней публикации определен временем ок. 150 г. до н. э.[39] Из раскопок Неаполя происходят семь клейм этого эпонима, как круглых, так и прямоугольных[40]. И наконец, женское имя Тимо причислено к фабрикантам III (220 - 180 гг. до н. э.)[41] или IV (180 - 150 гг. до н. э.)[42] хронологических групп.

В итоге получается довольно странная и противоречивая картина. Во-первых, на двух амфорах проставлены клейма разных хронологических групп (сочетание Анаксандр - Дамокл), в датировках которых, к тому же, нет единого мнения. Во-вторых, в одном комплексе используются относительно разновременные амфоры, три из которых помечены эпонимными клеймами пятой группы, а одна - клеймами четвертой. И это при том, что упомянутая стратиграфическая ситуация определенно позволяет ограничить данный комплекс временными рамками третьей четверти II в. до н. э.

Нетрудно заметить, что конкретный случай как бы в миниатюре воспроизводит непростую ситуацию, характерную и для Южного дворца, и для всего памятника в целом[43]. Учитывая только что разобранный пример, вряд ли теперь правомерно списывать все на перемешанность слоя или случайное попадание раннего материала в более поздние отложения. Очевидно, следует искать другие варианты решения проблемы.

Прежде всего, необходимо отметить, что два новых сочетания имен (Рис. 3, 1, 2; 4, 1) демонстрируют несовершенство современных хронологических разработок именных списков и показывают назревшую необходимость их корректировок. Исходя из новых фактов, время деятельности мастерской Дамокла теперь должно быть продлено хотя бы до начала пятой группы. Также можно предположить, что было два разновременных фабриканта с таким именем, или же дата правления эпонима Анаксандра должна быть удревнена на несколько десятилетий[44]. Кроме того, получает окончательное подтверждение синхронное использование разновременных амфор, ранее предполагавшееся, но окончательно не доказанное[45].

Объяснения этому явлению могут быть различными; одно из них - несовершенство хронологической разработки именных списков - уже было названо. Возможны и другие причины, которые приводили к подобным ситуациям. Так, несмотря на действие целого комплекса разрушительных факторов, в упомянутом многократно слое пожара 1 сохранилось не менее четырех предметов из необожженной глины, которые условно назывались "лепешками" или "хлебцами". Все они грубо вылеплены от руки, имели форму неправильного конуса или полусферы и по центру были снабжены тонкими сквозными отверстиями (Рис. 2, 1 - 3). На внутренней поверхности одного из таких изделий сохранился четкий кольцевой отпечаток венчика родосской амфоры диаметром ок. 12 см (Рис. 2, 3), позволяющий определить их назначение в качестве сырцовых пробок, которыми запечатывались сосуды после наполнения молодым вином. Такой прием хорошо известен по данным раскопок Горгиппии, где произведенный напиток разливался в амфоры, запечатанные точно таким же способом[46]. Сквозные отверстия в пробках предназначались для выхода углекислоты, незаметное выделение которой продолжалось две - три недели после окончания стадии бурного брожения продукта.

Этот незначительный, на первый взгляд, факт позволяет сделать довольно важное заключение о том, что какая-то часть родосских амфор накануне пожара использовалась вторично в качестве тары для разлива вина, произведенного на месте. Другими словами, во времени катастрофы это были просто технологические емкости, срок службы которых зависел от многих случайностей и мог быть каким угодно[47].

Такое решение проблемы позволяет поставить еще два вопроса: а все ли родосские амфоры попадали в предгорный Крым только в качестве тары импортного вина и масла,[48] и весь ли объем упомянутых продуктов завозился вглубь полуострова в амфорах? Очевидно, массовой и регулярной сухопутной транспортировке хрупких и тяжелых керамических емкостей неизбежно сопутствовали различные осложнения и трудности, многократно повышавшие риск частичной потери дорогих товаров. Гораздо проще и экономичней выглядела бы перевозка вина, например, в бурдюках или, скажем, в бочках. С маслом дело

могло обстоять иначе: амфорная расфасовка продукта повышенной жирности по многим соображениям выглядит более оправданной.

В свете подобных рассуждений определенную информацию могут дать и простые арифметические подсчеты. Так, примерно за тридцать - сорок лет на территории Южного дворца было разбито не менее двухсот - трехсот родосских амфор (около ста - единовременно, во время пожара), вмещавших, учитывая объем стандартной родосской амфоры в 26 - 29 л[49], немногим менее девяти тысяч литров. Очень условное распределение этого количества на несколько десятилетий дает среднюю цифру 250 - 300 л, или 9 - 12 амфор в год. При этом нельзя забывать, что речь идет о предполагаемой царской резиденции Скилура, тогда как и на других участках Неаполя и на других памятниках находки родосских клейм гораздо более малочисленны. При несомненной условности приведенных цифр, все же очевидно, что простая схема взаимовыгодной торговли Крымской Скифии и Родоса через посредников, реконструированная по данным керамической эпиграфики[50], нуждается в серьезной корректировке, а любая археологическая ситуация с клеймами должна рассматриваться индивидуально и с учетом всех факторов.

Применительно к Южному дворцу Неаполя (а при его раскопках обнаружено более половины всех амфорных клейм, учтенных на позднескифских памятниках Крыма) становится перспективной разработка версии местного виноделия, с помощью которой можно объяснить хронологический разброс и относительно большое количество родосских амфор в пределах этого строительного комплекса. Специально не касаясь целей и причин подобного явления, можно лишь констатировать наличие явных признаков винодельческого производства как в начальный период (упомянутые сырцовые пробки из слоя пожара), так и в последующие десятилетия жизни дворца (остатки целого комплекса, примыкающего к дому Р с востока и состоявшего из четырех пифосов и двух переносных давилен - тарапанов)[51].

Таким образом, конкретные примеры демонстрируют исключительно сложную и далеко неоднозначную археологическую ситуацию, допускающую несколько вариантов реконструкции начальной истории Неаполя скифского. Несомненно, это тема специальных исследований с развернутой аргументацией и привлечением всех возможных данных в максимально полном объеме. Цель же настоящей работы - предложить несколько возможных объяснений той непростой ситуации, которая сложилась с эллинистической хронологией базового памятника позднескифской культуры Крыма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. Д1-7. С. 43
2. Высотская Т. Н. Торговые связи Неаполя скифского в эллинистический период // ВДИ. 1978. № 4
3. Высотская Т. Н. Торговые связи.... С. 78 - 81; Высотская Т.Н. Неаполь - столица государства поздних скифов. К. 1979. С. 130 - 133.
4. Голенцов А.С., Голенко В.К. Из керамической эпиграфики Неаполя // КСИА АН СССР. Вып. 159. С. 78
5. Колтухов С.Г., Махнева О.А. Новый участок оборонительной стены Неаполя скифского // Архитектурно - археологические исследования в Крыму. К. 1988. С. 155- 156; Колтухов С.Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя скифского // СА. 1990. № 2 . С. 184 - 185
6. Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. Неаполь скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо - западный Крым в античную эпоху. К. 1994. С. 232 - 233.
7. Зайцев Ю.П. Хронология Неаполя скифского // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. V. Запорожье. 1995.
8. Бадальянц Ю.С. Опыт хронологической классификации родосских амфорных клейм// НЭ. Вып. XIII. 1981. С. 6
9. Колтухов С.Г. Новые материалы... С. 184 - 185
10. Зайцев Ю.П. Хронология ... С. 72 - 73
11. Зайцев Ю.П. Хронология ... С. 92; Зайцев Ю.П. Южный дворец Неаполя скифского // ВДИ. 1997. № 3. С. 36 - 37.
12. Колтухов С.Г. Отзыв на кандидатскую диссертацию Ю.П. Зайцева "Неаполь скифский во II в. до н.э. - III в. н. э."// Приложение к протоколу № 34 от 16 октября 1995 г. заседания Отдела скифо - античной археологии КФ ИА НАН Украины. С. 3; Пуздровский А.Е. Рецензия на диссертацию Ю.П. Зайцева "Неаполь скифский во II в. до н.э. - III в. н. э."/ / Приложение к протоколу № 34 от 16 октября 1995 г. заседания Отдела скифо - антич-

ной археологии КФ ИА НАН Украины. С. 2, 4.

13. Здесь и далее латинскими цифрами в скобках указана хронологическая группа, арабскими - количество одноименных экземпляров.
14. Необходимо отметить, что эта и ей подобные версии имеют силу только в случае признания *a priori* факта попадания клейм соответствующих групп в слой, который накопился в пределах их крайних датировок. Принципиально другая ситуация (обстоятельства нахождения ранних клейм в более поздних отложениях) будет рассмотрена ниже.
15. Высотская Т.Н. Неаполь..., Рис. 55.
16. Высотская Т.Н. Охранные раскопки. Раскоп Е1. Дневник 2. 1959 год. Запись от 19 мая // НА КФ ИА НАН Украины. Папка 34.
17. Этот экземпляр под № 191 обозначен в коллекционной описи за 1958 год с паспортом "... разбор древнейшей стены, средний горизонт".
18. Шелов Д.Б. Керамические клейма... С. 60
19. Колтухов С.Г., Махнева О.А., Новый участок ..., С. 156; Колтухов С.Г. Материалы ..., С. 184 - 185
20. Из 16-ти родосских клейм прочтению поддаются 10. Среди них - экземпляры с именами фабрикантов Имаса (IV, 2), Ермия (IV), Аполлодора, эпонимов Павсания III (IV), Аратофана II (V), Аристогейта (V), Архемброта (V), Писистрата (IV).
21. Зайцев Ю.П. Хронология ... Рис. 2, 13.
22. Зайцев Ю.П. Хронология ... С. 70 - 71; Зайцев Ю.П. Южный дворец... С. 36 - 46.
23. Это более ста родосских амфорных клейм с именами эпонимов: Алексиада (V), Анаксандра (4, V), Анаксибула (III), Аристака (V), Калликрата (V), Лафейда (V), Леонтида (V), Никасагора II (3, V), Павсания III (2, IV), Ксенофанта, Тимотея(4, IV - V), Питогена (IV) и фабрикантов: Аминты (III), Аристокла (2, III), Бромия (IV), Буларха (4), Главкия (4,V), Драконтида (6, V), Евклейта (3, IV - V), Зоила (2), Лина (3, III), Мидаса (5, V), Родона (3, V), Тимоксена (III), Андроника (2), Ермия, Тесмократа (V), Гиппократа (III), Аристогена, Гефестиона, Дамокла (2), Тимо (IV).
24. Зайцев Ю.П. Хронология ... С. 70, рис. 3, $е_1$.
25. Зайцев Ю.П. До питання про грецьке населення Неаполя скіфського // Археологія. 1989. № 1. С. 87. Рис. 1
26. Пуздровский А.Е. Население Крымской Скифии во II в. до н. э. - III в. н. э. (этно - политический аспект). Автореф. дисс. канд. ист. наук. 1993. С.14
27. Зайцев Ю.П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. Вып. 102. 1998. № 27
28. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1 - 12. 1975. С. 32, тип 9
29. Зайцев Ю. П. Южный дворец ... Рис. 5, 13.
30. Зайцев Ю.П. Исследования Южного дворца Неаполя скифского // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. С. 115
31. Grace V. Timbres amphoriques trouves a Delos. BCH. LXXVI. 1952. P. 528; Шелов Д.Б., Керамические клейма ... С.33
32. Nicolaou I. ,Empereur J.-Y. Amphores rhodiennes du musee de Nicosie. BCH. XIII. 1986. P. 525 - 526
33. Бадальянц Ю.С. Новые хронологические соответствия личных имен на родосских амфорах // СА. 1980. № 2. С. 165
34. Высотская Т.Н. Торговые связи ... С. 81
35. Бадальянц Ю. С. Опыт ... С. 11
36. Бадальянц Ю. С. Опыт ... С. 12
37. Шелов Д.Б. Керамические клейма ... С. 66
38. Шелов Д.Б. Керамические клейма ... С. 67; Бадальянц Ю.С. Хронологическое соответствие имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса // СА. 1976. № 4. С. 40
39. Nicolaou I. ,Empereur J.-Y. Amphores ... P. 522 - 523
40. Высотская Т.Н. Торговые связи ... С.83
41. Бадальянц Ю.С. Опыт... С. 12
42. Grace V. The stamped amphora handles. Tarsus, I. Princeton. 1950. № 57; Шелов Д.Б. Керамические клейма ... С. 120; Высотская Т.Н. Торговые связи ... С. 87.
43. Подробнее о совместных находках родосских клейм III - IV - V хронологических групп в непотревоженных слоях и закрытых комплексах см.: Зайцев Ю.П. Хронология ... С. 69 - 72.

44. В пользу этого, казалось бы, должно свидетельствовать упомянутое сочетание Анаксандр - Лин, где фабрикант Лин отнесен к третьей группе на основании единственной целой амфоры из Виллановы, одна из ручек которой была снабжена его клеймом, а другая - оттиском с именем эпонима Никасагора (см. Maiuri A. Una fabrica di amfore rodii. Annuario, IV - V. 1924. С. 268.). Все остальные ручки с клеймами Лина найдены вне комплексов (Шелов Д. Б. Керамические клейма ... С. 108). При раскопках Южного дворца найдено целых девять клейм с таким именем, из них четыре сильно обгоревших - в слое пожара 1. Отсюда возникает предположение, что на амфоре из Виллановы вместе с Лином назван не Никасагор I, действительно синхронный пергамскому комплексу, а Никасагор II, отнесенный к V хронологической группе (Шелов Д.Б. Керамические клейма ... С. 61). В таком случае все противоречия могут быть сняты, и эргастериарх Лин займет место в периоде 150 - 108 гг. до н. э.
45. Зайцев Ю.П. Хронология ... С. 62.
46. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М. 1997. С. 158. Табл. 81, 13 - 18
47. Не исключено, что сосуды, используемые для подобных целей, помечались небрежными граффити в виде косого креста, которые в большом количестве встречены как в "пожарных", так и в более поздних отложениях Южного дворца Неаполя.
48. Высотская Т.Н. Торговые связи ... С. 79 - 80
49. Брашинский И.Б. Стандарты родосских амфор // Античность и варварский мир. КСИА. 1978. № 156. С. 13.
50. Высотская Т.Н. Торговые связи ... С. 80 и сл.
51. Зайцев Ю.П. Южный дворец... Рис. 1.

М.И.Золотарев

О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА т.н. «КАЗАРМЫ» В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

(ПО МАТЕРИАЛАМ НАХОДОК КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМ)

Среди множества разнообразных и разновременных памятников Херсонеса есть объект, которому была уготовлена долгая полевая археологическая жизнь. Ровно сто лет тому назад, в 1899 году К.К.Косцюшко-Валюжинич, проводя раскопки в юго-восточной части Херсонеса, у XVI куртины оборонительных сооружений с городской стороны, открыл два помещения, стены которых были сложены из прекрасно обработанных в древней строительной технике "под руст" известняковых блоков[1]. По прошествии нескольких лет, в 1906 году, он продолжил здесь раскопки и выявил к юго-востоку еще три помещения, которые примыкали к помещениям, открытым в 1899 году, и возведенных в той же строительной технике[2]. Автор раскопок совершенно справедливо объединил помещения в единый строительный комплекс "древнегреческой эпохи"[3].

После этих первых раскопок почти два десятилетия исследования здесь не проводились и только в 1927 году они были продолжены[4]. К.Э.Гриневич, проводя поиск древнейших оборонительных сооружений в этом районе города и излагая результаты своих работ, попутно давал археологический комментарий расположенных вблизи оборонительных стен памятников, раскопанных его предшественниками. Так, публикуя итоги исследования участка у XVI куртины, он впервые, как бы мимоходом, называет древнегреческое здание "казармой", правда, со знаком вопроса (?)[5]. Но далее в тексте, уже через несколько предложений, здание без сомнений просто называется казармой[6]. И с этого времени, с легкой руки К.Э.Гриневича, за этой херсонесской постройкой на многие годы прочно закрепляется ничем не обоснованное название - казарма. Мы не будем здесь аргументировать ошибочность этого названия. Более того, для избежания путаницы мы будем на этих страницах пока как и прежде называть его казармой, отдавая себе отчет в условности такого названия, применительно к этому памятнику.

Новые раскопки на этом участке организуются почти через полвека в процессе работ т.н. Объединенной экспедиции. В 1962 году под руководством Херсонесского музея в рамках этой экспедиции объединяется значительный научный потенциал научных сотрудников музея, Харьковского и Уральского университетов[7]. Созданная экспедиция начинает полевые исследования памятников, расположенных в Портовом районе Херсонеса. Одним из объектов раскопок становится казарма, точнее те памятники средневекового времени, которые позднее располагались на месте античного здания (руководитель В.Н.Даниленко). В ходе этих раскопок, продолжавшихся пять полевых сезонов, было в основном завершено изучение средневековых горизонтов[8] и вновь наступил очередной длительный перерыв.

Наконец, последний этап раскопок казармы наступает в 1992 году, когда совместная экспедиция Национального заповедника "Херсонес Таврический" и Харьковского государственного университета приступила к завершающей стадии изучения напластований, связанных с античной эпохой. В настоящий момент весь объем полевых исследований здания казармы завершен. Получен обширнейший археологический материал, открыты новые объекты. Их изучение и сопоставление полученной новейшей научной информации с имеющимися ранее сведениями должны пролить свет на многие вопросы истории развития такого важного античного центра, каким был Херсонес в Таврике. В этой связи приступая к публикации результатов наших исследований казармы, мы стремимся решить одну из главных задач - как можно полнее опубликовать найденные при наших раскопках все категории археологических источников.

Нет необходимости объяснять читателю, какое значение имеет правильное определение времени возникновения памятника. В процессе раскопок мы постоянно фиксировали стратиграфическую ситуацию напластований на различных участках памятника. Некоторые стратиграфические наблюдения и предварительные определения хронологии слоев были изложены в печати[9]. Но для более достоверного определения хронологии и установления даты возникновения здания необходимо изучить весь

объем источников и в первую очередь керамические клейма. Анализу этой категории находок - наиболее показательного индикатора хронологии памятника - посвящена настоящая статья.

В процессе раскопок 1992-1998 гг. было найдено 86 керамических клейм, оттиснутых на амфорных ручках и черепицах, изготовленных в различных античных центрах. Более половины находок (46 экземпляров) принадлежат продукции гераклейских мастерских; 15 клейм - синопского происхождения, 13 фасосских клейм, 7- херсонесских; 2 - хиосских, 2- родосских и 1 - оттиснуто на ручке сосуда, изготовленного в мастерской, расположенной на острове Парос. Вся необходимая рабочая информация о найденных клеймах приведена в каталоге, прилагаемом к статье (см. Приложение 1). Здесь же мы ограничимся изложением данных, имеющих непосредственное отношение к изучению хронологии.

Существует несколько хронологических классификаций керамических клейм Гераклеи Понтийской, принадлежащих разным авторам, но каждая из них не совершенна. Последняя попытка создания такой классификации хотя и является наиболее удачной, но и она грешит множеством недочетов, зачастую принципиального характера[10]. Прежде всего, не ясно - на каком основании автор устанавливает столь раннюю начальную дату гераклейского клеймения (415 г. до н.э.) и какой принцип заложен в основу такого дробного деления на восемь групп? Все это требует специального углубленного исследования в будущем. Мы предлагаем следующую классификацию гераклейских клейм, построенную на анализе имеющихся в нашем распоряжении источников и уточняющую классификацию И.Б.Брашинского[11].

Группа I - одиночные имена - конец V - середина первой четверти IV в. до н.э. Известны случаи, когда вместе с магистратскими клеймами группы I дополнительно оттискивалось еще одно (вероятно, фабрикантское) клеймо, состоящее из 2-3 букв (см. № 26 нашего списка). Эти дополнительные клейма сопровождали самых поздних магистратов группы и в таком сочетании являлись переходными между двумя первыми группами. Впоследствии оба клейма объединяются в одном штемпеле и появляется следующая группа клейм.

Группа II - клейма с двумя именами, одно из которых в сильном сокращении (группа II по Б.А.Василенко[12]). Середина - конец первой четверти IV в. до н.э. (протяженность - не более 10 лет).

Группа III - два имени, оба без предлога ἐπί - конец первой четверти - середина IV в. до н.э. Мы возвращаемся здесь к прежней (и как оказалось - верной!) точке зрения И.Б.Брашинского, выделявшего в отдельную группу клейма, на которых оттиснуты два имени в полной форме и оба при этом без предлога ἐπί[13].

Группа IV - два имени, одно из которых предваряется предлогом ἐπί - 364 г. до н.э. - последняя четверть IV в. до н.э. Точная дата начала употребления предлога ἐπί в гераклейских клеймах совпадает с установлением в Гераклее тирании Клеарха[14]. Деятельность магистратов и государственный контроль авторитарной властью керамического производства в городе проявился в регулярном употреблении в клеймах ἐπί.

В таком виде мы представляем себе типологическую и хронологическую классификацию раннего этапа гераклейского клеймения, занимающего почти весь IV век до н.э. Отдавая себе отчет в том, что она далека от совершенства и временные отрезки существования каждого из периодов достаточно широки (до 20 - 25 лет), мы, все же, полагаем, что при использовании предлагаемой схемы вероятность ошибки в определении даты каждого клейма меньшая, чем при применении любой другой.

Итак, обратимся к находкам гераклейских клейм. Из всего количества гераклейских клейм четыре почти полностью сбиты и определению не поддаются (№№ 38-41). Большая же часть находок (29 экз. - №№ 1-25; 42; 44-46) принадлежат первой хронологической группе - конец V - середина первой четверти IV в. до н.э. Шесть клейм (№№ 26 - 31) - это вторая хронологическая группа, время бытования которой - не позднее конца первой четверти IV в. до н.э. К третьей группе относится еще шесть экземпляров из наших находок (№№ - 32 - 37). Они являются самыми поздними клеймами этого центра, найденными в казарме, датируются не позднее середины IV столетия до н.э. и достаточно надежно определяют верхний хронологический предел слоев, в которых гераклейские клейма были найдены.

Среди найденных гераклейских клейм есть несколько редких экземпляров. Это анэпиграфное клеймо с вдавленным изображением секиры (№ 43), рельефное клеймо Лисия (№42) и три клейма (№№44-46), оттиснутых на гераклейских черепицах, одно из которых - на калиптере. Авторами

первой предварительной публикации этот калиптер с клеймом был неверно отнесен к продукции боспорской керамической мастерской[15]. Основанием этому послужила некорректная интерпретация результатов изучения черепицы методом характеристического рентгеновского излучения (образец Ч7)[16], что повлекло за собой ошибку в определении места ее производства. В действительности - оттиснутое на клейме имя Люкон хорошо известно как в керамической эпиграфике, так и в просопографии Гераклеи Понтийской[17], к которой клеймо и относится. Завершая описание находок предметов гераклейской керамической эпиграфики, отметим, что клейма на черепицах, вышедших из керамических мастерских этого города, встречаются при раскопках крайне редко и все без исключения относятся к первым этапам клеймения продукции этого центра.

Фасосские клейма из наших раскопок, систематизированные по хронологической классификации Ю.Г.Виноградова[18], в большинстве своем принадлежат к ранним этапам клеймения. Три экземпляра (№№ 47-49) принадлежат к первой группе, а семь анэпиграфных клейм (№№ 53-59) - к примыкающей к ней восьмой группе и датируются 400 - 370 гг. до н.э[19]. Последние три фасосских клейма относятся к пятой группе. Они были найдены в мешаных слоях и для решения хронологических задач не вполне пригодны.

Весьма показательную картину дает анализ находок синопских клейм. Из найденных пятнадцати экземпляров три клейма (№№ 60; 62; 73) на ручках амфор либо стерты (№ 73), либо обстоятельства их находки таковы, что не дают возможность использовать их как объективный источник для определения хронологии слоев. Одиннадцать клейм оттиснуты на черепицах (№№ 61; 63-72), из которых два клейма полностью стерты (№№ 71; 72), а остальные - относятся к первым двум группам по классификации Б.Н.Граков[20]. Относительно хронологии "граковских" групп синопских клейм у исследователей нет единого мнения[21]. Мне представляется, что начало регулярного магистратского клеймения амфорной тары в Синопе следует относить к рубежу первой-второй четвертей IV века до н.э. Что же касается установления достаточно обоснованной хронологии существования групп, то это задача на будущее. При определенной спорности предложенных Н.Ф.Федосеевым дат синопских магистратских клейм, эта схема, пожалуй, наиболее приемлема на сегодняшний день[22]. Определение по этой схеме года исполнения магистратских функций чиновниками, имена которых оттиснуты на найденных нами клеймах, дало следующие результаты: Гистией - 372 г., Филоник - 370 г., Протагор - 355 г., Хабрий - 354 г., Хариксенид - 338 г., Полюхарм - 337 г. и Полюктор - 334 г. до н.э[23]. Как мы видим, верхняя дата синопских клейм не выходит за пределы середины сороковых годов IV века до н.э., что хорошо согласуется с фасосскими и гераклейскими клеймами из казармы.

Есть среди находок синопских клейм и совершенно новый тип клейма, доселе не известный. Это клеймо размерами 8,5 х 2,3 см, оттиснутое прямоугольным штампом на черепице-солене из характерной синопской глины (№ 74). Относительно даты клейма можно предположить, что оно примыкает к клейму, опубликованному С.Ю.Сапрыкиным,[24] и датируется второй половиной I века до н.э., когда под эгидой римлян восстанавливается экономика Синопы и реанимируется к жизни некогда процветавшее в городе керамическое производство.

Из найденных семи херсонесских клейм удалось определить пять экземпляров (№№ 75-79). Три относятся к первой группе по классификации В.И.Каца (325-285 гг до н.э.) и два - к подгруппе А второй группы (285-272 гг до н.э.)[25]. Как и два родосских клейма - одно эпонимное конца III в. до н.э. (№ 84)[26] и второе - фабрикантское конца III - нач. II в. до н.э (№ 85)[27] - эти клейма вместе с другими материалами эллинистического времени могут датировать слои, соответствующие незначительным локальным перестройкам казармы.

Завершим описание двумя редкими хиосскими клеймами. Одно (№ 82) - небольшое круглое клеймо, оттиснуто на горле хиосской амфоры последней четверти V века до н.э.[28] и другое (№ 83) - круглое энглифическое на ножке амфоры первой четверти IV века до н.э.[29] Упомянем и о случайной находке клейма на ручке паросской амфоры (№ 86).

Интерпретация находок памятников керамической эпиграфики как важнейшего датирующего элемента слоя и связь на их основе полученных дат со строительной историей казармы нам представляется следующей. Гераклейские ранние фасосские и хиосские клейма найдены в северном углу казармы, в нижних слоях галереи и помещений 36, 63, в проулке под водостоком. Это те слои, которые возникли, когда засыпались ямы в материковой скале и неровности релье-

фа непосредственно перед самым строительством казармы. Все без исключения гераклейские клейма датируются около середины IV до н.э., фасосские и того раньше - не позднее 370 г. до н.э., как и хиосские клейма. Показательно, что среди гераклейских клейм не было найдено ни одного с предлогом ἐπί ! Можно достаточно обоснованно утверждать, что связанное с этими древними нивелировочными слоями строительство здания казармы происходило в первые годы второй половины IV века до н.э.

Вновь возведенное здание было крыто черепицей, изготовленной в двух южнопонтийских центрах - Гераклее и Синопе. К сожалению, остатков керамической кровли in situ не сохранилось, но на основании хронологии найденных гераклейских и особенно синопских керамических клейм удается установить, что черепичная крыша была сооружена не позднее третьей четверти IV века до н.э. Эта дата хорошо согласуется с установленной датой начала строительства казармы. Что же касается находок клейм других центров, то они единичны и не дают возможности для обоснованных хронологических построений. Можно только говорить о том, что ремонты здания, локальные перестройки и связанные с этим археологически зафиксированные подсыпки грунта, содержащего вместе с другими находками и керамические клейма, проводились почти постоянно.

Кардинальная перестройка здания казармы происходит позднее. К этому времени в керамическом производстве античных городов происходят значительные изменения, выразившиеся в отказе от практики регулярного клеймения керамической тары. Керамические клейма перестают быть одним из основных источников для определения хронологии археологических слоев. В позднеантичное время другие источники становятся временными реперами. Однако их изучение не является задачей настоящей статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1899 год. Архив НЗХТ, д. № 8, л.37-40.
2. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1906 год. Архив НЗХТ, д. № 15, л.24-25.
3. Там же.
4. Гриневич К.Э. Отчет о раскопках в юго-восточном районе Херсонеса у XVI куртины. Архив НЗХТ, д. №231, л.2-34.
5. Гриневич К.Э. Древнейшая оборонительная стена в Херсонесе, обнаруженная разведкой 1927 г. // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10-13 сентября 1927года. Севастополь, 1927. С.20.
6. Гриневич К.Э. Древнейшая оборонительная стена .... С.21.
7. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963-1964 гг. // Античная древность и средние века. Сб. 7. Свердловск, 1971. С.5.
8. Даниленко В.Н. Отчет о раскопках в Портовом районе Херсонеса в 1966 году. Архив НЗХТ, д. №1449. Раскопки под руководством Даниленко В.Н. проводились здесь в 1971 и в 1981 гг., однако Отчетов об их результатах в научные архивы не поступило.
9. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. О хронологии античных слоев т.н. "Казармы" в Херсонесе Таврическом // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С.196-202.
10. Кац В.И. Хронология клейм Гераклеи Понтийской (состояние и перспективы изучения) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С.212-217.
11. Брашинский И.Б. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XIV. М., 1984. С.3-22.
12. Василенко Б.А.. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н.э. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XI. М., 1974. С.3-28.
13. Брашинский И.Б. Керамические клейма Гераклеи Понтийской // Нумизматика и эпиграфика. Вып. V. М., 1965. С.20.
14. Павличенко Н.А. К вопросу о времени бытования предлога ἐπί в гераклейских клеймах // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С.138-146.
15. Магда А.В., Ильина О.М.. Комплекс строительной керамики первых веков нашей эры из Портового района Херсонеса // Древности-1994. Харьков, 1994. С.157-158.
16. Магда А.В., Дикий Н.П., Медведев Н.П., Шляхов Н.А. Результаты исследования черепицы из Херсонеса методом характеристического рентгеновского излучения // Древности 1994. Харьков, 1994. С.165.

17. Ameling W. Prosopographia Heracleotica // L.Jonnes. The Inscriptions of Heraclea Pontica. IK 47. Bonn, 1994. P.148-149.
18. Виноградов Ю.Г. Керамические клейма острова Фасос // Нумизматика и эпиграфика. Вып. X. М., 1972. С.3-63.
19. Там же. С.43.
20. Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928. С. 119; 123-124.
21. См. Федосеев Н.Ф. Итоги и перспективы изучения синопских керамических клейм // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С.149.
22. Критику см.: Туровский Е.Я.. К вопросу об абсолютных датах синопских клейм // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С.217-220.
23. Федосеев Н.Ф. Хронология синопских магистратских клейм // Тезисы докладов Международной конференции "Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья". Запорожье, 1994. С.189.
24. Сапрыкин С.Ю. Новый тип клейм Синопы: черепичное клеймо Coloniae Iuliae Felicis // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Харьков, 1995. С.77-78.
25. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994. С.76.
26. Шелов Д.Б. Керамические клейма из Танаиса III-I веков до н.э. М., 1975. С.64.
27. Там же. С.117-118.
28. Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С.27, табл. I,1.
29. Золотарьов М.І. Про початковий етап будівництва в античному Херсонесі //Археологія, 1990, № 3. С.72.

КАТАЛОГ КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМ,
найденных при раскопках т.н. «Казармы» в 1992 - 1998 гг.

а) гераклейские клейма

№ п/п	Легенда и эмблема	Год и место находки	Инв. №	Группа, дата	Аналогии, прим.
1	Ἀριστ– ἵππος (ретроградно)	1996, пом.63 участок 4, слой 2	17/37297	группа 1	Бр. № 152, Зол. № 1
2	Ἀρ]ιστο– ?κλ]έος?	1994, казарма, галерея	4/37274	группа 1	
3	Ἀρχ– ἕλα	1993, центр казармы, слой 2	19/37251	группа 1	Бр. № 154
4	Ἀρχ– ἕλα	1995 галерея у пом. 63	8/37283	группа 1	Бр. № 154
5	Ἀρχ– ?ἕλα	1996, пом.63 участок 4 слой 3	6/37297	группа 1	Бр. № 154
6	Ἀρχ[εσ– палица Геракла τρά[το	1993, центр казармы, слой 2	20/37251	группа 1	Бр. № 156
7	Δα]μ– ο]ξέ(νου)	1994, казарма, галерея	1/37274	группа 1	Бр. № 163
8	[Ε]ὐκά– μων	1996, пом.63 участок 4 слой 3	23/37297	группа 1	
9	Εὐρ[υ– δάμ[ο	1993, центр казармы, слой 2	21/37251	группа 1	Бр. № 195, Зол. № 5
10	Εὐρυ– δάμο	1996, пом.63 участок 4 слой 2	5/37297	группа 1	Бр. № 195, Зол. № 5
11	Ε[ὐρυ– δά[μο	1996, пом.63 участок 4 слой 3	7/37297	группа 1	Бр. № 195, Зол. № 5
12	Ε]ὐ[ρυ– δάμ[ο	1996, пом.63 участок 3 слой 3	13/37297	группа 1	Бр. № 195, Зол. № 5
13	Ε]ὐρυ– δάμο	1996, пом.63 участок 4 слой 2	15/37297	группа 1	Бр. № 195, Зол. № 5
14	Εὐρυ– δάμο	1998, пом.36 яма		группа 1	Бр. № 195, Зол. № 5
15	Εὐρ[υ– δάμ[ο	1998, пом.36-А, слой 7		группа 1	Бр. № 195, Зол. № 5
16	Ἡρακ– λέδα	1996, пом.63 участок 4, слой 3	18/37297	группа 1	Бр. № 207
17	[Ἡρακ]– λέδα	1996, пом.63 участок 4, бровка	20/37297	группа 1	Бр. № 207
18	Θεοξ– ένο	1998, проулок, траншея у водостока		группа 1	
19	Καλ– палица Геракла λία?	1992, северный угол казармы	3/37236	группа 1	Бр. № 213
20	Ὀρθ[ά]– σιλα	1996, пом.63 участок 4 слой 3	8/37297	группа 1	
21	Π]αύσ– [ανιος]	1998, пом. 36-В	П.О. № 124	группа 1	
22	[Σα]τύριω– [νο]ς	1996, пом.63 участок 3 слой 3	14/37297	группа 1	Бр. № 228
23	Τι[μ– ά[ρχο	1998, пом. 36-В	П.О. № 298	группа 1	
24	Α … ε …	1996, пом.63 участок 4 слой 2	16/37297	группа 1	
25	Φ … τ …	1996, пом.63 участок 4 слой 3	9/37297	группа 1	
26	Διον–?второе клеймо?Ηρ υσίο?↑ вертикально	1998, пом. 36-В	П.О. № 297	группа 2	
27	Ἀριστο– κλέος Δα?	1996, пом.63 участок 3 слой 3	12/37297	группа 2	
28	Δαμοσ– τράτο Μο?	1998 пом. 36-В	П.О. № 145	группа 2	

а) гераклейские клейма (окончание)

29	[Εὐρυ]- δάμο Ια.	1996, пом.63 участок 3 слой 3	22/37297	группа 2	Вас., с. 23
30	Θεογέν- ιος Νου.	1992, северный угол казармы	1/37236	группа 2	
31	Πασιά- δα Λε (ретроградно)	1998 под водостоком	П.О. № 88	группа 2	
32	Ἀ]ριστοκλέ- ῆς] Σατύρ(ιω- νο)ς	1996, пом.63 участок 4 слой 2	30/37297	группа 3	Зол. № 10
33	Ἀ]ριστοκλέ- ῆς Σατύρ(ιω- νος	1998, помещение 36-В слой 7		группа 3	Зол. № 10
34	Ἀρχεσ[τράτο Λύ(χων (ретроградно)	1992, северный угол казармы	2/37236	группа 3	
35	Ἐπικύρ(ιο Σατύρος	1998, под водостоком	П.О. № 85	группа 3	
36	Ὀρθάσ- λα Ἱπρα- ίδα	1996, пом.63 участок 4 слой 3	19/37297	группа 3	
37	Διχ… Αιασ… (ретроградно)	1993, центр казармы, слой 3	22/37251	возможно группа 3	
38	…ιχ… …ασ…	1996, пом.63 участок 4 слой 3	10/37297	группа не определяется	
39	…γ… …λο…	1994; казарма, галерея	2/37274	группа не определяется	
40	…ω… …ο…	1998. помещение 36-В	П.О. № 138	группа не определяется	
41	… το … κ	1992, северный угол казармы	4/37236	группа не определяется	
42	Λισία(ς) (ретроградно)	1998, под водостоком	П.О. № 84	возможно группа 1	рельефное!
43	Секира	1996, пом.63 участок 4 бровка	21/37297		энтлифическое
44	Τιμοξέ(ος)	1997. помещение 36- В, слой 4	9/37301	группа 1	керамида; круглое; большие буквы
45	…οτανο… (ретроградно)	1998, под водостоком	П.О. № 24а	группа 1	керамида; большие буквы
46	Λύκων(ος)	1992; пом.63 черепичная крыша	48/37238	группа 1	керамида, большие буквы

б) фасосские клейма

№ п/п	Легенда и эмблема	Год и место находки	Инв. №	Группа, дата	Аналогии, прим.
47	Λεω[νί(δης) Φασί(ων) Μυ[σχος)	1996,пом.38 квадрат 4 слой 3	1/37294	группа 1	Bon. № 50
48	Λεωνί(δης) Φασίω Χει[ρίλος Χερ–	1998, под водостоком		группа 1а	
49	Λάβρο(ς) Νοσσι(χᾶς)	1996 Пом.63 участок 4 слой 3	3/37297	группа I-в (поздняя).	
50	Φασίων голова негра ➔ Ἀριστοφάν(της)	1998 пом. 36-б слой 5		группа 5	Bon. № 407, Call. № 23-26, Севтополис, с. 147, № 3
51	Φ]ασίων буква Ξ Κ]λείτο[ς	1995 пом. 59 Ю-В стена забутовка	21а/37280	группа 5	Bon. № 935
52	Φασίω женское лицо в фас Ναύσων	1992 пом. 44а слой 15	9/37251	группа 5	Bon. № 1204 Avr. № 273
53	Стерто	1996 пом.63 участок 4, слой 1	4/37297	возм. Группа 8	
54	В – (энглифическое)	1992 пом. 44а слой 15	9/37251	Группа 8	
55	лист плюща в круге	1992 северный угол казармы	5/37236	Группа 8	
56	лист плюща в круге	1998 пом. 36в	П.О. № 294	Группа 8	
57	энглифическое колечко	1994 галерея	5/37274	Группа 8	Bon. №2243
58	энглифическое колечко	1998, под водостоком	П.О. № 86	Группа 8	на горле Bon. №2243
59	энглифическое колечко	1996, пом.63 участок 4 слой 2	2/37297	Группа 8	Bon. №2243

в) синопские клейма

№ п/п	Легенда и эмблема	Год и место находки	Инв. №	Группа, дата	Аналогии, прим.
60	ἀστυνόμου Ἰχέσιου?τοῦ Ἀντιπάτρου Ε[ύκ]λ[ῆς]	1993, галерея слой 1	24/37251	группа 6	ручка
61	Ἰστια[ῖο] орел на ἀστυ[νόμου] дель- Διον[ύσιου] фине	1995 центр казармы-II слой 4	3/37283	группа 1 (подгр.А)	черепица. Гр. с.115, № 15
62	Ναύπωνος ἀστυνόμον – эмблема τος Θυός не ясна	1996 пом. 38 квадрат 4 слой 3	3/37294	группа 3	
63	Πολύχτω[ρ] голова ἀστυνόμο(υ) Аполлона Νουμήνιος влево	1995 центр казармы- II под поперечной кладкой	5/37283	группа 3	черепица
64	Πρωταγόρο эмблема ἀστυνό(μος) не ясна … … …	1992 ,пом.63 слой 10 черепичная крыша	45/37238	группа 1 (подгр. Б)	черепица. Гр. с.115, № 20
65	Πολύχ[αρμος] ἀ[στυνό(μου) Ποσει[δώνιος	1996 пом. 38 квадрат 4 слой 3	4/37294	группа 2	черепица
66	Φλόνιχου орел на ἀστυνό(μο) дельфине Νευμήνι(ος)	1992 , пом.63 слой 10 черепичная крыша	44/37238	группа 1 (подгр.А)	черепица. Гр. с.115, № 21

в) синопские клейма (окончание)

67	Χαβ[ρά ἀστυν[όμου] Ἡράκλε[ιος]	1995 центр казармы-III слой 4	2/37283	группа 1 (подгр. Б)	черепица. Гр. с.117, № 24
68	Χαβρία факел ἀστυνό(μου) Ηράκλε(ος)	1998 пом. 36-б верхний слой		группа 1 (подгр. Б)	черепица. Гр. с.117, № 24
69	Χαβρία ἀστυνό(μου) орел … … … на дельфине (?)	1998 пом. 36-б слой 6		группа 1 (подгр. Б)	черепица. Гр. с.117, № 24
70	Ἀχαριξενίδηου ἀστυνό(μου) канфар Διονύσι(ος) и герма	1995 центр казармы- III слой 3	4/37283	группа 2	черепица
71	полностью стерто	1995 центр казармы- II слой 4	6/37283	группа 1-3 (?)	черепица
72	полностью стерто	1998 пом. 36-а слой 4		группа 1-3 (?)	черепица
73	стерто; сохранилась только эмблема - слон	1995 засыпь цистерны №2	21[Б]/37280	группа (?)	группа 1-3 (?)
74	Χρύστου	1995 центр казармы - I слой 4	7/37283	Втор. Пол. I в. до н.э. (?)	Сапр. 1995. С.77-78

г) херсонесские клейма

№ п/п	Легенда и эмблема	Год и место находки	Инв. №	Группа, дата	Аналогии, прим.
75	Ἀπολλώνιος Πασιάδα Αγορ.	1995 центр казармы - I слой 4	1/37283	группа 2А	
76	Ἡράκλειου ἀστυνόμου	1992 цунтр казармы засыпь	10/37251	группа 1А	Бор. таб.V № 6
77	Ἡράκλειου ἀστυνόμου	1992 центр казармы из Ю-В стены	11/37251	группа 1А	Бор. таб.V № 6
78	Ἡροχράτεο Νευμηνίου ἀστυνόμου	1993 галерея слой 3	28/37251	группа 2 А	плоское, ручка
79	Ξένων ἀστυνόμου	1993 галерея слой 1	23/37251	группа 1-В	плоское, оттиснуто на горле
80	ἀ]στυ[νόμου … … …	1994 галерея засыпь	3/37274		желобчатое ручка
81	монограмма	1996 пом.38 квадрат 2 слой 3	2/37294		Кац таб. CII, № 2А-17,4

д) хиосские клейма

№ п/п	Легенда и эмблема	Год и место находки	Инв. №	Группа, дата	Аналогии, прим.
82	сфинкс, сидящий перед амфорой (круглое)	1996 пом.63 участок 4	1/37297	пос. четв. Vв. до н.э	Бр. Методы, с. 27-29 (горло)
83	лист плюща в круге (энглифическое)	1998 под водостоком	ПО № 87	пер. четв. IVв до н.э	Зол. Археологія, с.72 (ножка)

е) родосские клейма

№ п/п	Легенда и эмблема	Год и место находки	Инв. №	Группа, дата	Аналогии, прим.
84	ἐπὶ Ξενοφάνευς Ἀγραίνιου	1992 пом. 44а слой 15	7/37251	эпоним кон. III в. до н.э.	вокруг цветка граната Шелов, с.64
85	Σωκράτευς факел	1992 пом. 44а слой 15	5/37251	фабрикант 220-180 гг. до н.э.	Шелов, №№ 452-454; с.117-118

ж) остров Парос

№ п/п	Легенда и эмблема	Год и место находки	Инв. №	Группа, дата	Аналогии, прим.
86	[Παρ]ίων	1993, галерея слой 1	26/37251	сер. II. в. до н.э.(?).	V.Grace. № 205

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ КАТАЛОГА.

Бор. = В.В.Борисова. Керамические клейма Херсонеса и классификация Херсонесских амфор // Нумизматика и эпиграфика, вып. XI, М., 1974. С. 99-124.

Бр. = И.Б.Брашинский. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980.

Бр. Методы. = И.Б.Брашинский. Методы исследования античной торговли. Л., 1984.

Вас. = Б.А.Василенко. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV века до н.э. // Нумизматика и эпиграфика, вып. XI, М., 1974. С. 3-28.

Гр. = Б.Н.Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928.

Зол. = М.И. Золотарев. О двух этапах строительства в Северо-восточном районе Херсонеса в IV веке до н.э. // Херсонесский сборник, вып. VII, Севастополь, 1996. С. 37-47.

Зол. Археологія. = М.І.Золотарьов. Про початковий етап будівництва в античному Херсонесі // Археологія, 1990, № 3. С. 68-76.

Кац. = В.И.Кац. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994.

Сапр. = С.Ю.Сапрыкин. Новый тип клейм Синопы: черепичное клеймо Coloniae Iuliae Felicis // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины, Харьков, 1995. С. 77-78.

Севтополис. = А.Балканска Амфори и амфорни печати // Севтополис, том № 2, София, 1984. С. 115-158.

Шелов. = Д.Б.Шелов. Керамические клейма из Танаиса III-I веков до н.э. М., 1975.

Avr. = A.Avram. Les timbres amphoriques. 1.Thasos // Histria, Vol. VIII, Bucarest-Paris, 1996.

Call. = M.Gramatopol, P.Bordea. Amphora stamps from Callatis and South Dobrudja // Dacia, Vol. XIII, Bucharest. 1970. P. 127-282.

V.Grace. = V.R.Grace. Stamped wine jar fragments. Small objects from the Pnix: II // Hesperia: Supplement X. 1956. P. 117-189.

Д.А. Кострomичев

СИНОПСКОЕ КЛЕЙМО РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ХЕРСОНЕСА

В 1984 году, в ходе доследований базилики на холме (руководитель работ С.А. Беляев), была найдена целая черепица-солен[1] (инв.№ 50/37256). Она изготовлена из характерной глины, указывающей на синопское происхождение. В изломе черепок имеет розовато-желтый оттенок, содержит примеси шамота и пироксена. Поверхность поля заглажена.

Размеры черепицы: 56,3 х 42,5 см. Высота бортиков – 5,8 см. Толщина поля – 3 см. Бортики в сечении имеют прямоугольную форму. Вдоль их верхней грани проходит неглубокий желобок. Верхний конец бортика резко срезан до уровня поля в 3 см от края. Внутреннее ребро бортика в 3,5 см от этого среза сглажено. Нижний конец черепицы имеет сужение на 2 см, которое начинается в 7 см от края. С тыльной стороны поля, под сужением, в 6 см от края начинается треугольный подрез, который сделан после формовки черепицы. Об этом говорят следы среза острым инструментом (рис 1А).

В центре поля керамиды, практически параллельно её коротким сторонам поставлено клеймо ΜΑΓΝΟΣ (рис. 1.Б). Размеры клейма 7,7 х 2,2 см. Углы рамки закруглены. Буквы крупные (до 1,5 см. высотой), без апексов. Две последние буквы меньше остальных. Оттиск клейма перевернут по отношению к нижнему краю черепицы.

Нужно отметить хорошую сохранность керамиды. Поле её лишено каких-либо повреждений, однако в 10 см от клейма находится лакуна в виде сбитой поверхности. Видимо, это повреждение не случайно, так как по своим размерам (8 х 3 см) и форме оно напоминает след от сбитого клейма. Рискнем предположить, что это был неудачный оттиск того же клейма ΜΑΓΝΟΣ, уничтоженный после обжига.

Клеймо содержит латинское имя Магн[2], и является, несомненно, штампом мастера-изготовителя. По своим признакам (относительно крупные размеры, наличие одного имени без определителя) клеймо близко примыкает к последней типологической группе синопских немагистратских клейм классификации В.Н. Цехмистренко. Появление клейм этой группы автор относил ко времени после 138 года до н. э. Четкая верхняя граница при этом не устанавливалась, но высказывалось предположение о возможном клеймении керамических материалов в Синопе и в раннеримское время[3].

Клеймо ΜΑΓΝΟΣ подтверждает это предположение. Появление римского имени в синопском клейме не могло произойти ранее основания в этом городе колонии италийских поселенцев в 46/45 гг. до н. э.[4]

О клеймении черепиц в Синопе в римское время до сих пор существует мало сведений. Нам известно лишь одно хорошо датированное клеймо этого периода. Оно также найдено в Херсонесе. Издатель этого клейма уверенно датировал его предпоследней четвертью I в. до н. э.[5]

Клеймо Κ(ολωνία) Ὀνατ(οέσσα) Ἰουλία содержит официальное название города и, по предположению издателя, является либо показателем существования эргастерия, принадлежащего самой колонии, либо свидетельством государственного контроля за производством в частных мастерских, подобно тому, как это было во времена астиномного клеймения[6].

Публикуемое клеймо делает более реальным первое из этих предположений. Являясь именем мастера-керамарха, клеймо не сочетается на черепице с другим клеймом, говорящим о контроле качества со стороны официальных властей[7]. Становится более вероятной ситуация параллельного функционирования городского эргастерия и частных керамических мастерских, производящих кровельную черепицу.

Сложнее решить вопрос датировки клейма ΜΑΓΝΟΣ. Само по себе оно не содержит хронологических привязок, кроме terminus post quem – 46/45 г. до н.э. Верхняя граница при этом может располагаться где угодно в пределах римского периода истории. Представляется, однако, что клеймо относится к раннеримскому периоду. На эту мысль наталкивает, с одной стороны, близость к последней группе немагистратских клейм[8], от которых клеймо ΜΑΓΝΟΣ едва ли отделяет большой хронологический промежуток. С другой стороны для римского периода, как уже сказано, известно лишь одно точно датированное клеймо из Синопы, а следовательно с уверенностью говорить о традиции клеймения черепиц можно только в отношении времени,близкого последней четверти I в.

Керамарх Магн, италиец по происхож-

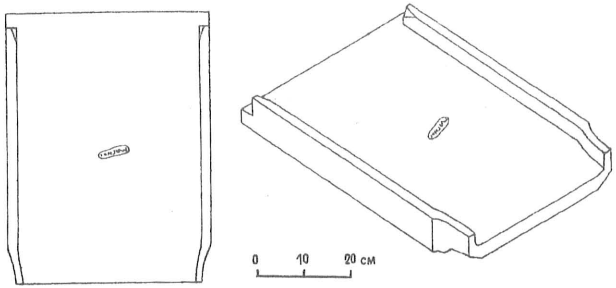


Рис. 1
Схема конструкции черепицы.
Клеймо МАГНОΣ.

дению, написал свое имя по-гречески, продемонстрировав таким образом степень своей ассимиляции с местной, грекоязычной средой. Этот процесс в отношении латиноязычного населения происходил в Малой Азии повсеместно и постепенно[9]. Поэтому клеймо МАГНОΣ нельзя относить ко времени сразу после выведения колонии италийских поселенцев в Синопу. На основании вышесказанного, публикуемое клеймо следует датировать последней четвертью I в. до н.э. – I в. н.э. Этому выводу не противоречат конструктивные характеристики черепицы. Форма плоских черепиц с течением времени мало изменялась[10], но размеры обнаруживали тенденцию к уменьшению. Если в IV-III вв. до н. э. длина керамид обычно составляла 60-70 см, а ширина 49-54 см, то во II-III вв. н. э. чаще встречается черепица с размерами 45-55 х 35-45 см[11]. Публикуемая черепица связывает эту тенденцию, представляя собой вариант переходного типа. Близкая по размерам и конструкции синопская черепица I-II вв. н. э. найдена на Боспоре[12].

Находка целой синопской керамиды с клеймом последней четверти I в. до н. э.- I в. н. э. в Херсонесе является ещё одним свидетельством оживления торговли с Синопой после окончания Митридатовых войн. Это оживление фиксируется, однако, очень небольшой группой материалов. Найдены две синопские монеты этого времени[13]. Известными нам предметами импорта из Синопы во второй половине I в. до н. э. были вино и оливковое масло, которые ввозились в светлоглиняных амфорах нескольких типов[14], а также металлы – медь, свинец и цинк[15]. Вместе с тем, синопский импорт для более позднего времени достоверно не фиксируется даже такими материалами. Косвенным подтверждением продолжающихся торговых связей могут служить только проксении синопейцев, найденные в Херсонесе[16], а также нумизматический материал[17].

Два найденных в Херсонесе клейма таким образом представляют собой довольно

редкое, хорошо датированное свидетельство торговли Синопы и Херсонеса в последней четверти I в. до н. э. – I в. н. э. Партии кровельной черепицы, по-видимому, можно отнести в это время к числу предметов устойчивого импорта.

Для римского периода в целом находки синопских черепиц в Ольвии[18] и на Боспоре[19] – распространенное явление. В Херсонесе же, по всей видимости, во II-III вв. н. э. потребность в керамических строительных материалах удовлетворялась местным производством[20]. Поэтому есть основания осторожнее относиться к широким датировкам синопских черепиц при обнаружении их в слоях римского времени, так как пока доказано существование импорта этих изделий только для последней четверти I в. до н. э. – I в. н. э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отчет о раскопках за этот год (так же, как материалы дневников) не был сдан в архив Херсонесского заповедника. В связи с этим, какая-либо привязка находки к остальному археологическому материалу, к сожалению, невозможна.
2. Имя Магн ранее в малоазийской просопографии не встречалось (см. Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag., 1964, s. 278, 841).
3. Цехмистренко В.И. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров // СА. 1960. №3. С.76.
4. Plin.NH., VI.2; Plin.Ep., X.91; Strabo, XII.3.11; Моммзен Т. История Рима. Том V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана . М.,1949. С.282; Максимова М.И. Античные города Юго-восточного Причерноморья. М.,1956. С.301.
5. Сапрыкин С.Ю. О значении некоторых клейм на черепице из Северного Причерноморья // РА. 1997. №1. С.195 196.
6. Там же. С.196.
7. Вряд ли такое клеймо могло находиться на месте лакуны, так как представляется маловероятным, чтобы знак официальных властей, удостоверяющий качество продукции, был намеренно сбит. В пользу того, что был сбит неудачный оттиск клейма МАГNOΣ, говорит практически идеальное совпадение размеров лакуны и клейма.
8. Цехмистренко В.И. Указ. соч. С.75-76.
9. Jones A.H.M. The Roman Economy. Studies in Ancient Economic and Administrative History. – Oxford: Blackwell, 1974. P. 91.
10. Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 1934. Вып.104. С.229, Рис.66а.
11. Борисова В.В. Херсонес. Строительные керамические материалы // САИ. 1966. Г1 20. С.46; Филиппенко А.А. Строительные керамические материалы с пунктов дислокации римских войск в Кадыковке и на высоте Казацкой // ХСб. 1998. Вып.9. С.111,114-115.
12. Зеест И.Б. Боспор. Строительные керамические материалы // САИ. 1966. Г1 20. С.59 60, Рис.42.2.
13. Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС. 1968. Вып.3. С.20.
14. Сорочан С.Б. Зовнішня торгівля Хесонеса Таврійського в I ст. до н.е. // Вісник Харьковського університету. 1980. №201. С.75; Внуков С.Ю. Новые типы позднесинопской амфорной тары / / РА. 1993. №3. С.212.
15. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.- V в. н. э. Харьков,1989. С.19.
16. IOSPE I^{2}, 364; НЭПХ №7; Сапрыкин С.Ю. Херсонесская проксения синопейца // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов. Севастополь, 1997. С.106-107.
17. Гилевич А.М. Ук. соч. С.20; Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Ук. соч. С.40,48.
18. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н.э. К.,1993. С.91.
19. Зеест И.Б. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем // ВДИ. 1951. №2. С.116.
20. Кичмар Е.В. Сероительная керамика из раскопок Западного некрополя Херсонеса // В кн.: Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983-1985 гг.). Отдельные категории материальной культуры. К.,1989. Препр. Часть III. С.1-2; Филиппенко А.А. Ук. соч. С.116.

В.А. Кутайсов

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ КЕРКИНИТИДЫ

(ЧАСТЬ I)

В предполагаемом нами районе вероятной сельскохозяйственной деятельности керкинитов - в интервале между озерами Донузлав и Кизил-Яр распространены весьма ценные карбонатные темно-каштановые слабогумусированные и слабосолонцеватые почвы, развитые на красных и желтых загипсованных суглинках, подстилаемых неогеновыми известняками. Они наилучшим образом отвечают требованиям для выращивания культур озимой и яровой пшеницы[1]. По склонам и на террасах балок залегают карбонатные каштановые почвы различной мощности и структуры, сформированные на элювии и делювии известняков и желто-бурых суглинках. По краям озер и на временно затопленных территориях расположены солончаковые, солонцеватые почвы или солончаки, которые окружают водоемы. Однако при более низком уровне моря и, следовательно, меньших пространствах зеркал озер солонцевато-солончаковые земли занимали меньшую площадь. По днищам устьев балок развиты луговые солонцевато-солончаковые почвы, находящиеся под воздействием значительно опресненных атмосферными осадками вод (типа верховодки).

Эти участки выделялись на общем фоне зелеными пятнами сенокосов. Для остальной местности характерна теперь низкорослая пустынно-степная растительность - разнотравно-полынная и злаково-полынная с примесью солонцеватого разнотравия[2].

Палеоботанические материалы. В настоящее время - так же, как и на других поселениях северо-западного Крыма - мы располагаем находками обугленных зерен злаковых культур и семян винограда из преимущественно золистых отложений, заполнений скифских хозяйственных ям и землянок, а также отпечатками их стеблей, чешуй и семян в саманной обмазке печей и в сырцовых кирпичах[3]. Последние немногочисленные данные опубликованы З.В.Янушевич, которая, к сожалению, все наблюдения отнесла только к греческому горизонту - в то время, как большая их часть связана с деятельностью скифов[4]. Эта неточность ввела в заблуждение и последующих авторов[5]. Все наши выборки происходят из разных горизонтов древнего городища, а следовательно отражают севооборот поселения на протяжении достаточно длительного промежутка времени. Приведем их описание в хронологической последовательности по определению Г.А.Пашкевич[6] (в ее публикацию вкралась досадная ошибка: в сборе № 1 309 зерновок принадлежит не вике, а ячменю).

Проба N 1 (438 зерновок) из отложений конца V в.до н.э.: ячмень пленчатый многорядный (Hordeum vulgare L.) - 309 шт. (70,5%), пшеница карликово-мягкая (Triticum aestivo/compactum) - 103 (23,5%), пшеница двузернянка (Triticum dicoccum Schrank) - 12 (2,74%), пшеница мягкая (Tr. aestivum) - 7 (1,6%); вика эрвилия (Vicia ervilia) - 3 (0,68%); единичные находки пшеницы однозернянки (Tr. monococcum), карликовой (Tr.compactum), семян культурного винограда (Vitis vinifera), и чечевицы (Lens culinaris).

Проба N 2 (46 зерновок). Первая половина IV в. до н.э. Включала в себя: Tr. aestivo/compactum - 36 шт. (78,3%); H. vulgare L., Tr.compactum; Aegilops sp.- по 3 шт. (6,5%); Vitis vinifera - 1 шт. (2,2%).

Проба N 3 (282 зерновки) начала III в. до н.э.: H.vulgare L. - 280 шт. (99,29%); Tr.aestivo/compactum - 2 шт. (0,71%) и много мелких обломков зерен ячменя.

Проба N 4 (83 экз.) связана исключительно со скифским ярусом памятника - вторая половина II в. до н.э. - и характеризуется следующим содержимым: H.vulgare L. - 19 шт. (22,9%); H.lagunculiforme - 21 шт. (25,3%); Tr.dicocum - 21 (25,3%); Tr.aestivo-compactum - 7 (8,4%); Secale sp. - 5 (6%); Tr. monococcum - 3 (3,6 %). Здесь же встречены семена сорных озимых растений (7,23%): костер полевой и костер ржаной (Bromus arvensis L.- 6 шт., Bromus secalinus L., - 1 шт.[7] Определитель, 1987, с. 440 - 441]. Примерно такое же соотношение культур отмечено в немногочисленных выборках из сырцовых кирпичей и саманной обмазки домашних печей: в ней доминирует пленчатый ячмень, затем двузернянка, а также встречены семя винограда (II в.до н.э.) и зерновка овса (IV в. до н.э.)[8].

Перед тем, как перейти к характеристике видового состава сельскохозяйственных растений, следует сделать одну (с нашей точки зрения, существенную) оговорку. Прежде всего, наши в количественном от-

ношении небольшие выборки собраны не в естественных условиях хранения урожая (например - в амбарах и кладовых сельских усадеб, на наделах), а в культурных напластованиях городского поселения, которое целиком состояло из урбанизированных жилищ граждан полиса. Нам пока ни разу не удалось обнаружить специальные помещения для хранения аграрной продукции внутри отдельных домов обитателей Керкинитиды (те отдельные подвалы, которые открыты под некоторыми зданиями вряд ли могли бы уместить весь урожай полиса). Значит, условия попадания зерновок и семян других культур носят отраженный характер, что заставляет нас вносить определенные коррективы в выводы. Наши сборы происходят из значительных по своему объему отложений в разных местах городища. Эти напластования преимущественно золистые, то есть связаны с повседневной жизнедеятельностью населения города. Иными словами, представленные пробы, по всей видимости, достаточно объективно отражают соотношение культур. Совсем по-иному обстоит дело со сборами образцов из скифского горизонта памятника, когда варвары хранили свою продукцию в вырытых рядом с их жилищами ямами.

Как видно из приведенного перечня, обнаружено одиннадцать видов полевых культур. Имеет смысл рассматривать отдельно пробы из греческого и скифского яруса памятника. По числу растений (но не по численности остатков) первое место занимает пшеница, среди которой преобладает особая голозерная популяция - Tr.aestivo-compactum - состоящая из двух видов: карликовой и мягкой и промежуточных форм между ними (18,4% от общей численности сборов из греческого горизонта). Эта пшеница была одной из основных хлебных культур античной эпохи в Крыму. Мягко-карликовая пшеница, вероятно, обладала засухоустойчивостью, скороспелостью, и благодаря своему короткому стеблю, устойчивостью к полеганию. Она, по всей видимости, была наиболее адаптирована к местным почвенно-климатическим условиям[9], а также к распространенной системе земледелия. Эти мелкозернистые и округлые сорта давали наибольший выход муки и незначительный - отрубей.

По мнению З.В.Янушевич, именно описанные зерновки были той самой легковесной понтийской пшеницей, о которой упоминает Феофаст [VIII, 4, 5], и мелкозерной - у Плиния Старшего[10]. Примыкающая к Евпатории равнина как нельзя лучше подходит под описание тех мест, где следует, по рекомендациям античных агрономов, сеять пшеницу: «все хлеба особенно хорошо идут на ровных открытых местах, обращенных к солнцу и залитых им, с рыхлой почвой» [Col., 2,9,3]. «На сухих местах, не травных и открытых, сей пшеницу» [Cato, 34,3] (пер. М.Е.Сергеенко). Их дополняет византийский источник X в.: «Зерновой хлеб лучше сеять на тучной земле и на равнинах; ячмень - на земле средней» «Ячмень нужно сеять на земле не очень сырой, а скорее на вовсе сухой. Хлеб же должно сеять на очень сырой, быстро превращающейся в грязь земле: он в такой лучше растет» [Геопоники, II, 12,1; 13,1-2]. Весьма благоприятно на его произрастание действуют морские ветры и бризы, хотя пшеница и ячмень могут в период цветения и сразу после него погибнуть и от ветров [Theoph., VIII, 6,6; 7,6; 10,2].

При существовании здесь лесостепи природные условия были еще более благоприятны для полеводства: климат в целом более мягкий и влажный, дубравы и рощи защищали нивы от летних суховеев и, что особенно важно для открытых пространств, от вымерзания озимых посевов, происходящего не столько от стуж, сколько от выдувания корней ветром. Принимая же во внимание водоохранное значение лесов, можно предполагать большую обводненность нынешних сухоречий и балок. О том же свидетельствует присутствие на городище Чайка ископаемых перловиц, водящихся только в естественных пресных водоемах[11].

Мягкая пшеница - Tr.vulgare при абсолютном преобладании ее одной разновидности var.erythrospermum - в конце XIX - первой половине XX веков являлась господствующей озимой культурой крымских степей[12]. Мягкие сорта характерны и для яровых посевов этих злаков[13]. Tr.aest.-comp. по своим основным характеристикам весьма близка самой древней сортовой группе крымской озимой культуры - «крымке», полностью сроднившейся с местными климатическими и почвенными условиями[14], исключительно выносливой по отношению к засухам, что, быть может, указывает на их генетическое родство или, по крайней мере, участие этой древней культуры в селекции «крымок». Последнее вполне вероятно, поскольку мягко-карликовая пшеница постоянно встречается на поселениях средневекового Крыма, в том числе в византийском Херсонесе[15]. В таком случае, весьма правдоподобным выглядит

предположение П.И.Богдана о распространении южного типа «крымок» на пшеничные поля предгорной и западной степной зон полуострова через Херсонес[16], а следовательно - древнеэллинский пшеничный материал не окончательно затерялся в глубине веков[17]. К данному выводу автор пришел задолго до тех многочисленных палеоботанических данных, которые были получены в последние два-три десятилетия. Родоначальные семьи «крымки» - заметим к месту - наиболее многочисленно были представлены в Евпаторийском уезде[18].

Исходя из наличия в нашем распоряжении большой серии проб, состоящих из морфологически целых зерновок, пришло время, видимо, поставить решение задачи о происхождении «крымки» перед специалистами соответствующего профиля. Сейчас же, в подтверждение сказанному выше, сравним между собой весовые показатели пшениц, связанных с различными историческими эпохами. Так, на основании обугленного зерна с поселения Тарпанчи (II в. до н.э.), экспериментальным путем установлено, что 1 гл в его чистом виде весил 74,7 кг[19]. Плиний сообщает о том, что 1 модий ввозимой из Херсонеса очищенной пшеницы не превышал 20 либр [Plin., NH., XVIII,66]; следовательно вес ее 100 л равнялся 74,8 кг. И, наконец, нами на основе среднего веса четверти в 80-е годы прошлого века рассчитан вес «крымки»: ее 100 л составляли 74,65 кг[20]. По данным же П.И.Богдана, 1 гл ее равнялся в среднем 77,3 кг (с колебанием в пределах 73,6 - 80 кг); для яровой пшеницы 77 - 78 кг. Тем не менее, между рассматриваемыми нами популяциями имеются и существенные различия: мягкокарликовая пшеница отличается круглозерностью и более рыхлым мучнистым эндоспермом[21].

Напротив, только треть зерновок «крымки», несмотря на морфологическую неоднородность сорта, овально-яйцевидной формы[22]. По характеру своего излома она занимает промежуточное положение между мучнистыми и стекловидными зерновками, примыкая ближе к последним (мучнистость свойственна только 2% зерен)[23]. Отсюда большой процент содержания в «крымке» белка и низкий - зольности, в результате чего из пшеницы получается гораздо больше муки высокого качества[24]. Оставим, однако, окончательное заключение по данному вопросу за ботаниками.

Второе место среди пшениц, резко уступая предшествующему виду, занимает полба, составляющая всего лишь 1,82% от всей выборки в греческом уровне Керкинитиды. Любопытно, что небольшой удельный вес полбы в полевых культурах Крыма (всего один-два процента) был характерен для первой половине XIX века (таб. I), а в юго-западном Крыму она высевалась вплоть до начала 30-х годов нашего столетия[25]. По всей видимости, двузернянка (так же, как и в Таврической губернии) высевалась хотя и в небольших количествах, но в самостоятельных яровых посевах. Она засухоустойчива, неприхотлива к различным почвам, пересиливает сорняки, устойчива к полеганию, способна к длительному перестаиванию в зрелом виде, обладает хотя и не высоким, но стабильным по годам урожаем; растение это уничтожает сорняки[26]. Иное дело - единичные находки однозернянки, которая, вероятно, служила незначительной примесью в посевах полбы[27], хотя, по свидетельству Феофраста, этот злак (оркиш) выращивался греками и в чистых посевах [Theophr., I,6,5; II,4,5; VIII, 1,1-3; 2,1; 2,6; 4,1; 8,3; 9,2]. Присутствие Tr.dicoccum может свидетельствовать не только об употреблении ее зерновок для разнообразия пищевого рациона греков в виде весьма калорийной, высокой по своим вкусовым качествам каши[28]. Под ее посевы, в соответствии с советами античных писателей, вполне могли использоваться наименее пригодные - глинистые или сырые - участки вдоль оврагов и балок [Cato, 34,2; Varr, 1,9,4; Col., II, 8,5; II, 9,3]. Правда, по словам Феофраста, двузернянка требует жирную и хорошую почву и после основных хлебных злаков наиболее сильно ее истощает [VIII, 9,2]. Не лишено смысла предположение о том, что полба (как древнейшая культура человечества) могла использоваться в ритуальных целях. В аграрно-религиозных представлениях древней Аттики, к примеру, были распространены обряды в честь божеств, связанных с плодородием, при которых в глиняных горшках приготовлялась священная каша из всевозможных зерновых и бобовых, являвшаяся неотъемлемой частью священнодействия[29].

Ситуация с выращиванием полбы резко изменилась во второй половине II в. до н.э., когда Керкинитида оказалась в руках скифов. Она стала доминирующим сортом пшеницы на поселении (25%), уступая по общему показателю лишь ячменю. Большое количество отходов от обмолота двузернянки в чистом виде выделено З.В. Янушевич при анализе саманных кирпичей печи в одном из скифских помещений[30].

На степных скифских поселениях голозерная пшеница, как вероятно, и в нашем случае, сопровождала посевы двузернянки[31]. К сказанному добавим, что среди возделываемого во II в. до н.э. ячменя в пробе примерно половину составляет особый бутылковидный вид. С приходом нового населения - следует признать - полностью сменилось соотношение видового состава зерновых культур, а вместе с ним, вероятно, и система земледелия, свойственная степному и лесостепному Причерноморью[32].

Состав культурных злаков и сорных растений указывает нам исходный пункт скифской миграции - Нижнее Поднепровье[33]. Не с этим ли связано появление тут типично лесных и лесостепных озимых засорителей голозерной пшеницы и ржи, - костра полевого и костра ржаного - лишь изредко встречаемых в степном Крыму[34], но столь распространенных на нивах Поднепровья и лесостепи[35]? Упомянутые сорные травы не известны в более ранних выборках из эллинских отложений. И.Т.Кругликова отметила большое количество семян костра неопределенного вида (875 шт.) среди урожая пленчатого ячменя из заполнения ямы VI в. до н.э. в Гермонассе[36]; хотя считается, что этот сорняк - типичный засоритель озимых посевов ржи и пшеницы.

Таким образом, захват во II в. до н.э. скифами пространства северо-западного Крыма в агрономическом отношении был несомненным регрессом, приведшим к отказу от устоявшейся системы земледелия и переменам в видовом соотношении культурных сортов. О том же говорит и плохой отбор посевного материала, в котором, как например, в пробе с поселения Тарпанчи (вторая половина II в. до н.э.), в зерновках ячменя присутствуют семена гречишки вьюнковой[37]. В наших пробах так же двузернянка постоянно засорена зерновками предшествующей ей здесь мягко-карликовой пшеницы - результат крайне неудовлетворительной очистки семян и недостаточной борьбы с посторонними засорителями полей. Однако основная причина кроется в перенесении на новое место жительства традиционных форм хозяйствования - с более низким, чем у греков, уровнем агрономии, проявившимся в том числе, в переходе от озимых посевов мягко-карликовой пшеницы к яровым полбы попавшей в совсем иные, неблагоприятные для нее природно-климатические условия - культуры, которая в прошлом веке не получила почти никакого распространения в Евпаторийском уезде, а только лишь в крайне незначительном количестве в предгорном Крыму (таб.1). Все это следует за разрывом естественной преемственности в земледелии при военном захвате территории. Полба - по мнению Н.А.-Гаврилюк и Г.А.Пашкевич - наилучшим способом подходит к переложной системе земледелия, которая господствовала у скифов на Нижнем Днепре[38].

Именно условия хранения урожая двузернянки - в виде необмолоченных колосьев или не обрушенных колосков, сев не семенами, а колосками - объясняют появление свойственного только верхнему скифскому горизонту Керкинитиды большого количества огромных зерновых ям, связанных между собой ходами грызунов[39]. О таком хранении хлеба в некоторых провинциях за морем упоминает и Колумелла [Colum., I, 6,15]. Как известно, зерно полбы, в отличие от голозерных сортов пшеницы, при обмолоте не освобождается от цветочных и колосовых чешуй[40]. Процесс очистки ее зерновок, достаточно сложный и трудоемкий, требует обрушивания колосков и колосьев в специальных ступах, что производилось непосредственно перед самым ее употреблением в пищу. На такую особенность двузернянки (по-латыни far), исходя из замечания Плиния [18, 7, 61] и современных ему сельскохозяйственных данных, обращал внимание еще Т.Моммзен[41]. Поскольку весьма сомнительно предполагать вывоз неочищенного зерна, tr.dicoccum вряд ли могла быть экспортной культурой. Как впервые обратила внимание З.В.Янушевич на конференции в Цхалтубо в 1982 г., выращивание полбы было направлено, по всей видимости, в основном на удовлетворение собственных потребностей[42]. Однако это утверждение вступает в непримиримое противоречие с замечанием Геродота о том, что скифы-пахари «сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи» [Herod., IV,17, 2]. Чтобы выйти из такого непонятного современному исследователю положения, предпринимаются попытки изменить смысл самой геродотовой фразы: предлагается замена выражения «для продажи» на «для сожжения», ἐπὶ πρήσι на πρήθω, что не представляется достаточно убедительным[43]. Позволим себе по этому поводу вынести на обсуждение еще одно возможное объяснение. Из-за высоких потребительских качеств мягкой пшеницы в начале XX в. максимальное ее количество старались вывозить за пределы Крыма. Свои же потребности удовлетворяли за счет завоза менее ценной для экспорта зерновой продук-

ции[44]. Такую же роль вполне могла выполнять выращиваемая скифами полба. Она была желательна и для разнообразия пищевого рациона греков.

Кроме ботанических особенностей этого растения, против широкого экспорта скифского хлеба свидетельствует то обстоятельство, что для интенсивного вывоза сельскохозяйственной продукции необходима хорошо развитая транспортная система[45]. Для Северного Причерноморья в XIX - XX веках это - прежде всего, сеть Азово-Причерноморских портов (и постоянное увеличение их количества благодаря дноуглубительным работам), судоходная часть Днепра до г. Запорожья (б. Александровск) и, пожалуй, самое главное - Лозово-Севастопольская железная дорога с ответвлениями к морских гаваням. Без указанных условий, особенно последнего, приморские города обслуживали только небольшие примыкающие к ним территории собственных уездов, куда хлебные грузы подвозились исключительно гужом[46]. Относительно Северо-Западного Крыма, на примере Евпаторийского уезда, можно сказать: небольшие и совсем крошечные пристани являлись теми родниками и ручейками, которые наполняли хлебный поток из Евпатории. Как показывает практика начала XX столетия, в урожайные годы вывозилась одна треть собираемого валового сбора зерна; тогда же, когда урожай был ближе к среднему или даже ниже последнего - экспорт сокращался до седьмой части зерновой продукции[47]. Ныне самым северным пунктом указанного побережья служит с. Портовое, на картах начала столетия эта точка просто названа - хлебная пристань. Однако при более низком уровне моря и направлении тектонических движений данное место Каркинитского залива могло быть в античный период не судоходно, а предельной точкой служила Бакальская коса, хотя сказанное требует подтверждения археологическими фактами. Другими словами, трудно представить участие варварских племен, проживающих на достаточно отдаленном расстоянии от побережья, в хлебной торговле. Следовательно, импорт представленных в амфорах продуктов (родосских, косских, книдских и столовой посуды) компенсировался другими отраслями сельского хозяйства - в первую очередь, продуктами животноводства.

В дальнейшем (спустя, по крайней мере, столетие) население северо-западного побережья вновь перешло к выращиванию более адаптированной к местным условиям и ориентированной на сбыт голозерной пшеницы. К таким переменам подталкивало то обстоятельство, что для яровых культур, каковой в Крыму являлась полба, были в то время менее благоприятные климатические условия, а в Евпаторийском уезде в первой половине XIX в. она практически полностью отсутствовала (таб. II). Так, в заполнении ямы I в.н.э. Калос Лимена вновь преобладали зерновки мягкой пшеницы[48].

И хотя в нашем распоряжении крайне недостаточно конкретных палеоботанических сборов, это свидетельствует о полной перестройке растениеводства, ориентированного вновь на вывоз хлеба и, вероятно, в первую очередь в Херсонес, на чьей земле располагались позднескифские поселения. Если это так, то мы вынуждены признать, что все утерянные, а затем отвоеванные обратно понтийскими войсками владения вновь оказались включенными в экономическую систему Херсонеса. Более того, не имея возможности снова реанимировать свою периферийную хору, Херсонес позволил (или узаконил, что в нашем случае одно и то же) в середине I в. до н.э. скифам заселить его бывшую территорию при условии перепрофилирования их хозяйства на собственные нужды - производство столь недостающего ему зерна.

Иными словами, Херсонес в резко изменившейся ситуации отказался от традиционной для себя формы организации аграрной округи, оставив ее в распоряжении варварского подконтрольного себе населения. В таком случае был использован, в каком-то смысле, опыт соседней Ольвии и Боспорского царства. Остается, однако, открытым вопрос: в виде чего получал Херсонес хлеб - некой установленной платы за пользование землей или в результате торгового обмена.

Предложенной выше схеме, казалось бы, противоречат пробы с поселения Тарпанчи, относящиеся ко времени не ранее середины II в.до н.э.[49] Быть может, мягкая пшеница в них связана с херсонесским поселением или попала к скифам в результате его захвата, (к примеру, благодаря уборке доставшихся им нив).

Как видно из приведенных данных, в наших пробах из греческого горизонта памятника преобладает многорядный ячмень (почти 78% об общей массы), что абсолютно не свойственно палеоботаническим наблюдениям на других поселениях северо-западного Крыма, где он везде занимает устойчивое второе место. Следует, правда, отметить, что в основу анализа

обычно положены сборы, взятые с сельских поселений. Мы же имеем дело с выборкой, происходящей из урбанизированного центра. Объяснение такому факту будет предложено немного ниже. Заметна устойчивость ячменя (именно многорядного) на засоленных солонцеватых почвах и его лучшая приспособленность ко всем невзгодам степного Крыма[50]. Неудивительно поэтому, что значение этого растения значительно возросло после выхода Херсонеса за пределы горной части юго-западного Крыма и освоения просторов равнины. По Фефрасту, ячмень не требует для себя хорошей земли и может давать урожай и на более тощей [VIII, 9,1]. Колумелла и Плиний рекомендуют сеять ячмень в сухую и рыхлую, самую жирную или тощую землю [Colum., II, 9, 3; Plin., 18, 79]. По словам Феофраста, эгилопс, семя которого встречено у нас, засорял преимущественно посевы ячменя [Theophr., VIII, 8,3].

Роль H.Vulgare резко снижается (до уровня полбы) в скифский период: в это время в посевах ячменя, как и на других скифских памятниках, встречается достаточно значительная примесь (25,3%) его архаичного бутылковидного вида - H.lagunculiforme[51].

Находки всего нескольких зерновок ржи в скифском горизонте городища (если, тем более, принять во внимание возможное преобладание яровых посевов полбы) позволяет предположить, что эта культура, хоть и в небольшом количестве, но выращивалась в чистых посевах, а не являлась засорителем озимой пшеницы, так как здесь же встречены постоянные спутники озимых посевов - костра полевого и костра ржаного[52]. Вид этот не требователен к почвам: хорошо развивается на солонцеватых, мергелистых и щебенчатых землях[53]. Чистый пар под рожь, как правило, не отводится: она высевается обычно по стерне озимой пшеницы[54], что вполне согласуется со словами Плиния [Plin., 18, 79].

Заметим также: в наших сборах, как из греческих, так и скифских напластований, не встречено просо, известное, хотя и в небольшом количестве, на синхронных памятниках Крыма и Нижнего Поднепровья, в том числе и на расположенном поблизости городище Чайка[55].

Бобовые растения представлены единичными семенами вики эрвилии (3 экз.) и чечевицы (1 экз.), что не позволяет нам высказать какое-либо определенное суждение о них. Оба вида происходят из пробы конца V в. до н.э. Первая из названных культур, помимо использования в пищу людей, шла на корм тягловым животным в виде зеленого рациона или сена, либо запахивалась в качестве зеленого удобрения для улучшения земли [Theoph., VIII, 7,2; 9,1]. Поскольку же эрвилия постоянно встречается совместно с семенами винограда, то это позволяет предполагать, что ее высевали на Гераклейском полуострове и в других местах хоры с каменистой поверхностью - для обогащения почв в междурядиях виноградников[56].

Однако, данное объяснение абсолютно неприемлемо для района Керкинитиды с его сплошным слоем чистого южного чернозема. «Опыт же научил, - записано в источнике X века «Геопониках» [V, 11, 2] - что не надо ничего сеять в виноградниках, так как посев отнимает питание лоз, а ему вредит тень». Бобы помимо символа плодородия являлись особенно угодными хтоническим божествам[57], что определяло необходимость их выращивания, хотя бы в минимальном количестве.

В наших пробах встречено несколько клонов винограда. Изучение морфологии семян, найденных на памятниках Херсонесской хоры, позволяет предполагать, что культивирование винограда совершалась на основе местных дикорастущих сортов, отличающихся мелкосемянностью и мелкоягодностью. В результате селекции, проводимой возможно централизованно, были выведены местные выносливые сорта, максимально приспособленные - по сравнению с импортными видами - к конкретным природно-климатическим и почвенным условиям региона.

Они отличались высокой урожайностью и большим выходом вина[58].

Основной помехой в разведении винограда в Евпаторийском уезде М.Баллас считал сухость почв и глубину залегания подпочвенной воды[59]. По мнению А.А.Иванова, в условиях степного Крыма виноградарство должно быть направлено главным образом на производство легких столовых вин, крепостью 9 - 11 град.; не исключено - при соответствующем подборе сортов - и получение более высокого продукта[60]. Ныне на Тарханкутском полуострове производят и крепленые вина.

О продуктивности виноградарства и виноделия в херсонесском полисе свидетельствуют масштабы производства собственной керамической тары. Для нас же наиболее важно в данном случае то обстоятельство, что один культивированный клон происходит из пробы еще конца V в. до н.э.

- задолго до освоения пространства северо-западной Таврики дорийскими поселенцами. Следовательно, у нас есть все основания полагать, что селекцией и выращиванием винограда - правда, в значительно меньших размерах и, вероятно, преимущественно в расчете на собственное потребление - занимались керкиниты. Сказанное подтверждается фактом выращивания крупноплодных и крупносеменных сортов винограда в районе Евпаторийского маяка, что (по мнению А.Б.Колесникова и И.В.Яценко[61]) противоречит тезису З.В.Янушевич о сортовом единстве и централизованной селекции на всей территории Херсонесского государства.

Эти виноградные лозы, по их мнению, были доставлены сюда переселенцами из своей метрополии, из Малой Азии и других областей греческого мира, а следовательно - дополним мы - его разведением здесь задолго до херсонесской экспансии занимались жители Керкинитиды. При ее раскопках были обнаружены (судя по рисунку, приведенному в книге З.В.Янушевич[62]) более крупные клоны, в сравнении с материалами, собранными на других памятниках. При новой колонизации Крыма в XIX веке переселенцами, как и в древние времена, был завезен значительный ассортимент лоз и стали применяться выработанные у себя на родине приемы и навыки в культивировании винограда[63]. Основная же направленность сельскохозяйственной деятельности Керкинитиды была иной.

Ближайшие следы виноградного плантажа были открыты на небольшом участке несколько западней города, на расстоянии чуть менее десяти километров, на так называемом поселении Маяк-2, расположенном на современном Евпаторийском мысу. Упомянутое агротехническое сооружение относится (по данным исследователей, их изучавших) к 360 - 280 гг. до н.э. и связывается исключительно с деятельностью Херсонеса[64]. О том же свидетельствуют ручной тарапан из расположенного рядом поселения Маяк-1[65], многочисленные находки лоз и семян[66], виноградный нож[67] и так называемая виноделья на Чайкинском городище[68]. В конце прошлого века в Евпаторийском уезде, где общая площадь виноградников была весьма незначительной, виноградные кусты на зиму (в ноябре) закрывались: для чего лозы связывались в пучки, пригибались к поверхности и затем полностью, как по рекомендации Страбона [VII, 3,18], засыпались землей[69].

Гроздья винограда, вероятно, мелкорядного (?) изображены на трапедзе перед пирующим Гераклом. Рельеф, на котором они воспроизведены, был обнаружен на северном берегу Сакского озера, в 16 км юго-восточнее Керкинитиды и чуть более 2 км восточнее Кара-Тобе. Лапидарный памятник изготовлен из местного известняка и, по представленным тут обязательным атрибутам героя, датируется последней четвертью IV в. до н.э.[70] На нем помимо винограда представлены хлеб, яблоки (?). Учитывая местное происхождение рельефа, есть все основания полагать, что на нем представлен традиционный рацион обитателей отдаленной хоры Херсонеса. В наших сборах отсутствуют косточки плодовых растений и семена овощей, что еще раз подтверждает иную аграрную специализацию Керкинитиды. Солоноватая вода (по наблюдению Феофраста) - самая худшая для полива огорода [Theoph., VII, 5, 2]. В степных районах полуострова садоводство и огородничество почти не существовали, несмотря на предпринимаемые для их развития меры[71].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Богдан П.И. Полевые культуры Крыма. Симферополь: Крымиздат, 1949. - С. 65, 239.
2. Дзенс-Литовская Н.Н. Почвы района Сакского озера // Саки-курорт. Вып. I. Симферополь: Гос. изд-во Крымской АССР, 1935; она же. Почвы Евпаторийского побережья Черного моря в Крыму // Очерки по физической географии Крыма. Л., 1938; она же. Почвы и растительность степного Крыма. Л.: Наука, 1970 С. 125 - 127; Вернандер Н.Б. Почвы сухостепной зоны // Природа УССР. Почвы. Киев: Наук. думка, 1986. С. 126 - 127; Шелят-Сосонко Ю.Р., Андриенко Т.Л. Растительность Украины // Природа УССР. Растительный мир. Киев: Наук. думка, 1935. С. 185. Здесь полностью сохранена терминология, использованная Н.Н.Дзенс-Литовской, составившей самую подробную почвенную карту Евпаторийского района. Вместе с тем, сейчас каштановые почвы степного Крыма рассматриваются как разновидность южных черноземов См.: Подгородецкий П.Д. Северо-Западный Крым. Краеведческий очерк. Симферополь: Таврия, 1979. С. 28; Он же. Крым: природа // Симферополь: Таврия, 1988. С. 101; Драган Н.А. Почвы Крыма. Симферополь: Изд-ние СГУ, 1983. С. 73 - 74; Половицкий И.Я., Гусев П.Г. Почвы Крыма и повышение их плодородия // Симферополь: Таврия, 1987. С. 135 - 136; Пащенко В.М. Степная зона // Природа УССР. Ландшафты. Киев: Наук. думка, 1995. С. 176.

3. Кутайсов В.А. Аграрная история Керкинитиды // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. конф. Севастополь, 1997. С. 71 76.
4. Janushevich Z.V. The specific composition of wheat finds from ancient agricultural centres in the USSR // Plant and Ancient Man. Studies in palaeoethnobotany. Rotterdam, 1984. P. 270; Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоботанические исследования. Кишинев: Штиинца, 1986 С. 40 - 70; Янушевич З.В., Николаенко Г.М., Кузьминова Н.Н. Виноградарство в Херсонесе Таврическом в IV - II вв. до н.э. по археологическим и палеоботаническим исследованиям // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси: Мецниереба, 1985; Yanuchevitch Z., Nikolayenko G., Kuzminova N. La viticulture a Chersonese de Taurique aux IV - II-e siecles av.n.e. // Revue Archeologique. 1985. N 1.
5. Николаенко Г.М., Марченко Л.В. Антропогенное воздействие на природу в регионе Юго-Западного Крыма в IV - III вв. до н.э. // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев:, 1994. С. 32.
6. Пашкевич Г.А. Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н.э. - II тыс. н.э. Каталог I. К.: Препринт, 1991 С. 15 - 16. Таб. 6.
7. Мальцев А.И. Сорная растительность СССР и меры борьбы с ней. М. Л.: Изд-во с/х литературы, журналов и плакатов, 1962. С. 187; Нейштадт М.И. Определитель растений средней полосы Европейской части СССР. М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во, 1963. С. 120 - 121; Определитель высших растений Украины. Киев: Наук. думка, 1987. С. 440 - 441.
8. Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья. Рис. 35, 39, 41, 44.
9. Краснов Ю.А. Ранняя история культуры пшеницы в свете археологических данных // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 104.
10. Янушевич З.В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев: Штиинца, 1976 С. 78 - 79, 89 - 90, 93 -95; она же. Культурные растения первобытного периода и средневековья на юго-западе СССР: (Автореф. дис. док. биологич. наук). Кишинев, 1978 С. 14 - 15; она же. Культурные растения Северного Причерноморья. С. 45 - 50; Янушевич З.В., Кузьминова Н.Н. Возникновение и развитие земледелия в Северном Причерноморье по палеоботаническим данным // Ботанические исследования. 1989. Вып.5 Флора и растительность. Кишинев: Штиинца, 1989. С. 45, 49; Щеглов А.Н. и др. Земледелие на поселении Панское I (северо-западный Крым) в IV - начале III в. до н.э. // Ботанические исследования. 1989. Вып.5. С. 55, 66.
11. Антипина Е.Е., Маслов С.П. К вопросу о хозяйственном использовании моллюсков и крабов поселения «Чайка» // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.: Изд-во МГУ, 1991. С.163.
12. Якушкин И.В. Пшеницы Крыма // Труды по прикладной ботанике и селекции. Петроград. 1923. Том 13. Вып. I. С. 90, 93 - 94, 144 - 145; Богдан П.И. Пшеницы Крыма. М.: «Советская наука», 1941. С. 39, 45, 102 - 103, 190; Усов С.А. Историко-экономические очерки Крыма. Прошлое и настоящее крымского сельского хозяйства. Симферополь, 1925. С. 173.
13. Богдан П.И. К вопросу озимой культуры твердой пшеницы в Крыму. Симферополь, 1928. С. 4 - 8.
14. Богдан П.И. Селекция крымских пшениц. Симферополь: Изд-во Наркомзема Крыма, 1924. С. 12; он же. О выгодных сортах хлебов. Симферополь: Крымиздат, 1926. С. 18 - 19; он же. Пшеницы Крыма. С. 68 - 70, 72, 91 - 92; он же. Полевые культуры Крыма. С. 73; Богдан П.И., Иванова А.И. Сорта полевых культур Крыма. С основами сортоведения. Симферополь: Крымиздат, 1947. С. 20 - 24; Якушкин И.В. Богдан П.И. Селекционное улучшение "крымки". Симферополь, 1927. С. 5 - 6.
15. Янушевич З.В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев: Штиинца, 1976. Таб. 9.
16. Богдан П.И. Пшеницы Крыма. С. 55, 95; Богдан П.И., Иванова А.И. Сорта полевых культур. 1947. С. 20.
17. Богдан П.. Полевые культуры Крыма. С. 48.
18. Богдан П.И. Селекция крымских пшениц. С. 13 - 14. Таб. 10.
19. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. С. 106; он же. 25 лет работ Тарханкутской экспедиции: итоги и перспективы // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 4.
20. Вернер К.А. Земледелие // Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1889 б. Отдел IV, глава III. Таб. на с. 66.
21. Янушевич З.В. Культурные растения юго-запада СССР. С. 95; она же. Культурные растения Северного Причерноморья. С. 47.
22. Богдан П.И. Полевые культуры Крыма. С. 76 - 77; Богдан П.И., Иванова А.И. Сорта полевых

культур. С. 22 - 24.

23. Богдан П.И. Селекция крымских пшениц. С. 18, 34, 35. Таб. 40; он же. Пшеницы Крыма. С. 69; Якушкин И.В., Богдан П.И. Селекционное улучшение... С. 5 - 6.
24. Максимович Г.А. Зерновые культуры в системе крымского полеводства. Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1932. С. 14 - 15.
25. Янушевич З.В. Культурные растения юго-запада СССР. С. 45; Янушевич З.В., Корпусова В.Н., Пашкевич Г.А. Пшеница из захоронений катакомбной культуры // Известия АН МССР. 1981. N 6. С. 27; Janushevich Z.V. Op. cit. P. 270.
26. Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А. Земледельческий компонент в экономике степных скифов конца V - IV вв. до н.э. // СА. 1991. № 2. С. 60.
27. Янушевич З.В. Культурные растения юго-запада СССР. С. 23, 31; Она же. Культурные растения Северного Причерноморья... С. 34, 37; Пашкевич Г.А. До реконструкції ассортименту культурних рослин епохи неоліту бронзи на території України // Стародавне виробництво на території України. Київ: Наук.думка, 1992. С. 191.
28. Янушевич З.В. Культурные растения юго-запада СССР. С. 57; Она же. Культурные растения Северного Причерноморья. С. 70.
29. Богаевский Б.Л. Обряды, связанные с горшками в богослужении арвальских братьев // ЖМНП. 1907. N 10. С. 467 - 475.
30. Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья. С. 50.
31. Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А. Земледельческий компонент... С. 60.
32. По А.Н.Щеглову, скифы в I в. до н.э. - I в.н.э. сразу перешли к выращиванию традиционных для греков зерновых культур: Щеглов А.Н. Позднескифское государство в Крыму: К типологии эллинизма // Дневний Восток и античная цивилизация. Л.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 1988 а.—С. 36.
33. Шрамко Б.А., Янушевич З.В. Культурные растения Скифии // СА. 1985. N 2 С. 60 - 61; Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья... С. 35 - 36, 69 - 70; Янушевич З.В., Кузьминова Н.Н. Возникновение... С. 43 - 45; Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). К.: Наук.думка, 1987 С. 86; Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А. Земледельческий компонент... С. 55 - 56, 59; Пашкевич Г.А. Палеоэтноботанические находки... Таб. 1; Николаенко Г.М., Марченко Л.В. Антропогенное воздействие... С. 32; Janusevic Z. Die Kulturpflanzen Skythiens // Zeitschrift fur Archeologie. 1981. N 15. S. 87 - 96.
34. Мальцев А.И. Сорная растительность... С. 187; Нейштадт М.И. Определитель растений... С. 120 - 121; Определитель высших растений Украины. С. 440 - 441; Пачоский И. Рец.: Янита А.А. Материалы по сорной флоре Мелитопольского и Днепровских уездов Таврической губернии // Записки Крымского общ-ва Естествоиспытателей и любителей природы. 1912. Том II. Симферополь, 1913. С. 193.
35. Pashkevich G.A. Palaeoethnobotanical examination of archaeological sites in the Lower Dnieper region, dated to the last centuries BC and the first centuries AD // Plants and Ancient Man. Studies in palaeoethnobotany. Rotterdam - Boston - Balkema, 1984. Tab. 1; Шрамко Б.А. Бельское городище... С. 84; Пашкевич Г.А. Растительные остатки из памятников Ольвийской хоры // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. и сооб. семинара. Парутино, 1985. С. 65; она же. Состав культурных и сорных растений из раскопок поселений сельской округи Ольвии // Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев: Наук.думка, 1990. С. 118. Таб. 2; она же. Палеоэтноботанические находки... С. 38. Таб. 2; она же. Палеоботанічні дослідження матеріалів Пастирського городища // Археологія. 1998. № 3. С. 51; Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А. Земледельческий компонент... С. 57. Таб. 2; Гаврилюк Н.А. Скотоводство степной Скифии // Серия «Скифы: экономика и история». Киев, 1995. С. 26 - 28.
36. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. С. 183.
37. Мальцев А.И. Сорная растительность... С. 170; Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым... С. 104 - 105.
38. Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А. Земледельческий компонент... С. 60 - 61.
39. Янушевич З.В. Культурные растения юго-запада СССР.. С. 56 - 57, прим.
40. Богдан П.И., Иванова А.И. Сорта полевых культур... С. 14.
41. Моммзен Т. История Рима. 1994. Том I. Прим. на с. 160 - 161.
42. Причерноморье в эпоху эллинизма. С. 386 - 388; Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья. С. 50, 76. Попытку развить тезис З.В.Янушевич об отсутствии торговли пленчатой пшеницей между греческими полисами и скифами предпринял А.Н.Щеглов: Щеглов А.Н Источники северо-причерноморской торговли хлебом в IV в. до н.э. // Десятая авторско-читательская конференция ВДИ. М., 1987. С. 175 - 176; Севе-

ро-понтийская торговля хлебом во второй половине VII - V вв. до н.э.: письменные источники и археология // Причерноморье в VII - V вв. до н.э. Тбилиси: Мецниереба, 1990 С. 111 - 113; Sceglov A. Le commerce du ble dans le Pont Septentrional (seconde moitie du VII-eme - V-eme siecle) // Le Pont-Euxin vu par les Grecs. Paris, 1990. P. 154 - 156. Ср. его же мнение - О греко-варварских взаимоотношениях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 196.

43. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. С. 231. Прим. 207; Ср.: Щеглов А.Н. Северопричерноморская торговля... С. 106 - 107; Sceglov A. Le commerce... P. 148 - 149.
44. Петрищева Н.М. Зерновое хозяйство и семенное дело в Крыму // Пути реконструкции народного хозяйства. Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1929. С. 44 - 45.
45. Меррей О. Экология и аграрная история древней Греции // ВДИ. 1994. N 2. С. 93.
46. Кунцевич Ф.П. Экспорт хлеба за границу и его влияние на развитие зернового хозяйства в Таврической губернии в конце XIX - начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968. Л.: Наука, 1972. С. 264 - 267.
47. Петрищева Н.М. Зерновое хозяйство... С. 44.
48. Пашкевич Г.А. Палеоэтноботанические находки... С. 9.
49. Щеглов А.Н. Разведки 1959 года на западном побережье Крыма // СХМ. 1961. Вып. II. С. 77; он же. Тарханкутская экспедиция в 1962 - 1963 гг. // КСИА. 1965. - Вып. 103. С. 145; он же. Северо-Западный Крым... С. 103 - 104.
50. Богдан П.И. О выгодных сортах хлебов... С. 30; Он же. Ячмени Крыма. Симферополь: Издание отдела семеноводства наркомзема Крыма, 1928а. С. 5 - 6; он же. Полевые культуры Крыма... С. 202 - 203; Богдан П.И., Иванова А.И. Сорта полевых культур... С. 33.
51. Янушевич З.В. Культурные растения юго-запада СССР. С. 121; она же. Культурные растения Северного Причерноморья... С. 24, 27, 29, 51, 86; Янушевич З.В., Кузьминова Н.Н. Возникновение... С. 43 - 45; Шрамко Б.А. Бельское городище... С. 86.
52. Мальцев А.И. Сорная растительность... С. 187.
53. Богдан П.И. Полевые культуры... С. 186.
54. Дубова П.Ф. Севообороты в Крыму. Зерновые, табачные и овощные. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1935. С. 23 - 25.
55. Кирьянов А.В. Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 94; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора... С. 184; Pashkevich G.A. Palaeoethnobotanical examination... P. 242. Tab. 1; Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья... С. 54. Таб. 9; Пашкевич Г.А. Состав культурных... С. 118.
56. Янушевич З.В., Николаенко Г.М., Кузьминова Н.Н. Виноградарство... С. 319; Янушевич З.В., Кузьминова Н.Н. Возникновение... С. 45; Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья... С. 54 - 60; Щеглов А.Н. и др. Земледелие на поселении Панское I... С. 62 - 63.
57. Богаевский Б.Л. Обряды... С. 473.
58. Николаенко Г.М., Янушевич З.В. Культурные растения из раскопок сельской округи Херсонеса // КСИА. 1981. N 168. - С. 27; Янушевич З.В., Николаенко Г.М., Кузьминова Н.Н. Виноградарство... С. 313 - 316; Janushevich Z.V., Nikolaenko G.M. Fossil Remains of Cultivated Plants in the Ancient Tauric Chersonesos // Archaeo-Physika. 1979. N 8. P. 115 - 122; Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья... С. 68; Янушевич З.В., Кузьминова Н.Н. Возникновение... С. 48; Щеглов А.Н. и др. Земледелие на поселении Панское I... С. 63.
59. Баллас М. Виноделие в России. Историко-статистический очерк. Часть I. СПб., 1895. - С. 25.
60. Иванов А.А. Виноградарство в степной части Крыма // Пути реконструкции народного хозяйства. Симферополь: Крымгосиздво, 1929. С. 182.
61. Колесников А.Б. К интерпретации источников по античному виноградарству // Древности Боспора. Т. 1. М., 1998. С. 136 - 137. Автор настоящей работы знаком также с рукописью статьи А.Б.Колесникова и И.В.Яценко ("Аграрная территория Херсонеса Таврического в районе Керкинитиды"), любезно предоставленной ее авторами, за что приносит свою искреннюю благодарность.
62. Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья... Рис. 44г.
63. Бузина Н.П. Крымское виноградарство и основные пути его дальнейшего развития // Пути реконструкции народного хозяйства. Симферополь: Крымгосиздво, 1929. С. 165.
64. Яценко И.В. Раскопки греческого поселения на городище «Чайка» и виноградника у Евпаторийского маяка в 1983-1984 гг. // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тез.докл. Всесоюз. археолог. конф. Баку, 1985. Часть 2. С. 383 - 385; она же. Городище

Чайка и его округа // АО-1984. М.: Наука, 1986. С. 334 - 335; она же. Яценко И.В. Исследования на западной окраине Евпатории // АО-1985. М.: Наука, 1987. С. 442 - 443; Колесников А.Б., Яценко И.В. Античный виноградник на Евпаторийском мысу // Проблемы исследований античных городов. Тез. М., 1989. С. 57 - 58.

65. Колесников А.Б. Античные сельские усадьбы у Евпаторийского маяка // ВМУ. История. 1984. N 4. Рис. 3,1.
66. Маслов С.П. Комплекс сгоревших растительных остатков, обнаруженных при раскопках помещения CXVIII городища «Чайка» в 1976 г. // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 78; Антипина Е.Е., Назаров В.И., Маслов С.П. Насекомые из колодца на виноделье поселения «Чайка» // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 160.
67. Карасев А.Н. Раскопки на городище у санатория "Чайка" близ Евпатории в 1963 г. // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 138. Рис. 48.8.
68. Яценко И.В. Винодельня на поселении Чайка // КСИА. N 174. М.1983; Она же. Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории // Путешествие в древность. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 189 - 198.
69. Павлинов А.И. Виноградарство и виноделие // Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1889. Отдел V, глава II. С. 26.
70. Наливкина М.А. О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма // СА. 1940. N 6. С. 108 - 109; Сапрыкин С.Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху эллинизма // СА. 1978. N 1. С. 47 - 48; Анохин В.В., Павленков В.И. Сакский рельеф с изображением «пирующего» Геракла, хранящийся в КИАМ // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь, 1984. С. 9 - 10.
71. Вернер К.А. Земледелие // Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1889. Отдел V, глава III. С. 66.

С.Б.Ланцов

ДВЕ ВОТИВНЫЕ ТАБЛИЧКИ ИЗ СВЯТИЛИЩА РИМСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ОКОЛО САКСКОГО ОЗЕРА В КРЫМУ

В 1986 - 1987 гг. Западно-Крымская экспедиция Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР, под общим руководством В.А. Кутайсова, провела небольшие охранные полевые исследования на месте раскопок кладоискателей в прибрежной курортной зоне г. Саки, на пересыпи между Сакским озером, по которой дано название памятнику, и Черным морем (рис. 1)[1]. В результате работ на «Сакской пересыпи» выделено четыре этапа жизни памятника в античное время. В один из них (середина II - середина III вв. н.э.) здесь находилось святилище божеств, привнесенных римскими легионерами из дунайских провинций империи[2].

Из этих раскопок, наряду с весьма разнообразным материалом, в том числе и эпиграфическим, происходят фрагменты двух вотивных плиток из белого крупнозернистого дунайского мрамора с остатками рельефов и греческих надписей (рис. 2,3,4,5). Эти вещи были найдены местными школьниками до начала раскопок и затем переданы археологам.

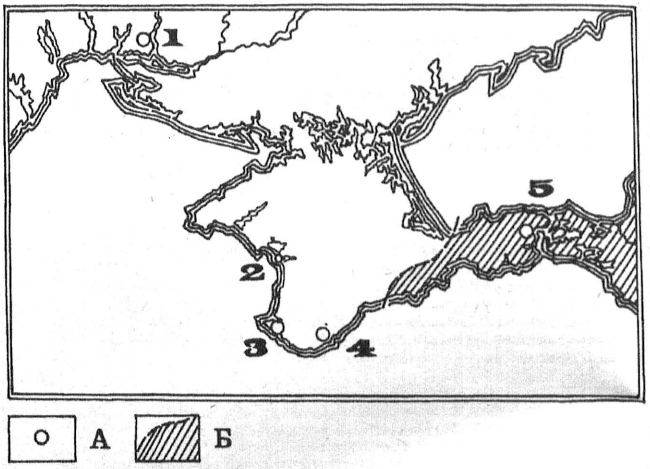


Рис.1.
Карта-схема Северного Причерноморья с указанием античных пунктов, упомянутых в статье. 1 - Ольвия, 2 - Сакская Пересыпь, 3 - Херсонес, 4 - Харакс, 5 - Пантикапей. Условные обозначения: А - населенный пункт, Б - территория Боспора Киммерийского.

От одной из плиток сохранился нижний левый угол рельефа в прямоугольной нише, окаймленной узкой и низкой гладкой рамкой с надписью внизу (рис. 2,3)[3]. Размеры: 11,4 x 8,7 x 3 см. Толщина поля, на котором располагалось изображение, -

1,7 см. Мрамор белый, крупнозернистый. Тыльная сторона плитки оставлена практически необработанной, шероховатой - скорее всего, для того, чтобы она могла крепиться раствором к стенам и (или) крупным стелам святилища. Отшлифована только лицевая сторона. На ней - изображение женского торса.

Непропорциональная фигура одета в хитон, плотно, без складок облегающий грудь и талию. Она подпоясана над бедрами широким поясом, возможно - двойным, что неразличимо из-за общей схематичности рельефа. Реберчатые складки хитона пышно расходятся от бедер вплоть до нижней рамки плитки, полностью скрывая ноги.

Несоразмерность верхней и нижней частей фигуры и пышный напуск нижней укороченной части костюма позволяют считать, что здесь схематично изображена сидящая женщина. Подобная плохо выраженная посадка фигуры характерна для фракийских и нижнемезийских вотивных рельефов с изображением малоазийского женского божества Кибелы, найденных в Томах, Истрии, Одессосе и в других местах[4]. Размещение Кибелы вплотную к левому краю рельефа, вероятно, связано с тем, что перед ней, справа, на утраченной части плитки находился либо героизированный фракийский всадник, либо лев[5].

Под рельефом сохранилось начало двухстрочной греческой надписи AYPXP - - |ΘΕΩΝ- . Под левой гастой альфы стоит точка. Высота букв - 0,7 - 0,9 см. А - с широко расставленными гастами, образует в верхней части равносторонний треугольник; вертикаль у Y слева имеет поперечную перекладину; Е и вырезаны в курсивной лунарной форме, причем последняя укорочена и украшена развитыми апексами. Все буквы на незамкнутых концах гаст имеют небольшие штрихи. Судя по палеографии, надпись датируется концом II - первой половиной III вв. н.э.[6] Прочтение AYR как аббревиатуры гентильного имени Αυρ(ήλιος) не вызывает сомнений. Имена, начинающиеся на Хр[7], в Северном Причерноморье известны в большинстве античных центров и особенно на Боспоре[8]. Однако сочетание римского родового имени Аврелий и греческого cognomen на Хр... встречалось только дважды в греческих надписях Ольвии и Пантикапея[9].

Аврелий - наиболее распространенное из

Рис.2.
Фотография фрагмента мраморной плитки с остатками изображения Кибелы и посвящения Аврелия Хрисиппа (?) Матери богов.

Рис.3.
Прорисовка фрагмента мраморной плитки с остатками изображения Кибелы и посвящения Аврелия Хрисиппа (?) Матери богов.

римских имен, принимаемых при получении римского гражданства эллинизированными уроженцами восточных провинций империи. На Боспоре и в Ольвии (как, вероятно, и во всем Северном Причерноморье) это имя появляется с конца II в.н.э.[10] Большинство его носителей здесь являлось иностранцами, а не местными жителями[11]. Так, Αυρήλιος Χρῆστος был представителем βολή καὶ δῆμος Амастрии на Боспоре[12], а Αυρ(ήλιος) Χρύσ(ιππος) по-видимому, римским легионера также характерно сочетание имени Аврелий именно с Хрестом[16] и Хрисиппом[17]. В нашем случае более предпочтительным выглядит восстановление второго имени как Χρ(ύσιππος), поскольку при другом варианте восстановления, учитывая величину межлитерного интервала, должна была сохраниться левая вертикаль от Н. Лишь ипсилон при существующем разряженном характере написания строки N 1 будет наиболее удален от соседних букв. Таким об-

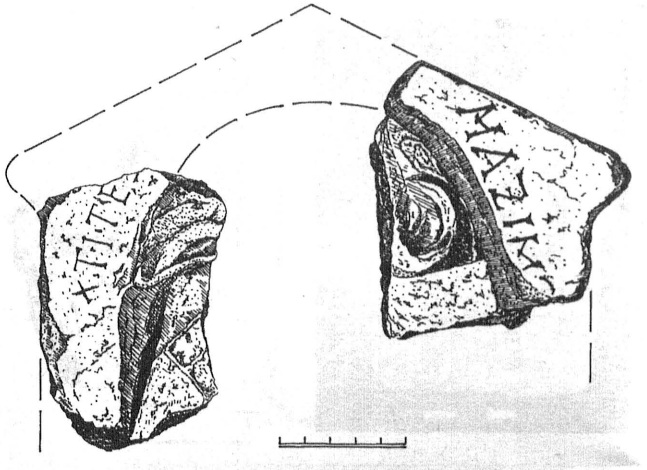


Рис.4.
Прорисовка фрагментов мраморной плитки с остатками изображения фракийского Героя-всадника и именем дедиканта [- - -] Максима.

нером из новороманцев, оказавшимся в Ольвии и посвятившим рельефную плитку Кибеле[13]. Римским военнослужащим являлся и Αυρ(ήλιος) Ἰουλ(ιανος) имя которого зафиксировано в святилище бенефициариев-фракийцев на мысе Ай-Тодор вблизи Ялты[14]. Сокращение потеп Аврелиев появляется в именах обычно после эдикта Каракаллы (212 г.)[15].

Обнаруженный рельеф с надписью первой половины III в.н.э., несомненно, относится к так называемому фракийскому типу. Просмотр личных имен, засвидетельствованных синхронными греческими надписями Подунавья, показал, что для этого региразом, не исключены и иные восстановления типа Χρυσίον, Χρύστης, Χρυσαών[18] и др. Вторая строка начинается с ΘΕΩΝ (gen., pl). Целиком надпись восстанавливается следующим образом:

Αυρ(ήλιος) Χρ[ύσιππος(?) Μητρὶ]
θεῶν [ἀνέδηκεν].

Перевод: Аврелий Хрисипп Матери богов (Кибеле) посвящаю.

Отсутствие praenomen - обычное явление для лиц, принимающих римское гражданство в конце II - III вв. н.э.[19] Синхронное совпадение имен и посвящений одному божеству не исключает того, что установка как ольвийского[20], так и сакского во-

тивных рельефов фракийского типа осуществлена одним человеком - грекоязычным выходцем из Нижней Мезии или Фракии, возможно, жителем одного из античных городов на южнопонтийском побережье, получившим римское гражданство в результате набора в армию и в ходе какой-то передислокации войск побывавшим в двух северо-причерноморских центрах - Херсонесе и Ольвии. Некоторое различие шрифта надписей может говорить о том, что, хотя сами плитки, судя по сорту мрамора, вывезены из дунайских провинций, тексты выполнялись местными резчиками, как, возможно, и рельефы[21].

В связи с обнаружением вышеописанной вотивной плитки, обратим внимание на одну херсонесскую надпись, опубликованную Э.И.Соломоник[22]. На обломке мраморной плиты сохранился перечень трех имен. Издательница предложила следующее предположительное восстановление, на пересмотр которого мы не посягаем:

Τ(ίτος) Ἰκιλ[ίος]
καὶ Αὐρ(ήλιος) Δω[νᾶτος],
καὶ Αὐρ(ήλιος) Γε[ρμανός]

Первое имя, как отмечает Э.И.Соломоник, является новым для Херсонеса. Написание гентильного имени Аврелий в греческой транскрипции встречается в Херсонесе редко[23]. Судя по достаточно полным греческим лапидарным текстам Боспора, потеп Аврелий характерен для иностранцев, выходцев из восточных провинций, принявших римское гражданство. К такому же выводу, изучая ономастику Ольвии римского времени, пришел С.В.Дьячков[24]. Вопреки существующим представлениям, считаю, что носители этого имени вряд ли и в Херсонесе были местными уроженцами[25] - в отличие, например, от Флавиев[26].

Не вдаваясь в аргументацию нашего выбора для восстановления вторых имен, отметим, что Донат встречается в Северном Причерноморье лишь в ономастике Ольвии; Герман, наряду с Херсонесом, также в Ольвии и в центрах Фракии. Места встречаемости этих имен во II - III вв.н.э. очень напоминают путь, предположительно проделанный Аврелием Хрисиппом, оказавшимся в сакском святилище: Фракия (Нижняя Мезия) - Ольвия - Херсонес или Херсонес - Ольвия.

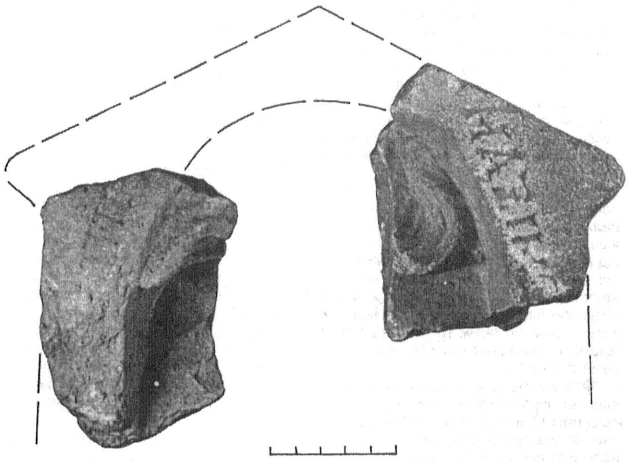


Рис.5.
Фотография фрагментов мраморной плитки с остатками изображения фракийского Героя-всадника и именем дедиканта [- - -] Максима.

Кроме того, прослеживаются тесные параллели в характере шрифтов и особенностях написания отдельных букв обеих надписей (херсонесской и сакской). Это позволяет предположить, что они хронологически очень близки. Возможно, плита содержала перечень грекоязычных солдат одного из подразделений римской армии, в котором мог служить и Аврелий Хрисипп, чье имя в херсонесской надписи утрачено. Еще одним военнослужащим, оказавшимся за пределами сохранившейся части списка, мог быть [- - -] Максим (см. ниже).

От второй вотивной плитки сохранились два фрагмента, к сожалению, не соединяющиеся между собой: верхние левый и правый от зрителя углы рельефа в рамке с остатками греческой надписи (рис. 4,5)[27]. Размеры первого обломка - 9,0 x 7,0 x 5,0 см; второго - 8,0 x 10,5 x 5,0 см. Толщина поля с изображением - 2,0 см, толщина рельефа - 1,5 см. Мрамор белый крупнозернистый с серо-желтым налетом снаружи. Отшлифована лишь лицевая сторона. В нише на обоих фрагментах сохранились не вполне четкие остатки изображения, скорее всего, развевающегося плаща всадника, размещенного вправо[28]. Ниша рельефа завершалась арочным полукружием, характерным для фракийских вотивных плиток. Поле рельефа перекрывалось своеобразным треугольным фронтоном, нависавшим над боковыми сторонами плитки[29].

Фрагменты от изображений так называемого фракийского героизированного всадника (Хероса) четко зафиксированы еще на девяти поддающихся определению обломках рельефов из Сакской пересыпи. Такие рельефы известны во многих местах Северного Причерноморья: в Ольвии, Тире, Хараксе, Херсонесе и др.[30]

Остатки стершейся и сбитой надписи, расположенной по дуге арочного полукружия в верхнем левом углу сакской таблички, не читаемы (рис. 4,5). На рамке же в правом верхнем углу по дуге сверху вниз размещена греческая надпись ΜΑΞΙΜΟ, несомненно, являющаяся римским именем дедиканта Μαξίμο[ς][31], скорее всего - cognomen[32]. Высота глубоко врезанных букв 1,5 см. Такое имя в греческом написании засвидетельствовано в Северном Причерноморье только один раз в Ольвии, причем шрифт обеих посвятительных надписей идентичен[33]. По палеографическим особенностям, надписи датируются III в. н.э. Исходя из археологического контекста, датировку плитки с Сакской пересыпи можно уверенно сузить до первой половины III в. н.э.

Расположение надписи на вотивном рельефе фракийского всадника говорит о том, что - - Максим - - являлся римским грекоязычным (?) солдатом, поскольку отправление культа Хероса вообще не встречается вне мест дислокации подразделений войск империи[34].

Имя Максим в греческой транскрипции хорошо известно во Фракии и Нижней Мезии первых веков н.э. (см. выше), откуда культ всадника и проник в Дунайскую армию. Наличие единственной в греческой транскрипции посвятительной надписи от имени Максима в Ольвии[35], синхронной характеризуемому рельефу с Сакской пересыпи, позволяет предположить, что оба вотива принадлежат одному человеку. Следовательно, можно предположительно проследить места дислокации подразделения, в котором он служил - Фракия (?) (Нижняя Мезия), Ольвия, Херсонес и на Сакской пересыпи.

Благодаря изучению охарактеризованных вотивов, удалось дополнить имена дедикантов: - - Максим - - и Аврелий Хрисипп (?). Одно из них римское, скорее всего cognomen. В другом случае выявлено сочетание римского императорского nomen gentile и греческого cognomen. На этой же табличке с рельефным изображением Кибелы в иконографических традициях Нижней Мезии и Фракии восстановлено и имя - [Μητρὶ] θεῶν - единственного твердо установленного божества из пантеона женских культов сакского святилища.

Как публикуемые, так и еще восемь, гораздо менее информативных фрагментарных вотивных лапидарных надписей из Сакской пересыпи выполнены на греческом языке. Пока найдена только одна вроде бы латинская надпись, настолько плохой сохранности, что есть сомнения - латинская ли она. Однако этому не следует удивляться, поскольку в самих дунайских провинциях, за исключением Дакии, из населения которых, в основном, формировалась во II - III вв. Дунайская армия, преобладают греческие тексты.

Ономастические наблюдения привели меня к мнению о принадлежности имен дедикантов, зафиксированных на памятнике, перегринам, выходцам из Нижней Мезии и (или) Фракии, получившим римское гражданство в результате набора в армию в конце II - первой половине III вв. н.э. Такой вывод хорошо согласуется с результатами проведенного В.И. Кадеевым специального

изучения латинской антропонимии Херсонеса, являвшегося центром римской оккупации Северного Причерноморья. Исследователь доказал, что большинство солдат херсонесского гарнизона и членов их семей не были римлянами по происхождению[36].

Это обстоятельство позволило предположить, что и среди греческого лапидария Херсонеса, вполне вероятно, имеются надписи, оставленные на родном языке римскими военнослужащими-перегринами, вполне естественно выпавшие, в результате фрагментарности, из поля зрения исследователей. Рассмотрев под таким ракурсом греческие тексты Херсонеса II - III вв. н.э. в связи с эпиграфическими находками из Сак, мы обратили внимание на фрагмент надписи[37], содержащий перечень трех лиц, обладавших римским гражданством (см. выше). Ни одно из дополненных вторых имен в более раннее время не встречалось. Два из них имели nomen Аврелий. Анализ этого гентильного имени, зафиксированного в сакском святилище и хорошо известного в греческой и, особенно, в латинской лапидарной эпиграфике Херсонеса, заставил нас, опираясь на аналоги из Ольвии, Боспора и Харакса, усомниться в коренном местном происхождении большинства его носителей. Известно, что после отставки римские ветераны, бывало, получали землю в местности, где размещалась воинская часть, включались в муниципальную жизнь, избирались магистратами, входили в культовые коллегии, укреплялись в высших кругах городской знати[38]. Будучи гражданами Рима, они оставались надежными проводниками римской политики на окраине античной ойкумены.

Как сейчас представляется, вышеупомянутый список неясного происхождения, возможно, содержал имена военнослужащих одного из подразделений Дунайской армии, в котором могли служить адепты фракийских культов, засвидетельствованных на Сакской пересыпи, чьи имена в херсонесской надписи утрачены. Это соображение и ряд других наблюдений, связанных с изучением личных имен на вотивных табличках из Сак, наводят на мысль о вероятности в конце II - начале III вв. н.э. каких-то локальных передислокаций войск в северо-причерноморском регионе по маршруту Ольвия - Херсонес - Сакская пересыпь, в неясной последовательности, но пересыпь в любом направлении - только через Херсонес.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ланцов С.Б. Отдельные вопросы истории Херсонесской хоры (по данным лапидарной эпиграфики) // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. VI республ. конф. молодых археологов. К., 1987. С. 94; Ланцов С.Б. Позднеантичное святилище на Сакской пересыпи // Проблемы античной культуры. Часть III. Симферополь, 1988. С. 249 - 250; Кутайсов В.А., Ланцов С.Б. Работы Западнокрымской экспедиции // АО 1986 г. М., 1988. С.302.
2. Ланцов С.Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. К., 1991. С. 7 - 8; 15.
3. Хранится в СКМ, инв. N 136.
4. См.: Тачева-Хитова М. История на източните култове в долна Мизия и Тракия V в. пр. н.е. - V в. от н.е. София, 1982. II. NN 39, 53, 107, 108, 113, 116 и др.
5. Ср.: Тачева-Хитова М. История на източните култове в долна Мизия и Тракия... N 39.
6. Ср.: НЭПХ. 1964. N 22.
7. См.: РВ.
8. IOSPE, I². N 170; КБН. С. 907 - 908; НЭПХ. 1964. N 56; НЭПХ. 1973. NN 111,112, 170; Сапрыкин С.Ю. Херсонесская проксения синопейцу // ВДИ. 1998. С. 43, сткк. 37,39,43, с. 55-56.
9. IOSPE, I². N 170; КБН. N 154. Судя по фрагменту декрета (IOSPE, I², 393), не исключено, однако, что и в Херсонесе один раз встречается такое сочетание имен. Аврелий Х... являлся здесь, вероятно, членом Совета (см.: Дьячков С.В. Аврелии в Северном Причерноморье // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. конф. Севастополь, 1997. С. 28; Дьячков С.В. Римские граждане в Северном Причерноморье // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 73).
10. Ср.: Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 50 - 51.
11. КБН. С. 62; Дьячков С.В. Некоторые вопросы социально-политической истории Ольвии I - II вв.н.э. (по ономастическим данным) // Вестник ХГУ. 1985. N 268. С. 125.
12. КБН. N 54, 17.
13. IOSPE, I². N 170.
14. Ростовцев М.И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК.

1911. Вып. 40. С. 12.

15.См.: Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первые века нашей эры. С. 99.9; ср. Зубар В.М., Антонова І.А. Новий фрагмент латинского напису з Херсонеса // Археологія. 1996. N 1. С. 93.

16.ISM. I. NN 230, 4; 292, 7 - 8.

17.ISM. II. NN 141,7; ISM. V. N 259.

18.ISM. II. NN 17, 83, 282.

19.Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 235; Stoian I. Tomitans. Bucuresti, 1962. C.64.

20.IOSPE. I². N 170.

21.Ср.: Щеглов А.Н. Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса // МИА. 1969. N 150. С. 162.

22.НЭПХ. 1964. N22.

23.IOSPE. I². NN 443, 508; Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первые века нашей эры. С. 50 - 51.

24.Дьячков С.В. Некоторые вопросы социально-политической истории Ольвии I - III вв.н.э. (по ономастическим данным). С. 124 - 125.

25.Ланцов С.Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства: Дисс. ... канд. ист. наук. К., 1991. Научный архив ИА НАН Украины. С. 52,237. Недавно к такому же выводу пришел С.В.Дьячков, специально занявшийся этим вопросом. См.: Дьячков С.В. Аврелии в Северном Причерноморье... С. 27 - 29; Дьячков С.В. Римские граждане в Северном Причерноморье... С. 75 - 76; ср.: Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1964. С. 64; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. - XIII в. н.э.). К., 1977. С. 91; Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первые века нашей эры. С. 99 - 100.

26.Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1915. Вып. 58. С. 30; Кадеев В.И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н.э. - III в. н.э. // ВДИ. 1979. N 2. С.64; Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первые века нашей эры. С.99 - 100.

27.Хранится в СКМ, инв. NN 137, 138.

28.Ср.: напр. Rantz B. Le cavalier tracethenne iconographique // Pulpudeva. 1983. Vol. IV. P. 204, fig. 4. 2 - 4, 6.

29. Ср.: Тончева Г. Неиздадени култови паметници във Варненския музей // ИВАД. 1960. XI. С. 233, рис. 1; Kazarov G.I. Denkmaler des thrakischen Reitergotten in Bulgarien // Dissertationes Pannonicae. Budapest, 1938.

30.Ростовцев М.И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре. С.17 - 18, табл. III. 3 и др.; Блаватский В.Д. Харакс // МИА. 1951. N 19. С. 250, 291; Соломоник Э.И. Две случайные эпиграфические находки в Крыму // НЭ. 1965. Т. V. С. 99 - 101; Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. К., 1988. С.75; Фурманська А.І. Рельефи вершників з Тіри // Археологія. 1965. Вип. XIX. С. 158 - 164; Щеглов А.Н. Два вотивных рельефа из Ольвии // ЗОАО. 1967. Т. 2. 255 - 259; Щеглов А.Н. Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса. С. 135 - 178; Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первые века нашей эры. Рис. I; Кадеев В.И., Романчук А.И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО 1975 г. М.,1976. С. 330 - 332; Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи городов Северного Причерноморья (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989. С. 9 - 10; Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. К., 1992. С. 152 - 153.

31.Ср.: IGBR. II. NN 524, 553, 663, 674, 697, 744; ISM. I. N 211, 3; ISM. II. N 31; ISM. III. N 10.

32.Ср.: ЛНХТ. - N 181.

33.Ср.: НО. N 171, табл. LX.

34.Крыкин С.М. Фракийцы в греческих городах Северного Причерноморья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 3; Крыкин С.М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С.140.

35.Ср.: Aur(elius) Maximu(s) на плитке из Харакса (Соломоник Э.И. Две случайные эпиграфические находки в Крыму. С.100, рис.2; 101).

36.Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первые века нашей эры. С.103.

37.НЭПХ. 1964. N22.

38.Штаерман Е.М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ. 1946. N 3. С. 260. О римских ветеранах в Херсонесе см.: напр. Дьячков С.В. Римские граждане в Северном Причерноморье... С. 73 - 74; Савеля О.Я., Сарновский Т. Две латинские надписи из Балаклавы и Херсонеса // ВДИ. 1999. N 1. С. 44.

Л.В.Марченко

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС У ПЕРЕКРЕСТКА ГЛАВНЫХ МАГИСТРАЛЕЙ ГОРОДА

Исследование строительных остатков на территории городища Херсонеса свидетельствует, что градостроительный план формировался постепенно. Начало его можно отнести к концу V - перв.четв. IV вв. до н. э. Возможно, что в этот период уже существовала главная продольная улица как основная планировочная ось. Об этом может свидетельствовать предположение И.А. Антоновой о местонахождении древнейших ворот в конце главной продольной улицы на перешейке между двумя балками - «театральной» и северо-западной [1].

Окончательно план города сформировался во второй половине IV в. до н.э. В этот период его площадь составляла около 29 га.

Планировка городской территории проходила с учетом особенностей рельефа и климатичееких условий местности. Херсонес был разделен на прямоугольные кварталы улицами, проложенными в соответствии с розой ветров: продольные улицы идут в направлении - северо-восток - юго-запад, поперечные - юго-восток - северо-запад (рис. 1).

Планировочными осями были главная продольная и главная поперечная улицы. Перекресток этих улиц и примыкающие к

Рис.1.
Городская планировка Херсонеса.

нему строения были открыты в 1905 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем, который писал, что на участке между зданиями XV-XVI и южнее «были открыты две улицы шириной 7,40 м, принадлежавшие к числу главных магистралей города: продольная улица тянулась с с-в на ю-з и перпендикулярно к ней шла в направлении к воротам Ж в городской стене (15-я - Л.М.) поперечная улица» [2].

Здания XV и XVI расположены на оси главной улицы между 11 и 12 поперечными улицами. «От здания XV сохранился лишь подвальный этаж, но на всю его вы-

соту (2,13 м - до начала потолочных балок). Из подвала лестницы вели в верхний этаж, который, судя по остаткам горелого дерева по линии пола, погиб от пожара»[3]. В помещении Н среди прочих вещей «найдены 43 бронзовых кружка, служивших, по мнению некоторых лиц, материалом для монет»[4]. По характеру кладки и по обработке деталей здание относится к IV в. до н.э., что совпадает с началом чеканки херсонесских монет[5]. Здание примечательно тем, что построено на крутом склоне балки, чем было облегчено устройство глубокого подвального этажа.

В 1998 г. при реставрации монетного двора С.Г. Рыжов нашел фрагмент конькового калиптера, скорее всего, синопского производства к. IV - нач. III вв. до н.э., с антефиксом в виде морского конька. Поверхность снаружи покрыта слоем красной, бурой и черной краски. Известно, что в этот период антефиксы, как правило, предназначались для украшения кровли храмов или каких- либо других значительных общественных зданий. В Херсонесе таким зданием вполне мог быть монетный двор (рис. 2).

С северной стороны Главной улицы, напротив здания XV находилось еще два сооружения. Одно из них - открытое К. Косцюшко-Валюжиничем здание XVI «той же красивой прочной кладки из тесаных плит твердого местного известняка, пригнанных без цемента»[6]. К сожалению, исследование этого здания было невозможно, так как оно почти полностью перекрыто главным корпусом монастыря. Другое здание находилось в квартале, примыкающем к зданию XVI с юго-западной стороны. На этом участке в 1913 г. Р.Х. Лепером были найдены погребения с терракотами и детские погребения в амфорах «между и около открытых близ монастырской оранжереи античных стен из прекрасно тесаных плит с рустами, положенных насухо»[7] (западная стена здания XVI?).

На пространстве между главными магистралями на скалистом склоне балки, обращенном на юго-восток, был расположен театр, сооруженный в последней четверти IV в. до н.э.[8]. При раскопках выяснилось, что квадровая облицовка скального среза у левого парода, открытая еще К. Косцюшко-Валюжиничем, была ошибочно принята им за остаток первоначальной оборонительной стены. О.И. Домбровский уточнил, что на самом деле древнейшая оборонительная стена проходила на 2 м выше и около 3 м восточнее облицованного квадрами скального среза[9].

С наружной стороны стены находилась городская свалка, раскопанная, в основном, К. Косцюшко-Валюжиничем в 1902-1905 гг., а затем О.И. Домбровским в 1972-1990 гг. Мусорный слой перекрывал погребения и слой, в котором встречена таврская керамика и примитивные антропоморфные фигурки из плохо обожженой глины. Прослойка жирной черной гари отделяет таврские отложения от вышележащих и свидетельствует о существовании здесь стоянки или селища VII-VI вв. до н.э.[10].

Со стороны города у стены возле источника на склоне балки во второй-третьей четверти IV в. до н.э. находилось несколько жилищ, среди которых был «дом Митины».

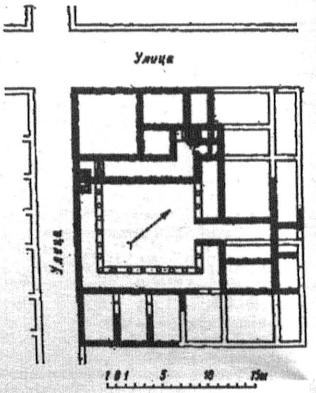


Рис.2.
План монетного двора (по Карасеву А.Н.).

В середине IV в. до н.э. в связи с расширением территории города балка была включена в городскую черту, «дом Митины» и другие постройки ликвидированы, некрополь закрыт. Вместо этого при входе в город через ворота «ж» был устроен водоем, который наполнялся родниковой водой из источника, пробивавшегося из-под скального склона балки.

Судя по местоположению у источника, водоем, скорее всего, являлся нимфеем, который частично был врезан в материковую террасу, а в основном разместился на

насыпи, насыщенной скальной крошкой, бытовым мусором и керамическим боем. Возле него обнаружен крытый плитняком подземный каменный желоб, который отводил излишек воды в ручей, протекавший по тальвегу балки. При раскопках на дне бассейна и рядом с ним были обнаружены фрагменты гераклейских, синопских, фасосских амфор второй четверти-середины IV в. до н.э.[11]. При постройке театра нимфей был упразднен и на его месте сооружен театрон. Ликвидированный при этом родник стал просачиваться ниже - на месте орхестры, где он существует до сих пор.

Театр возник здесь не случайно. Место для этого здания, игравшего важнейшую роль в жизни граждан полиса, было тщательно продумано градостроителями, очевидно, уже имевшими определенные знания в области сооружения театров. Он размещен у оборонительной стены в балке с па-

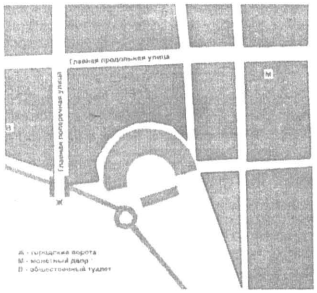


Рис.3.
Перекресток главных магистралей города.

дением трех склонов[12]. Дно балки было засыпано для устройства площадки орхестры, а склоны использованы для сооружения зрительных мест, с которых открывался вид на портовую часть города, оборонительные стены, Южный керамик, некрополь и противоположный берег бухты, на котором видны были земельные наделы и загородные усадьбы с башнями.

С юго-западной стороны театр ограничивала главная поперечная улица, ширина которой, по обмерам К. Косцюшко-Валюжинича, равна ширине главной продольной улицы на этом участке (рис. 3).

Это не было случайностью, так как улица подходила к городским воротам «ж» на южном участке оборонительных стен. По мнению А.Л. Бертье-Делагарда, эти ворота были сооружены взамен неудачно поставленных ворот на юго-восточном участке обороны[13]. Ворота построены в системе дипилона (то есть так же, как ворота на юго-восточном отрезке обороны), но здесь коридор выступает не внутрь линии обороны, а снаружи. Длина коридора - 9 м, ширина прохода - 5 м, толщина пилона - 2 м. К.Э. Гриневич высказал уверенность в том, «что ворота восходят к тому же древнегреческому периоду, что и стена. За это говорит правильное, с точки зрения античной полиоркетики, расположение ворот относительно башни XII, т.е. слева от нее для входящего в город»[14].

Круглая башня XII была раскопана Н.В. Пятышевой, выделившей 4 строительных периода; первый из них относится к линии обороны, возведенной в третьей-четвертой четверти IV в. до н.э., т.е., очевидно, ко времени возведения ворот и строительства театра. Особенностью эллинистической башни XII является лестница из трех ступеней шириной 1,3 м. Лестница вела с высокого скалистого плато внутрь башни, поставленной ниже по склону[15]. Характер кладки башни и ее диаметр идентичны остальным башням этой линии обороны.

На пространстве в районе перекрестка продольной и поперечной магистралей было сделано значительное количество интересных находок, свидетельствующих о том, что в этом районе, кроме монетного двора и театра, были и другие сооружения общественного характера. В насыпи античных построек найдены различные архитектурные детали, в частности, фриз с изображением Гармонии III в. до н.э.; дорические капители и карнизы; декреты; посвятительные граффити IV-III вв. до н.э., среди которых наибольшее число посвящений принадлежит Деве, Гераклу, Зевсу и Матери богов - Кибеле; мраморный жертвенник в форме палицы Геракла III-II вв. до н.э.; мраморная голова кариатиды; мраморный торс юноши; верхняя часть мраморной статуи «обнаженного мужчины с длинными волосами»; фрагмент статуи крылатой фигуры; «обломки мраморных статуй людей и двух львов» и пр.[16].

На участке театра и «храма с ковчегом», а также монетного двора найдено значительное количество черепков с граффити, среди которых большая часть - посвятительные. В основной массе граффити да-

тируются IV в. до н.э.

Здесь же найдено значительное количество амфорных ручек с клеймами Родоса, Фасоса, Книда, Синопы, Херсонеса, Гераклеи и других центров; множество как художественных, так и бытовых изделий из керамики, кости, металла и камня[17]. Эти характерные находки, обнаруженные на перекрестке магистралей вблизи городских ворот, позволяют с достаточной долей уверенности определить расположение рынка агоры именно в этом районе. Нижеперечисленные материалы из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича, О.И. Домбровского и других исследователей являются, на наш взгляд, свидетельством этому определению.

1903 г. «Внутри монастырской ограды на месте древнего акрополя снесен был холм вышиной в центре в 6.40 м, который был расположен на север от ограды крестообразного храма. Границы холма с с-в и с-з составляли древние улицы, по фундаментам стен которых прошла современная ограда.

В верхнем слое холма открыты фундаменты небольших (поздневизантийских) построек.

Слои кургана, находившиеся ниже, по характеру резко разделялись на две части - восточную и западную, расположенные по две стороны древней городской стены. Часть, которая проходила от древней городской стены к востоку, и, следовательно, в древнейшую эпоху Херсонеса представляла свободную загородную местность, которая, как показали раскопки, служила в древнейшие времена свалочным местом разного мусора. Весьма интересно, что в насыпи здесь вовсе не оказалось с одной стороны обломков чернофигурных ваз и с другой - стеклянной посуды; наоборот, очень много черепков посуды красно-фигурной и чернолаковой. Эти факты указывают, что насыпь со стороны древней городской стены должна была образоваться гл. обр. в V-IV вв. до н.э., и что этому же времени должны принадлежать наиболее древние остатки херсонесских зданий, открытых здесь»[18].

«Монеты, найденные в этой части раскопок: херсонесские, греческого периода - 82; прочих греческих колоний - 244, в том числе Ольвии - 2 экз., Керкинитиды - 2 экз., Пантикапея - 7, Фанагории - 1, Синопы - 1 и др.; не определенных по причине плохой сохранности - 190»[19].

В 1970-80-х гг. непосредственно в слоях театра и юго-западной прирезке зафиксировано 16 ранних монет. Это монеты Херсонеса сер. IV-III вв. до н.э. и 2 монеты Пантикапея IV в. до н.э.

Среди херсонесских монет: 9 монет 350 г. - голова льва - шестилучевая звезда; 2 - квадрига-коленопреклоненный воин, втор. пол. IV в.; 1 - коленопреклон. Дева-грифон - 320-310 гг.; 1 - грифон-коленопрекл. Дева - 301-300 гг.; 1 - Дева, поражающая лань-бодающий бык на палице - 300-290 гг.; 1 - херсонесский халк 210-200 гг.

«На западном участке раскопа театра, за амфилемой, была обнаружена мусорная засыпь, состоящая преимущественно из битых амфор. Среди них есть обломки фасосских амфор с цифровыми граффити, которые датируются по шрифту IV в. до н.э.

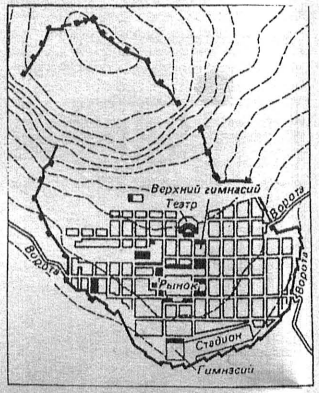


Рис.4.
План города Приены

Цифры служили торговыми метками, обозначавшими количество товара или заказа, продажную цену и т.п. Большое скопление амфор за пределами ранней городской стены, их привозной характер и процарапанные торговые метки скорее всего объясняются близостью порта, где могли располагаться и торговые ряды»[20].

1970 г. «При раскопках с с-з стороны театра на площади 90 кв.м вскрыт мощный слой (глуб. до 1,85 м), чрезвычайно насыщенный керамикой конца V-IV - начала III вв. до н.э. Найдено около 38000 обломков. Количество фрагментов амфор составляет 64%. Среди амфор доминирует гераклей-

ская тара. Далее следуют фасосские, синопские, хиосские, книдские амфоры. Единичные экземпляры косских и Солоха I. Количественное соотношение амфор подтверждается соотношением керамических клейм: гераклейских - 59, фасосских - 42, синопских - 5, книдских - 4.

Этот участок богат фрагментами аттической краснофигурной керамики. Фрагменты конца V в. единичны, наибольшее число обломков относится к IV в. Преобладают обломки середины столетия.

Само накопление эллинистической керамики намного предшествовало постройке театра. По-видимому, она происходит из свалки, образовавшейся за городской оборонительной стеной IV в. до н.э. Образование ее именно здесь можно объяснить близостью порта, откуда могли выбрасывать накопившийся там бой привозной посуды, преимущественно тары»[21].

Таким образом, содержание эллинистических слоев холма свидетельствует о том, что в этот период на территории кварталов, расположенных по обе стороны Главной улицы между 11-ой и 15-ой поперечными улицами, находились здания общественного характера и, возможно, площадь и храм перед театром, куда приносили посвятительные сосуды.

Таковым оставался этот район и в римскую эпоху. Отметим, что И.А. Антонова считает, что ворота были поставлены здесь в римский период, скорее всего, во II-м веке, между башнями XII и XIII, на центральной поперечной улице, которая недалеко от ворот пересекалась с главной продольной улицей. Здесь, несомненно, с давних пор существовала площадь. Эту площадь окружали крупные общественные постройки. Римляне, приверженные правильным геометрическим структурам, сделали центром города место пересечения центральной продольной и центральной поперечной улиц»[22].

Одним из главных сооружений этого района продолжал оставаться театр.

К общественным сооружениям римского периода можно отнести здание В, расположенное у главной поперечной улицы вблизи ворот. «Толстые стены его сложены из бутового камня на извести и оштукатурены внутри цемянкой. С ю-з стороны в здание входил водобег в виде вырубленного в скале канала, проходящего вниз под половой настил из каменных плит... По мнению проф. М.И. Ростовцева и инженера Н.И. Третеского, здание это могло быть общественным отхожим местом, на что, кроме его характерных деталей и обилия пропущенной внутрь воды, указывает и его изолированное положение у оборонительной стены, поблизости городских терм.

В плитный пол уложено несколько камней из построек древнегреческой эпохи...

Между этим зданием и оборонительной стеной сохранились части двух водостоков: Г - цемянкового и В - древнейшего, сложенного из цельных каменных желобов, 0,98-1,11 м дл., 0,66 м шир., 0,31 м выш., 0,22-0,35 м диам. выжелобки»[23].

Рядом с общественным туалетом, слева от него мог располагаться стадион. Аргументы в пользу этого предположения приведены в специальной статье[24]. Кстати сказать, расположение стадиона вдоль оборонительной стены наблюдается в Приене (рис. 4), имевшей - так же, как и Херсонес - регулярную планировку, где архитекторы максимально использовали рельеф местности для ее создания.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Антонова И.А. Рост территории Херсонеса // Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990. С. 19.
2. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 г. СПб., 1908. С. 38.
3. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в 1907 г. // Архив НЗХТ, д. № 16, л.54-59.
4. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1904 г. // Архив НЗХТ, д. № 13, л.1-18.
5. Карасев А.Н. Архитектура // АГСП. М.Л. АН СССР, 1955. С. 202-203.
6. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИАК. 1906. Вып. 20. С. 17.
7. Монсеев Л.А. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1913-1915 гг. СПб., 1918. С. 53.
8. Домбровский О.И. О новых археологических данных на участке театра. Отчет о раскопках театра в 1990 г. // Архив НЗХТ, д. № 3246, л. 26.
9. Домбровский. Ук. соч., л. 3.
10. Домбровский О.И., Отчет о раскопках 1970 г. в Херсонесе на участке античного театра и храма с ковчегом // Архив НЗХТ, д. №№1411, л. 7-8.
11. Домбровский. О новых археологических данных..., л. 24-26.

12. Домбровский О.И. Античный театр в Херсонесе (Раскопки 1954-1958 гг.) // СХМ. 1960. Вып. I. С. 29.
13. Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. СПб., 1907. Вып. 21. С. 131-135.
14. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического // ХСб. Севастополь, 1959. Вып. V. С. 84-86.
15. Пятышева Н.В. Отчет и полевые описи о работе экспедиции ГИМ в Херсонесе в 1958 г. // Архив НЗХТ, д. № 744, л. 26; Она же. Отчет о раскопках за 1974-1975 гг.// Архив НЗХТ, д. № 1718, л. 3, 62.
16. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1903 г. // Архив НЗХТ, д. № 12, л. 28-29.
17. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИАК. 1907 г. Вып. 25. С. 134-142.
18. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1903 г., л. 24-25.
19. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г...С. 24-25.
20. Соломоник Э.И. Греческие надписи из раскопок театра в 1964 г. // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 10-11.
21. Зедгенидзе А.А., Махнева О.А. Раскопки у античного театра в Херсонесе // АО за 1970 г. М., 1971. С. 247-249.
22. Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб., вып. VII, Севастополь, 1996. С. 110-111.
23. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г... С. 129-131.
24. Марченко Л.В. Западный район Херсонеса в эллинистический период // ХСб., вып. IX, Севастополь, 1998. С. 80-82.

Г.М. Николаенко

ФР. ДЮБУА ДЕ МОНПЕРЕ О СЕЛЬСКИХ УСАДЬБАХ НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Уже давно сельские усадьбы, сооруженные на ближней хоре Херсонеса, являются объектом пристального внимания специалистов.

Вопросы типологии, хронологии и назначения усадеб Гераклейского полуострова в той или иной степени были затронуты П.С. Палласом[1] и Фр. Дюбуа де Монпере[2], а более подробно рассмотрены последовательно в работах И.Н.Бороздина, В.Д.Блаватского., С.Ф.Стржелецкого, И.Т. Кругликовой, Л.В. Марченко [3].

Еще в 1793-94 гг. во время своего путешествия по Крыму академик П.С. Паллас отметил «целые площади, представляющие прямоугольники разрушенных оград, сложенных насухо, без цемента, как и до сих пор еще это практикуется в Крыму. Подобных стен приходится переезжать много, когда спускаешься с высоты к бухте (от м. Фиолент к Казачьей бухте - Г.Н.)... Стены эти, кажется, были оградами полей.

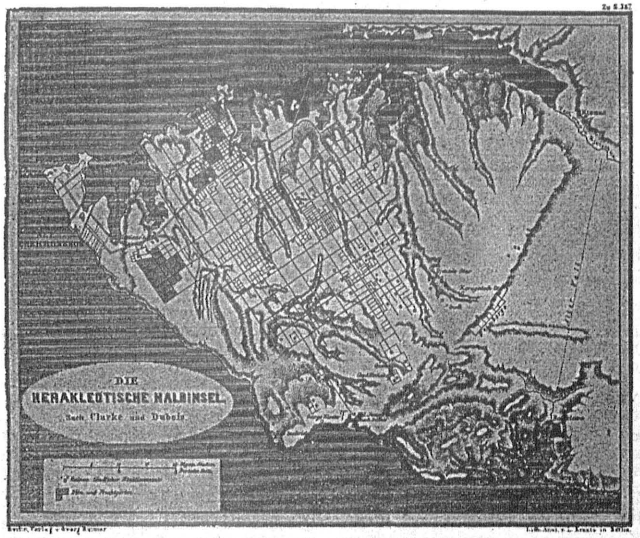


Рис.1.
План размежевания Гераклейского полуострова. 1830-е гг.
По Фр. Дюбуа де Монпере и Кларку.

Кроме многих больших четырехугольных, совсем разрушенных стен, окружающих четырехугольные и продолговатые поля (камни этих стен точно нарочно разбросаны), занимающих большую часть Херсонеса, иногда образующих улицы и местами второстепенные перегородки, ... по всему Херсонесу встречаются одиночно рассеянные здания из больших обтесанных камней, быв-

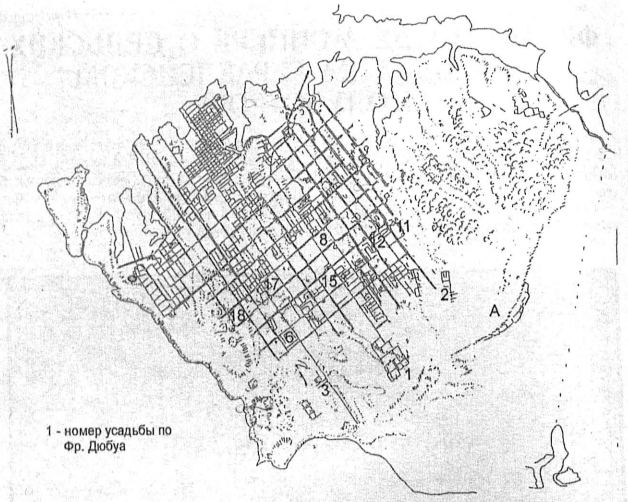


Рис.2.
План размежевания Гераклейского полуострова по Фр. Дюбуа де Монпере и Кларку, с дополнениями Л.А. Моисеева. 1926-27 гг.

шие, может быть, башнями, построенными для безопасности деревенских жителей на случай нападения тавро-скифов»[4].

Спустя примерно 40 лет в окрестностях Херсонеса побывал другой исследователь - Фр. Дюбуа де Монпере, составивший описание агротехнических сооружений и сельских усадеб, снабдив последние довольно точными планами, которые с определенной долей вероятности позволяют восстановить архитектурный облик сельских жилищ.

«В самых значительных сельских поселениях роль главного здания играет квадратная или прямоугольная циклопическая постройка, которую я называю башней. Она крепко сложена из обработанного строительного камня шириной около 3-х футов, длиной 6 футов и 2-4-х футов высотой. Стены имеют в толщину от 3 до 5 футов. Камни соединены по двое деревянными прокладками, проложенными в пазах как скобы (des crampons - шипы?). Известковым строительным раствором пользовались очень редко, его заменяла глина.

Низ такой башни, частично скрытый под землей, служил погребом и имел дверь, выходившую во внутренний двор; эти погребы редко имели своды.

Верх башни служил жилищем и снаружи в него забирались, пользуясь лестницей, и с галереи шириной 6-7 футов, иногда окружавшей все здание.

Двор, окружающий башню, отделялся от улицы воротами. Другие хозяйственные постройки располагались по всему двору, а в самых маленьких поселениях они пристраивались прямо к башне. Эти второстепенные по значению строения в большинстве своем возводились из бутового камня, скрепленного гончарной глиной. Крыши на римский или греческий манер покрывались крупной квадратной черепицей с зубчатыми загнутыми краями.

Был также колодец или цистерна (водоем), отверстие которого находилось на уровне земли и было высечено из цельного камня или выложено из нескольких камней. Колодцы встречаются гораздо реже, чем цистерны (водоемы), они наполнялись дождевой водой, которую подводили при помощи желобков и канавок, проделанных в камне.

Рис.3.

План размежевания Гераклейского полуострова с нумерацией участков. Тоном выделены участки, на которых располагались усадьбы, отмеченные Фр. Дюбуа де Монпере.

Скот и овцы размещались во дворах поменьше, окружавших главные строения. В Херсонесе я обнаружил более 60 поселений с башнями (рис. 1).

В десятке главных усадеб я заметил здание, привлекшее мое внимание: оно напоминает своей формой круглую башню, 18-20 футов в диаметре; его стены тонкие, всего 2 фута в толщину. Дверь выходит не в главный двор, а наружу, в сторону деревни или в какой-нибудь двор в стороне. Я узнал в нем толос, описанный Гомером как маленькое круглое здание, помещающееся на птичьем дворе и с остроконечной кровлей; в него прятали разный сельскохозяйственный инвентарь»[5].

Некоторые усадьбы, по замечанию самого автора, группировались вдоль главных дорог, которые вели к храму Ифигении (Мраморная балка) и в Палакиум (у Балаклавской бухты). Другие усадьбы находились у дорог, подходивших к источникам (в балках Бермана, Юхариной, Сарандинакиной, Хомутовой). Как правило, постройки располагались на возвышенности.

Фр. Дюбуа для того, «чтобы составить понятие о сельском жилище и хозяйстве херсонеситов, объединил на одной карте здания и служебные пристройки, показавшиеся наиболее показательными (Атлас, I-я серия, табл. 21)»[6].

В 1926-27 гг. Л.А. Моисеев провел большую работу по уточнению плана размежевания античных земельных наделов. На нем исследователь обозначил соответствующими цифрами примерное расположение поселений и усадеб, перечисленных Фр. Дюбуа де Монпере[7], (рис. 2).

В течение нашего столетия при паспортизации памятников Гераклейского полуос-

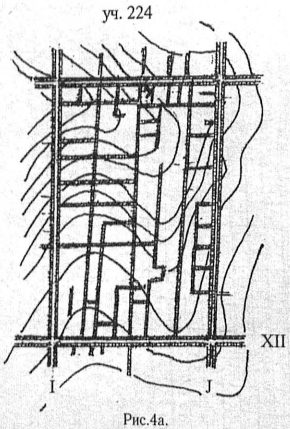


Рис.4а.
План участка 224. Черт. автора.

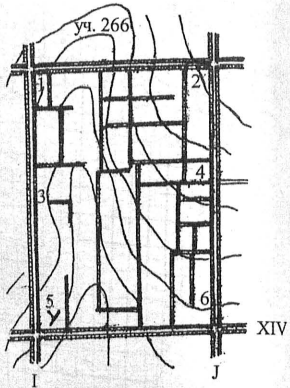
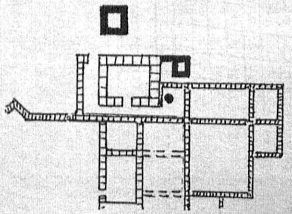
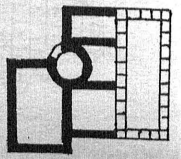


Рис.5а.
План участка 226. Черт. автора.



№18(8)

Рис.4б.
План усадьбы. По Фр. Дюбуа.



№17(9)

Рис.5б.
План усадьбы. По Фр. Дюбуа.

трова описание усадеб было составлено Н.М. Янышевым[8], Е.В. Веймарном[9] и С.Ф. Стржелецким[10]. К описаниям Н.М. Янышева и Е.В. Веймарна приложены схематические планы видимых на поверхности строительных остатков.

Большая часть памятников утрачена к настоящему времени. При работе над картой размежевания в последнее время[11], благодаря хоть и краткой, но точной характеристике этого вида памятников, данной именно Фр. Дюбуа де Монпере, мне удалось идентифицировать некоторые усадьбы, описанные названным автором, и определить их расположение на соответствующих земельных участках.

В данной работе речь идет о 12 усадьбах: - №№ 1, 2, 3, 6, 8, 11, 12, 14, 15, 17, 18, А, планы которых помещены Фр. Дюбуа де Монпере на таблице XXI I-ой серии Атласа. При сопоставлении с архивными данными[12] и результатами разведок их местоположение определяется соответственно на земельных участках №№ 400, 371, 386, 307, 203, 213-214, 257-258 и 286-287, 326, 283, 266, 224, 408 (рис. 3).

В нижеследующем каталоге приводится описание участков и усадеб, составленное автором как по сохранившимся сведениям, так и по данным собственных разведок.

Усадьбы, расположенные вблизи и не-

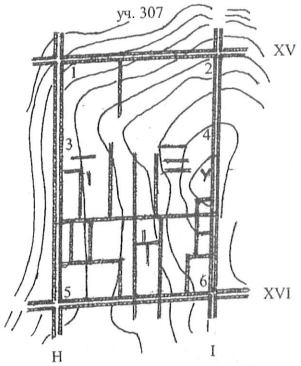


Рис.6а.
План участка 307. Черт. автора.

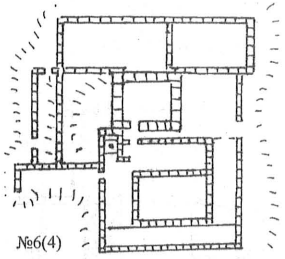


Рис.6б.
План усадьбы. По Фр. Дюбуа.

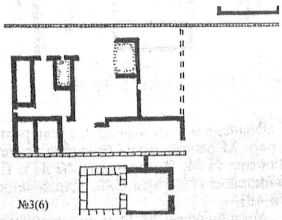


Рис.7б.
План усадьбы. По Фр. Дюбуа.

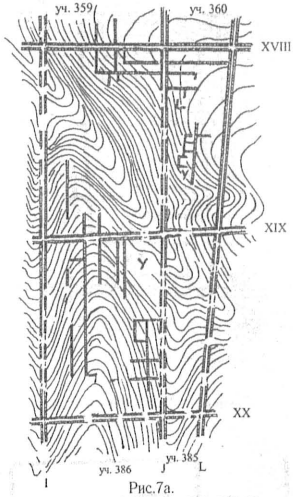


Рис.7а.
План участков 359-360 и 385-386. Черт. автора.

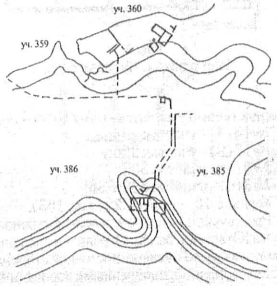


Рис.7в.
Расположение строительных остатков на земельных участках в балке Бермана. По данным СМК. 1927.

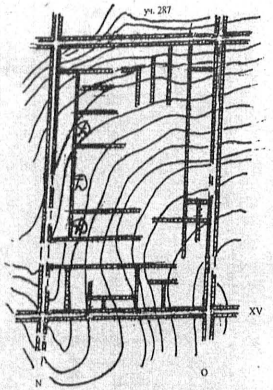


Рис.8а.
План участка 287. Черт. автора.

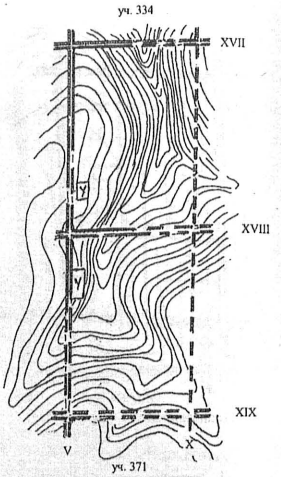


Рис.9а.
План участков 334 и 371. Черт. автора.

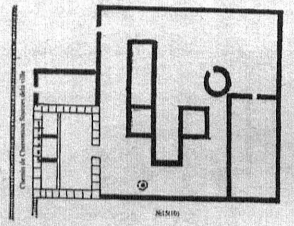


Рис.8б.
План усадьбы. По Фр. Дюбуа.

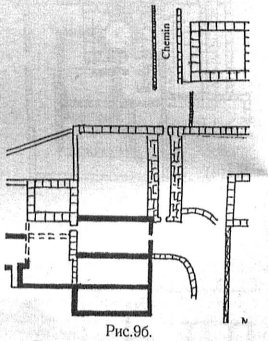


Рис.9б.
План усадьбы. По Фр. Дюбуа.

посредственно у дороги к храму Ифигении:
№18 (8) - участок 224;
№17 (9) - участок 266;
№6 (4) - участок 307;
№3 (6) - участок 385-386.

Усадьба 18 - участок 224 (ст. 153).

Расположен на правом склоне восточного отрога Юхариной балки. Ограничен продольными дорогами J с северо-восточной стороны и I с юго-западной; поперечными дорогами XI с северо-западной стороны и XII с юго-восточной. Участок разм. 630х420 м. Разделен на 6 равных по площади наделов по 36 плетров. Размежевка наделов стандартная. Наблюдается виноградный плантаж (рис. 4а).

В западном углу надела 2, у поперечной дороги XI расположена большая усадьба. Описана Н.М. Яныпевым (№ 41), Е.В. Веймарном (№ 45) и С.Ф. Стржелецким (№ 48).

Усадьба разм. 20х15 м по видимым остаткам на поверхности. Башня носит следы сильного разрушения, хотя основания стен

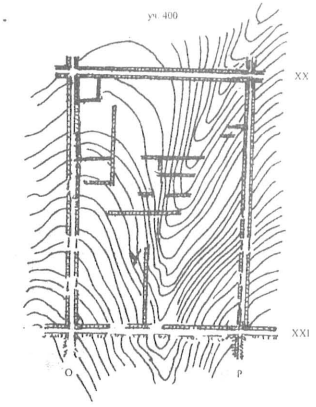


Рис.10а.
План участка 400. Черт. автора.

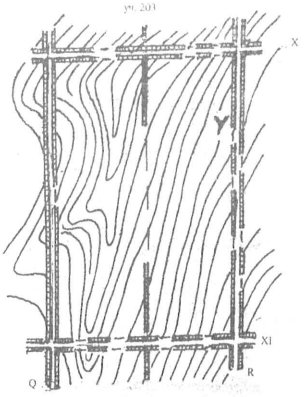


Рис.11а.
План участка 203. Черт. автора.

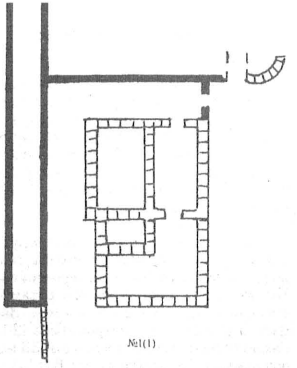


Рис.10б.
План усадьбы. По Фр. Дюбуа.

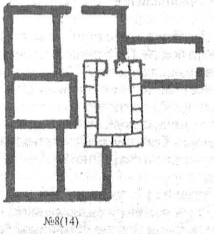


Рис.11б.
План усадьбы. По Фр. Дюбуа.

сохранились со всех четырёх сторон. Башня по внутреннему периметру 8х9 м, крупноблочной кладки, в 1-2 яруса камней над поверхностью. На некоторых блоках имеются пирроны.

Башня окружена стенами помещений, которые сложены из небольших камней. В пространстве, замкнутом этими стенами, находится в южном углу цистерна, а на расстоянии 3 м от нее - колодец.

К югу от центрального сооружения, почти рядом, намечаются остатки небольшой постройки из блоков среднего размера. Вокруг комплекса идут валы.

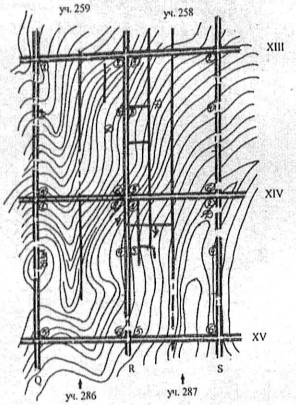


Рис.12а.
План участков 258-259 и 286-287. Черт. автора.

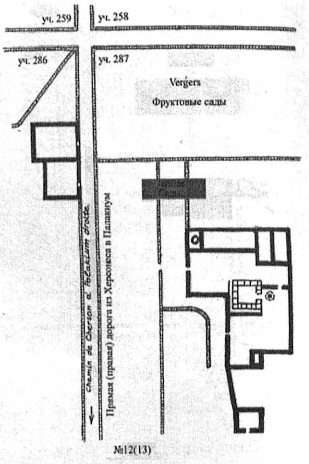


Рис.12б.
План усадьбы. По Фр. Дюбуа.

Подъёмный материал на территории комплекса представлен большим количеством обломков керамической тары, а также чернолаковой посуды эллинистического периода.

Возможно, эта постройка отмечена Фр. Дюбуа под № 18 (8 общего плана), (рис. 4б). Она «имела сводчатую башню и по характеру постройки представляла собой важную усадьбу. Многочисленные изгороди, ее окружающие, наводят на мысль, что в ней разводились большие стада коз и овец. Это одни из лучших по сохранности развалин Херсонеса»[13].

Усадьба 17 - участок 266.

Расположен на возвышенности, над правым склоном Верхне-Юхариной балки, примерно в семиста метрах от ее слияния с собственно Юхариной балкой. Размежеван между продольными дорогами J с северо-востока и I с юго-запада; поперечными дорогами XIII с северо-запада и XIV с юго-востока. Занимает площадь в 216 плетров (630х420 м). Разделен на 6 наделов площадью 36 плетров каждый (210х210 м). В настоящее время участок занят кооперативными садами (рис. 5а).

У продольной дороги I, на южном наделе 5 находилась усадьба (разрушена в 50-е гг. военно-строительными работами. На месте усадьбы установлен геодезический знак). Фр. Дюбуа отметил это сооружение под «№ 17 (№ 9 общего плана) на дороге к храму Ифигении». По его наблюдениям, усадьба имела «все виды строений, башню, толос, собранные на одном дворе»[14].

Усадьба 6 - участок 307.

Расположен на водоразделах между балками Верхне-Юхариной и Бермана, между продольными дорогами I с северо-востока и H с юго-запада; поперечными дорогами XV с северо-запада и XVI с юго-востока. Занимает площадь в 216 плетров (630х420 м). Разделен на 6 наделов площадью 36 плетров каждый (210х210 м), (рис. 6а).

У продольной дороги I, на высоком холме, занимающем северо-восточную часть надела 4, расположено сооружение, которое носит условное название «усадьба на горе».

Обнаружена разведками СМК в 1922-27 гг. Описана Н.М. Яньшевым (№ 25), Е.В. Веймарном (№ 68) и С.Ф. Стржелецким (№ 70).

Площадь памятника около 1000 кв.м. Мощность культурного слоя от 0,5 до 2,0 м.

Представляет комплекс построек, распо-

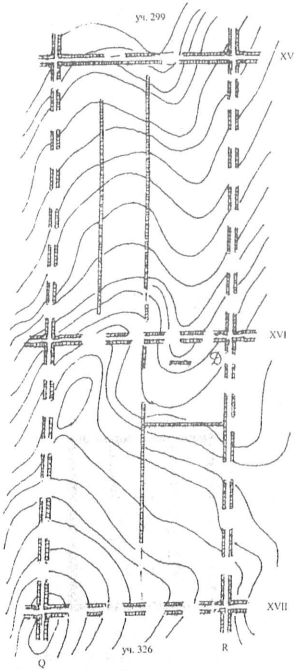


Рис. 13а.
План участков 299 и 326. Черт. автора.

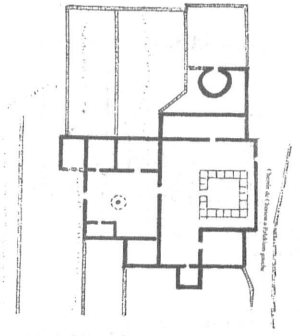


Рис. 13б.
План усадьбы. По Фр. Дюбуа.

ложенных террасами. На вершине искусственно образованного холма - башня с противотаранным поясом. Размеры башни - 9х8 м. Стены сложены из крупных блоков до 1,5 м длины и 0,75 м высоты. Вокруг башни видны стены помещений, сложенных из камней меньших размеров. С ю-з стороны башни, почти в центре усадьбы - колодец, D устья - 0,65 м.

На северо-запад, юго-запад и юго-восток комплекс спускается террасами. Стены помещений сильно задернованы, в некоторых видны цистерны. Одна из них обложена камнями, а перед ней просматривается бутовая стена помещения.

Подъемный материал представлен керамикой античного времени.

Нужно сказать, что это заметное сооружение еще до Фр. Дюбуа отметил на плане размежевания 1786 г. А. Строков литерой А.

Фр. Дюбуа отметил эту усадьбу под № 6 (№ 4 общего плана) «на холме, справа от той же дороги (имеется в виду дорога к храму Ифигении - Г.Н.), представляет собой более богатую постройку (по сравнению с № 17 на участке 266 - Г.Н.), так как все здания из обработанного строительного камня. Этот ансамбль сохранился лучше других»[15].

Возможно, «усадьбу на горе» описал также З. Аркас.

«На возвышенности находятся развалины обширного здания с десятью приметными отделениями или комнатами, службами, оградою и площадью. Длина строения 25, ширина 15 саженей; длина ограды 150, ширина 70 саженей. Внутри и вне здания находится по одной цистерне, а в стороне к югу на 50 саженей - третья цистерна, имеющая глубину до 20 саженей, с круглым отверстием, в аршин в диаметре»[16].

Усадьба 3 - участки 385-386.

Участок 385 занимает ложе балки Бермана и ее ответвления к Мраморной балке. Имеет трапециевидную форму, его площадь равна половине площади стандартного участка.

Участок 386 расположен на водоразделе между ответвлением балки Бермана в сторону Мраморной балки и балкой Солты, а также южном склоне и ложе балки Бермана, между продольными дорогами J с севе-

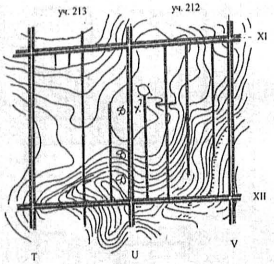


Рис.14а.
План участков 212-213. Черт. автора.

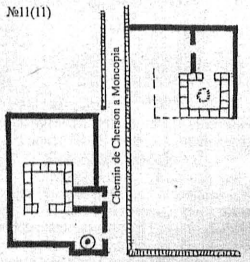


Рис.14б.
План усадьбы. По Фр. Дюбуа.

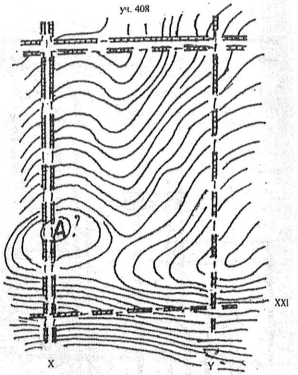


Рис.15а.
План участка 408. Черт. автора.

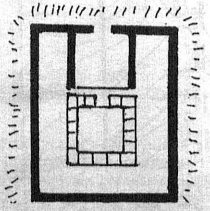


Рис.15б.
План усадьбы. По Фр. Дюбуа.

ро-востока и I с юго-запада; поперечными дорогами XIX с северо-запада и XX с юго-востока. Занимает площадь в 216 плетров (630х420 м). Разделен на 6 наделов площадью 36 плетров каждый (210х210 м), (рис. 7а).

У продольной дороги J, на небольшом мысу левого склона балки Бермана, занимающем северную часть надела 2, расположена усадьба, укрепленная башней. Отмечена Н.М. Яньшевым (№35), Е.В. Веймарном (№76), С.Ф. Стржелецким (№77).

Усадьба представляла собой значительный комплекс построек, связанный с другими строительными комплексами, лежащими напротив, на правом склоне балки Бермана (рис. 7в). Это сооружение занимало значительную площадь: 50х50 м минимально. Башня, поставленная на крутом склоне балки, сложена из огромных блоков, в которых прорезаны пирроны. По склону сохранилось 6 рядов блоков, один на другом, уступами. Высота сохранившейся части здания на подъеме достигает 9 м. Усадьба сильно заросла густым и колючим кустарником. Стены помещений засыпаны толстым слоем намытой земли. Подъемный материал на усадьбе относится к античному периоду.

Внизу, почти на уровне дна балки, к усадьбе примыкает прекрасный водоём, сложенный из белого, хорошо отёсанного камня.

По дну балки, под усадьбой проходит линия древнего водопровода на Херсонес, относящаяся к римскому периоду.

На карте А. Строкова это сооружение отмечено литерой А.

Об этой усадьбе Фр. Дюбуа писал: «№ 3 (№ 6 общего плана), расположенный ближе всего к храму Ифигении, имеет башню и подземный ход, оба прекрасно сохранивши-

еся; пошедший на их постройку обработанный камень имеет 5 футов в длину, 3 в ширину и 3 в высоту. Толщина камней уберегла усадьбу от разрушения, неизбежного при соседстве с хуторами»[17]. Под «подземным ходом», очевидно, нужно предполагать водопроводный канал или галерею.

Усадьбы у дорог к источникам и близ источников на Гераклейском полуострове:

№ 15(10) - участок 283;

№2 - участок 371;

№ 1 - участок 400.

Усадьба 15 - участок 283 (ст. 193).

Участок расположен на довольно пологом водоразделе между верховьем Карантинной балки и Верхне-Юхариной, ближе к последней. Разм. 630х420 м. Разделен на 6 наделов площадью по 36 плетров. Частично сохранилась внутренняя размежевка (рис.8а).

На участке расположено несколько усадеб. Одна из них зафиксирована Е.В. Веймарном (26) и С.Ф. Стржелецким (29), в 200 м вглубь участка от середины северо-западной ограды, на границе наделов 1 и 2. Отмечена на плане Фр. Дюбуа (рис. 1).

Усадьба крупноблочной кладки. Стены над землёй не сохранились. Разм. прим. 25х25 м. На территории усадьбы находится грушевидная цистерна, верхний диам. - 0,6 м. Цистерна обложена камнем и оштукатурена. Расширяется ко дну».

На наделах, примыкающих к продольной дороге N, Фр. Дюбуа обозначил еще 3 усадьбы. Одну из них он описал под «№ 15 (№ 10 общего плана) на прямой дороге к источникам Херсонеса, отличается тем, что его большая башня внутри разделена на несколько помещений. Вход и лестница выходят на дорогу, а толос помещается внутри двора, как оно и должно быть»[18], (рис. 8б).

Усадьба 2 - участок 371.

Участок расположен на левом склоне и ложе верховья Хомутовой балки. Размеры 630х420 м. Внутренняя планировка не сохранилась (рис. 9а).

На западном склоне оконечности Хомутовой балки, на наделе 5 участка 334 и наделе 1 участка 371 расположен значительный комплекс укрепленных построек. Обнаружен разведками Гераклейской экспедиции в 1980 г. В 1981-84 гг. исследована северо-восточная часть комплекса на наделе 1 участка 371. Площадь примерно 1 га.

Раскопками открыта башня эллинистического времени, обнесенная противотаранным поясом. В римский период была перестроена. По склону на длину 52 м к востоку до следующей башни открыто 2 ряда помещений на глубину римского слоя. В южном углу открытой части зачищена кладка помещения круглого в плане (D ок. 10 м), сложенного из больших квадров, видимо, башня.

По-видимому, комплекс состоял из нескольких башен, пространство между которыми было застроено жилыми и хозяйственными помещениями. Находки керамики и монет позволяют предположить, что комплекс существовал с последней четверти IV в. до н.э. по IX-XI вв. н.э. Он является пограничным, находился на самом ю-в краю размежеванной части хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове и потому был укреплен несколькими башнями. Возможно, это пограничное военно-хозяйственное поселение.

Ниже укрепления у подножия склона балки в скале вырублены склепы. Разграблены. Возле них найдены многочисленные фрагменты керамики римского времени. При раскопках найдены водопроводные трубы, фрагменты амфор и столовой посуды IV-II вв. до н.э., краснолаковые сосуды первых веков н.э., амфоры грушевидные V-VI вв. и желобчатые VIII-IX вв., черепица IX-XI вв.

Фр. Дюбуа отметил укрепленный комплекс следующим образом. «№ 2 возвышается на холме напротив современных источников г. Севастополя; в этот значительный комплекс развалин входят три поселения с башнями, сгруппированные вместе, но, имеющие каждое отдельный вход, свой двор и свою лестницу. Стены, отделяющие дворы № 1и № 3 от общего прохода, самые массивные во всем Херсонесе. Одна из них имеет 6 футов в толщину. Кажется, эти здания погибли от пожара, ибо на камнях остались следы огня»[19], (рис. 9б).

Усадьба 1 - участок 400.

Расположен в верховье Верхне-Юхариной балки. Ограничен продольными дорогами Р с северо-востока и О с юго-запада; поперечными дорогами XX с северо-запада и XXI с юго-востока. Размеры участка 630х420 м. Разделен на 6 наделов по 36 плетров каждый (рис. 10а).

У северо-восточной дороги Р Фр. Дюбуа отметил усадьбу под «№ 1 (на обоих планах), близ источников Херсонеса, сегодня носит название «хутор Ушакова». Это массивное сооружение с одной из самых крупных в Херсонесе башен. Там же было расположено еще 2 примерно такие же усадьбы»[20]. (рис. 10б).

Эти усадьбы приходятся на южную часть участка 400 и восточную часть участка 399, близ продольной дороги О.

Усадьбы у дороги в Палакиум (дорога R):

№ 8 (14) - участок 203;

№ 12 (13) - перекресток участков 258-259 и 286-287;

№ 14 (3) - участки 299 и 326.

Усадьба 8 - участок 203 (ст. 142).

Участок занимает ложе и склоны верховья Карантинной балки. Ограничен продольными дорогами R и Q, поперечными дорогами X и XI. Внутренняя размежевка сохранилась лишь частично (рис. 11а).

У восточного угла надела 2, недалеко от продольной дороги R располагалась усадьба. Отмечена Н.М. Яныше вым (№ 12), Е.В. Веймарном (№ 16), С.Ф. Стржелецким (№ 19).

Усадьба разм. 30х30 м, имела башню и хозяйственные помещения. Над землёй видны стены двух помещений: большое - 10х14 м; меньшее, южное 8,2х6,7 м. У юго-восточной стены квадратная яма 5х5 м с отверстием колодца или цистерны на дне. Кладка стен усадьбы крупноблочная, с блоками до 1,3 м длины. Усадьба заплыла землёй».

Возможно, именно эту усадьбу отметил Фр. Дюбуа де Монпере под «№ 8 (№ 14 на общем плане) в центре Херсонеса, с погребами, вырытыми в земле, соединяющимися между собой подземным коридором, а надземная часть башни сообщается с возвышающейся над погребами террасой. Аналогичен № 13»[21], (рис. 11б).

Усадьбу № 13 можно ассоциировать с сооружением, расположенным поблизости, на участке № 201 (ст. 140) и отмеченным Н.М. Яныше вым (№ 16), Е.В. Веймарном (№ 33) и С.Ф. Стржелецким (№ 36).

Усадьба № 12 - участки 258-259 и 286-287.

Участок 258 (ст. 189).

Участок разм. 630х420 м. Ограничен продольными дорогами S и R, поперечными дорогами XIII и XIV. Разделен на 6 наделов пл. 36 плетров, размежеванных на поля 52,5х52,5 м; 52,5х105 м (рис. 12а).

На плане Фр. Дюбуа отмечена усадьба (на наделе 3 - Г.Н.).

Участок 259 (ст. 188).

Участок разм. 630х420 м. Ограничен продольными дорогами R и Q, поперечными дорогами XIII и XIV. Разделен на 6 наделов пл. 36 плетров. Наделы размежеваны на поля разм. 52,5х52,5 м; 52,5х105 м (рис. 12а).

На участке зафиксировано несколько усадеб.

Одна из усадеб находится на восточном склоне Карантинной балки, на наделе 4. Отмечена Н.М. Яныше вым (№13), С.Ф. Стржелецким (№ 22).

С. Ф. Стржелецкий дал следующую характеристику памятнику: «Усадьба разм. ок. 25х25 м, крупноблочной кладки, с отдельными блоками до 2,5 м длины. Основное сооружение из двух частей: квадрата 10х10 м (башня) и примыкающего к нему с юго-запада прямоугольного помещения 11х16 м. От первого на поверхности видны камни северо-восточной стены и южного угла. От второго - юго-восточная и северо-западная стены. В западном углу усадьбы, у внешней стены - две круглые ямы. Усадьба сильно заплыла землёй»[22].

Н.М. Яныше вым отметил, что «на расстоянии 12 м к западу есть довольно глубокий ров в 3 м ширины, и в начале рва имеется большой камень с хорошо сохранившимся пирроном. На продолжении рва к северо-западу находятся две круглые ямы, может быть, остатки цистерн. Одна диаметром в 3м, а другая в 2 м»[23].

Неподалеку находилось еще 2 усадьбы, отмеченные Е.В. Веймарном (№№ 20 и 21) и С.Ф. Стржелецким (№№ 23 и 24). Е.В. Веймаря отметил чрезвычайно слабую сохранность строительных остатков.

Усадьба № 23 (по С. Стржелецкому) была прямоугольной в плане разм. 35х25 м, с центральным сооружением - башней и прилегающими помещениями. Башня разм. 10х10 м. Кладка стен усадьбы из крупных камней и блоков. В центре усадьбы колодец или цистерна. Сохранившиеся блоки крупные, сильно заплывшие землей.

На территории остатков попадаются обломки плоских черепиц и керамической тары эллинистического периода.

В 60 м к югу находится соседняя усадьба №24 (по С. Стржелецкому).

Ее размеры 30х20 м, главным сооружением являлась башня разм. 10х10 м, занимавшая восточный угол усадьбы. Кладка крупноблочная, отдельные блоки до 2 м длины. Рядом с башней располагались хозяйственные помещения. В северном углу усадьбы отмечена круглая яма, очевидно, цистерна

Исследователь полагал, что усадьба является только небольшой сохранившейся частью довольно значительного комплекса. Около этих остатков имеются следы французского лагеря 1854-55 гг., который, по-видимому, и уничтожил большую часть фундаментов этого сооружения.

Участок 286 (ст. 196)

Участок ограничен продольными дорогами Q и R; поперечными дорогами XIV и XV. Распахан. На аэрофотосъемке видны следы

продольной стены, делящей участок на две равные части. Это дает основание предполагать стандартное деление участка на 6 равных по площади наделов (рис. 12а).

На плане Фр. Дюбуа усадьбы показаны на 2-м и 3-м наделах у продольных дорог R и Q соответственно (рис. 1).

Участок 287 (ст. 197).

Участок разм. 630х420 м. Ограничен продольными дорогами R и S; поперечными дорогами XIV и XV. Разделен на 6 наделов пл. 36 плетров, размежеванных на поля 52,5х52,5 м; 52,5х105 м (рис. 12а).

На плане Фр. Дюбуа на наделе 1 у продольной дороги R и на наделе 2 у продольной дороги S показаны усадьбы (рис. 1). Обе располагались недалеко от поперечной дороги XIV.

Компактное расположение этих сооружений на площади участков 258-259 и 286-287 позволяет предположить, что они являются частью поселения.

По-видимому, в районе перекрестка между участками 258-259 и 286-287 располагались сооружения, отмеченные Фр. Дюбуа под № 12 (13). Он считал, что этот объект - «образец для понимания расположения поселений по отношению к дорогам и наделам Херсонеса. В поселении несколько дворов, один для амбаров и конюшен, другой для погреба и давильни»[24]. На приведенном плане изображены не только усадьбы, но и перекресток дорог: продольной S и поперечной XIII (рис. 12б).

Усадьба № 14 - участок 326 (ст. 207).

Участок разм. 630х420 м. Расположен на водоразделе между балками Сарандинакиной и Верхне-Юхариной. Ограничен продольными дорогами R и Q, поперечными XVI и XVII. Распахан. Частично сохранились стены внутренней размежевки на наделы (рис. 13а).

Фр. Дюбуа описал усадьбу, которая стояла у дороги R, по-видимому, недалеко от северного угла участка, на наделе 2. Возможно, часть строений располагалась на участке 299. «№ 14 (№ 3 общего плана) достаточно хорошо сохранившийся, последний по дороге в Палакиум, стоит так близко от дороги, что с нее прямо попадаешь во двор, а галерея и лестница выступают над дорогой. В усадьбе тоже два двора и большие сады, огороды и расположенные террасами виноградники. Толос, выходящий в поле, в точности соответствует описанию, составленному мною по Голору и Битобе»[25], (рис. 13б).

Усадьбы у дороги на Мангуп (дорога U):

№ 11 - участки 212 и 213.

Усадьбы № 11 - участки 212 и 213.

Участок 212

Участок разм. 630х420 м. Расположен на довольно ровной поверхности, у левого склона Лагерной балки. Ограничен продольными дорогами V и U, поперечными дорогами XI и XII. Участок, вероятно, был разделен на 6 наделов пл. 36 плетров имевших стандартную размежевку на поля 52,5х52,5 м; 52,5х105 м; 52,5х210 м. Ее следы видны на аэрофотоснимках 40-х и 60-х гг. (рис. 14а)

Участок 213 (ст. 163).

Участок разм. 630х420 м. Расположен в верховье Лагерной балки. Ограничен продольными дорогами U и T, поперечными дорогами XI и XII; вероятно, был разделен на 6 наделов пл. 36 плетров. Наделы размежеваны на поля 52,5х52,5 м; 52,5х105 м; 52,5х210 м (рис. 14а).

На плане Фр. Дюбуа у продольной дороги U, разделяющей участки 212 и 213, показано несколько строений (рис. 1; 2).

Возможно, это усадьбы под № 11 (11 общего плана). Они состояли «из двух поселений, от которых сохранились их башни, лестницы и дворы. Их разделяет оживленная дорога между Херсонесом и Мангупом»[26]. Очевидно. имеются в виду строения на участках 256 и 255, разделенные дорогой U (рис. 14б).

Усадьба на южной границе размежеванной зоны, у дороги Y:

усадьба А - участок 408.

Усадьба А - участок 408

Участок является крайним, замыкающим систему размежевки с южной стороны. Был ограничен продольными дорогами Y и X, поперечными дорогами XX и XXI (рис. 15а).

Во время Крымской войны 1853-55 гг. здесь были сооружены английские укрепления. В период Великой Отечественной войны эта территория была совершенно разрушена. Среди подъемного материала попадаются единичные фрагменты тарной керамики античного и средневекового периода.

Возможно, на гребне высот Карагача, на небольшом всхолмлении надела 6, у дороги Y находилась сторожевая башня, отмеченная Фр. Дюбуа под литерой А - «на краю Херсонеса, около склепов, выходящих в Балаклавскую долину, напоминает укрепление, возведенное на поросшем травой холме. Лестница вела на расположенный террасами двор, вокруг которого шли галереи. В глубине видна нижняя дверь башни, служившей погребом. С первого этажа открывается прекрасный вид на Ай-Тодор (Челтер - Г.Н.) и дворец Мангупа»[27], (рис. 15б).

На планах всех двенадцати усадеб про-

слеживается единство первоначальной планировки, при которой башня была ядром сооружения, выполнявшим, по справедливому замечанию Фр. Дюбуа, роль главного здания. Хорошо видно, что дальнейшее развитие архитектурно-строительного ансамбля идет именно от этого массивного сооружения.

План усадеб 2; 3; 6; 12; 14; 15; 18 довольно сложный. Возможно, некоторые из них представляли собой небольшие поселения, через которые пролегал путь в долины, к гаваням и источникам.

Кроме того, материал усадеб показывает, что некоторые из них продолжают жить в средневековый период. Это усадьбы 2 и 3, стоявшие вдоль дорог, которые, очевидно, сохранили свое значение магистральных и в этот период.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах (перевод с немецкого) ЗООИД. Одесса, 1881. Т. XII, ч. I. С. 97.
2. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour du Caucase chez Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimee. Paris, 1843. Vol. VI, p. 183-208.
3. Бороздин И.Н. Новейшие археологические открытия в Крыму (раскопки на Гераклейском полуострове). М., 1925. С. 12 сл.; Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 116-129; Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХСб. Вып. VI. Симферополь, 1961. С. 87-113; Кругликова И.Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове // КСИА. Вып. 168. М., 1981. С. 12-15; Марченко Л.В. Простірова організація господарства Херсонеса Таврійського в період розквіту (друга половина IV - перша половина III ст. ст. до н.э.). Автореф. дисерт. канд. ист. наук. Київ, 1997. С. 13-14.
4. Путешествие по Крыму... С. 97-108.
5. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour .... P. 183-187.
6. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour .... P. 183.
7. Моисеев Л.А. Отчет об обследовании древних агротехнических сооружений в Севастопольском районе и приложения к нему. 1927 г. Архив НЗХТ, д. 1576, л. 28.
8. Янышев Н.М. Краткое описание древних сооружений, находящихся на Гераклейском полуострове. 1932 г. Архив НЗХТ, д. № 476.
9. Веймари Е.В. Гераклейский полуостров. Материалы разведок Севастопольского музея краеведения. 1935 г. Архив НЗХТ, д. № 1404/I.
10. Стржелецкий С.Ф. Паспорта на памятники Гераклейского полуострова. 1949-53 гг. Архив НЗХТ, д.д. №№ 1392/III; 1392/IV; 1392/V.
11. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Часть I. Севастополь, 1999.
12. Моисеев Л.А. Отчет об обследовании древних агротехнических сооружений... Л. 18; Веймарн Е.В. Гераклейский полуостров.....Л. 128-129.
13. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour....P. 190.
14. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour....P. 187.
15. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour....P. 187.
16. З.А. Аркас. Описание Ираклийского полуострова и древностей его ЗООИД. Одесса, 1848. Т. II, ч. I. С. 261.
17. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour....P. 191.
18. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour....P. 191.
19. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour....P. 190.
20. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour....P. 191.
21. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour....P. 189.
22. Дело № 1392/III.
23. Янышев Н.М. Краткое описание древних сооружений...Л. 14.
24. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour....P. 190.

М.Ю.Трейстер

МАТЕРИАЛЫ К КОРПУСУ ПОСТАМЕНТОВ БРОНЗОВЫХ СТАТУЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Автор продолжает тему, начатую докладами на 9-м и 13-м конгрессах по классическим бронзам, прочитанными в Вене в 1986 г. и в Кембридже, (Массачусетс, США) в 1996 г., соответственно[1]. До недавнего времени существование и изготовление бронзовой скульптуры в античном Северном Причерноморье лишь предполагались. По моему мнению, необходимо разработать комплексную методику исследования бронзовой скульптуры для регионов, подобных Северному Причерноморью, где сами бронзовые статуи не сохранились так, как во многих центрах Средиземноморья или, хотя бы, близлежащих областях западного побережья Черного моря, или в Колхиде. Немногочисленность находок фрагментов бронзовой скульптуры в Северном Причерноморье может объясняться тем, что бронзовые статуи, будучи ценным источником металла, как правило, шли в переплавку. Таким образом, общая картина, характеризующая существование и производство бронзовой скульптуры, складывается из следующих составляющих: 1) фрагменты бронзовой скульптуры; 2) косвенные свидетельства в виде изображения статуй (например, на монетах) и постаментов бронзовых статуй (подписных или с углублениями для крепления ног), и, наконец, 3) свидетельства производства скульптуры в виде находок литейных форм и других производственных остатков. Я не буду подробно останавливаться на находках фрагментов бронзовой скульптуры, обзор таких находок уже публиковался мной. Они немногочисленны и представлены, главным образом, вставными глазами, три экземпляра которых, датирующихся от конца VI в. до н.э. до эллинистического времени, происходят из Ольвии. Они изготовлены из кости и камня. Единственная документированная находка подобного рода из Пантикапея, выполненная приблизительно в натуральную величину из тщательно отполированного темно-зеленого камня, происходит из слоя III-II вв.до н.э. Это был правый глаз статуи, который в свое время украшали в настоящее время утраченные вставные зрачок и радужная оболочка. Что касается находок фрагментов бронзовой скульптуры, то они чрезвычайно редки. В качестве примера можно отметить, например, фрагмент бороды, обнаруженный при раскопках Пантикапея в 1986 г. Фрагменты бронзовой скульптуры происходят из эллинистического слоя Неаполя Скифского. Кроме того, в Берлине хранятся бронзовые кисти рук приблизительно натуральной величины, происходящие из коллекции Мерля де Массоно, приобретенной в 1890-х годах в Ялте[2]. В последнее время фрагменты бронзовой скульптуры были обнаружены в слое VI в.до н.э. поселения на о. Березань[3]. Список фрагментов античной бронзовой скульптуры, найденных в Северном Причерноморье, дополнит нога статуи, найденной еще в XIX веке в Ольвии, из коллекции Одесского археологического музея[4]. Остатки производства бронзовой скульптуры фиксируются археологически для позднеархаического времени (Фанагория)[5] и раннеэллинистической эпохи (Пантикапей)[6]. Суммируя приведенные выше данные, приходим к выводу, что для Северного Причерноморья имеются данные о существовании и производстве бронзовой скульптуры натуральной величины, охватывающие эпоху, последовавшую за основанием здесь греческих апойкий (Березань, Ольвия, Фанагория), и эллинистический период (Пантикапей, Ольвия, Неаполь Скифский). Между тем, картина будет абсолютно неадекватной без учета информации, которая может быть получена при анализе постаментов статуй. Необходимость издания корпуса постаментов бронзовой скульптуры Северного Причерноморья тем более назрела, что в имеющихся публикациях уделялось явно недостаточное внимание описанию верхней поверхности постаментов, сохранивших следы крепления бронзовой скульптуры, зачастую позволяющие получить представление о внешнем облике памятника.

В 1986 г. я составил список из 43 постаментов бронзовых статуй, происходящих из Северного Причерноморья и имеющих на верхней поверхности углубления для крепления ног, проанализировал их хронологическое и территориальное распределение, а также рассмотрел вопрос, какие бронзовые скульптуры существовали в Северном Причерноморье, и кто их создал. В настоящее время список пополнен (в том числе новыми находками), откоррек-

тирован и включает 50 постаментов, датирующихся с IV в.до н.э. по III в.н.э. и происходящих с о. Левки (2), из Тиры (1), Ольвии (12), Неаполя Скифского (5), Херсонеса (11), Нимфея (2), Пантикапея (12), Фанагории (2), Гермонассы (2) и Горгиппии (1). Большинство постаментов обследовано и обмерено автором, результатом чего являются их чертежи, сведенные в таблицы (табл. 1-8). Отмечу, что во всех случаях речь идет о постаментах для скульптуры, которая крепилась при помощи так называемой цапфовой техники. Эта техника, по общепринятому мнению, получила распространение в греческом мире в раннеклассическую эпоху[7].

В целом рассматриваемые постаменты предназначались либо 1) для свободно стоящих статуй богов или частных лиц, либо 2) для конных статуй.

Первая группа статуй может быть подразделена на три типа, учитывая количество углублений для ног и атрибутов, а также их положения.

Базы первого типа характеризуются углублениями полного контура для обеих ног. Статуи, которые монтировались на таких постаментах, стояли с опорой на обе ступни. Постаменты этого типа имеют дополнительные углубления для атрибутов. Известно по крайней мере 12 баз статуй этого типа.

Базы статуй типа 1а включают образцы без дополнительных углублений для атрибутов. Известно по крайней мере 8 находок этого типа, включая постаменты из Херсонеса (кат. 2 [23]; 3[24]; 7[28]); Неаполя Скифского (кат. 3 [19]); Пантикапея (кат. 1[33]); Фанагории (кат. 1 [45]) и Гермонассы (кат. 1[47]). Кроме того, возможно к этому же варианту принадлежат два частично сохранившихся постамента, обнаруженных в Ольвии в 1981 г. : с посвящением Зевсу Елевтерию Еврисибия, сына Сириска, первой четверти IV в. до н.э. (кат. 1[4]) и фрагментарно сохранившимся посвящением, которое датируется III в.до н.э. (кат. 4а [8]). Впрочем, учитывая фрагментарность указанных баз статуй из Ольвии, их можно причислить и к типу 3 предлагаемой классификации.. В некоторых случаях (кат. 1 [45]) на верхней поверхности постаментов имеются дополнительные углубления под носком и пяткой. Интересно, что рассматриваемые постаменты известны на территории Боспорского царства и в Ольвии (?) по крайней мере с IV-III вв.до н.э., тогда как в Херсонесе и Неаполе Скифском они появляются в период со II в.до н.э. по II в.н.э. Они служили базами статуй Аполлона Врача (кат. 9[41], 1[45], 1[47]), Афины Линдии (кат. 3 [19]), Антистасия (кат. 1[33]), Аристона, сына Аттина (кат. 3[24]), Диофанта (кат. 2[23]), Секста Октавия Фронтона, легата и пропретора Домициана (кат. 7 [28]). Правая нога указанных скульптур была обычно выставлена вперед, находясь под прямым углом к переднему краю постамента, тогда как левая нога была немного повернута в сторону. Только на одном из постаментов из Херсонеса (кат. 3[24]) углубление для левой ноги выдвинуто вперед.

Вариант 1б включает базы с дополнительными углублениями для атрибутов. Относящиеся к рассматриваемому варианту постаменты происходят с о. Левки (кат. 2 [2]), из Ольвии (кат. 2[5]) и Пантикапея (кат. 2[34]) и датируются IV в.до н.э. На базах из Ольвии и Пантикапея имеются дополнительные углубления в правом переднем углу , на базе с о.Левки - в левом переднем. Указанные постаменты служили для статуй Ахилла (кат. 2[2]) и Аполлона Врача (кат. 2[5]). На постаменте с о.Левки имеются дополнительные гнезда под носками и пятками. Расположение углублений для ног на постаментах рассматриваемой группы варьируется. Единичный образец варианта 1б представлен базой из Пантикапея второй половины IV в.до н.э. (кат. 8[40]) с полным углублением для левой ступни и отдельными гнездами под носок и пятку правой ступни.

Базы статуй второго типа характеризует наличие полного углубления под правую ступню и отдельных гнезд под пятку левой ступни различных форм. Эти постаменты могут иметь дополнительные углубления для атрибутов. 11 постаментов распределяются по трем вариантам. Статуи, установленные на рассматриваемых постаментах, стояли с опорой на правую ногу, тогда как левая их нога стояла на носке. По сравнению с постаментами типа 1, в данной группе базы статуй первых веков н.э. встречаются чаще.

Базы варианта 2а не имеют дополнительных углублений для атрибутов. Четыре постамента, относящиеся к данному варианту, происходят из Ольвии (кат. 3[6]) (ок. 330-320 гг. до н.э.); (кат. 4[7]) (конец III в.до н.э.); Херсонеса (кат. 5[26]) (74/5-78/9 гг.н.э.) и Пантикапея (кат. 6[38]) (221 г.н.э.). Они служили для статуй Каллиника (кат. 3[6]), Зевса Олимпийского (кат. 4[7]), легата и пропретора Мезии Секста Ветуления Кериалиса, хорошо известного как

один из четырех офицеров, под командой Тита участвовавших в осаде и захвате Иерусалима в 69-70 гг. н.э., и первый римский губернатор Иудеи (кат. 5[26]), а также боспорского царя Рескупорида III (кат. 6[38]). На базе статуи из Херсонеса (кат. 5[26]) центральная часть верхней поверхности постамента обрамлена круглой канавкой (табл. 7, 3). Подобная канавка, имеющаяся на базе статуи из Линда, датированной ок. 85 г.до н.э., по мнению Ч. Блинкенберга, является свидетельством вторичного использования постамента в качестве базы колонны[8].

Базы варианта 2б характеризуются наличием дополнительных углублений для атрибутов. Пять постаментов происходят из Ольвии (кат. 6 [10]) (II в.до н.э.), Неаполя Скифского (кат. 5[21]) (II в.до н.э.), Херсонеса (кат. 6[27]; 8[29]) (IV в.до н.э.) и Пантикапея (кат. 10 [42]) (250 г.н.э.). Они служили для установки статуй Гикесия (кат. 6[10]), богини Родос (кат. 5[21]), Афины (кат. 8[29]), Биона (кат. 6[27]) и царя Боспора Рескупорида IV (кат. 10 [42]).

Базы третьего типа характеризуют полное углубление для левой ступни и гнездо под пяткой правой ступни различной формы. Рассматриваемые постаменты могут иметь дополнительные углубления для атрибутов. Статуи, которые устанавливались на этих базах, стояли с опорой на левую ногу, тогда как их правая нога была поставлена на носок. Постаменты этого типа были менее распространенными в Северном Причерноморье, нежели базы первых двух типов. Лишь три образца входят в рассматриваемую группу, правда не исключено, что к ней же можно причислить две вышеупомянутые базы из Ольвии (кат. 1 [4]; 4а [8]), фрагментарная сохранность которых не позволяет с уверенностью отнести их к первому или третьему типу предложенной классификации.

Вариант 3а включает три базы из Неаполя (II в.до н.э.) (кат. 2 [18]), Ольвии (кат. 5[9]) (II в.до н.э.) и Пантикапея (кат. 11 [43]) (14-37 гг.н.э.). Характерная особенность двух последних постаментов - использование анаферозиса на их верхней поверхности. Постамент из Ольвии примечателен способом изготовления углубления для ноги. Контур ступни только намечен на поверхности, в центральной ее части имеется трапециевидной формы гнездо с остатками свинцовой заливки (рис. 9). Небольшое прямоугольное гнездо служило, вероятно, для фиксации носка, тогда как под пяткой имелась подпорка полукруглого сечения в верхней части базы, что имеет параллели на некоторых статуях позднеэллинистического и раннеимператорского времени. Постамент, найденный в Неаполе, предназначался для статуи Зевса Атабирия (кат. 2[18]), база из Ольвии служила для статуи Аполлона Дельфиния (кат. 5[9]), тогда как находка из Пантикапея была постаментом статуи боспорского царя Аспурга (кат. 11[43]).

Для того, чтобы лучше представить себе развитие техники монтажа бронзовой скульптуры на постаменты в Северном Причерноморье, необходимо привлечь в качестве параллели богатейшие средиземноморские материалы. Это даст лучшие возможности для реконструкции эволюции рассматриваемой техники, благодаря комплексному использованию различных источников: 1) редких находок бронзовых статуй с постаментами; 2) многочисленных бронзовых скульптур (сохранившихся без постаментов); 3) изображений статуй на постаментах в вазописи[9]; и наконец, 4) подписных постаментов с гнездами для крепления бронзовых статуй[10].

Лишь немногие греческие бронзовые статуи были найдены вместе со своими постаментами. Так, из списка 63 статуй, найденных вместе со своими базами, составленного М.Якоб Фельшем, лишь две скульптуры - бронзовые, а именно: знаменитая статуя дельфийского возничего и база второй половины IV в.до н.э. с о. Кос, с остатками левой ноги статуи[11]. Впрочем, известно еще несколько примеров, не говоря уже о некоторых бронзовых статуях, установленных на бронзовых постаментах, которые в свою очередь могли монтироваться поверх более крупных каменных баз. Последние примеры характерны, главным образом, для позднеэллинистического периода и эпохи ранней империи[12]. Бронзовые скульптуры, смонтированные на каменных постаментах, являются чрезвычайно ценным источником для нашей темы. Заслуживает упоминания база статуи с сохранившейся ступней правой ноги из Олимпии[13]. Статуя Зевса из Угенто, вероятнее всего - образец тарентской пластики ок. 530 г. до н.э.[14], служит образцом техники монтировки бронзовой скульптуры, существовавшей до изобретения цапфовой техники. Статуя закреплена на капители колонны[15]. На верхней поверхности капители было сделано прямоугольной формы углубление, куда был вставлен тонкий бронзовый плинт статуи[16]. Ноги скульптуры, соответственно, крепились к этому плинту[17]. Если правая нога статуи была по-

ставлена на носок, то под пяткой была сделана специальная бронзовая подставка[18]. Бронзовая статуя Аполлона, найденная в 1994 г. при раскопках храма архаического периода в Метрополе (Фессалия), также смонтирована на тонком бронзовом плинте прямоугольной формы, вставленном в каменный постамент, найденный вместе со статуей. Скульптура датируется третьей четвертью VI в.до н.э.[19]. Заслуживает упоминания еще одна бронзовая статуя, смонтированная на тонком бронзовом плинте - фигура Посейдона, поднятая со дна залива Ливадостро. Статуя датируется ок. 480 г. до н.э. и, скорее всего, является работой беотийского скульптора[20]. Две последние скульптуры прочно стоят на ступнях обеих ног.

Можно предположить, что самые ранние постаменты бронзовых статуй, смонтированных на базах в *Zapfentechnik,* имели отдельные гнезда для носков и пяток каждой ступни, подобно постаментам из Олимпии второй половины V в.до н.э. - например, базе статуи Каллия[21]. В Олимпии гнезда в форме целой ступни появляются впервые на постаментах второй четверти V в.до н.э. - например, на базах статуй, посвященных Микитом и отлитых скульптором из Аргоса Главком[22], хотя на тех же самых постаментах имеются отдельные гнезда для носков и пяток ступней.

Статуя возничего, найденная в Дельфах, была отлита, скорее всего, по заказу Полизала, правителя Гелы, в 477 г. до н.э. Имя Полизала вырезано на известняковом блоке № 3517, найденном неподалеку. Полизал отпраздновал таким образом свою победу в гонках колесниц[23]. На гипотетической реконструкции базы статуи, опубликованной Ф.Шаму в 1955 г.[24], блок с надписью Полизала представлен вторым слева в переднем ряду. Вне зависимости от того, принадлежал ли блок с надписью скульптора из Феспий, Сотада[25], тому же постаменту, как предположил Р.Хампе[26], в нашем распоряжении нет базы статуи возничего. Однако на фотографии, сделанной в момент открытия скульптуры[27], (и даже на более современных фотографиях[28])ясно видны углубления на месте носков и пяток; на левой ступне носок заполнен свинцом[29]. Таким образом, очевидно, что дельфийский возничий был смонтирован на постаменте при помощи цапфовой техники, при этом статуя была установлена с опорой на обе ступни[30]. Следовательно, в постаменте статуи, скорее всего, были выбиты отдельные гнезда под носками и пятками обеих ступней, как и на хронологически близких постаментах из Олимпии. Вряд ли это были гнезда под полную ступню, подобные углублениям на постаментах типа 1а представленной в данной работе классификации, некоторые из которых - например, постамент конца IV - начала III в.до н.э. из Фанагории (кат. 1 [45]) - имели дополнительные гнезда под пяткой и носком. Однако, древнейшей сохранившейся до наших дней бронзовой статуей, которая могла быть смонтирована на постаменте с использованием *Zapfentechnik,* является статуя Аполлона, найденная в Пирее[31]. Она обычно датируется около 520 г.до н.э., или несколько более поздним временем[32]. К.Маттуш отмечает, что нижняя часть ступни открыта (в том числе и нижняя часть большого пальца с плоскими валиками по краю), и все пространство заполнено свинцом для придания скульптуре устойчивости на постаменте[33]. Таким образом, можно предположить, что самый конец VI в.до н.э. и первая четверть V в.до н.э. были временем перехода от плинтовой к цапфовой технике установки скульптуры, а примерно с 480-475 гг. до н.э. последняя становится наиболее распространенной для инсталляции крупногабаритной скульптуры из бронзы.

Изобретение цапфовой техники установки бронзовой скульптуры связано с использованием железных стержней и расплавленного свинца для обеспечения фиксации ступней бронзовых статуй к базам. Однако каналы для заливки расплавленного металла в гнезда отсутствуют; кроме того, все известные находки бронзовых статуй свидетельствуют о том, что металл поступал изнутри ноги. Было бы логично предположить (имея в виду, что с начала V в.до н.э. крупногабаритная бронзовая скульптура уже отливалась по частям, которые впоследствии соединялись), что вначале к постаменту крепились только ноги статуй, а позднее металл заливался внутрь. Однако, судя, например, по знаменитой берлинской чаше с изображением мастерской (так наз. Berlin Foundry Cup, ок. 490 г.до н.э.)[34], статуи собирались из частей в мастерской до установки на постаменты. Очень низкий постамент, на котором на берлинской чаше изображена уже собранная скульптура, нельзя ни в коем случае сравнивать с действительными постаментами бронзовых статуй. Скорее можно определить его как плинт, напоминающий плинты, на которых монтировались бронзовые статуи эпохи поздней архаики. Эти наблюдения позволяют прийти к выводу, что древние мастера использовали какой-то другой метод. Возможно, свинец закладывался внутрь ног статуи до монтировки на поста-

мент; после установки статуи на базу область ног скульптуры могла подвергаться локальному нагреву. Благодаря низкой температуре плавления свинца, этот нагрев не должен был причинить вред статуе.

Цельные гнезда применялись на базах статуй из Олимпии в последней четверти V - первой половине IV в.до н.э.[35]. Таким образом, ко времени, к которому относятся древнейшие известные постаменты бронзовых статуй, происходящие из Северного Причерноморья, цапфовая техника проделала уже достаточно долгий путь развития. Создается впечатление, что в V в.до н.э. в Северном Причерноморье уже существовали наиболее характерные для этого региона комбинации гнезд на базах, а именно типы 1а, 1б, 2а и 3а, по предложенной классификации. Комбинация гнезд, характерных для постаментов типов 1а, 1б и 3а представлена на базах статуй с посвящениями Микита[36]. Постаменты типов 1а, 1б, 2а известны в Линде еще ок. 400 г.до н.э.[37]. В Линде базы типов 1а и 2а были особенно характерны в IV в.до н.э.[38] и в третьем столетии до н.э.[39], хотя они употреблялись и в последующую эпоху, во II-I вв.до н.э. [40]. Постаменты указанных типов известны в Дельфах[41], Эретрии (II в.до н.э.)[42], Пергаме (III-II вв.до н.э.)[43], Приене (II в.до н.э.)[44]. Для сравнения замечу, что постаменты типа 2а в Линде были широко представлены в IV в.до н.э.[45], неизвестны в III в.до н.э., когда получили распространение постаменты типа 2б[46]; и вновь начинают использоваться со II в.до н.э.[47]

Если обратиться к известным находкам греческих и римских бронзовых статуй, можно получить подтверждение отмеченных выше закономерностей. Так, например, положение ног бронзовой статуи воина А из Риаче[48] точно соответствует углублениям для ног на постаментах типа 1. Это же касается и положения ног воина Б из Риаче[49]. Аналогичное положение ног имеют также статуя так называемого Эфеба из Селинунта, которая, как правило, считается сицилийской работой периода ранней классики[50], и статуя Аполлона из Пьомбино, хранящаяся в Лувре и обычно датируемая ок. 480 г.до н.э. Впрочем, высказывались предположения и о том, что Аполлон из Пьомбино - работа скульптора I в.до н.э.[51]. Список продолжают хорошо известная скульптура мужчины в тоге, так называемый Аррингаторе из Флоренции начала I в.до н.э.[52], и образец римского восприятия поликлетовского канона - так называемый Идолино, также из Флоренции[53]. Вместе с тем, бронзовые статуи с аналогичным положением ног существовали и в императорскую эпоху - в качестве примера может быть названа скульптура императора в гиматии - вероятно, статуя Марка Аврелия ок. 161-180 гг.н.э., предположительно происходящая из Ибечика, древнего Бубона в Ликии и в настоящее время хранящаяся в Кливлендском музее[54]. Культовая скульптура с положением ног, соответствующим углублениям на поверхности постаментов типа 1 по нашей классификации, представлена на краснофигурной амфоре начала V в.до н.э. из Британского музея[55].

Очевидно, постаменты типа 1б были менее популярны. Это подтверждают находки как из Северного Причерноморья, так и из Средиземноморья. На постаментах III в. до н.э. из Линда дополнительное углубление было выбито за гнездом для правой ступни справа от него[56], тогда как единственный пример подобного постамента, датированный I в.до н.э., демонстрирует дополнительное углубление в правом заднем углу[57]. Упомянутые базы III в.до н.э. из Линда находят параллель в постаменте статуи, посвященной лакедемонянами и царями Аргоса в Дельфах[58]. В то же время на базах бронзовых статуй III в.до н.э. из Пергама дополнительное углубление помещено слева от гнезда для левой ступни[59]. Вернемся, однако, к постаментам из Северного Причерноморья. Два из постаментов рассматриваемого типа служили для установки статуй Аполлона Врача, включая базу из Ольвии с сигнатурой Стратонида из Афин (кат. 2 [5]). В этой связи особого внимания заслуживает находка аналогичного постамента статуи Аполлона Врача в западнопонтийской Истрии - статуя, посвященная Теоксеном, сыном Гипполоха, относится примерно к тому же времени, что и упомянутая выше ольвийская. Впрочем, проблема близости обоих скульпторов и реконструкции статуй уже не раз были предметом дискуссий[60]. В вазописи мы также находим примеры статуй, установленных на постаментах рассматриваемого типа. Упомянем, например, изображение статуи Зевса, стоящего с опорой на обе ноги со скипетром в левой руке, конец которого упирается в правый передний угол постамента, помещенное на краснофигурном аттическом колоколовидном кратере мастера Полиона, найденном в Гнафии, хранящемся в Бонне и датированном ок. 420 г. до н.э.[61].

Если обратиться к постаментам типа 2, то можно заметить, что они соответствуют так называемой "стоящей-идущей" позе по-

ликлетовского Дорифора[62]. В качестве примера подобной бронзовой скульптуры можно назвать статую эфеба из Волубилиса августовского времени[63]. Юноша изображен стоящим с опорой на правую ногу. Внутренняя поверхность правой ступни имеет отверстия для заливки свинца в гнезда под носком и пяткой[64]. Подобное же положение ног имеет двухметровая статуя Луция Вера из коллекции Шелби Уайт и Леона Леви[65], а также торс статуи Септимия Севера, в настоящее время хранящийся в коллекции Дороти Венделл Черри в Нью-Йорке[66], - обе, вероятно, происходящие из Бубона. Размер выше натуральной величины имеет бронзовая статуя, смонтированная на круглом каменном постаменте типа 2а. Скульптура изображает Септимия Севера; она была найдена в Китрее, древних Китрах на Кипре[67]. Для того, чтобы представить себе, как выглядели статуи, смонтированные на базах типа 2б (цельное гнездо под правую ступню, дополнительное гнездо под атрибут), упомяну знаменитую фигуру (середины II в.до н.э.) эллинистического правителя из римского музея Терм[68], а также сравнительно поздние (конец III в.н.э.) статуи правителей Саны, на которых имеется сигнатура греческого скульптора Фоки[69]. Хотя в приведенном выше примере копье не сохранилось, оно, несомненно, было, и отверстие для его втока было в том же углу, что, вероятно, и у статуи из музея Терм, как и на рассматриваемых здесь постаментах из Северного Причерноморья. Подобная схема монтировки статуй вообще характерна для статуй эллинистических правителей, возможно представляющих тип статуи Александра Великого с копьем, работы Лисиппа: одна из них недавно была приобретена Античным музеем Базеля[70], а вторая находится в коллекции Ш.Уайт и Л.Леви[71]. В вазописи пример статуи, смонтированной на постаменте типа 2, представляет южноиталийский кратер начала IV в.до н.э., хранящийся в Музее Метрополитен[72]. Однако, как предположил Д. фон Ботмер[73], прототипом скульптуры Геракла, изображенной на кратере, должна была быть мраморная полихромная скульптура[74], а не бронзовая, как предполагалось прежде. Интересно, что под пальцу Геракла подведен отдельный постамент.

Хотя постаменты типа 3а были известны еще в раннеклассический период (см. выше), они встречались значительно реже и получили распространение (например, в Восточном Средиземноморье) во II-I вв.до н.э. в Линде[75]; Приене[76]. Это хорошо сочетается с хронологией таких постаментов в Северном Причерноморье. Анаферозис, отмеченный на таких постаментах из Ольвии и Пантикапея, также был использован на базе статуи такого же типа из Линда, которая датируется 25 г. до н.э.[77]. Тем не менее, я могу упомянуть довольно многочисленную серию бронзовых статуй, датирующихся V-IV вв. до н.э., имеющих положение ног, соответствующее постаментам типа 3а. Можно начать этот список с раннеклассического Зевса с м. Артемисион[78]. Упомяну также статуи юношей из Антикиферы[79] и Марафона[80], которые обычно датируются второй половиной IV в.до н.э., так наз. Агон из позднеэллинистического кораблекрушения у Махдии недалеко от побережья Туниса[81], статую юноши середины I в.н.э. из Ксантена, хранящуюся в Берлине[82]. На панафинейской амфоре луканской работы, находящейся в Мюнхене, представлено воспроизведение (скорее всего, бронзовой) статуи, стоящей на ступенчатом постаменте в позе, соответствующей постаментам типа 3[83]. В правом переднем углу постамента, должно быть, находилось углубление для фиксации щита. Бронзовая скульптура на постаменте этого типа (вероятно - статуя Аполлона, судя по надписи на мраморной базе **e** сохранившейся левой ногой бронзовой статуи), происходит с о. Кеос[84].

В некоторых случаях углубления для ступней имели дополнительные гнезда под пятку и носок, подобно имеющимся на базах с о.Левки (кат. 2[2]), из Неаполя Скифского (кат. 5[21]), Фанагории (кат. 1[45]), Гермонассы (кат. 1[47]), Пантикапея (кат. 10[42]). Какие-либо хронологические или географические закономерности в распределении этого признака не замечены. Подобная конструкция углублений под ступню известна на базах с о. Кос августовского времени, а также на постаментах из Бальбуры в Малой Азии, датированных 158-161 гг. н.э.[85]

Следует отметить то, что некоторые из публикуемых постаментов были в употреблении два или три раза. Так, например, постамент из Пантикапея конца IV в.до н.э. (кат. 8[40]) был переделан в архитектурную деталь. База из Херсонеса, которая служила для установки статуи Диофанта, полководца Митридата VI Евпатора (кат. 2[23]), была также вторично использована: сохранились гнезда как на верхней, так и на нижней поверхности постамента. Еще одна база из Херсонеса (кат. 6[27]) была в употреблении три раза: вначале она использовалась в качестве постамента под стелы - имеются три длинных и узких гнез-

да с остатками свинца. Позднее постамент был обрезан, одно из гнезд, расположенных вдоль переднего края было аккуратно заполнено фрагментом белого мрамора (рис. 19). Постамент дважды использовался для установки бронзовых статуй. В обоих случаях были сделаны цельные углубления под ступни правой ноги (рис. 20) и углубления под носок и пятку левой ноги, с дополнительными углублениями для атрибутов. При этом во второй раз бронзовая скульптура была крупнее первоначальной, будучи выше человеческого роста. Судя по надписи второй половины IV в.до н.э. (рис. 18), статуя Биона была посвящена Херсонесской Деве (кат. 6 [27]). Таким образом, практика вторичного использования постаментов под бронзовые статуи, известная и в других центрах античного мира - например, на Косе в августовскую эпоху[86] - имела место в Херсонесе еще в IV в. до н.э.

Некоторые из постаментов принадлежали конным скульптурам и имели характерные гнезда для крепления конских копыт[87] - подобно постаменту, найденному на о. Левка (кат. 1[1]), с тремя гнездами, или базе из Херсонеса под конную статую Агасикла, сына Ктесия, с четырьмя гнездами (кат. 1 [22]). К этой же группе относится постамент конной статуи скифского царя Скилура, найденный в Неаполе Скифском, с пятью гнездами (кат. 1 [17]). Возможно, к тому же типу относится и сравнительно недавно найденный в Тире фрагментированный постамент с декретом в честь Автокла (кат. 1 [3]). В случае, когда по поверхности постамента имеется четыре гнезда, конная статуя реконструируется как стоящая с опорой на все четыре конечности (*ruhige Standmotive*, по классификации Г.Зидентопфа[88]). В случае с тремя гнездами - возможна реконструкция в виде медленно движущегося коня с одним приподнятым копытом[89]. Вариант с пятью гнездами, как на постаменте из Неаполя Скифского, заставляет задуматься о наличии дополнительного атрибута. Учитывая процентное соотношение постаментов для конных статуй к общему количеству постаментов для бронзовой скульптуры, приходим к выводу, что для Северного Причерноморья они составляли лишь около 8%. Тем не менее, конные бронзовые статуи были особенно характерны в этом регионе в конце IV-начале III вв.до н.э. и, что интересно, до сих пор не были найдены на территории Боспорского царства, хотя - судя по изображениям на монетах первых веков н.э. - конные статуи на Боспоре были.

Что касается размеров статуй, то они были обычно примерно натуральной величины или несколько меньше. В некоторых случаях - как, например, в случае с постаментом статуи Афины работы Поликрата из Херсонеса (кат. 8 [29]), датируемым IV в.до н.э. - статуя была колоссальной, выше 3 метров (углубление для левой стопы имеет длину 49 см), а если добавить высоту шлема, венчавшего голову богини, и высоту базы, на которой монтировалась статуя, то общая высота памятника превосходила 5 метров[90]. Несколько меньшего размера (однако, высотой больше натуральной) были статуи Ахилла с Левки (кат. 2 [2]) и Рескупорида IV из Керчи (кат. 10 [42]) (углубления для ступней имеют длину 35-36 см). Близкое распределение по размерам показало исследование постаментов бронзовых статуй, найденных на о. Кос[91]. В действительности, расчеты высоты бронзовых статуй по длине углублений для фиксации их стоп должены быть скорректированы. Скульптуры, должно быть, были выше, чем это предполагается. Обычно (в качестве примера можно привести фрагменты ступней статуй из Волубилиса[92] или Аквинкума[93]) размеры углублений - а соответственно и отверстий в ступне, через которые заливался расплавленный свинец - были меньше, нежели размеры ступни бронзовой скульптуры. Эта же закономерность прослеживается при изучении внутренней поверхности правой ступни эллинистической бронзовой статуи Артемиды из галереи Албрайт-Нокс в Баффало[94]. Эта ступня сохранилась на принадлежавшей ей бронзовой базе скульптурной группы, изображающей Артемиду с ланью[95].

Большей частью базы статуй из Северного Причерноморья, рассмотренные в данной публикации, найдены во вторичном контексте (если не во вторичном использовании) - таким образом, задача реконструкции их места в античном архитектурном ансамбле сильно затруднена. Трудно предположить (по крайней мере, для классических и эллинистических статуй Ольвии), что археологическая ситуация абсолютно соответствует данным письменных источников, в частности словам Диона Хрисостома (Or. XXXVI) о том, как выглядела Ольвия спустя сто пятьдесят лет после ее разгрома племенами гетов - например, его свидетельству о том, что ни одна статуя из тех, что были установлены в святилищах, не уцелела. Однако недавно выполненная реконструкция облика теменоса Херсонеса позволила определить

архитектурный контекст статуи Афины работы Поликрата: "Обращенная лицом к морю грандиозная фигура Афины..., установленная на мраморном постаменте и стоящая в центре площади, размещенной на обрывистом и скалистом мысе у входа в херсонесскую гавань, служила своеобразным маяком. Главная продольная улица северо-восточного района была, вероятнее всего, ориентирована на статую Афины, игравшую, несомненно, важную роль в пространственной организации площади. Статуя не только замыкала перспективу улицы, но и композиционно связывала находящиеся на площади сооружения, доминирующие над окружающей жилой застройкой"[96].

У некоторых статуй надписи на постаментах были вырезаны сзади. Это имело место в случае с базой статуи из Херсонеса (кат. 2 [23]), а также с постаментом из Нимфея (кат. 1 [32]), которые служили для статуй Диофанта и Митридата соответственно, и кроме того - с базой для колоссальной скульптуры Афины из Херсонеса (кат. 8 [29]). По аналогии с постаментом статуи Афины из Херсонеса, можно предположить, что надписи в других случаях были выполнены с тыльных сторон постаментов, так как скульптуры были обращены к морю и установлены на мысах или каких-то возвышенных местах на морском побережье - таким образом, сами скульптуры были видны с кораблей, тогда как горожане, подходящие к статуям на суше, могли прочитать посвятительные надписи.

Автор выражает искреннюю признательность коллегам за помощь в работе. Особая благодарность - Ю.Г.Виноградову, консультации которого были чрезвычайно важны и придали импульс исследованию на его начальной стадии. Без помощи коллег-археологов и музейных работников: В.В.Крапивиной, М.И.Золотарева, Ю.П. Калашника, И.Б.Клеймана, С.Б.Охотникова и других - представленный в статье каталог не мог бы быть написан. Результаты исследования на разных этапах докладывались на международных конференциях по античным бронзам, а в почти законченном виде были представлены в виде доклада, обсужденного на семинаре в Археологическом институте Университета Кельна в июне 1996 г. (директор профессор Х. фон Хесберг). Автор сознает, что данный каталог не является законченным произведением. Это относится как к описаниям, некоторые из которых нуждаются в уточнениях (особенно в случае с теми постаментами, описания верхних поверхностей которых почерпнуты нами из старых публикаций), так и к библиографии. И тем не менее, уже собранный и проанализированный материал можно использовать в качестве информативного археологического источника. Поэтому автор с благодарностью откликнулся на предложение М.И. Золотарева о публикации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.Treister, 1988. P. 152 ff.; idem, in press.
2.Treister, 1988. P. 152ff.
3.Автор благодарит за информацию Ю.Г.Виноградова и В.В.Назарова.
4.фон Штерн, б.г. С. 10. Рис.6.
5.Долгоруков, 1986. С. 145-149; Treister, 1988. P. 154.
6.Трейстер, 1984. С. 146 сл.; Treister, 1988. P. 152ff.
7.Jacob-Felsch, 1969. S. 8, 57.
8.Blinkenberg, 1941. N 294.
9.См., например: Schefold, 1937; см. также Trendall, 1967. Pl. 165, 3 - кампанская гидрия из Музея Метрополитен; Trendall, Cambitoglou, 1978. Pl. 80, 1 - апулийская амфора в Амстердаме.
10.См., например, Siedentopf, 1968; Jacob-Felsch, 1969; Kissas, 1986; Willer, 1996.
11.См., например, Jacob-Felsch, 1969. S. 129 ff. Nr. 35, 141, Nr. 43.
12.См., например, Cat.Cambridge, 1996. Nos. 23, 27, 35.
13.Bol, 1978. S. 118. Nr. 200. Taf. 37; A.Raubitschek, in Cat.Cambridge, 1996. P. 83. Fig. 2.
14.См., например, Degrassi, 1981; cf. Mattusch, 1988, 65-70: „другие датировки, предлагаемые для этой скульптуры, укладываются в промежуток от 520 г. до н.э. до начала V в. до н.э. "
15.Degrassi, 1981. P.107-113. Tav. 19-21.
16.Degrassi, 1981. P.26-27, 107. Fig. 2b. Tav. 19a.
17.Degrassi, 1981. P. 38. Fig. 1; Tav. 2-4, 16c; 17-18; Mattusch, 1988. P. 66. Fig. 4.16a-c; Stewart, 1990. Fig. 185.
18.Degrassi, 1981. P. 25. Tav. 18.
19.Inzesiloglou, 1996.

20.Houser, 1983. P. 46-47; Mattusch, 1988. P. 79-83. Fig. 4.20a.
21.Dittenberger, Purgold, 1896. Nr. 146-148.
22.Eckstein, 1969. S. 33 ff., Textabb.6: постаменты A, C.
23.FdD.IV.5. P. 18 ff.. Fig. 1; Mattusch, 1988. P. 127-135; Stewart, 1990, Fig. 301; *Oxford Classical Art*, 1993. No. 85.
24.FdD IV.5. P. 25. Fig. 2.
25.FdD IV.5. P. 34-38. Fig. 4.
26.Hampe, 1941. S. 22-23.
27.FdD IV.5. Pl. II, 1; Mattusch, in Cat.Cambridge, 1996. P. 36. Fig. 23.
28.FdD IV.5. Pl. 20.
29.FdD IV.5. P. 59: „La face inferieure des pieds comportait des tenons pour la fixation sur le char. Un seul subsistait au moment de la decouverte, sur la plante du pied gauche. Depuis lors, d'atres tenons, moderned, ont ete rapportes, le dessous des pieds a ete recouvert de plomb, et deux grand tiges de fer, traversant les talons, penetrent dans le corps".
30.См., например, FdD IV.5. Pls. VII- XII, XIX; Houser, 1983. P. 22-23, 26-27; Hallet, 1995. P. 148. Fig. 8.38.
31. Houser, 1983. P. 54, 56-57; Mattusch, 1988. P. 74-79. Fig. 4,19a; Stewart, 1990. Fig. 169.
32.См. также дискуссию: Mattusch, 1988.P. 75. Note 70.
33.Mattusch, 1988. P. 79.
34.ARV2, 400.1; см. Cat.Cambridge, 1996. No. 1 с полной библиографией; Willer, 1996. S. 341 ff. Abb. 3-4.
35.Dittenberger, Purgold, 1896. Nr. 155, 158-159, 164-165.
36.Eckstein, 1969. Nr. 4, Textabb. 5-7.
37.Blinkenberg, 1941. Nos. 27, 31, 18.
38.Blinkenberg, 1941. Nos. 29, 41, 43, 47, 52, 56, 60, 62.
39.Blinkenberg, 1941. Nos. 73a-b, 74, 78, 110, 113, 127, 133, 142a.
40.Blinkenberg, 1941. Nos. 164, 344, 383b.
41.Bourguet, 1929. Nos. 63, 67, Nos. 70 ff.
42.Ducrey et al., 1993. P. 176f. Figs. 293-295.
43.Fränkel, 1890. Nr. 138, 164.
44.von Gaertringen, 1906. Nr. 237.
45.Blinkenberg, 1941. Nos. 33, 45, 54, 57a, 64.
46.Blinkenberg, 1941. Nos. 83, 109.
47.Blinkenberg, 1941. Nos. 153, 172, 414.
48.Houser, 1983. P. 117; Stewart, 1990. Fig. 292; *Oxford Classical Art*, 1993, No. 87; Hallet, 1995. P. 134-135. Figs. 8.15, 8.18; Mattusch, in Cat.Cambridge, 1996. P. 29, fig. 13.
49.Houser, 1983. P. 128; Stewart, 1990. Fig. 293; Mattusch, in Cat. Cambridge, 1996. P. 29. Fig. 14.
50.Carruba, 1983. S. 55. Abb. 10. Taf. 1, 3-4; 2-3; 7, 7; Mattusch, 1988. P. 135-138.
51.Ridgway, 1967. Fig. 8. Pl. 26; Stewart, 1990. Fig. 857; Ridgway, in Cat. Cambridge, 1996. P. 129, fig. 7.
52.Haynes, 1985. No. 200; Cristofani, 1985. No. 129; Ridgway, in Cat. Cambridge 1996. P. 125. Fig. 9.
53.Zanker, 1974. S. 30-32. Nr. 28. Taf. 33, 2-3; Hallet, 1995. P. 126-127. Fig. 8.6; Ridgway, 1995. P.180-181. Figs. 10.2-3.
54.Inan, 1993. Taf. XXVI, Abb. 29; Cat.Cambridge, 1996. No. 54.
55.ARV2 1010, 4; CVA British Museum, fasc. 5, 9. Pl. 65; Mattusch, 1988. P. 59, fig. 4. 11. 53 Zanker, 1974. S. 30-32. Nr. 28. Taf. 33, 2-3; Hallet, 1995. P. 126-127. Fig. 8.6; Ridgway, 1995. P.180-181. Figs. 10.2-3.
56.Blinkenberg, 1941. Nos. 68, 101, 109.
57.Blinkenberg, 1941. No. 308.
58.Bourguet, 1929. I, 37,VIII, No. 64; I, 43. Fig. 21.
59.Fränkel, 1890. Nr. 4, 137.
60.См., например, Alexandrescu Vianu, 1990. S. 185 ff. Abb. 3.
61.Schefold, 1937. S. 46; 1981. S. 245. Abb. 342; CVA Bonn 1. Taf. 19,1; 20, 2, 4.
62.См., например, Hurwit, 1995. P. 11-13; Tobin, 1995.
63.Boube-Piccot, 1969. P. 153-158. No. 167. Pl. 78ff.; Zanker, 1974. S. 34-35. Nr. 31. Taf. 33, 1; Wohlmayr, 1988. S. 97-98. Abb. 10.
64.Boube-Piccot, 1969. Pl. 85, 2.
65.Inan, 1993. S. 221. Nr. 4. Taf. XXVII. Abb. 30; Cat. Cambridge, 1996, No. 50. Fig. 50a-b. P. 332.

66.Inan, 1993. S. 225. Nr. 6. Taf. XXX. Abb. 34.
67.Cat.Cambridge, 1996. P. 341. Fig. 4. P. 343. Note 8 (библиография).
68.Cat. Bonn, 1989. S. 143-144, 147; Stewart, 1990. Fig. 862; *Oxford Classical Art,* 1993. No. 194; Moreno, 1994. P. 414 ff.. Figs. 531, 533, 535; Blome, 1995. S. 320. Abb. 6; A.Oliver, in Cat.Cambridge, 1996. P. 149. Fig. 7.
69.Weidemann, 1983; Moreno, 1994. P. 418. Fig. 534.
70.Blome 1995. S. 314-315. Abb.1-2; S. 318-319. Abb. 4-5.
71.Cat.New York, 1990. No. 173; Blome, 1995. S.319-321. Abb. 7; 328, Anm. 16 с библиографией.
72.von Bothmer, 1951, ill. on pp. 157-158; Richter, 1959. P. 274-275. Fig. 395; Manzelli, 1994, обложка.
73.von Bothmer 1951. P. 159.
74.Ср. Manzelli, 1994.
75.Blinkenberg, 1941. No. 155, 350.
76.von Gaertringen, 1906. No. 186.
77.Blinkenberg, 1941. No. 403.
78.Houser 1983. P. 80-82, Mattusch, 1988. P. 150-153. Fig. 6.10b; *Oxford Classical Art,* 1993. No. 86; Mattusch, in Cat. Cambridge, 1996. P. 32. Fig. 16. См. вид внутренней поверхности стоп статуи - Willer, 1996. S. 361. Abb. 23-24.
79.Houser, 1983. P. 93, 98; Stewart, 1990, Fig. 550; Moreno, 1994. P. 42. Fig. 40.
80.Houser, 1983. P. 104; Stewart, 1990. Fig. 497; Mattusch, in Cat.Cambridge, 1996. P. 33. Fig. 17.
81.Stewart, 1990. Fig. 848; Söldner, 1994. S. 400. Abb. 1; Mattusch, in Cat.Cambridge, 1996. P. 33. Fig. 19; Willer, 1996. S. 338 ff. Abb. 1
82.Cat.Berlin, 1992. S. 69-70. Nr. 123; Cat.Cambridge, 1996. P. 249. No. 28. Fig. 1.
83.Hauser, 1909. S. 113. Abb. 62; Trendall, 1967. Pl. 74, 1.
84.См. также Dunant, Thomopoulos, 1954. P. 345-346. No. 16. Figs. 18-20.
85.Coulton et al., 1989. P. 46f. Fig. 10.
86.Höghammar, 1993. P. 51f., 69. Nos. 53-54.
87.Ср. Siedentopf, 1968. P. 65ff.
88.Siedentopf, 1968. S. 68ff. Abb.18f.
89.Ср. Siedentopf, 1968. S. 68ff. Abb.18,d-e.
90.Zolotarev, Bujskikh, 1995. P. 148.
91.Höghammar, 1993. P.70-71.
92.Boube-Piccot, 1969. P. 151-152. Nos. 162-163. Pl. 76,1-2; P. 159-160. Nos. 72-73. Pl. 89.
93.Szirmai, 1988. P. 144-145. Figs. 4-5.
94.Cat.Cambridge, 1996. P. 64. Pl. 15. No. 35i.
95.Cat.Cambridge, 1996. P. 274 ff. No. 35.
96.Золотарев, Буйских, 1994. С. 80-81. Рис. 2-3; 95; Zolotarev, Bujskikh, 1995. P. 149, figs. 2-3 on pp. 127-128.

КАТАЛОГ

Левка

1 (1). Постамент конной статуи, поставленной ольвиополитами в честь освободителя острова.

Мрамор, в. 0,45, ш. 1,44, т. 0,60 м.

На верхней поверхности имеются два отверстия и углубление сзади.

Найден в 1840 г.

Хр. Бухарестский национальный музей, MNA L 350.

Дата: 330-320 гг.до н.э.

Библиография: IOSPE, I², 325; Пичикян, 1984. С. 154; Treister, 1988. P. 153; Виноградов, 1989. С. 164-168; Яйленко, 1990. С. 267; Охотников, Островерхов, 1993. С. 52-54; Vinogradov, 1997. S. 255-256, 280.

2 (2). Постамент статуи с посвящением сына Димострата, ольвиополита, Ахиллу, владыке Левки.

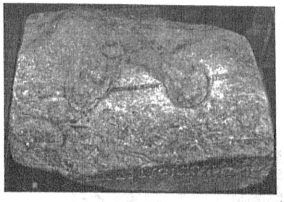


Рис.1.
Постамент статуи с посвящением сына Димострата, ольвиополита, Ахиллу, владыке Левки. ОАМ, инв. 50772. Кат. 2(2).

Мрамор, в. 0,29, ш. 0,81, т. 0,67 м.

На верхней поверхности имеются три углубления, частично поврежденные в результате обломов: под ступни левой и правой ног - шириной соответственно 13 и 14,5 см, гл. 1,7 см, дл. не менее 32-35 см с выделенными круглыми углублениями под пятки дм. ок. 8 см. и расположенное в левом переднем углу округлой формы углубление дм. не менее 18 см, гл. ок. 1,5 см, с дополнительным круглым углублением в центре дм. 1,6 см, гл. 3,5 см от поверхности постамента.

Найден в 1841 г.

Хр. ОАМ, инв. 50772.

Дата: вторая половина IV в. до н.э.

Библиография: IOSPE, I², 326; Пичикян, 1984. С. 154; Treister, 1988. P. 153; Охотников, Островерхов, 1993. С. 52. Фото 4, 6.

Табл. 1, 1. Рис. 1.

Тира

1 (3). Постамент с декретом о чествовании гражданина Тиры, Автокла, за заслуги перед народом.

Белый мрамор, в. 0,28, ш.сохр. 0,49, т. сохр. 0,48 м.

Правая и задняя части повреждены сколами. На верхней поверхности имеются остатки трех углублений, поврежденных сколами: прямоугольного, расположенного под острым углом к постаменту дл. не менее 13 см, ш. 8 см, гл. 2 см (внутри его слегка расширяющегося конца имеется прямоугольное углубление гл. 4 см); ориентированное параллельно ему прямоугольное углубление размерами 8 см х не менее 7 см, гл. 6,5 см; а также обломанное у заднего края постамента углубление с закругленным краем гл. 5,7 см.

Найден в 1987 г., БД-87-28.

Хр. ОАМ, инв. 90111.

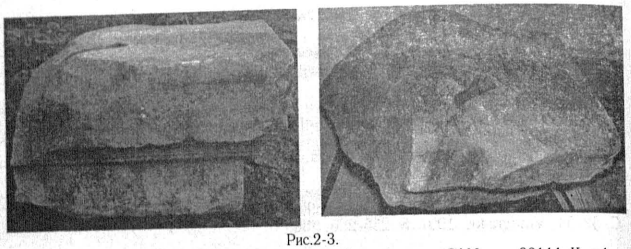


Рис.2-3.
Постамент с декретом о чествовании гражданина Тиры, Автокла. ОАМ, инв. 90111. Кат. 1 (3).

Дата: рубеж IV-III вв. до н.э.(Секерская); первая четверть IIIв.до н.э. (Виноградов)
Библиография: Секерская, 1989. С. 48; Vinogradov, 1994a. P. 72. N 13.
Табл. 1, 4. Рис. 2-3.

Ольвия

1 (4). Постамент с надписью, посвящением статуи Зевсу Элевтерию Еврисивием, сыном Сириска.

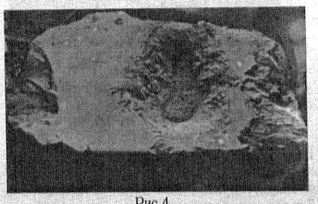


Рис.4.
Постамент с посвящением статуи Зевсу Элевтерию Еврисивием, сыном Сириска. Ольвийский археологический заповедник.- Кат. 1(4).

Серый метаморфизированный мергель, в.0,31, ш.0,70, сохр.т. 0,42 м.
На верхней поверхности углубления: для ступни левой ноги дл. 22 см с небольшим круглым углублением в районе пятки.
Найден в 1977 г., раскоп Р-19.
Хр. Ольвийский археологический заповедник.
Дата: первая четверть IV в. до н.э.
Библиография: Крыжицкий и др., 1978. С. 344; Виноградов, 1981. С. 63 сл.; 1989, С. 135 сл.; Леви, 1985. С. 23; КрапІвІна, 1988. С. 15; Русяева, Крапівіна, 1992. С. 22-24. Рис. 7, 1; 8; Русяева, 1992. С. 59-60; SEG XLII 714; Vinogradov, 1997. S. 212 f.
Табл. 2, 5. Рис. 4.

2 (5). Постамент с надписью: Леократ, сын ..., Аполону Врачу посвятил. Стратонид афинян сделал.
Белый мрамор, в. 0,32, ш. 0,98, т. 0,79 м.
На верхней поверхности: углубления для ступней ног дл. 24,5-26 см и круглое углубление для атрибута дм. 5 см.
Найден в 1961 г.

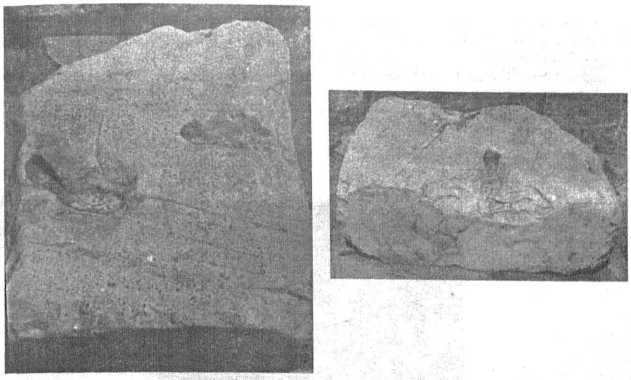


Рис.5-6.
Постамент статуи работы афиняна Стратонида с посвящением Леократа Аполлону Врачу.
Ольвийский археологический заповедник. Кат. 2(5).

Хр. Ольвийский археологический заповедник.

Дата: IV в.до н.э.

Библиография: Леви, 1965; Леви, 1967. С. 164 сл., НО, № 65; Bull. Epigr. 1967 397; Calder III, 1971, 325 ff; Treister, 1988. P. 153, 155-156; Виноградов, 1989. С. 147 сл., 150; Яйленко, 1990. С. 270 сл.; Alexandrescu Vianu, 1990. S. 185-186; Русяева, 1992. С. 36-38; Карышковский, 1993. С. 73; Vinogradov, 1997. S. 27, Anm. 105; 79, Anm. 41; 375f.

Табл. 3, 2. Рис. 5-6.

3 (6). Фрагменты постамента с надписью о восхвалении Каллиника, сына Евксена, и награждении его тысячей золотых и статуей.

Белый мрамор, в. 0,36 , ш. 0,73, т. 0,59м.

На верхней поверхности имеются два поврежденные сколами углубления: под стопу правой ноги дл. 26 см, гл. 2,7 см и округлой формы 16 х 22 см, гл. 8 см под пятку левой ноги.

Найдены в 1848 и 1900 гг.

Хр. ОАМ, инв. 50740+50523

Дата: 330-320-е гг. до н.э. (Ю.Г.Виноградов; П.О.Карышковский; А.С.Русяева); первая треть III в. до н.э. (В.П.Яйленко)

Библиография: IOSPE, I², 25+31; Книпович, 1966. С. 19. Прим. 38; Виноградов, Карышковский, 1982. С. 28 сл. Рис. 1-2; Пичикян, 1984. С. 182; Шелов-Коведяев, 1985. С. 63. Прим. 36; Treister, 1988. P. 153; Виноградов, 1989. С. 153-164; Яйленко, 1990. С. 268-272; Русяева 1992. С. 58; 1994. С. 50-51; Карышковский, 1993. С. 73; Vinogradov, Kryzickij, 1995. S. 112; SEG XXXII 794; Bull. Epigr. 1984 276; Vinogradov 1997, 252, 255 ff., 275, 279ff., Taf. 6.

Табл. 1, 3.

4 (7). Постамент с надписью: Леон, сын Гераклида, за своего сына Гераклида Зевсу Олимпийскому.

Серый мрамор, в. 0,405, ш. 1,005, т. 0,655 м.

На верхней поверхности: в правой части постамента ближе к центру имеется два углубления: прямоугольной формы 8,5 х 3,5 см и трапециевидной формы 3 х 3,5 см; вдоль заднего края - прямоугольное углубление 23 х 9 см (передний длинный край его имеет подбор).

Найден в 1978 г. на участке Р-19.

А.С.Русяева предполагает, что бронзовая статуя Зевса, видимо, была поставлена возле его храма на Восточном теменосе.

Хр. Ольвийский археологический заповедник, Р-19. О-81/720.

Дата: конец III в. до н.э. (Ю.Г.Виноградов); конец IV - начало III в. до н.э. (SEG XLII 715).

Библиография: Крыжицкий и др., 1979. С. 355; Крапівіна, 1988. С. 15; Treister, 1988. P. 154; Русяева, Крапівіна, 1992. С. 25-26. Рис. 7,2; 9; Русяева, 1992. С. 61; SEG XLII 715.

Табл. 2, 1.

4а (8). Фрагмент постамента с обрывком надписи: ...ен

Серый мрамор, в. 0,30, сохр. ш. 0,60, т. 0,62 м.

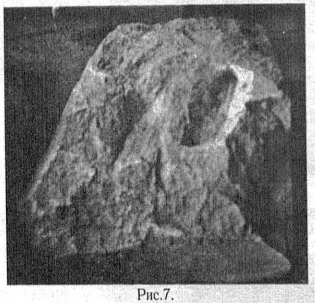


Рис.7.

Фрагмент постамента с обрывком надписи из Ольвии. Ольвийский археологический заповедник, Р-19. О-81/721. Кат. 4а (8).

Утрачена правая часть базы, верхняя часть постамента испорчена сколами; сохранился небольшой участок между углублением для ступни левой ноги дл. 0, 22 м и правым краем.

Найден в 1978 г. на участке Р-19

Хр. Ольвийский археологический заповедник, Р-19. О-81/721.

Дата: III в. до н.э. (Ю.Г.Виноградов)

Библиография: Крапівіна, 1988. С. 15.

Табл. 2, 4. Рис. 7.

5 (9).Постамент с посвящением Аполлону Дельфинию: Евник, сын Протогена (посвятил) Аполонну Дельфинию, исполнивши жречество

Серый мрамор, в. 0,38, ш.0,735, т.0,71 м.

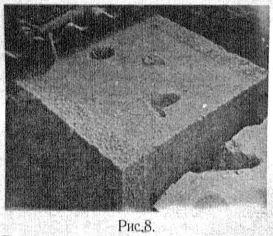


Рис.8.

Постамент с посвящением Евника Аполлону Дельфинию. Ольвийский археологический заповедник. Кат. 5(9).

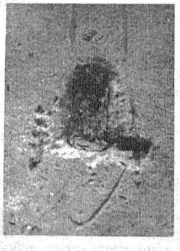


Рис.9.

То же. Деталь.

На верхней поверхности вдоль переднего и заднего краев оставлен кант шириной 9,5 см, который имеется и с боков, Справа канавкой намечено место для выборки углубления под ступню левой ноги дл.28 см. Выбрана лишь часть контура; в центральной его части участок площадью 12 x 8 см прямоугольной формы, гл. 4 см, в котором сохранилась заливка свинцом. Слева в центральной части выступ невыбранного камня полукруглой формы 11 x 8 см и круглое углубление дм. 9 см с расположенной под углом заливкой из свинца прямоугольной формы 8,5 x 4,5 см (Рис. 9).

Найден в 1978 г. на участке Р-19.

Хр. Ольвийский археологический заповедник.

Дата: начало II в.до н.э. (Ю.Г.Виноградов); первая половина II в.до н.э. (Русяева, Крапівіна); вторая половина III в. до н.э. (SEG XLII 716)

Библиография: Крапівіна, 1988. С. 15; Русяева, Крапівіна, 1992. С. 27-28. Рис. 7,3; 10; Русяева, 1992. С. 43; SEG XLII 716.

Табл. 2, 3. Рис. 8-9.

6 (10). Постамент с надписью: Гигесий, сын Филотея, (посвятил) статую сына Гикесия, Всем богам.

Серый мрамор, в. 0,31, ш. 1,04, т. 0,62 м.

На верхней поверхности: в правом заднем углу имеется прямоугольное углубление 4 x 6,5 см, гл. 3 см, от которого отходит выдолбленная канавка дл. 10 см, ш. 2 см. Слева - круглое углубление дм. 8 см, гл. 5 см. В левой части постамента - углубление для стопы левой ноги дл. 0,25 м, гл. 2,5-3 см. с остатками свинцовой заливки. Нижняя поверхность углубления имеет небольшой наклон к переднему краю постамента.На продолжении оси ступни имеются два круглых углубления дм. 3,5 и 2,5 см.

Найден в 1978 г. на участке Р-19.

Хр. Ольвийский археологический заповедник, Р-19. О-81/723.

Дата: ок. середины II в.до н.э. (Ю.Г.Виноградов); II в.до н.э. (А.С.Русяева); первая половина II в. до н.э. (SEG XLII 717).

Библиография: Крапівіна, 1988. С. 15-16. Рис. 2; Русяева, Крапівіна, 1992. С. 28-30. Рис. 7,4; 11; Русяева, 1992. С. 134; SEG XLII 717.

Табл. 2, 2.

7 (11). Постамент статуй Каракаллы и Геты с надписью:

«С добрым счастьем. Досточтимого Императора Марка Аврелия Антонина Августа поставил совет и народ ольвиополитов. С добрым счастьем. Септимия Гету Цезаря поставил совет и народ ольвиополитов.

Белый мрамор, в. 1,55 м, ш. 0,46, т. 0,20 м.

На верхней поверхности: углубления для ног статуй.

Найден до 1880 г.

Хр. Гос.Публичная Библиотека, Ст.-Петербург.

Дата: 198-209 гг.

Библиография: IOSPE, I², 199; Книпович, 1966. С. 14; Русяева, 1986. С. 5; 1992. С. 157; Treister, 1988. P. 153; Крапивина, 1993. С. 149 сл.; Vinogradov, Kryzickij, 1995. S. 121.

8 (12). Постамент статуи Эвбиота, сына Аристиона, поставленный Эпикратом, сыном Никерата.

В. 0, 25, ш. 0,71 м.

На верхней поверхности: два углубления для крепления ступней ног статуи.

Библиография: IOSPE, I², 191; Русяева, 1979. С. 97; Пичикян, 1984. С. 183; Treister, 1988. P. 153; Карышковский, 1993. С. 75.

9 (13). Постамент с надписью: Тимо, дочь Ипсикреонта, жена Епикрата, Епикрат Никератов посвятил жречествовавшую Артемиде.

Мрамор, в. 0,36, ш. 1,35, т. 0,99 м.

На верхней поверхности углубления для крепления ног статуи.

Найден в 1903 г.

Хр. Ольвийский археологический заповедник.

Дата: конец III - начало II вв. до н.э.

Библиография: IOSPE, I², 190; Treister, 1988. P. 153; Кырышковский, 1993. С. 75.

10 (14). Постамент с надписью: Народ Пантакла Клеобротова, своего благодетеля, посвятил Гераклу.
Мрамор, в. 023, ш. 0,75, т. 0,68 м.
На верхней поверхности: два углубления для ступней ног статуи.
Найден в 1908 г.
Хр. ОАМ, инв. 50506.
Дата: первая половина III в.до н.э.
Библиография: IOSPE, I², 188; Книпович, 1966. С. 19. Прим. 38; Treister, 1988. P. 153; Виноградов, 1989. С. 172; Vinogradov, 1997. S. 255.

11 (15). Постамент с надписью: Братья Агрота и Посидей посвятили своего отца Дионисия, жречествовавшего, Аполлону Дельфинию.
Белый мрамор, в. 0,32, ш. 0,85, т. 0,70 м.
На верхней поверхности: два углубления овальной формы разного размера.
Хр. ГИМ.
Дата: третья четверть III в. до н.э. (Ю.Г.Виноградов)
Библиография: IOSPE, I², 189; Treister, 1988. P. 153-154; Яйленко, 1990. С. 281; Русяева, 1992. С. 43; Vinogradov, 1997. S. 78, Anm. 26; 328, Anm. 23.

12 (16). Постамент с надписью: [Такая-то], дочь ...онта, сына Дионисиева, жена Сократида, Сократид Филинов посвятил свою жену, жречествовавшую, Матери богов.
Белый мрамор, в. 0,36, ш. 0,73, т. 0,675 м.

Рис.10.
Постамент конной статуи царя Скилура. ОАМ, инв. 50715. Кат. 1(17).

На верхней поверхности углубления для ног статуи.
Из коллекции П.О.Бурачкова
Хр. ГИМ.
Дата: эпоха Митридата VI Евпатора; II в.до н.э. (Ю.Г.Виноградов; С.Д.Крыжицкий)
Библиография: IOSPE, I², 192; Пичикян, 1984. С. 226; Русяева, 1986. С. 5; Treister, 1988. P. 153; Виноградов, 1989. С. 225; Vinogradov, Kryzickij, 1995. S. 115.

Неаполь Скифский

1 (17). Постамент конной статуи царя Скилура
Мшанковый известняк
На верхней поверхности имеется пять углублений в виде суживающихся книзу воронок гл. 5-6 см.
Найден в 1827 г.
Хр. ОАМ, инв. 50715.
Дата: II в. до н.э., возможно, середина-третья четверть (Ю.Г.Виноградов)
Библиография: IOSPE, I², 668; Соломоник, 1962. С. 33-34. Рис. 1; Treister, 1988. P.

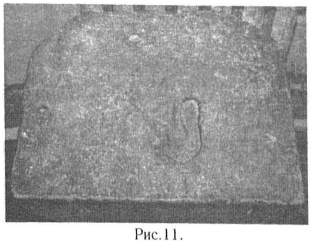


Рис.11.
Постамент статуи Зевсу Атабирию с посвящением Посидея. ОАМ, инв. 50604. Кат. 2(18).

153-154; Виноградов, 1994. С. 155. прим. 33; Зайцев, Пуздровский, 1994. С. 225; Зайцев, 1997, 45, рис. 8, 9.
Рис. 10.

2 (18). Постамент статуи с надписью: Зевсу Атабирию Посидей (сын) Посидея (посвятил) благодарственное приношение.
Мрамор, в. 0,39, ш. 0,61, т.0,49 м.
На верхней поверхности: гнезда для крепления - одно, в форме левой ступни человеческой ноги дл. 16 см, гл. 2,1 см и два небольших углубления округлой формы: 2 х 1,5 см и дм. ок. 3 см, гл. 1,5-1,7 см.
По мнению Э.И.Соломоник, на постаменте была установлена мраморная или бронзовая статуя высотой 100-110 см. Центр тяжести фигуры падал на левую ногу; правая была сильно отставлена назад и в сторону, опираясь лишь на большой палец. В правой вытянутой в сторону руке должен был находиться какой-то предмет - палка, копье или скипетр, о чем говорит маленькое круглое углубление, расположенное почти на одной линии с пяткой левой ноги.
Найден в 1827 г.
Хр. ОАМ, инв. 50604.
Дата: II в. до н.э., возможно, середина-третья четверть (Ю.Г.Виноградов).
Библиография: IOSPE, I², 670; Соломоник, 1962. С. 36-37. Рис. 3-4; Bull. Epigr. 1965 272; 1984 278; SEG XXXII 793; Сапрыкин, 1986. С. 204, прим. 13; Виноградов, 1989. С. 242-246; Зайцев, 1997, 45, рис. 8, 8; Vinogradov, 1997. S. 68, 95, Anm. 145, 371, Anm. 55.
Рис. 11.

3 (19). Фрагмент постамента с надписью: Афине Линдии Посидей (сын) Посидея (посвятил) благодарственное приношение.
Мрамор, в. 0,07, ш. 0,25, т. 0,22 м.
На верхней поверхности имеются углубления для крепления статуи.

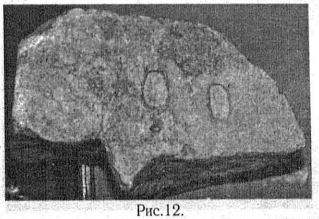


Рис.12.
Фрагмент постамента статуи Афине Линдии с посвящением Посидея. ОАМ, инв. 50384.Кат. 3(19).

Найден в 1827 г.
Хр. ОАМ, инв. 50384.
Дата: II в. до н.э., возможно, середина-третья четверть (Ю.Г.Виноградов)
Библиография: IOSPE, I², 671; Соломоник, 1962. С. 37; Bull. Epigr. 1965 272; 1984 278; SEG XXXII 793; Сапрыкин, 1986. С. 204, прим. 13; Treister, 1988. P. 153; Виноградов, 1989. С. 242-246; Зайцев, 1997, 45, рис. 8, 4; Vinogradov 1997, 68, 95, Anm. 145, 371, Anm. 55.
Рис. 12.

4 (20). Фрагмент постамента с надписью: Ахиллу (владыке) острова (посвятил) Посидей (сын) Посидея, (победив) пиратствующих сатархеев.
Размеры не известны.
На верхней поверхности сохранился след от правой ступни статуи дл. 16 см.
Найден в 1853 г.
Место хр. неизвестно.
Дата: II в. до н.э., возможно, середина-третья четверть (Ю.Г.Виноградов)
Библиография: IOSPE, I², 672; Соломоник, 1962. С. 37-40; Bull. Epigr. 1965 272; 1984 278; SEG XXXII 793; Сапрыкин, 1986. С. 204, прим. 13; Treister, 1988. P. 153; Виноградов, 1989. С. 243, 246; 1997. С. 116. Прим. 60; Зайцев, 1997, 45, рис. 8, 3; Vinogradov, 1997. S. 68, 95, Anm. 145, 371, Anm. 55.

5 (21). Постамент с надписью: Посидей, сын Посидея (посвятил) Родос благодарственное приношение.
Мрамор, в. 0,24, ш.0,50, т.0,51 м.
На верхней поверхности имеются углубления: для ступни правой ноги дл. 17,5 см, ш. 6,3 см, гл. 0,4-1,1 см с округлой ямкой внутри него 4 х 4,6 см, гл. 1,1 см от дна основного углубления; почти круглое - 4,6 х 5,2 см, гл. 1,7 см - для передней части стопы левой ноги; прямоугольное - 2,1 х 1,5 см, гл. 1,6 см - для копья или жезла.
Э.И.Соломоник отмечает, что (судя по длине стопы) статуя имела высоту 105-120 см. Сильно выдвинутая вперед фигура опиралась на правую ногу, левая нога была отставлена назад; в левой руке должен был находиться какой-то предмет (копье?), спускающийся вниз тонким прямоугольным концом. Заднюю свободную часть квадратного поля базы, вероятно, занимали широкие складки одежды богини.
Найден в 1958 г. на участке «Д».
Хр. ГИМ, инв. 96854.
Дата: II в.до н.э., возможно, середина-третья четверть (Ю.Г.Виноградов).
Библиография: Дашевская, 1960; Соломоник, 1962. С. 41-43; Bull.Epigr. 1965, No. 272; 1984 278; Treister, 1988. P. 153-154. Fig. 6a; Виноградов, 1989. С. 242; Зайцев, 1997, 45, рис. 8, 5; Vinogradov, 1997. S. 68, 95, Anm. 145, 371, Anm. 55.
Табл. 7, 1.

Херсонес

1 (22). Постамент конной статуи с надписью:
Народ поставил статую Агасиклу сыну Ктесия.
Белый мрамор, в. 0,30, ш. 0,68, т. 1,07 м.

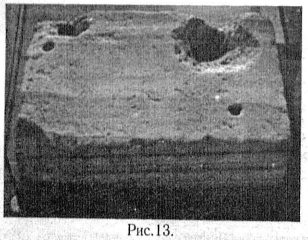


Рис.13.
Постамент конной статуи Агасикла. ХГИАМЗ, инв. 36586. Кат. 1(22).

На верхней поверхности 4 углубления: три маленьких округлых углубления дм. ок. 4-6 см - одно - в правом переднем углу и два в левом заднем, глубиной соответственно 3, 5 и 9 см, и одно углубление овальной формы 14 х 11 см, гл. 14 см.

Найден в 1794 г.

Хр. НЗХТ, инв. 36586.

Дата: рубеж IV-III вв.до н.э.

Библиография: IOSPE, I², 418; SEG XIX 500; Анохин, 1977. С. 50 сл.; Кадеев, 1981. С. 78, 82; 1996, С. 121; Пичикян, 1984. С. 198; Сапрыкин, 1986. С. 157; Treister, P. 153-154; Виноградов, Щеглов, 1990. С. 350-358; Виноградов, 1997. С. 111; Vinogradov, 1994b. S. 363 ff., Taf. CXXV, N 3; 1997. S. 420, 428, 443f., 461f., 465, Anm. 221, 490, 569, Taf. 30, 4-5.

Табл. 3, 1. Рис. 13.

2 (23). Постамент с декретом в честь Диофанта: Народ увенчивает Диофанта, сына Асклепиодора, синопейца, за его доблесть и благосклонность к себе, поставит также его медную статую в полном вооружении на акрополе подле алтарей Девы и Херсонеса.

Мрамор, в. 0,31, ш.0,99, т. 0,065 м.

На верхней поверхности сохранились остатки углубления для ступней ног. Ширина и глубина ступней ок. 10 см. Максимально сохранившаяся длина левой ступни 15,5 см.

Постамент был вторично использован для бронзовой статуи: углубления для ступней имеются и на его нижней стороне.

Найден в 1878 г.

Хр. ГЭ.Х.1878.1.

Дата: ок. 107 г.до н.э.

Библиография: IOSPE, I², 352; SEG XVIII 307; XXVII 430; XXXI 681; XXXVII 653; XXXIX 692; Кадеев, 1981. С. 71 сл.; Пичикян, 1984. С. 198, 204-205; Виноградов, 1987. С. 70 сл. 1989. С. 249; 1993. С. 65; Treister, 1988. P. 153-154. Fig. 6b; Boffo 1989, 211-259; 369-405; Зубарь, 1994. С. 10; Молев, 1995. С. 33 сл.; Сапрыкин, 1986. С. 201 сл., 211 сл.; 1996. С. 133 сл.; Антонова, Яйленко, 1995. С. 68; Bull. Epigr. 1990 229, 558; 1996 302; Vinogradov, 1997. S. 57, 87, Anm. 95, 282, Anm. 24, 428, 499, 541 ff., 562, 619, Anm. 33.

Табл. 7, 2.

3 (24). Постамент статуи Аристона, сына Аттина: Аристона, сына Аттина, любящего отечество. Бывшего послом для ходатайства о свободе к божественному Августу шесть лет и утомившегося. Исполнявшего должность демиурга прекрасно. Исполнявшего должность номофилака. Исполнявшего должность демиурга прекрасно. Бывшего послом к царю Римиталку о союзе и успевшего. Исполнявшего прекрасно должность жреца (народ наградил венцом) и медным изображением. Управлявшего государственною казною и выяснившего денежные средства городу. Бывшего послом к царю Римиталку вторично и успевшего. Исполнявшего должность демиурга прекрасно (народ наградил венцом) и целою статуей. Бывшего прекрасным

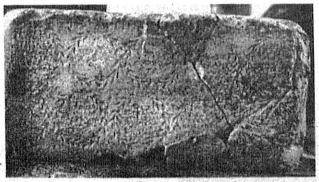


Рис.14.
Постамент статуи Аристона, сына Аттина. Надпись. ХГИАМЗ, инв. 3341.Кат. 3(24).

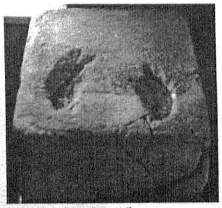


Рис.15.
То же. Вид в ракурсе на верхнюю поверхность постамента.

гражданином. Исполнил Кефисодот.

Мрамор, в.0,33, ш.0,69, т.0,77 м.

На верхней поверхности: два углубления для ступней ног статуи - правое - дл. 26,5 см, левое - дл. 28 см, гл. соответственно 5 и 6 см.

Найден в 1881 г.

Хр. НЗХТ, инв. 3341.

Дата: время правления боспорского царя Римиталка, ок. сер. II в.н.э.

Библиография: Latyschev, 1885. P. 267-272; Loewy, 1885. N 337; Minns, 1913. P. 295; IOSPE, I², 423; Marcade, 1953. N 56; SEG XIII 416; W.M.Calder III, 1971. P. 327; Анохин, 1977. С. 79; Кадеев, 1981. С. 25, 40 сл., 75, 81; 1996. 13; 103, 152; Пичикян, 1984. С. 198, 226; Treister, 1988. P. 153-154; Виноградов, 1991. С. 18; Зубарь, 1994. С. 37; Антонова, Яйленко, 1995. С. 70, 83 сл.; Vinogradov, 1997. S. 569; Фролова, 1997. С. 70.

Табл. 4, 3. Рис. 14-15.

4 (25). Постамент с надписью - посвящением статуи Формионом, сыном Герия.

Мрамор, в. 0,18, ш. 0,47, т. 0,73 м.

Рис.16-17.
Постамент с посвящением статуи Формионом.НЗХТ, инв. 3367. Кат. 4(25).

На верхней поверхности: остатки трех углублений с обломанными рваными краями, не дающими возможность восстановить их первоначальную форму; габариты углублений по нижнему краю: округлой формы - дм. ок. 5 см, гл. 8 см; подтреугольной формы со стороной ок. 7,5 см - гл. 9 см ; прямоугольной формы с одной скошенной стороной размером 7,5 х 5 см, гл. 4 см. В углублениях сохранились остатки свинцовой заливки.

Найден в 1890 г.

Хр. НЗХТ, инв. 3367.

Дата: IV-III вв. до н.э.

Библиография: IOSPE, I², 415; Кадеев, 1981. С. 67; Treister, 1988. P. 153.

Табл. 4, 4. Рис. 16-17.

5 (26). Постамент статуи легату Мезии Сексту Веттулену Кериалису.

На верхней поверхности базы с выделенной канавкой гл. 3 см центральной части были вырублены углубления для стоп ног бронзовой статуи: отчетливый контур углубления для стопы правой ноги овальной формы дл. 27 см, ш. 8-11 см, гл. 5 см и поврежденное выборкой углубление округлой формы для пятки левой ноги 8 х 9 см, гл. 5 см.

Хр. ГЭ. Х.1853.35.

Рис.18.
Постамент статуи Девы с посвящением Биона. НЗХТ, инв. 4695. Кат. 6(27). Надпись.

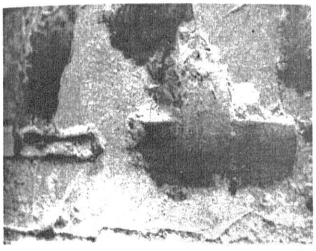


Рис.19-20.
То же. Детали верхней поверхности постамента.

Дата: 74/75-78/79 гг.н.э.
Библиография: IOSPE, I², 421; Eck, 1983. S. 194, 223, 235; Sarnowski, 1988. P. 138; 156. note 40; Treister, 1988. P. 153-154; Зубарь, 1994. С. 30; Кадеев, 1996. С. 12.
Табл. 7, 3.

6 (27). Постамент с надписью: Бион, сын Симия, Антибион, сын Биона Симиева, бывший царем, за отца посвятил Деве, будучи жрецом.
Мрамор, в. 0,355, ш. 0,77, т. 0,72 м.
На верхней поверхности имеется множество углублений прямоугольной, округлой формы и под ступни ног, которые свидетельствуют в пользу как минимум трехкратного использования постамента: первоначально в качестве базы для крепления четырех стел, а затем дважды в качестве постамента для бронзовых статуй.
I. Сохранились три прямоугольных выреза размерами: 36 x 5 см, 28 x 6 см, 28 x 4 см гл. 10-15 см для установки стел, с остатками свинцовой заливки (?). Возможно, имелся и четвертый вырез вдоль левой боковой поверхности, которая впоследствии была спилена, о чем свидетельствуют разный характер обработки боковых поверхностей и расположение надписи не строго по центру, а со смещением к левому краю. О том, что постамент первоначально использовался для крепления стел (?), говорит и тот факт, что один из передних вырезов аккуратно заложен вставкой из белого мрамора (Рис. 19).
II. 2 углубления для ступней ног: левое дл. ок. 18 см и правое, находящееся несколько сзади, дл. ок. 25 см, гл. 10-12 см. Таким образом, скульптура стояла с опорой на несколько отставленную назад правую ногу.
III. 2 углубления для ступней ног: слева - круглое углубление для крепления пятки левой ноги и справа углубление для стопы правой ноги дл. 32 см, гл. 17 см. Таким образом, как и во второй период, скульптура (правда, больших размеров), стояла с опорой на правую ногу (Рис. 20).
Найден в 1892 г.
Хр. НЗХТ, инв. 4695.
Дата: вторая половина IV в. до н.э.
Библиография: IOSPE, I², 410; Кадеев, 1981. С. 67; Пичикян, 1984. С. 150, 198, 205; Treister, 1988. P. 153.
Табл. 4, 5. Рис. 18-20.

7 (28). Постамент с надписью: Секста Октавия Фронтона, легата и пропретора императора Домициана цезаря бога Августа Германского поставил народ.
Мрамор, в. 0,218, ш.0,73, т.0,61 м.
На верхней поверхности: в правом заднем углу имеются подтесы прямоугольной формы размером 15 x 20 см, гл. 4-6 см, в переднем левом углу - поврежденное выборкой углубление округлой формы дм. ок. 7,5 см, гл. 5 см.
Найден в 1886 г.
Хр. ГИМ, инв. 78607.

Дата: ок. 92 г. (Сарновски); 90-93 гг. н.э. (Антонова, Яйленко)

Библиография: IOSPE, I², 422; Eck, 1983. S. 194, 223, 235; Sarnowski, 1988. P. 138; 156. note 40; Treister, 1988. P. 153-154. Fig. 6d; Зубарь, 1994. С. 30; Антонова, Яйленко, 1995. С. 86; Кадеев, 1996. С. 12, 152. См. о Сексте Октавии Фронтоне также Bounegru, Zahariade, 1996. P. 37.

Табл. 7, 4.

8 (29). Постамент статуи Афины Строительницы работы Поликрата.

Мрамор, в. 0,307, ш. 0,81, т. 0,775 м.

На верхней поверхности имеются углубления: для стопы правой ноги дл. 49 см, ш. 14-20 см, гл. 7 см, и прямоугольной формы: 11,5 х 14,5-15 см, гл. 7 см под пятку левой ноги;

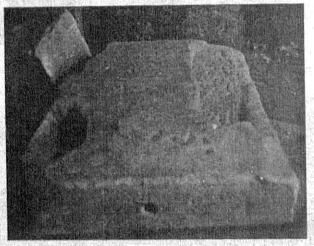


Рис.21.

Постамент статуи Афины Строительницы работы Поликрата. НЗХТ, инв. 8180. Кат. 8(29).

кроме того, рядом с последним углублением имеются сохранившиеся фрагменты еще двух углублений гл. 5,5 и 4 см, по которым прошел скол.

По мнению Э.И.Соломоник, фигура богини превышала по высоте 3 м. Надпись помещена в необычном месте - не на лицевой, а на тыльной стороне. Оба указанных момента позволяют заключить, что памятник был рассчитан на осмотр с большого расстояния, а надпись можно было прочитать лишь подойдя к нему с тыла. Это наводит на мысль, не стоял ли он на обрыве у моря в качестве своеобразного маяка. В.В.Латышев предполагал, что Поликрат, создавший статую Афины, был тем афинским скульптором, о котором упоминал Плиний Старший. Некоторые же видят достаточно оснований считать Поликрата и Кефисодота местными херсонесскими мастерами.

Хр. НЗХТ, инв. 8180.

Дата: IV в. до н.э.

Библиография: IOSPE, I², 406; Пичикян, 1984. С. 198; Соломоник, 1984. С. 10-11; 1988. С. 61-62. Рис. 12; Золотарев, Буйских, 1994. С. 80-81. Рис. 2-3; 95; Zolotarev, Bujskikh, 1995, 127-128, figs. 2-3; 149; Золотарев, 1998. С. 34.

Табл. 4, 2. Рис. 21.

9 (30). Постамент с надписью.

Мрамор, в. 0,26-36 м, ш. 0,83, т. 0,70 м.

На верхней поверхности постамента имеются четыре углубления. На центральной оси ближе к переднему и заднему краю расположены прямоугольное углубление размером 17 х 10 см и трапециевидное - размером 13,5 х 10-14 см. В первом из них имеются остатки свинца. Вдоль правого края постамента имеется прямоугольное углубление 28 х 5 см. Между его задним концом и краем постамента расположено углубление круглой формы дм. 1,5 см.

Хр. НЗХТ, инв. 8181.

Библиография: IOSPE, I², 424A-B; Пичикян, 1984. С. 198, 226; Vinogradov 1997, 569.

Табл. 4, 1. Рис. 22.

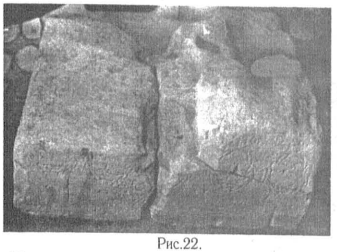


Рис.22.
Постамент с надписью. НЗХТ, инв. 8181. Кат. 9(30).

10 (31). Постамент с нижним и верхним профилированными краями без надписи.
Серый мрамор, в. 0,58, ш. 0,73 х 0,685 м.
На верхней поверхности постамента имеются два углубления: узкое углубление дл. 34 см, ш. 4-7 см, гл. 14 см для стопы правой ноги и трапециевидной формы размерами 7-14 х 6 см, гл. 12 см - под пятку левой ноги.
Происходит из дореволюционных раскопок.
Хр. НЗХТ, северо-восточный район, главная улица, б/N.
Библиография: неопубликован.
Табл. 4, 6.

Боспор

Нимфей

1(32). Постамент с посвящением статуи Митридату VI.
Белый мелкозернистый мрамор, обломан со всех сторон.
На верхней поверхности сохранилась на дл. 0,13 м часть углубления для крепления левой ноги (ш. 0,078, гл. 0,065 м).

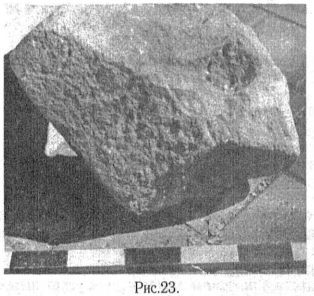


Рис.23.
Постамент с посвящением статуи Митридату VI. КИАМ, КЛ-576. Кат. 1(32).

Найден на территории некрополя при строительных работах в 1975 г.
Хр. КИАМ, КЛ-576.
Дата: ок. 88 г. до н.э.
Библиография: Грач, 1985. С. 339; Виноградов, Молев, Толстиков, 1985. С. 595 сл.; Яйленко, 1985. С. 617-619; Цхалтубо-III. С. 639-640, 658; SEG XXXVII 668; Treister,

1988. P. 153; Bull. Epigr. 1990 589; 1997 426; Молев 1995. С. 46, илл.; Ballesteros Pastor 1995, 111 ff.; Сапрыкин, 1996. С. 149 сл.

Табл. 5, 5. Рис. 23.

Пантикапей

1(33). Часть постамента с посвящением: Твою статую, Антистасий, поставил Феномах Фебу, воздвигнув смертному отцу бессмертный памятник, при Перисаде, правителе всей земли, какая лежит между крайними пределами тавров и границами Кавказской земли.

Серый мрамор, в. 0,32, ш. 0,71, т. 0,42 м (неполн.).

На верхней поверхности имеются два углубления для стоп ног: левой - прямоугольной формы дл. 18, ш. 7-8 см непосредственно у правого края постамента и правой - дл. 34 см, шир. 10-11 см, гл. 6 см, в районе пятки которого имеется подпрямоугольное углубление размером 2,5 х 4 см, гл. 7,5 см от уровня поверхности постамента.

Найден в 1823 г.

Хр. ГЭ, П. 1823.1.

Дата: правление Перисада I.

Библиография: Болтунова, Книпович, 1962. С. 12; Блаватский, 1964. С. 89 сл.; КБН, 113; Кругликова, 1966. 10. Прим. 1; Treister, 1988. P. 153-154. Fig. 5c; Шелов-Коведяев, 1990. С. 172. № 7; 179; Блаватская, 1993. С. 41. Прим. 20; Яйленко, 1995. С. 227. Прим. 42; Vinogradov, 1997. S. 131, Anm. 188.

Табл. 8, 3.

2 (34). Постамент с надписью: Стратокл за отца своего Диностората, отбывшего срок своего жречества, посвятил Аполлону Врачу при Левконе, архонте Боспора и Феодосии, царе синдов, торетов, дандариев, псессов.

Серый мрамор, в. 0,31, ш. 1,02, т. 0,67 м.

На верхней поверхности: углубления для стоп левой и правой ног: левое дл. 26 см, ш. 5-8 см, гл. 6,5 см; правое - дл. 25 см, ш. 4,5-8 см, гл. 7,5 см. В левом ближнем углу постамента имеется подпрямоугольное углубление 2 х 3,5 см, гл. 2,5 см.

Найден до 1825 г.

Хр. ГЭ, ПАН.152.

Дата: правление Левкона I; Левкон (I) Сатиров (I) (Шелов-Коведяев)

Библиография: Болтунова, Книпович, 1962. С. 12; Блаватский, 1964. С. 89 сл.; КБН, 6; Пичикян, 1984. С. 152, 170; Шелов-Коведяев, 1985. С. 62. Прим. 33; 1990. С. 172. № 3; Виноградов, 1987. С. 55. Прим. 2; Яйленко, 1987. С. 25. № 18; 1995. С. 226, 228; Treister, 1988. P. 153-154. Fig. 5a; Васильев, 1992. С. 120. Прим. 24; Блаватская, 1993. С. 36. Прим. 7; Vinogradov, 1997. S. 79, Anm. 42; 118, Anm. 112; 523, 527, Anm. 2.

Табл. 8, 1.

3 (35). Постамент с посвящением Кибеле Леострата за своего брата.

Серый мрамор, в. 0,24, ш.0,98, т.0,48 м.

На верхней поверхности - углубления от ног статуи.

Найден в конце XVIII в. в полу церкви Иоанна Предтечи.

Место хранения неизвестно.

Дата: правление Перисада II.

Библиография: КБН, 23; Шелов-Коведяев, 1990. 173. № 12; Яйленко, 1995. С. 226 сл. Прим. 42; 237; Vinogradov, 1997. S. 527, Anm. 2.

4 (36). Постамент с надписью: Левкон, сын Перисада, отбыв срок своего жречества, посвятил эту статую Аполлону Врачу при Перисаде, сыне Спартока, архонте Боспора и Феодосии, царе синдов, всех маитов и фатеев.

Мрамор (?), размеры неизвестны.

На верхней поверхности в правом и левом заднем углах вырублены углубления.

Найден в 1843 г. на Биржевой площади.

Место хранения неизвестно.

Дата: ок. 240-220 гг. до н.э. (КБН), вскоре после 310 г. до н.э. (В.П.Яйленко); Перисад (II) Спартоков (III)

Библиография: Блаватский, 1964. С. 110; КБН, 25; Кругликова, 1966. 10. Прим. 1; Белова, 1984. С. 80 сл.; 85. Прим. 22; Пичикян, 1984. С. 146, 152, 170, 188; SEG XXXIV 755; Виноградов, 1987. М. С. 65. Прим. 46; Treister, 1988. P. 153; Шелов-Коведяев, 1990.

С. 173. № 12; 174. № 14, 16; Яйленко, 1990. С. 304-305; 1995. С. 226 сл., 228, 235; Васильев, 1992. С. 115, 120. Прим. 24; Алексеева, 1997. С. 61; Vinogradov, 1997. S. 79, Anm. 42, 158, 537, Anm. 46.

5 (37). Постамент с надписью: Императора, цезаря Марка Аврелия Антонина, августа (его статую), своего собственного благодетеля и благодетеля своего царства, я, Тиберий Юлий, царь Савромат, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, поставил в 498 году.

Серый мрамор, в. 1,06, ш. 0,58, т.0,49 м.

На верхней поверхности углубление прямоугольной формы со следом закругления гл. 8 см.

Найден в 1886 г.

Хр. ГЭ. П.1886.16.

Дата: 201 г.н.э.

Библиография: Болтунова, Книпович, 1962. С. 27 сл. Рис. 14; Блаватский, 1964. С. 205; КБН, 52; Кругликова, 1966. С. 15. Прим. 34; 34. Прим. 77; Treister, 1988. P. 153-154. Fig. 5c; Rostowzew, 1993. S. 90. Anm. b.

Табл. 8, 2.

6 (38). Постамент с надписью: В добрый час. Тиберия Юлия Рескупорида (его статую), царя Боспора и окрестных племен, друга римлян и друга эллинов, совет и народ амастрийцев своего благодетеля (поставил) попечением Педания, сына Феофраста, 517 года Гиперберетея, 20-го числа, через послов Аврелиев - Элия Элиана, Дионисия, он же Маммар, и Хреста, сына Хреста. Надпись на постаменте статуи, поставленной по постановлению совета и народа г.Амастрии, в честь Рескупорида III.

Мрамор, в. 1,25, ш. 0,49, т. 0,56 м.

На верхней поверхности имеются овальные углубления для стоп левой и правой ног: левое дл. 19 см, ш. 5 см, гл. 7 см, правое - дл. 21 см, ш. 5 см, гл. 7 см.

Найден вместе с N 5 (37).

Хр. ГЭ. П.1887.1.

Дата: 221 г.н.э.

Библиография: Болтунова, Книпович, 1962. С. 28; Блаватский, 1964. С. 138, 204 сл.; КБН, 54; Кругликова, 1966. 10. Прим. 10; 11. Прим. 14; 16. Прим. 39, 42; 34. Прим. 78; Treister, 1988. P. 153-154. Fig. 5d; Масленников, 1990. С. 108; Фролова, 1997. Ч. II. С. 3. Прим. 2; С. 9. Прим. 15.

Табл. 8, 4.

7 (39). Постамент с посвящением статуи Рескупорида V.

Белый мрамор, в.1,00, ш.0,65, т.0,55 м.

На верхней поверхности углубления для ступней ног статуи.

Точное место и время находки неизвестны.

Разбит во время Великой Отечественной войны.

Дата: ок. 250 г.н.э.

Библиография: КБН, 60; Кругликова, 1966. С. 34. Прим. 78; Treister, 1988. P. 153-154.

8 (40). Профилированный с лицевой стороны постамент с надписью: посвятительный дар Фениппа за своего брата при Перисаде, архонте Феодосии и царе синдов, маитов (?) и фатеев.

Белый мрамор, в. 0,32, ш. 0,99, т.0,74 м.

На верхней поверхности четыре углубления: 1 - для пятки правой ноги почти округлой формы 17 х 19 см по верху с меньшим овальным углублением гл. 9 см в центре; 2 - для ступни левой ноги дл. 24 см, ш. 6 см, гл. 6 см; 3 - неправильной формы прямоугольное с выступом ок. 5,5 х 5 см, гл. 4-7 см; 4 - прямоугольное углубление 8 х 4,5 см.

Найден ок. 1850 г.

Хр. КИАМ, КЛ-745.

Дата: период совместного правления Спартока II и Перисада I или правление Перисада I.

Библиография: Болтунова, Книпович, 1962. С. 12; КБН, 9; Виноградов, 1987. С. 55. Прим. 2; Шелов-Коведяев, 1990. С. 172. № 7; 179; Яйленко, 1990. С. 290-291, 296, 300; 1995. С. 226 сл.; 237; Vinogradov, 1997. S. 158, 527, Anm. 2.

Табл. 5, 2. Рис. 24.

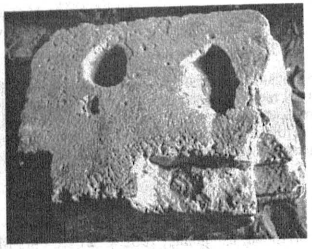


Рис.24.
Постамент с посвящением Фениппа. КИАМ, КЛ-745. Кат. 8(40).

9 (41). Постамент с надписью: Сатирион, сын Патека, отбыв срок своего жречества, посвятил Аполлону Врачу при Перисаде - архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех маитов.

Серый мрамор, в. 0,34, ш. 0,81, т. 0,75 м.

На верхней поверхности углубления для ступней ног статуи дл. 26 см, гл. 5 см; справа от углубления для правой ступни - след прямоугольной протески.

Найден в 1864 г. при раскопках А.Е.Люценко на г.Митридат.

Хр. КИАМ, КЛ-748.

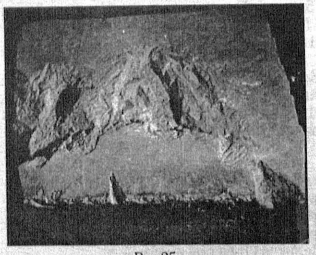


Рис.25.
Постамент с посвящением Сатириона Аполлону Врачу. КИАМ, КЛ-748. Кат. 9(41).

Дата: IV в. до н.э., вероятно правление Перисада I.

Библиография: Болтунова, Книпович, 1962. С. 12; КБН, 10; Пичикян, 1984. С. 152, 170; Шелов-Коведяев, 1990. С. 172. № 7; Яйленко, 1990. С. 292 сл.; 1995. С. 226, 228; Васильев, 1992. С. 120. Прим. 24; Vinogradov, 1997. S. 79, Anm. 42.

Табл. 6, 2. Рис. 25.

10 (42). Постамент с надписью: В добрый час. Происходящего от предков-царей, великого царя Тиберия Юлия Рескупорида (его статую), друга цезаря и друга римлян благочестивого Юлий Телесин из храмоблистательной Гераклеи на Понте (поставил) своего благодетеля в 547 году в месяце Горпиее.

Серый мрамор, в. 1,40, ш. 0,90, т. 0,60 м. Венчающая часть и основание профилированы.

На верхней поверхности имеются углубления: примыкающее носком к переднему краю углубление для ступни правой ноги дл. 36 см с выборкой на месте пятки 7 х 6 см, гл. 4 см; углубление для ступни левой ноги сохранилось частично; перед ним имеется круглое уг-

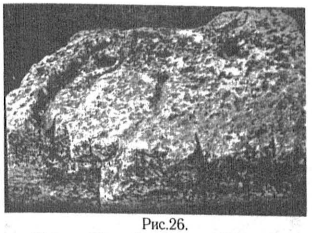


Рис.26.
Постамент статуи Тиберия Юлия Рескупорида. КИАМ, КЛ-616. Кат. 10(42).

лубление дм. 3 см; между углублениями для ступней ног - ряд из трех небольших круглых углублений (два крайних с примыкающими канавками)

Найден в 1850 г. К.Р.Бегичевым возле Таманской пристани в Керчи.

Хр. КИАМ, КЛ-616.

Дата: 250 г.н.э.

Библиография: Болтунова, Книпович, 1962. С. 28; Блаватский, 1964. С. 138, 204 сл.; КБН, 59; Кругликова, 1966. С. 16. Прим. 39; 34. Прим. 78; Масленников, 1990. С. 108.

Табл. 6, 4. Рис. 26.

11 (43). Постамент с надписью: Великого царя Аспурга (его статую), друга римлян, происходящего от царя Асандроха, друга цезаря и друга римлян, царствующего над всем Боспором, Феодосией, синдами, маитами, тарпитами, торетами, псесами и танаитами, подчинившего скифов и тавров, Менестрат, сын Менестрата, начальник острова, (поставил) своего спасителя и благодетеля.

Белый мрамор, в. 0,26, ш. 0,65, дл. 1,17 м. Верхняя часть профилирована.

На верхней поверхности углубления: для ступни левой ноги дл. 22 см, ш. 8 см, гл. 5,5 см; справа - разметка в виде прочерченных линий и мелких углублений; круглое отверстие для пятки правой ноги дм. 8,8 см, гл. 4,5 см; поверхности сзади пятки левой ноги на уровне между ног обработана анаферозисом.

Найден в 1865 г. на северном склоне г.Митридат в юго-западной части Старого кладбища.

Хр. КИАМ, КЛ-744.

Дата: правление Аспурга.

Библиография: Блаватский, 1964. С. 146 сл.; КБН, 40; Кругликова, 1966. 10. Прим. 6; Сапрыкин 1985. С. 66; 1995. С. 194, 196, Масленников, 1990. С. 104; Rostowzew, 1993. S. 130; Виноградов, 1994. С. 152 сл.; Vinogradov, 1997. S. 119, Anm. 116; Фролова, 1997. 92, Прим. 194.

Табл. 6, 1.

12 (44). Фрагментированный постамент без надписи.

Белый мрамор, в. 0,26, ш. 0,66, т. 0,51 м (неполн.). Профилирован в нижней части.

На верхней поверхности овальное углубление для ступни (?) или пятки статуи 17 х 13 см с небольшим прямоугольным углублением внутри
3 х 5 см.

Происходит из находок Гросса (?).

Хр. КИАМ, КЛ-б/N.

Дата неизвестна.

Библиография: неопубликован.

Табл. 5, 3-4.

Фанагория

1 (45). Постамент с надписью: Феофил, сын Санха, отбыв жречество, посвятил Аполлону Врачу при архонте и царе Спартоке, сыне Эвмела.

Серый мрамор, в.0,35, ш.0,81, т.0,80 м.

На верхней поверхности: отдельные округлые и овальные углубления для пяток и носков обеих ступней; общая дл. углублений для правой ступни - 24 см, левой - 28 см.

Найден в 1866 г. у хут. Семеняки.

Хр. КИАМ, КЛ-750.

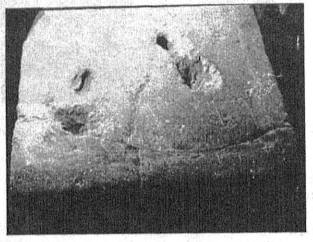


Рис.27.
Постамент с посвящением Феофила Аполлону Врачу. КИАМ, КЛ-750. Кат. 1(45).

Дата: правление Спартока III; Спарток (III) Эвмелов (Шелов-Коведяев)

Библиография: КБН, 974; Белова, 1984. С. 81; Пичикян, 1984. С. 152; Treister, 1988. P. 153-154; Шелов-Коведяев, 1990. С. 173. № 12; Яйленко, 1995. С. 226, 228 сл. ; Vinogradov, 1997. S. 79, Anm. 42.

Табл. 5, 1. Рис. 27.

2 (46). Постамент с посвятительной надписью статуи Савромата I или Котиса II, поставленный гражданами Агриппии.

Серый мрамор, в.0,40, ш.0,33, т.0,41 м.

На верхней поверхности углубления: круглое и квадратное.

Найден в 1883 г.

Хр. Херсонский исторический музей.

Дата: первая половина II в.н.э.

Библиография: КБН, 983; Treister, 1988. P. 153-154; Rostowzew, 1993. S. 103, 106. Anm. s.

Гермонасса

1 (47). Постамент с надписью: посвящение Демофонта, сына Эргина, за свою жену Акию Аполлону Врачу при Левконе, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, торетов, дандариев и псессов.

Сланец, в. 0,33, ш. 0,63, т. 0,81 м.

На верхней поверхности: овальное углубление для ступни левой ноги дл. 23 см, гл. 5 см с углублением для штыря в районе пятки ступни 1,5 х 4 см; остатки углубления для ступни правой ноги дл. 17 см, гл. 6 см.

Найден в 1926 г. в районе бывшей турецкой крепости (по Коровиной: "в 1928 г. у раскопа Пуленцова").

Хр. КИАМ, КЛ-707.

Дата: правление Левкона I, возможно конец [Яйленко, 1990. С. 295]; Левкон (I) Сатиров (I) (Шелов-Коведяев)

Библиография: КБН, 1037; Пичикян, 1984. С. 152; Виноградов, 1987. С. 55. Прим. 2; Яйленко, 1987. С. 25. № 18; 1995. С. 226 сл., 234; Treister, 1988. P. 153-154; Шелов-Коведяев, 1990. С. 172. № 3; Коровина 1992. С. 40. № 7; Блаватская, 1993. С. 34. Прим. 2; 35. Прим. 3; 36. Прим. 7; Vinogradov, 1997. S. 79, Anm. 42; 527, Anm. 2.

Табл. 6, 3. Рис. 28.

2 (48). Постамент с надписью: Акия, дочь Перисада, посвятила Афродите.

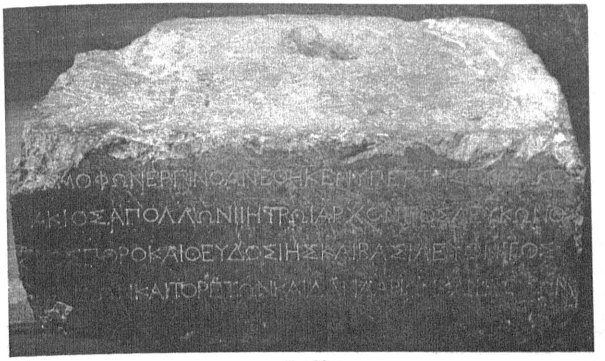


Рис.28.
Постамент с посвящением Демофонта за свою жену Акию Аполлону Врачу. КИАМ, КЛ-707. Кат. I(47).

Мрамор, в. 0,58, ш. 0,35, т. 0,09-0,11 м.
На верхней поверхности имеются углубления для статуи.
Найден в 1905 г.
Место хранения неизвестно.
Дата: IV в.до н.э.; 349-310 гг. до н.э. (Коровина); Перисад (I) Левконов (I) (Шелов-Коведяев)
Библиография: КБН, 1041; Treister, 1988. P. 153-154; Шелов-Коведяев, 1990. С. 172 сл., № 7, 176, № 25; Коровина 1992. С. 39. № 1; Яйленко, 1995. С. 226 сл., 228 сл., 237, 242.

Горгиппия

1 (49). Часть постамента с посвящением главного наместника царской резиденции (?).
Белый мрамор, стесан справа и слева: в. 0,35, ш.0,54, т. 0,25 м.
На верхней поверхности имеются углубления для установки статуи.
Найден в 1947 г. в кладке фундамента гостиницы.
Хр. Анапский Музей.
Дата: первая половина III в.н.э.
Библиография: КБН, 1120; Кругликова, 1966. С. 16. Прим. 42; 38. Прим. 100; Treister, 1988. P. 153-154; Алексеева, 1997. С. 61, 72.

ТАБЛИЦЫ.

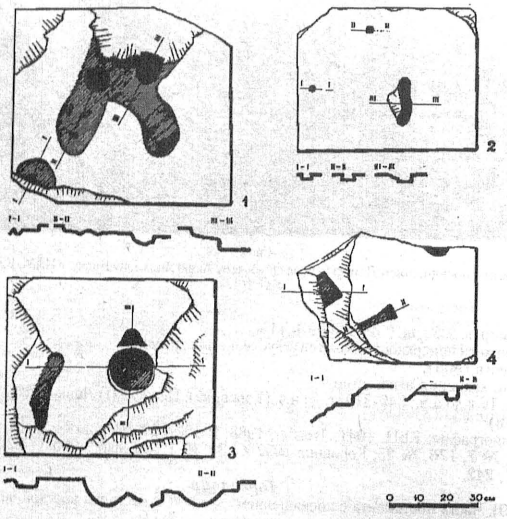


Табл.1.

Базы статуй с о. Левка, из Неаполя Скифского, Ольвии и Тиры.
1 - кат. 2(2); 2- кат.2 (18); 3- кат.3(6); 4 - кат.1(3).

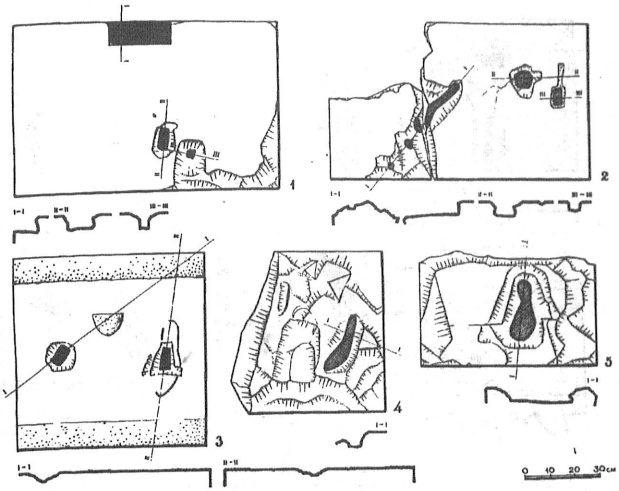


Табл.2.
Базы статуй из Ольвии.
1 - кат. 4(7); кат. 6(10); 3 - кат.5(9); 4 -кат.4а(8); 5 - кат.1(4).

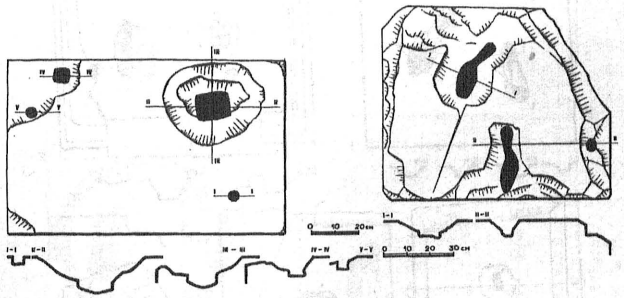


Табл.3.
Базы статуй из Херсонеса и Ольвии. 1 - кат. 1(22); кат. 2(5).

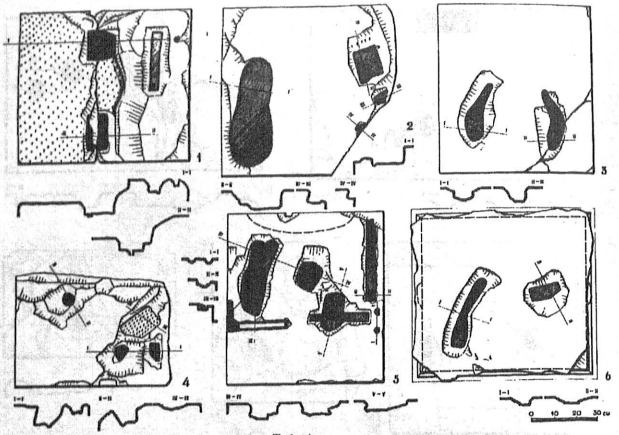


Табл.4.
Базы статуй из Херсонеса.
1 - кат. 9(30); 2 - кат. 8(29); 3 - кат. 3(24); 4 - кат. 4(25); 5 - кат. 6(27); 6 - кат. 10(31).

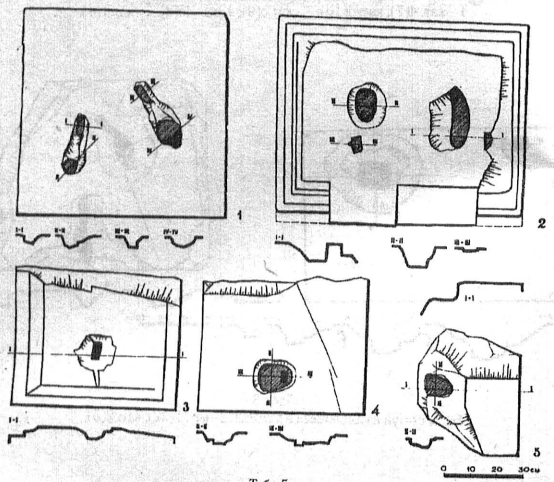


Табл.5.
Базы статуй из Фанагории, Пантикапея и Нимфея.
1 - кат. 1(45); 2 - кат. 8(40); 3, 4 - кат. 12(44); 5 - 1(32).

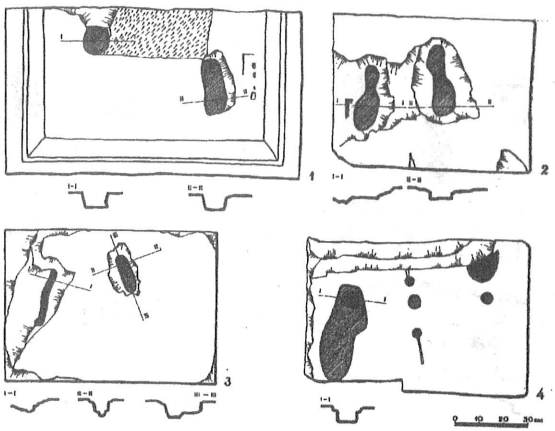


Табл.6.
Базы статуй из Пантикапея и Гермонассы.
1 - кат. 11(43); 2 - кат. 9(41); 3 - кат. 1(47); 4 - кат. 10(42).

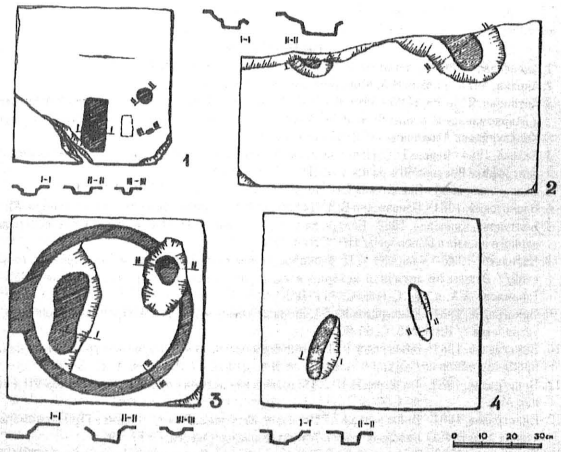


Табл.7.
Базы статуй из Неаполя Скифского и Херсонеса.
1 - кат. 5(21); 2 - кат. 2(23); 3 - кат. 5(26); 4 - кат. 7(28).

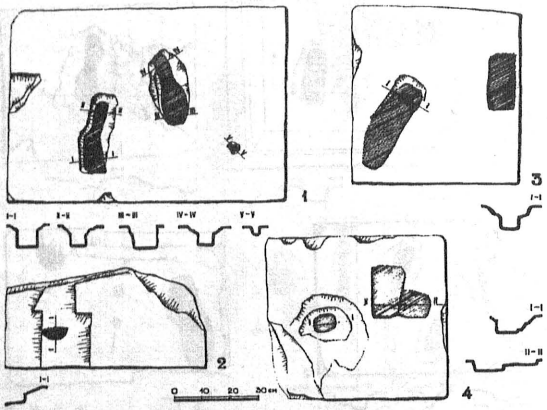


Табл.8.
Базы статуй из Пантикапея. 1 - кат. 2(34); 2 - кат. 1(33); 3 - кат. 5(37); 4 - кат. 6(38).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алексеева, 1997 - Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М.
2. Анохин, 1977 - Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев.
3. Антонова, Яйленко, 1995 - Антонова И.А., Яйленко В.П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным херсонесского декрета 174 г.н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида // ВДИ. № 4. С. 58-86.
4. Белова, 1984 - Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в.до н.э. //ВДИ. № 2. С. 78-86.
5. Блаватская, 1993 - Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I // РА. № 2. С. 34-47.
6. Блаватский, 1964 - Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.
7. Болтунова, Книпович, 1962 - Болтунова А.И., Книпович И.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. Т. III. С. 3-31.
8. Васильев, 1992 - Васильев А.Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства// Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья /Под ред. Гаврилова А.А. и др., С-Пб., С. 111-128.
9. Виноградов, 1981 - Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н.э. Проблема политического устройства // ВДИ. N 3. С. 65-90.
10. Виноградов, 1987 - Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. № 1. С. 55-87.
11. Виноградов, 1989 - Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. М.
12. Виноградов, 1991 - Виноградов Ю.Г Полемон, Херсонес, Рим // Древнее Причерноморье. II чтения памяти П.О.Карышковского. Тезисы докладов. Одесса. С. 17-19.
13. Виноградов, 1993 - Виноградов Ю.Г. Дорийские филы в Херсонесе Таврическом // ВДИ. № 4. С. 61-66.
14. Виноградов, 1994 - Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в.н.э.// ВДИ. № 2. С. 151-170.

15. Виноградов, 1997 - Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о "несении Диониса" IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. № 3. С. 104-124.
16. Виноградов, Карышковский, 1982 - Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О. Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н.э. // ВДИ. N 4. С. 26-46.
17. Виноградов, Молев, Толстиков - 1985. Виноградов Ю.Г., Молев Е.А., Толстиков В.П. Новые эпиграфические источники по истории митридатовой эпохи // Цхалтубо-III. С. 589-600.
18. Виноградов, Щеглов, 1990 - Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального херсонесского государства// Эллинизм: экономика, политика, культура. М. С. 310-371.
19. Грач, 1985 - Грач Н.Л. Нимфей в конце IV-I вв. до н.э. (особенности развития)// Цхалтубо-III. С. 333-340.
20. Дашевская, 1960. - Дашевская О.Д. Четвертая надпись Посидея из Неаполя Скифского // СА. N 1. С. 261-265.
21. Долгоруков, 1986 - Долгоруков В.С. Литейная форма из Фанагории// Проблемы античной культуры /Г.А.Кошеленко (ред.) . М. С. 145-149.
22. Зайцев, 1997 - Зайцев Ю.П. Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. № 3. С. 36-50.
23. Зайцев, Пуздровский, 1994 - Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. Неаполь Скифский в эпоху диофантовых войн //Северо-Западный Крым в античную эпоху /Под ред. Кутайсова В.А. Киев. С. 217-237.
24. Золотарев, 1998 - Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом// ХСб. Вып. 9. С. 26-35.
25. Золотарев, Буйских 1994 - Золотарев М.И., Буйских А.В. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. № 3. С. 78-101.
26. Кадеев, 1981 - Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков.
27. Кадеев, 1996 - Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I-III вв. н.э.). Харьков.
28. Карышковский, 1993 - Карышковский П.О. Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // ВДИ. № 1. С. 73-96.
29. Книпович, 1966 - Книпович Т.Н. Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии // НЭ. T.VI. С. 3-30.
30. Коровина, 1992 - Коровина А.К. История исследования Таманского городища // Археология и искусство Боспора (Сообщения ГМИИ им. А.С.Пушкина, 10). М. С. 7-40.
31. Крапівіна, 1988. Крапівіна В.В. До політичної історії Ольвії середини I ст.до н.е. // Археологія. Вып. 63. С. 12-19.
32. Крапивина, 1993. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв.н.э. Киев.
33. Кругликова, 1966 - Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М.
34. Крыжицкий и др., 1978 - Крыжицкий С.Д. и др. Раскопки центральной возвышенности и северо-западного района верхнего города Ольвии // АО-1977. М.
35. Крыжицкий и др., 1979 - Крыжицкий С.Д. и др. Основные объекты работ Ольвийской экспедиции // АО-1978. М.
36. Леви, 1965 - Леви Е.И. Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу // ВДИ. N 2. С. 86-95.
37. Леви, 1967 - Леви Е.И. Раскопки ольвийской агоры и теменоса // Античное общество. М. С. 162-167.
38. Леви, 1985 - Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.
39. Масленников, 1990 - Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.
40. Молев 1995 - Молев Е.А. Властитель Понта. Нижний Новгород.
41. Пичикян, 1984. Пичикян И.Р. Малая Азия - Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М.
42. Русяева, 1979 - Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии. Киев.
43. Русяева, 1986 - Русяева А.С. О культурной жизни Ольвии послескифского времени // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев. С. 3-25.
44. Русяева, 1992 - Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев.
45. Русяева, 1994 - Русяева А.С. Ольвийська демократія // Археологія. № 2. С. 44-57.
46. Русяева, Крапівіна, 1992 - Русяева А.С., Крапівіна В.В. До історії Ольвії IV-I ст.до н.е. // АрхеологІя. N 4. С. 17-34.
47. Сапрыкин, 1985 - Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. № 2. С. 65-78.
48. Сапрыкин, 1995 - Сапрыкин С.Ю. Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) Женщина в античном мире. М. С. 181-203.

49. Сапрыкин, 1996 - Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М.
50. Секерская, 1989 - Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI-IV вв.до н.э. Киев.
51. Соломоник, 1962 - Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. Т.III. С.32-44.
52. Соломоник, 1984 - Соломоник Э.И. О культе Афины в Херсонесе в IV-III вв.до н.э. // Античная и средневековая идеология. Свердловск. С. 7-14.
53. Соломоник, 1988 - Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. Киев.
54. Фролова, 1997 - Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. М.
55. Шелов-Коведяев, 1985 - Шелов-Коведяев, Ф.В. Новые боспорские декреты // ВДИ. № 1. С. 57-72.
56. Шелов-Коведяев, 1990 - Шелов-Коведяев, Ф.В. Замечания о динамике титулатуры Спартокидов // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. Одесса. С. 168-183.
57. фон Штерн б.г. - фон Штерн Э. Несколько античных бронз из коллекции Одесскаго музея. С. 1-24.
58. Яйленко, 1985. Яйленко В.П. Новые эпиграфические данные о Митридате Евпаторе и Фарнаке // Цхалтубо-III. С. 617-627.
59. Яйленко, 1987. Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.
60. Яйленко, 1990. Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. С. 249-309.
61. Яйленко, 1995 - Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. С. 204-272.
62. Alexandrescu Vianu,1990 - Alexandrescu Vianu M. Die Steinskulptur von Histria // Histria. Eine Griechenstadt an der rumanischen Schwarzmeerkuste (Xenia. Konstanzer althistorische Vortrage und Forschungen, 25). S. 179-205.
63. Ballesteros Pastor, 1995 - L. Ballesteros Pastor, Notas sobre una inscripcion de Nimfeo en honor de Mitridates Eupator, reu del Ponto // DHA. T. 21. P. 111-117.
64. Blinkenberg, 1941 - Blinkenberg C. Lindos. Fouilles de l'Acropole 1902-1914. V. II.Inscriptions. Berlin-Copenhague.
65. Blome, 1995 - Blome P. Die Bronzestatue eines hellenistischen Herrschers aus der Sammlung Ludwig // J.Jacobs, M.Scheps, F.G.Zehnder (hrsg.) In Medias Res. Festschrift zum siebzigsten Geburtstag von Peter Ludwig. Kuln. S. 313-329.
66. Boffo, 1989 - Boffo L. Grecita di frontera: Chersonasos Taurica e i signori del Ponto Eusino (SIG³ 709) // Athenaeum. V. 67. P. 211-259; 369-405.
67. Bol, 1978 - Bol P. Grossplastik aus Bronze in Olympia (OlForsch, IX). Berlin.
68. von Bothmer, 1951 - von Bothmer D. „Enkaustes Agalmaton" // BMMA. V. IX.6.. P. 156-161.
69. Boube-Piccot, 1969 - Boube-Piccot C. Les bronzes antiques du Maroc. I. La statuaire Rabat.
70. Bounegrou, Zahariade, 1996 - Bounegru O., Zahariade M. Les forces navales du Bas Danube et de la Mer Noire aux Ier-VIe siecles (Colloquia Pontica 2). Oxford.
71. Bourguet, 1929 - Bourguet E. Inscriptions de l'entree du sanctuaire au tresor des Atheniens (FdD III, 1). Paris.
72. Brommer, 1978 - Brommer F. Hephaistos. Der Schmidedgott in der antiken Kunst Mainz.
73. Calder III, 1971. Calder III W.M.Stratonides Athenaios // AJA. V. 75. P.325-329.
74. Carruba, 1983 - Carruba A.M. Der Ephebe von Selinunt. Untersuchungen und Betrachtungen anläblich seiner letzen Restaurierung // Boreas. Bd. 6. S. 44-60.
75. Cat.Berlin, 1992 - Die Antikensammlung im Pergamonmuseum und in Charlottenburg. Staatliche Museen zu Berlin - Preubischer Kulturbesitz. Mainz.
76. Cat.Bonn, 1989 - Himmelmann N. Herrscher und Athlet. Die Bronzen vom Quirinal Milano.
77. Cat.Cambridge, 1996 - C.Mattusch (ed.) The Fire of Hephaistos. Large Classical Bronzes from North American Collections. Cambridge, Mass.
78. Cat. New York, 1990 - D.von Bothmer (ed.) Glories of the Past. Ancient Art from the Shelby White and Leon Levy Collection. New York.
79. CVA British Museum, fasc. 5 H.B.Walters, E.J.Forsdyke, CVA, Great Britain fasc. 7. British Museum, fasc. 5. London, 1930.
80. CVA Bonn 1. Greifenhagen A. CVA Deutschland. Bd. 1 Bonn. Bd. 1. Mьnchen, 1938.
81. Coulton et al., 1989 - Coulton J.J., Milner N.P., Reyes A.T. Balboura Survey: Onesimos and Meleager. Pt. II // AnatSt. V. 39. P. 41-62.
82. Cristofani, 1985 - Cristofani M. Bronzi degli Etruschi. Novara.

83. Degrassi, 1981 - Degrassi N. Lo Zeus stilita di Ugento (Archaeologica, 25). Roma.
84. Dittenberger, Purgold, 1896. Dittenberger W., Purgold K. Die Inschriften von Olympia. Berlin.
85. Ducrey et al., 1993 - Ducrey P., Metzger I.R., Reber K. Le quartier de la Maison aux mosaiques (Eretria. Fouilles et recherches, VIII). Lausanne.
86. Dunant, Thomopoulos, 1954 - Dunant Chr., Thomopoulos J. Inscriptions de Ceos // BCH. T.78. P. 316-348.
87. Eck, 1983 - Eck W. Jahres-und Provinzialfasten der senatorischen Stadthalter von 69/70 bis 138/139 // Chiron. Bd. 13. S. 147-237.
88. Eckstein, 1969 - Eckstein F. ANAΘHMATA.Berlin.
89. FdD IV.5. Chamoux F. L'Aurige. Paris, 1955.
90. Fränkel, 1890 - Fränkel M. Die Inschriften von Pergamon (Die Altertümern von Pergamon VIII, 1). Berlin.
91. von Gaertringen, 1906 - von Gaertringen H. Inschriften von Priene. Berlin.
92. Haynes, 1985 - Haynes S. Etruscan Bronzes. London.
93. Inan, 1993 - Inan J. Neue Forschungen zum Sebasteion von Boubon und seinen Statuen // J.Borchhardt, G.Dobesch (hrsg.) Akten des II.Internationalen Lykien-Symposions, Wien, 6.-12.Mai 1990. Bd. I. Wien. S. 213-239.
94. Intzesiloglou, 1996 - Intzesiloglou C. A Newly discovered Archaic Bronze Cult Statue from the Ancient City of Metropolis in Thessaly (Greece) // 13th International Bronze Congress, 28 May-1 June 1996. Harvard University Art Museums, Cambridge, Mass. Abstracts of Papers. Cambridge. P. 32.
95. Jacob-Felsch, 1969 - Jacob-Felsch M. Die Entwicklung griechischer Statuenbasen und die Aufstellung der Statuen. Waldassen.
96. Hallet, 1995 - Hallet C.H. *Kopienkritik* and the Works of Polykleitos // Polykleitos. P. 121-160.
97. Hampe, 1941 - Hampe R. Der Wagenlenker von Delphi (Denkmäler griechischen und römischen Skulptur). München.
98. Hauser, 1909 - Hauser F. Gott, Heros und Pankratiast von Polyklet // OJh. Jg. 12. S. 100-117.
99. Hoghammar, 1993 - Hoghammar K. Sculpture and Society (Boreas, 23). Uppsala.
100. Houser, 1983 - Houser C. Greek Monumental Bronze Sculpture. London.
101. Hurwit, 1995 - Hurwit J.M. The Doryphoros: Looking Backward // Polykleitos. P. 3-18.
102. Kissas, 1986 - Kissas K. Die statuarischen Basen der archaischen Zeit in Attika. Diss. Universität Salzburg. Salzburg.
103. Latyschev, 1885 - Latyschev B. La Constitution de Chersonesos en Tauride d'apres des documents epigraphiques // BCH, T.9. P.256-300.
104. Loewy, 1885 - Loewy E. Inschriften griechischer Bildhauer. Leipzig.
105. Manzelli, 1994 - Manzelli V. La polichromia nella statuaria greca arcaica (Studia archaeologica, 69). Roma.
106. Marcade, 1953 - Marcade J. Recueil des signatures de sculpteurs grecs. T.I. Paris.
107. Mattusch, 1988 - Mattusch C.C. Greek Bronze Statuary. From the beginning through the Fifth Century BC. Ithaca and London.
108. Minns, 1913 - Minns, E. Scythians and Greeks. Cambridge.
109. Moreno, 1994 - P.Moreno, Scultura ellenistica. Roma.
110. Oxford Classical Art, 1993: J.Boardman (ed.) The Oxford History of Classical Art. Oxford.
111. Polykleitos, 1995 - W.G.Moon (ed.) Polykleitos, the Doryphoros, and Tradition. Madison.
112. Richter, 1959 - Richter G.M.A. A Handbook of Greek Art. London.
113. Ridgway, 1967 - Ridgway B.S.The Bronze Apollo from Piombino in the Louvre // Antike Plastik. Bd. VII. P. 43-75.
114. Ridgway, 1995 - B.S.Ridgway. *Paene ad exemplum:* Polykleitos' Other Works // Polykleitos P. 177-199.
115. Rostowzew, 1993 - Rostowzew M. Skythien und der Bosporus, Bd. II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. Hrsg. von H.Heinen. Stuttgart.
116. Sarnowski, 1988 - Sarnowski T. Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na polnocnym wybrzezu Morza Czarnego (Novaensia, 3). Warszawa.
117. Schefold, 1937 - Schefold K. Statuen auf Vasenbildern // JdI. Bd. 52. S. 30-75.
118. Schefold, 1981 - Schefold K. Die Göttersage in der klassischen und hellenistischen Kunst. München.
119. Siedentopf, 1968 - Siedentopf H.B. Das hellenistische Reiterdenkmal. Tübingen.
120. Süldner, 1994 - Soldner M. Der sogenannte Agon // G.Hellenkemper Salies, H.-H. von Prittwitz und Gaffron, G.Bauchhenb (hrsg.) Das Wrack. Der antike Schiffsfund von Mahdia.

Köln. S. 399-429.
121. Stewart, 1990 - Stewart A. Greek Sculpture. An Exploration. New Haven & London.
122. Szirmai, 1988 - Szirmai K. Monumental Bronze Fragments from Aquincum // Akten Wien. S. 144-147.
123. Tobin, 1995 - Tobin R. The Pose of the Doryphoros // Polykleitos. P. 52-64.
124. Treister, 1988 - Treister M.Yu. Bronze Statuary in the Antique Towns of North Pontic Area // Akten Wien. P. 152-157.
125. Treister (in press) - Treister M. Large Scale Bronzes and their Installation in North Pontic Area // C.Mattusch (ed.) Acts of the 13th International Bronze Congress, Journal of Roman Archaeology, Suppl. Series.
126. Trendall, 1967 - Trendall A.D. The Red-Figured Vases of Lucania, Campania and Sicily. Oxford.
127. Trendall, Cambitoglou, 1978 - Trendall A.D., Cambitoglou A. The Red-Figured Vases of Apulia. V.1. Early and Middle Apulian. Oxford.
128. Vinogradov, 1994a - Vinogradov Yu. G. Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985-1990) //ACSS. V. I. No. 1. P. 63-74.
129. Vinogradov, 1994b - Vinogradov Ju. Grenzfrage in Chersonesos Taurica am Ausgang des 4.Jahrhunderts v. Chr. auf epigraphischer Grundlage // Stuttgarter Kolloquium zur historischen Geographie des Altertums 4 (Geographica Historica 7). Amsterdam. S. 363-374.
130. Vinogradov, 1997 - Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz.
131. Vinogradov, Kryzickij, 1995 - Vinogradov Ju.G., Kryzickij S.D. Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordwestlichen Schwarzmeerraum. Leiden.
132. Weidemann, 1983 - Weidemann K. Könige aus dem Yemen. Zwei spätantike Bronzestatuen. Mainz. 1983.
133. Willer, 1996 - Willer F. Beobachtungen zur Sockelung von bronzenen Statuen und Statuetten // BJb. Jg. 196. S. 337-370.
134. Wohlmayr, 1988 - Wohlmayr W. 'Bronzejüngling' von Agde // Akten Wien. S. 94-99.
135. Zanker, 1974 - Zanker P. Klassizistische Statuen.Studien zur Veränderung des Kunstgeschmacks in der römischen Kaiserzeit. Mainz.
136. Zolotarev, Bujskikh, 1995 - Zolotarev M.I., Bujskikh A.V. The Temenos of Ancient Chersonesos: An Attempt of an Architectural Reconstruction // ACSS. V. 2. No. 2. P. 125-156.

В.Б.Уженцев

РЕДКИЙ ТИП КРАСНОЛАКОВЫХ КУБКОВ ИЗ КАЛОС ЛИМЕНА

Черноморское позднескифское городище, возникшее на месте херсонесского городка Калос Лимен, существовало с небольшими промежутками со второй половины II в. до н.э. по первую половину II в. н.э. Этот населенный пункт сохранял за собой, по всей видимости, первоначальное греческое название вплоть до своей окончательной гибели во II в.н.э. Во всяком случае, позднеантичные авторы упоминают его как "скифскую гавань" или "гавань в скифской земле" [Pomp. Mela, II, 3; Arr., PPEux, 19 - 20; Ps. Arr., PPEux, 57; Ptol., III, 5, 1]. Особого расцвета городище, являвшееся по сути одним из основных центров, через которые осуществлялся ввоз товаров в позднескифскую державу, достигло в I в. н.э. При исследовании культурных отложений этого времени обнаружено огромное количество разнообразного археологического материала, среди которого превалировала импортная керамика. Среди привозной столовой посуды значительное место занимали краснолаковые изделия. Из последних можно выделить целый ряд форм, крайне редко встречаемых на территории памятников Северного Причерноморья. Публикации одного из таких редких типов сосудов с краснолаковым покрытием и посвящена настоящая работа.

Рассматриваемый тип закрытых сосудов можно отнести, скорее всего, к "канфарам" или канфаровидным кубкам вытянутых пропорций. Их обломки, по которым удалось восстановить форму изделий, встречены на локальном участке памятника - на полах построек и в засыпи хозяйственных ям на территории "цитадели" в юго-западной части городища. Венцы "канфаров", как правило, прямые, скошенные под острым углом с внутренней стороны. Диаметр их достигал 11,0 - 13,0 см. Снаружи, непосредственно под краем, располагались одна, реже две горизонтальных врезных линии (рис.1, 2). Корпус указанного типа кубков биконический. Соотношение верхней и нижней частей, отделенных друг от друга четко выделенным ребром, близко к 2 : 1 (рис.1, 2). Максимальный диаметр тулова, проходящий по ребру, - около 12,0 - 13,0 см. Дно - на невысоком кольцевом поддоне. У имеющихся в нашем распоряжении образцов диаметр в среднем 6,8 см. Реконструируемая высота изделий не превышает 14,0 см. Сосуды данного типа имели две вертикальных петлевидных ручки. Верхние прилепы ручек крепились чуть ниже врезных линий под венцом, нижние - немного выше ребра на корпусе. В сечении ручки близки к кругу, с уплощенной стороной, обращенной к сосуду.

На одном уровне с верхними прилепами ручек, точно посередине между ними, находились вертикальные налепы, всегда одинаковые по исполнению (рис.1, 2). Одной из характерных особенностей рассматриваемого

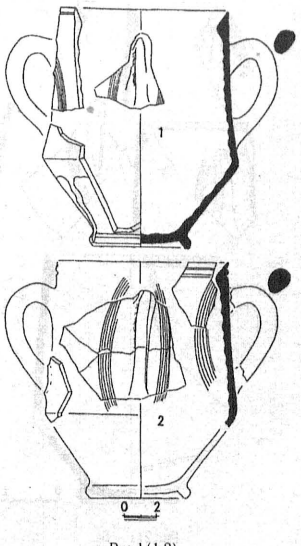


Рис.1 (1,2).
Краснолаковые "канфаровидные" кубки I в. н.э. из раскопок Калос Лимена.

типа "канфаровидных" кубков (не прослеженной на других изделиях) является орнамент, нанесенный шестизубчатой гребенкой по сырой глине. Он располагался только в верхней части сосудов и представлял собой полуокружности, охватывающие с двух сторон как ручки, так и налепы (рис. 1, 2). Его верхняя гра-

ница ни в одном из случаев не переходила врезную линию под венцом, а нижняя - ребро на корпусе.

Глина, из которой изготовлены данные сосуды - плотная, хорошо отмученная. Черепок в изломе светло-оранжевый. Состав примесей в тесте минимальный - крайне мелкие включения слюды, изредка песок и толченая ракушка. Лаковое покрытие "канфаров" невысокого качества. Цвет лака варьирует от светло-красного, без блеска, до бурого, иногда с металлическим блеском. Лак покрывает сосуды с внешней стороны на 2/3, хотя иногда его потеки спускаются до поддона. С внутренней стороны покрытия, за исключением верхней части венца, нет.

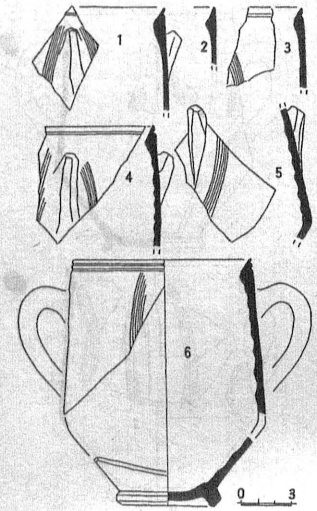


Рис.2 (1 – 6).
Фрагменты краснолаковых кубков из позднескифских напластований Прекрасной Гавани.

Аналогии публикуемым "канфаровидным" кубкам подобрать очень сложно из-за их крайне редкой встречаемости на позднеантичных памятниках Северного Причерноморья. В настоящее время фрагменты подобных кубков опубликованы из раскопок Ольвии и ее округи.[1] Центр изготовления сосудов не установлен. Судя по глине, он находился в Малой Азии. К этому же выводу пришла и В.В.Крапивина на основе анализа имеющихся в ее распоряжении образцов. В то же время А.В. Бураков, напротив, считал, что они могли производиться на Самосе[2]. К сожалению, без проведения специального детального анализа глины рассматриваемых изделий указанный вопрос остается открытым.

Остановимся на датировке сосудов. В цитадели Калос Лимена они были обнаружены в засыпи позднескифских хозяйственных ям № 8, 10, 11, а также в слое разрушения постройки, перекрывшей руины северо-восточной башни форта. Вместе с ними были найдены обломки широкогорлых светлоглиняных амфор с двуствольными ручками I - начала II в. н.э[3], фрагменты узкогорлых амфор со сложнопрофилированными ручками, вариантов А и В[4], профильные части позднесинопских амфор варианта Син. II а[5]. В одном из случаев в засыпи ямы с обломками "канфара" находился поливной кубок I в. н.э. Нижняя граница бытования описываемого типа "канфаров" может быть условно установлена по находкам их в выбросе из пожара начала третьей четверти I в. н.э., который на городищах Западного Крыма принято связывать с походом римских войск под командованием Плавтия Сильвана на помощь осажденному варварами Херсонесу[6]. Следует отметить, что в более ранних напластованиях пока ни одного фрагмента указанных кубков обнаружено не было. Судя по имеющимся данным, подобные сосуды продолжали бытовать вплоть до II в. н.э. Так, они встречены в руинах зданий Черноморского городища, оставленных скифами в начале - первой половине II в. н.э.[7] Подтверждают эту дату и находки подобных "канфаров" в слоях II в. н.э. в Ольвии[8], а также на Козырском городище[9]. При этом не замечено каких-либо значительных морфологических изменений в данной форме сосудов, разве что образец с Козырского городища имеет более приплюснутые пропорции. По всей вероятности, они выпускались сравнительно длительное время, однако очень незначительными партиями, чем и обусловлена их редкая встречаемость на памятниках Северного Причерноморья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I - IV вв.н.э. К., 1993. С. 117. Рис. 59; Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий н.э. К., 1976. С. 108. Табл. XI, 18.
2. Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий н.э. С. 108.
3. Внуков С.Ю. Широкогорлые светлоглиняные амфоры из Северо-Западного Крыма // СА. 1988. № 3. С. 199 сл. Рис. 1.
4. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 17 сл. Рис. 1.
5. Внуков С.Ю. Новые типы позднесинопской тары // РА. 1993. № 3. С. 204. Рис. 2.
6. Подробную историографию см.: Зубарь В.М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1990. № 3. С. 19 - 24.
7.Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Античное городище Калос Лимен (раскопки 1988 - 1995 гг.) // АК. 1997. № 1. С. 55.
8. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I - IV вв.н.э. С. 117.
9. Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий н.э. С. 108.

Douglas R. Edwards

JEWS AND CHRISTIANS AT ANCIENT CHERSONESUS: THE TRANSFORMATION OF JEWISH PUBLIC SPACE[1]

Diaspora communities played significant roles in the late antique period throughout most of the Roman and early Byzantine periods. Communities of Jews at cities such as Stobi, Apamea, Sardis, Aphrodisias, and Ostia created architectural and symbolic expressions that illustrated the multifaceted webs of power within which they prospered.[2] Epigraphic evidence illustrates important local associations with pagan neighbors as non-Jewish patrons built or helped sponsor activities associated with the Jewish community. The Aphrodisias inscription illustrates how close a connection such ties could become.[3] But Jews also had a religious or ethnic identity that as one moves into the fourth and fifth centuries of this era became focussed on the sacred law and at times the sacred language, Hebrew. These patterns are well documented for Asia Minor, Italy, and of course Israel. But only faint hints of Diaspora presence in the North Black Sea have surfaced.

Archaeological and archival work by members of the Black Sea Project has brought to light a new chapter of Diaspora presence in the North Black Sea, notably at the ancient site of Chersonesus located on the outskirts of present day Sebastopol. The following discusses the rediscovery of a Jewish presence there, including a Jewish public building, most likely a synagogue, which provides important evidence for understanding Diaspora Judaism in this region and its possible demise as the climate of tolerance changed in the sixth century CE. This article does not represent the first presentation of this material[4] nor is it intended as a final excavation report. The latter shall be published with my fellow directors of the Black Sea Project. Rather, this discussion offers my first written foray into situating the obvious presence of Jews at Chersonesus within the broader political and cultural climate of the late antique period.[5] Evidence for Jewish presence at Chersonesus is much more evident for late antiquity.

Several clues indicate the presence of a synagogue immediately under or in the vicinity of the sixth century CE basilica. A semi-circular structure, reexcavated by BSP in 1998, dates to the founding of the lower fifth century CE basilica. Belov noted that the semi-circular structure was covered by debris including marble shavings and fragments he associated with the building of the fifth century CE basilica. Similar marble shavings dating to the 4/5 th century CE were also found by the BSP. Parallels with the synagogue at Ostia suggest its possible use as a podium or location of the Torah shrine. Leonard Rutgers has persuasively argued that a key feature added only after the third century CE to some Diaspora synagogues was an apse or aedicula that probably housed the Torah.[6] Both the date and other finds lend further credence to this half circle serving as part of a Jewish complex, probably a synagogue.

In excavations of the south nave of the sixth century basilica a lower apsidal building dating to the fifth century was located. Abutting the complex (or less likely serving as a southern addition) was a complex that included a mosaic floor[7] and nearby associated wall plaster fragments with inscriptions in Greek and Hebrew[8]. Strzheletsky, who carried out additional study of the basilica before its restoration[9], dated the lower mosaic is related to the lower Basilica and dates to 4th-5th cc., since two coins he found in the make-up under the middle edge of the mosaic date to that period[10] a date confirmed by recent re-examinations of the coins.[11]

Of particular interest is the plaster fragment with Hebrew inscribed on it. Professor Esti Eshel of Bar Ilan University (Israel) has analysed the Hebrew inscriptions on fragment No.269 and offers the following translation:[12]

1. ...] the One Who chose Jerusalem (i.e., God)

[2. ... will bless] Hanania from the Bosporos [

3. ...] Amen, Amen Sela

Eshel assumes the phrase "He Who chose Jerusalem" derives from the Biblical text (Zacharia, 3:2): "...let you be forbidden by the Lord Who had chosen Jerusalem...: (here—in a negative context). Appeal to God as part of a blessing in a dedication is found in the Aramean inscription in the synagogue of Jericho, which reads as follows: "The One Who knows their names...will inscribe them in the Book of Life..." In the inscriptions in ancient synagogues sculptors tended to use an

epithetical substitute (e.g., "The King of the World") instead of the name of God.[13]

First, because it was found in destruction debris and was part of the destroyed building in close association with a menorah, it seems safe to assume that the lower building was used by Jews at some period of its use, probably as a synagogue. Second the provisional dating of the inscription to the third or possibly the early fourth century fits the archaeological context that we have uncovered in our current excavations. Third, it indicates that Jerusalem, even if part of a biblical quote is viewed as important by this Diaspora community (or taking a minimalist approach by at least one Jew who carved on a plaster wall in the fourth or fifth century). The inscription parallels another inscription in the Crimea from roughly the same period that has Hebrew, the bilingual Hebrew - Greek funerary inscription from Panticapaeum (CIJ 688) from the third or fourth century.[14]

The third piece of evidence for a synagogue occurred in 1957 when Zherebtsov while working on the restoration of the Basilica 1935, came across a limestone block with a well crafted relief of a menorah.[15] The block had been re-used as construction material in the foundation of the apse of the sixth century Christian basilica[16]. The nicely cut menorah has a lulab and shofar flanking it. The stone seems part of a building for reasons outlined below. Hachlili observes that most menorah flanked by ritual objects in the Diaspora began between the 3rd-4th centuries and were generally associated with tombs. After the fourth century they were associated with both funerary and non-funerary arenas, a pattern fitting our archaeological context. [17] The only shofar that I could find that had holes similar to the Chersonesus example was one found at Beth Shean, which had 3 in the end[18] and another with 2 holes from Ma'on.[19] Most do not have holes. Indeed this seems a misconstrued notion of what a shofar should look like, perhaps integrating elements of flute or pipe. In any case the menorah's fine condition is a tribute to the hardness of the stone and the fact that it did not travel far.

Thus the mosaic building with associated frescoes was a public building, dating to the late 4th or early 5th c. The proximity of the half circle, the finely cut menorah and Hebrew inscription suggests this was a Jewish public building. The frescoes were on the north side of a wall butressing or less likely connected to the fifth century apsidal building. The quality of stone used as well as the association with a monumental building suggest that the Jewish community in fifth century was well entrenched in the city. Thus, like evidence from most of the rest of the empire, one community of Jews appears to flourish during the pagan period into the fourth and fifth centuries C.E. Clearly the apisidal building and the mosaic building complex changed the neighborhood substantially. It also appears that based on the half circle, the inscribed plaster and the menorah that the mosaic building at some point in its life, notably late fourth/early fifth to its sixth century destruction functioned as a synagogue.

The Byzantine period brought dramatic changes to the landscape of Chersonesus.[20] Over two dozen churches and four major basilicas (one ours, the other the Uvarov basilica over 50 meters long) were apparently built over the subsequent four centuries.[21] New houses sprang up, pottery was prodigiously produced, numbers of Chersonesian coins from the period are found and a great deal of material remains discovered.[22] Although some uncertainty exists when the actual foundation of some of the churches on site occurred, our excavations and the excavations of Belov confirm at least one basilica, the "1935 basilica" where such vigorous growth and redevelopment took place. Apparently the builders not only reused a menorah stone in the foundation of the second basilica but systematically hacked up second-fourth century CE sarcophagi from a nearby Roman necropolis using some of those decorated with figures and inscriptions as part of the same foundation layer as the stone with the menorah.[23] At the least, it was reuse of easy to get high quality marble. At worst it was a crass disregard for the sacred character in which the stones were originally placed. No big surprise actually. In the fourth or fifth century fortress built by Christians after the destruction of Sepphoris in Galilee, the builders used Roman sarcophagi as the corner stones in plain view to the public. Further, destruction of fourth century synagogues occurred at Stobi, Apamaea, and Gerasa and were replaced by Christian basilicas.[24] Such destruction was not systemic across the Byzantine empire as the continuation of the Sardis synagogue into the 7th century indicates.[25] But such activities stemmed from the increasingly harsh strictures placed on pagans and Jews from Theodosius I (379-395) on (cf. the destruction of the pagan temples in Carthage, Alexandria[26] and

Aphrodisias where the temple was converted into a church, probably in the fifth century)[27]. The use of stones with pagan and Jewish symbols was more than simply re-using available stone. It represented a clear, albeit crude, signal as to where political and spiritual power now lay (cf. decree forbidding the rebuilding of destroyed synagogues by Honorius and Theodosius II in 423).[28]

In summary, recent evidence indicates that Chersonesus in west Crimea also had a Jewish presence in the form of a public building, probably a synagogue that existed from at least the fifth century CE. In addition, at least one Jew at Chersonesus sought a connection to Jerusalem, even if symbolic, suggesting a kind of identity existed between Jews even from the farthest reaches of the empire. Moreover, the Hebrew inscription indicates an effort to express allegiance to the Holy language, another source of identity. The writer or dedicant apparently expected others to agree. The space of the lower basilica was destroyed or out of use by the sixth century CE. One monumental structure replaced by another. Frank Trombley discusses what he calls «temple conversion» in this period, which he defines as «demolition or partial dismantling of a sacred edifice and its modification into a church or martyrion»[29]. Demolition of buildings was one way to make way for Christian basilicas since most of the prime public space (agora, council chambers, etc.) was already taken. Thus for economic and, one must still suppose, theological reasons such areas drew the bulk of attention.[30] Christian rebuilders had no qualms about using stones with clear pagan and Jewish symbols. At best this was benign indifference. How this destructive reconstruction was viewed at a later time at Chersonesus is less clear and indeed the next generation would not necessarily know about the incorporation of such symbols in the sixth century complex. But those who built the structure knew. And they didn't care. The lack of systematic desecration of the menorah or the portraits on the sarcophagi (as occurred at Aphrodisias)[31] suggest that arrogance or indifference rather than open hostility was operative. But the incorporation of powerful religious and cultural symbols, one from a synagogue, the other from pagan graves makes a key point as to where power now resides. This transformation of space provide yet more evidence for what F. Millar has observed; that is, Jewish communities had a period of prosperity during the second through fourth centuries but faced increasing persecution from the Christian church in the fifth and subsequent centuries.

NOTES

1. Information presented in this paper could not have happened without the work and support of my colleagues Drs. Miron Zolotarov, Robert MacLennan, J. Andrew Overman, and Mr. Jack Olive, Mr. Gary Lindstrom, and Mr. Dimitry Korobkov. They are not responsible, however, for any errors of interpretation.

2. For a useful overview see L. M. White, The Social Origins of Christian Architecture, Volume I Building God's House in the Roman World: Architectural Adaptation among Pagans, Jews and Christians (Valley Forge, PA: Trinity Press International, 1990).

3. J. Reynolds and R. Tannenbaum, Jews and Godfearers at Aphrodisias (Cambridge: The Cambridge Philological Society, 1987). The resultant discussions of this important find are too voluminous to list here.

4. Previous reports on the results of the Black Sea Project's excavations at Chersonesus include R.S. MacLennan. In Search of the Jewish Diaspora: A First Century Sinagogue in Crimea? //BAR, (March/April), 1996, v.22. P. 46-52; Оверман Э., Макленнан Р., Золотарев М.И. К изучению иудейских древностей Херсонеса. Археологія, 1997, №1. С. 57-63.

5. Portions of this paper have been presented in a number of places notably at the international meeting held at Chersonesus in 1997, August 29 - September 1: see «Khersones Tavricheskiy: Istorico-archeologicheskiy aspekt». Sevastopol, 1997.

6. Leonard V. Rutgers, "Diaspora Synagogues: Synagogue Archaeology in the Greco-Roman World," in S. Fine (ed.) Sacred Realm: The Emergence of the Synagogue in the Ancient World (New York: Oxford University Press, 1996), pp. 67-95. Rutgers also has a picture of the aedicula at Ostia.

7. See Reports No.609 and No.2875. All reference to these archive reports is possible because of the excellent archival work directed by Dr. Robert MacLennan and the numerous persons who worked with him, notably Dr. James van Geldern of Macalester College.

8. See Zherebtsov, E.N., Report No.734, 1957. The material discovered on the same site and in the same layer (see Reports Nos.617-618, 1950, and Nos.609, 1301 of 1950), they were originally dated to a much later time period (7th or 8th centuries). But after additional study of the monument

and the dating of the destruction of the Basilica I by the time no later than the 6th century,
9. Report No.609, pp.39-40.
10. Report No.609, p.41.
11. I. A. Zavadskaya, «Problems of Stratigraphy and Chronology of the Architectural Complex «Basilica 1935» in Chersonesos. Materials in Archeology, History and Ethnography of Tavria volume 5 (Simferopol: Tavria, 1996), pp. 94-105 (Russian).
12. See her forthcoming article in the Jewish Quarterly Review. I thank her for providing a preliminary reading and analysis of the inscription. For early discussions of the fragment and its provenance see Chersonesus archive Report No.1301, p.57 and p.66; Report No.609, p.29; report No.617, p.16.
13. Seth Smith from the Jewish Theological Seminary (New York, USA) suggests that the inscription «Bosporos» serves as indication of Hanania's origins.
14. Schurer, 37.
15. See Report No.734, 1957.
16. E.N. Zherebtsov, «Toward the Study of Early Middle Ages Monuments in Chersonesus», Byzantine Chronicle 23 (1963), p.210.
17. Rachel Hachlili, Ancient Jewish Art and Archaeology in the Land of Israel. Brill, 1988, pp. 266-267.
18. Hachlili, p. 258.
19. Hachlili, p. 260.
20. A pattern reflected throughout the late antique world. See A. Cameron, The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395-600 (London and New York: Routledge, 1993), pp. 159-175.
21. Dating the building of particular buildings is problematic. A careful reexamination of excavation reports combined with select probes using more rigorous modern techniques of excavation and the sharper understanding of ceramic typology is needed such as has been done by the BSP for the "1935" basilica, which clearly date to the sixth century.
22. John Smedley, «Archaeology and the History of Cherson: A Survey of some Results and Problems», In: Archeion Pontou, pp. 172-192 (esp. p. 180).
23. Belov, G.Report of the Excavations at Chersonesus, 1935-1936. National Publishing House, Crimea, 1938, pp. 40-58.
24. F. Millar, "The Jews of the Graeco-Roman Diaspora between paganism and Christianity, AD 312-438 «In: Judith Lieu, John North, Tessa Rajak (eds). The Jews Among Pagans and Christians in the Roman Empire (London: Routledge, 1992), pp. 100-102.
25. Ibid., p. 102.
26. Ibid., p. 116.
27. Averil Cameron, The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395-600 (London and New York: Routledge, 1993), p. 156.
28. A. Linder, The Jews in Roman Imperial Legislation (Detroit and Jerusalem, 1987) and F. Millar, "The Jews of the Graeco-Roman Diaspora," p. 118.
29. Frank R. Trombley, Hellenic Religion and Christianization c. 370-529. volume I. (Brill, 1993), p. 108.
30. Ibid, pp. 109-110; Friedrich W. Deichmann, «Frühchristliche Kirchen im antiken Heiligtümern», Jahrbuch des Deutschen Archeologischen Instituts 54 (1939), pp. 105-136.
31. There Christians went to letters inscribed on the theater walls and semi-systematically crossed out the name of Aphrodite. The city's name itself was changed in the seventh century to Stauropolis, city of the Cross; see A. Cameron, The Mediterranean World in Late Antiquity (AD 395-600), p. 156.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ТАВРИКИ

В.Л.Мыц, А.В.Лысенко, С.М.Жук

ПЕЩЕРНЫЙ ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ НЕКРОПОЛЬ НА г. АЙ-НИКОЛА

Центральная часть прибрежного региона горной Таврики (в частности, территория современной Большой Ялты) в античной истории Крыма во многом до сих пор представляет собой "белое пятно". Из позднеримских памятников региона более или менее изучены и атрибутированы лишь три. Это святилище в урочище Селим-Бек, римское укрепление Харакс и расположенный у его стен некрополь на мысе Ай-Тодор. При исследовании этих объектов получены многочисленные и разнообразные материалы, не дающие, однако, полного представления о различных сторонах культуры племен, населявших юг побережья полуострова в первые века н.э. В связи с этим особый интерес представляет полная публикация уникального памятника, обнаруженного на вершине г. Ай-Никола (в 1,5 км к северо-западу от Верхней Ореанды).

Гора Ай-Никола расположена на южном склоне Главной гряды Крымских гор, в нижней части Гаспринского хребта. Массив представляет собой отторженец - крупный блок верхне-юрских известняков, отколовшийся некогда от монолита г. Ай-Петри. С северо-запада возвышенность отделена небольшой седловиной от г. Могаби. С запада Ай-Николу ограничивает глубокая балка, отделяющая ее от скалы Хачла-Каясы. Южный и восточный склоны отторженца, обращенные в сторону моря, представляют собой скальные обрывы. В некоторых местах высота скал превышает 100 м. Вершина горы куполообразная. В настоящее время она покрыта 100-120-летним высокоствольным сосновым лесом.

Недалеко от высшей точки возвышенности, на ее западном склоне, группой ялтинских спелеологов в 1983 г. была открыта пещера, содержавшая обломки и почти целые формы гончарных и лепных сосудов, а также человеческие останки и кости животных (об этом сообщил в Отдел археологии Крыма В.Гончаров). Вскоре после этого, "любители древностей" (оставшиеся неизвестными) вынесли из пещеры 1 или 2 амфоры (относительно количества похищенных сосудов мнения "очевидцев" расходятся). Нам удалось получить лишь прорисовку одной светлоглиняной амфоры, выполненную по фотографии (рис. 1). В 1984 г. памятник исследовался отрядом Горно-Крымской экспедиции (рук. В.Л.Мыц). При этом была выполнена топосъемка полости, собран найденный здесь керамический материал и зачищено одно погребение[1]. В 1987 г. доследование объекта произвел С.М.Жук, зафиксировавший остатки еще двух захоронений.

Пещера коррозионно-гравитационного происхождения, заложена по тектоническому разлому, рассекающему отторженец в направлении юго-запад - северо-восток. Полость представляет собой разветвленную систему узких трещинных ходов шириной 0,4-3,0 м. На различной высоте профиля они перекрыты крупноглыбовыми обвально-обломочными отложениями. Общая протяженность исследованных ходов составляет около 110 м. При их прохождении удалось достичь глубины около 13 м. Вход в пещеру узкий, просветом не более 0,4 м^2, переходит в лаз длиной 6 м (рис. 2).

Человеческие кости обнаружены в труднодоступной, афотической части пещеры.

Погребение № 1 располагалось в 18 м от входа, в самой низкой точке пройденного участка трещины (рис. 2,1). В нише, образованной скальными глыбами, обнаружены останки молодой женщины в возрасте 18-25 лет (определение сотрудника отдела антропологии ИА НАНУ И.Д.Потехиной) (рис. 2,1). Кости залегали в анатомическом порядке. Погребенная ориентирована головой на юг (в сторону входа). Судя по размещению костяка, покойница была помещена в пещеру в скорченном положении. Ноги подогнуты. Одна рука согнута, кисть находилась в области живота. Другая рука вытянута вдоль туловища. Изначально останки, видимо, не были засыпаны землей, однако с течением времени они заплыли слежавшимся плотным грунтом. Около погребения собрано несколько фрагментов обуглившихся прутьев толщиной 2-3 см. Возможно, это части факелов, с которыми сюда проникали в древности.

Погребение № 2 - детское (предварительное определение было сделано С.М.Жуком). Открыто в 4,5 м ближе ко входу, на глубине около 11 м (рис. 2,2). В небольшом тупиковом ответвлении от основного хода полости зачищено скопление в основном разрозненных костей человека, рассеянных на участке размером 1,0 х 0,3 м под северной стенкой пещеры (рис. 3,А). Остан-

ки располагались в грунте между камней на глубине 0-0,5 м (рис. 3,Б). Несросшиеся кости таза найдены поблизости друг от друга. Трубчатые кости конечностей (кроме локтевой и лучевой, залегавших, видимо, in situ) не обнаружены, однако эпифизы от них сохранились. Почти все позвонки и ребра, а

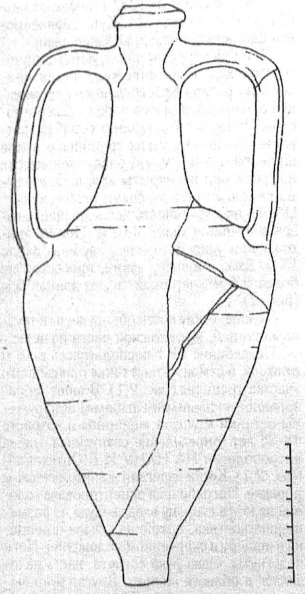


Рис.1.
Светлоглиняная амфора, найденная в пещере на г. Ай-Никола (прорисовка по фотографии)

также череп с нижней челюстью отсутствуют. В подстилающем погребение суглинке на разной глубине встречены древесные угли (рис. 3,Б). Рядом, в 1,0 м ближе к выходу из ниши, найден отчасти потревоженный скелет зайца-сеголетка (определение фаунистических остатков выполнено биологом А.И.Черемисовым).

Погребение № 3. Женское (предварительное определение С.М.Жука). Зафиксировано в расширяющейся до 1,0 м части главного хода пещеры в 2,0 м над погребением № 2 (рис. 2,3). Здесь обнаружено скопление костей человека размером 0,6-0,7 м (рис. 4,А). Основная масса костных остатков была перекрыта каменным завалом мощностью 0,2-0,3 м, образовавшимся, очевидно, при периодических обвалах обломков натечной коры со свода пещерной полости. Глубина залегания костей 0-0,4 м (рис. 4,Б). Верхние лежали свободно, нижние затекли плотным коричневым суглинком. Большинство костей переломано и явно сдвинуто упавшими сверху камнями, многие покрыты известковыми натеками. Некоторые части скелета отсутствуют. Фрагменты раздавленного черепа, рассеянные на значительной площади, располагались стратиграфически выше других останков. В подстилающем погребение грунте зафиксированы крупные древесные угли (рис. 4,Б). В 0,5 м ближе ко входу в пещеру, на том же высотном уровне, что и кости человека, залегали фаунистические остатки, принадлежащие зайцу-сеголетку (рис. 4,А). Под ними также прослежены угли.

Сделать определенные выводы о позе погребенных №№ 2 и 3 сложно. Исходя из размеров скоплений антропологического материала, планиграфических и стратиграфических особенностей его расположения, можно предполагать, что покойных оставили в пещере в скорченном или сидячем положении и при этом грунтом не засыпали. Некомплектность этих двух костяков, а также хаотическое размещение их частей, вероятно, объясняются естественным проседанием погребений и суглинка, на котором они находились, в пустоты между нижележащими камнями. Наличие подсыпки из углей под человеческими останками, возможно, свидетельствует о предварительном "очищении" огнем мест захоронений. Обнаруженные в непосредственной близости от них кости молодых зайцев, скорее всего, оказались здесь не случайно. Вероятно, необходимость сопровождать умерших тушками этих животных диктовалась нормами погребального обряда. Установить последовательность совершения погребений в пещере практически невозможно из-за отсутствия в ней четко выраженного культурного слоя. Можно лишь предположить, что первое захоронение произведено в дальней части полости, а последующие - на более близких ко входу относительно пологих участках скального разлома. Инвентаря при погребенных не отмечено, поэтому датировка их в значительной степени затруднена.

Археологический материал обнаружен в

другой, юго-западной части пещеры (рис. 2,4). В небольшом зале найдены обломки 14-15 керамических сосудов, лежавшие на глыбах известняка и в щелях между ними. Отсюда, по всей вероятности, происходит и амфора (или амфоры), унесенные современными грабителями в момент первоначального открытия и посещения пещеры в 1983 г.

У входа в зал на одном из камней стояла лепная чашка (рис. 5,8). Тут же располагались обломки небольшого сероглиняного кувшина (рис. 5,6) и множество фрагментов обугленных деревянных прутьев от факелов. Наибольшее скопление фрагментов керамических сосудов зафиксировано в нижней части зала. Здесь встречены обломки коричневоглиняной, красноглиняной и светлоглиняной (рис. 5,5) амфор, трех кувшинов с одинарными петлевидными ручками (рис. 5,1,2,3), двух красноглиняных кувшинов (рис. 5,4,7), а также фрагменты стенок не менее чем четырех гончарных и одного лепного сосудов, тип которых установить не представляется возможным. Особое значение для определения времени всего керамического комплекса представляют обломки светлоглиняных амфор и кувшинов с петлевидными ручками.

Светлоглиняные амфоры, обнаруженные в пещере, (рис. 1; 5,5) (по классификации Д.Б.Шелова (1978), А.П.Абрамова (1993) и др.) относятся к типу "D" и датируются концом II - первой половиной III в.н.э.[2] А.П.Абрамов аналогичные сосуды выделяет в типы "D-2" - "D-3" и время их бытования относит ко второй половине II - первой половине III или к концу II - середине III в.н.э.[3] По материалам раскопок памятников Северного Причерноморья относительно точно фиксируется финальная стадия их существования (в особенности благодаря находкам в закрытых комплексах городов и поселений Боспора 40-50-х гг. III в.н.э. - времен так называемых "готских" походов). Наибольшее число сосудов данного типа происходит из слоя разрушения Танаиса[4], который (по находке статера 250 г.н.э. Рескупорида V) датируется А.И.Анисимовым не ранее 251-254 гг. и связывается с вторжением боранов[5]. Довольно часто светлоглиняные узкогорлые амфоры встречаются в погребениях конца II - середины III в.н.э. Например, в могильнике Бельбек-I обнаружено 6 таких сосудов. Найденные на этом памятнике монеты Гордиана III (238-244) и Деция Траяна (249-251)[6] достаточно убедительно подтверждают их датировку первой половиной - серединой III в.н.э. В одном из погребений могильника Бельбек-II амфора типа "D" обнаружена с монетой Гордиана III[7].

Из трех кувшинов два удалось реконструировать почти полностью (рис. 5,1,2). Близкие по форме сосуды происходят из раскопок Афинской Агоры, где они встречены в слое с материалами II-VI вв.н.э. Среди них наиболее близки по своим морфологическим признакам находкам из пещеры на г. Ай-Никола кувшины, датируемые исследователями первой половиной II - началом III в.н.э.[8] А.Радулеску относит сосуды этого типа к амфорам с цилиндрическим туловом (Tip O) и аналогичный нашим кувшинам вариант датирует II-III вв.н.э.[9] Как в Крыму, так и на других памятниках Северного Причерноморья, сосуды подобных форм встречаются относительно редко. Целые кувшины с петлевидными ручками впервые здесь были обнаружены при исследовании зернохранилища II в Ольвии (яма 57), где они найдены в керамическом комплексе конца II - первой половины III в.н.э., в состав которого входила и одна светлоглиняная амфора типа "D"[10]. Они также известны из раскопок Южно-Донузлавского городища[11], на хоре Херсонеса (вилла 341), где найден один кувшин (помещение 1) одновременно с амфорами и краснолаковыми сосудами, бытовавшими в конце II - первой половине III в.н.э.[12] Несколько сходных кувшинов обнаружено в Танаисе в слоях разрушения города середины III в.н.э. В подвале "У" усадьбы 20 с драхмой Савромата II (186-196)[13], в подвале "КЖ" усадьбы 15 с амфорой типа "D"[14], в подвале "КЕ" усадьбы 21 с фрагментами амфор типа "D" и монетами, самая поздняя из которых - статер Ининфимея (234 г.н.э.)[15]. Таким образом, собранный в пещере керамический материал с достаточной долей вероятности можно отнести к концу II - первой половине III в.н.э.*

Особенности его расположения указы-

*Несколько необычно в данном археологическом контексте выглядят плоскодонные кувшины (рис. 5,6,7), по форме напоминающие раннесредневековые сосуды. В связи с отсутствием верхних частей кувшинов, нет возможности их уверенно датировать. Вообще гончарные плоскодонные сосуды закрытых форм изредка встречаются при раскопках античных могильников Крыма. Так в могиле 77 Усть-Альминского некрополя найдена непокрытая лаком ойнохоя I – II вв.н.э.[16] Известны подобные вещи и на некрополе Херсонеса в погребальных сооружениях II – III вв.н.э.[17] На г. Ай-Никола обломки этих изделий залегали вместе с позднеантичной керамикой, и (на наш взгляд) нет оснований считать их более поздними.

вают на то, что почти все принесенные в пещеру сосуды, скорее всего, были разбиты преднамеренно - видимо, сброшены с уступа в разлом. Условия находки не позволяют составить представление о динамике накопления черепков в трещине. Амфоры и кувшины могли попасть в пещеру как единовременно, так и в несколько приемов. Нет полной ясности и в вопросе о хронологическом соответствии керамического комплекса и погребений.

Как известно, пещеры с древнейших времен использовались человеком в самых разнообразных целях. Часто в них находят культурные остатки различных эпох (в том числе, позднеантичного времени), и крымские пещеры в этом смысле не исключение. Таковы, например, Бин-Баш-Коба на Чатыр-Даге[18], Кизил-Коба на склоне Долгоруковской яйлы[19], МАН на Северной Демерджи и другие[20]. Так что, в принципе, вполне возможно, что захоронения в скальном разломе на г. Ай-Никола совершены до или после того, как туда были принесены позднеримские сосуды. Но тогда трудно представить причины появления в полости этих артефактов. В самом деле, в силу своего морфологического строения данная пещера вряд ли могла служить даже временным пристанищем древним пастухам или охотникам. Обычно они предпочитали более светлые и обширные гроты и навесы. Значительная часть керамического материала была, скорее всего, преднамеренно сброшена в относительно труднодоступную расселину. Это сильно снижает вероятность того, что трещина в скалах использовалась как склад продовольствия. Поселение первых веков нашей эры, жители которого могли бы хранить продукты в пещере, в непосредственной близости от нее также пока не обнаружено (синхронный встреченному на г. Ай-Никола керамический материал найден только на вершине

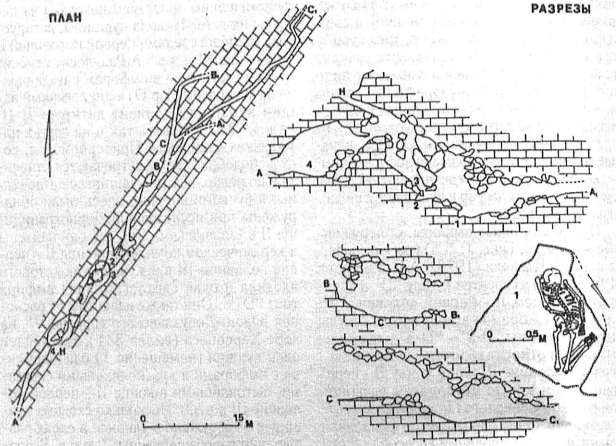


Рис.2.
Пещера на г. Ай-Никола. План и разрезы. 1,2,3 - погребения; 4-место находки керамики

г. Ургенда). Конечно, здесь могло существовать позднеантичное святилище. Но на известных капищах этой поры (Селим-Бек, Алигор в Партените) находки многочисленны и не ограничиваются обломками полутора десятков сосудов. В связи с этим нам представляется наиболее вероятным, что человеческие останки и фрагменты керамики составляют единый погребально-поминальный ком- плекс II - III в.н.э., а пещера на г. Ай-Никола является некрополем.

Вообще, пещерные захоронения как историко-культурное явление интересны сами по себе и до настоящего времени мало изучены. В Крыму они известны еще с первой

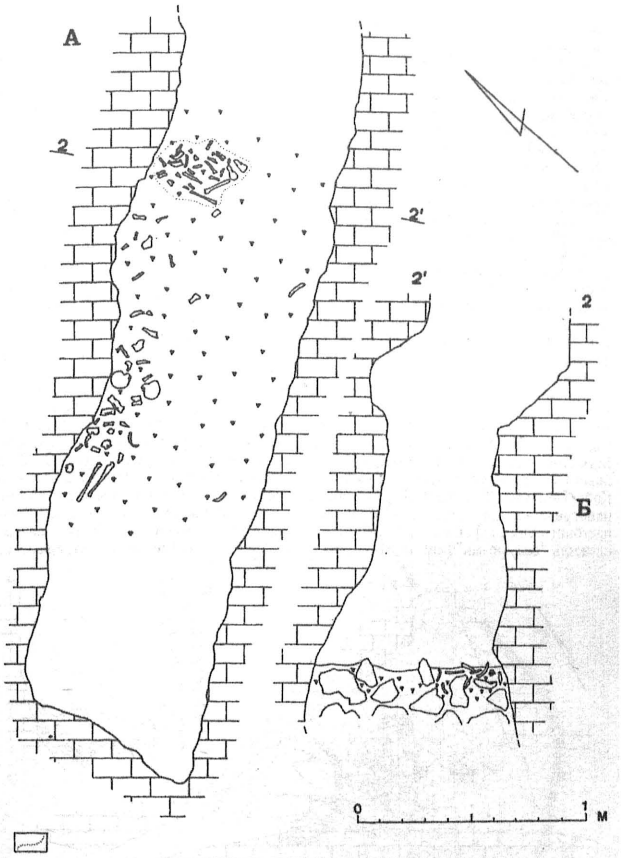


Рис. 3.
Погребение №2. А - план; Б - разрез; С - погребение зайца

четверти XIX в. Это Туакская пещера[21], Бин-Баш-Коба[22], Сюндюрлю-Коба[23], Змеиная близ Симферополя[24]. К настоящему времени большинство этих памятников полностью разграблено "посетителями", а некоторые до сих пор не исследованы. Поэтому получить достоверные сведения об их датировке пока не представляется возможным. Лишь работы последних десятилетий показали, что некоторые крымские пещерные некрополи возникли во II - III вв.н.э. Сравнительно недавно изучен погребальный комплекс II - первой половины III вв.н.э. в пещере Глазастая (верховья р. Бай-Су) на Караби-

Яйле[25]. Кроме того, в 1995 и 1998 гг. Крымской палеолитической и Горно-Крымской экспедициями КФ ИА НАНУ произведено предварительное обследование пещеры Албатской в скальном обрыве г. Курушлюк у пос. Куйбышево (Бахчисарайский р-н), показавшее, что в ней, по-видимому, также располагался некрополь первых веков н.э. По различным причинам исследователям практически всех перечисленных памятников не удалось проследить и зафиксировать многие детали обряда захоронений. Не существует и полных публикаций результатов проведенных работ. Однако, несмотря на отсутствие подробной информации, уже сейчас можно сделать некоторые выводы, основывающиеся на наблюдениях ряда особенностей крымских пещерных могильников. Большинство из них представляет собой достаточно объемные, обширные и сравнительно легко доступные полости различного происхождения (Бин-Баш-Коба, Туакская, Сюндюрло-Коба, Глазастая). Судя по описаниям очевидцев и исследователей, все они содержали многочисленные захоронения (в Глазастой, например, было погребено 40 человек). Часть этих памятников (Бин-Баш-Коба, Глазастая, Туакская) расположены в непосредственной близости от обширных пастбищ яйлы. Скорее всего, здесь пещеры служили "сезонными" (летними) некрополями скотоводческим родам. В значительной степени отличаются и образуют особую группу пещеры Змеиная и на г. Ай-Никола (вероятно, и Кизил-Коба). Оба эти объекта имеют вид длинных узких тектонических трещин, в глубине которых найдено лишь по несколько человеческих костяков. Расположены они в районах, пригодных для круглогодичной хозяйственной деятельности. Использование этих расселин в скалах связано, скорее всего, с чисто сакральной сферой жизни населения Таврики. Пещера Змеиная в литературе традиционно фигурирует как святилище[26], но систематических раскопок здесь не проводилось. Встречающийся в пещере археологический материал укладывается в весьма широкий хронологический диапазон (VII-VI вв. до н.э. - II-III вв.н.э.). При обследовании этого памятника в 1924 и 1926 гг. Н.Л.Эрнст и С.И. Забнин обнаружили несколько погребений и собрали подъемный материал. Часть этих вещей, относящихся к VI --IV вв. до н.э., опубликована сравнительно недавно[27]. В 1950 г. пещеру осмотрел А.А.Щепинский. В афотической части полости, в 20-25 м от входа, им были зафиксированы человеческие кости, залегавшие вместе с обломками желобчатых амфор и краснолаковых сосудов первых веков н.э.[28] Таким образом, не исключено, что Змеиная использовалась для

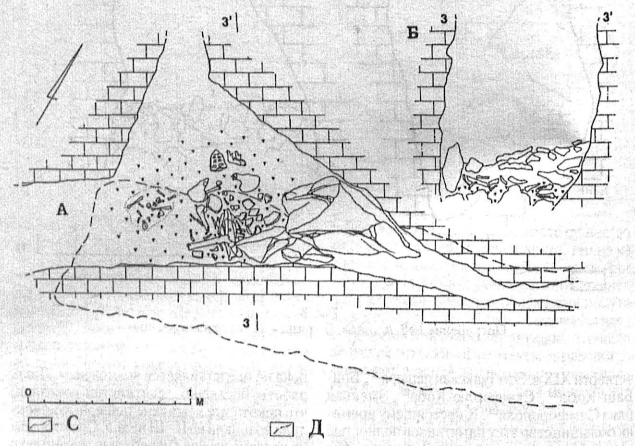


Рис.4.
Погребение №3. А - план; Б - разрез; С - погребение зайца; Д - контур нижележащей части пещеры.

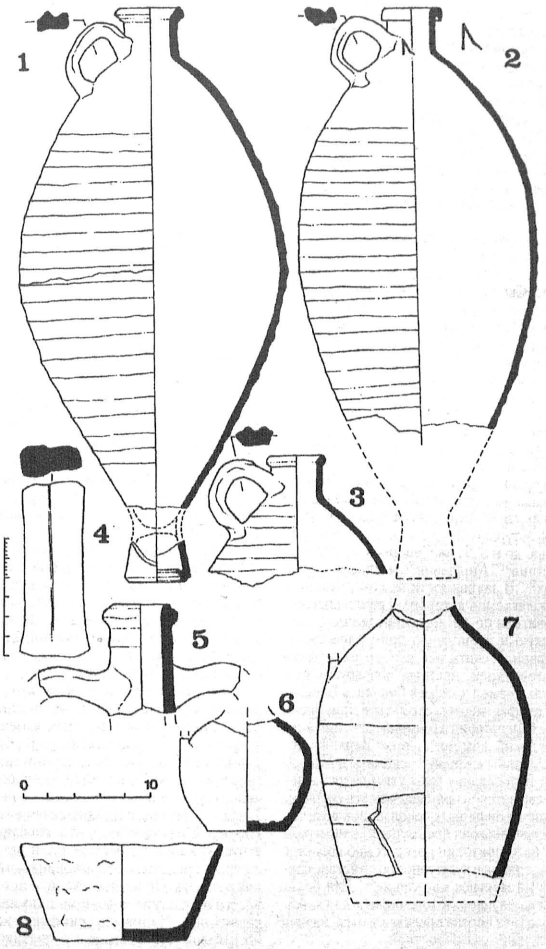


Рис.5.
Керамический комплекс из юго-западной части пещеры на г. Ай-Никола. 1-3 - кувшины с петлевидными ручками, 4 - ручка краснолакового кувшина, 5 - светлоглиняная амфора типа «D», 6 - сероглиняный кувшин, 8 - лепная чашка.

захоронений именно в позднеримское время. Однако надежно датировать и интерпретировать найденные здесь человеческие останки сейчас уже вряд ли возможно из-за разрушений культурного слоя, произведенных многочисленными посетителями. Результаты работ, проводившихся на Ай-Николе, напротив, позволяют получить относительно полное представление о погребальном обряде и - в рамках предложенной датировки - попытаться определить этно-культурную принадлежность и характер данного памятника.

В первую очередь обращает на себя внимание поза погребенных (по крайней мере, в одном случае установленная достаточно точно). Скорченные костяки в небольшом количестве встречаются на многих некрополях рубежа - первых веков нашей эры не только Крыма, но и всего Северного Причерноморья[29]. Исследователи указывают, что эти погребения в основном были совершены в неглубоких могилах[30], за редкими исключениями отличаются бедностью или вовсе безынвентарные[31], что всегда создавало определенные трудности с их датировкой. Вообще, "скорченники" - явление, довольно широко распространенное территориально и хронологически. Небольшее число их известно на некрополях прохоровской культуры V-III вв. до н.э.[32], Фанагории V-III вв. до н.э.[33], на Северном Кавказе, в Дагестане[34], Молдавии[35] и многих других местах[36]. В зависимости от локализации и предполагаемой датировки, различные исследователи по-разному определяли их этническую и культурную принадлежность. Как правило, считалось, что это погребения представителей "местных" или других варварских племен: скифы в Ольвии и Березани[37]; скифы, меоты, сарматы в Танаисе[38]; меоты в Фанагории и Гермонассе[39]; пшеворцы на дакийском могильнике Верхняя Лепица[40]; тавры в Крыму[41]; сарматы в Молдавии[42]. В последние годы утвердилось мнение о сарматской принадлежности скорченных костяков первых веков нашей эры, так как встречены они преимущественно в районах, на территории которых наблюдается инфильтрация и культурное воздействие сарматов на местное население[43]. Для большинства случаев (в том числе и для г. Ай-Никола) эта версия представляется, на наш взгляд, наиболее вероятной.

На семантическое значение скорченной позы погребенных имеется несколько точек зрения. Многие авторы, вслед за С.А.Плетневой[44], говорят о подневольности, "зависимости" похороненных таким образом людей[45]. А.С.Русяева отмечает, что скорченность могла возникнуть в результате болезни, от которой скончался погребенный[46]. И наконец, ряд исследователей считает такую позу ритуальной, приданной умершему с какими-то сакральными целями[47]. Наиболее аргументированно выглядит разработка этого вопроса, выполненная Б.А.Литвинским, который, основываясь на обширном искорико-этнографическом материале, считает, что скорченное положение погребенных - результат связывания покойника с целью обезвредить его[48]. В первые века нашей эры скорченность и другие случаи "связывания" не являлись доминирующими и применялись, видимо, лишь по отношению к наиболее "злокозненным" мертвецам. В связи с этим следует отметить, что издавна у многих народов было распространено деление покойников на две категории: умершие от старости (и обычной смертью) и "заложные" - погибшие насильственным путем, самоубийцы, колдуны, ведьмы и т.д. "Заложные" покойники считаются наиболее вредоносными, и их погребают по иному обряду[49]. Круг "отмеченных" таким образом лиц мог быть, видимо, различным, в зависимости от народных верований, бытовавших в той или иной среде. На наш взгляд, весьма вероятно, что многие скорченные погребения первых веков н.э. (в частности - обнаруженные на г. Ай-Никола) принадлежат именно такой, "сакрально отмеченной" группе населения. Значительное разнообразие вариантов скорченности вполне объясняется локальными особенностями обряда, разной степенью "вредоносности" тех или иных умерших и обусловившими ее причинами.

Используя имеющиеся данные, можно попытаться определить возможный вид "заложности" погребенных в пещерном некрополе. Исследователи уже обращали внимание на то, что многие скорченные погребения на могильниках Северного Причерноморья первых веков н.э. - женские[50]. Такая же ситуация наблюдается и на г. Ай-Никола. Не исключено, что это свидетельствует о какой-то особой роли некоторых женщин среди сарматизированного населения региона. Подобное явление прослеживается в культуре индо-иранских народов с давних пор. Например, скифские женские погребения VII-VI вв. до н.э. на Никопольском курганном поле и во втором Ростовском кургане считаются захоронениями лиц, отмеченных особой сакральностью. В первом случае погребенная лежала в необычной позе (ничком)[51]. На могильниках прохоров-

ской культуры (IV-III вв. до н.э.) в скорченном положении хоронили исключительно женщин[52]. О сакральном характере части савроматских и сарматских женских погребений писал Б.Н.Граков[53]. Он же приводит достаточно убедительные аргументы, позволяющие предполагать наличие женского жречества в савромато-сарматской среде. Имеются признаки существования таких традиций и в позднеантичной Таврике. На так называемых позднескифских некрополях Крыма зафиксирован ряд необычных женских погребений, считающихся захоронениями различного рода отправительниц культов и знахарок[54]. Некоторые из них - скорченные[55]. Конечно, найденные на г. Ай-Никола останки, не сопровождавшиеся никаким инвентарем, трудно атрибутировать как жреческие. Однако вполне возможно, что погребенные женщины, в силу каких-либо обстоятельств пользовались, в глазах своих соплеменников репутацией приближенных к какому-то божеству. Примеры пережитков такого рода верований можно встретить в этнографических материалах. Так, у народов Кавказа существовала определенная категория людей, проклятия которых считались особенно страшными. К ним, прежде всего, относились одинокие старухи, сироты, убогие, потерпевшие много страданий и неудач в жизни, бедняки, нищие[56]. Считалось, что они находятся под покровительством Бога, и поэтому их проклятия исходят от него самого.

Видимо, именно неординарность погребенных определила своеобразие пещерного могильника в горах над Нижней Ореандой. Вероятно, особым отношением к покойным отчасти объясняется необходимость помещать их тела в глубокую узкую полость. Известно, что страх перед умершими всегда обуславливал стремление людей создать при погребении максимально благоприятные условия для того, чтобы покойник мог безвозвратно отправиться в "царство мертвых"[57].

Пещеры в мифологии горных народов издавна выступали как места перерождения, перехода из одного состояния в другое[58]. Народная традиция Нагорного Дагестана сохранила обычай почитания расселин в скалах, обладающих, якобы, очистительной силой. В "священных" горах существовали даже специально вырытые ямы, через которые пролезали, чтобы "очиститься" от грехов[59]. Пещеры, "трещины в земле" всегда ассоциировались с переходом в "подземный мир", с обиталищем хтонических существ[60]. Некоторые исследователи скифской культуры считают, что обряд погребения умерших в глубоких катакомбах уподобляет их хтоническим божествам[61]. В связи с этим примечательно присутствие тушек зайцев при двух захоронениях на г. Ай-Никола. Изображения этого животного нередко использовались в погребальной практике скифов[62]. Восточные славяне изредка сжигали (или хоронили) зайцев со своими покойниками[63]. В славянском фольклоре заяц занимает особое место. Он табуирован, его нельзя употреблять в пищу, он считается дурной приметой, представителем недоброго начала[64]. Следы сходных суеверий сохранились и на Кавказе[65]. Связь зайца с хтоническим миром можно проследить также по народным сказкам, где он фигурирует как вместилище Кощеевой смерти[66]. Иногда этот зверек выступал и как атрибут женского (возможно, хтонического) начала. На рельефе из склепа Вилла Альбани V в. до н.э. изображена Афродита, под креслом которой сидит заяц. В росписи на италийской вазе изображены Афродита и Адонис, подносящий ей зайца[67]. Во многих восточных календарных традициях год зайца считается женским[68]. В одном из сюжетов нартского эпоса в белого зайца превращается дочь бога вод Дон-Бутура[69]. В определенной ситуации заяц, вероятно, мог быть и жертвенным животным. О существовании в древности у жителей Восточной Европы такого рода традиции свидетельствует один из инициалов Микулинского Евангелия (XIV в.), где весьма реалистично изображен жрец, кинжалом вспарывающий брюхо жертвенного зайца[70].

В нашем случае зайцы могли служить приношением какому-то хтоническому божеству, скорее всего - женскому. О возможном наличии у древнего населения Таврики культа женского хтонического божества, популярного и в позднеримское время, в литературе неоднократно упоминалось[71]. Вероятно, какое-то опосредованное отношение к этому культу имели и женщины, погребенные в пещере на г. Ай-Никола.

Составить определенное представление о поминальных действиях, проходивших, видимо, в пещере, достаточно сложно. Следует лишь отметить, что набор сосудов из обнаруженного здесь комплекса свидетельствует о преимущественном совершении возлияний (три кувшина с петлевидными ручками имели внутреннее смоление и, вероятнее всего, содержали вино). Это не единственный случай для позднеантичных культовых памятников Южной Таврики. На близком по времени функционирования святилище на скале Алигор в Партените среди значительного по чис-

ленности керамического материала абсолютно доминируют краснолаковые кувшины и амфоры. К тому же здесь собраны фрагменты примерно 100 стеклянных стаканов и кубков[72].

Таким образом, на основании проведенного исследования, авторы считают возможным предположить, что в пещере на г. Ай-Никола в конце II - первой половине III в.н.э. располагался "специализированный" некрополь сакрально отмеченных лиц, по-видимому, связанных с культом женского хтонического божества. Оставлен могильник, вероятно, представителями сарматских племен, которые во II-III вв.н.э. активно проникают в Горный Крым в связи с бурными военно-политическими событиями позднеримского времени[73].

Принимая вышеизложенное как один из возможных вариантов интерпретации памятника, следует заметить, что не исключены и другие версии. Например, пещера вполне могла быть святилищем неизвестного нам типа. Кроме того, в первые века нашей эры использовать ее могли и представители автохтонного населения Южного берега, о котором в данный момент практически ничего не известно.

Пытаясь определить возможный вид "заложности" погребенных в пещере, мы неизбежно сталкиваемся с определенными трудностями. Информация о верованиях населения позднеантичной Таврики чрезвычайно скудна и представлена в основном археологическими данными. Традиционное общество, в культуре которого могли бы отразиться реликты древних обрядов, в Крыму не сохранилось. В связи с этим, для выполнения поставленной задачи приходится привлекать широкий круг археологического, мифологического и историко-этнографического материала народов, так или иначе повлиявших на этногенез сарматов, либо испытавших их культурное влияние в процессе своего формирования. Продуктивность такого подхода при изучении индо-иранского культурного наследия подтверждена уже имеющимся опытом[74].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мыц В.Л. Отчет об охранных работах и разведках в Горном Крыму // Научный Архив КФ ИА НАНУ, инв. № 233, п. 509. Симферополь, 1984. С. 16-19.
2. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83. 1960. Табл. XXXVIII. Рис. 91-93; Деопик Д.В., Карапетьянц А.М. Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 104. Рис. 1. Табл. 1; Деопик Д.В., Круг О.Ю. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. 3. С. 105, 109, 111. Рис. 4; Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. Рис. 7-8.
3. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 1993. Вып. 3. С. 8, 17, 47. Рис. 53.
4. Коровина А.К., Шелов Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956-1957) // МИА. 1965. № 127. С. 47-50; Наливкина М.А. Раскопки юго-западного участка Танаиса // МИА. 1965. № 127. С. 139, 143; Болтунова А.И. Раскопки оборонительной стены западного района Танаиса (1958-1963) // МИА. 1969. № 154. С. 131; Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1965. С. 6.
5. Анисимов А.И. О продвижении племен готского союза в северо-восточное Причерноморье в середине III в.н.э. (по нумизматическим данным) //Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 129-130; Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236-276 гг.н.э. // Петербургский археологический вестник. СПб. - Кишинев, 1997. С. 157.
6. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. С. 72-75.
7. Мосберг Г.И. К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма // СА. 1946. VIII. Рис. 4,1. Прим. 1.
8. Lang M. Dated jars of early imperial times // Hesperia. T. XXIV. 1955. Pl. 79,o,q; Robinson H. The Pottery of the Roman Period // The Athenian Agora. Vol. V. 1959. P. 94, pl. 20, M 43, pl. 11, j 46, pl. 23, M 125.
9. Radulescu A. Amfore romane si romano-bizantine din Scythia Minir // Pontica, 1976. IX. P. 105. Pl. V,3.
10. Мелентьева Г.М. Ольвийский керамический комплекс первых веков нашей эры // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 23-28. Рис. 2,1; 3,1,2.
11. Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966-1969 гг. // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 62. Рис. 25,2.
12. Ковалевская Л.А. Керамический комплекс конца II - первой половины III вв.н.э. // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 94-98. Рис. 3.

13. Арсентьева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992. Рис. 29,1.
14. Арсентьева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса в 1981-1984 гг. // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 78-79. Рис. 2,4; Они же. Усадьбы Танаиса... С. 55. Рис. 38,2.
15. Арсентьева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса... С. 79. Рис. 2,2,5; Они же. Усадьбы Танаиса... С. 100-101.
16. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 81. Табл. 23. Рис. 5.
17. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв.н.э. Киев, 1982. С. 73-74. Рис. 44,9,19; 47,1,3
18. Мережковский К.С. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // Изв. Рос. геогр. об-ва. 1880. 16. Вып. 2. С. 106-146.
19. Домбровский О.И. Пещеры в урочище Кизил-Коба в позднеантичный период // Труды Комплексной карстовой экспедиции АН УССР. Киев, 1963. Вып. 1. С. 152-164.
20. Щепинский А.А. Во тьме веков. Симферополь, 1966. С. 146.
21. Кеппен П.И. Описание Туакской пещеры в Крыму // Тр. Вольн. о-ва любителей русской словесности. 1821. 14. Кн. 2. С. 220-249.
22. Марковников В.В. Сведения о черепах из сталактитовой пещеры Банбаш-Коба на Чатырдаге// Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1876. 20. Кн. 2. Вып. 1. С. 43-44.
23. Репников Н.И. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // ИАК. 1909. Вып. 90. С. 122.-Рис. 20.
24. Филимонов С.Б., Храпунов И.Н. Николай Львович Эрист - исследователь истории и древностей Крыма // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996. С. 242-255.
25. Мыц В.Л. Новый позднеантичный памятник Караби-Яйлы // Тез. конф. "Проблемы античной культуры. Симферополь, 1988. С. 299-300.
26. Щепинский А.А. Во тьме веков... С. 146.
27. Храпунов И.Н., Храпунова Л.Н., Таратухина Е.Е. Археологические коллекции Крымского краеведческого музея // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 280. Рис. 1,2-4.
28. Щепинский А.А. Археологическое обследование Курцово-Сабловской долины в 1950 г. // История и археология древнего Крыма. - Киев. 1957. С. 315.
29. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 235; Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков н.э. (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. - VII в.н.э. - Киев, 1987. С. 84; Висотська Т.М. Питання етнічного складу населення південнозахідного Криму початку нашої ери // Археологія. 1970. Т. 23. С. 98; Гущина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. Ч. 2. С. 20; Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Вып. Д17. С. 25, 27 и др.
30. Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 119; Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического... С. 41.
31. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон... С. 235; Кадеев В.И. Херсонес Таврический... С. 119; Гущина И.И. О локальных особенностях... С. 20; Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического... С. 84.
32. Мошкова М.Г. Памятники Прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д1-10. С. 22.
33. Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956-1957 гг. // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 51.
34. Смирнов К.Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа // КСИА. 1950. Вып. XXXII. С. 113, 121.
35. Рикман Э.А. Погребальные обряды Будештского могильника // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской СССР. Кишинев, 1964. С. 116.
36. Кадеев В.И. Херсонес Таврический... С. 120; Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 67; Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990. С. 17, 18.
37. Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 115.
38. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон... С. 235.
39. Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Гермонассы... С. 51.
40. Вакуленко Л.В. Этнокультурная ситуация в Верхнем Поднестровье в I-II вв.н.э. // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 26.
41. Висотська Т.М. Питання етничного складу... С. 98; Богданова Н.А., Гущина И.И. Раскопки могильников первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму в 1960-1961 гг. // СА. 1964. № 1. С. 328.
42. Рикман Э.А. Погребальные обряды Будештского могильника... С. 127.
43. Кадеев В.И. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя

// ВДИ. 1973. № 4. С. 116; Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического... С. 41; Пиоро И.С. Крымская Готия... С. 18.
44. Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142. С. 76.
45. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон... С. 235; Кадеев В.И. Херсонес Таврический... С. 119 и др.
46. Русяева А.С. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 174.
47. Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 219-221; Корпусова В.Н. Некрополи сельского населения европейского Боспора (Автореферат диссертации на соискание уч. ст. к.и.н.) 1975. С. 19.
48. Литвинский Б.А. Курганы и курумы западной Ферганы. М., 1972. С. 72-73.
49. Литвинский Б.А. Указ. соч. С. 72-73; Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916. Вып. 1. С. 52-92.
50. Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. С. 53.
51. Бессонова С.С. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 24, 28.
52. Мошкова М.Г. Памятники Прохоровской культуры... С. 22.
53. Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 112-120.
54. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983. С. 71; Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. С. 68; Зайцев Ю.П., Лысенко А.В., Пуздровский А.Е. и др. Охранные исследования грунтового склепа на Усть-Альминском позднескифском некрополе // АК. 1997. № 1. С. 161.
55. Богданова Н.А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. Ч. 2. С. 36-37.
56. Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991. С. 40.
57. Литвинский Б.А. Курганы и курумы западной Ферганы... С. 120.
58. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990. С. 107; Ионова Ю.В. К вопросу о культе медведя, пещер и гор у корейцев // Страны и народы Востока. М., 1968. Вып. VI. С. 155.
59. Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды. С. 40.
60. Тайлор О.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 282-283, 295; Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 50-51.
61. Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 70.
62. Клочко Л.С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 126 (здесь же дан и обзор литературы по этому вопросу).
63. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 106.
64. Там же. С. 334.
65. Гаджиев Г.А. Доисламские верования... С. 106.
66. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 332-335.
67. Бессонова С.С. Религиозные представления скифов... С. 100. Рис. 24.
68. Джарылгасинова Р.Ш., Крюков М.В. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985. С. 173.
69. Кузьмина Е.Е. Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада // Искусство Востока в античности. М., 1977. С. 21.
70. Орлов Р.С. Язычество в княжеской идеологии Руси // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 111-112. Рис. 4,2.
71. Бертье-Делагард А.Л. Случайная находка древностей близ Ялты // ЗООИД. 1907. Т. XXVII. С. 23; Пятышева Н.В. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 3. С. 217-218.
72. Мыц В.Л., Жук С.М., Лысенко А.В. и др. Об охранных работах в Партените // АИК 1994 г. Симферополь, 1997. С. 203.
73. Яценко С.А. Германцы и аланы... С. 154-160.
74. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1974. С. 75-86.

С.А. Мульд

НЕОБЫЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ДЕТАЛИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ МОГИЛЬНИКОВ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ

До недавнего времени наши представления о погребальном обряде населения Центрального Крыма первых веков нашей эры ограничивались небольшим кругом памятников. Работы последних лет изменили эту ситуацию. Раскопаны некрополи у сел Дружное и Перевальное, Битакский могильник[1].

Возобновлены исследования могильника Нейзац[2] и начаты раскопки могильника у села Левадки (рис.1).

В данной статье мы рассмотрим уникальные конструкции и необычные конструктивные элементы погребальных сооружений, а также связанные с ними детали погребального обряда могильников позднеримского времени Дружное, Нейзац и позднескифского могильника Левадки. В Дружном открыто 87 погребальных сооружений: 25 склепов, 32 подбойные могилы и 30 погребений в простых грунтовых ямах, в 14 из которых были погребены лошади. В Нейзаце в 1996-1997 гг. исследовано 66 погребальных сооружений. Из них 14 склепов, 26 подбойных могил, 26 погребений в грунтовых ямах, в том числе одна с плитовым перекрытием, две с заплечиками, три могилы с пазами и два конских погребения. Еще шесть склепов раскопано ранее.[3] В Левадках в 1997 г. открыто 12 погребальных сооружений: 2 склепа, 9 подбойных могил, одна грунтовая могила с плитовым перекрытием. Могильник датируется I в. до н.э. - III в. н.э. В Нейзаце и Дружном могилы ориентированы на восток и северо-восток, соответственно склонам возвышенностей, на которых расположены могильники. Отличительной особенностью некрополя Нейзац является то, что почти все могилы вырублены в песчанике.

Склепы. В Дружном и Нейзаце все склепы - типичной для крымских могильников позднеримского времени Т-образной планировки[4]. Состоят они из трех основных элементов: узкой входной ямы, погребальной камеры и соединяющего их короткого дромоса.

Склепы с подбоем во входной яме. В Дружном могил данной конструкции открыто шесть (№№ 9,18,32,49,58,84). Во всех случаях подбой находился в длинной стенке входной ямы, слева от входа в камеру. Два склепа (№№ 32,49) (рис.2.2,3) были ограблены полностью. В склепе №9 грабители проникли в камеру, не тронув подбоя. Он был отделен от входной ямы, вертикально поставленными в один ряд каменными плитами. В склепе №18 по линии заклада находились средней величины камни в один-два ряда (рис.2.4). Не понятно, являлись ли эти камни остатками заклада или же это была его имитация. В остальных могилах следов закладов не обнаружено[5].

Все подбои оказались пустыми, только в могиле №18 найдены фрагменты стеклянного сосуда. Исходя из этого, нами ранее было выдвинуто предположение, что подбои в склепах Дружного являлись кенотафами. Таким образом, особо выделялось место в склепе для члена семьи, тело которого нельзя было предать земле[6]. В связи с раскопанными недавно в Нейзаце склепами, с погребениями в подбоях, наше предположение с уверенностью можно отнести лишь к могиле №9. Все погребения в склепах Дружного совершены во второй половине III-IV вв. н.э.

В Нейзаце могил такой конструкции обнаружено четыре (№№ 9,35,43,54). Склеп №43 ограблен полностью. В остальных случаях грабители потревожили только погребальные камеры.

Могила №9 (рис.3.1). В центре северо-западного борта входной ямы на высоте 15-20 см от ее дна вырублен подбой. Переход от пола подбойной камеры ко дну ямы оформлен в виде ступеньки, выступающей от борта входной ямы во всю длину подбоя на 15 см. В его северо-восточной половине на слое подсыпки (10 см) вплотную друг к другу стояло четыре лепных сосуда. Внутри одного из них находился еще один лепной кувшин. Рядом с посудой лежал железный нож.

Могила №35 (рис.4). На всю длину северной стенки входной ямы вырублен подбой. Его заклад состоял из массивных каменных плит, поставленных вертикально в один ряд. In situ сохранились три плиты и

несколько небольших камней. Две плиты стояли вертикально, третья находилась под ними в горизонтальном положении.

Вдоль южной, длинной стены входной ямы была оставлена ступенька шириной 15 см. В центральной части она не сохранилась. Эта деталь наиболее типична для подбойных могил. В склепе с подбоем могильника Перевальное зафиксирована аналогичная ступенька[7]. Таким образом, создавалась полная имитация подбойной могилы. Это же свидетельствует о том, что устройство подбоя планировалось заранее и, возможно, он был вырублен раньше, чем камера склепа.

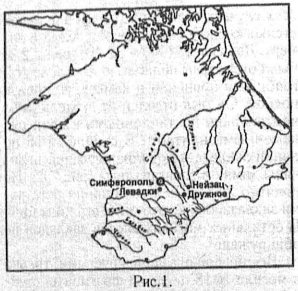


Рис.1.
Карта расположения могильников.

В подбое обнаружено два конских погребения. Костяк одной лошади находился в анатомическом порядке на левом боку. На правой лопатке животного лежали железные детали шкатулки, вероятно попавшие сюда во время ограбления (рис.4.4-6). Кости второй лошади были сдвинуты в северо-западный угол подбоя. Среди этих костей находился череп более мелкого животного, вероятно, собаки.

Конское погребение в подбое входной ямы склепа - единственный случай подобного рода в могильниках позднеримского времени. Аналогичные захоронения обнаружены в двух склепах скифского кургана IV-III вв. до н.э. Хомина Могила. Склеп №1 имел два подбоя в противоположных стенках входной ямы с погребениями коней[8]. В боспорском подкурганном склепе первой половины III в. до н.э. на Васюринской горе, конские погребения также располагались по обеим сторонам входной ямы. Однако здесь для этой цели были сооружены не подбои, а каменные гробницы в виде ящиков с плитовым перекрытием[9]. В нескольких склепах Дружного и Нейзаца конь был положен в камеру, вдоль правой от входа стенки[10]. Поскольку целиком тушу протащить сквозь узкий дромос невозможно, животное расчленяли и укладывали куски в примерном анатомическом порядке. В склепе №17 Нейзаца конские захоронения были совершены непосредственно на дне входной ямы.

Могила №43 (рис.2.1). В обоих длинных бортах входной ямы вырублены подбои. В северо-западном на полу in situ зафиксированы человеческие берцовые кости левой ноги. Погребенный, вероятно, был ориентирован головой на юго-запад. Юго-восточный подбой, судя по размерам, детский. В нем, возле юго-западной стенки камеры, находился лепной одноручный сосуд, незамеченный или нетронутый грабителями (рис.2.1а).

При сооружении склепа была повреждена часть входной ямы и дромоса соседнего склепа №62. Эта уникальная ситуация для могильников позднеримского времени фиксирует два хронологических периода сооружения склепов. Несомненно, более поздним является склеп №43.

Могила №54 (рис.5). Чередующиеся слои песчаника различной плотности и выходы скальных пород определили необычную форму погребальной камеры и дромоса. На стенах сохранились следы орудий в виде бороздок шириной 2-3 см. В длинных стенках входной ямы вырублены подбои. Никаких следов закладов не обнаружено.

Свод и северо-западный угол северного подбоя разрушен оползнем склона. Он содержал одиночное погребение. Костяк лежал, вытянуто на спине, головой на восток. Череп находился в неестественном положении, запрокинутым основанием вверх. Слева на груди лежала железная двухчленная воинская фибула (рис.5.5а,3)[11]. Под тазом с правой стороны найдено керамическое пряслице (рис.5.5б,1). В ногах у погребенного находился лепной сосуд (рис.5.5в,6).

Весь пол южного подбоя покрывала тонкая угольная прослойка. В юго-восточном углу камеры, на слое земли (17 см) рухнувшего свода, вплотную к потолку, лежали два лепных сосуда, вставленных один в другой (рис.5.5г,7,9).

В заполнении могилы были найдены: бронзовая двухчленная прогнутая подвязная фибула, второго варианта по Амброзу (рис.5.2)[12], бронзовая пряжка (рис.5.4) - датирующие склеп IV в., и лепной одноруч-

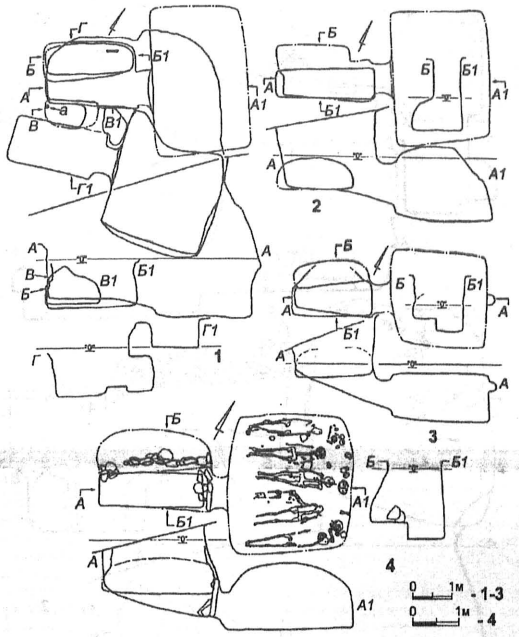


Рис.2.
Планы и разрезы склепов: 1 - Нейзац (могилы №43 и №62); 2-4 - Дружное (2-могила №49, 3-могила №32, 4-могила №18).

ный сосуд (рис.5.8).

Склепы с подбоем во входной яме обнаружены в могильнике III-IV вв. у с. Перевальное[13]. Могилы оказались ограбленными, но по найденному в них материалу можно утверждать, что использовались они для погребения людей[14]. В позднеантичных некрополях сельских поселений Боспора (Старожилово I, Сююрташ, "Сиреневая бухта"), во входных ямах некоторых склепов вырублено от одного до четырех подбоевнищ[15]. В могильниках кенкольской культуры I-V вв. н.э. (северо-запад Кыргызстана) известны катакомбы близкой конструкции[16]. Для погребения грудных детей во входных ямах средневековых склепов Эски-Кермена вырубались небольшие подбои[17].

Склепы с порогом между входной ямой и погребальной камерой. Две могилы такой конструкции открыты в Нейзаце (№№17,53). Порог представляет собой пол дромоса, уровень которого в одном случае на 15 см, во втором на 10 см выше дна входной ямы и пола камеры. Кроме выделенного признака, у этих склепов необычно широкие входные ямы, до 1,4 м. Склеп №53 ограблен в древности (рис.6.2). Могила №17 не тронута грабителями (ее материал заслуживает отдельной публикации, в данной статье мы ограничимся общим описанием).

В северном углу камеры склепа №17 устроители наткнулись на выход скальной породы в форме валуна, который был оставлен нетронутым (рис.6.1). Во входной яме было совершено два конских погребения. Один костяк лежал в анатомическом поряд-

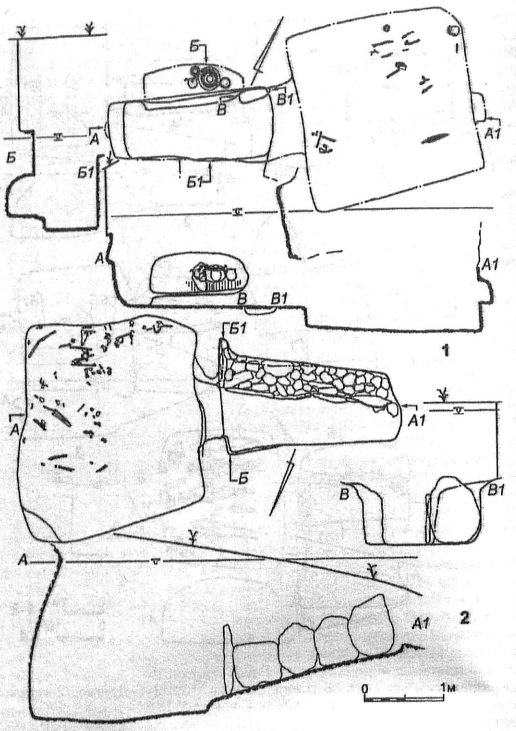


Рис.3.
Планы и разрезы склепов Нейзаца: 1 - могила №9; 2 - могила №22.

ке на правом боку. Кости другой лошади были разбросаны по всей площади ямы. Вход в камеру перекрывали более десятка каменных плит различных размеров, поставленных вертикально, кроме одной нижней. Заклад был установлен на слой наносного грунта (25 см), который тянулся из входной ямы, перекрывал полностью порог и заходил в камеру. Стоявшая у входа миска находилась на высоте 30 см от пола. Этот факт может свидетельствовать о длительном использовании могилы. Порог со стороны входной ямы был снивелирован двумя каменными плитами, положенными горизонтально одна на другую. В камере было погребено не менее семи человек. Склеп датируется первой половиной III в. Вероятно, в это же время был сооружен и склеп №53.

Аналогичные пороги имелись в каменном вырубном склепе №2 Неаполя Скифского[18], в склепах №№1, 2 могильника позднеримского времени Килен-балка[19]. В склепах боспорских могильников Старожилово I и "Сиреневая бухта" также имелись пороги различной высоты[20].

Склеп с зауженной входной ямой обнаружен в Нейзаце (№22). Параллельно длинной юго-восточной стене входной ямы, на

всю ее длину (2,2м), вертикально стояли 4 каменные плиты (рис.3.2). Еще одна плита была установлена вплотную к северо-восточному борту, справа от входа. В восточном углу ямы для нее был сделан паз глубиной 20 см. Простенок плотно забутован камнями на высоту плит (0,6-0,8 м). Таким образом, входная яма оказалась зауженной на 0.4 м. С какой целью это было сделано - непонятно. Известны случаи, когда подобным способом укрепляли разрушающиеся борта ямы[21]. Здесь же яма вырублена в скале и особой необходимости в укреплении ее бортов не было.

Могила №2 из Нейзаца представляет собой недостроенную входную яму склепа (рис.7.1). У восточного борта, где планировалось выкопать погребальную камеру, устроители наткнулись на выход более твердой породы в форме валуна. Попытавшись его обкопать сверху и снизу, о чем свидетельствуют углубления в восточном борту и на дне ямы (до 30 см), они прекратили работу. В заполнении углубления на дне были обнаружены фрагменты лепной двуручной миски. В аналогичной ситуации оказались устроители склепа в Инкермане[22].

Яма, оставаясь открытой, была использована для устройства небольшого подбоя в южной стенке (0,75 х 0,4 х 0,5 м). Его закрывала каменная плита. К моменту зачистки она упала и лежала в горизонтальном положении. В подбое находились: один краснолаковый и десять лепных сосудов, один фигурный лепной сосуд в виде барана, и железные удила[23]. Видимо, подобное устройство связано с поминальными действиями. На территориях могильников обнаружены скопления сосудов в специальных ямах (в Дружном - 3 ямы, в Нейзаце - 6). Аналогичные тризновые скопления посуды открыты в могильнике «Совхоз-10»[24].

Подбойные могилы. Состоят из двух основных элементов: входной ямы и подбоя (иногда двух, вырубленных в ее длинных стенках).

Могилы с нишами в подбоях обнаружены в могильнике Дружное (№№5, 36)(рис.8.9). В коротких северо-восточных стенках подбоев вырублены подпрямоугольные в плане и в вертикальном разрезе ниши. В могиле №5 ниша 10 х 20 см, высотой 10 см, от пола 25 см; в могиле №36 - 15 х 26 см, высотой 20 см, от пола 35 см.

Аналогии нам не известны. В склепах такие ниши использовались для установки светильников, размещения погребального инвентаря, приношений и т. д. Назначение их в подбойных могилах не совсем ясно, так как они были пусты. Вряд ли была необходимость в освещении камер, если учесть, что эти могилы были не глубокими.

Могила с тремя подбоями обнаружена в могильнике Левадки (№3). Входная яма ориентирована по линии юго-восток - северо-запад (рис.8.1). В ее длинных и в короткой северо-западной стенках на одном уровне вырублены подбои. Каменные за- клады состоят из плит различной величины, установленных комбинированно вертикально и горизонтально (нижний ряд у северо-западного и юго-западного бортов). Могила ограблена в недавнее время. In situ сохранились фрагменты бедренных и берцовых костей в юго-западном подбое. Судя по ним, погребенный лежал головой на юго-восток. В северо-западном подбое у задней стенки стояло два лепных одноручных сосуда и краснолаковая чашка (рис.8.1а-в,6-8). В заполнении могилы обнаружены бронзовые предметы: перстень (рис.8.5), пронизь (рис.8.2), деталь диадемы (рис.8.3), а также стеклянные бусы (рис.8.4). Диадемы, состоящие из таких же деталей, открыты в комплексах первой половины III в. в Нейзаце.

Аналогии этой конструкции нам не известны. Могилы с тремя подбоями (два в длинных стенках входной ямы, третий во втором ярусе над одной из этих камер) открыты в могильниках «Совхоз - 10»[8] и "Сахарная головка"[25].

Погребения в простых ямах. Эта конструкция использовалась для захоронения людей и коней. В последнем случае могилы имеют несколько большие размеры. Выделяются подтипы - могилы с заплечиками и с плитовым перекрытием. Новый подтип открыт в могильнике Нейзац - могилы с пазами в стенках ямы (№№3,27,39).

В трех стенках ямы (кроме северо-восточной) могилы №3, на высоте 0,8 м от дна, были вырублены пазы шириной 15-20 см (рис.9.3). Глубина их в длинных стенках 40 см, в торцевой 10 см. В северо-восточном борту могилы сделан небольшой подбой. Дно ямы по всей площади покрывал тонкий слой угольной подсыпки. Могила ограблена. В ее заполнении обнаружены железный меч и бронзовая пряжка с овальной рамкой и язычком, украшенным двумя пересекающимися врезными линиями (рис.9.4).

Могила №27 (рис.9.1). Пазы вырублены в верхней трети высоты длинных стенок ямы. Их ширина 15 см, глубина 20-25 см. Паз в южном борту сделан на полови-

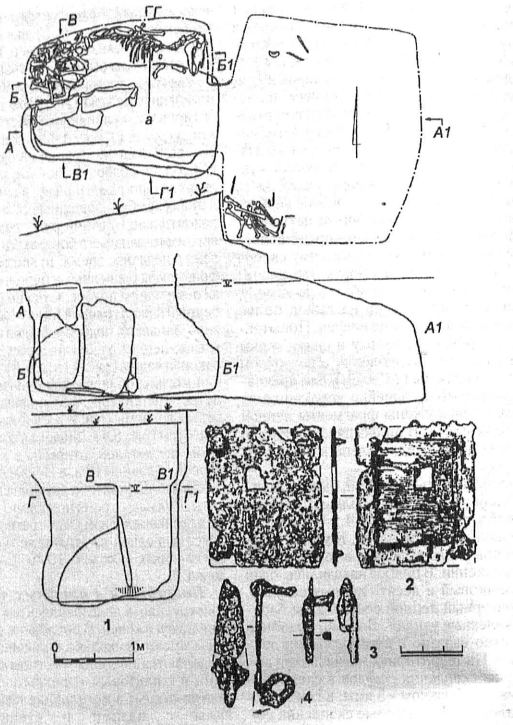


Рис.4.
Могила №35 (Нейзац): 1 - план склепа (а - детали шкатулки); 2 - разрезы и фасировка каменного заклада подбоя; 3 - разрезы; 4-6 - железные детали шкатулки.

ну ее длины. Его уровень на 12 см выше противоположного. Паз в северном борту до конца не прослежен, так как западная верхняя часть могилы повреждена оползнем склона. В могиле совершено погребение мужчины головой на восток[26]. Верхняя часть костяка, из-за болезни позвоночника, находилась на левом боку, скорченно. Нижние конечности вытянуты. Поверх них, в районе колен, были сложены кучкой кости ребенка.

Могила №39 (рис.9.2). Пазы вырублены в длинных бортах могилы на высоте 0.6 м от ее дна. Их ширина 15-20 см, глубина 10-20 см. В пазы были вставлены плиты перекрытия, поверх которых лежал еще один ряд плит. В могиле обнаружено три погребения: два взрослых женских и одно детское. Костяки лежали вытянуто, один над другим. Верхний ориентирован головой на северо-восток, нижние - в противоположную сторону. Ребенок был положен на ноги нижнего погребенного. Их частично перекрывала земляная прослойка, увеличивающаяся в сторону ног. Ноги верхнего погребенного находились на плечах нижнего, без

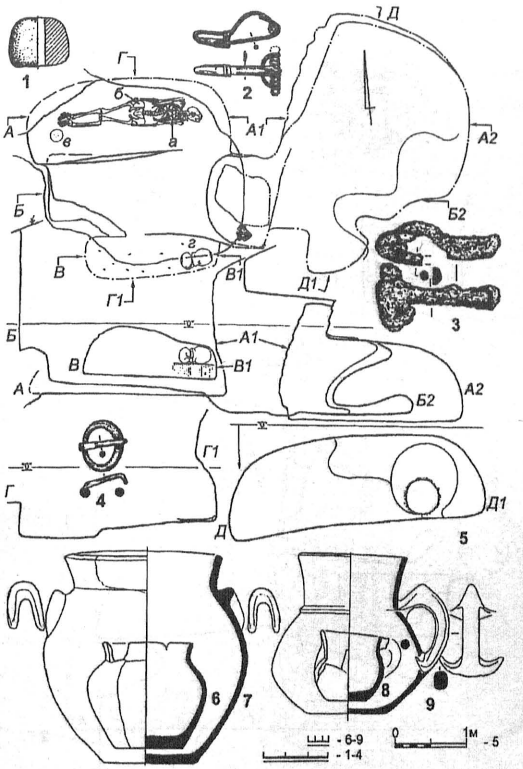


Рис.5.
Могила №54 (Нейзац): 1,3,6 - сопровождающий инвентарь погребения в подбое; 2,4,8 - вещи из заполнения склепа; 5 - план и разрезы склепа (а - фибула, б - пряслице, в,г - сосуды); 7,9 - сосуды из южного подбоя.

какой-либо прослойки.

По сопровождающему инвентарю погребение №27 датируется второй половиной II в. или первой половиной III в.[27]. Так же датируется погребение №39. Могила №3 (судя по пряжке, найденной в ней) может быть отнесена к IV в.

Нам известны две аналогичные конструкции. В погребении №4 кургана 6 Мечет-Сайского курганного могильника прохоровского времени имелись пазы во всех четырех стенках ямы. В них сохранились остатки деревянного перекрытия[28]. Во впускном сарматском погребении №6 кургана 6 Васильевского могильника пазы были вырублены в длинных стенках могильной ямы[29]. Имеются аналогии подбою в узкой стенке могилы №3. В черняховском могиль-

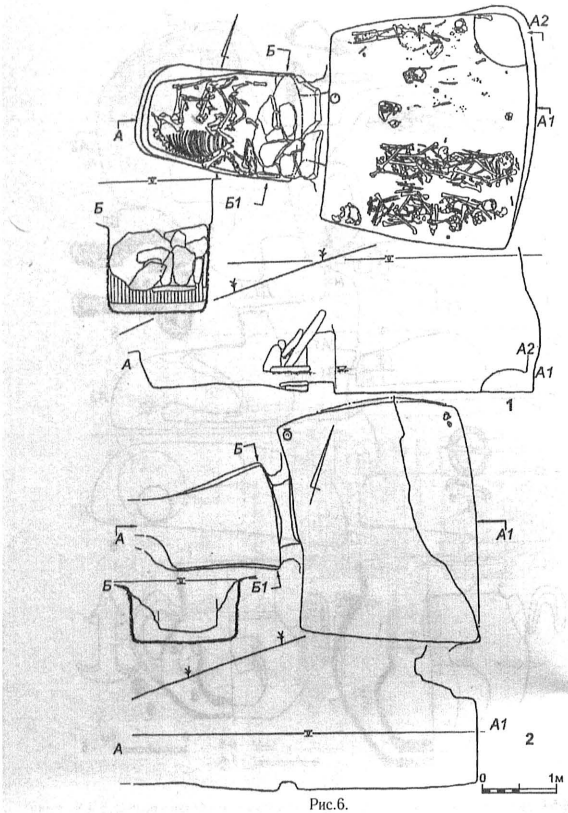


Рис.6.
Планы, разрезы и фасировки восточных бортов входных ям склепов Нейзаца: 1 - могила №17; 2 - могила №53.

нике Викторовка II, в грунтовой яме, была погребена женщина - таким образом, что ее голова и сопровождающий инвентарь находились в нише-подбое[30]. Небольшой подбой в головах имелся во впускном сарматском погребении №4 кургана 1 расположенного около Гавриловского городища[31].

Могила для погребения лошади открыта в Нейзаце (№56). Вдоль короткого северо-восточного борта оставлена широкая (45 см) ступенька, высотой 30 см (рис.7.2). Она полого соединяется с дном ямы. В центре ступеньки, на всю ее ширину, был вырублен прямоугольный в сечении желоб, глубиной 15 см, шириной 20 см. Эта конструкция предназначалась для размещения головы животного.

В могиле зафиксировано два конских погребения. К моменту совершения последнего захоронения на дне и ступеньке

образовался натечный слой (5-15 см). Кости первой лошади были смещены и покрывали дно ровным слоем. Вторую лошадь поместили на подогнутых ногах, головой на ступеньке. Во рту у лошади были кольчатые железные удила (рис.7.4). Рядом лежало железное кольцо от упряжи (рис.7.3). Погребения могли, каким-то образом, относиться к могиле с двумя подбоями, расположенной в непосредственной близости. К сожалению, она была ограблена, но по найденной в ней сильно профилированной фибуле с высоким приемником и бусинами на головке и спинке, ее можно датировать II-III вв. Это косвенно может указать дату могилы №56.

В Чернореченском могильнике в захоронении №2 (83) в короткой стенке ямы был вырублен специальный желоб для головы лошади[32]. В Усть-Альминском некрополе конские погребения имели ступеньку для головы. Саму голову обкладывали по сторонам камнями[33]. В нейзацком погребении сочетаются и ступенька, и желоб, заменивший каменную обкладку головы животного.

Рассмотренный материал позволяет заключить следующее:

Многообразие конструктивных деталей склепов и подбойных могил подтверждает высказанное нами ранее предположение о том, что их устройством занималась каждая семья в отдельности[34]. Выполняя требования, нормы общего характера к форме могильного сооружения, его ориентировке, расположению на территории кладбища и др., устроители допускали отклонения в деталях. Семья определяла необходимость использования того или иного элемента (третий подбой, подбой во входной яме склепа, ниши в погребальной камере и т.д.) и его назначение. Так, подбойные могилы во вход-

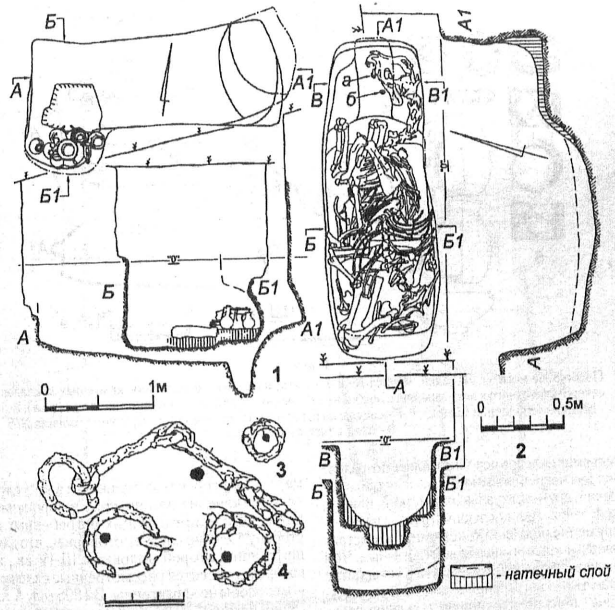


Рис.7.
Нейзац: 1 - план и разрезы могилы №2; 2 - план и разрезы могилы №56 (а - удила, б - кольцо); 3,4 - детали упряжи конского погребения №56.

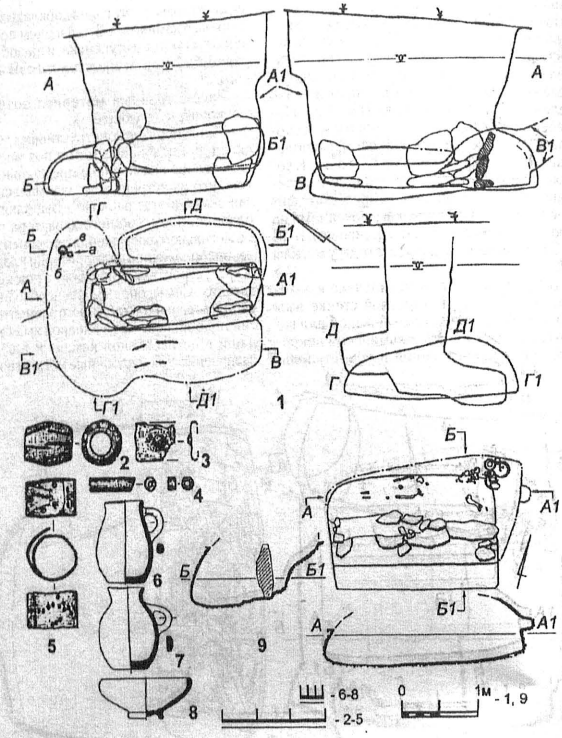


Рис.8.
Подбойные могилы. Левадки, могила №3: 1 - план, разрезы и фасировки каменных закладов северо-восточного и юго-западного подбоев (а,б - лепные сосуды, в - краснолаковая чашка); 2-5 - вещи из заполнения могилы; 6-8 - сосуды из северо-западного подбоя. Дружное, могила №5: 9 - план и разрезы могилы.

ных ямах склепов использовались по-разному: для погребения людей, конских захоронений, других ритуальных действий, или как кенотафы. Для последних трех случаев сооружение подобной конструкции представляется вполне оправданным и логичным. Чем была вызвана необходимость в устройстве отдельного погребения в семейной усыпальнице - пока понять сложно. В склепах сельского населения Боспора, по мнению А.А. Масленникова, таким образом решалась проблема переполненности основных камер[35]. В варварских могильниках в этих случаях применяли многоярусные захоронения или сдвигали предыдущих погребенных в сторону. Однако следует оговорить, что для погребений второй половины III-IV вв., к которым относятся рассмотренные склепы, эти способы не характерны. В 1895 году А.А. Дирин в районе мыса Зюк исследовал двухкамерный склеп с подбоем во входной яме[36]. Одна камера оказалась ограбленной. Во второй обнаружены три женских погребения.

В подбое был погребен мужчина. Одного этого примера недостаточно, чтобы с уверенностью утверждать, что таким образом отделялись женские погребения от мужских. Представляется, что человек, похороненный таким образом, мог находиться в каком-то обособленном положении в данной семье - например, в зависимом. В богатых катакомбах скифского времени, в нишах, вырубленных в дромосах, хоронили слуг[37].

Подбои во входных ямах склепов №№9, 54 (южный) могильника Нейзац использовались в качестве мест для размещения посуды. Вероятнее всего, это связано с совершением тризны. Однако, учитывая небольшую площадь камер этих могил, не исключено, что таким способом располагалась часть сопровождающего погребального инвентаря. Погребения второй половины III-IV вв. обычно сопровождает большое количество посуды. В склепах иногда находят несколько десятков сосудов.

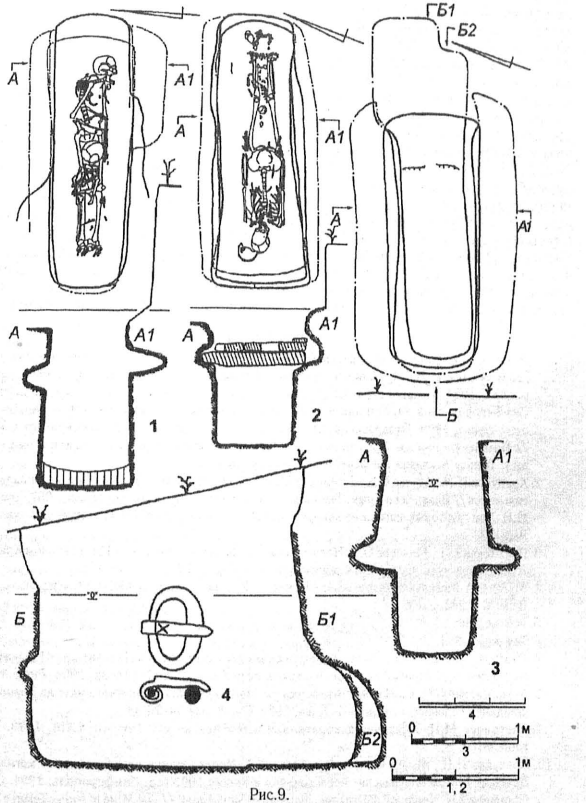


Рис.9.
Могилы с пазами Нейзаца: 1 - план и разрез могилы №27; 2 - план (два нижних яруса погребений) и разрез могилы №39; 3 - план и разрезы могилы №3; 4 - пряжка из заполнения могилы №3.

Погребения могильников Дружное и Нейзац делятся на две группы, отличающихся некоторыми деталями погребального обряда и временем существования: 1) второй половины II - первой половины III вв., 2) второй половины III-IV вв. Принято считать, что склепы в крымских могильниках, после того как их перестают сооружать во II в. поздние скифы, вновь появляются лишь во второй половине III в., с приходом алан. Эту хронологическую лакуну может заполнить группа склепов, открытая в могильнике Нейзац (№№17, 18,22,53,62). Могилы расположены компактно, в один ряд, центральное место в котором занимает склеп №17, датируемый по инвентарю первой половиной III в. Остальные склепы ограблены, и включая их в эту группу, мы более всего основываемся на идентичности их конструкций. Все они имеют широкие входные ямы, в камерах отсутствуют ниши, могилы №№17, 53 - с порогами. Склеп №62 разрушен более поздним склепом. В его заполнении, кроме прочих предметов, были найдены две серебряные монеты Александра Севера (выпуск 222 г. н.э.) и Юлии Месы (умерла в 223 г.)[38]. Вероятно, некоторые из этих могил использовались и во второй половине III-IV вв., о чем свидетельствуют найденные в заполнении вещи. Так, в склепе №18 обнаружено четыре разновременных фибулы: "смычковая", лучковые подвязные (одночленная четвертого варианта, по А.К.Амброзу, и двучленная), железная "воинская" со сплошным приемником[39]. Возможно, с необходимостью переустройства склепа под более традиционную форму (склепы второй половины III-IV вв. имеют узкие входные ямы), связано искусственное зауживание входной ямы могилы №22.

Началом III в. датируется склеп 1949 года в могильнике Неаполя Скифского[40]. Конструкция его аналогична склепам некрополей позднеримского времени и каменным вырубным склепам этого же могильника, часть из которых, вероятно, также возникла в это время или чуть раньше - в конце II в.[41]

Как локальную особенность могильников позднеримского времени Центрального Крыма, можно рассматривать склепы с подбоем во входной яме.

Использование различных типов погребальных сооружений говорит о сложном этносоциальном составе варварского населения Крыма. Об этом же свидетельствуют аналогии, найденные, в раннескифских, раннесарматских древностях, в черняховской культуре и в античном окружении.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Указаны последние по времени работы: Храпунов И.Н., Мульд С.А. Завершение исследований могильника Дружное // Археологические исследования в Крыму: 1994 г. Симферополь, 1997. Пуздровский А.Е., Гумашьян С.В., Зайцев Ю.П., Новиков И.И. Работы Симферопольской экспедиции в 1991 году // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, 1993. Пуздровский А.Е. Могильник III-IV вв. н. э. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Тезисы докладов конференции. Симферополь, 1994.
2. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Население Центрального Крыма в IV в. н. э. по материалам могильников // Византия и Крым. Тезисы докладов конференции. Симферополь, 1997; Храпунов И.Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.
3. Высотская Т.Н., Махнева О.А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983.
4. Мульд С.А. Могильники варварского населения Крыма I-V вв. // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V. С.284, рис.6
5. Там же. Рис.7.1.
6. Там же. С. 284.
7. Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н. э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. Рис.5,3.
8. Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев, 1973. С.208, рис.24-26,33
9. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 1913. С.31, табл.XII. 3
10. Храпунов И.Н., Мульд С.А., Хайрединова Э.А. Исследование позднеримского могильника Дружное // Археологические исследования в Крыму 1993 год. Симферополь, 1994. С.255. Chrapunov I.N. Necropoli di Druznoe, distretto di Simferopol' // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995. P.185.

11. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д 1-30. М., 1966. С.71, табл.10,17.
12. Там же. С.64.
13. Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях... Рис.5.2,3.
14. Информация научных сотрудников КФ ИА НАН Украины А.Е. Пуздровского и Ю.П. Зайцева.
15. Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. Рис.11,23,30,32,35,47.
16. Кожомбердиева Э.И. Классификация погребальных сооружений кенкольской культуры // Древности Евразии. М., 1997. С.46, табл.2.
17. Айбабин А.И. Могильники VIII - начала X в. в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С.127, рис.17,15.
18. Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях... Рис.4,1.
19. Савеля О.Я. Отчет о разведках могильника первых веков нашей эры в Килен-балке в 1968 г. Архив ИА НАН Украины. №1968/65. Рис.2.
20. Масленников. А.А. Указ.соч. Рис.10,11,13,14,42,47.
21. Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. С. 20, табл. II,2.
22. Веймарн Е.В. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // ИАДК. Киев, 1957. С.234.
23. Kharaounov I., Mould S. La necropole de Neizats // Archeologie de la Mer Noire. Caen,1997. P.65,66.
24. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника III-IV вв. н. э. на территории тепличнопарникового хозяйства с-за "Севастопольский" в Инкерманской долине в 1965 г. Архив НЗХТ. Дело №1189. С.149. Бабинов Ю.А. Отчет о раскопках позднеантичного могильника в Инкерманской долине на территории с-за "Севастопольский" в 1967 г. Архив НЗХТ. Дело №1240. С.11.
25. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника (III-IV вв.) в Инкерманской долине к югу от горы "Сахарная головка" на территории парникового хозяйства с-за "Севастопольский" в 1961 г. Архив НЗХТ. Дело №854. С.43, рис.6,10. Борисова В.В. Могильник у высоты "Сахарная головка" // Херсонесский сборник. Симферополь, 1959. Вып. V. С.183, табл. III.
26. Храпунов И.Н. Две грунтовые могилы... Рис.1.1.
27. Там же. С.235.
28. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. С.109, рис.38, 7.
29. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. III. Курганные могильники Васильевский и Кубей. Киев, 1990. С.5, рис.4.1.
30. Сымонович Э.А. Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье // МИА. 1971. №177. С.67, рис.1,1а.
31. Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. №64. С.244.
32. Бабенчіков В.П. Чорноріченський могильник // АП. 1963. Т. XIII. С.121.
33. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С.72.
34. Мульд С.А. Указ.соч. С.287.
35. Масленников. А.А. Указ.соч. С.27.
36. Дирин А.А. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. Том XIX. 1896. С.125.
37. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н. э.). М., 1991. С.31.
38. Определение монет Н.А. Алексеенко.
39. Амброз А.К. Указ.соч. С.47,50,70, табл.6.11, 9.10, 10.13.
40. Дашевская О.Д. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя Скифского // ВДИ. 1951. №2.
41. Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях... С.119.

А.Е. Пуздровский, Ю.П. Зайцев, И.И. Неневоля

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА УСТЬ-АЛЬМИНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

Памятники кочевников конца IV-V вв. в Крыму достаточно редки[1], поэтому обнаружение в 1997 г. на Усть-Альминском позднескифском могильнике (с.Песчаное, Бахчисарайского р-на) воинского погребения гуннского времени представляет особый интерес.

Для захоронения был вторично использован грунтовый склеп № 635, расположенный в 150 м к юго-востоку от вала городища[2]. Склеп по конструкции относится к типу продольно-осевых катакомб, ориентирован по линии ССЗ-ЮЮВ. Камера овальной в плане формы, размером 3,2 х 2,5 м, высота свода - 1,4 - 1,7 м, из короткого дромоса в нее вели две ступеньки общей высотой 1,15 м. Закладная плита была отодвинута древними грабителями во входную яму. На дне камеры, на глубине 4,25 м от современной дневной поверхности, у западной стенки после ограбления сохранилась лишь часть костяка, судя по которой умерший (погребение 2) лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЮВ, у левой кисти зафиксирована бронзовая игла. В засыпи над полом обнаружены отдельные человеческие кости, крупные фрагменты узкогорлой светлоглиняной амфоры[3] и три бусины из глухого белого стекла, позволяющие датировать ранние захоронения II в. н. э. Ограбление, как и на соседних участках, вероятнее всего произошло во второй четверти III в. н. э., после чего произошел обвал свода. В гуннское время заполнение северной части камеры через образовавшийся провал (размером 2,0 х 1,5 м) выбрали до дна, а в полу устроили выемку прямоугольной формы (2,4х0,5х0,1 м), ориентированную по оси З-В (с небольшим отклонением), в результате чего оказалась нарушена первоначальная конфигурация северо-восточной стенки склепа (рис. 1). Затем здесь была установлена колода (погребение 1), которую прикрыли с южной стороны вертикально поставленными плитами, частично просевшими на крышку гробовища. Одна из них, в СВ углу, высотой 0,5 м осталась in situ (рис.2). К ней с наружной стороны были прислонены два конских копыта с костями суставов. Весь остальной объем камеры был заполнен разнокалиберным камнем, среди которого - три крупных обработанных блока, взятых, вероятно, из оборонительной стены городища или усадьбы (рис. 1).

Под плитой обнаружен бронзовый котелок с одной петлей для ручки (рис. 2, 13), лежавший на боку и прижатый венчиком к борту колоды. Поверх тлена крышки колоды зафиксирован ряд вещей: обломки железных, круглых и прямоугольных в сечении, изогнутых стержней, служивших, возможно, скобами-ручками (рис. 4, 24), в восточной части могилы - железные кольчатые удила (рис. 2, 3), две серебряные обоймы со следами дерева и две золотые прямоугольные пластины (рис. 2, 1,2). Над черепом лежали 17 пластин, представлявших собой бронзовые накладки на ремни конской сбруи, обтянутые золотыми пластинами, украшенными, в свою очередь, штампованным орнаментом (рис. 2, 4-9). Три из них (рис. 2, 4,5) имели вставки из сердолика. Над левой рукой умершего найдена прямоугольная пластина с сердоликовыми вставками и узкая полоска золотой фольги (рис. 2, 10,11). Над стопой левой ноги зафиксированы четыре прямоугольные пластины, аналогичные найденным над черепом (рис. 2, 12).

Описание погребения. Умерший лежал в дубовой колоде размером 2,13 х 0,48 х 0,5 м (толщина стенок 1,5 - 2 см), в вытянутом положении, на спине, головой на восток, кисти рук прижаты к бедрам. Позвоночный столб слегка искривлен, череп завален вправо, нижняя челюсть отпала в сторону грудной клетки.

Инвентарь: Над левой ключицей находилось скопление смятых листков золотой фольги и две сердоликовые полусферические вставки, которые оказались обкладкой истлевшего деревянного навершия жезла (?) в виде фигурки животного (рис. 2, 14). Поверх костей левой руки и ноги лежал железный меч с ромбовидным перекрестием и рукоятью-штырем, в деревянных позолоченных ножнах с железной скобой (рис. 2, 20, 21), под ним - железный нож (рис. 2, 19). На левой стороне костяка зафиксированы три группы костяных пластин, представлявших собой концевые и срединные накладки несохранив-

шегося деревянного лука (рис. 2, 15 а, б, в). На правой стороне таза зачищен пучок массивных железных наконечников стрел, обращенных остриями в сторону черепа (рис. 2, 18). В области таза найдены две пряжки - серебряная (рис. 2, 16) и бронзовая (рис. 2, 17). Еще две бронзовые пряжки (рис. 2, 22, 23) находились у стоп умершего. Здесь же лежали позвонки особи мелкого рогатого скота (овцы?).

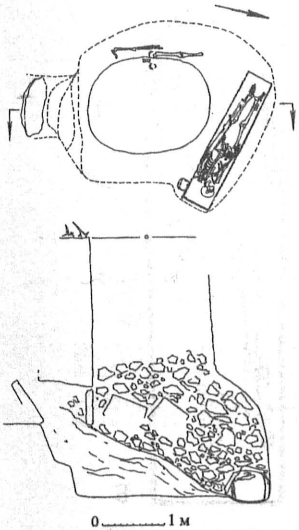


Рис.1.
План и разрез склепа № 635
с погребениями 1 и 2.

Описание находок:

1. Бронзовый котелок (рис. 4, 13).Техника изготовления - ковка, швы не прослежены, верхняя часть цилиндрической, нижняя - усеченно-конической формы. Край отогнут и приподнят. Дно плоское, изнутри на него последовательно наклепаны три "заплаты", закрывшие насквозь прогоревший участок. Внешняя поверхность сосуда, особенно в придонной части, сильно измята и закопчена. С одной стороны, у края, сохранилась одна из двух бронзовых петель, прикрепленных к корпусу железными заклепками и загнутая внутрь. К ней крепилась подвижная железная дужка, утраченная в древности. Все это свидетельствует о длительности использования посуды. Высота котелка 17 см, диаметр края 22,4 см, диаметр дна 11 см, толщина стенок 0,1 см. Бронзовые котлы и котелки, несмотря на их широкое использование в погребальном обряде сарматами[4], являются также характерными признаками захоронений гуннского времени[5]. Аналогичный по форме и размерам котелок, но склепанный из двух частей, найден в разрушенном погребении у г. Мелитополя[6]. Наиболее близок нашему также сосуд из склепа № 29 (V в.) могильника Байтал-Чапкан в Черкесии[7]. К этому же типу относится экземпляр из каменного ящика у пос. Шестая шахта, неподалеку от Хумаринского городища[8] и котелок из разрушенных погребений V в. у аула Хабаз в Кабардино-Балкарии[9]. И.П. Засецкая предполагает северокавказское производство такой посуды, рассматривая ее как местный вариант римских котелков типа "Делбет", бытовавших в Восточной Европе в конце I - III вв. н. э.[10]

2. Серебряные обоймы (рис. 3, 2). Состоят из согнутой вдвое прямоугольной пластины (3,0 х 1,5 см), закрепленной двумя штифтами вокруг остатков деревянного предмета, возможно, луки седла. Аналогичные обоймы-наугольники найдены в керченских склепах[11]. Обнаружение таких предметов сбруи в могильниках Инкерман, Дружное и степных сарматских погребениях позволяет считать, что они появились еще в первой половине IV в. н. э[12].

3. Составные железные удила в виде двух сцепленных стержней длиной 5 и 6 см, свободные концы которых загнуты в петли (рис. 4, 3). Псалии представляли собой железные кольца диаметром 3,5 см и были продеты сквозь петли удил. На кольцах - по паре пластинчатых бронзовых обойм, под которыми сохранились остатки кожаных ремней. Несколько обрывков затвердевших ремней - в том числе с позолотой - зафиксированы на стержнях удил и псалиях. На одно из колец-псалиев приварен небольшой крючок. К ремням от зажимов, вероятно, крепились бронзовыми штифтами две пластинки (3,0 х 1,2 см), обтянутые золотым листом и украшенные штампованным орнаментом (рис. 3, 1). Похожая накладка на ремень, с двумя сердоликовыми вставками, найдена у г. Алешки (Кучугуры) на Херсонщине[13]. Удила и пса-

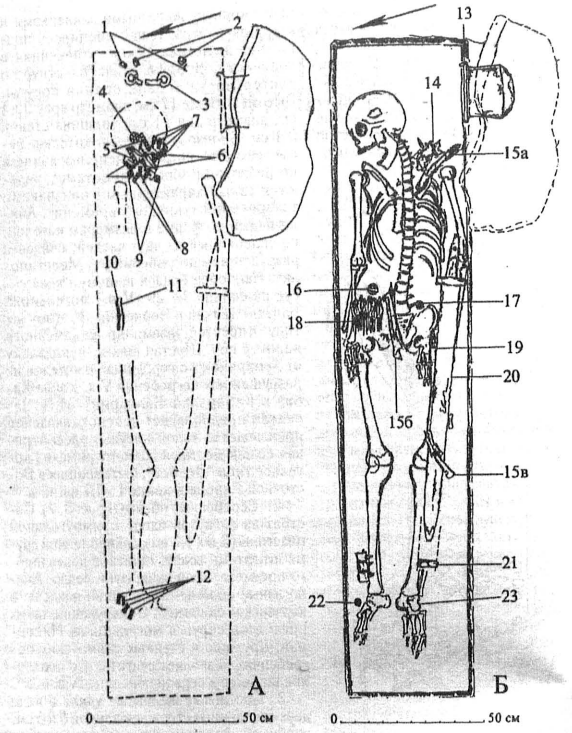


Рис.2.

Планы погребения 1: А - на уровне крышки колоды; Б - на уровне дна колоды. 1 - накладки; 2- наугольники; 3- удила; 4-12 - детали конской сбруи; 13 - котелок; 14 - обрывки обкладки фигурки животного; 15 а, б, в - костяные накладки лука; 16, 17 - портупейно-поясные пряжки; 18 - наконечники стрел; 19 - железный нож; 20 - железный меч; 21 - оковки ножен; 22, 23 - обувные пряжки.

лии обычны в погребениях гуннского времени. Наиболее близки альминским по конструкции и оформлению экземпляры из г. Мелитополя, д. Федоровки Куйбышевской области и с. Кызыл-Адыр Оренбургской области[14].

4. Украшения конской сбруи.

Бронзовые пластины, обтянутые сверху золотым листом и украшенные штампованным орнаментом, крепились к ремням с помощью бронзовых гвоздиков и небольших пластинок.

Наиболее многочисленны (14 экз.) прямоугольные пластины с рубчатым ободком и тремя колечками в поле (рис. 3, 7, 8, 12). Варианты: орнаментированные стороны (3 или 4), дополнительные крепления (рис. 3, 8), количество гвоздиков (2 - 8 экз.; 3 - 6 экз.), Между пластинами сохранились обрывки ремней, толщина которых в древно-

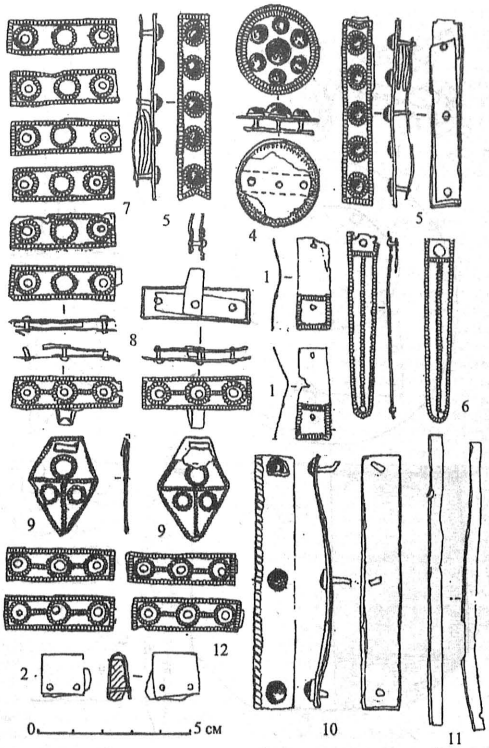


Рис.3.
Детали конской сбруи.

сти составляла 0,3 см. Размеры: 3,5 х 1,1 см. Подобные накладки часто встречаются в уздечных наборах гуннского времени, отличаясь лишь деталями оформления и орнамента. Наиболее близки альминским по исполнению экземпляры из погребений у г.Мелитополя, с. Здвиженское близ г. Ставрополя, с-за им. Калинина и у г. Феодосии (г.Коклюк) в Крыму, к-за "Восход" близ г. Покровска Саратовской области[15].

Круглая бляха диаметром 3 см, украшенная двумя рубчатыми ободками и семью сердоликовыми полусферическими вставками в гнездах, напаянных на лист (рис. 3, 4). Близкие по размерам и технике исполнения бляхи известны в погребениях у с. Татарка и г. Зеленокумска Ставропольского края[16], у г. Мелитополя[17], среди материалов могильников у сс. Верхняя Рутха и Байтал-Чапкан в Карачаево-Черкесии[18]. В Крыму такие украшения известны в составе находок из керченской катакомбы 154[19] и погребения кочевника на поселении античного времени у с.Новопокровка Кировского района[20]. Большая часть их встречена в комплексах в виде под-

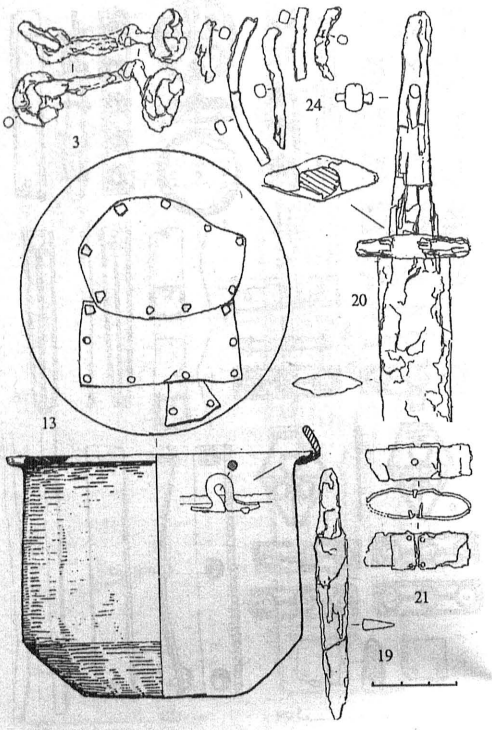


Рис.4.
Железные удила (3), стержни (24), бронзовый котелок (13), железный меч (20), оковки ножен (21), железный нож (19).

весок и фибул, однако в Усть-Альминском могильнике бляха зафиксирована как элемент конской сбруи (налобника ?). Этот тип кочевнических украшений получил развитие и на Боспоре[21].

Две бляхи ромбовидной формы с одной прямой стороной. Первая из них - с прорезью для подвешивания, вторая - со следами починки, украшены орнаментом в виде рубчатых ободков по краю и делящих поле на три части (трапецию и два треугольника), в каждой из которых расположено штампованное колечко (рис. 3, 9). Размеры: 3,4 х 2,3 см. Такие бляхи найдены в могиле IX у с. Новогригорьевки в Запорожской области[22], у с-за им. Калинина и у г. Феодосии (г.Коклюк) в Крыму[23], у с. Нижняя Добринка в Саратовской области[24].

Два наконечника ремней - удлиненной формы с округлым концом, украшенные рубчатым ободком и вертикальной линией. В верхней и нижней части - по два штифта - держатели оборотных пластин (рис. 3, 6). Размеры: 6,5 х 1,0 см. Такой тип украшений конской упряжи широко

представлен в комплексах гуннского времени. Аналогичные наконечники встречены в могиле IX у с. Новогригорьевки[25]. Отличаются лишь деталями оформления накладки из с. Раденск близ г. Алешки, с. Здвиженское и с. Нижняя Добринка[26]. Очень похожие украшения найдены в Крыму: у с-за им. Калинина и близ г. Феодосии[27].

Две прямоугольные пластины (один край - в виде "ласточкиного хвоста"), украшенные рубчатым ободком, пятью сердоликовыми вставками в гнездах и колечками вокруг них, крепились тремя штифтами, верхний край которых закрыт камнем (рис. 3, 5). Между пластинами креплений сохранились остатки кожаных ремней. Выполнены в той же технике, что и пластины с тремя кружочками. Размеры: 6,4 x 1,1 см. По аналогии с комплексами из урочища Кубей в Одесской области, могилы IX у с.Новогригорьевки и др., такие пластины украшали ремни, крепившиеся к кольцам- псалиям[28].

Прямоугольная пластина, украшенная по одной из сторон орнаментом в виде "плетенки", выполненной по наложенной на бронзовую основу матрице, с тремя сердоликовыми вставками в гнездах (одна утеряна в древности), закрывавших бронзовые штифты (рис. 3, 10). К основе прилегала ткань, сохранившаяся благодаря пропитке ее окислами металла. Размеры: 8,7 x 1,4 см. Полоска золотой фольги, согнутая по длине вдоль края и найденная рядом с вышеописанной пластиной (рис. 3, 11). Размеры: 10,0 x 0,5 см. Близкая аналогия пластине имеется среди накладок из погребения у с. Нижняя Добринка[29].

5. Меч железный двулезвийный с ромбовидным перекрестием, без металлического навершия (рис. 4, 20). Общая длина - 102 см. Клинок линзовидной в сечении формы, длина 86 см, ширина у пяты - 5 см, лезвия плавно сужаются книзу. Черенок рукояти шириной 1,5-3,5 см откован вместе с клинком. Несохранившиеся деревянные накладки рукояти толщиной 0,4 см крепились к черенку с помощью железного расклепанного штыря. Перекрестие железное, ромбовидной формы, напускное, длиной 8 см, шириной 3 см и толщиной 1,0 - 1,7 см.

Ножны меча прослежены по пятну древесного тлена, остаткам позолоты и железной оковке, сделанной из пластины толщиной 0,2 см, скрепленной с деревом железными гвоздиками (рис. 4, 21). Длина скобы - 7 см, ширина - 2 см, высота 2 см. Меч мог быть положенным в могилу слегка вынутым из ножен (рис. 2 Б, 20, 21).

Аналогии альминскому мечу представлены в могиле IX у с. Новогригорьевка (длина 88 см), погребении гуннского времени в Батасеке, в Венгрии (длина 95 см), в керченской катакомбе 181 из раскопок 1902 г. (длина 80 см)[30]. Ромбовидное серебряное перекрестие, насаженное на рукоять, имеется на одном из кинжалов в керченском склепе, открытом кладоискателями 24 июня 1904 г.[31]. Из приведенных И.П. Засецкой северокавказских аналогий мечу из Новогригорьевки, наиболее близки альминскому мечи и оковки ножен из всадннческих погребений 300 и 500 могильника на р. Дюрсо, датируемых гуннским временем (V в.)[32]. Мечи из некрополей цебельдинской культуры, напротив, при схожести пропорций и наличии ромбовидного перекрестия, отличаются от рассматриваемых более сложным сечением клинка и относятся к типу двулезвийных мечей с долом. Большая часть их датируется временем после V в. и, как считают Ю.Н. Воронов и Н.К. Шенкао, они "часто встречаются в I - III вв. н. э. на территориях, смежных с Римской империей, например, в памятниках пшеворской культуры"[33]. Восточное происхождение длинных мечей с ромбовидным бронзовым перекрестием, предполагаемое И.П. Засецкой, вполне вероятно, поскольку в Средней Азии, в памятниках Азиатской Сарматии и в Северном Причерноморье они известны с I в. н. э.[34] Этот тип оружия (с железным перекрестием) получил развитие на Боспоре в III - IV вв.[35]

6. Нож железный, с прямой спинкой (рис. 4, 19), общая длина 17, 5 см, лезвия - 13 см. На широком и плоском черенке сохранились следы деревянной ручки, на клинке прослежены остатки деревянного футляра. Судя по местоположению, нож, вероятно, крепился к ножнам меча или к портупее и мог выполнять роль кинжала. Такое сочетание меча и ножа зафиксировано в сарматских захоронениях рубежа I - II вв. Битакского могильника в г. Симферополе (№№ 114, 120) и у с. Весняное, на западной окраине г. Николаева (конец I в. н. э.)[36]. Находки ножей в степных захоронениях гуннского времени отмечены только в Крыму (Изобильное, Новопокровка, Беляус)[37], причем в Новопокровке он находился в деревянном футляре, а волютообразное навершие было оформлено в стиле кинжалов сарматского времени[38].

7. Костяные пластины (рис. 5, 15 а, б,

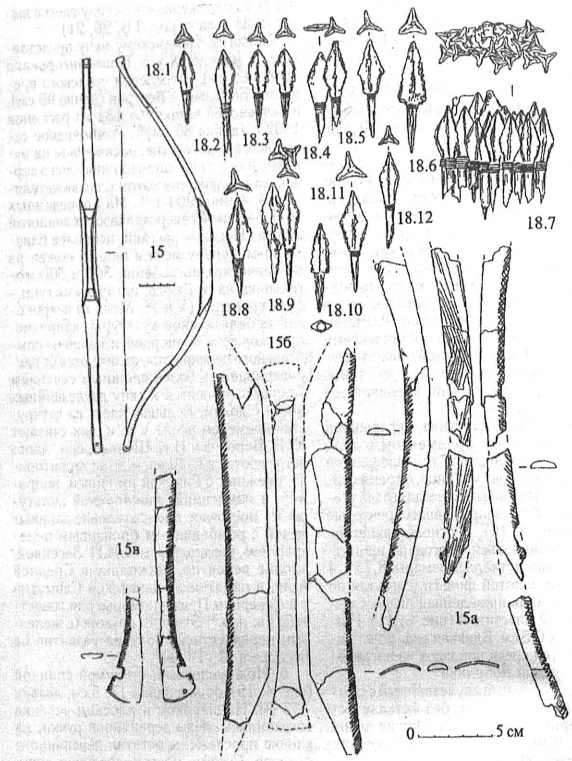


Рис.5.
Вариант реконструкции лука (15), костяные накладки (15 а, б, в), наконечники стрел

в). Фиксация костяных накладок позволила определить форму и размеры лука: длина его составляла 110 см, ширина - 25 см (рис. 5, 15). По конструкции он относится к сложносоставным лукам "гуннского типа". Внутренняя поверхность накладок покрыта насечками для лучшего приклеивания к деревянной основе кибити. Наружная сторона выпуклая и заполированная, по краю нанесена орнаментальная насечка (кроме срединной фронтальной пластины).

В конструкции альминского лука было использовано семь накладок.

А. Срединные боковые трапециевидной формы (рис. 5, 15 б) - 2 экз. Размеры: 30 х 3 см.

Б. Срединная фронтальная с расширенными концами (рис. 5, 15 б). Размеры: 25 х 1,4 - 3 см.

В. Концевые (две пары). Одна пара пластин, более прямых и узких, с вырезом для надевания тетивы, собрана из фрагментов и достигала в длину 16 - 17 см (рис. 5, 15

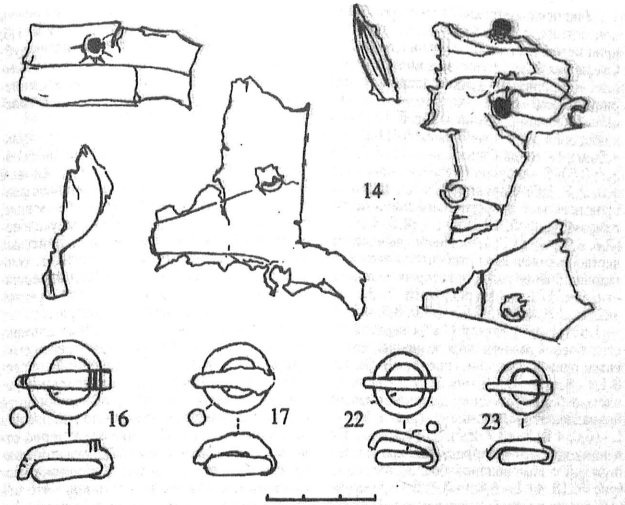


Рис.6.
Обрывки обкладки фигурки животного (14), портупейно-поясные пряжки (16, 17), обувные пряжки (22, 23).

в). По обеим сторонам одной из пластин были сделаны небольшие отверстия, вероятно, для закрепления петли тетивы[39], как это прослежено на нескольких экземплярах в Западной Европе[40] и в погребении I в. н. э. у с. Пороги[41]. Вторая пара - более широкие и изогнутые, их длина достигала 25 см (рис. 5, 15 а). Вырезов не отмечено: очевидно, тетива здесь крепилась наглухо[42].

В степных памятниках Северного Причерноморья гуннского времени костяные накладки на сложносоставной лук фиксируются редко[43], хотя в сарматских погребениях первых веков н. э. они представлены в достаточно большом количестве[44]. Происхождение луков этого типа связывают с центральноазиатскими территориями, где он получил окончательное завершение у хуннских племен во II в. до н. э. - I в. н. э., через которые с ними познакомились юечжи и другие среднеазиатские кочевники[45]. А.М. Хазанов полагает, что совершенствование сложного лука "скифского" типа шло на обширной территории евразийских степей, поэтому находки сложносоставных луков не всегда свидетельствуют о их заимствовании у хунну[46]. Более определенно можно говорить о контактах с населением центральноазиатского региона по тем сарматским погребениям (Пороги), где встречено сочетание предметов восточного производства с оружием, в том числе костяными накладками на лук и тяжелыми железными наконечниками стрел[47]. Накладки альминского лука имеют аналогии в памятниках хунну[48], но по орнаментации ближе к лукам Восточной Европы[49]. Несмотря на значительное количество погребений, где найдены накладки на сложносоставной лук, лишь в нескольких случаях документально зафиксировано первоначальное положение костяных пластин - их было, как и в альминском комплексе - семь[50].

7. 36 железных коррозированных наконечников стрел, залегавших плотным пучком (рис. 2 Б, 18). У основания боевой головки сохранились следы обмотки тонким сухожилием (рис. 5, 18. 7). Большинство образцов удалось определить по классификации И.П. Засецкой[51].

Наконечники трехлопастные, ромбовидной формы, с боевой головкой, верхняя и нижние части равны по величине (тип 1 А). Среди них есть четыре экземпляра (вариант "а" - с прямыми краями лопастей), ширина боевой головки которых составляет около половины ее длины (рис. 5, 18. 11): L - общая длина наконечников (6,4; 6,0; 5,6; 4,5 см), l - длина боевой головки (3,8; 3,5; 3,7; 3,3), S - ширина боевой головки (1,8; 1,6; 2,1; 1,6). Вариант "б" - с вогнутыми краями лопастей, представлен двумя экземплярами (рис. 5, 18.12) : L - (4,5; 4,0), l - (3,5; 3,0), S - (1,8; 1,5). Наибольшее количество наконечников относится к типу 1 Б, ширина боевой головки которых составляет около 1/3 длины (рис. 5, 18. 7, 8) - 21 экз.: L - (6,5; 6,5; 5,3), l - (4,0; 3,3; 3,5), S - (1,5; 1,1; 1,5). К типу 2 "а", с верхней частью боевой головки короче нижней, относится один наконечник (рис. 5, 18. 9): L - 6,1; l - 3,7; S - 1,3. К типу 3 "в" - с верхней частью боевой головки длиннее нижней принадлежат два экземпляра (рис. 5, 18. 5): L - (6,0; 4,8), l - (3,7; 2,7), S - (1,1; 1,4). По одному наконечнику представлены: тип 9 - плоский с ромбовидной боевой головкой (рис. 5, 18. 4): L - 5,8; l - 3,1; S - 1,5; крупный трехлопастной с прямым углом атаки (рис. 5, 18. 6): L - 7,0; l - 4,0; S - 1,3; трехлопастной с муфтой (рис. 5, 18. 1): L - 5,5; l - 3,0; S - 1,3; четырехгранный (рис. 5, 18. 10): L - 5,7; l - 3,1; S - 1,2.

Наконечники ромбовидной формы (трехлопастные, плоский) являются инновацией в степях Северного Причерноморья: они датируются временем экспансии гуннского племенного союза в Европу. Единичные экземпляры других типов также связаны по происхождению с Центральной и Средней Азией[52]. В Крыму находки "гуннских" наконечников стрел в большом количестве зафиксированы только в керченских склепах, по одному они представлены в Беляусе[53] и склепе IV в. могильника Суворово[54].

8. Пряжки. Судя по расположению на костяке, две пряжки принадлежали портупейно-поясному набору, а две были обувными. Все они относятся к бесщитковым экземплярам с круглой рамкой и небольшим хоботовидным язычком (отдел 2, тип А по И.П. Засецкой)[55]. Одна из них, найденная на правой стороне таза - серебряная, диаметр кольца 2,0 см, диаметр сечения - 0,5 см, длина язычка, орнаментированного насечками, - 2,6 см (рис. 6, 16). Вторая - на левой стороне таза - бронзовая с железным язычком (рис. 6, 17) : $Д_к$ - 1,8; $Д_с$ - 0,4; $Д_я$ - 2,2 см. Обувные пряжки - бронзовые (рис. 6, 22, 23): $Д_к$ -1,4; 1,6; $Д_с$ - 0,3; 0,3; $Д_я$ -1,9; 2,0 см. Аналогии публикуемым пряжкам представлены в комплексах, содержавших близкие альминским по стилю и исполнению детали конской упряжи (см. выше)[56].

9. Золотая обкладка деревянной скульптуры осла (рис. 6, 14). Сохранившиеся обрывки золотой фольги и сердоликовые вставки-глазки позволяют представить форму скульптуры только в самом общем виде, по аналогиям с фигурками из Беляуса и погребения IX Новогригорьевки[57]. Учитывая ее размещение на левом плече, можно предполагать, что она могла быть навершием деревянного жезла (скипетра) и указывать на социальный статус умершего.

В целом погребальный обряд альминского захоронения позволяет отнести его к группе III 1"а" (по И.П. Засецкой) - "бескурганные, с присутствием отдельных костей конского скелета", объединяющей одиночные погребения, расположенные в укромных местах. Для них характерно относительное богатство вещевого комплекса, связанное, надо думать, с высоким социальным статусом покойников. Это обстоятельство, в свою очередь, и определило стремление сородичей укрыть могилы от разграбления[58]. В данном конкретном случае это выразилось в тщательной забивке альминского склепа камнем, и, возможно, в маскировке места захоронения. Поскольку позднескифский склеп № 635 был ограблен задолго до совершения второго захоронения, то гуннское погребение по характеру устройства могильного сооружения можно сопоставить с захоронениями в хозяйственных ямах на Беляусе и, возможно, в Неаполе скифском[59]. С последним, вероятно, связаны найденные в 1948 и 1984 гг. в этом же районе городища фрагменты "гуннского" котла[60]. В то же время, по формальному признаку вторичного использования могилы, публикуемый комплекс близок подкурганным захоронениям в античных каменных склепах (Беляус, Марфовка).

Наличие в альминской могиле двух конских копыт с костями суставов может свидетельствовать об использовании в погребальном ритуале "шкуры коня", что по мнению И.П.Засецкой является одним из признаков гуннского обряда[61]. В Беляусском склепе череп и кости ног лошади лежали поверх каменной плиты, перекрывающей могилу, а в погребении на городище позвонки лошадиного хвоста обнаружены

между голенями человеческого костяка[62]. Жертвенная пища в виде костей овцы, зафиксированная в альминском захоронении, встречена в степных комплексах[63], в т.ч. в Крыму (с-з им. Калинина(?), Изобильное, Новопокровка).

Восточная ориентировка умершего отмечена в урочище Кубей в Одесской области, у г. Зеленокумска в Ставропольском крае и в Крыму (Изобильное)[64]. Помещение покойника в деревянное гробовище известно среди синхронных погребений в Поволжье и Приуралье, где, как и в Северном Причерноморье, такой обычай был распространен задолго до гуннской экспансии на запад[65]. В гунно-сарматское время в Туве, на Алтае[66] и в памятниках хунну Забайкалья известны захоронения в грунтовых ямах в дощатых гробах (колодах), с северной, реже восточной, ориентировкой умерших, обкладка гроба вертикально поставленными плитами и каменная забивка входных колодцев[67].

Альминское захоронение принадлежало юноше в возрасте 15-18 лет с признаками монголоидности[68], отмеченной также в захоронениях Беляуса и у с. Верхне-Погромное Волгоградской области[69]. Как известно, хунну Южного Забайкалья и Северной Монголии - один из компонентов гуннского племенного союза - относятся к большой монголоидной расе, к ее палеосибирскому антропологическому типу[70].

Приведенные аналогии предметам погребального инвентаря позволяют включить альминское захоронение в раннюю хронологическую группу памятников: конец IV - первая половина V в. Корреляция хроноиндикаторов (пряжек, деталей сбруи) и длительность использования бронзового котелка позволяет сузить дату до второй четверти V в.[71]. Северокавказские аналогии котелку и круглой бляхе с сердоликовыми вставками (Байтал-Чапкан, Верхняя Рутха и др.) свидетельствуют о датировке последних V в., что подтверждает возможность отнесения к гуннскому времени ряда комплексов[72].

Альминское гуннское воинское погребение, являясь первым памятником такого рода в Юго-Западном Крыму, по набору предметов инвентаря (сбруя, оружие, котелок) может стать своеобразным "эталоном" для изучения древностей эпохи Великого переселения народов, позволяет представить погребальный обряд и антропологический тип новой кочевой орды, пришедшей с востока[73].

Картографирование редких комплексов гуннского времени показывает их равномерное распределение по степным районам Крыма не только в курганах, но и на местах поселений предшествующей эпохи, привлекавших кочевников наличием колодцев и, вероятно, сезонных торжищ на морском побережье (Беляус, Усть-Альма).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пономарев Д.Ю.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СКЕЛЕТА ПОГРЕБЕНИЯ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

На исследование был предоставлен почти полный скелет, отсутствовали часть ребер, короткие трубчатые кости стоп и кистей рук, часть костей во фрагментах. Череп удовлетворительной сохранности. Обращает на себя внимание выраженная минерализация костной ткани. На поверхности изломов заметно, что минерализация компактного вещества распространяется на всю его толщу, в результате чего последнее представлено крошащейся, рыхлой сухой массой, "Феномен парафина", описанный А.Ф. Рубежанским[74], не определяется. Минерализованное компактное вещество серого цвета, со множеством макро- и микротрещин, в какой-то степени при визуальном исследовании напоминает костную ткань, подвергшуюся воздействию высокой температуры. Однако при непосредственной стереомикроскопии костных блоков таких признаков не выявлено. Скорее всего, столь необычную форму минерализации костной ткани можно объяснить геохимическими особенностями почвы, в которой производились захоронения.

Представленный на исследование скелет принадлежал юноше, умершему в возрасте 15-18 лет. Несмотря на еще не завершенные процессы формирования скелета, признаки полового диформизма были уже достаточно ярко выражены. На принадлежность его мужчине указывают массивный череп, продольно уплощенная и покатая кзади чешуя лобной кости, сглаженные лобные и теменные бугры; выраженный клювовидный наружный затылочный бугор, массивные сосцевидные отростки с глубокой, желобовидной сосцевидной вырезкой; массивная нижняя челюсть с выраженным подбородочным возвышением, наружными бугорками и выступающими за линию основания углами. Смерть юноши наступила в момент наиболее активного периода формирования костей скелета, скорее всего, на заключительном этапе полового созревания. Это подтверждается следующими особенностями исследованных костей: затылочно-основной синхондроз открыт, швы свода черепа не облитерированы, но уже определяется упрощение их рисунка, который образован, главным образом, зубцами первого порядка. Эпифизы и апофизы длинных и коротких трубчатых костей находятся на различных стадиях синостозирования, часть метафи-

зарных зон еще открыта. Несмотря на молодой возраст, прижизненный рост юноши на момент смерти составлял не менее 174 см. В соответствии с таблицами Rollet указанная величина характеризует высокий рост.

Учитывая, что процесс формирования черепа был практически завершен, краниометрическое исследование было проведено по сокращенной программе (табл.). При интерпретации данных краниометрии необходимо учитывать, что исследованный череп имеет признаки прижизненной деформации, которая, несомненно, является искусственной, а не патологически обусловленной, например, вследствие краниостеноза. В соответствии с классификацией Т.П. Кияткиной[75] череп из Усть-Альминского могильника относится к слабо деформированным за счет уплощения затылка от "бешика". Уплощенный участок свода черепа распространяется от наружного затылочного бугра кверху, на теменные кости, до уровня верхушечного отдела стреловидного шва. Ширина уплощенного участка составляет 4 см, располагается он симметрично, по обе стороны от линии сагиттального шва. Поверхность участка уплощения ориентирована косо-вертикально по отношению к плоскости франкфуртской горизонтали. Многие авторы, считают характерным для представителей гуннского племенного союза кольцевой тип искусственной деформации черепа. Затылочный тип деформации, отмеченный на исследованном черепе, характерен для местного населения бассейна дельты Амударьи. Так, в могильнике Калалы-Гыр I (II-III вв. н. э.), где преобладали погребенные люди метисного населения, практиковавшие теменной и затылочно-теменной типы искусственной деформации, встречены лишь единичные кольцевидно деформированные черепа. В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова отмечают, что теменная и теменно-затылочная деформация была распространена на территории Средней Азии одновременно с кольцевой и отмечалась уже на некоторых черепах саков IV-II вв. до н. э. из Приаралья. Позднее, в первые века н. э. и в средневековье этот обычай получает распространение, главным образом, у местного земледельческого и частично - у кочевого населения[76].

Механизм подобного вида деформации заключался в следующем: в результате пользования своеобразной колыбелью, в которой ребенок лежит, долгое время к ней привязанный, затылок его уплощается, отчего черепной указатель увеличивается в сторону брахикрании. Материалы об этом обычае представил В.В. Гинзбург в работе по антропологии таджиков. Несмотря на преобладание в гуннских могильниках кольцевого типа деформации, теменная и теменно-затылочная деформация черепа также имели место, например, в черепах из Кенкольского могильника (Киргизия), который по ряду признаков принадлежал смешанному населению - европеоидному типу со значительной примесью монголоидных черт[77].

Таким образом, с учетом деформации, исследованный череп характеризуется средней величиной продольного и поперечного диаметров; высокий, черепной указатель мезокранный, но на границе с брахикранией. Наименьшая ширина лба средних размеров по абсолютному показателю, а по указателю лоб характеризуется как узкий. Рельеф надпереносья резко сглажен. По высотно-поперечному указателю череп характеризуется как среднешироких. Крупные размеры лицевых диаметров сочетаются с сильной уплощенностью лица. Переносье узкое, выступание носовых костей слабое, нос по указателю характеризуется как узкий. Орбиты высокие как по абсолютным, так и по относительным размерам.

В совокупности, морфологические признаки черепа из Усть-Альминского могильника указывают на сходство его с краниотипом сибирской ветви монголоидного расового ствола.

Определенный интерес представляет палеопатологическая характеристика, которая выявила две локальных аномалии развития костного скелета и патологическое изменение позвонков.

1. ***Шейное ребро слева.*** Представляет собой аномалию филогенетического значения, т.е. форму, связанную с процессами эволюции. Шейные ребра относятся к группе аномалий переходной шейно-грудной границы и представляют собой видоизмененные реберные отростки 7-го шейного позвонка. В различных популяциях данная аномалия составляет 0,17-1,5 %. В соответствии с классификацией В.А. Дьяченко[78], обнаруженное шейное ребро относится к IV типу (достаточно редкому), т.е. сформировано оно наподобие грудного ребра и достигает рукоятки грудины, соединяясь с хрящом 1-го ребра.
2. ***Спондилолиз 5-го поясничного позвонка.*** Данная аномалия относится к типу онтогенетических аномалий развития скелета, к группе аномалий развития дужек позвонков. Спондилолиз представляет собой костный дефект дужки позвонка в виде щели, расположенной в межсуставном участке, т.е. между верхними и нижними суставными отростками. При этом дужка позвонка связана с телом посредством псевдоартроза. Частота аномалии в различных популяциях составляет 4,5 -5 % и чаще встречается у мужчин.
3. При исследовании ***позвонков грудного и поясничного отделов*** была выявлена нерезко выраженная клиновидная деформация тел Th 11, 12 и L 1, 2. При этом апофизы тел еще не синостозированы, а передние отделы краниальной и каудальной пластинок тел узурированы. Характер изменений тел позвонков и возраст погребенного указывают на наличие у него достаточно редкого заболевания - остеохондропатического кифоза (кифоза подростков), который известен также под названием болезнь Шойермана-Мау (Scheurmann-Mau). Заболевание обусловлено развитием множественных хрящевых узлов - внедрением тканей межпозвонкового диска в губчатое вещество тел позвонков и встречается в возрасте от 10 до 17 лет, чаще у мальчиков, в период наиболее интенсивного роста. В исследованном случае, заболевание развилось достаточно давно и вызвало клиновидную деформацию тел позвонков, что проявилось при жизни искривлением спины в виде круглого кифоза. Одним из прово-

цирующих факторов развития болезни служит хроническая нагрузка на еще не сформировавшийся позвоночный столб. У кочевых народностей это может быть связано с длительной, частой ездой на лошади. Такая характеристика полностью совпадает с описанием образа жизни гуннов, данная Аммианом Марцеллином: " Они словно приросли к своим коням ... День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят, пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда же приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях"[79].

Таким образом, исследованный скелет из склепа № 635 (погребение 1) Усть-Альминского могильника принадлежал юноше, умершему в возрасте 15-18 лет. Череп имеет много общего с краниотипом сибирской ветви монголоидного расового ствола, что не исключает его принадлежность к одной из этнических групп гуннского племенного союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Айбабин А.И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV - VI вв. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993. С. 206-211.
2. В полевых исследованиях участвовал младший научный сотрудник БГИКЗ А.А. Волошинов.
3. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э.: Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156. С. 18. Рис. 6.
4. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 135-166; Боковенко Н.А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. 1977. № 4. С. 228-235; Демиденко С.В. Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. М., 1997. С. 120-159.
5. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.) М., 1994. С. 104-109.
6. Засецкая И.П. Дата мелитопольского комплекса в свете проблемы хронологии памятников гуннской эпохи // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 69, 77. Рис. 1, 10; она же. Культура кочевников ... С. 108, 166. Табл. 7, 10.
7. Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. XXVI. 1956. С. 244, 261. Рис. 4, 2.
8. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 82, 83.Табл. 21 б,18.
9. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н. э. М.,1997. С. 52, 54. Рис. 44, 22.
10. Засецкая И.П. Дата мелитопольского комплекса ... С. 77; она же. Культура кочевников ... С. 109. Скорее мелитопольский и альминский экземпляры послужили образцами для северокавказских котелков.
11. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV- первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993. С. 72. Табл. 44, кат. № 194.
12. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и ранне-средневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь, 1990. С. 50. Рис. 47, 4.
13. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.171. Табл. 15, 4.
14. Там же. С. 40-42, 167, 186, 187. Табл. 7, 7; 34, 9; 37,20.
15. Там же. С. 42,43. Табл. 7, 5; 11,6; 22,7,8; 23, 7, 8; 26, 4, 5; 32, 12.
16. Там же. С. 170, 173. Табл. 13, 5; 17,3 ; Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975. С. 52, кат. № 33.
17. Засецкая И.П. Дата мелитопольского комплекса ... С.76. Рис. 1, 2.
18. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. М., 1990. С.235-241. Табл. CI, 3 - 7; Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан ... С.168-169. Рис. 7, 1.
19. Засецкая И.П. Материалы боспорского некрополя ... С.78. Табл. 50, кат. № 246.
20. Гаврилов А.В. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996. С.112. Рис. 2, 7.
21. Засецкая И.П. Материалы ... С.52, 63, 64. Табл. 23, кат.№ 81; 29, кат. №№ 138, 141; она же. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982. С.25. Рис. 4, 3; 6,5.
22. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.162. Табл. 1, 5; она же. Золотые украшения ... С.70, кат. № 75.
23. Высотская Т.Н., Черепанова Е.Н. Находки из погребений IV-V вв. в Крыму // СА. 1966. № 3. С.192, 195. Рис. 2,6; 3, 14; Айбабин А.И. Погребения ... С.206. Рис. 3, 6, 25.
24. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.183. Табл. 30, 4.
25. Там же. С.43, 162. Табл. 1, 9; она же. Золотые украшения ... С.72, кат. № 79.

26. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.168, 173, 183. Табл. 11, 3; 17, 18; 30, 8; она же. Золотые украшения ... С.38, кат. № 5.
27. Высотская Т.Н. Черепанова Е.Н. Находки ... С.189, 190, 195. Рис. 2, 5; 3, 13. Айбабин А.И. Погребения ... С.206. Рис. 3, 13, 21.
28. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.162, 194. Табл. 1, 11; 47,5.
29. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.183. Табл. 30, 8.
30. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.23, 28-31. Табл. 3,1.; Ковриг И. Погребение гуннского князя в Венгрии // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М.,1982. С.6.Рис.2; Сокольский Н.И. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33. С.158-159. Табл. VIII,1.
31. Засецкая И.П. Материалы ... С.64. Табл. 30, кат. № 146.
32. Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р.Дюрсо близ Новороссийска // СА, 1979. № 4. С.191, 221-222, 226-228. Рис. 7, 1,7; 10, 1, 7.
33. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982. С.130. Рис. 4, 3-8.
34. Ср.: Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.27-29; Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С.17-24; Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С.118, 119. Рис. 2; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. С.130-133. Рис. 22, 3, 6, 7.
35. Сокольский Н.И. Боспорские мечи ... С.160, 162. Табл. V, 5; IX; X, 5.
36. Пуздровский А.Е. Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой // Труды ГИМ (в печати); Simonenko A., 1997. Eine sarmatische Bestattung vom Südlichen Bug // Eurasia antiqua., 3. s. 389, ab. 2; 4, 1, 2.
37. Юрочкин В.Ю. Погребение кочевника гуннского времени у села Изобильного в Крыму //МАИЭТ. Т. III. Симферополь, 1993. С.249. Рис. 2,7; Гаврилов А.В. Погребение кочевника ... С.111, 112. Рис. 2,1; Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С.56. Рис. 2,5; 3,9.
38. Колтухов С.Г. Кинжал из некрополя Неаполя Скифского // СА. 1983. № 2. С.222-224.
39. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. // САИ. Вып.Е1-36. М., 1966. С.16-19. Рис. 2.
40. Хазанов А.М. Очерки ... С.33. Табл. XVII, 10.
41. Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев, 1991. С.12. Рис. 5,3.
42. Там же. С.30.
43. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.35; она же. Материалы Боспорского некрополя ... С.75. Табл. 49, кат. № 229;Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С.323,324.
44. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие ... С.7, 35. Прил. 1, №№ 1-10. Табл.2; Хазанов А.М. Очерки ... С.28-35, 118, 119. Прил.5.
45. Литвинский Б.А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке) // СА. 1966. № 4. С.51, 68.
46. Хазанов А.М. Очерки ... С.33.
47. Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы ... С.10-28, 39-48. Рис. 4-17. Один железный трехлопастной ярусный наконечник "гуннского" типа найден в могиле 120 Битакского могильника в комплексе с вещами рубежа I-II вв. н. э.: Пуздровский А.Е., Зайцев И.И., Новиков И.И. Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скифского // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С.118, 119. Рис. 2, 7.
48. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. М., 1986. С.26-30. Рис. 2,3.
49. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие ... Табл. 2; Засецкая И.П. Культура кочевников ... Табл. 31, 9-14; 36.
50. Худяков Ю.С. Вооружение ... С.29, 30; Сосновский Г.П. Раскопки Ильмовой пади // СА. VIII. 1946. С.62, 63. Рис. 13; Сорокин С.С. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка //АСГЭ. Вып. 18. Л., 1977. С.65, 66. Рис. 10.
51. Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV-V вв. н. э.) // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С.70-83.
52. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.39; Худяков Ю.С. Вооружение ... С.30-43. Рис. 5, 21; 6, 22; Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С.75-91; Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г. Железные наконечники стрел из Ферганы // Древнос-

ти Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С.28-36. Рис. 12, 18, 19, 37, 38.
53. Засецкая И.П. Материалы ... Табл. 47, 57, кат. № 217, 330; Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // Древности Восточной Европы. М., 1969. С.60. Рис. 5, 3.
54. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С.110. Рис. 62.
55. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.93. Рис. 18 а: 1 а, б; 19в, 36.
56. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.93; Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус ... Рис. 3,6.
57. Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе ... С.55. Рис. 3, 2; Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.123, 163. Табл. 2, 1.
58. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.13, 16, 17. Прил. 2, п / № 11-22.
59. Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус ... С.56-61; Высотская Т.Н. Неаполь - столица государства поздних скифов. К., 1979. С.202.
60. Ачкинази И.В. Фрагмент гуннского котла из Неаполя Скифского // Материалы к этнической истории Крыма в VII в. до н. э. - VII в. н. э. Киев, 1987. С.207-210.
61. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.17, 20-23.
62. Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе ... С.52; она же. Погребение гуннского времени на городище Беляус ... С.56.
63. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.18. Прил. 2, п / № 1-4, 8, 15.
64. Там же. С.170, 192; Юрочкин В.Ю. Погребение кочевника ... С.248.
65. Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.19.
66. Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С.197, 198. Табл. 80; Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С.62-74.
67. Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С.259-263. Табл. 111.
68. Антропологическая характеристика дана врачом - судмедэкспертом Крымского республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы Д.Ю. Пономаревым (см. приложение).
69. Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе ... С.52, 53, 61; она же. Погребение гуннского времени на городище Беляус ... С.56.
70. Мамонова Н.Н. К антропологии гуннов Забайкалья (по материалам могильника Черемуховая падь) // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974. С.228.
71. Засецкая И.П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // АСГЭ. Вып. 27. 1986. Рис. 1.
72. Ср.: Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч.I. // СА. 1971. № 2. С.106; он же. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989. С.29, 41. Рис. 43, 4, 15; Рунич А.П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4. С.232-247; Абрамова М.П. Римские провинциальные фибулы IV-V вв. на Северном Кавказе // Историко-археологический альманах. Армавир-Москва, 1995. С.140-146; она же. Ранние аланы ... С.131; Гаврилов А.В. Погребение кочевника ... С.112.
73. Ср.:Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С.102-117; 135-163; Сорокин С.С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА. XXVI. 1956. С.97-117; Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С.113-116; Засецкая И.П. Культура кочевников ... С.132-161.
74. Рубежанский А. Ф. Определение по костным останкам давности захоронения трупа. М., 1978, с. 56 - 58.
75. Кияткина Т. П. Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным: (Автореф. канд. дисс. Душанбе, 1965, с. 14.
76. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 124 - 126.
77. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии ... С.152.
78. Дьяченко В.А. Рентгеноостеология (Норма и варианты костной системы в рентгеновском изображении). М., 1954.
79. Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т.2. Вып. 3. Спб., 1904. С.339.

А.Е.Пуздровский

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КРЫМСКОЙ СКИФИИ (II В. ДО Н. Э. - III В. Н. Э.)[1]

Крымский полуостров с древнейших времен в силу своего географического положения являлся территорией, через которую осуществлялись миграции и культурно-хозяйственные связи между населением Карпато-Балканского региона, Северного Причерноморья и Кавказа. Многие сходившие с исторической арены народы, оказываясь в Крыму, продолжали свое развитие в новых условиях. Взаимоотношения аборигенного и пришлого населения складывались неодинаково. Ассимиляционные процессы сменялись интеграционными и наоборот. В ходе синтеза этнического субстрата (аборигенного населения) и суперстрата (пришлого) часто возникали новые этносы.

Реконструкция этнополитических процессов в Крыму в позднеэллинистическое и римское время невозможна без учета тех изменений, которые происходили на обширных степных пространствах Евразии, а также в лесостепной зоне Северного Причерноморья и Центральной Европе. Подвижки населения, перемещение племен на многие сотни километров были обычным явлением, что отразилось и на этнической карте Крымской Скифии[2].

Построение этногеографической модели Таврики на основании только письменных источников затруднительно, поскольку сведения в них отрывочны и зачастую носят компилятивный характер, экстраполируя знания более ранних авторов. Наиболее достоверными информаторами по интересующей нас теме являются: Страбон, Плиний, Мела, Арриан, Птолемей. Отдельные сведения об этнополитической ситуации на полуострове содержатся в трудах Полибия, Аппиана, Мемнона, Тацита, Иосифа Флавия, Дионисия, Диона Кассия, Лукиана, Плутарха, Полиена, Помпея Трога и др[3].

Тавры. Скифы. Тавроскифы. Знания позднеантичных авторов о древнем населении Крыма - таврах - основаны, как правило, на ранней традиции[4]. Термин «тавры» часто использовался как собирательный, обозначая жителей всего полуострова либо его горной части[5]. В римское время под ним нередко подразумевались пираты, этническая принадлежность которых не всегда была связана с Крымом[6]. Традиционны также сведения о разделении массива тавров-горцев на множество племен и царств (Plin, NH, IV, 85; Amm. Marc. XXII, 8, 33). Реальность употребления этнонима подтверждается документами Боспора I-II вв. н. э. (КБН, № 39, 40) и херсонесскими надгробными надписями: I в. н. э. с упоминанием жены-тавричанки (IOSPE,I², 528) и II в. н.э. - посвященной двум отпущенникам, убитым таврами (ЛНХТ, № 13)[7]. Название "Таврика" в рассматриваемое время распространялось на весь полуостров (IOSPE, I², 357, 359, 362, 364, 365, 368; НЭПХ, 3 и др.) либо (в более узком понимании «страна») - на весь Горный Крым (КБН, 1237).

Этноним «скифы» упоминается в источниках до III-IV вв. н. э., однако такие авторитетные авторы как Плиний, Мела, Птолемей прямо о скифах в Крыму не говорят[8], что может свидетельствовать о серьезных изменениях на этнополитической карте полуострова в I в. н. э. В рассматриваемое время широко употребляются термины «тавро-скифы» и «скифотавры». Помимо географического оттенка («таврические скифы», «скифский народ тавры»), они отражают этническое смешение народов и их культурную нивелировку[9].

Дионисий (Периегет), писавший свой труд при Адриане, помещает "тавров" на крутом, узком и длинном Беге Ахилла до устья Меотийского озера (Dio Perieg., 298-320, 303, 306), ему же вторит Евстафий (XII в.) в своих "Комментариях" (Eust. Shol. ad Dio Perieg., 303-306), а в хрестоматии из "Географии" Страбона (X в.) полуостров Тавроскифия локализован между Тамиракским и Каркинитским заливами, к югу от которого находится Ахиллов Бег. Обычно эти сведения трактуются как ошибка[10]. Однако, Птолемей также размещает тавро-скифов в окрестностях Ахиллова Бега (III, 5, 11, 25; X, 5, 2), а сообщение Плиния о проживании в районе Ахиллова Дрома скифов-сардов и сираков (IV, 83) позволяет именно в них видеть "тавроскифов", напавших во II в. н. э. на Ольвию[11]. Возможно, именно скифы-сарды[12] и сираки[13] скрываются под "соседними", "скифскими" и "сарматскими" царями (IOSPE, I², 39, [51], 54).

Сатархи. Таффии. Таврии. Скифы-сатарки. Сатархов, локализованных

Помпонием Мелой в Крымском Присивашье (II, 2-4), Плиний называет среди сарматских племен, перешедших Танаис и вторгшихся в Скифию (VI, 22, 23). Из надписи, найденной на Неаполе, известно, что Посидей, сын Посидея одержал победу над «пиратствующими сатархеями» (IOSPE, I², 672), деятельность которых, по-видимому, серьезно угрожала мореплаванию. Это событие датируется не позднее 40-х гг. II в. до н. э. - временем деятельности Посидея в Неаполе. Большинство исследователей вслед за античными авторами локализует сатархов в Северном Крыму[14], однако в вопросе их этнической атрибутации единства нет[15]. Проанализировав огромный источниковедческий материал, Ю.М. Десятчиков пришел к выводу о тождестве сатархов и тохаров (юечжей), выводя их название от североиранских корней: «сильные, господствующие», «царские»[16]. Заслуживает внимания также сообщение Солина (49, 5 - 7) о сатархах как части сакского племенного объединения, граничившего с персидскими владениями в Средней Азии. Ряд исследователей склонны связывать события второй четверти - середины II в. до н. э., произошедшие в центральноазиатском и среднеазиатском регионе, с появлением первой "сарматской" (юечжийско-массагетской) волны в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе[17]. Возможно, именно сатархи участвовали в разгроме Таманского толоса в середине II в. до н. э.[18] и скифской царской ставки в Неаполе[19].

В вопросе о сатархах и их локализации фигурирует еще несколько этнонимов: "тафрии" (Strabo, VII, 3, 19), "скифы-сатарки"[20](Plin., NH, IV, 85),"таврики" (Mela, II, 3, 4). Тафрии, как следует из источников, жители местности Тафры ("рвы"). Современные исследователи считают их потомками аборигенного населения Крыма, ассимилированного скифами, а затем смешавшихся с сатархами[21]. Район проживания тафриев совпадает с территорией, занятой сатархами (Перекоп, Северное Присивашье). На перешейке находился и город Тафры (Plin., NH, IV, 85). Скифы-сатарки (сативки), упомянутые Плинием, также считаются этнически близкими к сатархам и локализуются к востоку от Крымских гор (Plin., NH, IV, 85). Сдвоенный этноним, по мнению В.С. Ольховского, может указывать на кочевой образ жизни этого народа[22]. Локализация "тавриков" Мелой вместе с сатархами в Северном Крыму (II, 4) позволяет видеть в них "тафриев" Страбона, а указание на проживание их рядом с Боспором, у морского побережья (II, 3) - "скифо-тавров" Плиния[23].

В описании Таврики Плинием (IV, 85) есть сведения о том, что она населена тридцатью народами, из них двадцать три проживали внутри страны. В горных или предгорных районах было шесть городов: Оргокины, Харакены, Ассираны, Стактары, Акисалиты, Калиорды. Стактары обычно сопоставляют с Сатархой Птолемея (III, 6, 2) и размещают вблизи современного Бахчисарая либо на Неаполе Скифском[24]. Однако достаточных оснований для подобного отождествления не имеется, как, впрочем, и для локализации остальных пяти пунктов[25].

Роксоланы. Этногеография северопричерноморских степей претерпевает значительные изменения в конце II - первой половине I в. до н. э., что связано с дальнейшим продвижением кочевых племен на запад. Декрет в честь Диофанта (IOSPE, I², 352) и Страбон (VII, 3, 7) называет союзников скифов в борьбе с херсонесско-понтийскими войсками - роксоланов («ревксиналов»). Этот кочевой народ «скифского племени» (Strabo, II, 5, 7) занимал равнины между Танаисом и Борисфеном, т. е. степи у Перекопа, Сиваша и Азовского моря. Зимовки роксоланов также, вероятнее всего, располагались в Присивашье (Strabo, VII, 4, 1). Именно зимой роксоланы под предводительством Тасия пришли на помощь Палаку (VII, 3, 17). Большинство их в решающей битве погибло. Д.А. Мачинский, специально рассмотревший этногеографию восточноевропейских степей в эпоху позднего эллинизма и раннеримский период, называет роксоланов передовой группой аланского этнического массива, связанного по происхождению с массагетами. Отрицая принадлежность роксоланов к сарматам, он указывает, в частности на то, что те, в отличие от времен Амаги и Гатала, выступали не как традиционные союзники Херсонеса и понтийских царей, а как их противники. Им же отмечено, что херсонеситы - современники походов Диофанта стали знакомы с этим народом незадолго до указанных событий, о чем свидетельствует искаженная транскрипция имени ("ревксиналы"), а источник (декрет) не называет роксоланов сарматами, хотя этот этноним был, безусловно, уже знаком в античном мире[26]. По-видимому, роксоланы появились в днепро-донских степях не ранее 20-х гг. II в. до н.э. и вытеснили обитавших здесь са-

тархов в Крым, а также к западу от Днепра, где последние, возможно , были известны Страбону (VII, 3, 15 - 16) под именем ургов[27]. Спустя значительный промежуток времени имя роксоланов появляется в элогии Т. Плавтия Сильвана (CIL, XIV, 3608) и сочинениях авторов, повествующих о столкновениях римлян с ними в 60-е гг. I в. н. э. в Подунавье (Tac. Hist., I, 79; Ios. Flav., De bell. Jud., VII, 4, 3)[28], где те локализуются и позже(Plin, IV, 80; Ptol. III, 5, 7).

Скифы. Сарматы. Аланы. Начиная со Страбона термин "скифы" приобретает этнографически-географическое значение, часто им обозначались различные по происхождению народы Северного Причерноморья, преимущественно кочевники[29], однако, упоминание скифов в эпиграфических документах (IOSPE, I², 32, [51], 352, 353; КБН, №№ 32, 33, 39, 40, 1237; CIL, XIV, 3608; RGDA, 31,2) показывает, что современники событий достаточно четко отличали их от тавров, сарматов, роксолан и др.[30]

О наличии постоянных сарматских контингентов в Крыму исторических сведений немного, хотя их присутствие не вызывает сомнений[31]. Наиболее ранним свидетельством о пребывании сарматов на полуострове является новелла Полиена об Амаге (Pol. VIII, 56). В 179 г. до н. э. был подписан мирный договор понтийских государств и правителей, в число которых вошли Херсонес и сарматский царь Гатал[32]. В том же году Херсонес заключил договор о дружбе с царем Понта - Фарнаком I (IOSPE, I², 402). Можно предположить, что гарантом этих договоренностей были сарматы, выполнившие свой союзнический долг по отношению к Херсонесу, о чем красноречиво повествует Полиен. Несмотря на известный скепсис по поводу использования данного источника[33], изложенные в новелле сведения столь подробны и схожи с исторической ситуацией первой четверти II в. до н. э., что позволили локализовать объект нападения сарматов (скифскую царскую ставку) на Неаполе (Керменчике) и связать с ним один из пожаров[34]. Ю.П. Зайцев, основываясь на новых материалах, пересмотрел дату пожаров на участке главной городской площади[35], однако это не снимает вероятности датировки похода "сарматов Амаги" временем, очень близким к заключению договора 179 г. до н. э.[36]

Новые передвижения ираноязычных кочевников в евразийских степях, произошедшие после падения Греко-Бактрийского царства должны были серьезно повлиять на расстановку сил в Северном Причерноморье. В конце II в. до н. э. на Азиатском Боспоре увеличивается количество сарматских погребальных памятников, в т.ч. в некрополях греческих городов[37]. На месте разрушенного Таманского толоса в 20-е гг. до н. э. возводится крепость, внутри которой находилась резиденция варварского правителя и административный центр области аспургиан (Strabo, XI, 2, 11), сыгравших большую роль в политической жизни Боспора. Вопрос об этнической принадлежности аспургиан во многом продолжает оставаться дискуссионным[38], однако этимология названия восходит к иранским корням ("мощноконные")[39]. Погребальные памятники Азиатского Боспора последних десятилетий II - начала I в. до н. э. свидетельствуют о значительной сарматизации синдо-меотской знати и ее связях со среднеазиатскими кочевниками[40].

В херсонесском декрете о взятии Калос Лимена (IOSPE, I², 353, стк. 2) М.И. Ростовцев восстанавливал в одном контексте со скифами имя сарматов (савроматов), под которыми он понимал ревксиналов (роксоланов) декрета в честь Диофанта (IOSPE, I², 352, стк. 23)[41] , чему противоречит тот факт, что обе надписи были изготовлены в один год, одним мастером и, скорее всего, выставлены в одном месте[42]. В интересующем нас тексте по двум первым буквам и остаткам третьей можно восстановить имя сатархов, локализуемых в Северном Крыму (см. выше), однако в этом случае следует предполагать политическую переориентацию скифских правителей и создание широкой антимитридатовской коалиции из варварских племен.

Затем более полустолетия о сарматах в Крыму источники не упоминают. Лишь Аппиан сообщает об их участии в войне Фарнака с Асандром за Феодосию и Пантикапей (App. Mith, 120). В одном из херсонесских декретов (IOSPE, I² 355) содержатся сведения об острой политической борьбе, в результате которой власть в городе перешла к тирану, опиравшемуся на внешние силы (варваров?). После изгнания, тиран был вскоре вновь призван в город и двинулся против него с многочисленным войском[43]. По поводу датировки документа существуют разногласия, однако В.И. Кадеев относит его к достаточно узкому промежутку времени : 29-23 гг. до н. э.[44]. Сопоставляя декрет и данные Константина Багрянородного (Const. Porf. De

adm.. imp., 53)[45], можно предположить, что этим тираном был ставленник Асандра, а упоминание варваров и войска - военно-политический союз Асандра и правителей Крымской Скифии, имевший антихерсонесскую направленность. Хотя текст декрета не содержит сведений об этнической принадлежности "многочисленного войска", скорее всего, это были сарматы вместе с окрестными "тавроскифами"[46].

Почетный херсонесский декрет (IOSPE, I², 369), который обычно связывают с деятельностью Т. Плавтия Сильвана[47], перечисляет врагов, напавших на хору. В чтении и дополнении М.И. Ростовцева этот отрывок выглядит так: " ... (скифов) и савроматов и (их союзников)[48]. В последних Э.И. Соломоник видит тавров, что маловероятно, поскольку, как она сама отмечает, речь идет о нападении (налете) большого конного войска[49].

Возможно, с активизацией скифо-сарматов связан на рубеже 20-х – 30-х гг. II в. ввод на короткое время в Херсонес и Харакс ограниченных контингентов римских войск[50]. Однако, уже в 30-х гг. Херсонес подвергается нападениям варваров, о чем повествует надпись, обнаруженная в 1968 г.[51] В них опять следует видеть прежде всего сармато-аланские контингенты.

Издатели херсонесских декретов в честь Т. Аврелия Кальпурния Аполлонида и его жены Паулины, датируемых 174 г. н. э., полагают, что в это время Херсонесу со стороны варварского окружения (прежде всего - крымских скифов и сарматов) угрожала опасность, которую ликвидировал прибывший прокуратор провинции Нижняя Мезия[52]. Ю.Г. Виноградов считает, что чествуемый явился в город во главе военного отряда[53]. Исследователи недавно найденного храма Юпитера Долихена в Балаклаве предполагают, что разрушение этой культовой постройки, как и самого римского военного опорного пункта, связано с активизацией варваров во время Сарматской войны, т. е. незадолго до издания декрета 174 г. н.э.[54].

Под названием "скифы" у некоторых авторов первых вв. н. э. (Ios. Flav., De bell. Jud., VII, 7, 4; Luc. Tox., 51; Arr. Acies contra Alanos; Dio Cass., LVIII, 26; Ep., LXXV, 3; LXXVIII, 5, 4) подразумевались аланы. Не исключено, что некоторое противопоставление "скифов" и аланов связано с наличием в Северном Причерноморье двух группировок кочевников восточного происхождения[55]. Римские историки III-IV вв. часто подменяли понятия "скифы" и "готы", однако под "скифами" они понимали всех варваров к северу от Дуная, без конкретизации этнической принадлежности. Не случайно эта территория в сочинениях IV-V вв. называется то Скифией, то Сарматией, то Готией[56]. Среди "скифов", вероятно, было немало алан, что подтверждается, в частности, их участием в войне с Римом и битве под Филиппополем в 242 г. (Iul. Capit. Gord., III, 43)[57].

Палы. Напы. Существование в Крымской Скифии двух населенных пунктов - Палакия (Strabo, VII, 4, 7) и Напита (Steph. Byz., s.v. Navpis; НЭПХ, № 1) часто связывают с одной из скифских генеалогических легенд: о братьях Пале и Напе, по имени которых назывались народы - "палы" и "напы" (Dio., II, 43, Plin., VI, 50)[58]. Этот вопрос неотделим от сложной и запутанной проблемы локализации скифских крепостей и других пунктов, упомянутых Страбоном при описании кампании Диофанта[59], поэтому для нас важен только один вывод: свидетельства Страбона, Плиния, Диодора, Стефана Византийского, эпиграфические источники подтверждают и дополняют друг друга. Исходя из этого, можно в самой осторожной форме предположить, что сатархи-спалеи (Plin., VI, 23), перешедшие Танаис вместе с другими кочевыми племенами - это и есть "палы". Развернувшаяся между "палами" и "напами" война (Plin, VI, 50) отражает, вероятно, реальное противостояние двух кочевнических группировок[60], а победившая сторона заняла господствующее положение в Северном Причерноморье. Имя напеев сохранилось среди названий "таврских" племен у Аммиана Марцелина (Amm. Marc., XXII, 8, 33), а сатархи-спалеи под именем спалов, проживали у Меотиды (Крымское Присивашье?) до их разгрома готами (Iord., Getica, 28, 38, 39)[61].

Георги. Страбон сообщает еще об одном народе, занимавшем равнинную часть полуострова - георгах (VII, 4, 6). Большинство исследователей видели в них осевших на землю скифов[62]. По Е.А. Молеву, георги - это зависимые земледельцы из числа обедневших скифов-кочевников[63]. Другую версию предложил В.С. Ольховский. Он отметил, что Страбон, говоря о населении Крыма, не упоминает сатархов, хотя называет тафриев, а также повествует об участии георгов в морском разбое и зависимости их от номадов. Все это позволяет, по его мнению, отождествить георгов Страбона и сатархов Плиния и Мелы, тем более, что совпадает и территория их расселения[64].

При рассмотрении данного вопроса нет прямых оснований сравнивать георгов Страбона и скифов-георгов Геродота (VI, 18), поскольку имя последних появилось, вероятно, в результате адаптации греками их самоназвания и отражает хозяйственную деятельность лишь какой-то отдельной части этих племен, входивших в контакт с эллинами[65]. Однако не исключено, что перенос этого названия Страбоном на земледельцев равнинного Крыма указывает на связь его обитателей с населением Нижнего Днепра, где локализуются геродотовские скифы-георги[66]. Не вносит ясность и сообщение Плиния (IV, 83) о реке Пантикапе, разграничивающей владения георгов и номадов. Следует особо подчеркнуть, что этническая характеристика георгов для Страбона оставалась неясной, однако направленность хозяйственной деятельности, близость к морскому побережью, а также зависимость от номадов позволяют локализовать их в Северо-Западном Крыму, где есть памятники оседло-земледельческого населения I в. до н.э. - I в.н.э.

Анализ археологических материалов, проведенный в последние годы, позволяет в новом ракурсе рассмотреть вопросы этнического состава населения Крымской Скифии, выяснить динамику этнокультурных взаимодействий[67].

Скифы. Домининировавшие в работах прежних лет положения о преобладании скифского этноса на всех этапах развития полиэтничного объединения племен в Крыму являются ошибочными. Начиная со второй трети - середины III в. до н.э., прекращаются скифские захоронения в степных курганах. В этот же период замирает жизнь на многих неукрепленных поселениях в предгорьях со смешанным скифо-кизил-кобинским составом населения (Керменчик, Кермен-Кыр, Булганакское, Змеиное, Вишенное и др.), о чем свидетельствуют данные керамической эпиграфики[68]. Вероятно, какая-то часть прежнего оседлого населения сохранилась в предгорных районах, однако археологически этот горизонт на поселениях не фиксируется, а в исследованных каменных подкурганых сооружениях предгорной группы с большим количеством костяков нет погребений с надежным датирующим материалом второй половины III в. до н.э.[69] или отсутствует полевая документация, а находки утеряны[70]. Это затрудняет определение времени возникновения гробниц, поскольку в них есть вещи более раннего хронологического этапа[71].

Схожая ситуация сложилась во всем северопричерноморском регионе[72]. Эти синхронные, по мнению А.Н. Щеглова, события следует связывать с сарматским опустошением Скифии[73]. Виновниками гибели поселений херсонесской хоры Ю.Г. Виноградов и А.Н. Щеглов считают либо сарматов, либо теснимых ими скифов[74]. М.И. Золотарев и Е.Я. Туровский склоняются к последнему предположению[75].

Такая трактовка событий противоречит имеющимся данным о мирном сосуществовании скифских племен с античными полисами, что объясняется экономическими причинами. На хоре Херсонеса, Боспора, Ольвии проживало значительное количество варварского населения[76]. Если принять точку зрения о перемещении в Крым кочевых скифов, теснимых сарматами, то следовало бы ожидать численного увеличения скифских памятников. Однако, реальная ситуация была прямо противоположной[77]. С.В. Полин связывает упадок Скифии не с военными действиями, а с изменениями внутри хозяйственно-культурного типа и ухудшением климатических условий в обширной зоне степных пространств[78]. Такой вариант решения вопроса, однако, не объясняет внезапной гибели многих античных памятников и прекращения скифских захоронений в курганах, что свидетельствует о резкой смене демографической ситуации.

Указанные события, вероятно, были обусловлены совокупностью факторов: 1) внутренними изменениями в хозяйственно-культурном типе скифских племен[79], 2) грабительскими набегами савромато-сарматов и установлением их политического господства без занятия территории[80], 3) изменением климатических условий[81], 4) нерациональным использованием земельных ресурсов[82].

Поскольку наиболее ранние объекты позднескифской культуры в Крыму датируются концом III - началом II в. до н.э., из этого следует, что между ними и скифскими степными памятниками конца IV - начала III вв. до н.э. нет прямой преемственности[83]. Можно лишь предполагать, что носителями скифского этноса в Северном Причерноморье в позднеэллинистическое время выступают остатки кочевой аристократии, а также анклавы в Подунавье, Приднестровье и Побужье, на существование которых указывают преимущественно исторические, эпиграфические и нумизматические источники[84]. Нельзя исключить, что в степных и глубинных гор-

ных районах Крымского полуострова также сохранились группы скифских полукочевых племен, однако численность их вряд ли была велика.

Некоторые детали погребального обряда поздних скифов (использование каменных гробниц, асинхронность захоронений, наличие в инвентаре колчанных крюков, портупейно-поясных наборов, лепных курильниц) свидетельствуют о проникновении населения из Восточного Крыма, Предкавказья, Среднего и Нижнего Дона. Однако эти локальные области в V-III вв. до н.э. были довольно специфичны по материальной культуре, обряду погребений, антропологической характеристике[85], поэтому их связь с причерноморскими степными скифами весьма условна..

Со скифским этносом в Крыму можно соотносить основные подкурганные каменные сооружения с многократными захоронениями, а также земляные склепы-катакомбы в грунтовых могильниках с погребениями II-I вв. до н.э. - первой половины I в.н.э. Разница в планировке камер (овальная, прямоугольная, квадратная, трапециевидная) и оформлении входа может указывать на различную племенную принадлежность похороненных в них людей. П.Н. Шульц считал, что старые скифские традиции прослеживаются в архитектуре мавзолея Неаполя[86]. В погребальном обряде в ряде случаев западная ориентировка может служить ориентиром при скифской атрибуции захоронения, равно как и обычай помещать напутственную мясную пищу на дно могилы. В позднеэллинистическое время для мужских захоронений характерны наконечники копий, железные втульчатые наконечники стрел, колчанные крюки и портупейно-поясные наборы, наконечники пояса. В женских захоронениях типичны украшения латенской эпохи: браслеты (многовитковые, с завязанными концами, с утолщениями), перстни со спиральным завитком на щитке, фибулы среднелатенской схемы, гончарные флаконы, глазчатые и полихромные бусы.

Сопоставление антропологических данных крымских скифов (Неаполь) и кочевников Нижнего Приднепровья показало, что последние имели значительно большие размеры черепа. Определенную "грацильность" неапольских черепов Т.С. Кондукторова объясняет примесью средиземноморского элемента, а более округлую форму мозговой коробки - связями с сарматами и таврами[87]. Из этого следует, что антропологический тип крымских скифов формировался в процессе взаимодействия с фракийским и греческим населением (южные европеоиды) , а также аборигенными племенами (скифо-кизил-кобинцы) и сарматскими группами.

Тавры. Контакты кочевых скифов с аборигенным населением полуострова происходили на протяжении нескольких столетий[88]. Уже в архаическую эпоху существовали подкурганные захоронения с западной ориентировкой и элементами скорченности покойных, лощеной керамикой и изделиями из кремня в инвентаре. Эти черты указывают на появление культуры смешанного скифо-кизил-кобинского типа[89]. В V-IV вв. до н.э. в процессе взаимовлияния указанных этносов продолжалось формирование единой общности, хотя в этот период, в целом, усиливается проникновение степных скифов из-за Перекопа и с востока (Азиатский Боспор, Прикубанье), принесших с собой характерные черты погребальной обрядности. В это же время появляются грунтовые могильники с асинхронными (разновременными) захоронениями (Фронтовое, Золотое), что свидетельствует об оседлом характере жизни населения. Археологические материалы показывают, что кизил-кобинская культура прекратила свое существование не позднее первой половины III в. до н.э.[90] Находки более позднего времени на поселениях единичны. Процесс смешения кочевых и аборигенных земледельческих племен в Крыму происходил наиболее активно в IV-начале III вв. до н.э. Памятники тавров позднеэллинистического и римского времени в Горном Крыму неизвестны[91]. Антропологические данные свидетельствуют о возможном участии тавров в формировании физического типа крымских скифов. Однако следует учитывать, что между исследователями нет единства взглядов по вопросу характеристики тавров как однородного массива[92].

Таким образом, ко времени образования позднескифской культуры (конец III - первая половина II в. до н.э.) таврского этноса в Предгорном Крыму в чистом виде не существовало. Однако участие смешанного скифо-таврского населения в формировании новой общности сомнений не вызывает. Таврские (кизил-кобинские) традиции прослеживаются в широком использовании в конструкциях погребальных сооружений камня, в наборе и характере отделки лепной посуды, в погребальном инвентаре (просверленные клыки живот-

ных, изделия из кремня, булавки, простые круглопроволочные браслеты, перстни, кольца, спиральные подвески и др.). Необходимо подчеркнуть, что выяснить удельный вес "таврского" элемента в составе населения на имеющихся материалах вряд ли возможно - прежде всего из-за отсутствия прямой связи между кизилкобинскими комплексами и памятниками позднескифской культуры.

Греки. Эллинские элементы в позднескифской культуре проявились особенно ярко в столице государства - Неаполе. Об этом свидетельствует характер жилой застройки, отделка зданий, уровень материальной и духовной культуры его жителей. Нет сомнений, что здесь проживал определенный греческий контингент, связанный с местной аристократией экономическими и политическими интересами. Об этом свидетельствуют эпиграфические находки[93], а также комплекс построек хозяйственно-жилого и общественного назначения на главной городской площади[94]. Эта прослойка населения занималась торгово-ремесленной и, возможно, военно-консультативной и строительной деятельностью. На других поселениях элементы греческой культуры, за исключением Западного Крыма, прослеживаются слабо[95].

В погребальном обряде влияние эллинских обычаев проявилось в восточной ориентировке умерших, помещении покойников в деревянный гроб или саркофаг, в сопровождающем инвентаре (светильники, импортная посуда, предметы античной торевтики, украшения и детали греческого костюма и др.) Большинство исследователей справедливо полагает, что в ранний период (II-I вв. до н.э.) эллинизация коснулась, в основном, скифской аристократии. Однако следует учитывать наличие эллинизированного земледельческого населения в Северо-Западном Крыму и на Неаполе (связанного, вероятнее всего, по происхождению с Северо-Западным Причерноморьем[96] и Боспором).

Т.С. Кондукторова отмечает, что черепа из мавзолея Неаполя отличаются от черепов из Восточного могильника меньшими абсолютными величинами мозгового и лицевого отделов[97], что, вероятно, послужило основанием для интерпретации их первым исследователем - Г.Ф. Дебецем - как принадлежащих южным европеоидам[98]. Очевидно, среди похороненных в мавзолее были лица греческого происхождения. Скорее всего, их присутствие связано с браками между представителями царствующей династии и эллинскими аристократическими семьями Боспора[99].

Второй этап эллинизации, охвативший более широкие слои общества, связан, по мнению Д.С. Раевского, с проникновением в I в.н.э. сармато-меотов с Боспора, испытавших определенное влияние античной культуры[100]. Надо отметить граффити - посвящения греческим богам на краснолаковой посуде, преимущественно второй половины I - начала II в.н.э., известные в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма[101]. Во II в.н.э. в Неаполе, возможно, проживали лица, связанные с боспорской (?) администрацией. Это следует из перестройки здания А и росписи его стен, выполненной в традициях боспорских декорировок[102].

Греческое и эллинизированное население в позднеэллинистический период концентрировалось в Северо-Западном Крыму и на Неаполе. Освоение поздними скифами захваченной у Херсонеса хоры в Западном Крыму было бы невозможно без участия людей, имевших определенные традиции в фортификационном и жилом строительстве, использовавших систему комплексного хозяйствования и др. Все это предполагает длительное знакомство с достижениями греческой цивилизации. Появление переселенцев из Северо-Западного Причерноморья и, возможно, Боспора, было вызвано политикой скифской аристократии, стремившейся к созданию крепкого варварского государства эллинистического типа. В первые века нашей эры - в силу конфронтации позднескифского объединения с античными государствами и децентрализацией Крымской Скифии - греческие элементы проявляются не столь ярко, как в предыдущий период. Заимствуются отдельные виды украшений, детали костюма. В погребальном обряде получает распространение идея вырубленных в скале склепов, инвентарь представлен образцами античной посуды, изделиями из стекла, бронзы, кости. Имеются данные о распространении культа некоторых греческих богов (посвятительные граффити), греческой алфавитной системы счета и римской метрологии[103]. В крупных центрах городского типа (Неаполь, Усть-Альма) могли проживать лица греческого происхождения, связанные с боспорской и римской администрацией, а также занимавшиеся торговыми операциями. Значительно эллинизированной и романизированной была группа населения в ближайшей округе Херсонеса во II-III вв.н.э.

Кельты. Фракийцы. Контакты позднескифского населения Северного Причерноморья с западными соседями относятся ко II в. до н.э. - I в.н.э. Наиболее активно они происходили в пограничной зоне (Поднестровье, Побужье). В IV-III вв. до н.э. здесь известны памятники смешанного скифо-фракийского облика[104], что подтверждается и данными антропологии[105]. О присутствии в IV-I вв. до н.э. в Ольвии и ближайшей округе населения, связанного по происхождению с гето-фракийским массивом племен, свидетельствует анализ лепной керамики[106]. Как известно, позднескифская культура Нижнего Днепра испытала довольно сильное фракийское влияние, что проявилось в лепном керамическом комплексе, предметах культа, жертвенных площадках, наборе украшений и др.[107] Следует отметить пока еще единичные находки трупосожжений в каменных ящиках[108].

Анализ материальной культуры позднескифских племен Крыма показывает, что имело место не только заимствование отдельных западных форм и предметов бытового назначения, но и присутствие определенных групп фракизированного населения. На это указывает лепной керамический комплекс раннего этапа позднескифской культуры (до середины I в.н.э.), который служит своеобразным этническим индикатором. В погребальном обряде фракийское присутствие можно связать с находками трупосожжений в использованных вторично таврских каменных ящиках на плато Капак-Таш[109]. В целом, разработка этого направления в исследованиях представляется перспективной.

Проблема кельтов в Северном Причерноморье и в Крыму, в частности, состоит в том, что имеющиеся материалы не позволяют определить степень их участия в этнокультурных процессах. Вещи среднелатенского и позднелатенского облика могли попадать на полуостров несколькими путями. Один из них - вместе с отрядом кельтов, входивших в состав армии Митридата VI Евпатора. Следствием их пребывания в Пантикапее, как считает М.Ю. Трейстер, явилась мода ношения фибул среднелатенской схемы со скрепкой[110]. Однако, такие фибулы известны в некрополе Беляуса и на Неаполе, где вряд ли размещались понтийские гарнизоны[111]. Скорее всего, эта традиция связана с притоком в Крым в I в. до н.э. новой волны фракизированного населения. Второй путь проникновения вещей латенской эпохи - вместе с сарматами, участвовавшими в походах в Малую Азию (в составе армии Митридата) Это, в основном, трофейное оружие (шлемы[112], мечи) и бронзовая посуда[113]. Таким путем могли попасть в мавзолей Неаполя мечи среднелатенской схемы и бронзовое этрусское зеркало[114]. Эти вещи, безусловно, имели долгое хождение. Другое дело - портупейно-поясные наборы конца II - начала I в. до н.э. в погребениях мавзолея и Восточного могильника. Такие предметы экипировки, вероятно, поступали в Неаполь в результате контактов с кельтами в Балкано-Дунайском регионе. Этим путем в Северное Причерноморье в I в.до н.э. - I в.н.э. попадали многочисленные украшения, прототипы которых известны на кельтских территориях в более раннее время[115]. Не исключено, что отдельные группы кельтов проникали в различные районы Северного Причерноморья, как это отмечается для Верхнего Поднестровья и Среднего Поднепровья, в т.ч. в античные города[116]. Возможно, они входили в состав гарнизонов крепостей и дружин скифских басилевсов (однако, это не более чем предположение).

Таким образом, кельтские и фракийские элементы в позднескифской культуре Крыма фиксируются достаточно четко. Первый этап взаимодействия относится ко II в. до н.э. и, возможно, связан с притоком сохранившегося скифо-фракийского населения из Северо-Западного Причерноморья в результате давления переселившихся на Нижний Дунай в конце III - начале II вв. до н.э. восточно-балканских кельтов и бастарнов[117]. Второй этап относится ко второй пол. I в. до н.э. - началу I в.н.э. и отражает движение гето-дакийского массива племен в восточном направлении. После середины I в.н.э. западные элементы в позднескифской культуре отражают экономические и культурные контакты с провинциально-римским населением придунайских областей и их уроженцами в составе римских войск, расквартированных в Таврике.

Сарматы. Сармато-меоты. Аланы. Вопросы сарматизации позднескифской культуры Крыма привлекали довольно многих исследователей. П.Н. Шульц относил начало этих процессов ко II-I вв. до н.э. и связывал с легендой о сарматской царице Амаге, договором Фарнака, событиями Диофантовых войн. Средний этап он датировал I-II вв.н.э. (победы боспорских царей над скифами), поздний - рубежом II-III вв.н.э. (появление алан на Керченс-

ком п-ове, победы Савромата II и Рескупорида III)[118]. Т.Н. Высотская датирует первый этап II-I вв. до н.э., второй - II в.н.э., третий - IV-V вв.н.э.[119] Основываясь на материалах некрополя Неаполя, Д.С. Раевский выделил три волны сарматской экспансии: первая связана с переселением роксолан во II-I вв. до н.э., вторая - с притоком во второй трети I в.н.э. сармато-меотов после победы Аспурга над скифами, третья - с появлением в III в.н.э. аланов и погребений на городище[120]. Ряд положений Д.С. Раевского был подвергнут критике Т.Н. Высотской, которая отрицает массовое проникновение сарматов в Неаполь вскоре после победы Аспурга над скифами, а также не считает возможным связывать сарматские погребения III в.н.э. на городище с определенным этапом[121]. А.В. Симоненко не считает возможным говорить о "пребывании сарматов в Неаполе (и вообще в Крыму) до рубежа н.э.", поскольку в " северо-крымских степях неизвестно ни одного сарматского погребения II-I вв. до н.э.", а вещи сарматских типов "не обязательно являются доказательством этнического присутствия сарматов на той или иной несарматской территории"[122]. Пересмотр хронологии могильников Неаполя с привлечением материалов стратиграфических горизонтов городища и пригорода позволили откорректировать схему сарматской экспансии, предложенную Д.С. Раевским[123]. Рассмотрение материалов позднескифских могильников Юго-Западного и Центрального Крыма позволило еще раз уточнить хронологию этапов сарматизации и участия сармато-меотских и сармато-аланских племен в этнополитических процессах на полуострове[124].

Первый этап проникновения сарматов относится к концу II- I в. до н.э., хотя его можно распространить до начала I в.н.э. С ним связаны впускные захоронения в курганы, часто вблизи скифских поселений (Кермен-Кыр, Чистенькая[125], Цветочное, курган 1949 г. Неаполя и др.). Инфильтрация этого населения прослеживается и в грунтовых могильниках (Неаполь, Битак, Дмитрово, Кульчук, Усть-Альма), что может свидетельствовать о постепенном мирном слиянии сарматского и скифского этносов.

Необходимо отметить, что погребений этого времени исследовано немного, поэтому говорить о путях попадания сарматов в Крым и об их этноплеменной принадлежности можно лишь в предположительной форме. Погребения с южной ориентировкой, скорее всего, связаны с проникновением населения из Прикубанья и Азиатского Боспора, испытавшего давление прохоровской культуры[126].Особое место принадлежит захоронениям в мавзолее Неаполя, обряд которых также отражает связи аристократического рода с сарматизированным населением Азиатского Боспора[127]. В Северо-Западном Крыму для этого времени известны случаи вторичного использования под захоронения античных каменных гробниц (Керкинитида, Заозерное), что может свидетельствовать о наличии вблизи позднескифских поселений кочевого сарматского населения.

Небольшой всплеск сарматской активности наблюдается в конце I в. до н.э. - начале I в.н.э. В это время появляются впускные захоронения в курганах междуречий Альмы, Качи и Бельбека, а также вблизи Херсонеса (Братское кладбище)[128]. С этой волной, очевидно, связаны первые подбойные могилы Усть-Альминского некрополя[129], ряд конструкций этого типа в Беляусе[130], могильника у с. Кольчугино[131], впускные подбойные и грунтовые могилы с каменными сооружениями в курганах Северо-Западного Крыма (Беляус, Кульчук). Первой половиной I в.н.э., ближе к середине столетия, датируется богатое женское захоронение в Ногайчинском кургане[132].

Второй этап (втор. пол. I - начало II в.н.э.). В свое время Д.С. Раевский связал появление сармат на Неаполе и родоначальника новой позднескифской династии (предполагаемого сармата Ходарза) с победой боспорского царя Аспурга, произошедшей не позднее 23 г.н.э.[133] Недавно, с определенными оговорками, к этой гипотезе присоединился Ю.Г. Виноградов[134]. В важности победы Аспурга сомневаться не приходится. Археологические материалы дают основание говорить об усилении оборонительной системы Неаполя Скифского в начале I в.н.э., а также о пожарах в городе и на пригороде[135]. Победа над скифами, однако, не сопровождалась массовым переселением сармато-меотов в Неаполь, как полагает Д.С. Раевский[136]. Постройки в городе и на пригороде восстанавливаются во второй четверти I в.н.э., наблюдается определенная преемственность в материальной культуре, строительных традициях и др. Кроме того, распространение на некрополях Неаполя подбойных могил, на которых акцентирует внимание Д.С. Раевский, относится к середине - третьей четверти I в.н.э. и связа-

но, скорее всего, с событиями римско-боспорской войны 46-49 гг.н.э., когда вследствие аорско-сиракского конфликта в Предгорный Крым проникают племена позднепрохоровской культуры и сармато-меоты Прикубанья[137]. В Северо-Западном Крыму после середины I в.н.э. фиксируется сокращение численности жителей[138], что может быть связано с враждебными действиями аорсов[139]. В Юго-Западном и Центральном Крыму, напротив, происходит увеличение населения, распространяются подбойные могилы и грунтовые могилы с заплечиками. Появляются склепы-катакомбы с погребениями сарматской знати, сопровождающиеся богатым погребальным инвентарем и конскими захоронениями (Усть-Альма). В Степном Крыму фиксируется кочевое население, памятники которого тяготеют к Присивашью[140]. На рубеже I-II вв.н.э. и в первые десятилетия II в.н.э. предгорный Крым был затронут новой волной кочевников. К этому времени относится ряд ярких воинских погребений раннеаланской (позднесарматской) культуры на Неаполе и в его округе[141].

Третий этап (конец II-первая половина III в.н.э.) связан с переселением в Юго-Западный и Центральный Крым сармато-аланских племен - вследствие политики боспорских царей, Херсонеса, Рима и ситуации в северопричерноморских степях[142]. В погребальном обряде происходит ряд изменений: увеличивается количество захоронений в колодах, северная ориентировка становится доминирующей, появляются глубокие подбойные могилы и плитовые, продольно-осевые и Т-образные грунтовые склепы, получают распространение вырубные склепы (Неаполь, Брянское), фиксируются находки деформированных черепов. Наиболее ярко сармато-аланские черты в погребальном обряде и инвентаре проявляются в конце этапа, особенно после военной опасности конца первой четверти III в.н.э., зафиксированной монетными кладами на Неаполе и в Юго-Западном Крыму, и катастрофы, разразившейся около 240 г. н.э.[143]. Очевидно, с вторжением сармато-алан и изменившейся обстановкой на дунайской границе связано сокращение римского военного присутствия в Таврике (Алма-Кермен, Харакс, Кадыковка). Дальнейшая судьба населения предгорного Крыма определялась событиями эпохи "готских походов"[144].

Этнический состав населения Крымской Скифии на протяжении пяти столетий претерпел значительные изменения и может быть охарактеризован так. На первом этапе (конец III-II в. до н.э.) произошло слияние местного (скифо-кизил-кобинского) и пришлого (скифо-фракийского) населения. При этом нельзя не учитывать возможность участия в этом процессе отдельных группировок из восточных районов полуострова и Восточного Приазовья, этническая принадлежность которых степным причерноморским скифам вызывает сомнения. Применяя терминологию этнографической науки, воздействие модуса миграции шло по третьему варианту, когда завоеватели (переселенцы) и аборигенное население количественно соизмеримы, и происходит синтез этнического субстрата и суперстрата - возникает новый этнос[145]. В результате объединяющей деятельности Скилура и изменения демографической ситуации к концу II в. до н.э., вероятно, сформировался такой этнос - крымские скифы. Поток раннесарматского населения и фракизированных переселенцев из Северного Причерноморья, влившийся в I в. до н.э., привел к размыванию этнической общности. Несмотря на относительную малочисленность нового населения (второй вариант модуса миграции), оно серьезным образом повлияло на общий облик культуры, некоторые виды материального производства, быт, культы и пр.

Сарматская волна втор. пол. I - начала II в.н.э. привела к значительному сокращению прежнего населения в Северо-Западном и Центральном Крыму и вынужденной интеграции крымских скифов и различных групп сарматских племен. В результате этих взаимодействий, к концу II - началу III вв. н.э. в предгорном Крыму сложилось скифо-сарматское объединение (контролируемое Боспором и Херсонесом), при некотором преобладании сарматов (третий вариант модуса миграции).

Во второй - третьей четверти III в.н.э. скифо-сарматское объединение было разгромлено в результате нескольких походов аланских и готских племен, а остатки населения были включены в IV в.н.э. в новое объединение, где доминировали аланские элементы (первый вариант модуса миграции).

В заключение следует сказать о перспективах археологического изучения этнической истории Крымской Скифии в ближайшие десятилетия. Для выяснения вопроса о сложении позднескифской культуры необходимы широкие полевые иссле-

дования поселений и могильников в Центральном, Юго-Восточном и Северо-Западном Крыму. С ранним этапом (II-I вв. до н. э.) связана и проблема проникновения на полуостров сатархов и роксоланов - требуется изучение районов Крымского Присивашья. Передвижения кочевников (аорсов, сираков, аланов) оставили ряд ярких погребальных памятников в Центральном и Юго-Западном Крыму - их раскопки дадут новое представление об этнополитической ситуации в I-III вв. н. э. Белым пятном на карте остаются многие районы Горного Крыма, где можно предполагать наличие интереснейших памятников, благодаря исследованиям святилища на Гурзуфском Седле[146], поселений и могильников в Алуштинской долине, пещерного некрополя Бай-Су[147] и др.

Следует более серьезное внимание обратить на антропологическую характеристику населения Крымской Скифии, с привлечением широкого сравнительного материала евразийских степей и циркумпонтийского региона. Рассмотрение погребального обряда по хорошо изученным памятникам и областям позволит выявить как этнокультурные традиции, так и инновации, связанные с притоком нового населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Переработанный и дополненный текст доклада, прочтенного в декабре 1995 г. на заседании скифо-античного отдела КФ ИА НАН Украины, посвященном 50-летию Тавро-Скифской экспедиции.
2. Термин применяется для обозначения крымской части Малой Скифии Страбона (VII, 4, 5).
3. В предлагаемой работе не ставится задача локализации населенных пунктов, упоминаемых древними авторами, и критического разбора их сведений о Крыме. См.: Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 34-144; Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. N 3. С.52.
4. Соломонік Е.І. Таври. Тавріка // Археологія. 1976. № 20. С. 46-50.
5. Ольховский В.С. Население Крыма ... С. 53.
6. Пиоро И.С. К вопросу об этнической атрибуции названия "тавры" в римское время // Херсонесский сборник.Вып. IX. Севастополь, 1998. С. 138, 139.
7. Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С.43, 44, № 13; Ср.: Зубарь В.М. Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса // Археологія. 1990. № 2. С. 109.
8. Ольховский В.С. Население Крыма ... С. 54.
9. Соломонік Е.І. Про значення терміна «тавро-скіфи» // АП. 1962. Т. X1. С. 155; Ольховский В.С. Население ... С. 54 Столба В.Ф. Демографическая ситуация в Крыму в V - II вв. до н. э. (по данным письменных источников) // ПАВ. 1993. № 6. С. 57.
10. ВДИ. 1947. № 4, С. 243. Прим. 7, 8. Ср.: Ростовцев М.И. Скифия и Боспор ... С. 67, прим 1; 80.
11. Библиографию вопроса и новую интерпретацию см.: Зубарь В.М. По поводу достоверности одного письменного источника по истории Ольвии середины II в. (SHA, Ant. Pius, 9, 9) // РА. 1993. № 2. С. 185-188; он же. О так называемой "тавро-скифской" войне в истории Ольвии // РА. 1997. № 2. С. 85-90. С.Б. Буйских (Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев, 1991. С. 134) со ссылкой на Р. Сайма (Syme R. Ammianus and the Historia Augusta. Oxford, 1968. P. 70, 73-74), отметил, что термин "тавроскифы" не отвечал истинному названию племен, напавших на Ольвию. А.С. Русяева видит в приставке "тавро" - указание на географическое местоположение, а в сардах - одно из сарматских племен, проживавшее на нижнеднепровских городищах (Ольвійсько-сарматські відносини у другій половині I ст. н.е. // Археологія. 1995. № 4. С. 27).
12. Ю.М. Десятчиков, вслед за М.И. Ростовцевым (Скифия и Боспор ... С. 53), видел в скифах-сардах скифов-сатархов: Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 136.
13. Об этимологии названия "сираки" и его связи с "царскими скифами", "саками" и "саиями" см.: Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 109, 110.
14. Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 133; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 47; Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. Т. III. 1962. С. 36-43.
15. Щеглов А.Н. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. 1966. № 4. С. 146-149, 154; он же. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 332; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III - I вв. до н.э. М., 1970. С. 63; Дашевская О.Д. Скифы на северо-

западном побережье Крыма в свете новых открытий // ПСА. М., 1971. С. 152-153, прим. 15; Столба В.Ф. Демографическая ситуация ... С. 59.

16. Десятчиков Ю.М. Сатархи ... С. 140 - 143.
17. Sulimirski T. The Sarmatians. L.,1970. P. 113-116; Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.,1977. С. 108; он же. Средняя Азия и античное Причерноморье. Проблема контактов, их периодизация и характер // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III-го семинара. Часть I. Новочеркасск, 1992. С. 16,17; Мандельштам А.М. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 133-141; Бабаев А.Д. Из истории Средней Азии эллинистического и послеэллинистического времени // Кочевники евразийских степей и античный мир. Материалы II-го семинара. Новочеркасск, 1989. С. 133,134; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. С.197-200; он же. К проблеме исторической интерпретации археологических параллелей в культурах алтайского и доно-уральского регионов в последние века до н.э.// Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III-го семинара.Часть II. Новочеркасск, 1992. С.3-10; Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв.н.э. // ПАВ. 1993. № 3. С. 67; он же. Центральноазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III-го семинара. Часть II. С. 75-78.
18. Сокольский Н.И. Таманский Толос и резиденция Хрисалиска. М.,1976. С.46, 48, 116.
19. Зайцев Ю.П. Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 1997. № 3.С. 37; он же. Хронология Неаполя Скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. V. Запорожье, 1995. С. 72-77, 82,87. Ю.П. Зайцев датирует пожар 1 135-130 гг. до н.э. и в осторожной форме связывает его с рассказом Полиена об Амаге. Дата определена, исходя из стратиграфической колонки глинобитных полов главного мегарона Южного дворца, которые, как полагает Ю.П. Зайцев, ежегодно обновлялись. За верхнюю точку отсчета принят слой разрушения времени захвата Неаполя Диофантом. В этом горизонте встречены, помимо родосских клейм V группы, оттиски штампов III и IV групп, многочисленная кухонная и столовая посуда, в т. ч. чернолаковая и с росписью, терракоты, большое мраморное блюдо культового назначения : Зайцев Ю.П. До питання про грецьке населення Неаполя Скіфського // Археологія. 1990. № 1. С. 83-94, рис. 4-8. Исходя из предложенной Ю.П. Зайцевым периодизации, здание с портиками, где были установлены надписи Посидея и Евмена,возникает после пожара - т.е. около 130 г. до н. э. Это противоречит как палеографическим особенностям посвящений, так и тому, что Посидею, если он был к этому времени жив, исполнилось бы 80 лет. Все вышесказанное позволяет склониться к более ранней дате пожара 1 - около 145 г. до н.э. Не исключено, что этим же временем датируется и пожар, прослеженный на акрополе Булганакского городища (Храпунов И.Н., Мульд С.А. Оборонительные сооружения акрополя Булганакскорго городища // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993. С. 8,9) и на валу городища Кермен-Кыр (Пуздровський О.І. Охоронні роботи на скіфському городищі Кермен-Кир // Археологія. 1989. № 2. С. 137-138, рис. 2).
20. В транскрипции М.В.Скржинской: Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. К., 1977.С. 46, 96.
21. Щеглов А.Н. О населении Северо-Западного Крыма ... С. 148; Ольховский В.С. Население ... С. 60; он же. До етнічної історії давнього Криму // Археологія. 1990. N 1. С. 31; Молев Е.А. Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С.56.
22. Ольховський В.С. До етнічної історії. - С. 31.
23. Ср. Ольховский В.С. Население Крыма ... С. 64.
24. Скржинская М.В. Северное Причерноморье ... С. 61; Маркевич А.И. К столетию исследований на городище Неаполь у Симферополя (1827 - 1927)// ИТОИАЭ. 1928. Т. 3. С. 8.
25. Локализацию Сатархи и Тафра на Керченском полуострове нельзя признать удачной: см.Зубарев В.Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998. С. 63-67.Рис.6.
26. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. - I в.н.э. // АСГЭ. 1974. N 16. С. 125-127; Ср.: Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев,1993. С. 107 - 112; Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и "индоарийском" населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 58-59.
27. Об этимологии имени сатархов: Десятчиков Ю.М. Сатархи ... С. 143. В последнее время в степях Таврии исследовано довольно значительное количество сарматских погребений II - I вв.

до н.э., принадлежащих, как считает А.В. Симоненко, историческим роксоланам: Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. N 4. С. 17 - 28.

28. У Иосифа Флавия они фигурируют под именем сарматов.
29. Десятчиков Ю.М. Сатархи ... С. 141. Наряду с европейскими "скифами", многие авторы (Страбон, Диодор Сицилийский, Арриан, Птолемей, Помпей Трог, Плиний и др.) под этим термином понимали среднеазиатских саков и близкородственные им племена: Куклина И.В. Этногеография ... С. 103-112; Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 179-180, прим. 6; 193-194, прим. 9.
30. Граков Б.Н. Термин Σκυθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК.. Вып. XVI. 1947. С. 79, 84-88.
31. Ольховський В.С. До етнічної історії ... С. 19; Ср.: Молев Е.А. Боспор ... С. 26-32.
32. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С.130-131.
33. Полин С.В. От Скифии к Сарматии К.,1992. С. 90-92. Датировка событий легенды I в. до н.э. не соответствует источнику и историческим реалиям: в это время Херсонес навсегда лишился дальней хоры ("страны"), а сармато-херсонесские отношения были враждебными.
34. Пуздровский А.Е. О скифо-херсонесских конфликтах в III-II вв. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 144. Древнейшая оборонительная линия Неаполя возведена не позже первой четверти II в. до н. э. и не была рассчитана на античную осадную технику, а предназначалась для защиты прежде всего от сарматов (Колтухов С.Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. № 1. С.185. Ср.: Зайцев Ю.П. Хронология ... С. 77,84). Если рейды саиев из донских или прикубанских степей к Ольвии были возможны (Полин С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997. С.92), то не столь уж невероятен поход сарматов Гатала ("Амаги") от низовьев Кубани (Полин С.В. Гатал - царь сарматский // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: (Тез. докл. конф.). Запорожье, 1989. С.122-123) через замерзший Керченский пролив - к скифской царской ставке. Длина пути, который совершил отряд Амаги (1200 стадий равны 212 км, при длине стадия в 176,6 м), точно соответствует расстоянию от пролива ("на Понтийском побережье") до городища Керменчик.
35. Зайцев Ю.П. Хронология... С.72-79, 84.
36. Колобова К.Н. Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1949. № 3. С. 31-32; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 72, 120; Сапрыкин С.Ю, Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3. С.56; Harmatta J. Studies in the history and language of the Sarmatians // Acta antique et archaeologica. 1970. Vol. 13. P. 19-21.
37. Десятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4. С. 69-80.
38. Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 65-78.
39. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 157; Десятчиков Ю.М. Сатархи ... С. 143-144; Сапрыкин С.Ю. Аспургиане ... С. 67. Не исключено, что аспургиане и сатархи являлись ветвями одного племени сако-массагетского происхождения, о чем может свидетельствовать корень 'urga' (см. прим. 27).
40. Максимова М.И. Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 55-58; она же. Артюховский курган. Л., 1979. С. 13-24; Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953. С. 32-42; Спицын А.С. Фалары Южной России // ИАК . 1909. Вып. 29. С.18-53. Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994. С. 50-56.
41. Ростовцев М.И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сборник статей в честь П.С. Уваровой. М., 1916. С.6; он же. Сириск - историк Херсонеса Таврического // Сборник статей по классической филологии. Вып. II. Петроград, 1915. С. 160.
42. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 8.
43. Гриневич К.Э. Херсонес и Рим // ВДИ. 1947. № 2. С. 230.
44. Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 15. Библиографию вопроса см.: Соломоник Э.И. Граффити ... С. 9, 21, прим. 27. М.И. Ростовцев (Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. № 63. С. 18), со ссылкой на В.В. Латышева, указывал на сходство шрифта этой надписи с декретом в честь Г. Юлия Сатира (IOSPE, I², 691).
45. Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес // СА. 1987. № 1. С. 48-57; Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. № 2. С. 118-129; Пуздровський О.Є. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н. е, - перш. пол. III ст. н. е. // Археологія. 1992. № 2. С. 128.
46. Близкая ситуация отмечена в III в. до н. э.: Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о "несении Диониса" IOSPE I² ,343, и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С.116-

122.
47. Дьяков В.Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ, 1941. № 1. С. 91-93; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С.27.
48. Ростовцев М.И. К истории Херсонеса ... С. 14. Стк. 7 можно дополнить и так: ... (скифов) и савроматов и (сираков).
49. Соломоник Э.И. Граффити ... С. 9-10.
50. Зубарь В.М. Херсонес Таврический ... С. 32-38.
51. Граков Б.Н., Виноградов Ю.Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. № 3. С. 127-129; Кадеев В.И. Херсонес Таврический ... С. 26-28, прим. 14; Зубарь В.М. Херсонес Таврический ... С. 38,39.
52. Антонова И.А., Яйленко В.П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида // ВДИ. 1995. № 3. С. 72-76.
53 Виноградов Ю.Г. Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса (О превратностях судеб херсонеситов и их лапидарного архива) // ВДИ. 1996. № 1. С. 48-60; Ср.: Свенцицкая И.С. Еще раз о новом херсонесском декрете // ВДИ. 1996. № 3. С. 138, 139; Смышляев А.Л. Карьера, миссия и статус Т. Аврелия Кальпурнияна Аполлонида // Там же. С. 141-147.
54. Зубар В.М., Савеля О.Я. Сарновский Т. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. 1997. № 4. С. 82, 83.
55. Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I - середине IV вв. н. э. (локализация и политическая история) // ПАВ. 1993. № 6. С. 85.
56. Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М.,1990. С.68-71; Хайреднова Э.А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 520, 521. Ср.: Брайчевський М.Ю. Готи в Надчорноморщині // Археологія. 1989. № 1. С. 110-111.
57. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. М., 1954. С. 33-34; Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236-276 гг. н. э. // STRATUM+ПАВ. СПб. - Кишинев, 1997. С. 154, 155.
58. Раевский Д.С. Неаполь или Палакий ? // ВДИ. 1976. № 1. С. 102-107; он же. Очерки идеологии ... С. 24, 40, 43, 76, 118, 134, 161, 183, 186; Высотская Т.Н. К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. № 1. С. 111-116; Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке: (Тавры. Скифы. Сарматы). Симферополь, 1995. С. 51-52.
59. Дашевская О.Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упомянутых Страбоном // ВДИ. 1958. № 2. С. 143-150; Соломоник Э.И. Эпиграфическое свидетельство о скифской крепости в Крыму // ВДИ. 1961. № 4. С. 106-109; она же. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 7-15, 92-97; она же. Сравнительный анализ свидетельств Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // ВДИ. 1977. № 3. С. 53-63; Скржинская М.В. Северное Причерноморье ... С. 72-74; Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Тбилиси, 1991. С. 93-95, 149, 164, 165, 207, 208, 299; Колтухов С.Г. Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. IV. Запорожье, 1993. С.206-222.
60. Предложение Т.Н. Высотской связать этот отрывок с событиями середины I в. н. э. (К вопросу о локализации Палакия ... С. 114) не может быть принято. См.: Пуздровський О.Є. Кримська Скіфія в кінці II-перш. пол. III ст. н.е. // Археологія. 1992. № 2. С. 130; Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ.1947. № 4. С.250. Прим. 6.
61. Столба В.Ф. Демографическая ситуация ... С. 57; Яценко С.А. Германцы и аланы ... С. 155.
62. Граков Б.Н. Скифы. М.,1971. С. 72; Артамонов М.И. Скифское царство в Крыму // ВЛГУ. 1948. N 8. С.68.
63. Молев Е.А. Боспор и варвары ... С. 55.
64. Ольховский В.С. Население ... С. 57-58; Ольховський В.С. До етнічної історії ... С. 32. Ср.: Столба В.Ф. Демографическая ситуация ... С. 58.
65. Абаев В.И. Геродотовские scythai georgoi // ВЯ. - 1981.N 2. - С. 74 - 76. Ср.: Столба В.Ф. Демографическая ситуация ... С. 58 -59. Прим. 2; Корчелла А. Скифы αροτηρες и скифы γεωργοι// ВДИ. 1994. № 1. С.82-89.
66. Мозолевський Б.М. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія. 1990. N 1. С.135, 136. Рис.12. Ср.: Граков Б.Н. Термин Σκυθαι.... С. 85,86.
67. Пуздровский А.Е. Население Крымской Скифии во II в. до н.э.- III в.н.э. (этнополитический аспект). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1993; Колтухов С.Г. Укрепления

Крымской Скифии (IIв. до н.э. - III в.н.э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. К., 1993; Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский во II в. до н.э. - III в.н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. К., 1995.

68. Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. Неаполь Скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994.С. 232; Пуздровский А.Е. О скифо-херсонесских конфликтах ... С.142-143; Павленков В.И. К вопросу о времени и характере возникновения Неаполя Скифского // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Запорожье, 1989. С.115-116; Храпунов И.Н., Федосеев Н.Ф. Керамические клейма Булганакского городища // Древности. Харьков, 1997. С. 102-110.
69. Ср.: Колтухов С.Г., Мыц В.Л., Колотухин В.А. Первые результаты археологических исследований курганного некрополя Ак-Кая // Херсонес в античном мире. Тез. докл. конф. Севастополь, 1997. С.55-56.
70. Троицкая Т.Н. Скифские курганы в Крыму // ИКОГО. Вып.1. Симферополь, 1951. С.91-99.
71. Полин С.В. От Скифии к Сарматии. С. 41-42.
72. Наиболее полно эта проблема отражена в развернувшейся дискуссии: Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель "Великой Скифии" // ВДИ. 1997. № 3. С.93-103; Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о "несении Диониса" IOSPE I²,343, и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104-124; Полин С.В. По поводу рецензии И.В. Бруяко // РА. 1997. № 4. С. 207-215; Бруяко И.В. От Скифии к Сарматии без природных катастроф // РА. 1997. № 4. С.215-218.
73. Щеглов А.Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1988. С.32.
74. Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.С.361-362; Щеглов А.Н. Еще раз о причине денежного кризиса III в. до н.э. в античных центрах Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Тез. докл. конф. Одесса, 1989. С.56-58.
75. Золотарев М.И. , Туровский Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С.85-86.
76. Щеглов А.Н. Северо - Западный Крым ... С.53-55; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С.250-252; Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С.146-151.
77. Полин С.В. От Скифии к Сарматии.С.109-111.
78. Полін С.В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. № 45. С.24-29.
79. Доманский Я.В. Из истории отношений Ольвии со Скифией // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. конф. Парутино, 1985. С.24-25.
80. Максименко В.Е. К вопросу о времени установления политического господства сарматов в Северном Причерноморье // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С.41-42.
81. Полін С.В. Про сарматське ... С.28-29
82. Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. С.21-24, 94-95; Масленніков О.О. Історико - географічне районування Східного Криму в античну епоху // Археологія. 1989. № 4. С.43.
83. Пуздровский А.Е. Население... С. 12, 14. Ср.: Зайцев Ю.П. Хронология ... С. 72-80, 87.
84. Андрух С.И.. Нижнедунайская Скифия в V1 - начале ? в. до н.э. Запорожье, 1995. С. 83-85, 96-161; Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины // МИА. 1962. № 115. С. 114-166; Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин А.В. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997.С.251-255; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н. э. М., 1989. С. 180-204; Ср.: Полин С.В. От Скифии к Сарматии.С. 45-49; Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV в.н.э.). М.,1993. С. 97, 101, 103, 106.
85. Петренко В.Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время . М.,1989.С.79-80; Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII – III вв. до н.э.) М., 1991. С. 167-172; Дебец Г.Ф. Черепа из курганов Среднего Подонья // Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969. С.38-40; Круц С.И. К вопросу об этнической принадлежности населения Керченского полуострова в скифское время (по антропологическим данным) // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Київ,1989. С.115-117.

86. Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.С.48-50.
87. Кондукторова Т.С. Населення Неаполя Скіфського за антропологічними даними // МАУ. Вып. 3. Київ, 1964. С.38-39
88. Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы - начале железного века. Киев, 1996. С.79-83.
89. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность ... С.85-86.
90. Колотухин В.А. Население Предгорного и Горного Крыма в конце II - первой половине I тыс. до н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1988. С.10; он же. Горный Крым ... С.62-63; Ср.: Власов В.П. О хронологических рамках кизил-кобинской (таврской) культуры.// Древности. Харьков, 1997. С.15-22.
91. Ср.: Соломонік Е.І. Про значення терміна " тавро - скіфи" ... С.153-157; она же. Таври. Тавріка. С.46-50. Ср: Щеглов А.Н. Финал кизил-кобинской культуры и поздняя история тавров // Скифы, Хазары, Славяне. Древняя Русь. Тез. докл. конф., СПб., 1998. С.66-70.
92. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948. С.163; Соколова К.Ф. Тавры Крымского полуострова // ВА. 1960. Вып.3. С.66-75; Круц С.И. К вопросу ... С.115-117; Покас П.М., Назарова Т.А., Дяченко В.Д. Материалы по антропологии Акташского могильника // Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988. С. 140-141; Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987. С.27-29.
93. Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 1962. Т.III. С.32-44; Виноградов Ю.Г. Политическая история... С.230-250.
94. Зайцев Ю.П. До питання ... С.83-94; Ср: он же. Южный дворец ... С.36 -50.
95. Высотская Т.Н. Влияние античной культуры на скифов поздней поры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С.209-215.
96. Пуздровский А.Е. К проблеме формирования Неаполя Скифского // Проблемы античной культуры. (Тез. докл. конф.) Симферополь, 1988. С. 304; он же . О скифо-херсонесских ... С.143-144.
97. Кондукторова Т.С. Населення ... С.37.
98. Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология ... С.27-28. М.С. Великанова считает, что в серии поздних скифов (Неаполь) наиболее вероятна примесь греческого элемента - узколицего средиземноморского типа: (Палеоантропология Прутско - Днестровского междуречья.) М.,1975. С. 68.
99. Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55-87; Зайцев Ю.П. Памятники скульптуры из мегарона Южного дворца Неаполя Скифского // Крымский музей. (1995-1996 гг.) Симферополь, 1996. С.22 .
100. Раевский Д.С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э. - II в. н. э.)// ВДИ. 1973. № 2. С. 114-119.
101. Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993-1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь, 1997. С.167-180.
102. Яценко И.В. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском // СА. 1960. № 4. С.91-112.
103. Соломонік Е.І. Написи на кримських амфорах перших століть нашої ери // Археологія. 1993. № 2. С.114-115; она же. Две группы надписей на керамических сосудах из Крыма первых веков нашей эры // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С.42.
104. Ольховский В.С. Погребально-поминальная ... С.169.
105. Великанова М.С. Палеоантропология ... С.52- 69.
106. Марченко К.К. Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV - первой половины I в. до н.э. // КСИА. 1975. № 143. С.70-76.
107. Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. 1958. № 64. С.103-247; Вязьмитина М.И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // МИА. 1969. № 150. С.119-134; она же. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии // СА.1969. № 4. С.62-77; Щеглов А.Н.Еще раз о позднескифской культуре (к проблеме происхождения) // История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998.С.141-153.
108. Зубарь В.М., Кубышев А.И. Погребальные комплексы рубежа нашей эры из Нижнего Поднепровья // СА. 1987. № 4. С.248-253.

109. Колотухин В.А. Раскопки могильника на плато Капак-Таш // АО 1980 г. М., 1981. С. 260-261.
110. Трейстер М.Ю. Кельти в Північному Причорномор'ї // Археологія. 1992. № 2. С.40-41, 43.
111. Ср.: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М.,1996. С.136, 147.
112. Есть точка зрения, что шлемы, асинхронные другим вещам комплексов, попали к сарматам еще в период их первого столкновения с кельтами в Поднепровье (См.: Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы ... С.102), т.е. на 100-200 лет раньше походов.
113. Трейстер М.Ю. Кельти ... С.40-41.
114. Шульц П.Н. Мавзолей ... табл. VII; XVII, 1; Зайцев Ю.П. Верховная знать Неаполя Скифского (новое исследование захоронения в каменной гробнице мавзолея) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Материалы заседаний " Круглого стола". СПб., 1994. С.97, рис.3.
115. Трейстер М.Ю. Кельти... С.44-46, рис.9.
116. Там же. С. 45, 46.
117. Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия ... С. 85, 110 - 117.
118. Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // ПСА. М.,1971. С.140-142.
119. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. С.185.
120. Раевский Д.С. Скифы и сарматы в Неаполе // ПСА. М., 1971. С.150, 151.
121. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. С.183-185; она же. Неаполь - столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С.192-196; она же. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // МЭИК. Киев, 1987. С.48-50.
122. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. С.116.
123. Пуздровський О. Є. Сармати в Неаполі Скіфському // Археологія. 1989. № 3. с.39.
124. Пуздровський О.Є. Кримська Скіфія ... С.127-132; он же. О сарматах в Крыму // МАИЭТ. Вып.IV. Симферополь, 1995. С. 397-402.
125. Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина позднеэллинистического времени в Предгорном Крыму // Археология Крыма. 1997. № 2.
126. Ср.: Раевский Д.С. Этнический и социальный состав населения Неаполя Скифского. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.,1971.С.7; Симоненко А.В. Сарматы Таврии. С.116.
127. Пуздровский А.Е. К интерпретации захоронений в мавзолее Неаполя Скифского // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. конф. Севастополь,1988. С.86-87; он же. Сармати в Неаполі... С.31-32; он же. Сарматы в Крыму // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. конф. Симферополь,1991. С.100; он же. Кримська Скіфія...С.127; он же. О сарматах ...С.399; Ср.: Зайцев Ю.П. Мавзолей Неаполя Скіфського // Археологія. 1992. № 1. С.98; он же. Верховная знать... С.100; он же. Южный дворец ... С.46-49.
128. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. С.69-72.
129. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Охранные раскопки Усть-Альминского могильника // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 228.
130. Дашевская О.Д. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время . М., 1984. С.53-60.
131. Храпунов И.Н., В.В.Масякин, Мульд С.А. Позднескифский могильник у с.Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь, 1997. С.124,125.
132. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. С. 70-74.
133. Раевский Д.С. К истории...С.117-119; Ср.:Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С.66-82; Высотская Т.Н. Этнический ... С. 48, 50; Храпунов І.Н. До социально-політичної історії характеристики пізньо-скіфського царства // Археологія. 1992. № 1. С. 92, прим.51.
134. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в.н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С.155.
135. Колтухов С.Г. Новые материалы ... С.187.
136. Раевский Д.С. Скифы и сарматы ... С.151.
137. Щукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в.н.э. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1. С.75-80; Пуздровський О.Є. Кримська Скіфія ... С.130-131; Русяева А.С. Ольвійсько-сарматські відносини у другій половині I ст..н.е. // Археологія. 1995. № 4. С.26-33.
138. Яценко И.В. Исследование сооружений скифского периода на городище "Чайка" в Евпатории // КСИА.1970. № 124. С.36; Щеглов А.Н. Северо-Западный ... С. 43; Михлин Б.Ю. Фибулы

Беляусского могильника // СА. 1980. № 3. С.211; Попова Е.А. Юго-Западный квартал скифского поселения у санатория "Чайка" близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С.71.

139. Пуздровський О.Є. Кримська Скіфія... С. 129.
140. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. С. 67-74.
141. Высотская Т.Н. Неаполь... С.201-203. Орлов К.К., Скорий С.А. Комплекс з бронзовим посудом римського часу з поховання в Центральному Криму // Археологія. 1989. № 2. С.71-73; Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Новиков И.И. Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скифского // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С.116-122.
142. Пуздровский А.Е. Сарматы в Крыму ... С.101; Зубарь В.М. Херсонес Таврический ... С.111-117; Яценко С.А. Германцы и аланы ... С. 154-157.
143. Пуздровский А.Е. Население Крымской Скифии ... С. 13; Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С.28, 145; она же. Поздние скифы ... С. 60-63. Анализ этих материалов показывает их соответствие как керамическому комплексу Горгиппии, погибшей в катастрофе около 240 г. н. э.: (Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1987. С. 75, 244. Табл. 89-96, 104-106, 110-112, 156, 166, 222- 225), так и Танаиса, разрушенного десятилетием позже: (Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992).
144. Айбабин А.И. Население Крыма в середине III - IV вв. // МАИЭТ. Т.V. Симферополь, 1996. С. 290-299. Рассмотрение четвертого этапа (втор пол. III - третья четверть IV в.н.э.) выходит за рамки работы.
145. Алексеев В.П. Историческая антропология. М.,1979. С.186; Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С.259-262.
146. Новиченкова Н.Г. Святилище Крымской яйлы // ВДИ. 1994. № 2. С. 59-86.
147. Мыц В.Л. Новый позднеантичный памятник Караби-Яйлы // Проблемы античной культуры. Тез. докл. конф. Ч.III. Симферополь, 1988. С. 299, 300; он же. Позднеантичные памятники Алуштинской долины // Скифия и Боспор. Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 77-79.

Труфанов А.А.

МОГИЛА 656 УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО ПОЗДНЕСКИФСКОГО НЕКРОПОЛЯ*

Во время охранных исследований Усть-Альминского могильника в 1997 г. в его северной части была обнаружена и исследована могила 656, содержавшая остатки пяти погребений, расположенных в два яруса. Погребальный инвентарь, найденный в ходе изучения этой могилы, имеет многочисленные аналогии среди материалов позднескифских некрополей Крыма и в целом может быть охарактеризован как типичный. Наличие же в каждом из двух ярусов могилы датирующих монет позволяет с достаточным основанием соотнести совершение захоронений с абсолютным счетом времени, что для позднескифских погребений далеко не всегда представляется возможным.

Могила 656 была обнаружена по плитам перекрытия, выявленным на глубине 0,50 м от уровня современной дневной поверхности. Размеры могильной ямы - 1,80х0,55 м, глубина - 0,70 м. Могила ориентирована длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Стенки погребального сооружения до глубины 0,50 м были обложены вертикально поставленными известняковыми плитами. Ниже каменной обкладки стенок, по всей площади могильной ямы был зафиксирован слой древесного тлена, под которым находились остатки трех погребений (верхний ярус - погребения I, II, III), расположенных одно под другим. Судя по расположению костяков верхнего яруса и условиям захоронения (в одном деревянном гробу), погребения верхнего яруса были совершены в очень короткий промежуток времени, может быть даже одновременно. Под костяками верхнего яруса находился слой древесного тлена от нижней части гроба. Этот слой отделял верхний ярус погребений от костяков нижнего яруса (погребения IV и V).

Погребение I (верхнее). Ребенок 3-5 лет был погребен в вытянутом положении на спине, левая нога слегка согнута в колене, руки вдоль таза. Ориентирован головой на СВ. Из сопровождающего инвентаря определенно с погребением I могут быть связаны бронзовая лучковая фибула с железной осью, продетой в пружину (высота 6,2 см) (рис.1,1), бронзовая смычковая фибула (высота 2,9 см) (рис.1,3), бронзовый проволочный браслет с окончаниями в виде скрепляющихся крючков (диаметр 4,2 см; рис.1,2), фрагментированный железный нож (рис.1,5) и найденные в области грудной клетки погребенного бусы: крупная полихромная стеклянная усеченно-биконическая пронизь; фрагментированная фаянсовая фигурная подвеска в виде женского торса; фаянсовые округло-ребристые бусы типа 16д[1]; сердоликовая четырнадцатигранная пронизь типа 15; меловые цилиндрические типа 7 и округлые, поперечно сжатые типа 2[2]; янтарные типа 44 и гагатовые типа 27; округлые и поперечно сжатые бусы из белого стекла типа 2, из оранжевого стекла типа 7 и из черного стекла типа 1; цилиндрические бусы из красного стекла типа 57 и из белого стекла типа 55; пронизи из красного стекла в виде плоских дисков типа 71; пронизи из белого стекла в виде четырнадцатигранника типа 126; пронизи призматической формы из красного стекла типа 117; бочковидные стеклянные бусы с внутренней позолотой типа 2а[3] (рис.2,6).

В районе грудной клетки погребенного I, среди бус были найдены два бронзовых перстня, один из которых имел стеклянную полусферическую вставку, а другой - плоский щиток, украшенный эмалью (черный круг с зигзагообразными краями на красном фоне) (рис.1,4). Условия находки говорят в пользу отнесения этих перстней к инвентарю погребения I, однако достаточно большой диаметр (1,6 и 1,7см) может указывать на их принадлежность погребению III.

Погребение II (среднее). Ребенок 3-5 лет, погребенный в вытянутом положении на спине, головой на СВ, руки вдоль таза. К этому погребению относятся: бронзовая проволочная серьга (рис.2,7), бронзовая лучковая фибула (высота 6 см; рис.2,13); бронзовая смычковая фибула (высота 3 см) (рис.2,9), фрагментированный железный нож (рис.2,10), бронзовое зеркало с боковой петлей (диаметр 3,9 см; рис.2,8) и найденные в районе груди бусы: полихромные стеклянные усеченно-биконическая и цилиндрическая пронизи; янтарные бусы типа 44 и гагатовые цилиндрические бусы типа 27[4]; меловые округлые и поперечно сжатые бусы типа 2[5]; округлые и поперечно сжатые бусы из белого стекла типа 2, из красного стекла

*Приношу благодарность А.Е.Пуздровскому, Ю.П.Зайцеву и И.И.Лободе за разрешение опубликовать данный материал.

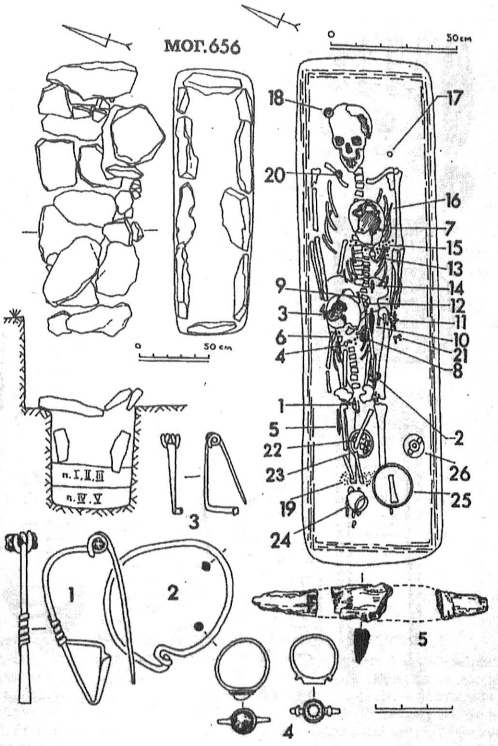


Рис.1.
Могила 656. Планы, разрез. План погребений I, II, III. Инвентарь.

типа 3 и из черного стекла типа 1[6]; стеклянные бусы с внутренней позолотой - бочковидные типа 2а и сложнодисковидные типа 25; бусы из полупрозрачного сизо-зеленого стекла типа 174[7] (рис.2,15).

Погребение III (нижнее в верхнем ярусе). Погребение женщины в вытянутом положении на спине, головой на СВ, руки вдоль таза. С этим погребением связаны: фрагмент бронзового зеркала (рис.2,20), бронзовая подвеска на проволочном кольце, украшенная пуансонным орнаментом (рис.2,12), фрагментированный железный перстень с овальной стеклянной вставкой (рис.2,21), три бронзовых перстня, два из которых имеют стеклянные овальные вставки, третий - плоский щиток с эмалевым орнаментом (рис.2,11), бронзовая игла (рис.2,16), бронзовая шарнирная фибула с белой эмалевой квадратной вставкой с девятью черными вкраплениями (высота 3,3 см; рис.2,14) и найденные в области щиколоток погребенной мелкие гагатовые бусы типа 27[8] и фаянсовый бисер типа 9[9] (рис.2,19).

Без привязки к какому-либо из выше-

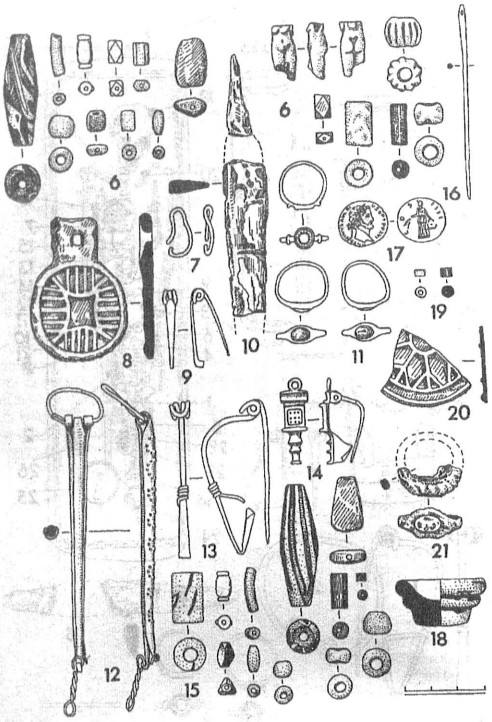


Рис.2.
Инвентарь погребений I, II, III.

перечисленных погребений, но в этом же ярусе, были обнаружены краснолаковые: чашка (диаметр верхнего края - 11,2 см, высота - 6,2 см, диаметр поддона - 4,4 см)(рис.3,23) с пятью лежащими в ней астрагалами (рис.3,22), тарелка (диаметр верхнего края - 14,8 см, высота -4,3 см, диаметр поддона - 6 см; рис.3,25) с костью животного и двуручный кувшин (диаметр верхнего края - 3 см, высота - 8,6 см, диаметр дна - 4 см; рис.3,26). В ногах погребенного I находился краснолаковый кубок (диаметр верхнего края -7 см, высота - 8,7 см, диаметр дна - 3,5 см; рис.3,24).

Над черепом погребения III, на 0,15 м выше него, на слое древесного тлена от крышки гроба стояла маленькая "солонка", изготовленная из поддона чернолакового сосуда (наибольший диаметр - 3,4 см, высота - 1,8 см; рис.2,18).

У левого плеча погребенной III была найдена серебряная монета Антонина Пия чеканки 152-153 гг.н.э.[10] (рис.2,17).

Л.с. Голова Антонина Пия, увенчанная лавровым венком, вправо.

ANTONINVS AVG PIVS PP TR P XVI.

О.с. Аннона стоит влево; в правой руке два хлебных колоса, в левой модий. COS IIII.

Погребения IV и V. Остатки погребений нижнего яруса представляли собой

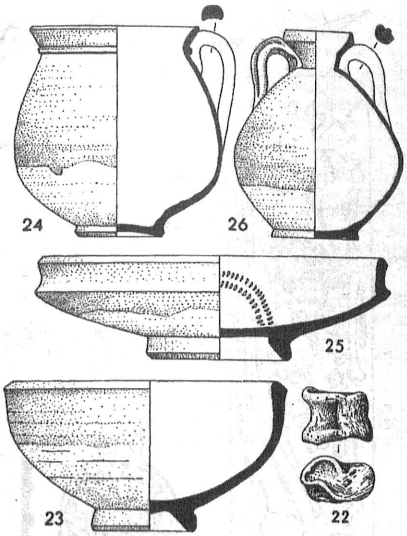


Рис.3.
Инвентарь погребений I, II, III.

смещенные кости двух взрослых человек, первоначально, по-видимому, ориентированных головами на СВ. Среди этих костей были найдены две фрагментированные серебряные проволочные серьги (рис.4,27), бронзовое зеркало с боковой петлей (диаметр 4,4 см; рис.4,29), фрагментированная железная лучковая фибула (рис.4,30) и бусы нескольких типов: коралловые пронизи типа 9, сердоликовая бусина округлой формы типа 2а[11], янтарные бусы типа 44, округлые и поперечно сжатые бусы из белого стекла типа 2, мелкие гагатовые бусы типа 27[12] (рис.4,31).

Среди костей погребенных нижнего яруса была, кроме того, обнаружена серебряная монета Домициана чеканки 92-96 гг.н.э.[13] (рис.4,28).

Л.с. Голова Домициана, увенчанная лавровым венком, вправо.

IMP CAES DOMIT AVG GERM (P)M...

О.с. Минерва в шлеме идет вправо, в правой руке копье, в левой круглый щит.

IMP XXII (...CE)NS P PP.

Обе найденные в могиле римские монеты хорошей сохранности, но, судя по некоторой стертости изображения и легенды, денарий Домициана все же некоторое время был в обращении, тогда как сохранность денария Антонина Пия превосходная. Исходя из этого, можно отнести совершение погребений IV и V к первой половине II в.н.э., а захоронение погребенных I, II и III - к третьей четверти II в.н.э.

Материал, сопровождающий погребения, не противоречит предлагаемой датировке. Краснолаковые тарелки с вертикальным бортиком, аналогичные сосуду из могилы 656 (рис.3,25), типа III-Г-3 в основном бытовали во II в.н.э. , но изредка встречаются и в погребениях первой половины III в.н.э.[14]. Бронзовые профилированные шарнирные фибулы с эмалевыми вставками, однотипные фибуле, встреченной среди инвентаря погребения III, известны в комплексах второй половины II - первой половины III в.н.э.: они обнаруже-

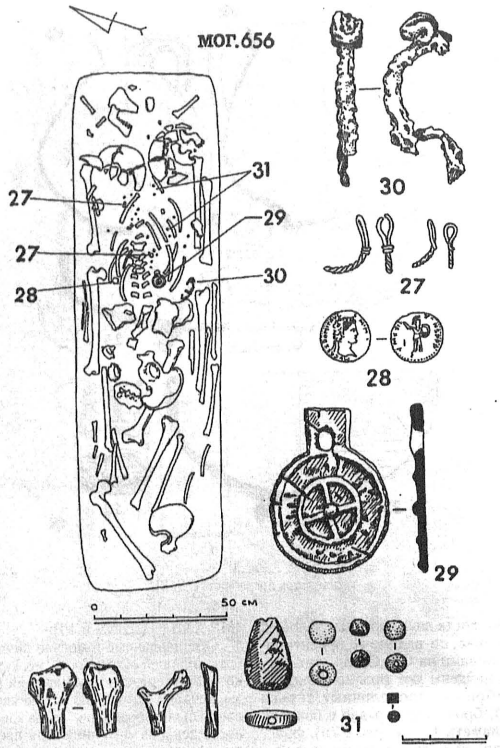


Рис.4.
План погребений IV, V. Инвентарь.

ны в составе погребального инвентаря мог.564 (Усть-Альма) вместе с сердоликовыми четырнадцатигранными пронизями и в верхнем ярусе скл.550 (погребение 2, Усть-Альма)[15]. Такая же фибула происходит из скл.1(6) (Черноречье)[16].

Сердоликовые четырнадцатигранные пронизи типа 15 (рис.2,6) датируются Е.М.Алексеевой I-IV в.н.э.[17]. Исследователи черняховской культуры относят появление бус этого типа на черняховских памятниках к III в.н.э. или, даже ко второй половине III в.н.э.[18] Данные, полученные в ходе анализа материала из могилы 656, позволяют утверждать, что подобные пронизи попадают в погребальные комплексы позднескифской культуры, по крайней мере, с третьей четверти II в.н.э.

Бронзовые подвески, называемые иногда амулетницами или игольниками, сходные с обнаруженной в мог.656(-рис.2,12), встречаются в Северном Причерноморье во II-III в.н.э.[19] Обычно они

представляют собой конструкцию из шарнирно соединенных пластинчатых трубочек. Предмет из мог.656 отличается тем, что состоит из круглого в сечении литого стержня, соединенного с пластинчатой трубочкой, что исключает его использование в качестве "игольника". Кроме того, игла и рассматриваемый предмет, хотя и относятся к инвентарю одного погребения, но зафиксированы в различных местах: игла - в районе грудной клетки, подвеска - в области таза.

Бронзовые зеркала-подвески с боковой петлей и орнаментом на оборотной стороне, без полусферического выступа в центре (рис.2,8,20) датируются II-III в.н.э.[20] Такие же зеркала, но с полусферическим выступом в центре (рис.4,29) в Крыму встречаются наиболее часто в погребениях последней четверти I - первой половины II в.н.э., но продолжают попадать в погребальные комплексы на протяжении всего II в.н.э.

Особого рассмотрения требует вопрос о конструкции могилы 656. По-видимому, в период совершения захоронений IV и V это была могила с заплечиками и каменным перекрытием. Впоследствии, при захоронении погребенных верхнего яруса в третьей четверти II в.н.э. на крышку гроба по периметру были поставлены каменные плиты, укрепленные в таком положении грунтом, а сверху были положены плиты перекрытия. Если это предположение верно, то подобная трансформация конструкции могилы на протяжении периода ее функционирования говорит в пользу гипотезы о генетической связи позднескифских плитовых могил с появившимся в более раннее время типом погребальных сооружений - могилами с заплечиками и каменным перекрытием[21].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12. 1975, с.34.
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12.1982, с.17, 29.
3. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12.,1978, с.14, 25, 32, 62-63, 65, 68, 70.
4. Алексеева Е.М. Ук.соч.,1978, с. 14, 25.
5. Алексеева Е.М. Ук.соч.,1982, с. 29.
6. Алексеева Е.М. Ук.соч.,1978, с. 62-63.
7. Там же,с. 30, 32, 73.
8. Там же, с. 14.
9. Алексеева Е.М. Ук.соч., 1975, с. 32.
10. Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. London,1968, vol. 4: Antoninus Pius to Commodus. p.lxx.
11. Алексеева Е.М. Ук.соч., 1982, с.15, 30.
12. Алексеева Е.М. Ук. соч.,1978, с. 25, 63.
13. Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. London,1966 , vol.2: Vespasian to Domitian. p.338-345.
14. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников юго-западного и центрального Крыма) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып.1. Симферополь, 1997, с.186-188.
15. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского могильника в 1996 г. - Архив КФ ИА НАН Украины. рис. 116, 279.
16. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник. // АП. Вып. XIII. К., 1963, табл. IX, 2.
17. Алексеева Е.М. Ук. соч.,1982, с. 17-18.
18. Бажан И.А., Гей О.А. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени . С-Пб., 1992, с.124, 130, 152, 154; Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени . С-Пб., 1992, с. 187, 197.
19. Храпунов И.Н. Погребения середины III в.н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1995, с. 536.
20. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Д1-7. 1991,с.40.
21. Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное// Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989, с. 22; Пуздровский А.Е. О погребальных сооружения Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994, с. 117.

С.В.Ушаков

ОБ ОСНОВНЫХ ТИПАХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ III - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI ВВ.

При изучении этнических процессов в Юго-Западном Крыму на завершающем этапе античной истории (III - первая половина VI вв.) особое место принадлежит археологическим данным, среди которых в ряду важнейших необходимо назвать комплексы погребальных сооружений - как один из важнейших элементов погребального обряда в широком смысле слова[1].

Нельзя сказать, что проблемы анализа погребальных сооружений этого времени не рассматривались в литературе. Так, общая схема типов погребальных сооружений представлена в статьях А.Е.Пуздровского и С.А.Мульда. При этом А.Е.Пуздровский, рассматривая типы погребальных сооружений и достаточно детально характеризуя их, основное свое внимание сосредоточил на комплексах I-III вв. н.э.[2] С.А.Мульд, описывая погребальные памятники I-V вв., не связал их с конкретными могильниками[3].

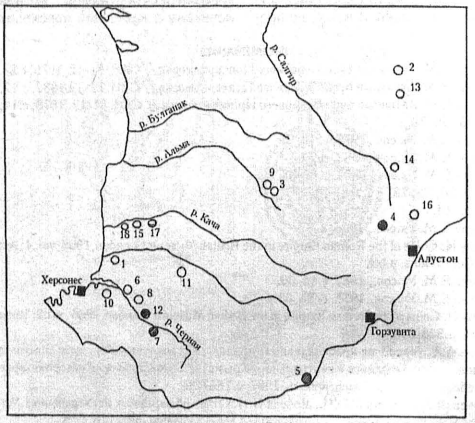


Рис.1.
Могильники второй половины III - первой половины VI вв. в Юго-западном Крыму

Классификация склепов была предложена В.Юрочкиным[4]. В отмеченных работах почти не затронуты погребения с трупосожжениями, совершенными одновременно с трупоположениями, причем не только на соседних могильниках, но и на некрополях биритуальных, сочетающих два комплекса памят-

Типы погребальных сооружений

Таблица 1

Могильник, памятник*	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1. Бельбек	-	-	-	-	1	15	-	3	3	22
	-	-	-	-	5	68,2	-	13,6	13,6	100
2. Нейзац	5	-	-	-	-	-	-	1	-	6
	83,3	-	-	-	-	-	-	16,7	-	100
3. Озерное III	3	1	3	-	-	-	-	-	-	7
	42,9	14,3	42,9	-	-	-	-	-	-	100
4. Чатыр-Даг	-	-	-	-	-	1	-	3	11	15
	-	-	-	-	-	6,7	-	20,0	73,3	100
5. Харакс	-	-	1	-	-	-	1	1	34	37
	-	-	2,7	-	-	-	2,7	2,7	91,9	100
6. Инкерман	8	25	10	7	-	-	-	1	-	51
	15,7	49,0	19,6	13,8	-	-	-	2	-	100
7. Черноречье	13	38	11	-	-	-	-	-	33	95
	13,7	40	11,6	-	-	-	-	-	34,7	100
8. Сахарная Головка	1	8	-	-	-	-	1	-	-	10
	10	80	-	-	-	-	10	-	-	100
9. Скалистое	12	5	-	-	-	-	-	-	-	17
	70,6	29,4	-	-	-	-	-	-	-	100
10. Килен-балка	7	-	1	-	-	-	-	-	-	8
	90	-	10	-	-	-	-	-	-	100
Всего	49	77	26	7	1	16	2	9	82	269
11. Совхоз 10	20	147	51	8		171	3	1	282	638
	3,1	23	8	1,3			0,5	1,6	44,2	100

* В числителе - количество, в знаменателе - %.

I - склепы
II - подбойные могилы
III - простые грунтовые могилы (М)
IV - грунтовые могилы с заплечиками (ЗПЛ)
V - грунтовые могилы, забитые камнем
VI - плитовые могилы (ПЛ)
VII - захоронение в амфоре
VIII - неопределенный тип
IX - трупосожжения (ТС)
X - всего

ников на одном и том же некрополе - погребения по обряду трупоположения (ингумации) и трупосожжения (кремации). Оба этих типа погребальных сооружений кратко описаны в работе А.И.Айбабина в хронологических рамках IV-VII вв. на всей территории Крымского полуострова[5].

В настоящей статье предложены варианты классификации основных типов погребальных сооружений Юго-Западного Крыма III - первой половины VI вв. с перечислением конкретных комплексов; при этом основное внимание уделено важнейшим из них, самым сложным и характерным - склепам и сожжениям.

Заметим, что именно здесь, в Юго-Западном горном и предгорном Крыму, а также на Южном берегу, наблюдается наибольшее сосредоточение археологических памятников, в том числе и переходной эпохи от античности к средневековью. Они представлены в основном могильниками. Можно говорить о трех основных территориальных группах этих памятников: 1) ближняя и дальняя округа Херсонеса-Херсона (могильники Бельбек-I, Суворово, Тенистое, Вишневое, Сахарная Головка, Инкерман, Черноречье, «Совхоз-10», Килен-балка*); 2) в глубине Горного и Предгорного Крыма (Нейзац/Нейзацкие склепы, Озерное III, Красный Мак, Дружное, Скалистое); 3) на южном берегу (Харакс - Ай-Тодор, Чатырдаг и другие) (Рис. 1).

В таблице 1 учтены основные типы по-

*Автор выражает признательность О.Я. Савеле за любезное разрешение использовать неопубликованные материалы его раскопок

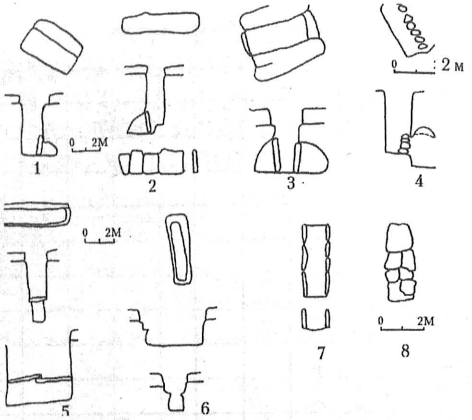


Рис.2.
Типы могил: 1-4 - подбойные; 5-6 - с заплечиками; 7-8 - плитовые; 1-3 - Инкерманский могильник (по Е.В. Веймарну, 1963); 4 - Скалистое (по Е.В. Веймарну, А.М. Айбабину, 1993); 7-8 - Бельбек I (по Т.Н. Высотской)

гребальных сооружений одиннадцати могильников. Эта сводка носит предварительный характер - в нее не включены полные данные по Суворовскому, Дружненскому и некоторым другим открытым в последнее время некрополям; несмотря на это, она дает представление о распространении в регионе погребальных сооружений в указанное время.

Большая часть этих могильников появляется во второй половине III или в начале IV вв., прекращают они свое существование в основном в начале или середине V в. На Черной речке хоронили еще, вероятно, до середины VI в., а в Скалистом и на Сахарной Головке и значительно позднее. Что касается датировок отдельных типов погребальных сооружений, то необходимо отметить, что трупоположения появляются еще в III в. (Бельбек-I, возможно Харакс); немного позднее, в основном уже в IV в., стали сооружать склепы и подбойные могилы. Кремация как обряд прекращает существование в конце V в. В целом же, как представляется, наибольшая концентрация погребальных сооружений относится к первой половине IV в. и к первой половине Vв.

Среди перечисленных выше некрополей Юго-западного Крыма выделяются биритуальные (с трупосожжениями и трупоположениями) - Бельбек I, Чатырдаг, Харакс, Черноречье и «Совхоз-10». Причем в трех из них - Бельбек-I, Чатырдаг и Харакс отсутствовали такие типичные здесь погребальные сооружения, как склепы и подбойные могилы. В свою очередь, во всех некрополях, где обнаружены склепы и подбойные могилы, отсутствовали погребения с сожжениями (за исключением могильника на Черной речке и «Совхоз-10»). В могильниках Инкерманском и «Совхоз-10» обнаружены грунтовые могилы с заплечиками. В бельбекском могильнике двое умерших были захоронены сидя, в могильнике «Совхоз-10» обнаружено захоронение в кургане. (Табл. 1, Рис. 2).

Плитовые могилы (с захоронением по обряду трупоположения) типичны для могильника Бельбек-I (их 19 от общего числа раскопанных -22). (рис.2;7,8).

Подбойные могилы, ориентированные в основном по линии Север-Юг, имели, как правило, один или, реже, два подбоя, вход в которые закрывался плитами или камнем. Иногда имелись ступеньки.

Две подбойные могилы известны и в Перевальненском могильнике[6]. Подбойные могилы подобной конструкции имели

Таблица II

Взаимовстречаемость типов склепов в могильниках

Тип	Вариант	№№ склепов: Красный Мак	Нейзац	Озерное	Инкерман	Черноречье	Союз-10	Камен-балка	Сахарная головка	Скалистое	Дата	Количество
1	1	8		3	1,3	5/88, 4/88, 77, 40	10,14(13) 17(12), 20(17)			101,190, 195, 390, 449, 457, 465, 485	Кон. IV - 1п. VI вв	22
	2				2					439,447	2 пол. IV в.	3
	3		1,3								1пол. IV в.	3
	4а						3					1
	4б						2					2
	4в											1
	4г					6/88					1пол. IV в.	1
II	1		4			4(а), 2/88	13(19),19(16), 1967 г 11(15), 12(14), 18(20)	2/71, 1/714/91	3.5		1пол. IV в.	15
	2		5			5(6)					2 пол IV - 1пол.Vвв.	2
	3					1						1
III	1							1/91,2/91			2 пол.III- 1п. Vвв.	2
	2							3/71			2 пол III- 1пол.IV вв	1
Всего склепов		1	4	2	4	9	12	6	2	11		54

широкое распространение по всему Северному Причерноморью в областях расселения сармато-аланского этноса, хотя в предшествующее время в могилах с подбоями хоронили и поздние скифы [7].

Вероятно, сарматам могли принадлежать и относительно редко встречаемые могилы с "заплечиками" (См.: Рис.2,5).

Редки захоронения младенцев в амфорах (количество которых едва составляет 0,5% от общего числа исследованных погребений).

Простые грунтовые ямы - один из самых распространенных типов погребальных сооружений. В плане они прямоугольные, заполнение грунтовое.

Что касается склепов, то А.И.Айбабин выделил 5 типов этих погребальных сооружений на всей территории полуострова в хронологических рамках второй половины III - первой половины VII вв.[8]; С.А. Мульд представил общую схему их конструктивных особенностей[9]. Ограничивая территорию рассмотрения типов склепов только Юго-Западной частью полуострова (без Херсонеса, где они имеют свои генезис и этническое происхождение), а хронологические рамки с середины III по середину VI вв., нам хотелось бы обратить внимание на критерии выделения типов и вариантов этих погребальных сооружений. При изучении чертежей склепов становится ясным, что их основные конструктивные черты складываются из соотношения размеров дромоса и погребальной камеры, а характерные особенности в большей степени зависят от конфигурации самой погребальной камеры, и в меньшей степени - от наличия ступенек, ниш и т.п. В таком случае, все склепы в Юго-Западном Крыму можно разделить на три основных типа с вариантами и подвариантами (Рис.3.). Приведем их краткое описание:

Тип I. Склепы с длинным дромосом (дромос длиннее или равен по длине погребальной камере).

1. Погребальная камера прямоугольная в плане (боковые продольные стены длиннее поперечных). В передней поперечной стене часто устраивались ниши.

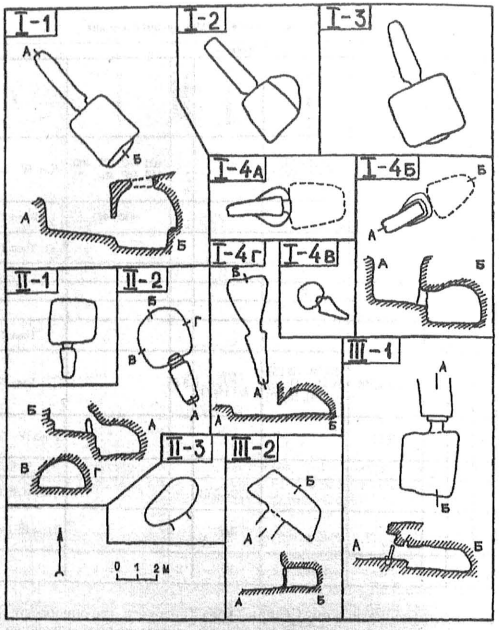


Рис.3.
Типы склепов.

Свод в разрезе чаще овальный.

2. Трапециевидная в плане погребальная камера (передняя поперечная стена длиннее задней). Продольные стены длиннее поперечных.
3. Прямоугольная в плане погребальная камера (поперечные стены длиннее продольных).
4. Погребальная камера неправильной формы (характерны в основном для могильников «Совхоз-10» и Инкерман):

а) трапециевидная в плане со скругленными углами (продольные стены и передняя поперечная стена короче задней);

б) передняя часть камеры овальная в плане;

в) овальная или почти круглая в плане;

г) подтреугольная в плане;

Тип II. Склепы с коротким дромосом (дромос короче погребальной камеры).

1. Погребальная камера в плане приближается к квадрату, с овальным в плане сводом.
2. Погребальная камера со скругленными углами, с овальным сводом.
3. Камера неправильной формы.

Тип III. Представлен склепами, вырубленными в скале на склоне балок. Они имеют очень короткий дромос (или входной коридорчик). Свод погребальной камеры - коробовый, потолок - плоский. Выделяется два варианта.

1. Почти квадратная в плане погребальная камера. Имеется небольшой входной коридорчик. Дно камеры ниже дна дромоса.
2. Трапециевидная форма погребальной

Таблица III

Классификация трупосожжений по способу помещения праха в могилу

камеры (передняя погребальная стена короче задней). Продольные стены короче поперечных.

Склепы этого типа характерны для некрополя в Кылен-балке. Основная масса склепов в других могильниках относится к I и II типам - в основном это первые варианты. Время сооружения их - с первой половины (II тип 1 вар.) IV в. (См.: Табл.2, даты погребений указаны по Айбабину, 1987, 1991).

А.И.Айбабин ограничил верхнюю хронологическую границу распространения склепов с длинным дромосом второй половиной V в.[10] Однако некоторые захоронения в склепах указанной конструкции (Тип I, вариант 1) были совершены в первой половине VI в. (см. Табл. 2). Можно предположить, что если в этих склепах нет более ранних по времени захоронений, то сооружение склепов и погребение в них совершены в одно и то же время, то есть в первой половине VI в.

Склепы Херсонеса Таврического по своим конструктивным особенностям отличаются от описанных выше, только некоторые из них типологически сходны, хотя вырубались не в материковом грунте, а в скале. Их сооружение, вероятно, связано с проникновением в городскую среду небольшого числа сармато-алан из Юго-Западного Крыма[11]. Склепы I и II типов из этого региона имеют многочисленные аналогии в зоне расселения сармато-аланских племен[12], в том числе и на Северном Кавказе.

Со второй половины III - первой половины IV вв. в Юго-Западном Крыму появляется еще один тип погребений - трупосожжение (кремация). По мнению большинства исследователей, это не связано с влиянием позднеантичных центров, в том числе и Херсонеса[13] - в это время там почти перестали применять этот способ погребения.

Скорее всего, нужно говорить о круге европейских древностей т.н. «полей погребальных урн».

В описании и классификации таких захоронений существуют различные подходы. И.С. Пиоро выделяет 3-5 групп погребений[14]. А.И. Айбабин[15] разделил трупосожжения на четыре варианта. Погребальными урнами в трупосожжении служили амфоры, лепные и столовые кувшины, специальные сосуды или каменные саркофаги (оссуарии). Горла урн закрывались небольшими лепными гончарными сосудами или их обломками, а также фрагментами строительной керамики или даже камнями.

В археологической литературе все погребения по обряду трупосожжения, как

Таблица IV

Классификация трупосожжений по характеру погребального сооружения

правило, делят на урновые и безурновые, то есть по способу помещения останков в могильной яме[16]. Трупосожжения по этому основанию в крымских биритуальных могильниках можно разделить на два типа: безурновые и урновые. Тип I - насчитывает два (безурновые погребения) варианта и тип II - около десятка вариантов. (см. Табл.3). Однако имеет право на существование и другая система классификации трупосожжений - по характеру погребальных сооружений, в которые могли помещать сожженные кости - как в урне или оссуарии (каменном ящике с крышкой), так и завернутые в мягкую органическую оболочку или даже без таковой (это так называемые безурновые погребения) (Табл.4). В случае предпочтения такой схемы классификации и представления данных в графической таблице (Рис.4) по-

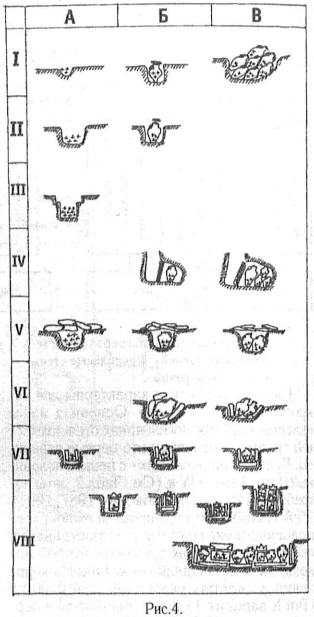


Рис.4.
Типы и варианты трупосожжений.
I-VIII - типы; А-В - варианты.

является возможность наглядного сопоставления кремаций как по типам (по вертикали), так и по вариантам (по горизонтали) - от простейшего погребального сооружения к более сложному. Несколько выбиваются из этой схемы трупосожжения в яме с заплечиками (Тип III, единственный вариант - А) и в подбое (Тип IV, только варианты Б и В). В соответствии с классификацией по характеру погребаль-

Таблица V

Типы и варианты трупосожжений (распределение датированных комплексов по могильникам).

Типы Варианты		I			II		III	IV		V			VI		VII			Дата			
Могильник	№ погр.	А	Б	В	А	Б	А	Б	В	А	Б	В	Б	В	А	Б	В	III	IVв.		Vв.
Бельбек 1	14				+													+			
	15				+													+			
	21				+													+			
Чатырдаг	1															+			+		
	2															+			+		
	3														+				+	+	
	4														+				+		
Харакс	3		+																	+	
	8		+																	+	
	10									+											
	15					+					+									+	
	16												+								
	21	+																		+	
	22					+														+	
	24																			+	
	25																			+	
	26					+														+	
	28																			+	
	29					+														+	
Харакс	33											+									
Ч.Р.	9а, 9б(1)													+							
	3(11)												+						+		
	19(38)																				+
Совхоз-10				+																	
							+														
								+													
									+												
															+						
																+					
																	+				

ных сооружений, словесное описание их будет выглядеть следующим образом.

Тип I. Грунтовые ямы, засыпанные землей.

Варианты.

А. Жженные кости компактно помещаются в небольшую ямку.

Б. Одиночные урны располагаются в небольших ямках.

В. Несколько десятков урн, уложенных рядами в большой яме.

Тип II. Грунтовые прямоугольные ямы (могилы).

А. Жженные кости без урны.

Б. Одиночные урны.

Тип III. Жженные кости в грунтовой могиле с заплечиками.

Тип IV. Подбойные могилы с поставленными в них урнами.

В таких могилах могли находится как одиночные урны (Вар. Б), так и скопление урн (Вар. В).

Тип V. Сожжения в ямах, перекрытых камнями.

А. Жженные кости без урны.

Б. Одиночные урны.

В. В могильной яме несколько урн.

Тип VI. В неглубоких ямах расположены урны, обложенные камнями.

Встречаются как одиночные урны (Вар. Б), так и скопление урн (Вар. В).

Тип VII. Могилы, обложенные плитами. Варианты самые разнообразные.

А. Жженные кости в могиле.

Б. Урна, поставленная в небольшой каменный ящик.

Подварианты.

1. В роли погребальных урн используются различные сосуды.
2. Погребальные урны - каменные саркофаги (оссуарии).

В. В плитовых могилах (каменных ящиках) могли находиться:

1. Несколько урн - сосудов для праха.
2. Урны - сосуды и оссуарии помещались вместе.
3. В каменных ящиках - несколько оссуариев.
4. Большие каменные ящики заполнены разнообразными сосудами и оссуариями с прахом.

К этому типу погребений нужно отнести и оссуарии, поставленные в грунтовую яму, не обложенную камнем. Погребения с оссуариями характерны для могильника «Совхоз-10». Оссуарии сделаны из местного известняка, и тем не менее, саркофаги такого типа не встречаются больше нигде в Юго-Западном Крыму (в том числе и в Херсонесе), а известны по аналогиям в могильниках Паннонии[17]. Отметим также, что одна из подбойных могил (№87) на этом же некрополе, кроме трупосожжения в амфоре, помещенного в подбое, имела также захоронение ребенка в основной могильной яме, совершенное по обряду трупосожжения[18].

Остальные типы и варианты трупосожжений, как мы уже отмечали, характерны для других крымских биритуальных могильников. Основная масса их датируется первой половиной V в. (См.: Табл. 5). В целом, обряд захоронений с трупосожжениями напоминает подобные в могильниках вельбарской, пшеворской, черняховской и других, преимущественно германских по составу, культур, и, похоже, по этой причине у исследователей не возникает сомнений[19] в этнической принадлежности погребений данного типа. Однако до сих пор полных аналогий таким захоронениям в Европе не найдено. В связи с этим М. Казанский обратил внимание на погребения римского времени в Южной и Средней Норвегии - наиболее близкие, по его мнению, к южно-крымским[20]. Добавим, что и В.В. Лавров, рассматривая свидетельства письменных источников о германцах в Северном Причерноморье, писал о выходцах из Скандинавии[21].

Полного соответствия ожидать, наверно, и трудно - при переселении части населения сохранялись не все элементы погребальной обрядности, кроме того, в крымские предгорья пришли этнически пестрые племенные союзы. Это видно и при сопоставлении основных элементов погребальной обрядности культур Средней и Северной Европы в позднеримское время[22] и крымских биритуальных могильников. Кроме того, в Северном Причерноморье и в Крыму столкнулись два основных этнических потока: один - германский, двигавшийся по преимуществу с северо-запада, и второй - сармато-аланский, - с северо-востока. Сложная ситуация с погребальной обрядностью и погребальными сооружениями усугублялась наличием на территории Крыма и его Юго-Западной части местного населения (поздние скифы и, возможно, потомки тавров), а также влиянием позднеантичного мира. Детальное сопоставление археологически известных, точно датируемых погребальных сооружений, как и всего комплекса фиксируемой погребальной обрядности с данными палеоантропологии и письменных источников дало бы возможность представить в будущем целостную картину этнической ситуации региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.: 1985. С. 3.
2. Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С.114-126.
3. Мульд С.А. Могильники варварского населения Крыма I-V вв. // МАИЭТ. Вып.V. С.279-289.
4. Юрочкин В.Ю. Архитектура склеповых погребальных сооружений Юго-Западного Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени. // Памятки архітектури і монумен-

тального мистецтва в світлі нових досліджень: (Тез.доп.конф.) К.,1996.
5. Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV - первой половины VII вв. н.э. //Материалы к этнической истории Крыма VII в до н.э. - VII в. н.э. Киев, 1987. С.164-199.
6. Пуздровский А.Е. Могильник III-IV вв. н.э. у с. Перевального в Крыму. // Византия и народы Причерноморья в раннем средневековье: (Тезисы докладов конференции). Симферополь, 1994. С.55-56.
7. Дашевская О.Д. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время, М., 1984. С.53-60. Мульд С.А. Могильники варварского населения Крыма I-V вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С.280-281,284-285.
8. Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма ... С.190-193.
9. Мульд С.А. Могильники варварского населения Крыма. Рис.6а,6б.
10. Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма... С.190.
11. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического. К. 1982. С.30-31
12. Айбабин А.И. Ук. соч. С.193.
13. Зубарь В.М. Ук. соч. С. 58; Айбабин А.И. Ук. соч. С. 188.
14. Пиоро И.С. Крымская Готия: (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье) Киев, 1990. С. 94-99.
15. Айбабин А.И. Ук. соч.. С. 188.
16. Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - I тысячелетии н.э. М., 1974; Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда ... С.61, 64-78; Кравченко Н.Н., Сымонович Э.А. Погребальный обряд племен черняховской культуры // Археология СССР. САИ Д1-22. М., 1983.
17. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя: (Очерки военно-политической истории). Киев, 1994. С. 125, прим.
18. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника III-IV вв. н.э. в Инкерманской долине на территории совхоза (№10) «Севастопольский» в 1962г. Архив НЗХТ, Д.№856/I.
19. Айбабин А.И. Ук. соч. С. 188; Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени. С. 66; Мыц В.Л. Могильник III-IV вв. н.э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма VII в . до н.э. - VII в. н.э. Киев, 1987. С.160. Там же приведена основная литература.
20. Казанский М. О германских древностях позднеримского времени в Крыму и Приазовье // Византия и Крым: (Тезисы докладов международной конференции) Симферополь, 1997. С.1.
21. Лавров В.В. Германские племена в этнической истории Северного Причерноморья в III-IV вв. н.э. : (Автореф. дис. ... канд. истор. наук.) СПб., 1997. С. 11-12.
22. Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы... Табл. IV. С.100.

И.Н.Храпунов, Н.И.Храпунов

СКЛЕП С ЗАХОРОНЕНИЯМИ IV В. Н. Э. ИЗ МОГИЛЬНИКА ДРУЖНОЕ В КРЫМУ

Могильник расположен в Центральном Крыму в 1 км от села Дружное (рис. 1, А). Наиболее ранние погребения уничтожены современным карьером. Раскопки некрополя начаты в 1984 г. А.И.Айбабиным, исследовавшим один склеп и две грунтовые могилы. В 1990-1994 гг. на могильнике работала экспедиция под руководством И.Н.Храпунова. Была раскопана вся уцелевшая часть могильника. Всего открыто 86 погребальных сооружений: 25 земляных склепов, 32 подбойные и 29 грунтовых могил (из них 15 содержат погребения людей, а 14 - лошадей) (рис. 1,В). Опубликованы статьи, в которых подведены некоторые итоги исследования могильника Дружное[1] , изданы отдельные погребальные комплексы[2] . Могильник датируется III-IV вв.н.э. Судя по особенностям конструкции погребальных сооружений и составу погребального инвентаря, он принадлежал сармато-аланскому населению, испытавшему значительное культурное влияние со стороны античных городов Се-

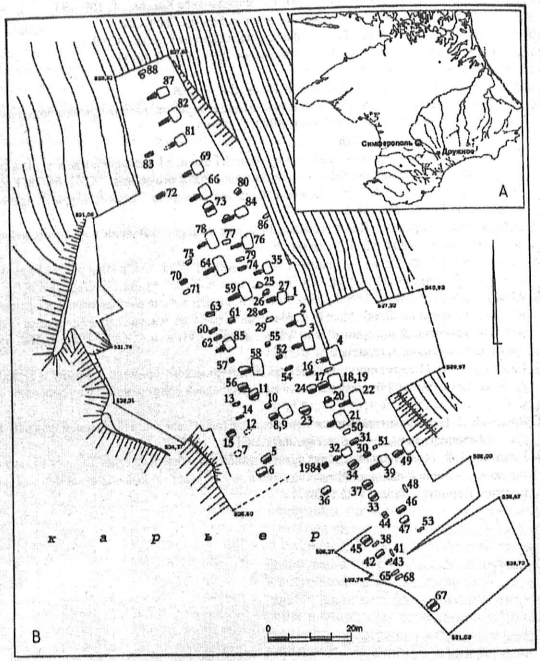


Рис.1.
А - место расположения могильника Дружное. В - план могильника.

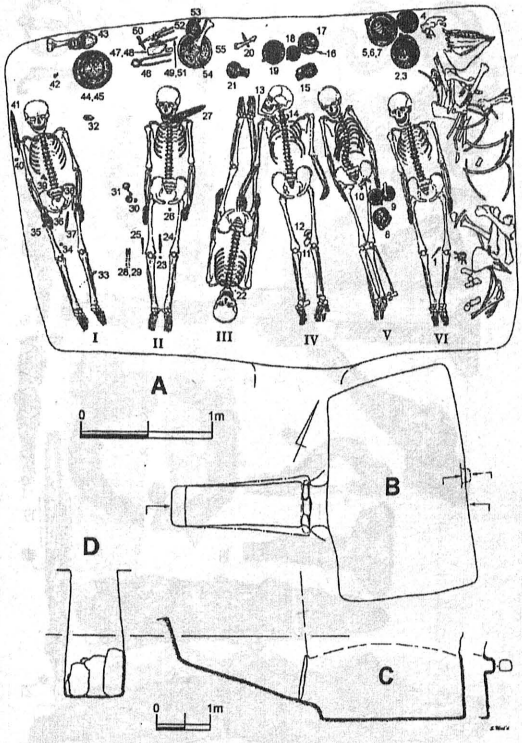


Рис.2.

А - план погребальной камеры склепа: I-VI - номера погребений; 1,25,38 - шилья железные; 2-5,7-9,15,17-19,21,53 - сосуды лепные; 6 - кубок стеклянный; 10,50 - предметы железные; 11,12 - раковины каури; 13,39 - фибулы железные; 14,22 - бусы стеклянные; 16,20,24,37,54 - ножи железные; 23,26,34-36,40 - пряжки бронзовые; 27,41 - мечи железные; 28,29,33 - наконечники стрел железные; 30 - кольцо бронзовое; 31 - удила железные; 32 - предмета бронзового обломки; 42 - кольцо с зажимом бронзовое; 43-45,55 - сосуды краснолаковые; 46,52 - щипцы железные; 47,48 - камни точильные; 49 - изделие железное в виде наковаленки; 50 - молоток железный. В - план склепа. С - разрез склепа. D - фасировка каменного заклада склепа.

верного Причерноморья (в особенности Херсонеса), а также носителей вельбарской и черняховской археологических культур. Поселение, связанное с некрополем Дружное, не обнаружено.

Настоящая статья посвящена публикации результатов исследований склепа №78. Отдельные находки из этого склепа уже издавались[3].

Ориентированный с юго-запада на северо-восток склеп состоит из входной ямы, дромоса и погребальной камеры. Длинная

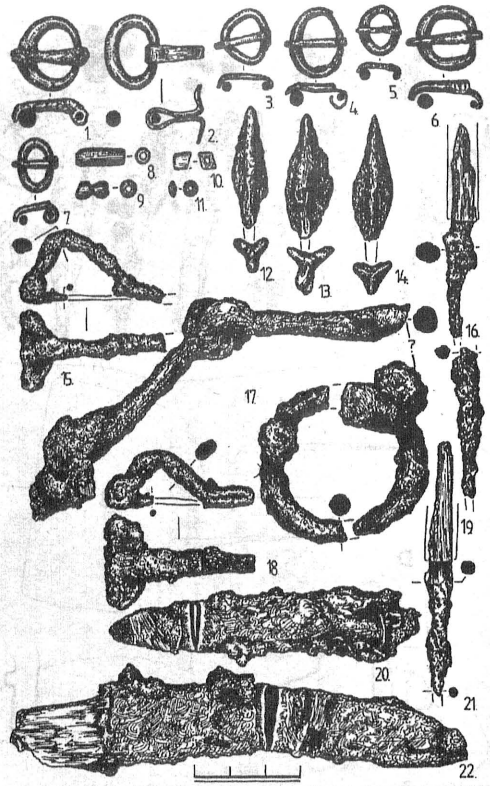


Рис.3.
Погребальный инвентарь: 1,3-7 - пряжки бронзовые; 2 - кольцо с зажимом бронзовое; 8-11 - бусы стеклянные; 12-14 - наконечники стрел железные; 15,18 - фибулы железные; 16,19,21 - шилья железные; 17 - удила железные; 20,22 - ножи железные.

ось входной ямы перпендикулярна длинным осям дромоса и погребальной камеры (рис. 2, B.C).

Входная яма по верхнему краю прямоугольная в плане, размером 2,3 х 0,7 м. Ее юго-западная стена не вертикальна. Входная яма расширяется книзу и по направлению к дромосу, ее дно имеет трапециевидную форму. Дно понижается в северо-восточном направлении. Глубина входной ямы 0,45-1,75 м. У северо-восточной стены находился каменный заклад. Он состоял из трех больших плит, нескольких более мелких камней и закрывал вход в дромос (рис. 2, D).

Дромос размером 0,3 х 0,7 м соединял входную яму с погребальной камерой.

Пол погребальной камеры расположен

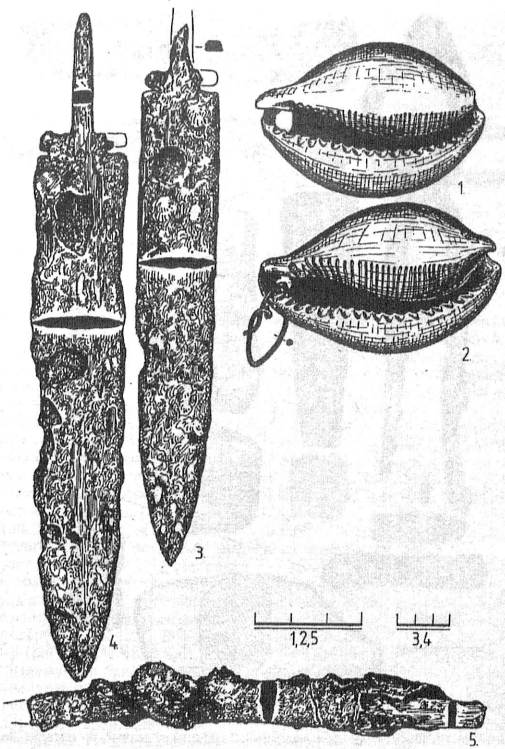


Рис.4.
Погребальный инвентарь: 1,2 - раковины каури; 3,4 - железные мечи; 5 - железный нож.

на 0,25 м ниже пола дромоса; переход оформлен в виде ступеньки. Камера имеет форму прямоугольной трапеции размером 2,6 х 3,9 м. Свод обвалился, стены сохранились на высоту 1,05 м. В северо-восточной стене, напротив входа, на высоте 0,8 м вырублена ниша размером 0,23 х 0,18 х 0,18 (глубина) м.

В погребальной камере находились шесть погребений людей (рис. 2,А,I-VI) и одно - лошади. Все человеческие погребения совершены в вытянутом положении на спине. Нумерация погребений производилась с северо-запада на юго-восток. Погребения I-II и IV-VI ориентированы головой на северо-восток, III - на юго-запад.

Погребение I. Над правым плечом погребенного, рукоятью к ногам, лежал короткий железный меч. На нем сохранились остатки деревянных ножен и рукояти (рис. 2,А,41; 4,3). Рядом находилась бронзовая пряжка (рис. 2,А,40; 3,5). В районе грудной клетки, чуть правее позвоночника, лежала железная фибула (рис. 2,А,39; 3,15). На тазовых костях находились бронзовая пряжка (рис. 2,А,36; 3,6) и железное шило

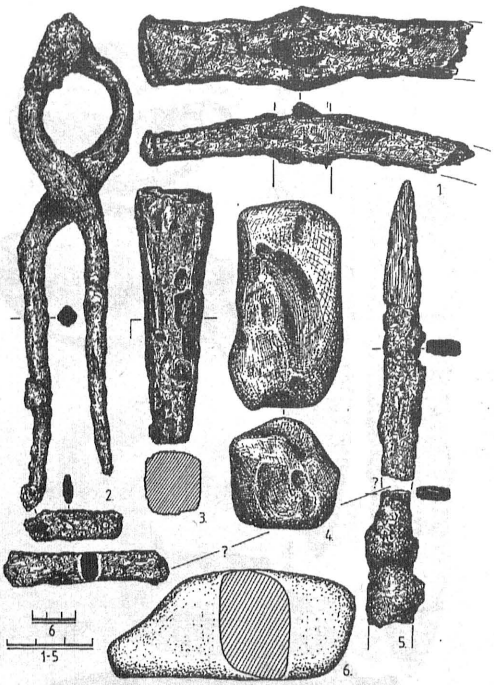


Рис.5.
Кузнечные инструменты: 1 - молоток железный; 2 - щипцы железные; 3 - изделие железное в виде «наковаленки»; 4,6 - камни точильные; 5 - предмет железный.

(рис. 2,А,38; 3,19). На правой бедренной кости в слое органического тлена лежала еще одна бронзовая пряжка (рис. 2,А,35; 3,7). Между бедренными костями находились железный нож (рис. 2,А,37; 7,8) и бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 2,А,34; 3,1), на левых берцовых костях - железный наконечник стрелы (рис. 2,А,33; 3,13).

К погребению I или II относятся расчищенное у северо-восточной стены склепа краснолаковое блюдо (рис. 2,А,45; 8,2), в котором находились кости птицы и фрагменты двух краснолаковых мисок (рис. 2,А,44; 8,3.4). В сосудах найдена яичная скорлупа. Рядом лежало бронзовое кольцо с зажимом (рис. 2,А,42; 3,2) и лепной кувшин (рис. 2,А,43; 8,7), под ним - кость животного.

Между погребениями I и II расчищены на уровне черепов - пятно кожаного тлена с обломком бронзового предмета (рис. 2,А,32), на уровне таза - железные удила (рис. 2,А,31; 3,17) и бронзовое кольцо (рис. 2,А,30), на уровне ног - два железных наконечника стрел (рис. 2,А,28,29; 3,14.12).

Погребение II. На левом плече лежал железный короткий меч (рис. 2,А,27; 4,4). Между бедренными костями на слое орга-

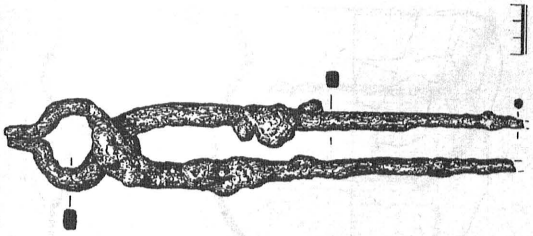


Рис.6.
Щипцы железные.

нического тлена находилась бронзовая пряжка (рис. 2,А,26; 3,3), между коленями - железный нож (рис. 2,А,24; 7,7), у правой бедренной кости расчищено железное шило с остатками деревянной рукоятки (рис. 2,А,25; 3,21). Еще одна бронзовая пряжка находилась между коленями погребенного (рис. 2,А,23; 3,4).

Погребение II сопровождалось набором кузнечных инструментов, обнаруженным у северо-восточной стены погребальной камеры. Он состоял из больших (рис. 2,А,46; 6) и малых (рис. 2,А,52; 5,2) железных щипцов, железного молотка с остатками деревянной ручки (рис. 2,А,50; 5,1), железного предмета, похожего на наковаленку (рис. 2,А,49; 5,3), разломанного железного изделия с черенком, на котором сохранились остатки дерева (рис. 2,А,51; 5,5), двух точильных камней (рис. 2,А,47.48; 5,4.6). Рядом стояло краснолаковое блюдо (рис. 2,А,55; 8,1), внутри которого находились лепной кувшин (рис. 2,А,53; 6,7), железный нож (рис. 2,А,54; 3,22) и кость животного.

Погребение III. На месте шеи костяка найден фрагмент стеклянной бусины в форме параллелепипеда из глухого голубого стекла, типа 47[4] (рис. 2,А,22; 3,10).

К погребению III или IV относятся расчищенный у северо-восточной стены склепа лепной кувшин (рис. 2,А,21; 9,5) и лежавший на полу под костью животного железный нож (рис. 2,А,20; 3,20).

Погребение IV. Кисть и лучевые кости правой руки лежали поверх тазовых и бедренной костей погребенного III. На месте шеи найдено ожерелье из стеклянных бус четырех типов (рис. 2,А,14). Среди них синие биконические поперечносжатые (5 экземпляров) типа 10А;В (рис. 3,9), синие усеченно-биконические (26 экземпляров) типа 29 (рис. 3,11), зеленая цилиндрическая типа 24В (рис. 3,8). У правой ключицы расчищена железная фибула (рис. 2,А,13; 3,18), между коленями - две раковины каури, в одну из которых было продето кольцо из бронзовой проволоки (рис. 2,А,11.12; 4,2.1).

К погребению IV или V относились лепные кувшин (рис. 2,А,15; 9,6), двуручный горшок (рис. 2,А,19; 7,4), кружка (рис. 2,А,18; 8,6), миска (рис. 2,А,17; 9,3; в ней лежали железный нож с остатками дерева на черенке - рис. 2,А,16; 4,5 - и кость животного, стоявшие у северо-восточной стены погребальной камеры.

Погребение V. На тазовых костях найден железный предмет, полностью разрушенный коррозией (рис. 2,10). На левой бедренной кости расчищены лепные горшок (рис. 2,А,9; 7,1) и миска (рис. 2,А,9; 8,5); в одном из этих сосудов лежала кость животного. У левой бедренной кости найден лепной горшок (рис. 2,А,8; 7,3).

Погребение VI. Между коленями погребенного находилось железное шило с остатками деревянной рукоятки (рис. 2,А,1; 3,16).

Погребение VI. сопровождалось посудой, поставленной у северо-восточной стены погребальной камеры, за головой погребенного. Здесь был лепной двуручный сосуд (рис. 2,А,3; 9,2), в котором стоял лепной кувшин (рис. 2,А,2; 9,7); в другом двуручном лепном сосуде (рис. 2,А,5; 7,2) находились лепная кружка (рис. 2,А,7; 9,1), стеклянный кубок (рис. 2,А,6; 7,5) и ядро грецкого ореха; рядом стоял лепной горшок (рис. 2,А,4; 9,8).

Погребение лошади. Совершено вдоль юго-восточной стены погребальной камеры. Вероятно, лошадь занесли в склеп разрубленной на куски а потом сложили в относительном анатомическом по-

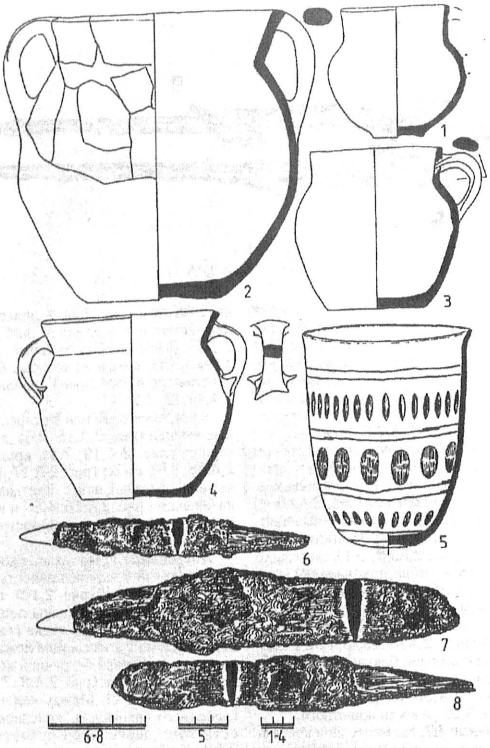


Рис.7.
Погребальный инвентарь: 1-4 - сосуды лепные; 5 - кубок стеклянный; 6-8 - ножи железные.

рядке. Погребение ориентировано с юго-запада на северо-восток, череп повернут влево.

Погребения I и II по мечам, а погребение III по единственной бусине, которые в могильниках Дружное и Нейзац использовались в качестве застежек[5] , определяются как мужские. Погребение IV, по ожерелью и каури, женское. Пол погребенных V и VI не ясен, поскольку сопровождающий их инвентарь в Дружном встречается и в женских, и в мужских погребениях.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в склепе, позволяет определить время совершения захоронений, а также сделать некоторые заключения о торговых и культурных контактах населения, оставившего могильник.

Фибулы (2 экземпляра, рис. 3,15.18) двучленные железные с узкой ножкой, так называемые «воинские». Нашими раскопками в могильнике Дружное обнаружено 8 экземпляров таких фибул. Еще одна застежка найдена А.И.Айбабиным[6] и датирована им первой половиной IV в[7].

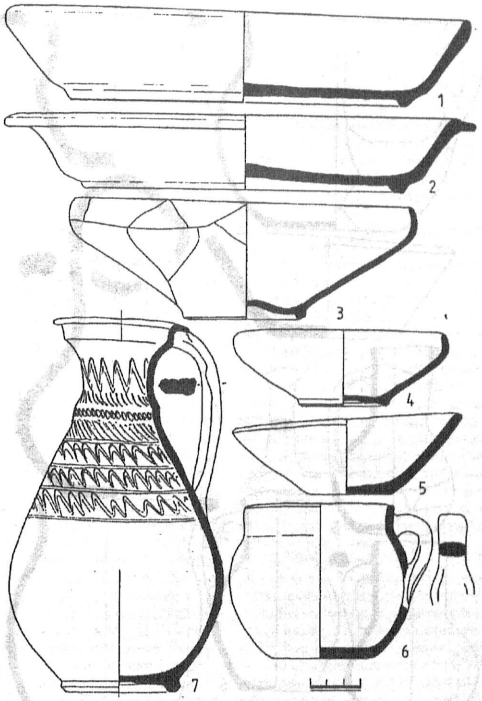


Рис.8.
Погребальный инвентарь: 1-4,7 - сосуды краснолаковые; 5,6 - сосуды лепные.

По общей конструктивной схеме, публикуемые фибулы близки застежкам, объединенным А.К.Амброзом в группу 17, подгруппу 1 и датированным IV в.[8] А.И.Айбабин скоррелировал два комплекса с подобными фибулами из Крыма и отнес их к первой половине IV в.[9] И у А.К.Амброза, и у А.И.Айбабина, и у О.Альмгрена[10] речь идет о бронзовых изделиях, отличающихся от железных многими деталями.

Одна (а возможно и две, второй рисунок не ясен) двучленная железная «воинская» фибула найдена в сарматском погребении позднеримского времени на Нижнем Дону.[11]

Учитывая, что железные «воинские» фибулы представляют собой наиболее распространенную категорию застежек в могильнике Дружное и более нигде (исключая единичную нижнедонскую находку) не известны, можно осторожно предположить их местное производство по черняховским бронзовым образцам. Судя по набору кузнечных инструментов из публикуемого склепа, технических препятствий для этого не было.

Пряжки. У двух (рис. 3,1.5) из шести найденных в склепе бронзовых пряжек язычки сделаны из железа, что затрудняет определение их типа. У двух других пря-

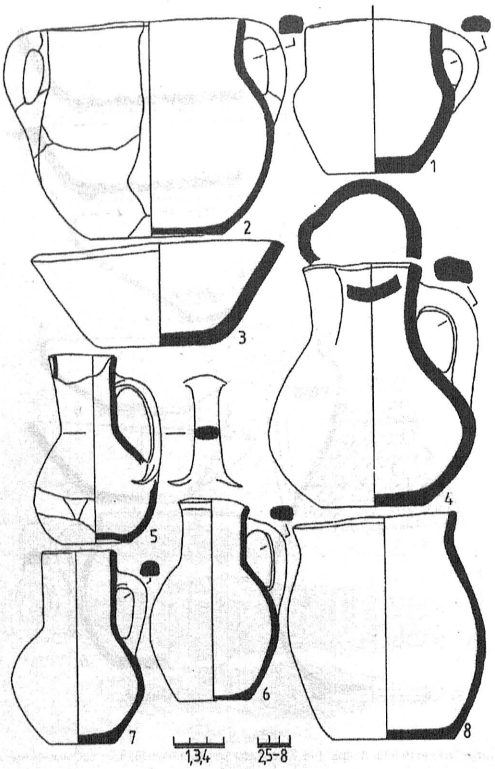


Рис.9.
Сосуды лепные.

жек (рис. 3,4.7) язычки загнуты за утолщенные в передней части рамки и ступенчато срезаны в тыльной части. Пряжки с такими признаками были широчайшим образом распространены в европейском Барбарикуме, в том числе и в Крыму. Их датировка IV в. общепризнанна[12]. Наиболее ранние экземпляры появились, вероятно, в конце III в.[13], а наиболее поздние использовались в первой половине V в.[14] В тех же комплексах изредка встречаются пряжки с язычком, не имеющим среза, подобные публикуемой (рис. 3,3). Язычок одной из пряжек (рис. 3,6) в тыльной части орнаментирован врезными линиями. Аналогичные пряжки обнаружены в разграбленном склепе крымского могильника Совхоз №10[15], а также в погребении, датируемом 440-480/90 гг., из могильника Bratei в Трансильвании[16]. Вообще, пряжки с таким орнаментом характерны для гуннского времени, но у экземпляров

V в. язычок обычно далеко выступает за рамку, а насечки наносятся на обе его стороны[17]. Возможно, в склепе №78 найдена одна из наиболее ранних пряжек с язычком, украшенным насечками.

Кольцо бронзовое с зажимом (рис. 3,2). Кольца с зажимами появились в сарматских степях в конце II - начале III в.[18], а в «Золотом кладбище» в Прикубанье, возможно, еще раньше[19]. В крымских могильниках Инкерман и Озерное III они найдены в комплексах, надежно датируемых IV в.[20], а в одном из керченских склепов и в могильнике Лучистое - V в.[21] Такие изделия попарно использовались в качестве деталей конской сбруи, а по одному - для соединения поясных ремней и портупей. Обычно прямоугольные или более сложных форм зажимы имели отверстие для заклепки. В данном случае отверстие отсутствует, а концы зажима разведены в стороны.

Мечи (рис. 4,3.4) принадлежат, по А.М. Хазанову, к типу 5 сарматских мечей и кинжалов без металлического навершия, с вырезами у пяты клинка[22]. Широко они использовались на Северном Кавказе и в Крыму, единично - в Поволжье, Подонье, в ареале черняховской культуры и на территории Венгрии[23]. Появление мечей типа 5 многие исследователи относят ко II - III вв. н.э.[24] Этот вывод основан на четырех находках. Один меч был изъят в 1902 г. у грабителей склепа N181 на склоне горы Митридат в Керчи. Н.И. Сокольский датировал его, как и весь склеп, II - III вв.[25] Однако при доследовании склепа обнаружены 4 фибулы в форме мух или цикад[26], которые использовались в V - VII вв.[27] Второй меч найден в 1935 г. в грунтовом захоронении N1 Моздокского могильника[28] в комплексе с двумя лепными сосудами. В.Б. Виноградов датировал захоронение II - III вв., используя предложенную Н.И. Сокольским датировку меча. Третий меч происходит из разрушенного погребения у с. Вольный Аул, четвертый случайно найден в Северной Осетии.[29] Оба датированы II - III вв. по аналогии с керченской и моздокской находками. Таким образом выясняется, что относить появление мечей типа 5 ко II - III вв. нет оснований. Они массово распространяются в IV и используются до VI в. включительно. Многочисленные комплексы с находками мечей этого времени приведены в перечисленных выше публикациях.

Наконечники стрел железные черешковые трехлопастные с ромбовидной головкой (рис. 3,12-14). Соответствуют типу 7 по классификации А.М.Хазанова[30] или типу 3В по И.П.Засецкой[31]. Считается, что распространение таких стрел в Восточной Европе совпадает с экспансией гуннов. По мнению Н.Е.Берлизова и В.И.Каминского, в могильниках Восточного Предкавказья стрелы этого типа появляются в середине III - первой половине IV в.[32] Ю.А.Заднепровский считает невозможным точно определить время их бытования[33].

Удила (рис. 3,17) принадлежат к типу, широко распространенному в Европе. С приходом гуннов они заменяются изделиями иного типа[34].

Кузнечные инструменты (рис. 5; 6). В Западной Европе аналогичные инструменты, используемые в разных сочетаниях, повсеместно употреблялись в латенское время[35], в эпоху «переселения народов»[36] и в средние века[37]. На северо-востоке Европы в могильнике азелинской культуры Тюм-Тюм найден набор инструментов практически аналогичный нашему[38]. В другом азелинском погребении обнаружены два молотка и такая же, как в Дружном, «наковаленка»[39]. Очевидно, что одинаковые инструменты использовались различными народами на протяжении длительного времени.

Раковины каури (рис. 4,1.2). Раковины (чаще всего - каури) с продетыми в них проволочными кольцами (иногда кольцо не сохраняется, но в раковине остается отверстие) находят при раскопках вельбарских[40], черняховских[41] и сарматских, расположенных на территории Венгрии[42], памятников. Такой ареал следует рассматривать в контексте сармато-германских контактов. Причем обычай использовать раковины с продетыми в них проволочными кольцами, по-видимому, был заимствован сарматами у германцев, а не наоборот, так как вне зоны контактов с германцами у сарматов он не зафиксирован. Для нас сейчас особенно важно отметить, что в черняховских могильниках Ружичанка и Фурмановка раковины каури, как и в Дружном, найдены между ногами погребенных женщин[43].

Стеклянный кубок (рис. 7,5) по форме и орнаментации в целом соответствует кубкам типа Eggers 230[44]. Однако среди многих десятков опубликованных сосудов этого типа полностью аналогичных кубку из Дружного нет. Наиболее близки ему, особенно по способу разделения фризов из шлифованных овалов врезными линиями,

два кубка из Норвегии[45]. По картам, опубликованным Х.Эггерсом и И.Вернером[46], видно, что кубки типа Ковалк были распространены в Скандинавии и в ареале черняховской культуры, откуда единичные экземпляры, вероятно, попадали в Крым. Общепринятая датировка таких сосудов - IV в., точнее вторая и третья его четверти[47], но не исключено, что наиболее ранние экземпляры появились в конце III в.[48]

Блюдо с загнутым краем (рис. 8,1) принадлежит одному из самых распространенных типов краснолаковой керамики. Датируется IV-VI вв.[49] Подобные сосуды находят при раскопках всех северопричерноморских поселений и могильников соответствующего времени.

Блюдо с отогнутым краем (рис. 8,2) имеет аналогии среди находок в крымских могильниках Нейзац и Инкерманском[50]. От гораздо более многочисленных сосудов, соответствующих типам 23 из Тиритаки и 14б из Ольвии[51], отличается большим диаметром поддона по отношению к диаметру дна. Крымские комплексы с такими блюдами датируются IV-V вв.[52] По херсонесским материалам, предполагается их малоазийское производство[53].

Краснолаковые миски (рис. 8,3.4). Аналогичные сосуды обнаружены в крымских могильниках Инкерманском[54], Скалистое III[55], Совхоз №10[56], Нейзац[57]. В настоящее время не могут быть датированы точнее, чем III - первой половиной V в.

Краснолаковый кувшин (рис. 8,7) имеет своеобразную форму и, особенно, орнаментацию. Единственный подобным образом орнаментированный краснолаковый кувшин обнаружен нами во время раскопок могильника Нейзац. Формальное сходство врезные, разделенные на фризы линии, которыми украшена верхняя часть кувшина, обнаруживают с орнаментацией сосудов из абхазских могильников[58].

Лепная керамика. Одному из сосудов (рис. 7,3), найденных в склепе №78, аналогий обнаружить не удалось. Двуручный сосуд (рис. 7,4) похож на находку из синхронного Дружному могильника Нейзац[59], но отличается от нее наличием налепов у мест крепления ручек. Некоторые формы были распространены у разных народов на протяжении длительного периода (рис. 8,5; 9,3.8). Обломки двуручных сосудов типа публикуемых (рис. 7,2; 9,2) обнаружены в слоях III в. некоторых боспорских поселений[60]. Кувшин (рис. 9,4) имеет аналогии в погребениях III-IV вв. некрополей сельских поселений Керченского полуострова[61] и Танаиса[62]. Кувшин другого типа (рис. 9,5) схож с находками из Тиритаки[63] и Озерного III[64]. Единственная аналогия кружке (рис. 9,1) происходит из верхнего слоя позднескифского городища Альма-Кермен[65]. Некоторые категории лепной посуды бытовали в Крыму с позднескифского времени до раннего средневековья. Таковы кувшин (рис. 9,6) и кружка (рис. 7,1)[66]. Кружки типа (рис. 8,6) обнаружены в некрополях Озерное III[67], Мангуш и Нейзац[68]. Кувшин (рис. 9,7) имеет аналогии в позднеримских[69] и раннесредневековом[70] могильниках.

Хронология погребального инвентаря не оставляет сомнений в том, что в склепе хоронили в течение IV в.н.э. Одна из пряжек (рис. 3,6) и наконечники стрел (рис. 3,12-14) относятся к типам изделий, обычно датируемых гуннским временем. В связи с этим следует отметить, что в могильнике Дружное, при всем разнообразии обнаруженных в нем находок, нет вещей, которые присутствуют во всех крымских могильниках V в. Например, стеклянных сосудов с каплями синего стекла, двупластинчатых фибул, серег с многогранниками. Нет и краснолаковых сосудов тех типов, что начали производить в V в. На этом основании время прекращения захоронений на территории могильника следует определить как конец IV в. Пряжки с насечками на язычках и железные трехлопастные наконечники стрел с ромбовидными головками появились, вероятно, несколько ранее, чем принято было думать. В склепе №78 хоронили, по-видимому, до самого конца существования некрополя.

Некоторые суждения об этносе населения, оставившего могильник, можно сделать на основании изучения погребальных сооружений. Склепы, подобные публикуемому, существенно отличаются конструктивно от предшествующих им в Крыму позднескифских[71]. Особенно показательно наличие дромоса, соединяющего входную яму и погребальную камеру. Наиболее ранние склепы с узкими и короткими дромосами открыты в Центральном Предкавказье[72]. Трансформируясь, но не утрачивая этой важной конструктивной детали, они существуют на Северном Кавказе вплоть до средневековья, становясь неотъемлемым элементом аланской культуры[73]. На сходство северокавказских и крымских склепов уже довольно давно обратили внимание исследователи, предполагая на этом основании переселение алан с Северного Кавказа в Крым[74].

Мечи с вырезами у пяты клинка, как уже говорилось, были распространены, главным образом, на Северном Кавказе и в Крыму. Во всех случаях, когда они были зафиксированы in situ, мечи лежали на головах или плечах погребенных[75]. Такой специфический обычай вряд ли мог возникнуть независимо у не связанных между собой групп людей. Вероятно, он был привнесен в Крым мигрантами с Северного Кавказа.

Наряду со склепами, для погребений в могильнике Дружное широко использовались подбойные могилы. Сооружение подбойных могил — общепризнанный сарматский обычай. Причем, единственная территория из заселенных сарматами или испытывающих их заметное влияние, где подобные погребальные сооружения не были распространены - это Предкавказье[76]. Сочетание склепов и подбойных могил в Дружном позволяет говорить о двух этнических компонентах, принявших участие в формировании населения, оставившего могильник. Комплекс лепной посуды обнаруживает некоторую зависимость от боспорских и позднескифских традиций. Все время существования могильника заметное воздействие на оставившее его население оказывали постоянные (преимущественно, вероятно, торговые), контакты с античными городами. Многие античные вещи - в частности краснолаковая посуда тех типов, что обнаружены в публикуемом склепе, - стали, по существу, неотъемлемыми элементами местной культуры. Не ясным остается характер контактов с носителями культур, в формировании которых принимали участие германцы. Но их влияние ощущается, начиная со второй половины III в. и вплоть до конца существования могильника. В материалах из склепа №78 оно выразилось в помещении в могилу раковин каури, в появлении стеклянного кубка типа Ковалк и, возможно, в изготовлении железных воинских фибул по бронзовым черняховским образцам.

Хронологически прекращение использования могильника совпадает с появлением в Северном Причерноморье гуннов. Вероятно, вторжение кочевников или его угроза заставили местное население покинуть обжитые места.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Chrapunov I.N. Nekropoli di Druznoe distretto di Simferopol'//Dal mille al mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995; Khrapunov I.N. Population des montagnes et piemonts de Crimee á l'epoque romaine tardive (d'apres le materiel de la necropole de Droujnoe)// L'identite des populations archeologiques. Sophia Antipolis, 1996; Khrapunov I.N., Mould S.A. La necropole de Droujnoe// Archeologie de la Mer Noire. La Crimee a l'epoque des Grandes Invasions. IV-VII siecles. Caën, 1997; Khrapunov I.N. A rapport on the cemetery near Druznoe village in the Crimea (3rd-4th century A.D.).// Acta universitatis Lodziensis. Folia archaeologica 22, 1998; Храпунов И.Н., Мульд С.А., Хайреднова Э.А. Исследование позднеримского могильника Дружное// Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994.
2. Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году//МАИЭТ. 1994. Вып. IV; Храпунов И.Н. Погребение середины III в.н.э. из могильника Дружное //МАИЭТ. 1994. Вып.IV; Храпунов И.Н., Масякин В.В. Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное// Stratum + ПАВ. Санкт-Петербург; Кишинев, 1997; Храпунов И.Н., Мульд С.А. Завершение исследований могильника Дружное// Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997; Храпунов И.Н., Власов В.П. Подбойная могила с многократными погребениями из могильника Дружное в Крыму// МАИЭТ. 1998. Вып. VI; Храпунов И.Н., Масякин В.В. Могила с двумя подбоями III в. н. э. из некрополя Дружное в Крыму//РА. 1998. N 4.
3. Chrapunov I.N. Nekropoli di Druznoe...P.185-186. Fig.52, 53; Khrapunov I.N. Population des montagnes...Fig.4, 5; Khrapunov I.N. A rapport...Pl.IV,1; Храпунов И.Н., Мульд С.А., Хайреднова Э.А. Ук. соч. С.259; Khrapunov I.N., Mould S.A. Op. cit. P. 60, 62, 63.
4. Здесь и далее используется классификация бус, разработанная Э.А. Хайрединовой специально для могильника Дружное (Хайреднова Э.А. Бусы из могильника Дружное//Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995).
5. Хайреднова Э.А. Ук. соч. С.78 - 80, 87; Храпунов И.Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму// МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С.232.
6. Айбабин А.И. Раскопки могильника... С.91, 94. Рис. 13, 1.
7. Айбабин А.И. Население Крыма в середине III - IV вв.//МАИЭТ. 1996. Вып. V. С.292-293. Рис. 5, 9.
8. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР во II в. до н. э. - IV в. н. э.//САИ. 1966. Д1-30.

С.70 - 71.
9. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени//МАИЭТ. 1990. Вып. I. С.18. Рис. 2, 7; 8, 9-10.
10. Almgren O. Studien uber Nordeuropaische Fibelformen. Bonn, 1973. S.85-87.
11. Parusimov I. Römerzeitliche Hügelgräber am Untern Don//Balácae Kozlemények. 1997. V. S. 138. Fig. 10, 1; неопределенно Fig. 6, 9.
12. Godlowski K. The chronology of the Late Roman and Early Migration period. Krakow, 1970. P. 26; Айбабин А.И. Хронология... С.27, 28; Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей. Боспорский сборник. 1992. Вып. 1. С.12; Kazanski M. Les tombes des chefs alano-sarmates au IVe siecle dans les steppes pontiques// La noblesse romaine et les chefs barbares du III au VII siücle. 1995. P. 191.
13. Бажан И.А., Гей О.А. Относительная хронология могильников черняховской культуры.//Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Санкт-Петербург, 1992. С.153-154.
14. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюрсо// Древности эпохи великого переселения народов V-VII вв. Москва, 1982. С.99; Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993. С.186- 187; Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). Санкт-Петербург, 1994. С.79.
15. Высотская Т.Н. Склепы могильника Совхоз №10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии// МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С.266. Рис. 5, 2.
16. Harhoiu R. La Romania all'epoca degli Ostrogoti// I Goti. Milano, 1994. P. 160. Fig. III, 15, i.
17. Айбабин А.И. Хронология... С.28. Рис. 23, 1.2; Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус//Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. Москва, 1995. С.56. Рис. 3, 3.6; Айбабин А.И., Хайреднова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму//МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С.299. Рис. 16, 21.
18. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С.41. Рис. 15, 16; Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. Киев, 1984. С.47. Рис. 14, 16; Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье// СА. 1988. N4. С.107. Рис. 3, 18-19.
19. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. Санкт-Петербург, 1994. Каталог. NN 73, 550, 556 и другие.
20. Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана//Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С.27, 37. Рис. 21, 23; Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг.//СА. 1977. N4. С.245. Рис. 6, 20.
21. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв.н.э.//МАИЭТ. 1993. Вып. III. С.44. Таб. 13, 31; Айбабин А.И., Хайреднова Э.А. Ук. соч. Рис. 16, 3-4.16-18.
22. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. Москва, 1971. С.17.
23. Soupalt V. A propos de l'origine et de la diffussion des poignards et épees á encoches (IVe-VIIe s.) //МАИЭТ. 1996. Вып. V.
24. Сокольский Н.И. Боспорские мечи //МИА. 1954. N33; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С.77; Хазанов А.М. Ук. соч. С.24; Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV в. н.э.). Москва, 1993. С.162.
25. Сокольский Н.И. Ук. соч. С.159. Таб. VIII, 2.
26. Шкорпил В.В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году //ИАК. 1904. Вып. 9. С.107. Рис. 25.
27. Айбабин А.И. Хронология... С.27.
28. Виноградов В.Б. Ук. соч. С.77. Рис. 33, 2; Абрамова М.П. Ук. соч. С.162. Рис. 65, 16.
29. Виноградов В.Б. Ук. соч. С.92. Рис. 41, 2, 3; Абрамова М.П. Ук. соч. С.162. Рис. 65, 15, 17.
30. Хазанов А.М. Ук. соч. С.40. Таб. XXII, 10, 11.
31. Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV-V вв.н.э.)// История и культура сарматов. Саратов, 1983. С.71, 75, 82, 83; Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). Санкт-Петербург, 1994. С.37, 39. Рис. 4.
32. Берлизов Н.И. Камнинский В.Н. Аланы, Кангюй и Давань//ПАВ. 1993. Вып. 7. С.105-107.

33. Заднепровский Ю.А. К проблеме этнической принадлежности катакомбных памятников Средней Азии//ПАВ. 1994. Вып. 8. С.114, 115.
34. Засецкая И.П. Культура кочевников... С.41.
35. Henning J. Schmiede gräber Nordlich der Alpen. Saalburg Jachrbuch. 1991. N6.
36. Bona J. Das Hunnen-Reich. Budapest, 1991.
37. Heindel J. Werkreuge zur Metallbearbeitung des 7./8. bis 12./13. Jahrhunderts zwischen Elbe/Seale und Bug. Zeitschrift fur Archeologie. 1993. N27.
38. Ошибкина С.В. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм// КСИА. 1979. Вып. 158. Рис. 2, 4-10.
39. Старостин Н.П., Кузьминых С.В. Погребение литейщицы из Пятого Рождественского могильника//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. Москва, 1978. С.170. Рис. 2, 10.12-13.
40. Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.-7. Jahrbundert// Frühmittelalterlichte studien. 1994. Vol. 28. S. 56. Abb. 2.
41. Сымонович Э.А. Черняховские материалы из с.Ново-Александровки на Нижнем Днепре//СА. 1975. N1. С.204, 211. Рис. 4, 2; Романова Г.А. Вилы Яругские - могильник IV в.н.э.// Могильники черняховской культуры. Москва, 1988. С.138. Рис. 9, 11-12; Bierbrauer V. Archeologia e storia dei Goti dal I al IV secolo//I Goti. Milano, 1994. P. 86. Fig. 123, g.
42. Zoltai L. Die Hügelgräber der Römischen kaiserzeit in Hortobady// Dissertation Pannonicae. 1941. N II. Taf. VIII, 53; Juhasz I. Szarmata temetö Endrödön// Bekes Megyei Muzemok Közleménegei. 1978. N 5. Taf. IV, 6; Vaday A. Sarmatisches gräberfeld in Törökszentmiklas-Suzján-Üjtelep//Acta Archaeologica Academiae Scientarum Hungaricae. 1985. N 37. Abb. 8, 10. 12. 13; Vaday A. Die Sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Budapest, 1989. S. 281, 289. Taf. 149, 8; 153, 6; 157.
43. Винокур И.С. Ружичанский могильник//Могильники черняховской культуры. Москва, 1979. С.120. Рис. 14, 8; Сымонович Э.А. Придунайский могильник Фурмановка//Могильники черняховской культуры. Москва, 1988. С.158. Рис. 14, 6.10.
44. Eggers H. Das römische Import in freien Germanien. Hamburg, 1951. S. 62. Taf. 16. Karte 58.
45. Almgren O. Die Funde antiker Glässer in Skandinavien//A.Kisa. Das Glass in Altertume. Drittel Teil. Leipzig, 1908. S. 907. Abb. 4; Ekholm G. Nagra romerska glasbägare i norska Fynd //Ekholm G. Romersk Import i norden. Jänite bibliografi 1910-1971. Uppsala, 1974. S.161. Abb. 4.
46. Werner J. Dantcheny und Brandstrup. Untersuchungen zur Tchernjahov-Kultur zwischen Sereth und Dnestr und zu den «Reichtumszentren» auf fünen//Bonnen Jahrbücher. 1988. N188. S. 259. Abb. 12.
47. Rau G. Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder - Weichel - Raum//Acta Praehistorica et Archaeologica. 1972. N 3. S. 124, 129-134, 167.
48. Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской культуры//Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Санкт-Петербург, 1992. С.173-175.
49. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени//СА. 1989. N4. С.51; Айбабин А.И. Хронология... С.16.
50. Высотская Т.Н., Махнева О.А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму //Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев, 1983. Рис. 6, 8; Веймарн Е.В. Ук. соч. С.35, 39. Рис. 13, 5.
51. Книпович Т.М. Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935-1940 гг.//МИА. 1952. N 25. С.318-319. Рис. 31, 2; Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв.н.э. Киев, 1993. С.110. Рис. 48, 19.
52. Айбабин А.И. Хронология... С.16.
53. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в. н.э. (по материалам Херсонеса). Харьков, 1989. С.62. Рис. 29, 6.
54. Веймарн Е.В. Ук. соч. С.19. Рис. 7, 7.
55. Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I-III вв.)//СА. 1976. N 4. С.135. Рис. 4, 59.
56. Высотская Т.Н. Ук. соч. С.259. Рис. 2, 10.
57. Высотская Т.Н., Махнева О.А. Ук. соч. С.78. Рис. 6, 2.
58. См., например: Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв.//Древности эпохи великого переселения народов V-VII вв. Москва, 1982. Рис. 7, 3.4 и др.
59. Высотская Т.Н., Махнева О.А. Ук. соч. Рис. 5, 1.

60. Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время (очерки экономической истории). Москва, 1966. Рис. 30, 4; Кастанаян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов. Москва, 1981. С.44-45, 72, 86. Таб. VII, 1.6; XX, 4; XXV, 2.4.5.
61. Арсеньева Т.М. Могильник у деревни Ново-Отрадное//МИА. 1970. N 155. С.97. Таб. 17, 10; Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. Москва, 1997. С.34. Рис. 31, 3.
62. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. Москва, 1977. С.58, 82. Таб. XXI, 1; XVII, 4.
63. Кастанаян Е. Г. Ук. соч. Таб. XIX, 9.
64. Лобода И.И. Ук. соч. Рис. 1, 3; 7, 11.
65. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму//САИ. 1991. Вып. Д1-7. Таб. 27, 4.
66. Дашевская О.Д. Ук. соч. С.16-17, 29. Таб. 12, 14; 15, 8; 21, 1; 49, 7; Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник//Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С.107. Таб. V, 6; XI, 5; Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990. С.150. Рис. 40, 1.2; Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах// Археологические исследования в Крыму. (1994 год). Симферополь, 1997. С.108. Рис. 59; Лобода И.И. Ук. соч. С.246. Рис. 6, 8; Айбабин А.И., Хайреднинова Э.А. Ук. соч. С.289. Рис. 18, 2; 19, 1.
67. Лобода И.И. Ук. соч. С.245. Рис. 6, 1.
68. Дашевская О.Д. Ук. соч. С.30. Таб. 50, 3.4.
69. Дашевская О.Д. Ук. соч. Таб. 51, 6; Веймарн Е.В. Ук. соч. Рис. 14, 6.7; Лобода И.И. Ук. соч. С.236. Рис. 1, 3.
70. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Ук. соч. С.101. Рис. 74, 6.
71. Мульд С.А. Могильники варварского населения Крыма I-V вв.//МАИЭТ. 1996. Вып. V. С.279, 284; Mould S.A. Necropoles de la population barbare de Crimee du Ier au Ve siecle de notre ere//L'identite des populations archeologiques. Sophia Antipolis, 1996. P. 43, 53.
72. Керефов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988. С.103.
73. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа//МИА. 1962. N106. С.62.
74. Айбабин А.И. Хронология... С.66; Пиоро И.С. Ук. соч. С.139.
75. См., например, сводку: Хазанов А.М. Ук. соч. С.166-167.
76. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа. Москва, 1997. С.25, 44, 97.

В.Ю.Юрочкин

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КЕРАМИКА ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА[1]

В III столетии новой эры на обширных пространствах Восточной Европы от Волыни до Северо-Западного Причерноморья, от Северного Донца до Нижнего Поднепровья сложилась самобытная и яркая черняховская культура, продемонстрировавшая, по меткому замечанию М.Б.Щукина, эффект «несостоявшейся народности»[2]. Ее открытие в начале столетия в дальнейшем послужило мощным импульсом к изучению древностей позднеримской эпохи как в Восточной Европе, так и в сопредельных регионах. Исследование проблем, связанных с ней, не потеряло актуальности до сего дня. За это время вышли сотни научных работ, посвященных вопросам этнической принадлежности, хронологии, территории распространения, социальных отношений, экономики. Именно выразительность и обилие памятников породили множество дискуссий. Одной из самых актуальных стала тема этнокультурных связей черняховцев с населением пограничных районов, в частности Причерноморья и Крыма. В 50-60-е гг. нынешнего столетия, в ходе широкомасштабного изучения памятников позднеантичной эпохи стало очевидным, что черняховские памятники представлены не только в Поднепровье и Побужье, но и в причерноморской зоне[3] . Встал вопрос о южной границе распространения культуры. К этому времени из печати вышли материалы раскопок В.Д.Блаватского, которые он провел у стен римской крепости Харакс на мысе Ай-Тодор, на Южном берегу Крыма[4] . Кроме того, интенсивно велись археологические исследования некрополей в Инкерманской долине (Черноречье, Инкерман, совхоз «Севастопольский» (N 10). Здесь были открыты многочисленные погребения, совершенные по обряду кремации, а в некоторых из них, к тому же, найдены типичные черняховские вещи. Распространенное тогда представление о раннеславянской принадлежности черняховской культуры позволило исследователям рассматривать проявление обряда трупосожжения в Таврике и проникновение черняховского инвентаря в качестве подтверждения предполагаемой миграции на полуостров славянского населения[5] . Со временем, когда в науке стало преобладать суждение о черняховской культуре как о полиэтничном образовании с явной доминантой германского компонента, акценты несколько сместились. В литературе упрочилось мнение о готской принадлежности памятников Юго-Западного Крыма и Южнобережья[6]. Впрочем, вопрос о происхождении обряда кремации в этом регионе до конца не разрешен, ряд исследователей не разделяет мнения о германской его принадлежности[7]. Иное дело - находки типичного черняховского инвентаря. Его принадлежность, вроде бы, разногласий не вызывает, хотя пути и причины проникновения его в Таврику оцениваются неоднозначно. Наиболее полная его сводка опубликована В.В.Кропоткиным, который полагал, что вещи занесены в период «скифских войн» III в., непосредственно готами или другими германцами, которые на полуострове создали опорные пункты для дальнейших походов[8]. Э.А.Сымонович собрал данные о керамике черняховского типа из Крыма, полагая, что она попала сюда вследствие экономических контактов местных варваров с населением Поднепровья, совр. Молдавии и т.д. и не служит показателем присутствия здесь «подлинных» черняховцев[9]. В русле гипотезы о продвижении на полуостров германцев интерпретировал подобные находки И.С.Пиоро[10]. Материалы по вооружению центральноевропейского образца недавно были представлены в работе С.Ю.Каргопольцева и М.А.Бажана[11]. При несомненной значимости подобных сводок, следует учитывать, что не все категории инвентаря равнозначны. Например, украшения, детали костюма, предметы туалета, в данном случае, не сугубо черняховские, а скорее имеющие, «общее провинциальноримское происхождение» и распространенные в позднеантичный период в среде различных народов, т.е. имеющие внеэтническое происхождение. Можно допустить, что появление их в Крыму определялось веяниями новой моды, а в случае с вооружением - необходимыми заимствованиями, связанными с изменениями в тактике боя того времени для более успешного противостояния германцам, являвшимся наиболее опасными противниками в пограничных районах.

Иное дело керамика. На наш взгляд, нельзя согласиться с Э.А.Сымоновичем в вопросе об импорте ее с черняховских земель. Даже если допустить наличие у черняховцев «товарного производства» гон-

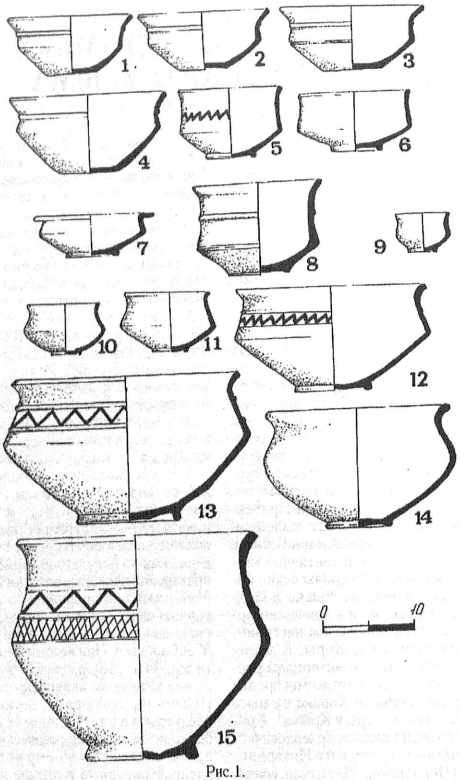


Рис.1.
Черняховская керамика Юго-Западного Крыма. 1 - 4, 6, 9 - совхоз «Севастопольский» (1 - 4 - кенотаф, 6 - могила 217, 9 - могила 55); 7, 8, 13 - Инкерман (разведки 1941 г.); 10 - 11 Ай-Тодор (10 - могила 22, 11 - могила 28); 12, 14 - Тас-Тепе (12 - склеп 11, 14 - склеп 6); 15 - Суворово, склеп 30.

чарной посуды, то вряд ли можно говорить о том, что она могла составить сколь-нибудь серьезную конкуренцию античной столовой посуде, в массовом количестве употреблявшейся жителями Юго-Западного Крыма. К тому же, сами формы керамики совершенно не типичны для местной культуры и вряд ли уж потребность в ней была столь велика, что ее приходилось покрывать за счет импорта из отдаленных регионов, к тому же экономически куда более слабых.. Примечательно, что в Юго-Западном Крыму найдено несколько сосудов, изготовленных по черняховским образцам, но из той же глины, из которой сформованы лепные сосуды, типичные для позднеантичного варварского населения. То есть, местное ее производство также существовало, хотя и в ограниченном количестве (см. ниже).

Керамика является одним из важнейших

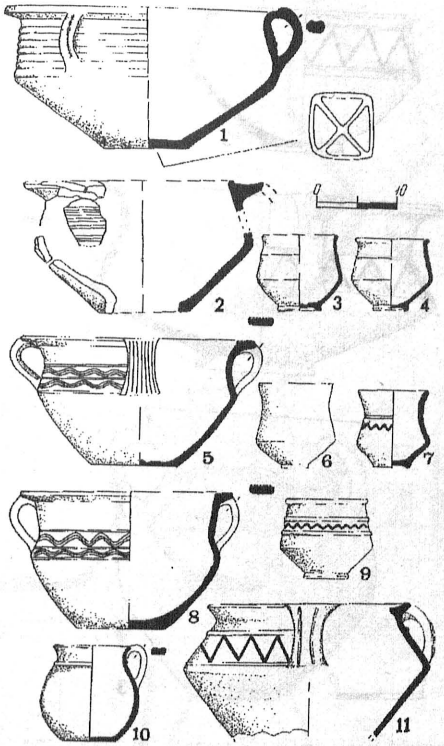


Рис.2.
Черняховская керамика Юго-Западного Крыма. 1 - Озерное III, склеп 1; 2, 4, 7 - Суворово (2 - склеп 41, 4 - могила 11, 7 - склеп 29); 6 - Черноречье (могила 17 по А.И.Айбабину); 5, 8 - 10 - Совхоз «Севастопольский» (5 - 10 - кенотаф, 8 - могила 260, 9 - могила 196, 11 - Красная Заря, склеп 22).

признаков культуры, и наличие таковой, а уж тем более следы попыток наладить производство на месте, вероятно, диагностируют присутствие здесь реальных носителей черняховских традиций. Считая керамический комплекс наиболее показательной категорией инвентаря, полагаю, что назрела необходимость составить новую сводку и в ней обобщить как материалы раскопок прошлых лет, так и новейшие находки из могильников Юго-Западного Крыма[12].

В предлагаемой статье представлены данные о 34 сосудах. В большинстве случаев посуда осмотрена в подлиннике, изготовлены новые иллюстрации, в то время как рисунки вещей в прежних публикациях, зачастую, даны по прорисовкам с фотоснимков, иногда с искажением формы и без указания точных мест находок. Кроме того, уточнена типология и подробно рассмотрена хро-

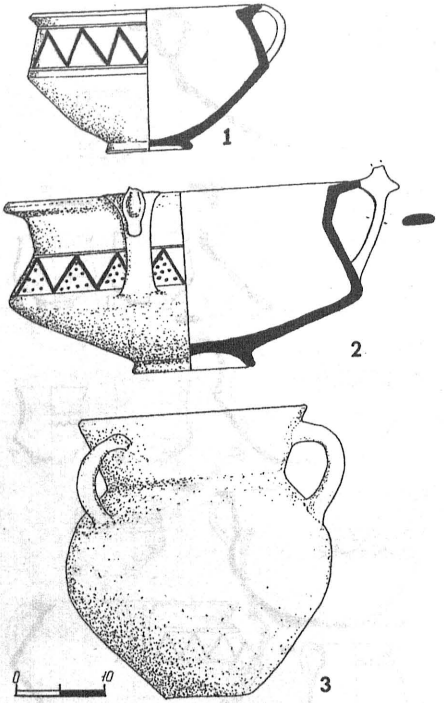


Рис.3.
Керамика из Юго-Западного Крыма. 1 - Инкерман, могила 37; 2 - Красная Заря, склеп 22; 3 - Скалистое, склеп 495 (по Е.В.Веймарну и А.И.Айбабину).

нология комплексов, в которых они обнаружены.

Из значительного количества керамической посуды Крыма черняховские сосуды выделяются достаточно четко. Их основные признаки:

1. серая глина;
2. гончарная технология;
3. серая лощеная поверхность;
4. биконический тулов с четким ребром;
5. рельефные горизонтальные валики на тулове или на горле;
6. для кувшинов - раструбовидное горло с ребром под венчиком, ручка, образующая в месте перегиба прямой угол;
7. орнаментация в виде косых перекрещивающихся линий, треугольников или ломаной линии, нанесенных на поверхность при помощи лощила;
8. специфические формы сосудов, например, глубокие вазы с несколькими ручками.

Визуальный осмотр глины, из которой изготовлены рассматриваемые сосуды, позволил выделить несколько ее типов.

Тип 1. Серая, плотная, с небольшим количеством частиц извести. Такая глина

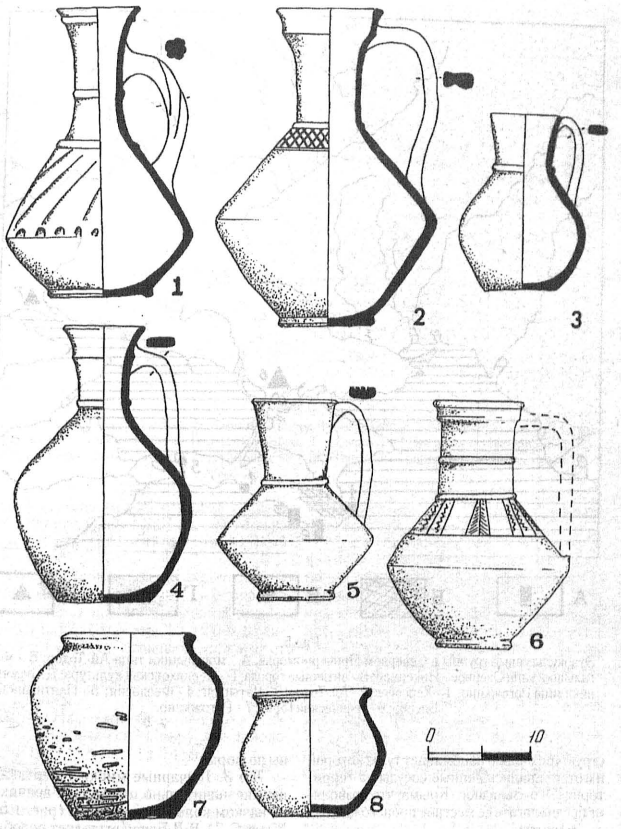


Рис.4.
Черняховская керамика Юго-Западного Крыма. 1, 3 - 5, 8 - совхоз «Севастопольский» (1 - каменный ящик I (VII), 3, 4, 8 - кенотаф, 5 - могила 55); 2, 7 - склеп 41); 6 - Черноречье, могила 55.

наиболее характерна для черняховской керамики, из подобной глины изготовлены и сероглиняные сосуды провинциально-римского происхождения.

Тип 2. Серая или коричневая глина со значительной примесью песка, частиц извести.

Тип 3. Темно-коричневая, с включениями частиц извести и толченого кварца. Наличие в тесте толченого кварца отмечается в Верхнем Поднестровье и Западном Побужье[13].

Тип 4. Серая глина с включениями мелких камешков, частиц извести. По своей

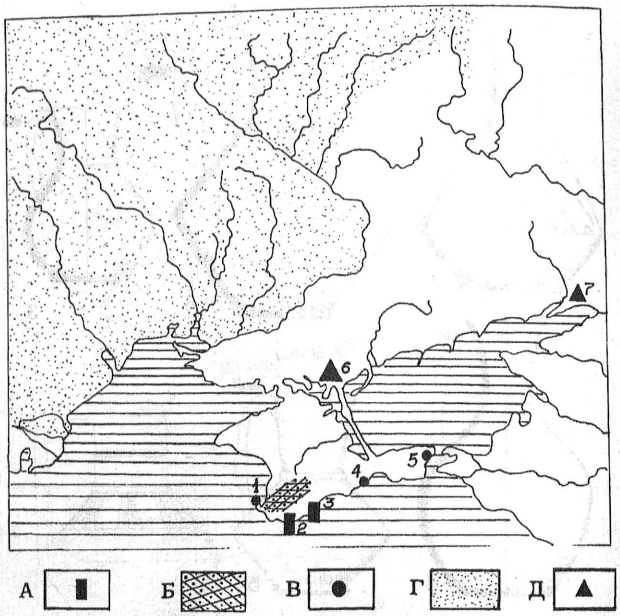


Рис.5.
Этнокультурные группы в Северном Причерноморье. А - могильники типа Ай-Тодор; Б - могильники типа Озерное - Инкерман; В - античные города; Г - Черняховская культура; Д - памятники типа Рогожкино. 1 - Херсонес; 2 - Ай-Тодор; 3 - Чатырдаг; 4 - Феодосия; 5 - Пантикапей - Боспор; 6 - Геническая Горка; 7 - Рогожкино.

структуре сильно напоминает ту, из которой изготавливались лепные сосуды на территории Юго-Западного Крыма, что позволяет предполагать ее местное происхождение.

МИСКИ

Тип 1. Гончарные миски с широко отогнутым бортиком, ребром на тулове, плоскодонные (рис. 1.1-4; N кат. 1-4). Подобные миски - одна из характерных форм черняховской посуды на всей территории ее распространения[14].

Тип 2. Гончарная миска с горизонтальным отогнутым венчиком, с четко выраженным ребром, на низком кольцевом поддоне (рис. 1.7; N кат. 5). Черняховское происхождение ее вполне вероятно, хотя «собственно черняховские» экземпляры несколько отличны по форме[15].

Тип 3. Гончарные миски с вертикальным незначительно отогнутым венчиком, на низком кольцевом поддоне (рис. 1.5, 6; N кат. 6, 7). В.Д.Баран выделяет подобные миски в 1 тип на материалах Поднестровья[16]. Хорошо известны они и на других памятниках, в комплексах, начиная с первой половины IV в[17].

Тип 4. Гончарная миниатюрная миска, или скорее чашка (рис. 1.9; N кат. 8), типологически близка описанным мискам типа 3. Аналогичная ей, но несколько больших размеров миска найдена на черняховском могильнике Каборга[18].

Тип 5. Гончарная глубокая миска с вертикальным слабо отогнутым бортиком и

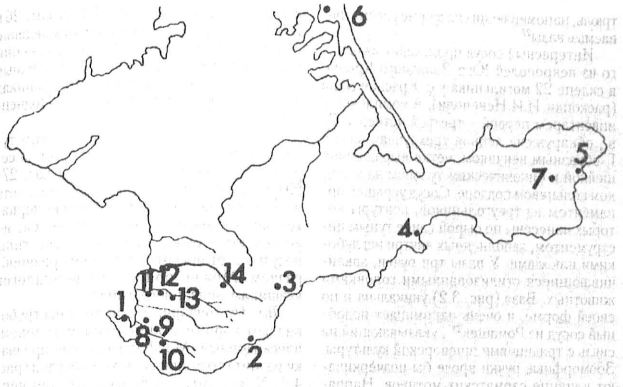


Рис.6.

Места находок черняховской керамики в Крыму. 1 -Херсонес; 2 - Ай-Тодор; 3 - Чатырдаг; 4 - Феодосия; 5 - Пантикапей; 6 - Геническая Горка; 7 - Илурат; 8 - Инкерман; 9 - Черноречье; 10 - совхоз «Севастопольский»; 11 - Суворово; 12 - Тас-Тепе; 13 - Красная Заря; 14 - Озерное III.

четко выраженным ребром ниже средней высоты тулова (рис. 1.8; N кат. 9). Можно привести ряд аналогий с черняховской территории[19] .

Тип 6. Гончарные миски закрытого типа с отогнутым венчиком и четким ребром на тулове, имеют низкий кольцевой поддон (рис. 1.11, 12, 13; N кат. 10-12). Выделяются два варианта, отличающиеся друг от друга размерами. Аналогии представлены сосудами из различных регионов черняховской культуры[20] .

Тип 7. Напоминают по форме миски типа 6, но у них более округлое тулово (рис. 1.10, 14; N кат. 13-14).

ВАЗЫ

Тип 8. Гончарная высокая ваза-урна. С биконическим туловом, отогнутым венчиком, на кольцевом поддоне (рис. 1.15; N кат. 15). Наиболее близкие аналогии мы находим на памятниках черняховской культуры на территории Молдовы и Румынии[21]. Факт, на наш взгляд, показательный и требующий разъяснения, так как в других регионах подобные сосуды встречаются реже и более существенно отличаются по форме[22].

Трехручные гончарные вазы - одна из специфических форм черняховской керамики. Но жесткая стандартизация для них не характерна, каждая из них, в общем-то, индивидуальна. Это подтверждают и крымские материалы.

Тип 9. Вазы гончарные с Г-образным венчиком, биконическим туловом с неглубоким рифлением в верхней части, плоскодонные (рис. 2.1, 2; N кат. 16, 17). Хотя черняховское происхождение этих сосудов несомненно, точных аналогий нам отыскать не удалось. Следует указать, что на дне вазы из Озерного оттиснуто рельефное «клеймо» в виде косого креста.

Тип 10. Вазы гончарные с Т-образным венчиком и биконическим туловом (рис. 2.11; 3.1; N кат. 18, 19). Вазы, выделенные в этот тип, достаточно хорошо представлены на черняховских могильниках[23].

Тип 11. Вазы гончарные с Г-образным венчиком с глубокими бороздками по верхней его плоскости, плоскодонные, имеют в отличие от других типов не три, а четыре ручки, профилированные глубокими бороздками. Близки по форме описанным выше вазам сосуды из Каменки-Акнекрак, Ольвии[24] и из подкурганного трупосожжения с рассеянными косточками из Башмачки (Нижний Днепр)[25]. Волнистый орнамент в целом не характерен для черняховской керамики, хотя изредка и встречается на сосудах-хранилищах и кухонной посуде[26]. В то же время подобная орнаментация использовалась для украшения провинциально-римских кас-

трюль, напоминающих по форме рассматриваемые вазы[27].

Интересный сосуд происходит из одного из некрополей Юго-Западного Крыма: в склепе 22 могильника у с. Красная Заря (раскопки И.И.Неневоли), в комплексе с инвентарем первой - третьей четверти IV в., обнаружена лепная трехручная ваза с Г-образным венчиком, четко выраженной шейкой и биконическим туловом на высоком кольцевом поддоне. Сосуд украшен орнаментом из треугольников, контуры которых нанесены по сырой глине тупым инструментом, заполненных внутри неглубокими наколами. У вазы три ручки, заканчивающиеся стилизованными головками животных. Ваза (рис. 3.2) уникальна и по своей форме, и очень напоминает подобный сосуд из Ромашек[28], указывающий на связь с традициями пшеворской культуры. Зооморфные ручки вроде бы подчеркивают влияние сарматских мотивов. Напрашивается вывод: обнаруженная ваза была изготовлена в смешанной среде и демонстрирует синтез традиций черняховско-пшеворского круга и сарматских элементов[29]. Подобные сосуды встречаются и в Центральном Крыму (см. ниже).

КУБКИ

Тип 12. Гончарные кубки с отогнутым венчиком, биконическим туловом, на низком кольцевом поддоне (рис. 2.3, 4, 9; N кат. 22, 24). Идентичные кубки распространены в различных регионах черняховской культуры[30].

Тип 13. Лепные кубки с отогнутым венчиком, зауженной шейкой, биконическим туловом, на низком кольцевом поддоне (рис. 2.6, 7; N кат. 25). Кроме описанного в каталоге экземпляра, подобный кубок из могилы 17 Чернореченского могильника приводит А.И.Айбабин, к сожалению, в данный момент отыскать его нам не удалось[31] (рис. 2.6). Близкие по своим пропорциям кубки, в большинстве гончарные, известны на черняховских памятниках[32]. Целая группа типологически близких сосудов происходит из могильника Ружичанка[33], причем тут найдены как лепные, так и гончарные образцы. Похожие сосуды известны на памятниках вельбарской культуры[34], возможно, с ней изначально и связано происхождение формы.

КУВШИНЫ

Тип 14. Кувшин гончарный с раструбовидным горлом, биконическим туловом, на низком кольцевом поддоне с характерной орнаментацией в виде каннелюр и овальных срезов на тулове (рис. 4.1; N кат. 26). Б.В.Магомедов связывает происхождение подобных кувшинов с Дакией, где они встречаются с рубежа н.э[35]. Аналогичные кувшины также найдены на могильниках черняховской культуры Румынии и Поднепровья[36].

Тип 15. Кувшины с биконическим туловом и четко выраженным ребром на середине тулова (рис. 4.2, 5, 6; N кат. 27-29). Следует отметить, что кувшины хотя и являются неотъемлемой частью черняховского керамического комплекса, но встречаются реже, нежели другие типы посуды, и отличаются большим разнообразием. Можно привести ряд аналогов кувшинам описанного типа[37].

Тип 16. Гончарный кувшин с раструбовидным горлом и яйцевидным туловом, плоскодонный. Морфологические признаки роднят его с черняховской посудой (рис. 4.4; N кат. 30), но форма его для черняховцев, в целом, не характерна, выделяет его, в частности, яйцевидное тулово. Наиболее близок описанному кувшин из Сычавки (причерноморская группа памятников)[38] и Тыргшора (Румыния)[39]. Возможно, здесь мы наблюдаем соединение античной или условно «сарматской» формы сосуда и черняховской традиции керамического производства.

Приведем еще два типа посуды, в технологии которых прослеживается черняховское влияние, но форма их отлична от «классической».

Тип 17. Гончарный кувшин с расширяющимся кверху горлом, яйцевидным туловом и плоским дном (рис. 4.3; N кат. 31).

Тип 18. Гончарная кружка с отогнутым венчиком, сферическим туловом, плоскодонная (рис. 2.10; N кат. 32).

Как нам представляется, сосуды типа 17 и 18 хотя и изготовлены по «черняховской технологии», но копируют формы местной лепной сармато-аланской керамики, распространенной у населения Центрального и Юго-Западного Крыма в позднеримское время[40] (Рис.7, гр.1).

ГОРШКИ

Тип 19. Горшок гончарный с резко отогнутым венчиком, биконическим скругленным туловом, плоскодонный (рис. 4.8; N кат. 33). Выделенный нами тип соответствует типу 2 черняховских горшков по классификации В.Д.Барана[41]. Они повсеместно распространены на черняховских землях[42].

Тип 20. Горшок гончарный кухонный. С массивным треугольным в сечении вен-

чиком, с покатым плечиком, плоскодонный. На его поверхности в процессе обработки на гончарном круге образовались глубокие вертикальные бороздки (рис. 4.7; N кат. 34). Горшки, близкие по форме и с подобной обработкой поверхности, встречаются на территории Поднепровья, Молдавии и Румынии[43]. Характерная глина с примесью толченого кварца отмечается у сосудов из Верхнего Поднестровья и Западного Побужья[44].

В работе нами выделено 20 типов черняховской посуды. Значительное число экземпляров найдено в комплексах, датированных монетами эпохи Константина I (306-337 гг.) или инвентарем, характерным для периода С3 черняховской культуры (вторая - третья четверти IV в.)[45] . Рассматриваемая нами посуда происходит из захоронений двух этнокультурных групп: памятников типа Ай-Тодор[46] (рис. 5, А) и типа Озерное-Инкерман[47] (рис. 5, Б). В первом случае она обнаружена в трупосожжениях, во втором - сопровождала ингумационные погребения, принадлежавшие чаще всего мужчинам-воинам, захороненным в склепах. Целая группа разнотипной посуды найдена на могильнике у совхоза «Севастопольский»[48] (рис. 6, 10). Этнокультурная принадлежность последнего до полной публикации материалов раскопок остается проблематичной. Часть обнаруженных здесь захоронений по обряду сходна с кремациями типа Ай-Тодор. Кроме того, на позднем этапе существования могильника на его территории появляются склепы, характерные для группы Озерное - Инкерман. К сожалению, они разграблены, и не дают закрытых комплексов, столь необходимых для синхронизации. Судя по сохранившимся материалам, опубликованным недавно Т.Н. Высотской[49] они несколько позднее «классических» захоронений группы Озерное-Инкерман и сопоставимы, скорее, с ранним горизонтом памятников типа Скалистое-Лучистое, которые генетически связаны с «озернинскими» и отражают процесс переселения жителей предгорий в горные районы в период гуннского вторжения в Причерноморье в последней четверти IV в.

Дискуссионной и потому чрезвычайно важной остается проблема путей и причин проникновения черняховской посуды в наш регион. Уже отмечалось, что вряд ли это связано с абстрактными «экономическими контактами». Наиболее близкой территорией, где в этот период отмечены находки черняховской посуды является Боспор (рис. 5; 6; 7)[50], а также северное побережье Меотиды[51] (рис. 5; 6; 7; 6.6). Что касается жителей северной Меотиды, то высказывалось мнение о возможном их сопоставлении с племенем (?), или скорее «кастой» воинов-герулов, тождественных «воинству Меотиды» у Константина Багрянородного[52]. Поселения такого рода можно выделить в особую группу памятников «типа Рогожкино» (рис. 5, Д) . Находясь в политическом альянсе с Боспором, меотийские варвары неоднократно привлекались его правителями для реализации захватнических планов. Интересно в этой связи, что после поражения Боспора в последней херсонесско-боспорской войне, происходившей в период правления Константина I (после 328 г.)[53] , победители переселили часть плененного боспорского войска для занятия земледелием [54] . Надо полагать, что Херсонес тем самым стремился заполнить опустевшие к этому времени земли Скифии- Центральный и Юго-Западный Крым. Именно в это время здесь распространяются захоронения мужчин-воинов в склепах, напоминающих по конструкции боспорские, появляется сармато-аланская керамика, сарматские тамги и т.п. Формируется группа Озерное - Инкерман (рис. 5, Б). Если предположить, что среди переселенцев были и «рогожкинцы» (а Константин Багрянородный недвусмысленно указывает на участие воинства Меотиды в этом неудачном походе), тогда становится понятной причина появления в захоронениях группы Инкерман - Озерное посуды черняховского образца, а также других вещей «условно германского» происхождения, в частности украшений и оружия, характерного для них. В керамическом комплексе группы Озерное-Инкерман четко выделяются 3 группы (Рис. 7). Первая имеет ярко выраженный сарматский, или скорее аланский облик, что роднит ее с посудой Боспора и Нижнего Дона, где Аммиан Марцеллин помещает алан-танаитов. Сходство посуды первой группы с северокавказской явно преувеличено[55]; если эти формы в какой-то степени и связаны происхождением с этим регионом, то опосредованно, скорее всего, через культуру Нижнедонских степей. Достаточно сравнить весь керамический комплекс этого времени из Предкавказья, чтобы убедиться в этом[56]. Вторая группа лепной керамики, встречающаяся в могильниках типа Озерное-Инкерман, отмечена пока лишь в Центральном Крыму и отличается особым своеобразием. Это биконические лепные (часто орнаментированные) сосуды, среди которых встречаются и трехручные вазы[57]. К этой же группе стоит отнести и ритуальный сосуд из Краснозоринского могильника (рис. 3,.2), о котором речь шла выше, хотя он из-

готовлен явно не в Юго-Западном Крыму и уникален для региона. К третьей группе принадлежит собственно «черняховская» керамика. Естественно, в процентном соотношении все эти три керамические группы неравнозначны. Первая - наиболее представительна, и во много раз превосходит как вторую, так и третью, вместе взятые. Германцы-«рогожкинцы» были, надо думать, не слишком многочисленны (во всяком случае, не они формировали в дальнейшем облик культуры) и довольно быстро смешались с сармато-аланами, составившими основу группы Озерное - Инкерман[58]. Возможно, тенденция к сближению между меотийскими германцами и нижнедонско-боспорскими аланами проявилась еще ранее на «боспорском» этапе их истории. Уже в течение жизни одного поколения керамика черняховского типа выходит из употребления и «оседает» в могилах. Судя по всему, ремесленники, знакомые с черняховскими керамическими традициями, предпринимали попытки наладить производство традиционной для них посуды[59](рис. 1.1-4; 2.5-8; 4.8; N кат. 1-4, 20, 21, 33), а также изготовление по черняховской технологии сосудов, характерных для сармато-алан (рис. 2.10; 4.3; N кат. 31, 32). Но они оказались неудачными. Лепная сармато-аланская посуда полностью вытеснила из обихода черняховскую, если таковая вообще применялась в повседневном быту.

КАТАЛОГ

Тип 1

1. Миска гончарная (рис. 1.1). Д 1 (диаметр венчика) = 14,5см, Д 2 (диаметр тулова) = 12 см, Д 3 (диаметр дна) = 5,5 см, Выс. = 6,5 см. Глина типа 4. Поверхность лощеная. Могильник у совхоза «Севастопольский». Яма-кенотаф. Фонды НЗХТ, инв. 80/36713А.

2. Миска гончарная (рис. 1.2). Д 1 = 15 см, Д 2 = 12,5 см, Д 3 = 5,5 см, Выс. = 6,3 см. Глина типа 4. Поверхность лощеная. Могильник у совхоза «Севастопольский». Яма-кенотаф. Фонды НЗХТ,инв. 81/36713А.

3. Миска гончарная (рис. 1.3). Д 1 = 16 см, Д 2 = 13,5 см, Д 3 = 6 см, Выс. = 7 см. Глина типа 4. Поверхность лощеная. Могильник у совхоза «Севастопольский». Яма-кенотаф. Фонды НЗХТ, инв. 79/36713А.4. Миска гончарная (рис. 1.4). Д 1 = 17,5 см, Д 2 = 16,5 см, Д 3 = 7 см, Выс. = 8,5 см. Глина типа 4. Поверхность лощеная. Могильник у совхоза «Севастопольский». Яма-кенотаф. Фонды НЗХТ, инв. 81/36713А. Из указанной ямы-кенотафа, представлявшей собой небольшое углубление неопределенной формы, происходит целая группа черняховской посуды (N кат. 20, 21, 30-32, 33). К сожалению, узко датируемый инвентарь в комплексе отсутствует. Следует отметить, что яма расположена рядом с грунтовыми склепами, в которых находился материал последней четверти IV - первой половины V в.н.э.[60]

Тип 2

5. Миска гончарная (рис. 1.7). Д 1 = 13,5 см, Д 2 = 12,5 см, Д 3 = 6 см, Выс. = 4,5 см. Глина типа 1. Поверхность лощеная. Инкерманский могильник. Обнаружена при обследованиях некрополя, проводившихся в 1941 г., когда на его территории были отмечены следы разрушенных захоронений, достоверных данных о которых не сохранилось[61] . Фонды БИАЗ, инв. 6122/116.

Кроме того, при тех же обследованиях найдено еще несколько посудин черняховского типа (N кат. 5, 9, 12).

Тип 3

6. Миска гончарная (рис. 1.5). Д 1 = 11,5 см, Д 2 = 11,5 см, Д 3 = 5,5 см, Выс. = 7 см. Глина типа 1. Поверхность лощеная. Орнаментирована пояском в виде ломаной линии, нанесенной лощилом. Могильник Тас-Тепе (раскопки Ю.П. Зайцева). Склеп 10. Мужское захоронение в деревянной колоде, сопровождалось пряжками первой-третьей четверти IV в.[62]

7. Миска гончарная (рис. 1.6). Д 1 = 12,5 см, Д 2 = 12,5 см, Д 3 = 5,5 см, Выс. = 6 см. Глина типа 1. Поверхность лощеная. Могильник у совхоза «Севастопольский». Плитовая могила 217. Погребение взрослого мужчины. Узко датируемый инвентарь отсутствовал. Экспозиция НЗХТ[63] .

Тип 4

8. Миниатюрная гончарная миска или чашка (рис. 1.9). Д 1 =5,5 см, Д 2 = 6 см, Д 3 = 3 см, Выс. = 4,5 см. Глина типа 1. Поверхность лощеная. Могильник у совхоза «Севастопольский». Подбойная могила 55. Детское захоронение. В могиле находилась керамика и бронзовые украшения IV в., а также монета Галерия Максимина (305-311 гг.)[64]. Экспозиция НЗХТ.

Тип 5

9. Миска гончарная (рис. 1.8). Д 1 = 15,2 см, Д 2 = 15,3 см, Д 3 = 7 см, Выс. = 10 см. Поверхность лощеная. Инкерманский могильник. Обследования 1941 г. Описание и рисунок приводим по публикации Е.В.Веймарна[65].

Тип 6

10.Вариант I. Миска гончарная (рис. 1.11). Д 1 = 9 см, Д 2 = 11 см, Д 3 = 4

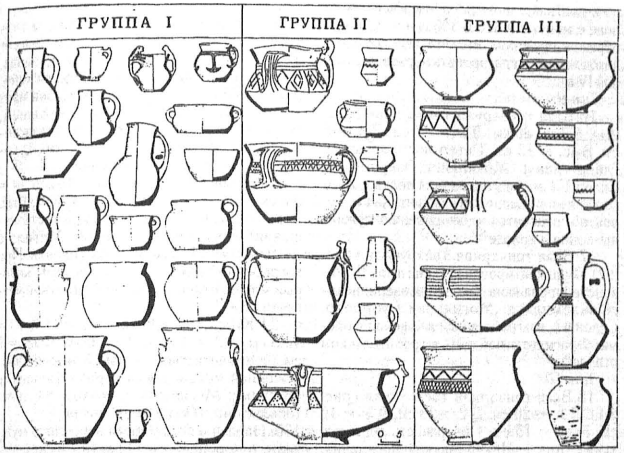


Рис.7.
Посуда памятников типа Озерное-Инкерман.

см. Поверхность лощеная. Ай-Тодорский могильник. Трупосожжение 28. Из могилы происходит ряд монет, самая поздняя из которых чеканена при Максимине (286-305 гг.). Рисунок приводится по публикации [66].

11. Вариант II. Миска гончарная (рис. 1.12). Д 1 = 20,5 см, Д 2 = 22 см, Д 3 = 8 см, Выс. = 15 см. Поверхность лощеная. Могильник Тас-Тепе. Склеп 11. Погребение мужчины-воина в деревянной колоде. Инвентарь первой-третьей четверти IV в.[67]

12. Миска гончарная (рис. 1.13). Д 1 = 26 см, Д 2 = 29 см, Д 3= 11 см, Выс. = 15,5 см. Поверхность лощеная. Орнамент в виде ломаной линии, нанесенной лощилом, заключен между двумя горизонтальными валиками. Глина типа 1. Инкерманский могильник. Обследования 1941 г. Фонды БИАЗ, инв. 6122/111.

Тип 7

13. Вариант I. Миска гончарная (рис. 1.10). Д1 = 9 см, Д 2 =10 см, Д 3 = 3 см, Выс. = 6 см. Поверхность лощеная. Ай-Тодорский могильник. Трупосожжение в урне 22. В захоронении найдена монета Лициния (308-324 гг.)[68]

14. Вариант II. Миска гончарная (рис. 1.14). Д 1 = 20 см, Д 2= 22 см, Д 3 = 7,5 см, Выс. = 12 см. Глина типа 1. Поверхность лощеная. Могильник Тас-Тепе. Склеп 6, ограбленный в древности. В склепе найдена узкогорлая светлоглиняная амфора типа F и другой инвентарь первой - третьей четверти IV в.[69]

Тип 8

15. Высокая ваза-урна (рис. 1.15). Д 1 = 27 см, Д 2 = 29 см, Д 43 0 = 26 см, Выс. = 24 см. Глина типа 1. Поверхность лощеная. Орнамент из косых перекрещивающихся линий и треугольников, нанесенных лощилом. Могильник Суворово. Склеп 30. Первоначальный свод склепа обрушился, поверх него завал различных сосудов, в том числе и указанная посуда[70]. Здесь обнаружена узкогорлая светлоглиняная амфора типа F, краснолаковые блюда, традиционно относимые к группам «Поздний римский С» формы 2 и «Африканские краснолаковые сосуды» формы 62В[71]. Подобные блюда встречаются в крымских некрополях с первой половины IV в.[72]. Кроме того, стоит отметить найденный здесь стеклянный кувшин с накладной нитью; подобные изделия представлены в нашем регионе в комплексах с монетами эпохи Константина I (306-337 гг.)[73]. Интересен стеклянный стакан с «сотами», ана-

логичный найденному в Ай-Тодорском некрополе с монетами 320 и 325 гг.н.э. [74]. Таким образом, представляется, что весь комплекс находок следует датировать первой половиной IV в.

Тип 9

16.Ваза гончарная трехручная (рис. 2.1). Д 1 = 30 см, Д 2 = 27 см, Д 3 = 8 см, Выс. = 15 см. Поверхность лощеная. Глина типа 1. Могильник Озерное III. Склеп 1. Стояла у основания полки, на которой лежали монеты Константина I и, вероятно, относится к захоронению мужчины-воина в колоде[75].

17.Ваза гончарная трехручная (рис. 2.2). Фрагментирована. Глина типа 2. Реконструирована на основании озернинского экземпляра. Могильник Суворово. Склеп 41, разграбленный в новейшее время. Фрагменты найдены в грабительском отвале[76].

Тип 10

18.Ваза гончарная трехручная (рис. 3.1). Д 1 = 26 см, Д 2 =28 см, Д 3 = 10 см, Выс. = 15 см. Поверхность лощеная. Глина типа 1. Инкерманский могильник. Подбойная могила 37. Захоронение мужчины-воина. Датируется монетами Константина I (306-337 гг.)[77].

19.Ваза гончарная трехручная (рис. 2.11). Д 1 = 25 см, Д 2 =32 см, Выс. = более 15 см. Фрагментирована. Глина типа 1. Поверхность лощеная. Орнамент в виде ломаной линии, нанесенной лощилом. Могильник Красная Заря (раскопки И.И.Неневоли). Дромос склепа 22.В камере склепа обнаружены захоронения, сопровождавшиеся инвентарем первой - третьей четверти IV в. (светлоглиняная амфора типа F и пряжки)[78].

Тип 11

20.Ваза гончарная с четырьмя ручками (рис. 2.5). Д 1 = 28 см, Д 2 = 24 см, Д 3 = 10,5 см, Выс. = 15 см. Глина типа 4. Поверхность лощеная. По плечику прочерчен гребенчатый орнамент в виде двух рядов волнистых линий. Могильник у совхоза «Севастопольский». Яма - кенотаф[79].

21.Ваза гончарная с четырьмя ручками (рис. 2.8). Д 1 = 25 см, Д 2 = 22 см, Д 3 = 10,5 см, Выс. 16 см. Глина, поверхность и характер орнаментации аналогичны N 20. Могильник у совхоза «Севастопольский». Могила 290. Представляла собой неглубокую яму диаметром около 50 см, без следов костяка, на дне которой стояла посуда: указанная ваза, лепная миска и нижняя часть кувшина. Вероятно, это также могила - кенотаф[80].

Тип 12

22.Кубок гончарный (рис.2.3). Д 1 = 9,5 см, Д 2 = 11 см, Д 3 = 5,5 см, Выс. = 9 см. Глина типа 1. Поверхность лощеная. Могильник у совхоза «Севастопольский». Могила 76 с двумя подбоями. Кубок найден в захоронении А, принадлежавшем, скорее всего, девочке 8-9 лет. В могиле обнаружены две монеты Константина I, которые и датируют захоронение[81].

23.Кубок гончарный (рис.2.4). Д 1 = 9,3 см, Д 2 = 10,5 см, Д 3 = 4,5 см, Выс. = 8,5 см. Глина типа 1. Поверхность лощеная. Могильник Суворово. Могила с заплечиками 11. Захоронение девочки. При погребенной содержался инвентарь, который можно отнести к первой - третьей четверти IV в.[82]

24.Кубок гончарный (рис.2.9) Д 1 = 10,5 см, Д 2 = 12 см, Д 3= 6 см, Выс. = 9 см. Орнаментирован ломаной линией, заключенной между двумя горизонтальными поясками. Могильник у совхоза «Севастопольский». Подбойная могила 196. Найден в погребении взрослого мужчины, похороненного, вероятно, в скорченном положении в подбое 1. В подбое 2, синхронном первому, захоронение сопровождала монета Лициния (305-323 гг.)[83].

Тип 13

25.Кубок лепной (рис. 2.7). Д 1 = 9 см, Д 2 = 9,5 см, Д 3 = 5 см, Выс. = 9 см. Глина типа 4. Поверхность лощеная. Орнаментирован ломаной линией, нанесенной до обжига. Могильник Суворово. Склеп 29, ограбленный в древности. В камере склепа найдены бронзовые пряжки первой - третьей четверти IV в.[84] и верхняя часть узкогорлой светлоглиняной амфоры типа F, профиль ручек которой характерен для первой половины IV в.[85]

Тип 14

26.Кувшин гончарный (рис. 4.1). Д 1 = 7,5 см, Д 2 = 17,5 см, Д 3 = 9,5 см, Выс. = 26,5 см. Глина типа 1. Поверхность лощеная. Орнаментирован в верхней части рельефными каннелюрами, а по ребру овальными срезами. Могильник у совхоза «Севастопольский»[86] . Каменный ящик 1 (раскопки 1954 г.). Трупосожжение 24 в каменном саркофаге-оссуарии. Стоял на крышке саркофага. Инвентарь из погребений в каменном ящике 1 может быть датирован второй половиной III - первой половиной IV в. Экспозиция НЗХТ.

Тип 15

27.Кувшин гончарный (рис. 4.5). Д 1 = 8 см, Д 2 = 15 см, Д 3 = 7,5 см, Выс. = 18 см. Глина типа 1. Поверхность лоще-

ная. Могильник у совхоза «Севастопольский». Подбойная могила 55. Датируется по монете Галерия Максимина (305-311 гг.) из этого комплекса.[87] Экспозиция НЭХТ.

28. Кувшин гончарный (рис. 3.2). Д 1 = 10 см, Д 2 = 21,5 см, Д 3 = 9 см, Выс. = 29 см. Глина типа 3. Поверхность лощеная, лощение в виде мелких хаотически расположенных полос. Могильник Суворово. Склеп 38. Вероятно, относится к захоронению мужчины-воина в деревянной колоде, сопровождавшемуся монетами Константина I (306-337 гг.)[88].

29. Кувшин гончарный (рис. 4.6). Д 1 = 8 см, Д 2 = 17,5 см, Д 3 = 7,5 см, Выс. = 22 см. Глина типа 1. Поверхность лощеная. Орнаментирован по тулову зигзагообразными линиями и «елочкой», нанесенными лощением. Могильник Черноречье. Подбойная могила 35[89]. Женское захоронение. Датировка вызывает противоречивые мнения. Следует отметить серебряные монеты хорошей сохранности: денарий Каракаллы (211-217 гг.) и антониниан Гордиана III (238-244 гг.); ювелирный набор античного типа (серьги и браслет- «часики»), датируемые А.К.Амброзом второй половиной III в.[90], и целый набор амулетов, характерных для позднескифской культуры не позднее III в.[91] Но кроме них в состав инвентаря входил стеклянный стакан[92], подобный сосудам из погребений, датированных монетами Константина I (306-337 гг.)[93], фибула из 35 могилы также может быть отнесена к более позднему времени[94]. В число украшений входили и своеобразные перстни с треугольными вырезами, которые в некрополе Каллатиса встречены в погребениях с материалом IV в.[95] Не проясняет ситуации и находка наверший с концентрическими кружками, подобные которым в черняховской культуре бытовали около 280-310 гг.[96]. Приведенные факты дают основания оставить вопрос об узкой датировке захоронения открытым и не позволяют с уверенностью рассматривать описанный кувшин как самый ранний экземпляр черняховской керамики в Юго-Западном Крыму. На наш взгляд, важно отметить, что захоронение принадлежало женщине, и часть ранних вещей могла попасть сюда в качестве «приданого», принадлежавшего ей при жизни и состоявшего из вещей ее рода и имевших поэтому более архаичный облик[97]

Тип 16

30. Кувшин гончарный (рис. 4.4). Д 1 = 7,5 см, Д 2 = 16,5 см, Д 3 = 8,5 см, Выс. = 25,5 см. Глина типа 4. Поверхность лощеная. Могильник у совхоза «Севастопольский». Яма-кенотаф[98]. Фонды НЭХТ, инв. 73/36713А.

Тип 17

31. Кувшин гончарный (рис. 4.3). Д 1 = 7 см, Д 2 = 12,5 см, Д 3 = 6,5 см, Выс. = 16,5 см. Глина типа 4. Поверхность лощеная. Могильник у совхоза «Севастопольский»[99]. Яма-кенотаф. Фонды НЭХТ, инв. 75/36713А.

Тип 18

32. Кружка гончарная (рис. 2.10). Д 1 = 9 см, Д 2 = 11,5 см, Д 3 = 6 см, Выс. = 11 см. Глина типа 4. Поверхность лощеная. Могильник у совхоза «Севастопольский». Яма-кенотаф[100]. Фонды НЭХТ, инв. 74/36713А.

Тип 19

33. Горшок гончарный (рис. 4.8). Д 1 = 11,5 см, Д 2 = 14 см, Д 3 = 6,5 см, Выс. = 11,5 см. Глина типа 4. Поверхность лощеная. Могильник у совхоза «Севастопольский». Яма-кенотаф[101]. Фонды НЭХТ, инв. 76/36713А.

Тип 20

34. Горшок гончарный кухонный (рис. 4.7). Д 1 = 12,5 см, Д 2 = 18 см, Д 3 = 9 см, Выс. = 17 см. Глина типа 3. Поверхность неровная, с горизонтальными бороздками в нижней части, образовавшимися во время формовки сосуда на гончарном круге. Могильник Суворово. Склеп 41, ограбленный в новейшее время. Отвал[102].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Расширенный текст доклада, представленного на Юбилейных чтениях, посвященных 90-летию со дня рождения профессора Л.М. Славина, Киев, 1996 (тез. докл. см: Юрочкин В.Ю. К вопросу о черняховской керамике в Крыму // Мир Ольвии. Киев, 1996.)
2. Щукин М.Б. Машина времени и лопата. Кишинев, 1991. С. 204.
3. Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. К., 1987. С. 5-6.
4. Блаватский В.Д. Харакс // МИА. 1951. N 19. С. 250- 291.
5. Веймарн Е.В., Стржелецкий С.Ф. К вопросу о славянах в Крыму // ВИ. 1952. Вып. 4. С. 94-95; Смирнов А.П. К вопросу о славянах в Крыму // ВДИ. 1953. N 3. С. 32-45; Смирнов А.П. К вопросу об истоках Приазовской Руси. // СА. 1958. N 2. С. 270-279.
6. Піоро І.С. Етнічна належність Ай-Тодорського могильника // ВКУ. Серія Історії. 1973. N

15. С. 92-99; Пиоро И.С. Крымская Готия. К., 1990. С. 90-110; Мыц В.Л. Могильник III-IV вв.н.э. на склоне Чатырдага // МЭИК. К., 1987. С. 160; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 66; Кропоткин В.В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // ПСА. М., 1978. С. 169.
7. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. К., 1972. С. 192; Орлов К.К. Ай-Тодорский некрополь // МЭИК. К., 1987. С. 106-132; Юрочкин В.Ю. К вопросу о населении Крыма позднеантичного времени // Наукові матеріалы У Міжнарод.археол. конф. студентів, та молод. вчених. К, 1997. С. 201-204
8. Кропоткин В.В. Черняховская культура и Северное Причерноморье. С. 147-163.
9. Симонович Э.О. Про кераміку черняхівського типу в Криму // Археологія. 1975. Вип.8. С. 80-86.
10. Пиоро И.С. Крымская Готия. С. 99-105.
11. Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. Умбоны щитов и боевые топоры римского времени // ПАВ. 1992. N 2. С. 113-122.
12. Автор глубоко признателен Ю.П.Зайцеву и И.И.Неневоле, любезно предоставившим еще не опубликованный материал своих раскопок, а также сотрудникам фондов Бахчисарайского историко-архитектурного заповедника и Национального заповедника «Херсонес Таврический» за помощь при работе с коллекциями прошлых лет.
13. Баран В.Д. Черняхівська культура. К., 1981. С. 90
14. Березовец Д.Т., Петров В.П. Лохвицкий могильник // МИА. 1960. N 82. С. 92.Рис. 8,4; 13,4; Брайчевский М.Ю. Ромашки // МИА. Табл. I; Сымонович Э.А. Раскопки могильника у овчарни совхоза «Приднепровский» на Нижнем Днепре // МИА. 1960. N 82. Табл. VI; Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс.н.э. // МИА. 1960. N 89. Рис. 20.1, 3; 25.1; Баран В.Д. Черняхівська культура. Табл. XIII; 1, 3,8; Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры. Кишинев, 1986. Табл. XXIII.2; XLVII.9; XLIX.6; LV.3; Смиленко А.Т. Городище Башмачка, III-IV вв.н.э. К., 1992. Рис. 19, 5; Diaconu G.H. Tirgsor. Necropola din secolele III-IV e.n. Bucuresti, 1965. Pl. LIII, 1; LXIV.4; LXXVI, 6; LXX, 1; LXXXI, 4; LXXVI, 2; LXXXVIII, 3, 4; XCII, 4; XCVIII, 2; CVI, 3; CVII, 2; CXXX, 2.
15. Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры. Табл. XXXVIII, 5; LIII, 4; Петров В.П. Масловский могильник на реке Товмач // МИА. 1964. N 116. Рис. 6, 11.
16. Баран В.Д. Черняхівська культура. С. 87. Табл. XII.
17. Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 189, XII 25; Герета И.П., Харитонов Е.А. Чистиловский могильник // Могильники черняховской культуры. М., 1979. Рис. 2, 3; Винокур И.С. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М., 1987. С. 114, 119. Рис. 2,1; 8,6; 10,6; 15,2; 17,1; Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв.н.э. К., 1984. С. 63. Рис. 20,5, 6; Сымонович Э.А. Орнаментация черняховской керамики // МИА. 1964. N116. Рис. 2,6; Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья. Табл. 25,15; Петров В.П. Масловский могильник на реке Товмач. Рис. 9,9; 11,11; 13,13; 14,3.
18. Магомедов Б.В. Каборга IV // Могильники черняховской культуры. М., 1979. С. 24-62.
19. Рафалович И.А. Данчены. Табл. XVIII, 10; XIX, 2; XXIX, 3, 4; XXXI, 7; XXXV, 4; XL, 7; Петров В.П. Масловский могильник на реке Товмач. Рис. 7,20; Петров В.П. Черняховский могильник // МИА. 1960. N 82. Рис. 6,16, 32; Diaconu G.H. Tirgsor. Pl. LXXXI, 5.
20. Рафалович И.Д. Данчены. Табл. XXII, 1; XXIII, 7; XXIX, 1; XLVII, 9; LVIII, 3; Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв.н.э. Рис. 20.5; 23.5; Магомедов В.Б. Каборга IV. Табл. XI, 2; Баран В.Д. Черняхівська культура. Табл. XIII; Федоров Г.Б. Малаештский могильник // МИА. 1960. N 82. Рис. 31,4, 6; 26,3, 8; Сымонович Э.А. Раскопки могильника у овчарни совхоза «Приднепровский» на Нижнем Днепре. Табл. VII, 23; Сымонович Э.А. Орнаментация черняховской керамики. Рис. 5,7, 12; 15,4, 8; 10,3; Петров В.П. Масловский могильник на реке Товмач. Рис. 3,9 11; 4,18; 6,5, 8;10,8, 1, 5; Петров В.П. Черняховский могильник. Рис. 3,10, 4, 6; 6,19, 24; 9.13, 11, 13; Diaconu G.H. Tirgsor. Pl. XXXVI, 2; LIX, 2; LXIV, 1; LXV, 6; LXXVII, 5; LXXIX, 2; LXXX, 3; LXXXVIII, 1; CIV, 6, 7; CVI, 2; CVIII, 3, 5; CXVIII, 1; CXXVIII, 4.
21. Рафалович И.А. Могильник черняховской культуры. Табл. XXVI, 1; LVIII, 2; Diaconu G.H. Tirgsor. Pl. XXX, 2; XXXII, 1; XLIV, 3; LVIII, 1; LXIV, 1; LXXVI, 1.
22. Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Рис. 24,2; Сымонович Э.А. Раскопки могильника у овчарни совхоза «Приднепровский» на Нижнем Днепре. Табл. VIII, 3; Магомедов Б.В. Каборга IV. Табл. IV, I, V, 3.

23. Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры. Табл. XLV, 18; XLVIII, 5; Петров В.П. Масловский могильник на реке Товмач. Рис. 7,1; Федоров Г.Б. Малаештский могильник. Рис. 20,9; Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Рис. 21,6, 7; Diaconu G.H Tirgsor. Pl. XLI, 1; XLII, 3; LIX, 1.
24. Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Рис. 21, 6, 7.
25. Смиленко А.Т. Погребение у с. Башмачка // Могильники черняховской культуры. М., 1979. С. 13, 14. Рис. 6.
26. Сымонович Э.А. Орнаментация черняховской керамики. С. 282.
27. Scorpan C. Ceramica romano-bizantina de la Sucidava // Pontica. 1975. T. VIII. Pl. XXVIII, 8.
28. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993. Табл. LXXXVI.
29. При этом указанная ваза изготовлена явно не в Крыму (в отличие от «центральнокрымских» сосудов); об этом красноречиво свидетельствует необычная глина с большой примесью песка.
30. Брайчевская А.Т. Черняховские памятники Надпорожья // МИА. 1960. N 82. Табл. V, 20; Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья. Табл. 25,4; Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры. Табл. XXVI, 1, 2; XXIX, 2; XL, 21.
31. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1991. Вып. I. Рис. 7,2.
32. Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры. Табл. XVIII, 10; XXVII, 8; XL, 1, 7.
33. Винокур И.С. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М., 1979. Рис. 4,6; 6,3, 4; 8,2, 5; 15,6; 19,1, 5.
34. Кухаренко Ю.В. Баївський могильник // Археологія. 1975. N 18. Рис. 10.2; Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980. Табл. XXIX, 5, 9, 12.
35. Магомедов Б.В. О происхождении форм черняховской гончарной керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине. К., 1977. С. 111-122.
36. Магомедов Б.В. О происхождении форм черняховской гончарной керамики. Рис. I, 8, 9; Магомедов Б.В. До вивчання черняхівського посуду // Археологія. 1973. N 12. С. 80-86; Сымонович Э.А. Орнаментация черняховской керамики. С. 320, 322 323. Рис. 23,4, 10; Diaconu G.H. Tirgsor. Pl. LXXIX, 1.
37. Сымонович Э.А. Орнаментация черняховской керамики. Рис. 6,19; 7,7, 9, 10; 7,10; Петров В.П. Черняховский могильник. Рис. 14,8, 9; Брайчевский М.Ю. Ромашки. Табл. I, 2; Брайчевская А.Т. Черняховские памятники Надпорожья. Табл. V, 17; Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховсой культуры. Табл. XLVIII; LIX, 4; Магомедов Б.В. О происхождении форм черняховской гончарной керамики. С. 81-82. Рис. 1.1-4; Diaconu G.H. Tirgsor. Pl. CXI, 3; CXXV, 2.
38. Магомедов В.Б. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. С. 53. Рис. 22,1.
39. Diaconu G.H. Tirgsor. Pl. LXXVI, 4.
40. См. напр.:Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. 1977. N 4. Рис. 1,1-3, 9; 5, 8, 9, 14-16; 7, 11.
41. Баран В.Д. Черняхівська культура. С.87. Табл. XVI, 5
42. Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. С. 83. Рис. 3,5; 7,1; Гребенников Ю.С., Гребенников В.Б., Магомедов Б.В. Черняховские могильники западного побережья Бугского лимана // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К., 1982. С. 136 148; Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья. Табл. 28,5, 7; 29,2, 7; Герета И.П., Харитонов Е.А. Чистиловский могильник. Рис. 2,1, 2; 4,7; 6,5; Пачкова С.П., Яковенко Э.В. Черняховский могильник у с. Малаешты на Днестре // Археологические памятники Среднего Поднестровья. К., 1983. С. 55-60.
43. Сымонович Э.А. Орнаментация черняховской керамики. С. 284 285. Рис. 6.3, 7; Баран В.Д. Черняхівська культура. С. 90. Табл. XVIII, 4; XIX, 2; Федоров Г.Б. Малаештский могильник. Рис. 20,2, 5, 6; 21,1, 6, 7; 22,3, 4; 24,1; Магомедов Б.В. Каборга IV. Табл. XVI, 8; Симонович Э.О. Черняхівські горшики Подніпров'я // Археологія. 1981. N 36. С. 41-53.
44. Баран В.Д. Черняхівська культура. С. 90.
45. Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики. Табл. X.; ср. Teiral J. Zur Chronologie und Deutung der sudostlichen Kulturelemente in der fruhen Volkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger das germanischen Nationalmuseums. 1987; Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М. 1997. С. 43-48, Таб. 68-

69, периоды 4/5.

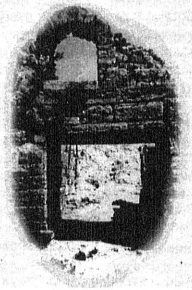
46. Казанский М.М. О происхождении могильников типа Ай-Тодор // Проблемы истории Крыма: (Тез. докл. научн. конференции.) Симферополь, 1991. Вып. I. С. 56-57.; Юрочкин В.Ю. К вопросу о населении Крыма позднеантичного времени// Наук. мат. V міжнар. арх. конф. студ. та мол. вчен. , К. 1997.
47. Юрочкин В.Ю. Памятники группы Озерное-Инкерман в позднеантичном Крыму // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. (Тез. докл. конф.) Севастополь, 1997. С.128-133 Надо полагать, что при сходстве некоторых черт материальной культуры, демонстрирующих в IVв. некую провинциально-римскую «вуаль», эти группы по происхождению своему отличны. Если группа Ай-Тодор восходит к кремационным захоронениям типа с/х «Севастопольский», ранняя дата которых находится в пределах II в. (см. Уженцев В.Б. Юрочкин В.Ю. Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья //ХСб. вып.IX. 1998. Прим. 45), то формирование группы Озерное-Инкерман завершилось только в эпоху Константина Великого с вынужденным переселением в Юго-Западный Крым выходцев с территории Боспора.
48. Стржелецкий С.Ф. Позднеантичный могильник в Инкерманской долине // КСИА АН УССР. К., 1959. Вып. 8. С. 139-145; Бабинов Ю.А. Отчет о раскопках позднеантичного могильника в Инкерманской долине на территории совхоза «Севастопольской» в 1967 году // Архив НЗХТ. д.1240, л.11.
49. Высотская Т.Н. Склепы могильника «Совхоз 10» («Севастопольский»): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ.1998. Вып.6. С. 256-271.
50. Симонович Э.О. Про керамику черняхівського типу в Криму. Рис.1.
51. Безуглов С.И., Гудименко И.В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // СА. 1993. С.172-173; Гудименко И.В. Некрополь позднеантичного поселения Рогожкино-XIII // ИАИАНД в 1991 г. Азов, 1993. С. 104-120; Гудименко И.В. К вопросу о взаимосвязи готских походов и поселений второй половины III-IV в. в дельте Дона // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье: Тез. докл. Симферополь, 1994. С.13-14; Магомедов Б.В., Кубишев А.І. Соляний промисел в піздньоримський час на Присівашші // Старожитності Русі-України. К.,1994. С. 44-47.
52. Голенко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В. Рунический камень с г. Опук и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев. (в печ.)
53. Ср: Сидоренко В.А. Федераты Византии в Юго-Западном Крыму. (Автореф.дисс.канд. ист. наук). СПб.1994. С.13.
54. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 259.
55. См., напр: Храпунов И.Н. Аланский могильник IУ в. в Центральном Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье. (Тез. докл. конф.) Симферополь, 1994; Ушаков С.В. О лепной керамике из могильников Юго-Западного Крыма второй половины IV- первой половины VI в. как источнике по этнической истории региона // ХСб. 1998.Вып.IX. С. 153.
56. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э. М. 1997. С.108-114.
57. Храпунов И.Н. Мульд С.А. Завершение исследований могильника Дружное // АИК 1994 г.Симферополь, 1997.С. 261-262. Рис. 148, 1,3; Храпунов И.Н. Власов В,П. Подбойная могила с многократными погребениями из могильника Дружное в Крыму // МАИЭТ.1998,Вып. VI, Рис. 6,7-7,5; 8,7. Небольшое количество подобной посуды, высокая доля глубоких двух- или трехручных ваз (явно ритуальных, а не бытовых) заставляет полагать, что изготовление такой посуды на месте было связано с ритуальными потребностями германцев, когда подлинная «черняховская» посуда была заменена подражаниями, выполненными аланскими гончарами. Надо отметить, что трехручные сосуды (чрезвычайно редкие), лишь отдаленно напоминающие черняховские прототипы, продолжали изготовлять вплоть до сер. VI в (Рис. 3,3): Веймарн Е.В.; Айбабин А.И. Скалистинский могильник. К., 1993.С.98-101, 126. Рис. 71, 17, 92,8.
58. Смутная память о двух началах - германском и аланском - как известно, сохранялась у жителей горного Крыма на протяжении всего средневековья («Готия», «готоаланы»).
59. В отличие от Центрального Крыма, делалось это в подражание «первообразцам» и в той же традиции. «Захоронение» сосудов в яме совершено явно с культовыми целями: вероятно, перед нами набор священных сосудов, вышедших из употребления
60. Высотская Т.Н. Склепы могильника совхоз № 10 (Севастопольский): Проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ.-1998. Вып. 6.
61. Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. 1963. С. 38. Рис. 7.

62. Зайцев Ю.П. Отчет об охранных исследованиях могильников у с. Тенистое в 1995 г. // НА КФ ИА НАНУ.
63. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника III-IV вв. на территории тепличного парникового хозяйства совхоза «Севастопольский» (быв. N 10) в Инкерманской долине в 1965 г. // Архив НЗХТ. Д. N 1189. С. 130. Рис. 217.
64. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника III-IV вв. в Инкерманской долине к югу от г. Сахарная Головка на территории парникового хозяйства совхоза «Севастопольский» (N 10) в 1962 г. // Архив НЗХТ. Д. N 856/1. С. 13-14. Рис. 46, 47.
65. Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана. С.38. Рис. 7,25
66. Блаватский В.Д. Харакс. С. 271-272. Рис. 14,2.
67. Зайцев Ю.П. Отчет об охранных исследованиях позднеантичных могильников в с. Тенистое в 1995 г.
68. Блаватский В.Д. Харакс. С. 270. Рис. 14,1.
69. Зайцев Ю.П. Отчет об охранных исследованиях позднеантичных могильников в с. Тенистое в 1995 г.
70. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // АИК. 1995 г. Симферополь, 1997.С.110-114. Рис. 64.
71. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London, 1972. P. 109, 329.
72. Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III. С. 237. Рис. 5.
73. Блаватский В.Д. Харакс. С. 272.
75. Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III. С. 242-243. Рис. 5,4.
76. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. Охранные работы в Бахчисарайском районе. (В печати).
77. Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана. С. 17-18. Рис. 5,1.
78. Неневоля И.И. Отчет об охранных археологических раскопках могильника у с. Красная Заря Бахчисарайского района в 1995 г. // НА КФ ИА НАНУ. С. 39. Рис. 22. N к.о. 26.
79. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках на территории совхоза «Севастопольский» в 1966 г. // Архив НЗХТ. Д. 1450/1.
80. Бабинов Ю.А. Отчет о раскопках позднеантичного могильника в Инкерманской долине на территории совхоза «Севастопольский» в 1967 г. Л. 11. Рис. X, 5, 6.
81. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника III-IV вв. в Инкерманской долине к югу от г. Сахарная Головка на территории парникового хозяйства совхоза «Севастопольский» (N 10) в 1962 г. С. 35. Рис. 96.
82. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // АИК. 1995 год.-С.108. Рис. 59
83. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника III-IV вв. на территорин хозяйства совхоза «Севастопольский» (N 10) в Инкерманской долине в 1964 г. // Архив НЗХТ. Д. 1160. Л. 320. Рис. 489.
84. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Белогорском и Бахчисарайском районах. С.110, Рис.62.
85. Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С.17. Рис. 3,1, 2.
86. Стржелецкий С.Ф. Отчет о разведке могильника III в.н.э. в совхозе N 10 в 1954 г. // Архив НЗХТ. Д. 690. С. 400. Рис. 12, 16, 78.
87. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника III-IV вв. в Инкерманской долине к югу от г. Сахарная Головка на территории парникового хозяйства совхоза «Севастопольский» (N 10) в 1962 г. С. 13, 14. Рис. 46, 47.
88. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. Охранные работы в Бахчисарайском районе. (В печати.)
89. Бабенчіков В.П. Чорноріченський могільник // АП. 1963. Т. XIII. С. 97-100. Табл. V, 16; XII, 2.
90. Бабенчіков В.П. Чорноріченський могільник. Табл. II, 13, 14; XIII, 1; Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989. С.25. Рис. 2.
91. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. К., 1994. С. 124. Рис. 39.
92. Preda C. Callatis. Bucuresti. 1980. Pl. XXV. V. 358; 352,1; 360,1; 334,1; 350,1.
93. Бабенчіков В.П. Чорноріченський могильник. Рис. 4, 9; Блаватский В.Д. Харакс. С. 266; Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана. С. 19. Рис. 5, 9; Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III. Рис. 3,е; Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики. С. 181. Табл. XI; XII, 103; Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 187; Айбабин А.И. Проблемы хронологии мо-

гильников Крыма позднеримского периода // СА. 1984. N 1. С. 113, признак 2; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 13. Рис. 3,1 3.

94. Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики. С. 181.
95. Preda G. Callatis. Bucuresti, 1980. Pl. XXV, M. 358, 360.1, 352.1, 334.1, 350.1.
96. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник. Табл. XIV, 13; Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики. Табл. VI; XII, 81.
97. Бажан И.А., Еременко В.Е. Некоторые аспекты исследования хронологии могильников по методу П.Рейнеке // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. С. 17.
98. Бабинов Ю.А. Отчет о раскопках позднеантичного могильника в Инкерманской долине на территории совхоза «Севастопольский» в 1967 г. Табл. X, 8.
99. Бабинов Ю.А. Отчет о раскопках позднеантичного могильника в Инкерманской долине на территории совхоза «Севастопольский» в 1967 г. Табл. X, 7.
100. Бабинов Ю.А. Отчет о раскопках позднеантичного могильника в Инкерманской долине на территории совхоза «Севастопольский» в 1967 г. Табл. X, 7.
101. Бабинов Ю.А. Отчет о раскопках позднеантичного могильника в Инкерманской долине на территории совхоза «Севастопольский» в 1967 г.
102. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. Охранные раскопки в Бахчисарайском районе. (В печати.)

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА



Е.А. Айбабина

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О КАМЕННОЙ РЕЗЬБЕ КАФФЫ

Архитектурный декор гражданских и культовых сооружений, орнаментация строительных плит, надгробий, поминальных плит-хачкаров предоставляют наибольшее количество памятников позднесредневековой крымской резьбы . Они привлекают внимание исследователей своим художественным разнообразием. В условиях Крыма выработался определенный стиль каменной резьбы, который многие исследователи определяют как единый и полагают, что он своим происхождением связан с культурной средой, сформировавшейся на территории Малой Азии. Сложилось мнение, что декорирование построек не зависело от их конфессиональной принадлежности, и однородный декор встречается на памятниках мусульманского и христианского происхождения. Изучение крымской архитектуры и декоративной пластики, начавшееся в XIX в., позволило выделить определенные группы памятников резьбы, объединенных общими стилистическими признаками, например, архитектурный декор мечетей Старого Крыма, Чуфут-Кале и стилистически связанную с ним резьбу мусульманских надгробий[1]. Изучалась группа лапидарных надписей генуэзских строительных и надгробных плит. В целом же, классификация памятников и анализ развития сельджукского стиля, подвергшегося изменениям за период его бытования в камнерезной пластике полуострова, не производились. Отсутствие классификации памятников создает трудности в определении их историко-культурной принадлежности. Это приводит к некоторому преувеличению нивелирующей роли городской среды в процессе развития художественной культуры, в том числе и в камнерезном искусстве[2].

Изучение объектов архитектуры Каффы, их декоративного оформления, отдельных памятников каменной пластики позволяет выделить несколько групп по этническому, конфессиональному, стилистическому, датирующему признакам. Между этими группами существует несомненно стилистическая связь, обусловленная использованием общих художественных идей и приемов. Вместе с тем, черты различия, характерные особенности каждой группы не позволяют рассматривать всю совокупность изучаемого материала как обобщенную снивелированную массу. Как отмечалось выше, исследователями каменной пластики была выделена группа генуэзских памятников - закладных строительных плит с резными изображениями гербов, орнаментов и рельефов. Как известно, они связаны с официальной деятельностью генуэзской администрации. Латинские надписи, геральдика, рельефы Христа и католических святых, находящие аналогии в скульптуре Лигурии[3], выделяли их среди ориентализированной в целом материальной культуры города. Использование в декорировке ряда плит растительных и геометрических мотивов сельджукского характера сближает эти памятники с другими - например, хачкарами (армянскими поминальными плитами). Хачкары выделяются в особую группу; они имеют свою схему и стиль декорировки, связаны с определенным этносом, имеют общую конфессионную принадлежность. Массовость памятников этой разновидности каменной резьбы объясняется величиной, значением и долгой историей армянских колоний, появившихся на территории полуострова в средневековый период. В декорировке хачкаров мотивы сельджукского стиля широко используются до XVI в., то есть до распространения в камнерезном искусстве Крыма нового стиля, связанного с османской художественной культурой. Изучение хачкаров, происходящих из Каффы, позволяет утверждать, что в основе их пластического решения лежали традиционные национальные мотивы и сюжеты, составлявшие один из компонентов при формировании сельджукского стиля. На местной почве они получили новое развитие: образовался своеобразный стиль крымских хачкаров.

Камнерезное наследие Каффы включает в себя памятники, которые относят непосредственно к сельджукскому стилю. Это детали архитектурного оформления построек, стилистически связанного с декорировкой мечетей, медресе Инжибек Хатун и надгробий Солхата, монастыря Сурб-Хач, Судакской мечети, дюрбе Джаныке Ханым и мечети из Чуфут-Кале. Для этой группы памятников характерен растительный и геометрический декор, повторяющий орнаментальные формы анатолийского сельджукского происхождения.[4]

Центром распространения этого стиля и средоточием наиболее высоких и чистых образцов сельджукской орнаментики на полуострове является район Юго-Восточного Крыма - в частности, Солхат-Крым и Судак - места, непосредственно связанные с присутствием сельджукского этноса.[5] Как видно из этого краткого обзора, классификация памятников позволяет выделить пути и направления формирования искусства декоративного оформления архитектуры и малых форм, установить связи и определить своеобразные черты развития. В качестве примера можно разобрать особенности орнаментальной декорировки одной группы - генуэзских строительных плит.

Генуэзское камнерезное наследие представлено в основном закладными строительными плитами крепостных, культовых и других городских сооружений. Изучение этой группы памятников началось в конце XVIII в. публикацией Г.Л. Одерико текстов и рисунков плит с латинскими надписями[6]. Издание надписей было продолжено Л.Вакселем и Ф. Дюбуа де Монпере[7]; ими рассматривалась в основном эпиграфическая часть, а из изображений уделялось внимание только гербу Генуи, тамге Джучидов, гербам консулов и других должностных лиц, которые были заказчиками постройки. Обобщение известного материала в таблицах с графическими рисунками, осуществленное В.Н.Юргевичем в работе "Генуэзские надписи в Крыму"[8], и развитие этой темы в последующих статьях[9] было дополнено О.Ф.Ретовским[10] и Л.П.Колли[11]. В.Н.Юргевич в своей работе помещает рисунки каффинских плит без какого-либо анализа их декора. Небольшая статья Л.П.Колли посвящена одной из плит, опубликованных В.Н.Юргевичем. Это известняковый барельеф плохой сохранности с изображением Мадонны и латинской надписью. В.В.Латышев опубликовал другую плиту с изображением Мадонны, ранее изданную Г.Л.Одерико, снабдив разбор надписи кратким описанием рельефа.[12] Впоследствии эти и еще целый ряд плит были переизданы Е.Ч.Скржинской, исследование которой было посвящено в основном эпиграфике, а художественная резьба (так же, как и ее предшественниками) ею была оставлена почти без внимания [13]. В своей монографии Е.Ч.Скржинская помещает фотоиллюстрации плит с резьбой и рельефом Христа, святых и ангелов без их описания. Внимание исследователей не раз было привлечено к закладной плите башни Джудичи судакской крепости, декорированной орнаментами сельджукского стиля, которая благодаря своей резьбе входит в обширный круг памятников[14]. Этими работами почти исчерпываются публикации генуэзских памятников. В популярной книге Н.Лапина "Судак" одна глава посвящена описанию 11 судакских генуэзских закладных плит с рельефами и надписями[15]. При описании плит автором была сделана попытка графического воспроизведения их резьбы и латинских текстов. Рисунки плит дают лишь общее представление об их декорировке: сложное и симметричное плетение растительных побегов и полупальмет[16] в стиле сельджукской орнаментики, антропоморфные мотивы и реалистично выполненные растительные мотивы[17].

Декоративная резьба рассматриваемых памятников представлена орнаментами, заполняющими пространство поля между изображениями гербов и латинских надписями, играющих основную роль. На ряде плит помещены антропоморфные изображения, выполненные в низком рельефе. Особое место в декорировке строительных плит занимают гербы: наряду с надписями, они предназначены для придания основного официального смысла тексту закладной плиты и для ознаменования постройки. Изучение геральдики генуэзских плит является особой темой и она в данной работе не рассматривается.

Плиты изготовлены из известняка и мрамора. Размеры их различны, некоторые достигают в длину до 2 м, в высоту до 1,7 м, толщина от 0,11 до 0,35 м. Плиты, как правило, прямоугольные, надписи высекались обычно по горизонтали. Некоторые из них, предназначенные для круглых башен, имеют выпуклую форму (см. ниже № 2). Строительные надписи крепостных сооружений по размерам превосходят все другие: они крепились на высоте не ниже второго этажа башни (то есть, не менее, чем на 3-4 м) в специально вмурованных в стены, высеченных из камня рамах.

Резной орнамент занимает свободное от надписи и гербов пространство и играет подчиненную роль. По стилю декорировки каффинские плиты можно разделить на две группы: с западным (итальянским) декором, и плиты с получившими распространение в каменной пластике Крыма сельджукскими орнаментами. Сюжеты и мотивы резьбы каффинских строительных плит следующие: растительные мотивы, вотивные изображения (агнец с лабарумом, Вифлеемская звезда), птицы, предметы ремесла.

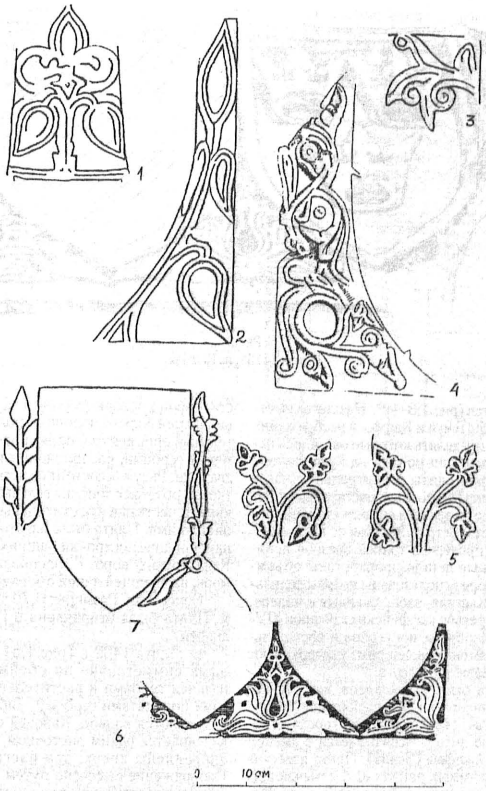


Рис.1
Растительные мотивы генуэзских строительных плит Каффы и Судака. 1-2 - плита 1342 г. Павловск. 3-4 - плита 1342 г. ФКМ о.ф. 75/2. 5 - плита 1402 г. ФКМ о.ф. 1080. 6 - плита 1413 г. ФКМ. 7 - плита 1394 г. из Судакской крепости.

1. Плита 1342 г, состоящая из трех фрагментов (рис.1, 1-2)[18]. На плите (сохранилась правая часть камня) высечены надпись, гербы. Угол и поле над гербом занимает растительный орнамент в виде веток с широкими крупными заостренными листьями. Изображение выполнено путем выборки фона и проработки двойной рельефной линией. Манера изображения упрощенная, близкая к реалистической. По рисунку растительного мотива плита не имеет аналогий среди крымских генуэзских памятников.

Известняк. Размеры плиты (по Е.Скржинской): 0,88 х 1,42 х 0,10; 0,59 х 0,58 х 0,10 м. После 1771 г. отправлена в Павловск.

2. Плита 1342 г., состоящая из трех

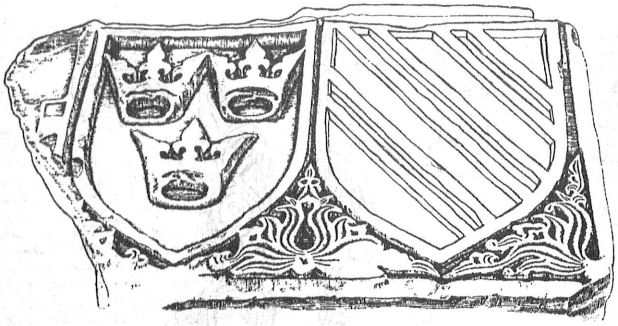


Рис.2
Плита 1413 г. из Каффы.

фрагментов (рис.1,3-4)[19]. На плитах высечены гербы Генуи и Каффы и изображения гербов, определить которые оказалось невозможным: они попали на края камней. Левый край плиты и центральную часть под надписью занимает растительный декор в виде переплетающихся стеблей, полулапьмет и острых листков с "глазками". Рисунок прочерчен тонкой врезной линией, крупные детали проработаны объемно. В декоре использованы мотивы сельльджукского стиля, изображенные в манере, близкой резьбе каффинских хачкаров XIV-XV вв. Изображения гербов и растительный орнамент соразмерны, подчеркивают и дополняют друг друга.

Плита была установлена, как считает Е.Скржинская, на "Круглой башне" внешней ограды, с южной стороны города, строительство которой связывается с именем консула Скаффа (Scaffa). Плита известна одной из самых ранних дат, отмечающих постройку крепостного сооружения. Исследования письменных источников, эпиграфических памятников и археологические раскопки позволили определить время строительства цитадели (1340-1352 гг.) и сухопутной линии внешнего кольца оборонительных сооружений Каффы (1383-1389 гг.)[20]. Надпись 1342 г. свидетельствует о постройке башни цитадели, которая в своей системе обороны имела полукруглую башню.[21]

Известняк. Размеры: 0,71 x 0,94 x 0,24; 0,69 x 0,94 x 0,24; 0,69 x 0,80 x 0,24 м. ФКМ о.ф. 75/1-2.

3. Плита 1389 г. с изображением шести гербов в правой стороне и надписью, занимающей больше половины поля[22]. Растительный орнамент заполняет пространство между гербами, расположенными по три в два ряда. Рисунок состоит из четырехлепестковых розеток с дополнительными маленькими лепестками и растительных побегов с листочками. Плита была изготовлена в ознаменование постройки башни Caihadoris/ Кайадорских/ ворот[23], располагающихся у моря, на внешней линии обороны.[24]

Известняк. Размеры: 0,70 x 1,85 x 0,21 м. Плита была отправлена в Павловский дворец.

4. Плита 1402 г. (рис.1,5) с высеченными симметрично по обеим сторонам надписи гербами и растительными мотивами под щитами гербов[25]. Гибкие стебли разделяются надвое. Каждый стебель заканчивается одним листочком, два побега направлены вверх, два изогнуты вниз. Изображение высечено путем углубления фона и последующей проработки поверхности рисунка. Стебли растений прочерчены вдоль тонкой врезной линией. Простота и симметричность придают рисунку своеобразие и отличают от распространенного в крымском декоре растительного мотива со сложными переплетениями. Плита высечена в честь постройки церкви св.апостолов Петра и Павла. В Уставе Каффы 1449 г. храм св. Апостолов упоминается среди латинских церквей.[26] Строительство этого храма было частным предприятием, что и получило отражение в тексте плиты и в изображении герба.[27]

Известняк Размеры: 0,53 x 1,09 x 0,12

м; разбита на две части. Плита найдена во дворе армянского храма Святых Архангелов. ФКМ о.ф. № 1080.

5. Плита 1413 г. (рис.1-6; рис.2) с высеченными в левой стороне тремя гербами и растительным орнаментом, заполняющим пространство под ними.[28] Растительный мотив состоит из широких "листьев" и аканфовых листочков и как бы стилизован под восточный. Но живописный рисунок широких листьев, заканчивающийся небольшими аканфовыми листками, близок к орнаментам западноевропейского происхождения. Мотив аканфового листа, известный еще с античных времен и широко применяющийся в каменной резьбе средиземноморских стран, использован в декоре итальянского памятника - в базилике Аквилеи начала IX в[29]. В более близких по времени памятниках подобного рисунка аканф встречается в архитектурном декоре нач. XV в. в Сербии.[30]

Мрамор. Размеры: 0,48 х 1,68 х 0,12м. Плита разбита на две части. ФКМ.

6. Фрагмент плиты с надписью[31]. Фрагмент представляет правый нижний край плиты. Растительный мотив, ввиде крупных, изогнутых заостренных листьев, изображенных в стилизованной манере. По предположению Е.Ч.Скржинской, фрагмент датируется концом XIV в[32].

Известняк. Размеры: 0,16 х 0,18 х 0,25 м. Плита утрачена.

7. Плита прямоугольной формы с изображением герба Генуи и растительным орнаментом (рис.3). Щитовое поле герба с нижней и боковых сторон обрамлено вьющимся непрерывным побегом с полупальметтами. В нижних углах пальметты имеют более сложный рисунок. Рельефный орнамент проработан двойной линией и глубокими врезами, придающими листьям объемность. Рисунок в целом симметричен, в правом нижнем углу лист одной полупальметки "смят" из-за недостатка места. Пальметты такого рисунка обычны на хачкарах XIV-XV вв. По манере изображения герба со слегка прогнутой внутрь верхней линией и чуть поднятыми заостренными уголками, она может быть сравнима с каффинской плитой 1413 г. (рис.2); гербы подобной формы и пропорций декорируют и плиту 1402 г.[33] Рисунок полупальметок совершенно идентичен изображенным на плите 1413 г. (рис.1-6; рис.2). Это позволяет предположить дату иссечения плиты - начало XIV в.

Мрамор. Размеры: 0,50 х 0,42 м, глубина рельефа 0,02 м. Близость манеры изображения растительных мотивов плиты и армянских хачкаров, вероятно, обусловила ее нынешнее местонахождение: очевидно, во время ремонта храма, плита в перевернутом виде вставлена в западную наружную стену гавита церкви св.Сергия (Феодосия) как хачкар с процветшим крестом.

8.Плита с резным декором в верхней части и пятистрочной надписью на армян-ском языке в нижней части (рис.5). В правой стороне плиты изображен герб Генуи, в левой - орнамент из переплетающихся гибкими концами полупальмет и пальмет, образующих "медальон", в центре которого плетеный рисунок. В декоре использованы элементы, характерные для сельджукской орнаментики. Композиционное решение орнамента, вытянутого вдоль верхней части плиты в виде ажурной каймы, напоминает декор обрамлений порталов и наличников памятников сельджукского круга и, прежде всего, каффинского храма Иоанна Предтечи.

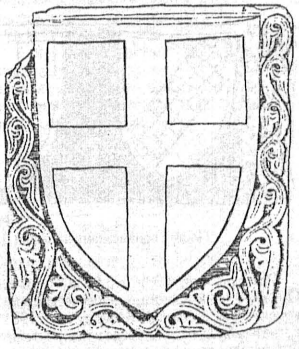


Рис.3
Плита из Феодосии. Вставлена в стену армянского храма св. Сергия.

Расположение одного герба Генуи в правой стороне плиты и незавершенность каждой строки надписи свидетельствуют о том, что сохранилась половина плиты с немногим более половины текста. Надпись высечена в ознаменование постройки родника-фонтана. По внешней форме плита копирует генуэзские строительные надписи: монументальность шрифта, расположение текста, изображение герба Генуи (на утраченной части, вероятно, было изображение гер-

бового щита с тамгой), использование в тексте разделительных точек и маленького крестика в начале. Надпись составлена по традиции средневековых армянских строительных лапидарных текстов. Известно, что уже в 1316 г. в Каффе строился водопровод на средства армянского епископа[34]. Четыре фонтана-родника (название укоренилось в армянской средневековой традиции) сохранились в Феодосии до настоящего времени, два из них имеют надписи[35].

сии каменщиков, в которых город испытывал острую необходимость[39]. Генуэзское строительство в Каффе, начавшееся с цитадели по стандартному плану застройки лигурийских городов, включало в себя городские кварталы, которых в XV в. насчитывалось 40, Дворец консула (Дворец Коммуны). В течение XIV в. возводятся цитадель (1340-1352 гг.) и сухопутная линия внешнего оборонительного кольца крепости (1383-1389 гг.)[40], общественные здания, храмы, систе-

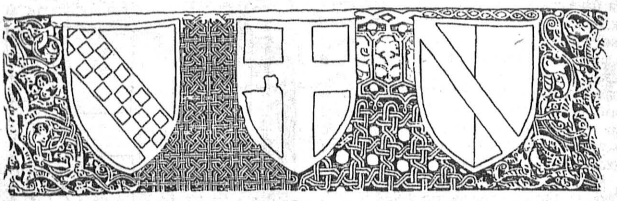


Рис.4
Плита с орнаментами из башни Джудичи 1394 г. Судакской крепости.

Размеры плиты 0,64 х 0,65 м х 0,10 м. Обнаружена во время археологических раскопок генуэзской башни Константина в 1981 г., где она была использована как строительный материал в кладке восточного контрфорса башни[36]. На плане Феодосии конца XVIII-начала XIX вв. рядом с башней, на юго-восток от нее, обозначен фонтан, которому могла принадлежать строительная плита.[37] Хранится в ФКМ.

В общем числе известных каффинских генуэзских строительных надписей, плиты с орнаментами не занимают особого места. Преимущество в их декорировке отдавалось несомненно геральдическим изображениям. Среди растительных мотивов, используемых в орнаментации плит, присутствуют весьма схематизированные, представленные в обобщенной манере изображения растений (рис.1, 1-2, 5, 6,7), которые можно связывать с западноевропейской и балканской орнаментикой. Манера исполнения растительных мотивов может свидетельствовать как о непосредственном участии мастеров западного происхождения, так и о выражении определенных вкусов заказчиков. Строительные надписи и документы сообщают имена мастеров, среди которых были западноевропейцы и греки[38]. В Уставе генуэзских колоний 1449 г. зафиксирована особая заинтересованность, которую проявляла генуэзская администрация к профессма водоснабжения и фонтаны-родники для раздачи воды. Археологическими раскопками в центральной части цитадели в 1973 г. были выявлены фундаменты большого, по-видимому общественного здания, время постройки которого относится к XIV -XV вв[41]. Постройка имела колонны с большими квадратными базами из песчаника и круглыми из мрамора, была украшена мраморными резными деталями с "сельджукской цепью".

Декорировку генуэзских строительных плит мотивами, происходящими из круга памятников сельджукского стиля (рис.1, 3-4; рис.3; рис.5), в композиции которых основным элементом служит пальметта с гибким вьющимся побегом, на наш взгляд, необходимо связывать с армянской декоративной резьбой, занимающей в Каффе основное место. Манера изображения, рисунок растительных орнаментов, техническое воплощение приближают их к резьбе каффинских хачкаров, датирующихся XIV-XV вв. Растительные мотивы хачкаров отличает свободная манера изображения, большая вариантность в использовании однородных элементов, округлые пластичные формы рисунка. Листы полупальмет широкие и изогнутые, соединяются между собой такими же изогнутыми побегами или исходят один из другого, образуя пучки и переплетения. Рисунок, как правило, выработан путем выборки фона и последующей мо-

делировки выступающей поверхности тонкой врезной или более широкой, треугольной в сечении, местами расширяющейся линией. Исключение составляет резьба плиты с надписью о постройке родника (рис. 5). Ее декор, в котором использованы традиционные армянские мотивы, встречающиеся в резьбе каффинских хачкаров и архитектурных деталей, представлен в схематичной, лапидарной манере генуэзских плит. Он выполнен с помощью углубления фона, растительный орнамент передан без проработки, на поверхности плиты видны следы обрабатывающего инструмента. Такая манера передачи орнамента скорее может свидетельствовать о стремлении сохранить во всем стиль официальных генуэзских плит.

Анализ декорировки архитектурных деталей армянских средневековых храмов и хачкаров Каффы позволяет выделить подгруппы памятников, которые могли быть изготовлены в одной мастерской и даже одним мастером. Мастерские выполняли массовые заказы, прежде всего христианских общин. Очевидно, они привлекались и для выполнения работ официальной администрации. Строительные надписи средневековой армянской диаспоры Крыма с упоминанием мастеров-резчиков, каменщиков, архитекторов известны благодаря их прочтению Г.М.Григоряном[42]. Мастером Амиром (Атыром)[43] в Каффе было изготовлено обрамление колодца с генуэзскими гербами, расположенными на четырех его сторонах. Так же, как и плита с надписью о сооружении родника (рис. 5), каменное обрамление было сделано по заказу официального лица. Дата надписи не сохранилась. Гербы - одноглавые орлы с головами, увенчанными коронами, с расправленными крыльями и развернутые влево. Над гербом высечена митра, по сторонам - свободно свисающие концы полотнища ткани. Подобные изображения гербов есть на плите с надписью о постройке какого-то сооружения латинским епископом Каффы Грифедусом Чикала (Grifedus Cigara/Cigala). Грифедо Чикала занимал епископскую кафедру в Каффе в период между 1423 и 1441 гг.[44] Е.Ч.Скржинская считала, что гербы на этом обрамлении колодца принадлежали фамилии Дориа[45]. Известно еще одно идентичное изображение герба на фрагменте известняковой плиты, где орел с расправленными крыльями помещен под сенью портика с витыми колоннами с капителями и базами, сверху портика - митра, по сторонам - свисающие полотнища ткани. Эту плиту О.Ф. Ретовский связывает с именем епископа Чикала[46], Е.Ч.Скржинская также видит сходство этого герба с изображенным на епископской плите № 24[47]. Таким образом, круг памятников, связанных с его строительной деятельностью включает в себя - помимо закладной плиты с надписью (по Скржинской № 24 - обрамление колодца с гербами) и плиту с гербом (по Скржинской № 10, в разделе «Плиты без надписей»). Все эти памятники имеют характерный объединяющий их признак - изображение епископской митры над гербом. Вероятно, их датировка находится в пределах 1423-1441 гг.

С кругом сельджукской орнаментики, какой она представлена в архитектурных памятниках Солхата-Крыма, связан декор двух плит из Судака: плиты башни консула Джудичи (Giudici) 1392 г.[48] (рис.4), которая до настоящего времени находится в ее стене, и - почти утраченной, известной по схематичному рисунку Н. Лапина плиты башни консула Якоби Торсели (Iacobi Torseli) 1385 г.[49] Растительный мотив плиты башни Джудичи с использованием "веерообразной" полупальметы образует на правом и левом крае плиты орнамент, развивающийся из углового центра в двух направлениях. Концы полупальмет сильно вытянуты, переплетены, закручены, образуя медальоны. Края листов проработаны тонкой линией, переходящей в двойную полоску побегов. "Глазки", расположенные у основания и на концах листов, небольшие, имеют форму завитков. Растительный декор плиты не симметричен, рисунок правой стороны имеет более свободный живописный характер.

В декоре плиты башни Торсели, так как он представлен в реконструкции Н.Лапина, использованы те же мотивы сельджукской растительной орнаментики с полупальметами и плетенкой. Плиту отличают изображения льва и голубей - вотивные сюжеты, связанные как с западноевропейским, так и армянским изобразительным творчеством.

Принцип использования поля для сплошного заполнения орнаментами приближает резьбу плит к манере декорировки тимпанов и фронтонов архитектурных сооружений Армении XIII-XV вв., Малой Азии и Крыма, в частности Каффы. Этот принцип широко применяется в живописи хоранов в армянской рукописной миниатюре. Использование нескольких разных видов орнамента (геометрические мотивы будут рассмотрены ниже) является также характерным признаком, присущим крымскому армянскому декорирова-

нию.

Растительный орнамент, основу которого составляет вьющийся стебель, заканчивающийся пальметой или полупальметой, представляет собой наиболее распространенный мотив архитектурного орнамента, связанного в Крыму с сельджукским стилем. Широко применяемый в декорировке монументальных сооружений Малой Азии, он появляется в Юго-Восточном Крыму, скорее всего, с по-

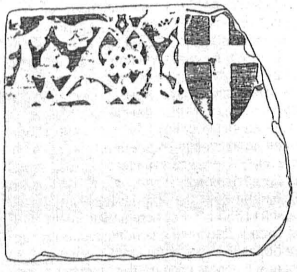


Рис.5
Плита с гербом Генуи и армянской надписью о сооружении родника, ФКМ.

стройкой первых сооружений Солхата-Крыма. Самым ранним датированным памятником, где появляется "сельджукская" пальметта, является портал мечети Узбека 1314 г., в том же стиле выполнено и обрамление михраба. К середине XIV в. пальметный орнамент получает распространение в Каффе, Солхате, вероятно в Судаке и их окрестностях: пальметными поясами декорируются портал медресе Инджибек Хатун в 1332-33 г., наличник входа храма Иоанна Предтечи в 1348 г., латинские строительные плиты Каффы 1342, 1389 г.,[50] Судака 1385 и 1392 г., обрамление михраба судакской мечети. Происхождение пальметного орнамента вышеназванных порталов связывается исследователями с резьбой построек Центральной части Малой Азии[51]. Аналогичный малоазийский архитектурный декор датируется XIII в.

Орнамент в виде геометрической плетенки, состоящей из соединенных между собой звеньев, образующих подквадратные фигуры, мотив так называемого "узла счастья", известен в декоре многих памятников Крыма. В орнаментации плиты башни Джудичи представлено два варианта такого плетения: из соединенных мелких узлов, усложненное дополнительной линией с маленькими каплями, разделяющей каждый элемент, и - из более крупных звеньев, расположенных подругому. Этот мотив использован в декоре солхатских и каффинских надгробий и целого ряда памятников Мангупа: строительной плиты 1425 года, наличника входа второго строительного периода мангупской базилики[52], он также широко применялся для украшения надгробий средневековых некрополей Мангупа. Как видно, этот орнамент - так же, как и мотив переплетенных полупальмет и пальмет - бытовал в каменной пластике разных регионов полуострова. Предметы с изображением "узла счастья" известны среди изделий торевтики XIV века, находимых в Крыму.[53]

В декоре плит башен Джудичи и Торсели усматриваются две линии крымской средневековой каменной резьбы. Использование элементов, характерных для сельджукской орнаментики с формами и пластикой, свойственной крымским памятникам этого стиля, приближает их к кругу декора построек Солхата-Крыма. Принцип применения этого декора, композиция рисунков включает эти плиты в число памятников архитектурного декора армянских средневековых церквей. Вероятно, творческая манера местных резчиков находилась под влиянием соседствующей школы, непосредственно связанной с Малой Азией, создавшей в Солхате выразительные образцы декоративной резьбы.

Декоративная резьба генуэзских памятников Каффы включает в себя образцы, которые можно отнести к кругу европейской и балканской пластики, и примеры декоративного стиля, имеющего корни в традиционной армянской орнаментике, сформировавшегося и развивавшегося непосредственно в Крыму.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бороздин И.Н. Солхат / Предварит. отчет о работах археолог. экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР в 1925 г. М., 1926. 31 с.; Башкиров А.С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. М.,1926. №2. С.108; Бороздин И.Н. Из Отузской старины // ИТОАИЭ. Симферополь. 1927. С.24-26; Акчокраклы О. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII-XV вв.// ИТОАИЭ. Симферополь. 1927. Т.1. С.16-29.
2. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л., 1964. С.117-118.
3. Лигурия - Крым. Моменты истории в изображении. Побратимство Генуя-Одесса. Каталог выставки. Генуя. 1981. С.42-43. Рис. 12. Skrzinska E. Inscriptions des latines des colonies genoises en Crimee // ASLSP.Genova, 1928. Vol. LVI.
4. Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро// ИТУАК.1918. Вып. 55. С. 23-25. Крамаровский М.Г. Солхат и Амасья в XIV в. К итогам археологического изучения архитектурного комплекса медресе и мечети Узбека в г.Крым (Старый Крым)// Проблемы истории архитектуры. Тезисы докладов. Всесоюзная научная конференция. Суздаль, 1991 г. М. 1990. С.125-127.
5. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т.II. С.25-26. Крамаровский М.Г.Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII-XIV вв.// Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.,1989. С.148-149.
6. Oderico G.L. Lettere ligustiche... con le memorie storishe di Caffa etc. Bassano. 1792.
7. Waxel L. Recuel de qelques antiquites trouvees sur les bords de la mer Noire ... dessinees d'apres les originaux en 1797 et 1798. Berlin. 1803. Ваксель Л. Изображение разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской Империи, снятые с памятников 1797 г. СПб. 1801. Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase, ches les Tcherkessus et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie, et en Crimee.Paris. 1843. T.V. P. 433. Remondini. Epigrafe della torre di papa Climente VI a Caffa. Giornale ligustico. T.II.
8. Юргевич В. Генуэзские надписи в Крыму. ЗООИД. 1963. Т.V. С.158-177.
9. Юргевич В. Новые надписи генуэзские. ЗООИД. 1868. Т.VII. С.274-282. Юргевич В. Донесение о поездке в Крым // ЗООИД. 1875. Т.IX. С.397-402.
10. Ретовский О. Генуэзские надписи,найденные в Феодосии в 1894 г. ЗООИД. 1896. Т.XIX. С.14-26.
11. Колли Л.П. Об одном генуэзском барельефе Феодосийского музея// ИТУАК. Вып. 35. 1903.С.1-9.
12. Латышев В. Два рельефа с надписями из Знаменского-Измайлово. Отчет Российского исторического музея за 1907 год. Москва, 1908. С.81, 85-90.
13. Skrzinska E. Inscriptions des latines des colonies genoises en Crimee // ASLSP.Genova, 1928. Vol. LVI. 140 p.
14. Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро// ИТУАК. Вып. 55. 1918. С. 23-25. Якобсон А.Л. Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XVI в.// Древности Московского кремля. М. 1971. С.242-244.
15. Лапин Н. Судак.М., 1928. 71 с.
16. Лапин Н. Указ. соч. с.48, № 4; с.55, № 9.
17. Лапин Н. Указ. соч. с.52, № 7; с.56, № 10.
18. Skrzinska E. Inscriptions des latines...№ 1.
19. Skrzinska E. Inscriptions des latines...№ 2.
20. Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII-II пол.XV вв.) // Причерноморье в средние века. М., СПб. 1998. С. 86-90. В работе представлена вся основная литература по топографии крепости Каффы.
21. Бочаров С.Г. Указ. соч. С.86. Рис.2.
22. Skrzinska E. Inscriptions des latines... № 11.
23. Юргевич В. Устав для генуэзских колоний. ЗООИД. Одесса, 1863. Т.V. С. 700. Skrzinska E. Inscriptions des latines... P. 56,57.
24. Бочаров С.Г. Указ.соч. С.91-93. Рис.7.
25. Skrzinska E. Inscriptions des latines... № 13.
26. Юргевич В. Устав для генуэзских колоний. ЗООИД. Одесса. 1863. Т.V. С.705.
27. Skrzinska E. Inscriptions des latines... P.60-61.
28. Skrzinska E. Inscriptions des latines... № 14.
29. Gioseffi Decio. Scultura altomedioevale in Friuvli. Milano, 1978. Tab. XXII.

30. Кашанин Милан. Камена откриħа. Београд. 1978. Илл. 70,71.
31. Skrzinska E. Inscriptions des latines... № 31.
32. Skrzinska E. Inscriptions des latines... P.93.
33. Skrzinska E. Inscriptions des latines ... № 13.
34. Микаэлян В.А. На крымской земле. Ереван. 1974. С.209.
35. Халпахчьян О.Х. Родники Армении // АН. Москва. 1957. № 8. С.93-114.
36. Айбабина Е.А. Оборонительные сооружения Каффы. С.76-78.
37. "План положения города Феодосии с означением строений". ЦГВИА ВУА. Дело 22728.
38. Крамаровский М.Г. Обрамление каффинского колодца 1331 года мастера Михаила из Падуи // АДСВ: Византия и средневековый Крым. Барнаул. 1992. С. 214-215. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. М. 1990. С. 89
39. Юргевич В. Устав для генуэзских колоний. С.118, глава 20.
40. Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Каффы... С.86-91.
41. Айбабин А.И. Работы на территории средневековой Каффы // АО 1972 г. М. 1973. С. 251.
42. Григорян Г.М. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа// ИФЖ. Ереван. 1970. Вып. 3 (50). С.297-301.
43. Обрамление колодца хранится в Феодосийском краеведческом музее, Л-91, А-5066. Армянская надпись, высеченная на обрамлении, прочитана Г.М.Григоряном.
44. Ретовский О. Генуэзские надписи, найденные в г.Феодосии в 1894 г. С.20-22. Skrzinska E. Inscriptions des latines ... P.79-80, № 24.
45. Skrzinska E. Inscriptions des latines ... P.140.
46. Ретовский О. Там же. № 15. С.26.
47. Skrzinska E. Inscriptions des latines... С. 138. № 10.
48. Skrzinska E. Inscriptions des latines ... № . 46. С.114. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л. 1964. Табл. XXX1.
49. Skrzinska E. Inscriptions des latines ... № 41. С.108-109. Н.Лапин. Указ.соч. С.47-49, рис. С. 48.
50. Skrzinska E. Inscriptions latines... P.32, 56.
51. Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. Чуфут-Кале... С.1, сноска 1. Крамаровский М.Г. Нейзацкий клад. Крым и Малая Азия в X1V веке // Византия и Ближний Восток. Спб. 1994.. С.135, сноска 44. Крамаровский М.Г. Солхат и Амасья в XIV в. К итогам археологического изучения архитектурного комплекса медресе и мечети Узбека в г.Крым (Старый Крым)// Проблемы истории архитектуры. Тезисы докладов. Всесоюзная научная конференция. Суздаль, 1991 г. М. 1990. С.125-127.
52. Лепер Р. Археологические исследования в Мангупе // ИАК. Вып. 47. 1913. Рис. 7,с.78; рис. 4,с.76; рис.2, с.148.
53. Крамаровский М.Г. Нейзацкий клад... Рис.1,1. С. 127, 137.

И.А.Баранов, В.В.Майко

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СТОЛОВОЙ ЛОЩЕНОЙ ПОСУДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X ВЕКА

Яркой отличительной особенностью керамических комплексов объектов юго-восточного Крыма второй половины X в., помимо тонкостенной кухонной посуды, уже бывшей предметом специального рассмотрения[1], является набор своеобразной столовой лощеной керамики. Это (в подавляющем большинстве) кувшины, изготовленные из хорошо отмученной и обожженной глины светло-коричневого, зеленовато-бежевого, но чаще всего бежевого цвета с мелкими примесями песка и извести. Поверхность сосудов в большинстве случаев покрыта сплошным лощением. Иногда лощение небрежное, в виде хаотических линий, образующих, подчас, ромбы. В редких случаях тулово покрыто четкими вертикальными пролощенными полосами.

Характерной особенностью этой категории керамики является и своеобразный прорезной орнамент, нанесенный по сырой глине, в виде различного сочетания треугольников и ромбов, выполненных двойной, реже одинарной, линией с одним-тремя сомкнутыми или разомкнутыми концентрическими кружками на углах. Только однажды обнаружен орнамент в виде своеобразной лесенки, образованной прорезными горизонтальными линиями с концентрическими кружками по краям каждой «ступеньки» (рис.1, 6). Линии описываемых орнаментов иногда заполнены белой пастой. Известны и случаи нанесения граффито на поверхность сосуда. Последние представлены типичными тюркскими тамгами (трезубец) (рис.1, 5), разнообразными знаками и различными буквами греческого алфавита.

Данная лощеная посуда традиционно связывается с салтово-маяцкой культурой полуострова и датируется в рамках второй половины VIII - первой половины X вв.[2] и вошла составной частью в типологию лощеной посуды салтово-маяцкой культуры в целом[3]. Тем не менее, налицо ее явное отличие - прежде всего, в технологии производства и орнаментации - от типичной лощеной салтовской керамики, являющейся отличительной особенностью аланского варианта данной культуры. Последняя (также в небольших количествах) известна на праболгарских памятниках полуострова[4]. Особенно яркий комплекс аланской лощеной посуды происходит из раскопок городища Тепсень и некоторых салтовских памятников Керченского полуострова. Однако до сегодняшнего дня неизвестны комплексы, где бы она сосуществовала с керамикой, анализируемой в данной работе. Берем на себя смелость утверждать, что для праболгарского варианта салтовской культуры Крыма она совершенно не характерна. Во всяком случае в Сугдее, в праболгарских салтово-маяцких объектах второй половины VIII - первой половины X вв., не обнаружено ни одного фрагмента подобной посуды. При этом необходимо учитывать, что неоднократно опубликованный кувшин этого типа из раскопок Херсонеса[5] обнаружен в комплексе помещения IV вместе с византийскими монетами середины - второй половины X в.[6] Аналогичный херсонесскому Саркельский сосуд также обнаружен в слоях городища второй половины X в.[7] Добавим, что в закрытых комплексах Сугдеи данная керамика обнаружена только с византийскими монетами середины - второй половины X в.[8] Дополнительные данные о датировке и территории распространения этой категории лощеной посуды дает верхняя часть аналогичного Саркельскому и Херсонесскому сосуда из древнерусского городища Воинь[9]. Датируется он соответственно в рамках X-XI вв. В этой связи отметим наличие в одних комплексах с данной керамикой большего по сравнению с последующими древностями Таврики XII - XIII вв. процента вещей древнерусского производства.

Территория распространения этой керамики все же довольно ограничена. Помимо Таврики, отдельные экземпляры подобных кувшинов известны на территории Болгарии и в Подунавье[10]. Вопросы типологии лощеной столовой посуды второй половины X в. в Крыму, практически не опубликованной, не разработаны - как вследствие закономерного разнообразия форм, так и из-за малочисленности и фрагментарности находок. Хорошую возможность произвести предварительное типологическое членение данных сосудов представляет коллекция, происходящая из закрытых жилых и культового комплексов Сугдеи и насчитывающая в настоящее время более сотни фраг-

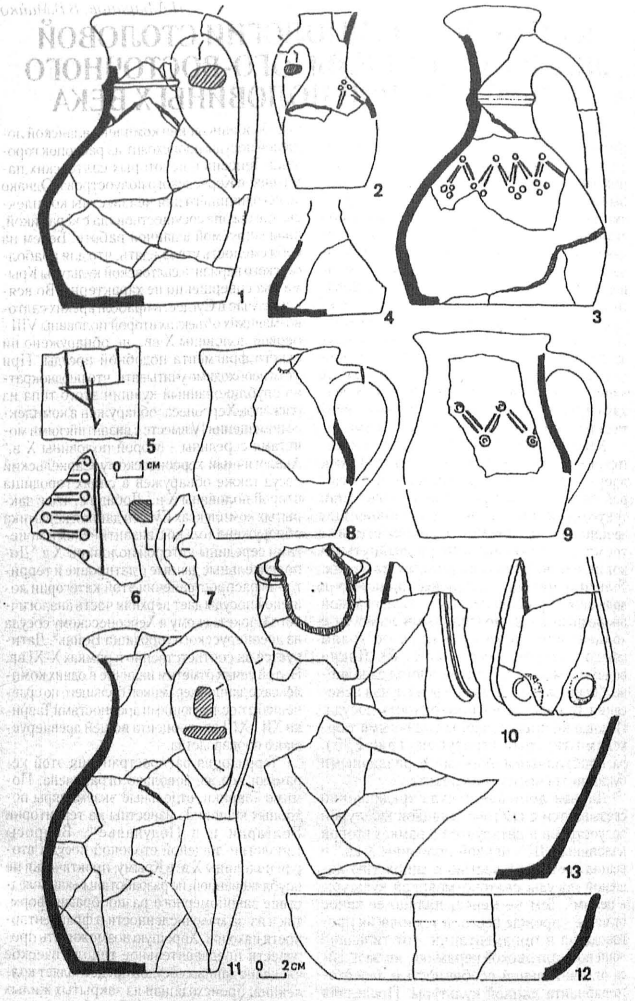


Рис. 1.
Основные типы лощеной посуды Сугдеи второй половины X в.

ментов - в том числе несколько целых форм и крупных фрагментов, позволяющих реконструировать профиль сосуда. В основу типологии положены, прежде всего, особенности морфологии керамики. Выделено шесть типов и несколько вариантов.

Тип 1 - наиболее многочисленный. Это кувшины с грушевидным туловом на широком дне, диаметр которого равен, либо чуть меньше диаметра плечиков, расположенных на середине высоты, либо в нижней части тулова (рис.1, 1,3). Горло узкое, высокое, расчлененное валиком, который, иногда, украшен насечками. Ручка в сечении овальная, отходящая от венчика или расположенная сразу под ним. Нижний прилеп в районе плечиков кувшина. Именно этому варианту 1а принадлежат неоднократно опубликованные экземпляры из Херсонеса и Саркела[11]. Помимо этого, выделено еще четыре варианта кувшинов этого типа. Вариант 1б представлен маленьким кувшинчиком с очень широким дном, плечики в придонной части сосуда (рис.1, 4). Вариант 1в - единственный кувшин, изготовленный из бордовой глины с примесями песка и пиритов. Тулово яйцевидное, плечики на середине высоты, горло узкое, высокое. Характерной его особенностью, помимо технологии изготовления, является подпрямоугольная в разрезе ручка, подчеркнутая гранями, несколько возвышающаяся над венчиком и уплощенная на месте нижнего прилепа. Последний расположен на плечиках кувшина (рис.1,11). Вариант 1г - единственный кувшин, обнаруженный Е.А. Паршиной при раскопках в Партените[12]. Тулово яйцевидное с перехватом, ручка округлая в сечении, на месте нижнего прилепа заканчивается выступом. Характерной особенностью кувшина является не только перехват на тулове, но и то, что он подчеркнут валиком. Вариант 1д представлен единственным кувшинчиком с яйцевидным туловом и практически невыраженным носиком слива (рис. 1, 2).

Тип 2 - кувшины с туловом, напоминающим цилиндр. Диаметр дна несколько меньше диаметра плечиков, расположенных чуть ниже середины высоты сосуда. Горло, в отличие от кувшинов типа 1, невысокое, цилиндрическое и широкое; его диаметр не намного уступает диаметру плечиков и дна. Ручка, овальная в сечении, расположена сразу под венчиком сосуда (рис.1, 8,9).

Тип 3 - кувшины с яйцевидным туловом крупных размеров. У них диаметр дна меньше диаметра плечиков, расположенных на середине высоты сосуда. Возможно, кувшины типа 3 имели небольшие овальные в сечении ручки, расположенные либо на середине его высоты, либо на плечиках. Некоторые из них служили для поддержки сосуда, другие - для его подвешивания. Эти морфологические особенности, а также наличие на некоторых типичных вертикальных овальных в сечении ручках отверстий для подвешивания, можно рассматривать как кочевнические (рис.1, 7,13). Близкие аналогии этим кувшинам известны среди материалов северо-кавказского адыгского могильника Абинский-4, датируемого в рамках X-XI вв.[13]

Тип 4 - тонкостенные кувшины, по морфологии близкие типу 1, но изготовленные из светлой глины и имеющие заглаженную поверхность, лишенную лощения. Присутствует лишь лощеный орнамент в виде вертикальной волны, расположенной на тулове, или ручке.

Тип 5 - кувшинчики, имеющие ярко выраженные зооморфные черты. К ним отнесен фрагмент верхней части сосуда с симметричными «шишечками» по бокам верхнего прилепа ручки и красноглиняный сосудик с вытянутым конусовидным туловом и двумя рельефными профилированными симметричными налепами в виде узких полос по бокам, заканчивающиеся в придонной части небольшими завитками. Характерной особенностью является наличие двух (а, возможно, и трех) симметричных выступов-отростков в придонной части тулова (рис.1, 10).

Тип 6 - единственная лощеная миска с конусовидным туловом на широком дне. Округлый венчик практически не выражен (рис.1, 12).

В качестве краткого итога еще раз подчеркнем, что, во-первых, предложенная типология носит предварительный характер и по мере поступления нового материала может быть уточнена и дополнена. Во-вторых, проанализированная в работе столовая лощеная посуда не характерна для салтово-маяцкой культуры в целом и праболгарского варианта этой культуры Таврики в частности. Данные сосуды, не имеющие генетической подосновы в предшествующих древностях полуострова, появляются в юго-восточном Крыму не ранее 40-х гг. X века. Их появление связано, на наш взгляд, с возникновением в юго-восточной части Таврики в середине X в. новой материальной городской культуры, пришедшей на смену салтово-маяцкой. Основываясь на связи этой лощеной керамики с алано-болгарс-

ким миром, не исключено, что истоки новой культуры следует искать среди аланских и тюркских культур Северного Кавказа. Вероятно, именно с территорий юго-восточного Крыма (в частности Сугдеи), проанализированная керамика в качестве импорта попадала в Херсонес и за пределы полуострова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Баранов І.А.,Майко В.В. Деякі питання типології і технології виготовлення кухонного посуду X-XI ст. з Судака // Українське гончарство.Кн.3.К.,1996.С.62-73.
2. Паршина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика.К.,1991.С.77-78; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К.,1990.С.100,рис.35, 5.
3. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья.М.,1981.С.160,рис.46, 19.
4. Баранов И.А. Таврика в эпоху...С.100-101.
5. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.Л.,1979.С.81,рис.49, 2.
6. Там же.С.80.
7. Там же.С.80.
8. Баранов И.А.,Майко В.В.,Джанов А.В. Раскопки в средневековой Сугдее // Археологические исследования в Крыму 1994 г.Симферополь,1997.С.38-45.
9. Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О. Давньоруське місто Воінь.К.,1966.Табл. XII, 3; Якобсон А.Л. Указ. соч.С. 80.
10. Comsa M. Ceramica locala // Dinogetia.1.Bucuresti, 1967.fig.104, 11,12,14-16.
11. Якобсон А.Л. Указ. соч.С.81,рис.49, 2,3.
12. Паршина Е.А. Указ. соч.С.82,рис.7.
13. Пьянков А.В. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. Понтийско-Кавказские исследования. Вып.1. Краснодар,1993.С.215,рис.2, 7; С.217,рис.4, 14.

В. М. Зубарь

ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПРОЦЕССА ХРИСТИАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Исследование комплекса вопросов, связанных с обстоятельствами и временем проникновения христианства на территорию современной Украины на рубеже античности и средневековья, ведется довольно давно. Причем, исходя из имеющейся источниковой базы, эта проблема рассматривалась в основном на материалах крупных городских центров - таких, как Херсонес (Херсон) и Пантикапей (Боспор). Вопросы проникновения и утверждения христианства в среде населения Юго-Западной Таврики в печати специально не ставились, хотя попутно и затрагивались в целом ряде общих работ и статьях[1]. Объясняется это тем, что нарративные источники, в которых бы освещался процесс христианизации населения этого района, немногочисленны, отрывочны и, как правило, относятся к более позднему времени, а археологический материал не был опубликован в полной мере. Однако в 90-х гг. положение изменилось, благодаря активной работе Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины по руководством А. И. Айбабина. Результатом этого стало издание серии сборников, в которых были опубликованы не только материалы новых археологических открытий, но и проведена систематизация и классификация материалов из многочисленных могильников Крыма, исследованных ранее[2]. Вследствие этого появилась возможность широко использовать археологический материал для исторических реконструкций, а также изучения различных аспектов истории и культуры населения Таврики в IV-VIII вв., в том числе и проблемы проникновения и распространения христианства. Поэтому в настоящей работе делается попытка на основе имеющихся сейчас материалов выявить основные тенденции, связанные с распространением христианства в Юго-Западном и Южном Крыму, что в дальнейшем позволит перейти к более детальному и углубленному изучению этого явления.

В связи с полным отсутствием письменных источников по вопросу о христианизации населения Таврики, памятники археологии приобретают решающее значение, так как объективно отражают те процессы, которые имели место в обществе на том или ином этапе его развития. Задача состоит лишь в том, чтобы правильно их интерпретировать и использовать для исторических реконструкций. В данном случае, вероятно, в первую очередь следует обратить особое внимание на динамику развития конструкции погребальных сооружений и погребального обряда, в которых, пусть и с некоторым запозданием, находили отражения изменения в области идеологии. Важно и то, когда из могильников Крыма начинает исчезать посуда для еды и питья, которая клалась по языческому обычаю в могилу вместе с умершим, когда появляются вещи с изображением христианских символов, а на могилах начинают ставить христианские надгробия. Точная хронологическая атрибуция этих явлений, которая стала возможна на основе публикации материалов из крымских могильников IV-IX вв., как представляется, позволит если не более или менее точно определить время начала проникновения христианской идеологии, то рассмотреть процесс христианизации населения и связать его с исторической ситуацией в Таврике.

С другой стороны, не менее важно обратиться к имеющимся источникам относительно начального этапа христианского храмового строительства. Ведь появление специальных мест отправления культа предполагает наличие не только клира, но и определенного количества адептов нового вероучения, а также свидетельствует о степени его распространения. Все это в комплексе даст возможность определить время начала процесса широкой христианизации и проследить его особенности в рассматриваемом районе[3].

Как свидетельствует археологический материал, население Крыма в I-III вв. было гетерогенным, но в его составе постепенно увеличивался сарматский компонент, с проникновением которого в Крым в первую очередь следует связывать подбойные могилы и некоторые типы грунтовых склепов[4]. Судя по имеющимся материалам, в это время население, оставившее могильники, было языческим, что отразилось в погребальном инвентаре, где (на-

ряду с предметами костюма) почти в каждом погребении присутствуют сосуды для еды и питья, а также напутственная пища. Следовательно, родственники умерших клали вместе с телом все то необходимое, что, с их точки зрения, могло понадобиться в потустороннем мире, жизнь в котором мыслилась по образу и подобию земной[5].

Во второй половине-конце III века в целом ряде могильников Юго-Западного и Южного Крыма появляются погребения, совершенные по обряду кремации. Такой способ захоронения был зафиксирован в могильниках округи Херсонеса, а также на Южном берегу Крыма, на мысе Ай-Тодор и на склоне г. Чатырдаг[6]. Обряд кремации в настоящее время достаточно уверенно связывается с пришедшими в Крым и осевшими здесь представителями германского союза племен, участвовавших в так называемых готских войнах[7]. Сейчас установлено, что обряд трупосожжения здесь просуществовал относительно недолго и исчезает, видимо, не позднее второй половины V в.[8], что некоторые исследователи связывают с начавшимся процессом христианизации варварского населения Таврики при активном участии византийской администрации[9]. Однако с таким однозначным заключением согласиться трудно.

Дело в том, что во всех без исключения могильниках Юго-Западного Крыма в V в. отсутствуют какие-либо следы христианства, на что обратил внимание А. И. Айбабин[10]. Даже применительно к Херсону вплоть до конца V-VI вв. нельзя говорить о сколько-нибудь широком распространении новой религии[11]. Да и в Византии до полной победы христианства было еще очень далеко[12]. Поэтому нельзя признать методически оправданным объяснение исчезновения обряда кремации из могильников исключительно начавшимся процессом христианизации населения.

Видимо, в данном случае необходимо учитывать, что пришлые этнические элементы, которые принесли нехарактерный для Юго-Западного Крыма более раннего времени обряд захоронений, влились в иную этническую среду. Об этом, в частности, свидетельствуют погребения, совершенные по обряду трупоположения, в могильниках у совхоза «Севастопольский», Чернореченском, Бельбек I и Скалистое III, где зафиксирована кремация середины III-IV вв. Причем, в количественном отношении здесь явно преобладало не германское, а местное и сармато-аланское население[13]. Поэтому сейчас, вероятно, следует говорить не столько о переселении какой-то части готов-германцев вместе с гуннами на восточный берег Азовского моря, а об их ассимиляции с более многочисленным сармато-аланским населением, что в конечном итоге привело к определенным изменениям в обряде захоронения и появлению здесь так называемых алано-готов[14].

Характерной чертой погребального обряда всех без исключения могильников III-IV вв., которые прекращают свое существование к середине V в., является разнообразный погребальный инвентарь. В могилах много посуды, которая представлена различными типами блюд, мисками, чашками, кубками, кувшинами, лепными сосудами, а также стеклянными сосудами[15]. В отличие от этого, в могильниках V-VII вв. ее количество заметно уменьшается, хотя разнообразные стеклянные и гончарные сосуды присутствуют в погребальных комплексах вплоть до второй половины VII в[16]. Это неопровержимо свидетельствует о сохранении (по крайней мере, частью населения) традиций и верований более раннего времени. В этом отношении показателен могильник IV-IX вв., раскопанный у с. Скалистое. Здесь стеклянная и керамическая посуда присутствует в погребальных комплексах вплоть до IX в. При этом в погребальных комплексах неоднократно встречались стеклянные бокалы вместе с ойнохоями VII-IX вв., которые составляли единый сервиз для употребления вина[17]. В связи с этим А. К. Амброз отмечал, что изменения в составе погребального инвентаря (и в частности уменьшение его количества) связаны с процессом постепенной христианизации населения, но, как показывают многочисленные примеры, вещи из могил исчезают далеко не сразу даже после принятия новой религии[18]. Это можно рассматривать не только в качестве определенной живучести более ранней традиции, но и как черту погребального обряда, присущую населению именно этого времени. Но в своей массе погребения все же становятся беднее, что связано не столько с социальной дифференциацией, сколько с изменениями в области идеологии и распространением христианства[19].

Вместе с этим, следует обратить внимание на то, что, по наблюдению А. И. Айбабина, только с первой половины VI в. в костюме начинают использоваться пряжки с христианской символикой, а с VII в. - перстни с греческими псевдомонограммами, местными подражаниями византийским христианским образцам, нательные кресты и

амулеты[20]. Причем пряжки, обнаруженные в могильниках Юго-Западной Таврики, характерны не только для Крыма, но и для многих районов Византии и ее пограничных территорий, заселенных федератами[21]. Это свидетельствует не только о распространении на огромных территориях определенной моды, но и о близости идеологических представлений, которые в то время получили значительное распространение на территории Византии. Со второй половины VII в. над погребениями начинают устанавливаться надгробия с крестами (могильники Суук-Су, Скалистое, Сахарная Головка, Чуфут-Кале)[22], что является ярким свидетельством проникновения христианства в среду населения. Однако, несмотря на отмеченные изменения, конструкция погребальных сооружений и погребальный обряд пока изменились мало[23], но из погребений постепенно исчезает заупокойная пища, орудия труда, оружие, а бытовая посуда становится редкой[24]. С распространением христианства, видимо, можно связывать увеличение количества умерших, похороненных головой к западу с отклонениями с северу и югу[25]. Не отрицая этого в принципе, следует отметить, что, с одной стороны, вряд ли при погребении в земляных склепах, которые строились с учетом рельефа местности, можно было четко соблюсти предписанную христианским обрядом ориентировку тела, а, с другой - у христиан известна и восточная ориентировка[26].

Как свидетельствуют материалы изучения могильников Юго-Западного Крыма, кардинальные изменения в погребальном обряде происходят в VIII-IX вв. В это время исчезают подбойные могилы и, хотя умерших, например, в Лучистинском могильнике до XII в., продолжают хоронить в грунтовых склепах, состав вещей, положенных вместе с покойником, меняется. Все чаще начинают встречаться нательные кресты различных типов, амулеты, византийские пряжки с крестовидными щитками, перстни с христианскими монограммами и христианские надгробия[27]. Во второй половине VII в. появляются, а в VIII-IX вв. на территории Юго-Западного и Южного Крыма начинают широко использоваться плитовые могилы, которые, безусловно, связаны уже с христианским населением региона[28]. В том, что это действительно так, убеждает почти повсеместное наличие плитовых и простых грунтовых могил с рубежа IX-X вв. в заведомо христианских могильниках, расположенных рядом с храмами[29].

Второй, наряду с могильниками, важной категорией археологических источников по рассматриваемому вопросу являются остатки христианских храмов. В настоящее время наиболее ранними являются базилики, открытые в Пантикапее (Боспоре)[30], Тиритаке[31], на Мангупе, Эски-Кермен[32], в Партените[33], на холме Тепсень, недалеко от Планерского[34], а также у подножия горы Пампук-Кая, в долине р. Бельбек[35]. Если отнесение базилики в Тиритаке к VI в., а в Партените, на Тепсене и у горы Пампук-Кая - ко времени не ранее VIII в., сейчас ни у кого не вызывает сомнений, то вопрос о дате строительства базилик на Мангупе и Эски-Кермен еще окончательно не решен. В свое время А.Л. Якобсон и следовавшие за ним исследователи считали, что эти христианские храмы были возведены не позднее VI в. с помощью византийской администрации[36]. Однако после археологических доследований этих сооружений, проведенных в последние десятилетия, было сделано заключение о том, что эти базилики были возведены не ранее VIII-IX вв.[37]. Строительство в Таврике храмовых построек типа базилик в столь позднее время хорошо согласуется с распространением аналогичных храмов в некоторых районах Малой Азии, на Кавказе и на Балканах в течении VI-XI вв.[38], что (наряду с археологическим материалом, полученным в процессе раскопок) позволяет относить и указанные крымские базилики к более позднему периоду, чем считал А. Л. Якобсон.

С этим достаточно хорошо аргументированным выводом нельзя не согласиться. Однако он не снимает вопроса относительно того, от каких построек тогда дошли мраморные капители коринфско-византийского ордера и фрагменты декора христианских храмов, обнаруженные на Мангупе, у подножия городища Чуфут-Кале, на Эски-Кермене, в Партените, у горы Пампук-Кая, а возможно и на Тепсени, которые вполне надежно датируются VI в.[39]. Вряд ли во все указанные пункты эти архитектурные детали в более позднее время были привезены из Херсонеса. В пользу этого, в частности, свидетельствует блок из местного известняка из одной могилы, открытой при раскопках Мангупской базилики, с надписью, в которой упоминался Юстиниан I[40]. Не исключено, что обнаруженный фрагмент мог быть частью ктиторской надписи, которая располагалась над входом в христианский храм, построенный именно в VI в.[41] Примечательна и надпись отца Григория (VI в.), обнаруженная на Мангупе, в которой говорится о строительстве баптистерия[42].

Следовательно, несмотря на то, что сохранившиеся на Мангупе и Эски-Кермен строительные остатки базилик, по мнению современных исследователей, относятся ко времени не ранее VIII в., можно предполагать, что уже в VI в. на указанных городищах были возведены недошедшие до нас христианские храмы. Вполне возможно, что в связи с бурными событиями крымской истории VII-VIII вв. они были разрушены, а уже на их месте - как это было, например с церковью Иоанна Предтечи в Керчи[43] - были возведены трехнефные базилики, характерные для византийской архитектуры более позднего времени, при строительстве которых могли использоваться и архитектурные детали более ранних культовых построек[44]. Если это так, то можно предполагать, что после периода активного храмового строительства на территории Таврики в VI в., которое было связано с активизацией политики византийской администрации, вплоть до VIII в. здесь новые христианские храмы не возводились, а дошедшие до настоящего времени остатки базилик (кроме Пантикапейской и Тиритакской) относятся уже к новому этапу церковного строительства. В связи со сказанным интересно, что возведение христианских храмов именно в это время хронологически совпадает с отмеченными выше изменениями в погребальном обряде большинства крымских могильников и распространением в них плитовых могил, которые открыты рядом с базиликами на Мангупе, Эски-Кермен, Партените, Пампук-Кая и Тепсене.

Хронологически появление и широкое распространение в могильниках Юго-Западного и Южного Крыма плитовых могил совпадает с начавшейся во второй половине VII века экспансией хазар в Приазовье и Северное Причерноморье. Под их давлением в конце VII века в степные районы Крыма переселяется часть приазовских болгар, а несколько позже, на рубеже VII-VIII вв., хазарское влияние распространяется и на часть Юго-Западного Крыма, о чем свидетельствуют источники, связанные с пребыванием императора Юстиниана II в Херсоне и Готии[45]. Вероятно, приток в Таврику пришлых кочевых элементов и принятие в середине VIII века верхушкой хазар иудаизма в качестве основной религии способствовали консолидации оседлого земледельческого населения региона, в чем немаловажную роль должна была сыграть христианская церковь[46]. В том, что это было действительно так, убеждает повсеместное распространение с X века у оседлого населения Юго-Западного и Южного Крыма христианского обряда погребения[47].

Однако, делая такой вывод, следует подчеркнуть, что строительство христианских храмов и новый обряд погребения, отличавшийся по ряду существенных признаков от более раннего, не могли сразу изменить мировоззрение всей массы населения. Раскопки погребений в Мангупской базилике свидетельствуют, что некоторые черты даже заведомо христианских погребений отражают языческие представления о загробном мире[48]. Это явление не было сугубо крымским, а было присуще подавляющему большинству народов средневековья[49].

Неудивительно поэтому, что монах Константинопольского монастыря Епифаний, автор жития св. Андрея, повторивший в конце VIII - начале IX вв. легендарный путь апостола в Крыму, называл жителей (видимо, Юго-Западной) Таврики «народом (племенем) херсаков», которые «туги на веру» и «поддаются влечению всякого ветра»[50]. А несколько позже, в середине IX в. - как свидетельствует житие Константина (Кирилла) Философа - выдающийся славянский просветитель боролся с проявлениями языческих верований в среде прихожан Фуллъской епархии[51]. Оправдываясь, жители этого города говорили, что обычай поклоняться и приносить жертвы «защитнику мужей» - огромному старому дубу, сросшемуся с черешней, они переняли от предков. Но в то же время они считали себя христианами. Но Константин убедил их срубить дерево, используя для этого Евангелие Нового Завета, на котором они были крещены[52]. Все это, как нельзя лучше, согласуется с археологическими источниками, которые свидетельствуют о медленном и постепенном усвоении христианского вероучения населением Юго-Западной Таврики. Безусловно, новый значительный толчок этому дало образование в конце VIII - в начале IX вв. специальной Готской епархии[53].

В свое время А. Л. Якобсон полагал, что в VIII-X вв. идет процесс формирования единой средневековой народности Крыма, которая включила в себя разнородные этнические элементы[54], что подтверждается и данными антропологии[55]. Этот процесс завершился определенной византинизацией или «ромеизацией» местного населения вследствие укрепления связей с Византией, которая восстановила свою власть на территории Юго-Западного и Южного Крыма в X

веке[56], с чем, вероятно, связано появление не ранее X-XI вв. здесь первых пещерных церквей и монастырей[57].

Таким образом, можно констатировать, что окончательная победа христианства в Юго-Западном и Южном Крыму, с одной стороны, была связана с консолидацией оседлого населения перед лицом внешней опасности на основе ставших уже здесь традиционными христианских ценностей, а с другой - произошла благодаря активизации политики Византии (как это, впрочем, было уже в VI в., когда в погребениях начали появляться первые предметы с христианской символикой и, видимо, начали строиться первые христианские храмы в горной части Крыма). Иными словами, сейчас можно говорить о мощном культурном и духовном воздействии Византии на население Юго-Западного и Южного Крыма, усиливавшееся в периоды проведения активной внешней политики или ослабевавшее, когда центральная власть не уделяла этим районам должного внимания, а была занята решением иных проблем, стоявших перед Византийской империей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бертье-Делагард А. Л. История христианства в Таврике, христианские епархии, их приделы // ИТУАК. 1920. № 57. С. 35-134; Васильев А. А. Готы в Крыму. I // ИРАИМК. 1921. Т. I. С. 266-287; Якобсон А. Л. Из истории раннесредневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. 1940. Т. VI. С. 205-225; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 28-29; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Л., 1964. С. 12; Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988. С. 36-59; Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. I. С. 69; Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв.// МАИЭТ. 1995. IV. С. 38; Бармина Н. И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. С. 80; Мульд С. А. Могильники варварского населения Крыма I-V вв. //МАИЭТ. 1996. Т. V. С. 287.
2. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С. 5-86; Веймари Е. В. Айбабин А. И. Скалистинский могильник. К., 1993; Айбабин А. И. Могильники VIII - начала X вв. //МАИЭТ. 1993. III. С. 121-132; Айбабин А. И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV-VI вв. // МАИЭТ. 1993. III. С. 206-211; Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. 1993. III. С. 211-222; Засецкая И. П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. // МАИЭТ. 1993. III. С. 23-105; Айбабин А. И. О хронологии раннесредневекового некрополя Боспора (К публикации И. П. Засецкой) // МАИЭТ. 1993. III. С. 22-23; Амброз А. К. Указ. соч. С. 38; Айбабин А. И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. 1995. IV. С. 89-142; Айбабин А. И. Население Крыма в середине III-IV вв. // МАИЭТ. 1996. V. С. 290-302; Мульд С. А. Указ. соч. С. 279-289 и др.
3. С учетом специфики источников такой анализ был проведен по материалам, например, Херсонеса, Боспора и Истрии. См.: Зубарь В. М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. К., 1991. С. 8-29; Pillinger R . Die Anfange des Christentums auf der taurischen Chersones (Krim) demonstriert am Beispiel von Pantikapaion (Bospor / Kerc) // Fremde Zeiten. 1996. II. S. 309-317; Popescu E. Christianitas Daco-Romana. Bucuresti, 1994. p. 306-396.
4. Айбабин А. И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV - первой половины VII вв. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. - VII в. н. э. К, 1988. С. 164-199; Высотская Т. Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. - VII в. н. э. К, 1988. С. 40-67; Пуздровський О.Є. Сармати в Неаполі Скіфському // Археологія. 1989. № 3. С. 30-40; Зубар В. М., Савеля О.Я. Сарматский могильник другої половини I - початку II ст. н.е. в Південно-Західному Криму // Археологія. 1989. № 2. С. 74-83; Пуздровский А. Е. О сарматах в Крыму // МАИЭТ. 1995. IV. С. 397-405.
5. Богданова Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на Юге Восточной Европы. Труды ГИМ. 1982. № 54. С. 31-39; Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. К., 1994. С. 138-146; Амброз А. К. Указ. соч. С. 42; Мульд С. А. Указ. соч. С. 279-289.
6. Орлов К. К. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. VII в. н. э. К, 1988. С. 106-133; Мыц В. Л. Могильник III-IV вв. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. - VII в. н. э. К, 1988. С. 144-

164; Пиоро И.С. Крымская Готия. Очерки истории Крыма в позднеантичный период. Киев, 1990. С. 89-10; Зубар В. М., Козак Д. Н. Рец.: Пиоро И. С. Крымская Готия. Очерки истории Крыма в позднеантичный период. Киев, 1990 // Археологія. 1992. № 1. С.129.

7 См.: Пиоро И. С. Указ. соч. С. 89-109; Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С. 65; Айбабин А. И. Население Крыма в середине III-IV вв. С. 295; Ср.: Амброз А. К. Указ. соч. С. 39-40.

8. Пиоро И. С. Указ. соч. С. 109; Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С. 69; Амброз А. К. Указ. соч. С. 38.
9. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С. 69; Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. С. 38; Мульд С. А. Могильники варварского населения... С. 287.
10. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С. 69.
11. Мещеряков В. Ф. Проникнення християнства в Херсонес Таврійський // Вісник ХДУ. 1975. № 118. Історія. Вип. 9. С. 100-108; Мещеряков В. Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978. С. 121-144; Диатроптов П. Д. Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV-VI вв.// Античная гражданская община. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1986. С.127-151; Диатроптов П. Д. Распространение христианства в Северном Причерноморье. Автореф.... канд. ист. наук. М., 1988. 16 с.; Зубарь В. М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические чтения в музеях. Л., 1988. С. 3-14; Зубарь В. М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом. С. 8-29.
12. Курбатов Г. Л. История Византии. М., 1984. С. 47.
13. Мульд С. А. Указ. соч. С.287.
14. Пиоро И. С. Указ. соч. С. 109; Амброз А. К. Указ. соч. С. 67-69.
15. Мульд С. А. Указ. соч. С. 285.
16. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и ранне-средневекового времени. С. 13-18.
17. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Указ. соч. С. 194.
18. Амброз А. К. Указ. соч. С. 44.
19. Там же. С. 58.
20. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени. С. 29, 30, 31, 33, 34, 36 -50, 69; Амброз А. К. Указ. соч. С. 60.
21. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и ранне-средневекового времени. С. 35; См.: Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Указ. соч. С. 198; Амброз А. К. Указ. соч. С. 50.
22. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и ранне-средневекового времени. С 69; Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Указ. соч. С. 195; Амброз А. К. Указ. соч. С. 60.
23. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Указ. соч. С. 198.
24. Амброз А. К. Указ. соч. С. 60.
25. Там же. С. 42.
26. Там же. С. 67.
27. Айбабин А. М. Могильники VII - начала X вв. в Крыму. С. 130.
28. Айбабин А. И. Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Указ. соч. С. 215; Айбабин А. П. Могильники VII - начала X вв. в Крыму. С. 128-130.
29. Айбабин А. П. Могильники VII - начала X вв. в Крыму. С. 128, 130.
30. Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи //МАИЭТ. 1998. Т. VI. С. 355,388-389.
31. Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. Т. VI. С. 190-204.
32. Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. С. 203-219; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 195; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. С. 17.
33. Репников Н. И. Партенитская базилика // ИАК. 1909. Вып. 32. С. 91-140; Паршина Е. А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. К., 1991. С. 64-68.
34. Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 101-110.
35. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. С. 50; Якобсон А. Л. Новый памятник раннесредневековой архитектуры в Крыму // КСИА. 1964. Вып. 1964. С. 65-72; Якобсон А. Л. Раннесредневе-

ковые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168. С. 121-132.

36. Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. С. 203-219; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес С. 195; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. С. 17.
37. Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика. С. 49-53; Бармина Н. И. Мангупская базилика ... С. 77, 80.
38. Бармина Н. И. Мангупская базилика ... С. 79; Бармина Н. И. Крымская базилика как культурно-исторический феномен // Византия: кумуляция и трансляция культур. Тезисы докладов. Екатеринбург, 1997. С 7. Ср.: Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... С. 132.
39. Репников Н. И. Указ. соч. С. 137, рис. 46-48, 50; Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. С. 214-215, рис. 8; С. 218-219; Тиханова М. А. Базилика // МИА. 1953. № 34. С. 385, рис. 42, б; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес С. 195; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... С. 121.
40. Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 18-19; Васильев А. А. Готы в Крыму. II // ИГАИМК. 1927. Т. V. С. 181.
41. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 197.
42. Тиханова М. А. Указ. соч. № 34. С. 386; Яйленко В. П. О «Корпусе Византийский надписей в СССР» // ВВ. 1987. Т. 48. С. 163.
43. Макарова Т. И. Указ. соч. С. 388.
44. Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика. С. 49-50. Ср.: Бертье-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12. С. 51.
45. Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Указ. соч. С. 215-216.
46. В связи со сказанным интересно, что даже в ряде тюркских погребальных комплексов прослеживаются явные следы христианского влияния. См. :Майко В. В., Кузьминов А. В. Проблемы христианизации тюркоязычного населения Таврики в эпоху раннего средневековья // Проблемы греческой культуры. Тезисы докладов. Симферополь, 1997. С. 100-101.
47. Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы этнической истории Крыма. С. 216.
48. Бармина Н. И. Мангупская базилика ... С. 83.
49. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1974. С. 9.
50. Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1. С. 268, а также с. 276. 72-76; Соломоник Э. И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1985. Т. 48. С. 215.
51. О дискуссии относительно локализации Фулл см.: Белый А. В. Вопрос о локализации Фулл в связи с неясным свидетельством Менандра // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 88-94.
52. Житие Константина Философа // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 85-86, 122-123; Ср.: Васильев А. А. Готы в Крыму. II. // ИГАИМК. 1927. Т. V. С. 229; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 40.
53. Герцен А. Г., Могарычев Ю. М. О возникновении готской епархии в Таврике // МАИЭТ. 1991. II. С. 120.
54. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... С. 194; Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // Античная древность и средние века. 1973. Вып. 10. С. 138.
55. Беневоленская Ю. Д. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма // МИА. 1970. № 168. С. 196-207; Зиневич Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. К., 1973. С. 248.
56. Айбабин А. И. Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Указ. соч. С. 216; Айбабин А. М. Могильники VII - начала X вв. в Крыму. С. 130.
57. Могарычев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. С. 97-98.

Зубарь М. В.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО ИЗ СЮЖЕТОВ РОСПИСИ СКЛЕПА 1912 Г. ИЗ ХЕРСОНЕСА

Херсонес Таврический, или средневековый Херсон - Корсунь древнерусских летописей, занимает особое место в процессе распространения христианства в Руси-Украине. Поэтому в преддверии празднования 2000-летия со дня рождения Христа, христианские памятники Херсонеса привлекают все больше внимания, ведь именно здесь, согласно древнерусской летописи, крестился князь Владимир, причисленный православной церковью к лику святых[1].

Среди раннехристианских древностей Херсонеса, пожалуй, одними из наиболее ярких являются склепы с росписью. Но после публикации фундаментального труда М.И. Ростовцева, часть которого была посвящена херсонесским расписным склепам[2], эти памятники специально не привлекали внимания исследователей, а новые памятники такого рода не раскапывались. А между тем, исследование сюжетов христианской росписи из Херсонеса позволяет более глубоко и всесторонне рассмотреть сложный и неоднозначно оцениваемый процесс проникновения новой религии в Херсонес. Поэтому данная заметка посвящена анализу одного из сюжетов росписи склепа, открытого на земле Н.П. Тура в 1912 г.

Склеп был открыт к юго-западу от Западных ворот древнего Херсонеса, на довольно большом расстоянии от города[3]. Он представлял собой обычное для херсонесского некрополя первых веков трапециевидное в плане погребальное сооружение с нишами-лежанками в левой от входа и задней стенах[4]. При сооружении склепа по периметру его стен в скале была оставлена низкая скамейка для сиденья. Видимо, несколько позже обычная для херсонесских склепов прямоугольная ниша-лежанка в задней стене была переделана и ей был придан вид саркофага, дно которого находилось на одном уровне с полом погребальной камеры. В средней части стенки, отгораживавшей этот саркофаг от камеры, был проделан проход внутрь этого своеобразного помещения. В середине задней стены этой лежанки-саркофага в скале был сделан трапециевидный в плане выступ и скала подрублена, образуя некое подобие апсиды. М.И. Ростовцев, вслед за М.И. Скубетовым, совершенно справедливо полагал, что эта перестройка привела к превращению погребального склепа в маленькую подземную церковь с престолом, грубой апсидой, алтарной преградой и царскими вратами[5].

Скорее всего в первоначальном виде склеп не был оштукатурен и расписан. Окончательное декоративное оформление он получил уже после перестройки, хотя не исключено, что часть росписи могла остаться от более раннего времени, когда это погребальное сооружение использовалось исключительно для захоронений. Впоследствии погребальная камера была тщательно отремонтирована, покрыта грубой розовой цемянкой, оштукатурена, выглажена и побелена. По свежей побелке была сделана роспись, от которой, к сожалению, сохранилось очень немного.

Красные полосы отделяли панель от средней части стены. Такими же полосами были обрамлены и ниши-лежанки. Нет красной полосы только в углу, между правой и входной стенами. В правом заплечике задней стены эта полоса двойная. Задняя стена была расписана наиболее богато. На стене между нишей-лежанкой и правой стеной сохранилась роспись в виде вертикальной и горизонтальной расположенной полос деформированного меандра, разделенного на продолговатые прямоугольники и квадраты, которые между собой ничем не были связаны. Вокруг каждого такого деления бордюр из точек. Фон полос желтый, а линии и точки - коричневые[6].

Не исключено, что эти полосы орнамента охватывали красные квадры, разделенные полосами по диагонали. В таком случае, простенок справа от ниши и низ ниши (алтарная преграда ?) были орнаментированы решетчатым орнаментом, характерным для античных балюстрад и раннесредневековых алтарных преград.

На задней стене склепа роспись начинается над своеобразным престолом предполагаемой церкви и занимает всю площадь задней стены вплоть до потолка. Здесь изображены два павлина (или павлин и пава), которые держат в клювах лавровую гирлянду с тиниями на концах. Концы этих тиний висят вдоль гирлянды и развеваются внутри полукруга, образуемого гирляндой. Несколько выше клювов павлинов изображен цветок розы, состоявший

из четырех сердцевидных лепестков и зеленых усиков между ними. Такие же цветки имелись над павлинами, недалеко от углов стены. Еще одна такая роза, но меньших размеров, находилась в средней части гирлянды, которую держат павлины[7]. По всей видимости роспись была и на правой боковой стене ниши-лежанки в задней стене, где прослежены следы изображений голубей.

Ниша-лежанка в левой боковой стене не расписана. Здесь располагались лишь красные полосы, подчеркивавшие архитектурные линии лежанки. Над этой лежанкой, вероятно, были нарисованы изображения пальмовых ветвей, листья которых были бледно-желтыми, коричневыми, красными и черными. В нижней части от этих пальмовых ветвей вправо отделяются два зеленых стебля с листьями, на конце которых имелся не то красный цветок, не то гранатовое яблоко[8]. Не исключено, что первоначально здесь был изображен большой пальмовый венок, хотя на этом выводе М.И. Ростовцев и не настаивал.

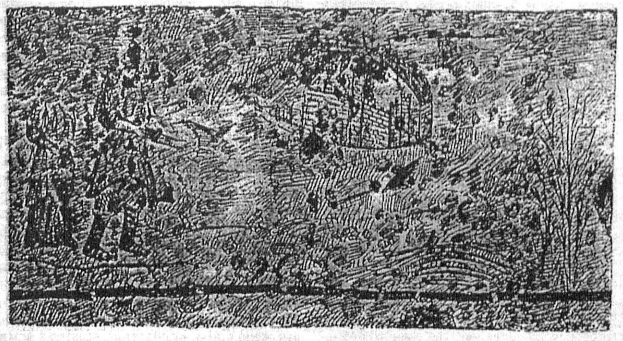


Рис.1.
Роспись правой боковой стены склепа 1912 г. (по М.И. Ростовцеву и М.И. Скубетову)

Правая от входа стена погребальной камеры и примыкавший к ней простенок были сплошь покрыты росписью единой композиции. Роспись начинается у правого угла задней стены. Здесь изображено высокое, (видимо, цветущее дерево), может быть - покрытое ягодами или плодами растение. Справа от него - две стоящие фигуры, от которых сохранились лишь только туловища и ноги. Земля под ногами этих фигур дана коричневой волнистой линией[9]. Женская фигура слева была одета в двойную тунику. Нижняя, кирпично-красного цвета, доходит до ступней ног. Верхняя, с рукавами, подпоясанная в талии, спускается несколько ниже колен. Правая рука женской фигуры согнута в локте и лежит на животе. Рядом стоит мужчина, обращенный вправо. На ногах желтые сандалии, зашнурованные почти до колен шнурками красного цвета. Выше видны короткие красные штаны. Одет он в длинную с рукавами подпоясанную желтую тунику с красными складками и характерными пурпурными вставками. Обе его руки, по всей видимости, вытянуты вперед, причем, правая согнута под прямым углом. Держал ли что-то в руках мужчина, определить, ввиду плохой сохранности росписи, невозможно.

Справа от этой группы располагалось изображение города, окруженного оборонительными стенами квадровой кладки с башнями, на которых видны зубцы. На переднем плане - большие крепостные ворота. Левая часть рисунка не сохранилась. Справа от крепости, около угла правой стены склепа и стены со входом нарисованы заросли тростника. Все пространство под крепостью, вплоть до фигур с одной стороны и тростника с другой, было занято росписью, от которой сохранились лишь жалкие остатки. Под изображением крепости, над красной полосой, отделявшей панель, идет ряд красных полос по желтому

фону, расположенных почти параллельно земле. Несколько ниже этой красной полосы расположен кусок кирпично-красного предмета с черными полосами (Рис. 1). В этих остатках рисунка Н.М. Печенкин видел крылья и туловище выползающего из тростника дракона, а М.И. Скубетов - вверху пальметки, а внизу - остатки павлиньего хвоста.

Следы росписи сохранились и на стене. со входом в склеп. Справа от входа, примыкая к изображению тростника в правой части правой боковой стены, сохранились ноги фигуры в сандалиях, идущей вправо[10]. Рядом с этой фигурой и на стене справа от входа имелись следы изображений каких-то растений.

От росписи свода почти ничего не сохранилось. Только под правым задним углом, где сохранились следы штукатурки, было видно серое пятно, которое М.И. Скубетов интерпретировал как следы изображения гирлянды из лавровых листьев. Если это было действительно так, то, как предполагал М.И. Ростовцев, свод склепа был расписан перекрещивающимися гирляндами из лавровых ветвей с венком в центре, в который была вписана монограмма Христа[11].

М.И. Ростовцев в свое время подчеркивал, что стиль христианской росписи херсонесских склепов - восточного происхождения и близок восточно-греческой системе живописи, которая была наиболее характерна для античного Боспора[12]. В ней преобладают орнаментальные и символические мотивы, а человеческие фигуры занимают подчиненное положение[13]. Это имеет принципиальное значение не только для интерпретации росписи, но и для ее датировки. Поэтому необходимо особое внимание обратить на живописную композицию склепа 1912 г. (на правой от входа стене), где имелись изображения женской и мужской фигуры.

Эту роспись Н. М. Печенкин трактовал как изображение известного понтийского мученика Феодора Стратилата, который пользовался большой популярностью в восточных провинциях Римской империи в IV-V в[14]. Но, как считал М.И. Ростовцев, такая интерпретация далеко не бесспорна, так как в данном случае фигура изображена в гражданской одежде, а не в военном доспехе, как обычно изображался Феодор Стратилат. Более того, наличие меча в руке изображенной фигуры и дракона, которого обычно поражал Феодор Стратилат, в данном случае весьма проблематично. Исходя из этого, М.И. Ростовцев в предположительном плане считал, что в росписи скорее всего следует видеть какого-то святого или мученика, а может быть, и обычного христианина в типичной для раннего христианства обстановке райского сада. Причем изображение города может быть трактовано и как реалистичное изображение Херсонеса, на чем настаивал А.Л. Бертье-Делагард[15], и как чисто символическое изображение, как полагал М.И. Ростовцев[16]. Последний также указал, что эту композицию росписи можно толковать как эпизод из библейской или евангельской истории и жизни какого-то святого. Но здесь же он предостерег от отождествления этого сюжета с деятельностью одного из херсонесских мучеников, так как имеющиеся тексты «Житий св. епископов херсонских» этого делать не позволяют[17].

Как представляется, наблюдения М.И. Ростовцева заслуживают самого пристального внимания. Поэтому, не претендуя на окончательное решение вопроса об интерпретации сюжета росписи стены склепа 1912 г., все же обратимся к анализу библейских сюжетов, в которых упоминаются мужчина и женщина, а также город, и которые, таким образом, могут помочь в интерпретации росписи.

В Ветхом завете сказано, что Аврам и его жена Сара, вследствие голода в земле Ханаанской, отправились в Египет. «... И был голод в той земле. И сошел Аврам в Египет пожить там, потому что усилился голод в земле той. Когда же приближался к Египту...»[18]. Но отождествлять этот рассказ с рассматриваемой росписью вряд ли можно, так как, во-первых, Египет упоминается в Библии как страна, в то время как на херсонесском живописном панно представлен именно город. Во-вторых, в дальнейшем тексте имеются сведения о том, что вместе с Аврамом и Сарой путешествовал Лот[19], что также не позволяет отождествлять библейскую притчу с херсонесской росписью.

Другим возможным вариантом интерпретации сюжета может быть место в Новом завете, где говорится о возвращении Иосифа и Марии с Иисусом из Египта после смерти царя Ирода. «Он встал, взял Младенца и Матерь Его и пришел в землю Израилеву»[20]. Но здесь также говорится не о каком-то конкретном городе, а о стране Израилевой, да и в росписи четко видно, что женщина изображена без ребенка на руках.

Наиболее подходит к объяснению рос-

писи место из Евангелия от Луки, где говорится следующее: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле... И пошли все записываться каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета в Иудею в город Давидов, называемый Вифлеем... записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременная»[21]. Этот рассказ хорошо согласуется с тем, что на фреске херсонесского склепа изображена женщина с прижатой к животу правой рукой, видимо, поддерживающей плод. В таком случае, город, в котором А.Л. Бертье-Делагард считал возможным видеть Херсонес, следует интерпретировать в качестве Вифлеема, а мужчину - как Иосифа, следующего вместе с беременной Иисусом Марией в этот город. Если предложенный вариант реконструкции верен, то роспись в ясной и доступной форме должна была донести до верующих один из евангельских сюжетов. В таком случае, эта стена склепа была расписана уже после превращения склепа из погребального сооружения в небольшой подземный храм и является, пожалуй, самой поздней художественной композицией в этом памятнике.

Сейчас установлено, что христианскую роспись херсонесских склепов нельзя относить ко второй половине IV - первой половине V вв., как полагал М.И. Ростовцев, а вслед за ним и другие исследователи. Эта категория памятников относится ко времени не ранее второй половины - конца V-VI вв.[22], а роспись на правой от входа стене склепа 1912 г. датируется более поздним временем, чем все остальные росписи херсонесских склепов[23]. Композиция этой росписи стоит особняком среди сюжетов христианской живописи рассматриваемых погребальных сооружений, так как здесь, в отличие от преимущественно орнаментальных мотивов и символики росписи подавляющего большинства раннехристианских склепов, наряду с разнообразной растительностью, имелись изображения людей и города.

По стилю исполнения и характеру изображений это панно наиболее близко миниатюрам с изображением приговора царю Ахану и его побития камнями, битвы при Гаваоне и разрушения Иерусалима Ватиканского свитка Иисуса Навина, который датируется VII в.[24], а также архитектурным пейзажам мозаики входного портика мечети Омеядов в Дамаске, которые относятся к 705 - 707 гг[25], хотя, естественно, что техника росписи склепа 1912 г. проще и примитивнее. На основании этого роспись следует относить скорее всего ко времени не ранее VII в.., т. е. тому периоду, когда раннехристианская символика в византийском церковном искусстве уже повсеместно уступила место антропоморфным изображениям религиозного содержания.

Таким образом, если предложенная интерпретация и датировка росписи правой от входа стены склепа 1912 г. верна, то перед нами памятник живописи, который есть все основания относить к периоду становления собственно византийской христианской живописи, выработавшей к VII-VIII вв. уже собственный стиль изобразительного искусства[26]. Однако при этом следует учитывать, что формирование этого нового стиля византийской живописи шло быстрее в центральных областях империи и Константинополе, где сильнее было влияние ортодоксальных догматов церкви, и медленнее в удаленных от центра районах, таких как, например, Сирия и Палестина[27]. Херсонес также находился на периферии огромного византийского мира, и это не могло не отразиться на характере его художественных памятников раннесредневекового времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полное собрание русский летописей. Л., 1926. Т. I. Вып. I. Ст. III.
2. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Пг., 1914. С. 443-507.
3. Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 472 480; Табл. CII, VIII; Ср.: Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 160-162; Печенкин Н. П. Роспись христианской катакомбы близ Херсонеса, находящейся на земле Н. И. Тура // ИТУАК. 1912. Вып. 48. С. 145-149.
4. Подр. см.: Зубар В. М. Склепи з нішами-леженками з некрополя Херсонеса // Археологія. 1978. Вып. 28. С. 36 -39; Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н. э. Киев, 1982. С. 25-28.
5. Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 474.
6. Там же. С. 475, рис. 88, fig. 6.
7. Там же. С. 475, рис. 88, fig. 1, 2 и 3.
8. Там же. С. 475, рис. 88, fig. 7.
9. Там же. С. 476-477, рис. 89-90.
10. Там же. С. 478, рис. 88, fig. 5.

11. Там же. С. 478.
12. Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 485.
13. Там же. С. 486.
14. Подр. см.: Дьяков В. Н. Древности Ай-Тодора. Ялта, 1930. С. 12.
15. Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч. С. 160-162; Ср.: Печенкин Н. М. Указ. соч. С. 145-149.
16. Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 479-480.
17. Там же. С. 480, прим. 1.
18. Бытие 12:10-11.
19. Бытие 12:5; 13:1,5.
20. Матф. 2: 21.
21. Лука 2: 1-5.
22. Подр. см..: Зубарь В. М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсона //Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1988. С. 3-14; Зубарь В. М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 8-24.
23. Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 471.
24. Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1948. Т. II. Табл.18-20.
25. Лазарев В. Н. История... Т. II. Табл. 35-37; Talbot Rice D. The Byzantines. New-York, 1962. Pl. 72, 73.
26. Лазарев В. Н. История... Т. I. С. 51, 58; Т. II. Табл. 25; Банк А. В., Липшиц Е. Э. Византийское искусство IV-VI вв. // История Византии. М., 1967. Т. I. С. 462.
27. Якобсон А. Л. Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья // Античный город. М., 1963. С.189; Попова О. С. Изобразительное искусство // Культура Византии IV - первая половина VII в. М., 1984. С. 556.

Д.Ю. Коробков

ВИЗАНТИЙСКИЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ПОТИР ИЗ РАСКОПОК В ХЕРСОНЕСЕ

Вполне очевидно, что православие на протяжении столетий составляло живой нерв духовной культуры Византии и в значительной мере определяло господствующий строй мыслей для населения территорий, втянутых в силовое поле Империи.

Однако в более узкой формулировке - «Православие и Херсонес» - эта тема не настолько однозначна и слишком разнопланова для того, чтобы отечественная византинистика одинаково успешно освоила бы все ее аспекты. Многие из них практически не затронуты вниманием исследователей - главным образом потому, что имеющихся археологических данных порою недостаточно даже для предварительной постановки проблемы, не говоря уже о позитивных научных выводах. И в этом отношении трудно подобрать более характерный пример, чем изучение литургической утвари - вещественной стороны христианских таинств.

Средневековые храмы, открытые в Херсонесе как в XIX веке, так и впоследствии, при всей важности данных об их архитектурно-планировочном решении, сохранили очень мало свидетельств совершавшихся священнодействий. Соответственно, и находки храмовой утвари (за вычетом двух кацей)[1] долгое время исчерпывались предметами вспомогательной обстановки. Здесь можно бы назвать разнообразные детали светильников, лампадофоры, кадила[2]. Также лишь косвенное отношение к таинствам имели найденные в Херсонесе иконы и храмовые кресты[3]. Только для полноты картины упомяну еще о керамических штампиках, применявшихся при выпечке просфор[4], а кроме того - о необычной глиняной имитации просфоры - вероятно, поминальном вотиве[5].

Вместе с тем, о каких-либо фактах находок центральных сосудов христианской литургии - блюда-дискоса и чаши-потира, предназначенных для освящения Даров, ничего известно не было[6], вплоть до 1990 г., когда научной экспедиции Херсонесского заповедника, проводившей доследование сотого («С») квартала в северо-восточной части городища, удалось обнаружить фрагменты серебряной чаши с гравированными изображениями крестов и литургическими надписями[7] (рис. 1). По содержанию одной из них - той, что идет вдоль венчика чаши - предмет определен как потир. В каждом храме, где проводилось богослужение, должен был иметься такой сосуд, особенно почитаемый и оберегаемый, поскольку значение потира прямо соотносится с наиболее сокровенными догматами христианской веры - о Боговоплощении, искупительной жертве, спасении грешников и Воскресении[8]. Литургия, совершаемая над чашей с телом и кровью Христовыми, каждый раз напоминает верующим о событиях

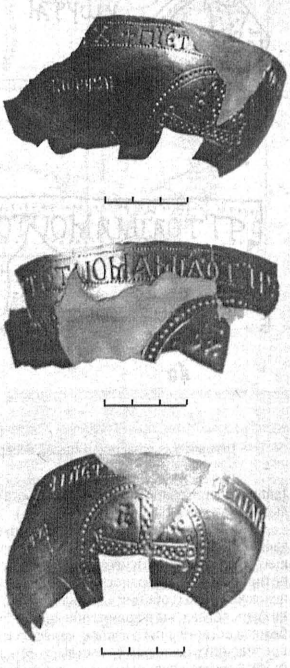


Рис.1.
Фрагменты серебряной чаши.

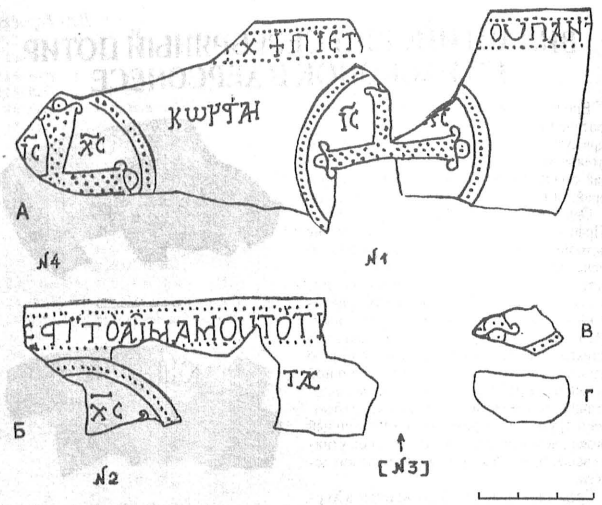


Рис.2.
Графическая развертка лицевой поверхности сохранившихся фрагментов потира

Тайной вечери, обновляя для них обет Бога к людям и людей к Богу (1 Кор. 11:25 сл.).

По своему значению святыни, потир и дискос редко покидали пределы действующего храма (кроме, разумеется, т.н. «малых» потиров в составе дароносиц)[9], и лишь при исключительных обстоятельствах они могли быть оставлены в храме гибнущем. Избежали естественного износа, переделок и поновлений в основном те сосуды, которые были утеряны, сокрыты в кладе, либо изъяты как военная добыча - они и сохранились до наших дней. Во всяком случае, вероятность оказаться в культурном слое для храмового сосуда ничтожно мала. Как и другие выдающиеся образцы древнего прикладного искусства, византийские потиры поступают в современный музей, уже пройдя многие руки и - чаще всего - вне информативного контекста. В сравнении с ними, даже самая скромная археологическая находка (пусть и столь фрагментарная, как херсонесский серебряный сосуд) обладает преимуществом доказанной подлинности.

С любезного разрешения М.И. Золотарева и С. В. Ушакова, руководивших раскопками и опубликовавших первые их результаты[10], я обратился к этой интересной находке (фонды НЗХТ, инв. № 63/37199), чтобы рассмотреть возможности ее дальнейшего изучения[11].

Попутно выяснилось, что в отечественной археологической литературе имеются сведения лишь о двух серебряных потирах домонгольского времени. Первый из них - потир Киевского клада, найденного в 1824 г, и утерянного вскоре после публикации заметки о нем[12]. Второй - ктиторский дар Юрия Долгорукого в Переславль-Залесский собор - впервые стал известен в 1897 г., благодаря А.В. Орешникову[13], а ныне хранится в Оружейной палате Московского Кремля[14]. Оба сосуда считаются изделиями русских мастеров[15]. Таким образом, потир из Херсонеса - не только первый, найденный в европейской части бывшего СССР при археологических раскопках, но, возможно, и единственный, имеющий безусловное византийское происхождение.

Стратиграфическая ситуация в месте находки потира не дает, тем не менее, средства точно датировать сосуд. Весь археоло-

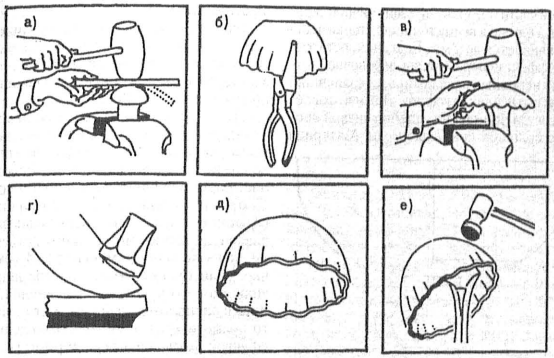


Рис.3.
Изготовление чаши в технике дифовки (по А.В. Флерову, 1976 г.): а) выбивание небольшой выпуклости; б) гофрирование края заготовки; в) посадка гофров и осадка краев внутрь; г) выколотка заготовки на плите; д) вторичное нанесение гофров; е) проглаживание полушара на круглой стойке молотком - гладильником

гический материал, зафиксированный в одном слое с потиром, не имел прямого отношения к жилой усадьбе, в руинах которой был найден, и попал сюда с насыпным грунтом при устройстве дворика постройки - скорее всего, в XIII в.[16]. Потир, несомненно, старше этого сооружения, но насколько старше - трудно сказать с определенностью.

Подобно другим памятникам византийского прикладного искусства, эта находка интересна сама по себе и, в частности, для наблюдений по технологии средневекового ювелирного дела, сравнительной «вещевой палеографии»[17], а также по литургике Восточной Церкви. Теперь - конкретно и подробно о найденном потире.

Вся нижняя часть его утрачена, а общая сохранность корпуса чаши (по расчету площади поверхности) составляет чуть менее пятидесяти процентов. Однако и этого вполне достаточно для предположений о форме и декоре сосуда (Рис.4). По своему облику херсонесский потир, несомненно, был близок и потиру Киевского клада, и потиру Оружейной палаты, то есть представлял собой безручную полусферическую чашу с чуть уплощенным дном, закрепленную на тонкой ножке с широким основанием. Такой же облик имеют потиры на фресках афонских монастырей и мозаике Софии Киевской в изображениях Тайной вечери[18]. Происхождение этой формы, свойственной преимущественно потирам Восточной Церкви[19], обычно связывается с золотой чашей, которую император Роман I Лакапин посвятил в храм Айя-София в Константинополе[20]. Впоследствии драгоценный кубок в качестве крестоносного трофея оказался в ризнице венецианского собора Сан-Марко.

Некоторые черты облика «чаши императора Романа» действительно обнаруживают ее сходство с более скромными потирами православной периферии. Надпись по венцу потиров, помещаемая обычно между двух пунктирных линий, на золотой чаше окаймлена бисером. Кроме того, императорская чаша - самый ранний образец лицевых изображений святых в медальонах, столь характерных в дальнейшем для декора потиров. На ней изображен Деисус, дополненный фигурами архангелов. На потирах из Киева и Переяславля добавлены изображения святых покровителей вкладчиков - соответственно, лики Иоанна Златоуста и святого Георгия. Заметим, что потир из Херсонеса в этом ряду стоит особняком: в четырех его медальонах были показаны одинаковые равноконечные кресты, о значении которых будет сказано ниже[21].

Судя по всему, корпус потира выполнялся в бесшовной технике дифовки - посредством ручной выколотки круглой листовой заготовки, с последующей осадкой и прокова края[22] (рис.3). На это указывает сравнительная толщина стенок сосуда : металл в

донной части потира чуть толще яичной скорлупы, а ближе к венцу толщина стенки чаши увеличивается до 2 мм. Еще один, остаточный эффект использования дифовочной техники - неровный край потира, сохранивший следы вытягивания гофров. Для изготовления сосуда применено серебро низкой пробы, с большой примесью меди. Материал

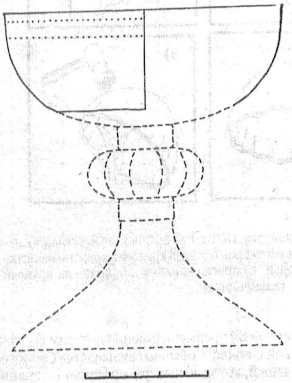


Рис.4.
Вариант реконструкции формы серебряного потира из Херсонеса

этот был весьма пластичен, но непрочен и, очевидно, сильно подвержен коррозии, что впоследствии могло особенно проявиться в месте соединения чаши с поддоном и послужить главной причиной порчи сосуда. После того, как поверхность потира отшлифовали, "по глянцу" вдоль кромки венчика была награвирована однострочная литургическая надпись, а также изображения крестов. Дрожащий контур медальона и асимметрия рукавов сохранившегося креста характеризуют сложность выполнения гравировок на выпуклой поверхности (как и, вероятно, отсутствие у гравера необходимого навыка).

Литургическая надпись имеет традиционное содержание - открывается знаком креста, за которым следует текст двух стихов двадцать шестой главы Евангелия от Матфея - слова, с которыми Иисус преподал Чашу апостолам, устанавливая таинство Причащения:

πίετ[ε. ἐξ αὐτ]ου πάντ[ες τοῦτό] ἐστι(ν) τὸ αἷμα μοῦ τὸ τ[ῆς καινῆς τὸ ὑπὲρ ὑμῶν καὶ πολλῶν ἐκ]χ(υνομένον εἰς ἄφσιν ἁμαρτιῶν)

(ср. с текстом надписи на мозаике в алтаре Софии Киевской[23]). Перевод: «... пейте из нее все, сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая (во оставление грехов)» (Мф. 26:27 сл.).

Не на каждом потире надпись такой длины могла уместиться полностью. По моим расчетам, сохранность литургической надписи херсонесского потира составляет (с дополнением двух лакун) около 55 % от первоначальной. В несохранившейся части могло находиться до тридцати пяти знаков, и надпись могла прерываться после слова πολλῶν («многих»). В том случае, если были применены сокращения, знак «косого креста», замыкающий надпись и расположенный слева от начального прямого креста, можно отождествлять с буквой «хи» слова ἐκχυνομένον («изливаемая»).

На одном из двух крупных фрагментов потира (рис. 2, Б) особенно ярко видны характерные особенности шрифта литургической надписи, представляющего соединение унциальных и курсивных форм. В слове ἐστιν резчик дал в лигатуре сразу три буквы («сигма-тау-иота») и опустил букву «ню». Хотя лигатура «сигма-тау» встречается еще раз в другой надписи потира (рис. 2,А), она столь традиционна и общепринята[24], что не поможет в датировке шрифта. «Альфа» повсюду показана с внутренней перекладинкой, а также имеет характерный горизонтальный навес на вершине. Форма «альфы» не может служить хронологическим показателем, поскольку часто в составе одной надписи «альфа» имеет несколько совершенно различных начертаний (см. все ту же надпись в алтаре Софии Киевской). И все же, эта особенность, как и двухчастная серединка у буквы "мю"[25], не находит аналогии ранее одиннадцатого века. Параллель, наиболее близкую к примененной в надписи потира курсивной форме буквы «ипсилон», приводит крест патриарха Михаила Керуллария в собрании Дамбартон Оукс - середина XI в[26].

Самая главная черта литургической надписи потира - то, что в ней поставлены знаки ударения и даже придыхания (как можно видеть в слове αἷμα- «кровь»). По мнению, высказанному когда-то А.В.Банк, это - датирующий признак, по которому предметы с такими надписями относятся к концу XI -началу XII в[27]. На мой взгляд, простановку дополнительных знаков в литургических надписях нельзя использовать как основание для датировок. Наличие этих

знаков на потире может объясняться тем, что гравер точно скопировал текст богослужебной рукописи - отсюда, кстати, «книжная» орфография слов πίετε и ἅμα. На керамической чаше из раскопок в Коринфе[28] и бронзовом потире из Пергама[29] отражен обратный случай - начертание этих слов, так сказать, «с голоса»: в слове πίετε «йота» заменена буквой «эта», в слове ἅμα сочетание «альфа-йота» перешло в «эпсилон».

Следовательно, датировка шрифта литургической надписи на потире, не содержащей подобных «итацизмов», относится скорее к исходному манускрипту, чем к изучаемой чаше. И эта дата может быть установлена в пределах второй половины XI - начала XII вв., по параллели к опубликованным шрифтам византийских рукописей[30]. Во всяком случае - до второй половины XII в., когда в рукописях широко распространяется новая форма буквы «мю» - без прогиба двухчастной середины[31].

Между четвертым и первым, а также между вторым и третьим (утраченным) медальонами, содержавшими кресты, награвировано по одному слову - в сокращении и с применением лигатур (рис.2,А-Б). В первом случае читается имя «Константин» (с отсечением последнего слога). От симметричной надписи сохранились только последние буквы - «тау», «альфа+сигма». Какому слову могли принадлежать эти буквы? Дать точное восстановление пока не представляется возможным. Концевая лигатура «альфы» с «сигмой» свидетельствует (по аналогии с надписью «Константин»), что надпись сокращена резчиком (в целях экономии места или по иным, неизвестным соображениям). Восстановить здесь достаточно очевидное ἡ ανάσ]τασ[ης не позволяет отсутствие лигатуры сохранившейся «тау» с утраченной предыдущей буквой (если бы то была «сигма», ее начертали бы в лигатуре с «тау» - это сочетание дважды встречено в надписях потира). Достойно упоминания и то обстоятельство, что ни на одном из потиров X-XIII вв., известных по публикациям, не имеется сходных надписей, помещаемых между медальонами, поэтому вопрос об их значении на херсонесском потире остается открытым.

Обращает на себя внимание отличие буквы «ню» в надписи «Константин» от начертания той же буквы в верхней, литургической надписи: это, по существу, минускульная форма, известная со второй половины XI в.[31] и широко распространенная впоследствии. Она характеризует уже не каллиграфический образец, а личный почерк гравера, что - в сочетании с доступностью для резчика некой рукописи конца XI - первой половины XII вв. и порчей потира не позднее первой половины XIII века (вероятное время последней перестройки усадьбы в квартале «С») - позволяет предположить об изготовлении и литургическом применении сосуда на протяжении XII (начала XIII ?) столетия.

Форма и трактовка крестов в медальонах (рис.2,А) связана, конечно, со штампами на просфорах[34]. В завершении ветвей крестов, изображенных на потире, может быть прослежено и определенное воздействие формы процессионных крестов[35]. Основа сходства названных предметов заключается в их генетическом тождестве, восходящем к церковной легенде о знамении Константину Великому - перед решающей битвой с Максенцием[36]. Бисером, кабошонами, эмалевыми вставками на произведениях столичных мастерских переданы звезды, составившие крест в видении Константина; на херсонесском потире с этими звездами соотносится пунктирное заполнение крестов. Как известно, в память трех таких видений, предвестивших ему три выдающиеся победы, император впоследствии воздвиг в столице изображения крестов на подножиях, украшенные бисером, а также сопровожденные надписью "Иисус Христос ника"[37].

Все основания предположить, что на потире, где нет слова νίκα, был показан крест видения Константина (равноконечный, изображаемый также на просфорах)[38], а не памятник этому видению - крест на ступенях. Такое определение прямо соотносится и с начертанием имени Константин между медальонами.

Имена мирян-донаторов храма на богослужебных сосудах передавались либо надписью на поддоне, либо (гораздо чаще) - через изображение их святых покровителей. Начертание имени на видном месте потира и вне медальона свидетельствует, что сосуд принадлежал, скорее всего, не храму, а духовному лицу, которым - по строгой иерархии чинов Православной церкви[39] и по условиям Херсонеса[40] - мог являться только архиерей.

Благодаря тексту одного моливдовула, опубликованного впервые в книге И.В. Соколовой[41], известен архиепископ херсонский Константин. Упомянутая печать, согласно определению И.В.Соколовой, датируется в пределах XI в. В принципе тождественность архиепископа Константина с

владельцем потира не исключена (особенно если учесть, что датировка моливдовула основывается на косвенных данных), хотя и трудно доказуема.

Возможен еще один вариант, по которому изучаемый потир мог служить знаком архиерейского сана при погребении духовного лица. Во всяком случае, для первой половины XIII в. один такой пример известен - это погребение католического епископа в Польше, где вместе с жезлом, энколпием и дискосом был найден также потир[42]. И хотя византийские церковные авторы не называют потир в числе предметов, полагаемых во гроб с архиереем[43], нужно иметь в виду, что они вообще избегают указаний на детали применения храмовой утвари и упоминают о ней лишь в случаях, когда этого требует экзегетический или дидактический контекст. Поэтому исключить "напутственное" назначение херсонесского потира мы не вправе, тем более, что это (предположительно) может способствовать выяснению неизвестного пока слова в надписи, располагавшейся симметрично имени Константин.

Одна из особенностей херсонесского потира - неполное начертание набора традиционных надписей внутри медальона, в углах креста. Как уже говорилось, опущено слово νικα (что особенно хорошо можно видеть на примере медальона № 1, сохранившегося полнее остальных - рис. 2,А). Возможно, это своеобразное литургическое указание на применение потира только для причащения священнослужителей. Как известно, они причащаются в алтаре через верхние части "агнца" с начертанием Имени Божьего[44], тогда как через две нижние части, обозначенные "NI" и "КА", причащаются миряне на литургии верных[45]. Таким образом, возрастает вероятность того, что потир из Херсонеса был именно архиерейской чашей[46], а не "общим" потиром. Хотя, следует отметить, вместимость сосуда едва ли налагала ограничения на его применение, ведь непосредственно из потира в православном храме причащают только священнослужителей, а мирян - очень малыми частицами, посредством лжицы. Тем не менее, по расчетам, выполненным на основе дополненного обмерного чертежа, изучаемый потир мог вмещать от 270 до 300 граммов жидкости.

Уместно вспомнить, что не только форма, но и назначение литургических чаш византийской эпохи составляют предмет старинного научного спора[47]. Русские ученые XIX века (А.С.Уваров, Н.И.Барсов и др.), готовя статьи о потире для светских и богословских энциклопедий[48], заимствовали ряд положений из статьи "Calice" "Словаря христианских древностей" аббата Мартиньи (1865)[49]. Между тем, систематика церковных сосудов (а не одних только потиров!), приведенная у Мартиньи, имеет не литургико-археологическое, а филолого-антикварное обоснование и восходит еще к глоссариям Дюканжа (1685-87гг.)[50]. Эта классификация построена по функциональному признаку, но все же передана в соответствии с распорядком католической мессы, а не православной литургии. А.С. Уваров и Н.И. Барсов ошибочно восприняли разделение чаш на «министериальные» и «оффертор-ные», «большие» и «малые» как типичное для исконной традиции Вселенской церкви.

Среди отечественных археологов дореволюционного периода только Н.В.Покровский ставил изменение формы богослужебных сосудов в зависимость от исторических изменений литургии, досконально учитывая расхождения литургической практики Востока и Запада. Он подверг критике гипотезу об использовании православными священниками «министериальных» и «оффертор-ных» (по Дюканжу и Мартиньи) потиров[51], но располагая лишь образцами русской богослужебной утвари, не счел себя вправе строить предположения о чинопоследовании Евхаристии в византийский период. Представляется, что и в этом отношении херсонесский потир обладает немалой научной ценностью. В археологическом расследовании по истории православной литургии, начатом более столетия назад А.С. Уваровым, Н.П. Кондаковым[52], Н.И.Барсовым и Н.В.Покровским, появился давно ожидаемый материальный аргумент, заслуживающий самого пристального внимания.

В целом же, серебряный сосуд, найденный в Херсонесе, вероятно, был более характерен для византийской литургической практики, чем парадные, богато украшенные и вместительные потиры из сокровищницы Сан-Марко, некогда принадлежавшие виднейшим столичным храмам[53]. А ведь именно они обычно служат основой суждений о форме византийского потира[54]. Изготовленный из не слишком качественного материала и не получивший сколько-нибудь тщательной отделки, херсонесский потир не мог быть особенно ценным и долговечным. Возможно поэтому, придя в негодность, он утратил также значение церковной святыни[55], а в дальнейшем затерялся среди мусорных остатков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Византийский Херсон: Каталог выставки /Под ред. И.С.Чичурова. М.. 1991. №№ 92, 222.
2. Там же. - №№ 226,228,224.
3. Там же. - №№ 156,128.
4. Там же. - № 94; Залесская В.Н. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья // ВВ. 1988. Т.49. С.207.
5. Седникова Л.В., Сидоренко В.А. Надписи на средневековой керамике из раскопок водохранилища в Херсонесе //МАИЭТ. 1996. Вып.V. С. 106 и сл.
6. В 1899 году К.К.Косцюшко-Валюжинич при раскопках на юго-восточном участке городища обнаружил массивное бронзовое блюдо "на трех ножках в виде львиных лап" и определил его как "дискос" (ИАК. Вып. 1. СПб., 1901, с.45). Специально отметим, что это блюдо, ныне хранящееся в фондах ГИМ (Москва) (Путь из варяг в греки и из грек...: (Каталог выставки в ГИМ). М., 1996. С.88. № 766), не имеет ни надписей, ни изображений, которые свидетельствовали бы о его литургическом применении. Кроме того, для подобных сосудов обязателен широкий устойчивый поддон, поскольку при Великом входе на литургии дискос ставится на голову диакону - этим действием символически изображается приход Христа в мир и распятие - см.: Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев, 1991. С.212; еп. Виссарион (Нечаев). Толкование на Божественную литургию по чину св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого. Троицк, 1996 (Репринт изд. 1895 г.). С.180, 188 сл. Следовательно, есть основания сомневаться в правильности первоначального определения, данного автором раскопок.
7. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1990г. //Архив НЗХТ. Д.2972. С. 14.
8. Дамаскин Иоанн. Точное изложение православной веры. М,, Ростов-на-Дону, 1992. С.218-226. (Кн.4, гл.XIII).
9. Архиеп. Вениамин. Новая Скрижаль, или Объяснение о Церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных. М., 1992 (репринт изд. 1899г.). С.16; Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т.I (репринт б.г.), стб.712.
10. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый квартал Северо-Восточного района Херсонеса // ХСб. Вып.VIII. Севастополь, 1997. С.30-45. Автор считает своим приятным долгом поблагодарить также В.С.Шандровскую, В.Н.Залесскую и И.А.Стерлигову, за их доброжелательную помощь и ценные замечания об изучаемом предмете.
11. Коробков Д.Ю. О византийском серебряном потире из херсонесских раскопок // Ювелирное искусство и материальная культура: (Тезисы докладов участников IV коллоквиума). СПб., 1997. С.36-38.
12. Кондаков Н.П. Русские клады. СПб., 1896. Т.I. С.97-98.
13. Орешников А.В. Заметка о потире Переяславль-Залесского собора // Археологические известия и заметки. М., 1897. Т.V. (1897. Вып. 11). С.337-345.
14. Оружейная палата /Под ред. В.Н.Иванова. М., 1964. С.79; Стерлигова И.А. «Потир Юрия Долгорукого» из Оружейной палаты Московского Кремля //Декоративно-прикладное искусство. - (Гос. Историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования, XI). М., 1993. С.5-24. Статья И.А.Стерлиговой содержит ряд существенных поправок и дополнений к традиционной версии происхождения этого потира. В частности, ею обосновано предложение считать сосуд вкладом внука Юрия Долгорукого - владимирского князя Юрия Всеволодича в основанный его дедом Спасо-Преображенский собор Переславля и, соответственно, обозначить время вклада не 40-ми гг. XII века (так полагал А.В. Орешников), а более поздним временем - концом 20-х гг. XIII века (Стерлигова И.А. Ук. соч. С.21).
15. Кондаков Н.П. Русские клады. С. 100; Орешников А.В. Заметки о потире ... С.341. Отметим особое мнение И.А.Стерлиговой, считающей потир Киевского клада (известный лишь по эскизным рисункам) византийским импортом (Стерлигова И.А. Византийские литургические сосуды в Киевской Руси //Резюме докладов XVIII международного конгресса византинистов. М 1991. С. 1112), а «потир Оружейной палаты» - изделием западноевропейского мастера (Стерлигова И.А. «Потир Юрия Долгорукого»...с.10-11,19-20). Поскольку исследовательнице на момент выхода ее работ не было известно ни одного металлического потира средневизантийского периода (Стерлигова И.А. «Потир Юрия Долгорукого» ... с.8), вопрос о типичной форме византийских причастных чаш разрешен ею умозрительно, в применении к каменным кубкам из ризницы Сан-Марко и рисункам потиров в храмовой живописи. Теперь, после обнаружения серебряной чаши в Херсонесе, стало вполне очевидным

сходство сосудов греческой работы с тем, что И.А. Стерлигова обозначает как «классический тип романского потира» (Стерлигова И.А.Ук. соч. с.9). Из сравнения переславского и херсонесского потиров следует, что «низкая чаша» в виде полусферы, «со слегка отогнутым краем», «резные изображения в медальонах двойного контура» (Там же. С.9.24) представляют лишь характерные черты ювелирной техники дифовки, а не специфические особенности «романского» художественного стиля. Точно так же изготовление каменных литургических чаш (хранящихся в ризнице Сан-Марко) в форме канфаров и узких высоких кубков, вероятно, было обусловлено сложностью в обработке материала и лишь во вторую очередь - требованием церковной традиции. С учетом сказанного, гипотезы о «западноевропейских» чертах в облике металлических богослужебных сосудов средневековой Руси могут рассматриваться с большой осторожностью, тогда как сопоставление тех же сосудов с византийскими образцами представляется более перспективным.

16. Потиру, в частности, сопутствовали осколки поливной керамики и амфор XI-XII вв., а также херсонесская монета с монограммой "ро-омега" - Золотарев М.И., Ушаков С.В. Отчет о раскопках ... С.18; Полевые описи находок из раскопок 1990 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса (квартал "С", пом. 3 и 4) Архив НЗХТ, д. 2974/2 - л.72-73.
17. Банк А.В. Прикладное искусство Византии (IX-XII вв.). М., 1978. С.34.
18. Rice D.T. The Byzantine Glazed Pottery. Oxford. 1930. Fig.2; Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1891. Вып.4. С.126сл.
19. Коробков Д.Ю. Археологическая литература о потирах Восточной церкви // Византия: кумуляция и трансляция культур: (Тезисы докладов IX научных Сюзюмовских чтений). Екатеринбург, 1997. С.23.
20. The Glory of Byzantium: (Art and Culture of the Middle Byzantine Era. A.D. 843-1261)/ Ed. by Evans H.C. and Wixom D.M. N.-Y., 1997, p.71
21. Единственное указание на подобное оформление византийских потиров удалось обнаружить в современном энциклопедическом издании: "Some chalices display a Deesis composition, others - crosses and stars" (The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by. A.P.Kazhdan. 1991. Vol. I. P.405). Письменные источники, послужившие основой для энциклопедической справки, содержат лишь краткое упоминание о "крестах и звездах", изображавшихся на потирах. В одном инвентаре монастырской ризницы, опубликованном P.Gautier, назван серебряный потир "μετὰ σταυροῦ καὶ ἄστρων διαχρύσων" (Gautier P. Le typikon de la Theotokos Kecharitomene // REB. № 43. 1985. P.155:103). Точно так же в завещании Михаила Атталиата говорится о серебряном потире с четырьмя крестами: "του δε ποτη(ρίου) στ(αυ)ροὺσ τέσσαρασ", имеющем к тому же на венце литургическую надпись πίετε ἐξ αὐτοῦ πάντεσ (Gautier P. La diataxis de Michel Attaliate // REB. 39. 1981. P.91: 1213-1214). Данное свидетельство представляется особенно интересным, с учетом даты оформления завещания (1084 г.), и решающим для характеристики херсонесской причастной чаши в качестве типичного византийского металлического потира XI-XII вв.
22. Флеров А.В. Художественная обработка металлов. М., 1976. С.63-65.
23. Айналов Д.В., Редин Е.И. Кнево-Софийский собор. Исследования древней мозаической и фресковой живописи. СПб., 1898. С.63.
24. Залесская В.Н. Византийский вотивный сосуд с текстом псалма // ВВ. 1979. Т.40. С.137.
25. Банк А.В. Прикладное искусство ... С.35; Жоливе-Леви К. Образ власти в искусстве эпохи Македонской династии // 1988. Т.49. С.149.
26. Каждан А.П. Византийская культура (X-XII вв.). М., 1968. Илл.10.
27. Банк А.В. Ук. соч. С.38.
28. Morgan Ch. H. The Byzantine Pottery. - Corinth, Vol.XI. Cambridge, 1942. P.121, 271.
29. Wulff O. Altchristliche und mittelalterliche Byzantinische und italienische Bildwerke. Bd.II. Berlin, 1911. Tf. XVI, №198.
30. Каврус Н.Ф. Императорский скрипторий в XI веке // ВВ. 1988. Т.49. С.137. Рис.5-6, 11; Грангрем Е.Э. К вопросу о византийском минускуле // ВВ. 1985. Т.XIII. С.226; Лихачева В.Д. Искусство книги: (Константинополь, XI век). М., 1976. С.23;25.
31. Банк А.В. Ук. соч. С.134.
32. Грангрем Е.Э. Ук. соч. С.226.
33. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С.142 и сл.
34. Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. Б.м., 1994. (репринт изд. 1857 г.). С.109.
35. Марјановић - Вујовић Г. Крестови од VI до XII века из збирке Народнаго Музеја. Београд,

1977. С.59; Cotsonis J.A. Byzantine Figural Crosses. Wash., D.C., 1994. P. 40.

36. Сказание о воздвижении честного и животворящего Креста Господня // [Св. Димитрий Ростовский] Жития святых. Кн.1. Сентябрь. М., 1991 (репринт изд 1904 г.). С.289.
37. То же. С.295 Ср. с изображением геммированных крестов на памятниках прикладного искусства: Банк А.В. Ук. соч. С.80. J.A. Cotsonis приводит ряд нарративных свидетельств, подтверждающих, что и в средневизантийский период аниконический крест как символ триумфальной победы отличали от креста с Распятием как памятника жертве Спасителя. См.: Cotsonis J.A. Byzantine Figural Crosses. P. 44.
38. Ср. также: [К.В.П.] История развития формы креста: (Краткий курс православной ставрографии). М., 1997. С.25.
39. Сочинения блаженного Симеона ... С.243, 273.
40. Богданова Н.М. Церковь Херсона в X-XV веках // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С.22.
41. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 166, №58, табл. XIX.
42. Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI - XIV вв. // САИ. М., 1964. Вып. Е1-44. С.39; Hensel W. Studia: materialy do osadnictwa wielkopolski wczesnohistirycznej. II. Poznan, 1953 S.59.
43. Сочинения блаженного Симеона ... С. 523 и сл.
44. Покровский Н.В. Лекции по церковной археологии. СПб., 1885. С.502.
45. То же. С.503.
46. Ср.: Рыбаков Б.А. Ук. соч. С.41.
47. См. подробнее: Коробков Д.Ю. Археологическая литература о потирах Восточной церкви. С.24-25.
48. Уваров А.С. Материалы для археологического словаря // Сборник мелких трудов. М., 1910. Т.I. С.292-297; [Барсов Н.И] Потир //Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том 2. Стб. 1867-68; [Барсов Н.И.] Потир // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Т.XXIVA. С.734.
49. L'abbe Martigny. Dictionnaire des antiquites Chretiennes. Paris, 1877. P. 107.
50. Du Cange, Ch. Glossarium mediae et infimae graecitatis. Vratislava, 1891. - P.209: s.v. ποτηρι(ον); Glossarium mediae et infimae latinitatis. Paris, 1883. P.31: *s.v. calix*.
51. Покровский Н.В. Древняя ризница Новгородского Софийского Собора // Труды XV археологического съезда в Новгороде. М., 1914. Т.1. С.52-53.
52. Кондаков Н.П. Русские клады. Т.I. С.100; Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности ... С.60-63.
53. Durand J. Tresor de l'eglise St.Marc a Venise. Paris, 1862; Pasini A. Il Tesoro di San Marko in Venezia. Firenze. 1887; Il Tesoro di San Marco. Il Tesoro e il Museo / Opera diretta da H.R. Hahnloser. Firenze. 1971.
54. Бочаров Г.Н. Художественный металл Древней Руси (X-XIII вв.) М., 1984. С. 115; Даркевич В.П. Прикладное искусство // Культура Византии (вторая половина VII-XII вв.). М., 1989.С.536.
55. "Веществу же, из которого состоит образ креста, хотя бы это было золото или драгоценные камни, после разрушения образа, если бы то случилось, не должно поклоняться». (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн.IV, гл.XI. - Ростов-на-Дону, 1992. С.288).

С.Г.Рыжов, Л.В.Седикова

КОМПЛЕКСЫ X ВЕКА ИЗ РАСКОПОК КВАРТАЛА X «Б» СЕВЕРНОГО РАЙОНА ХЕРСОНЕСА

Одной из проблем византийской археологии является недостаточная разработанность хронологии массовых археологических находок, и прежде всего - керамики. Херсонес (средневековый Херсон) - крупнейший византийский центр в Северном Причерноморье - является эталонным памятником для решения подобных задач. Однако, до недавнего времени хронология и типология материалов средневизантийского периода базировалась на материалах старых раскопок, датировка которых в настоящее время нуждается в уточнениях и дополнениях.

В этой связи, наиболее важным нам представляется публикация комплексов, (прежде всего, из новых раскопок), основанная на современных отечественных и зарубежных классификациях.

Представленные комплексы происходят из раскопок С.Г.Рыжова в Северном районе в 1998 г. (рис. 1).[1] Материал получен при изучении засыпи рыбозасолочных цистерн, расположенных во дворе дома в квартале X «б». Цистерна N 3 размерами 2,5 x 2,7 x 3,9 м отделялась от цистерны N 5 (1,5 x 2,3 x 3,95 м) бутовой стеной, шириной 0,8 м, сложенной на цемянковом растворе. Несколько слоев цемянкового раствора на стенах цистерн свидетельствуют о их неоднократных ремонтах. Аморфная засыпь цистерн состояла из грунта, крупных камней, керамических, стеклянных и бронзовых изделий, с значительным преобладанием керамических обломков. О том, что засыпь каждой цистерны произведена единовременно, свидетельствует тот факт, что при реставрации керамических сосудов подбирались фрагменты, найденные на разных уровнях засыпи. Наиболее разнообразный набор керамики дали раскопки цистерны N5:

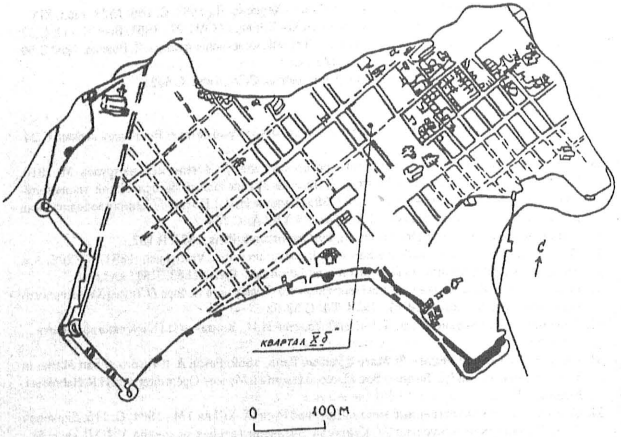


Рис.1.
План Херсонеса с указанием места расположения цистерн.

ТАРНАЯ КЕРАМИКА

Амфоры.

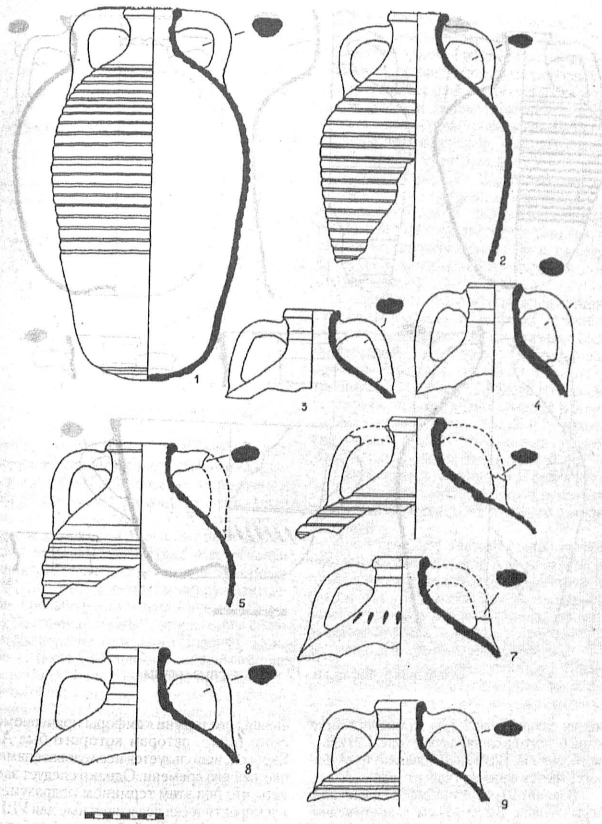


Рис.2.
Цистерна 5. Амфоры I типа.

Тип1. Красноглиняные бороздчатые амфоры, известные в литературе как «причерноморские».

Вариант 1 (рис. 2). Высота сохранившихся целых сосудов 41-45 см. Характерным признаком является удлиненный бороздчатый корпус с округлым дном. Короткое горло завершает валикообразный венчик диаметром 6,2-7,2 см, чуть ниже которого крепились овальные в сечении ручки, профилированные 1-2 невыразительными валиками. У одной амфоры ручки прикреплены на уровне венчика (рис. 2, 1). Почти все амфоры изготовлены из ярко-красной глины с мелкими известняковыми включениями, у двух сосудов в тесте крупные вклю-

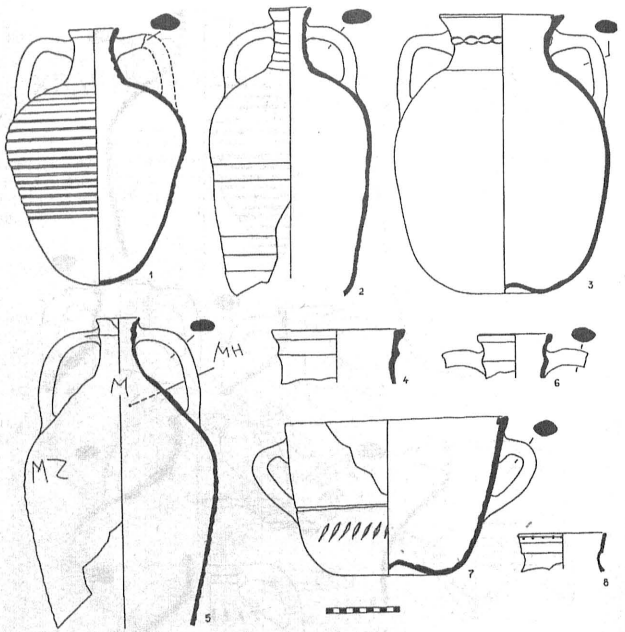


Рис.3.
Цистерна 5. Амфоры II - IV типов; тарные сосуды.

чения слюды (рис.2,2,5). На поверхности слой белого (в одном случае (рис.2,2) красного) ангоба. Возможен орнамент из глубоких насечек в нижней части горла.

Вариант 2 (рис.3,1). Амфора с яйцевидным туловом. Высота 37 см, диаметр венчика 8 см. Глина красно-коричневая рыхлая, с включениями пироксена, шамота и слюды.

Вариант 3 (рис.3,2). Амфора с удлиненным, со сглаженной бороздчатостью туловом; высота около 50 см. Узкое высокое бороздчатое горло завершается чуть отогнутым венчиком диаметром 6,4 см. Ручки прикреплены асимметрично. Глина как у варианта 1, ангоб бежевый.

Впервые в литературе амфоры этого типа появились с определением «салтовские», названные по месту их находок на памятниках салтово-маяцкой культуры[2]. Заменивший его термин «амфоры причерноморского типа», автором которого был А.Л. Якобсон, используется исследователями до настоящего времени. Однако следует заметить, что под этим термином подразумевались практически все известные для VIII-IX вв. типы амфор[3]. В обобщающей работе по керамике средневекового Крыма автор выделил два типа амфор с бороздчатым туловом VIII-IX и IX-X вв., однако существенной разницы в описании обоих типов не отметил[4]. Исходной формой для развития причерноморских амфор с бороздчатым туловом явились, видимо, круглодонные амфоры типа V по классификации 1971 г.[5] Дата этого типа, по А.В. Сазанову, - вторая четверть VI- середина-вторая половина VII в[6]. Следующий этап в хронологии бороздчатых амфор представляют находки из поселения Тау-

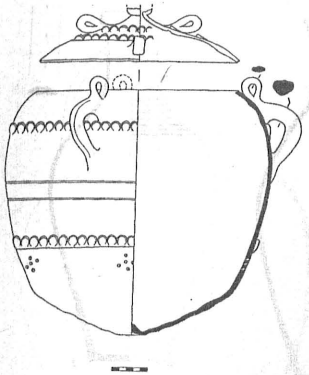


Рис.4.
Цистерна 5. Тарный сосуд III типа.

Кипчак, из комплексов VII-VIII вв.[7] В классификации средневековых амфор из Херсонеса выделены яйцевидные бороздчатые амфоры (тип XVI); их находки авторы связывают со слоями IX-XI вв.[8] В окрестностях Херсонеса открыты гончарные печи, производившие подобные амфоры[9]. Время их бытования, вероятно, середина - вторая половина IX в[10]. Несомненно самым крупным центром, производившим аналогичные амфоры был Восточный Крым[11], откуда они в большом количестве попадали в Подонье - Приазовье. Так, в Саркеле они найдены в слоях середины IX-X вв.[12] Известны находки причерноморских амфор в комплексе первой половины XI в. из слоя разрушения поселения на месте античной усадьбы N 32 на хоре Херсонеса[13] и в комплексе того же времени из Керчи[14]. И.А. Баранов проследил эволюцию причерноморских амфор по IX в[15]. Однако верхней датой данного типа, вероятно, следует признать середину XI в.

Тип II (рис.3,6). Амфора с венчиком в виде полувалика диаметром 11 см и ребром на горле на уровне крепления ручек. Глина аналогична амфорам типа I, вариант 1.

Подобные амфоры очень редки для Таврики, за ее пределами они не известны. Самые ранние комплексы, где зафиксированы их находки открыты на поселении Тау-Кипчак середины VII - первой половины VIII в[16]. Большое количество аналогичных амфор найдено в засыпи водохранилища в Херсонесе первой половины IX в[17]. Амфоры II типа найдены в гончарной печи в урочище Суат возле Ялты[18]. Комплекс датирован первой половиной VIII в. Ко времени публикации единственным комплексом, содержащим подобные амфоры, был Тау-Кипчак, верхний рубеж которого и дал узкую дату печи. Верхнюю дату амфор определяет находка из ямы в помещении XXXV Северо-восточного района Херсонеса (раскопки Р.Х.Лепера 1909 г) первой половины XI в[19].

Тип III (рис.3,3-4). Широкогорлые амфоры с плоско срезанным венчиком диаметром 18-20 см. В средней части горла ребро или поясок рельефных вдавлений, сделанных пальцем. Высота целого сосуда 40 см. Глина аналогична амфорам типа I вариантов 1-2.

Сосуды этого типа появились в литературе как широкогорлые амфоры, украшенные зонами рифления в виде прямых и волнистых линий. Их немногочисленные находки из Портового района Херсонеса датированы VIII-IX вв.[20], амфоры из засыпи водохранилища и засыпи колодца в Херсонесе - первой половиной IX в.[21], находки подобных амфор отмечены и на поселениях Южного берега Крыма VIII-X вв.[22]

Представленная целая амфора отличается от перечисленных наличием пояска вдавлений на горле и отсутствием декора на тулове.

Тип IV (рис.3,5). Амфора с удлиненным туловом со сглаженным рифлением. Узкое горло с отогнутым венчиком диаметром в 6,4 см. На уровне прилепа уплощенных ручек небольшое ребро. Глина красно-коричневая плотная, с большим содержанием слюды. На плечах три граффити.

Чрезвычайно редкий тип амфор. В качестве близкой аналогии можно назвать амфору из Константинополя (Сарошаны), найденную в контексте начала X в. Возможно, этот тип амфор бытует и позже[23].

Тарные горшкообразные сосуды.

Тип I (рис.3,7) Массивный асимметричный сосуд высотой 22,5 см. Дно вогнутое, стенки расширяются к устью диаметра в 33 см. Венчик плоско срезан. В верхней части тулова вертикально прикрепленные ручки, в нижней части - врезной поясок и косые широкие насечки. Глина как у амфор типа I вариант 1, II и III. На поверхности - тонкий слой бежевого ангоба.

Полной аналогии нашему сосуду не известно, однако можно предположить, что данная форма является дальнейшим продолжением, точнее вырождением типа сосудов, известных в более ранний период. Это сосуд из комплекса второй половины VII в. из Сарашан (Константинополь)[24],

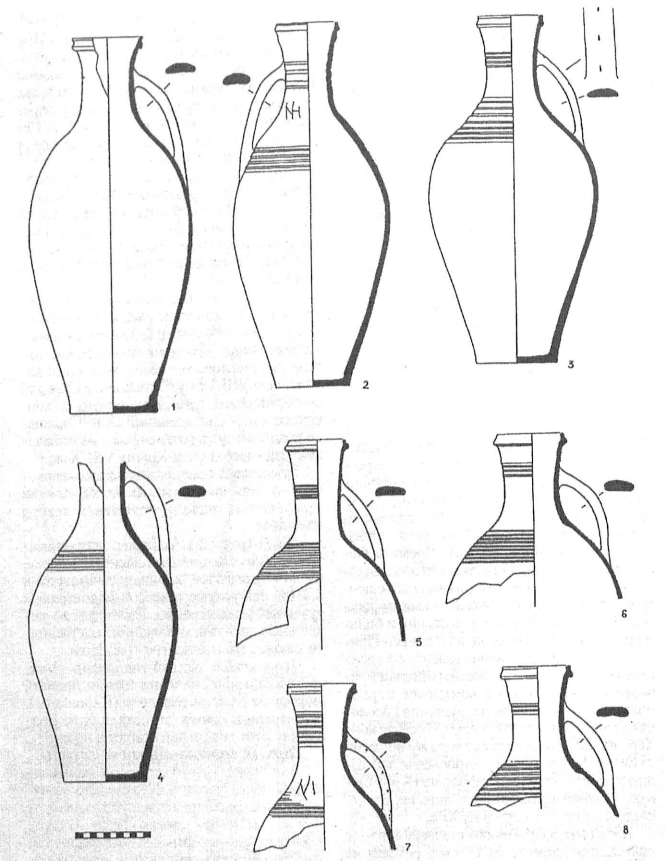


Рис.5.
Цистерна 5. Кувшины с плоскими ручками.

близкой формы сосуды производились в Сирии и Палестине в VI - начале IX в [25]. В Херсонесе аналогичные сосуды найдены в слое VII века в Портовом районе [26],многочисленные находки тарных сосудов отмечены в засыпи водохранилища первой половины IX в.[27], найдены они также в гончарной печи у западных стен городища[28].

Тип II (рис.2,8). Широкогорлый сосуд с почти вертикальным венчиком диаметром 13 см. Судя по расширению горла, тулово могло быть округлым. На плечах и

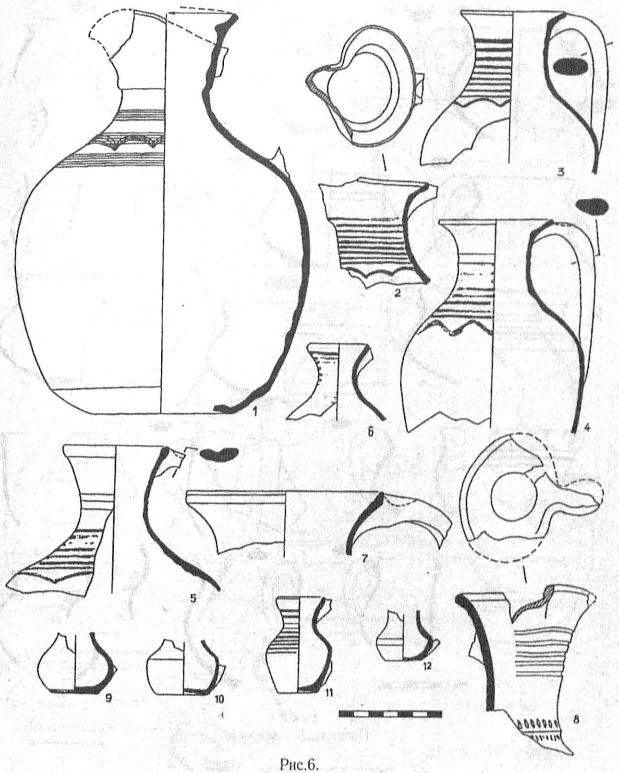


Рис.6.
Цистерна 5. Кувшины I - IV типов.

по краю венчика белым ангобом нанесен орнамент в виде полос и мазков. Глина аналогична сосуду типа I.

На сегодняшний день известны два аналогичных сосуда - из гончарной печи у западных оборонительных стен Херсонеса [20] и из засыпи водохранилища. Оба датируются в пределах IX в. Данная находка позволяет немного удлинить цикл бытования этого редкого типа сосудов.

Тип III (рис.4). Красноглиняный сосуд с шаровидным туловом высотой 35 см, диаметром 40 см и диаметром устья 30 см. В верхней части под бортиком вертикально расположены три массивных ручки с небольшими «петлями» для крепления с крышкой. На тулове два пояса рельефных вдавлений по налепному валику, в нижней части в четырех местах пробиты отверстия, по 5 в каждой группе.

Сосуд имел крышку диаметром 30 см с тремя петлевидными ручками, одна из которых находилась чуть выше бортика. Средняя часть украшена двумя поясами рельеф-

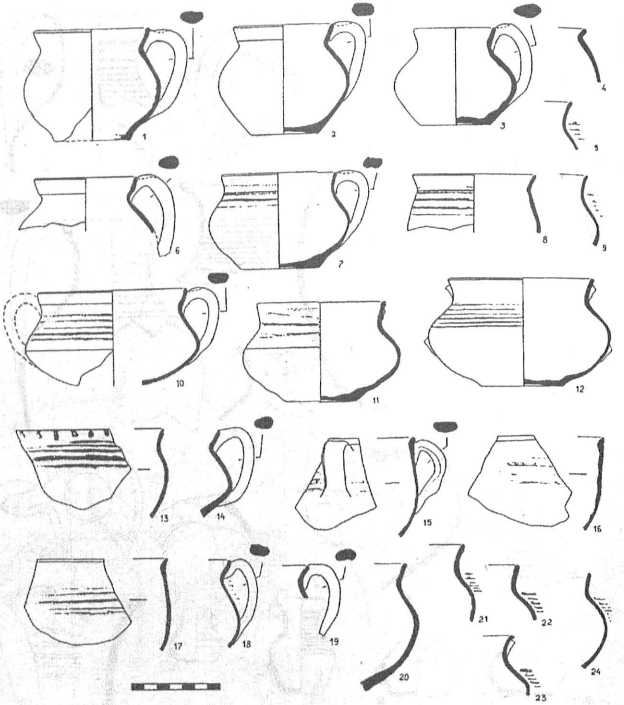


Рис.7.
Цистерна 5. Горшочки.

ных вдавлений. У крышки было полое внутри навершие, почти полностью утраченное. Судя по наличию отверстий, сосуд предназначался для хранения твердых, возможно скоропортящихся продуктов. Подобный сосуд найден впервые, однако крышки, аналогичные описанной, найдены в засыпи водохранилища, в засыпи ямы и колодца в Цитадели[30], а также в засыпи подвала в Северном районе Херсонеса середины IX - X вв[31]. За пределами Херсонеса аналогичная крышка найдена в слое первой половины XI в. на поселении в месте расположения античной усадьбы надела N 32[32].

Кувшины.

Кувшины с плоскими ручками (рис.5). Широко известный тип тарной керамики. Плоскодонные сосуды вытянутых пропорций. Высота сохранившихся целых форм 48-52 см. Высокое горло завершается клювообразным венчиком диаметром 8-10 см. Все сосуды одноручные. На горле и плечах чаще всего располагаются пояса неглубоких широких бороздок. Большая часть кувшинов изготовлена из красно-коричневой глины с мелкими включениями известняка и железистых минералов. Несколько сосудов сделано из ярко-оранжевой рыхлой глины, содержащей шамот, известняк и слюду (рис.5,1,6). Почти все кувшины снаружи

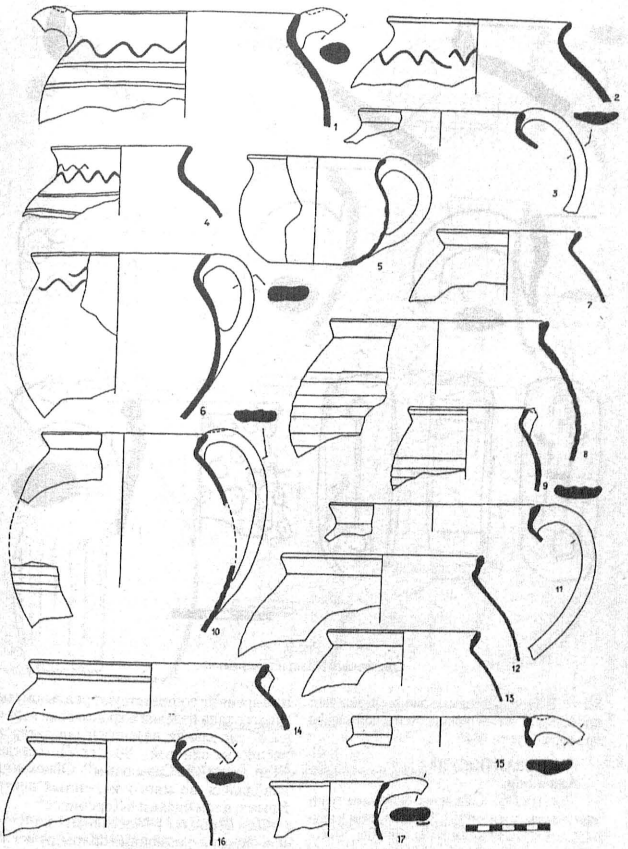


Рис.8.
Цистерна 5. Кухонные сосуды.

покрыты красноватым ангобом, внутри - темным смолянистым веществом. У двух сосудов на горле имеются граффити (рис.5,2,7). Различные характеристики глиняного теста позволяют говорить, как минимум, о двух центрах производства.

Данному типу керамики посвящена обширная литература. Так, на протяжении многих лет в литературе бытовала датировка кувшинов в пределах VIII-начала XII вв[33]. Современные датировки ограничены рамками конца IX - конца XI вв.[34], середины - второй половины IX - начала XII в.[35], второй половины или последней трети IX до конца XI - начала

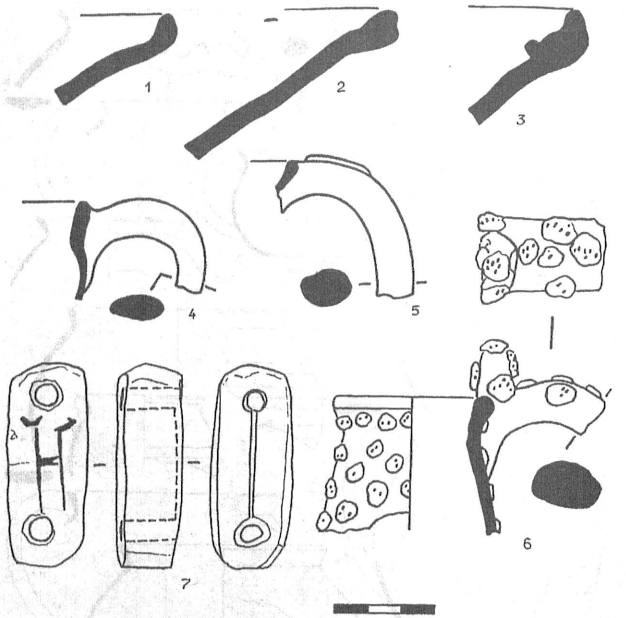


Рис.9.
Цистерна 5. Поливная керамика.

XII в[36]. В Херсонесе самые ранние кувшины с плоскими ручками появляются в комплексе последней трети IX в[37].

СТОЛОВАЯ ПОСУДА

Кувшины.

Тип I (рис.6). Ойнохои с округлым туловом, плоским или чуть вогнутым дном и ручкой, прикрепленной к краю венчика. Высота целого сосуда 24,5 см. На плечах линейно-волнистый орнамент, нанесенный гребенкой или с помощью белого ангоба. Глина красная, с большим или меньшим содержанием известняковых частиц.

В литературу сосуды этого типа вошли под названиями, связанными с местами их массовых находок - кувшины баклинского[38] или «скалистинского»[39] типов. Однако ни названия, ни ранее существовавшая датировка сосудов - VII-IX в.[40], в настоящее время не соответствуют реальному месту этого типа изделий в хронологии керамики. Убедительная, на наш взгляд, датировка расписных ойнохой - 80-е гг.VI - середина XI вв. - дана А.В. Сазановым[41]. Ойнохои производились во многочисленных центрах Крыма, в том числе и в Херсонесе[42].

Тип II (рис.6,8). Массивная толстостенная ойнохоя с высоким горлом, ручка прикреплена гораздо ниже венчика. На горле в верхней части гофрировка, ниже - пояски глубоких насечек. Глина крупнозернистая оранжевая, с большим содержанием известняка и пироксена. Поверхность не заглажена, внутри темное покрытие. Полной аналогии в литературе не встречалось.

Тип III (рис.6,3-7). Кувшины с воронковидным венчиком. Форма сосудов, глина и декор аналогичны ойнохоям типа I. Сосуды отличаются размерами, вариан-

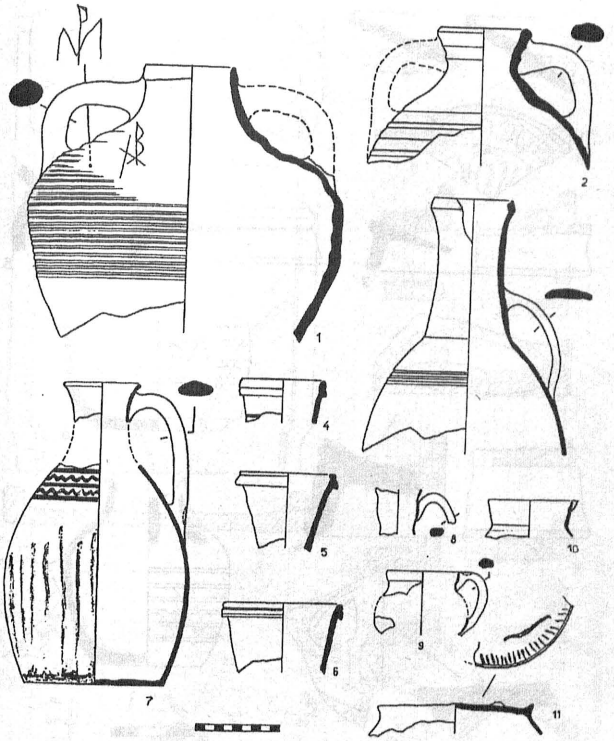


Рис.10.
Цистерна 3. Тарная и столовая керамика.

тами диаметров венчика (4; 6-7,5; 13 см) и степенью отогнутости венчика. Подобная форма венчика отмечена у кувшинов из Скалистинского могильника в комплексах второй половины VII и второй половины VIII вв.[43], несколько аналогичных сосудов найдено в засыпи водохранилища первой половины IX в.[44]. Данный тип кувшинов отличается от кувшинов I типа лишь формой венчика. При его отсутствии сосуды двух типов практически неотличимы. Установление хронологических границ бытования данного типа сосудов возможно при дальнейшем накоплении материалов.

Тип IV (рис.6,9-12). Кувшинчики высотой 6 см, с диаметром венчика до 3 см, одноручные. На горле и плечах встречаются полоски белого ангоба. Глина аналогична сосудам типа I, III. Возможно - детские игрушки.

Горшочки (рис.7).

Одно- и двухручные сосуды с плоским дном, округлым туловом, прямым, чаще отогнутым бортиком. Высота сосудов 7-9,5 см, диаметр устья от 6 до 11 см. В месте крепления ручки к бортику имеет-

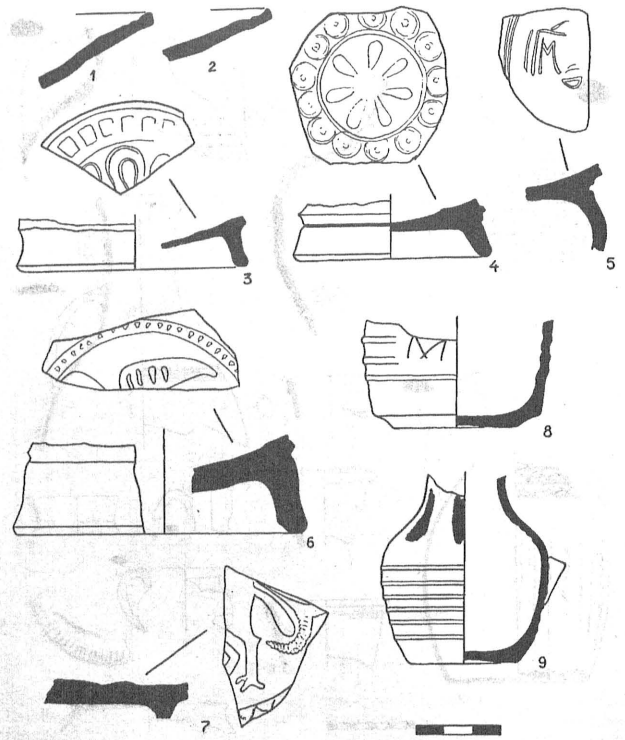


Рис. 11.
Цистерна 3. Поливная керамика.

ся вдавление пальцем. У горшочков с диаметром венчика до 10 см ручка одна, а более 10 см - две. Найдены горшочки неорнаментированные и украшенные белым линейным орнаментом. В одном случае имеются мазки на бортике с внешней стороны сосуда. Горшочки изготовлены из того же теста, что и кувшины типа I, III, IV.

Одноручные горшочки с шаровидным туловом использовались в Херсонесе на протяжении всего средневековья[45], однако такой признак, как вдавление пальцем на ручке появляется в массовом количестве в комплексах не ранее IX в. Это засыпь водохранилища[46], засыпь колодца в Цитадели[47]. В этих же комплексах найдены расписные миски, которые отличаются от представленных в данном комплексе двуручных сосудов отсутствием ручек. Фрагменты аналогичных сосудов найдены также в слое последней трети X - первой половины XI в. в цистерне 1 в VII квартале Херсонеса[48]. В данном комплексе, вероятно, представлена форма, явившаяся результатом слияния двух- одноручных горшочков и расписных мисок. В результате получена новая форма -

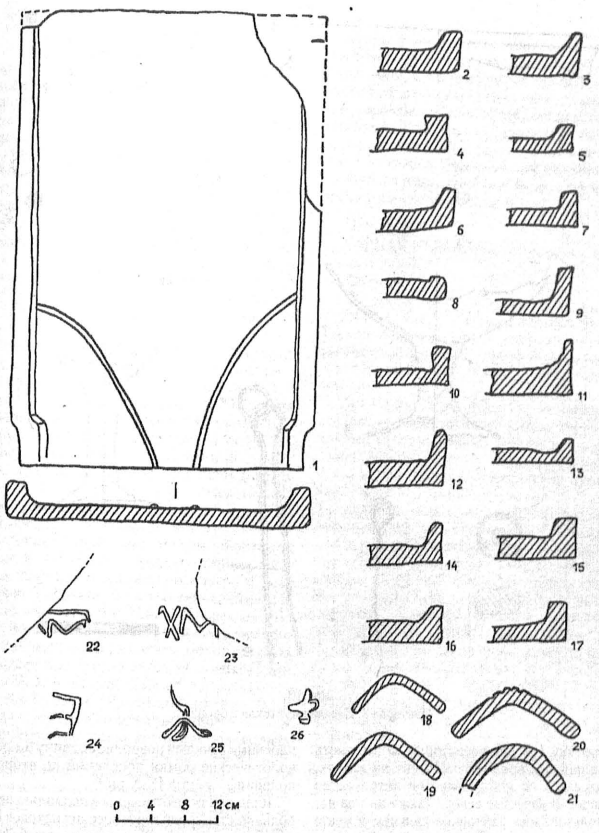


Рис.12.
Цистерна 3. Черепица.

орнаментированные двуручные горшочки с вдавлением в месте крепления ручек.

Кухонные сосуды (рис.8).

Горшки с шаровидным или яйцевидным туловом и отогнутым бортиком. Сохранность сосудов в большинстве случаев не позволяет судить о наличии или отсутствии и количестве ручек.

Тип I (рис. 8,1-6). Горшки с плавно отогнутым венчиком.

Тип II (рис. 8, 7-16). Горшки с широким бортиком, имеющим небольшую закраину внутри.

Диаметр устья сосудов от 11 до 18 см. Преобладают горшки с диаметром 13-14 см. Ручки крепились непосредственно к

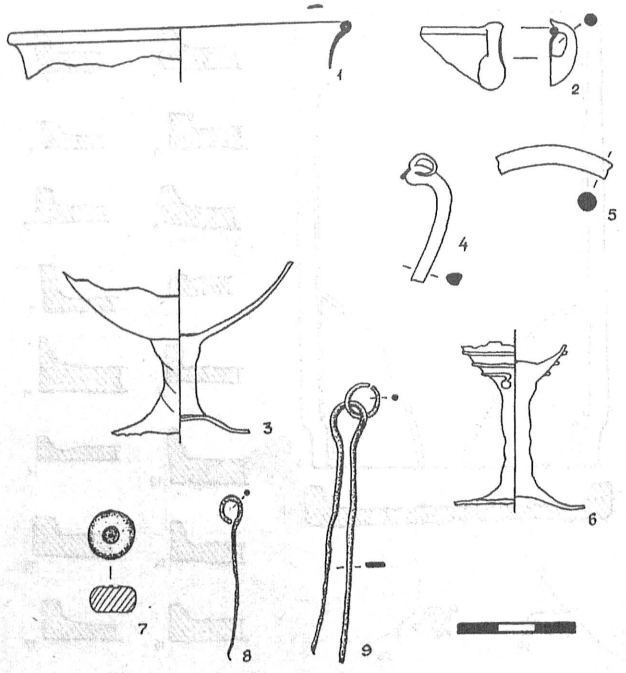


Рис.13.
Цистерна 3. Изделия из стекла и бронзы.

бортику. Сосуды обоих типов могли иметь волнистый врезной орнамент на плечах, однако у сосудов I типа он встречается чаще. В качестве декора также иногда использовалось вдавление пальцем в месте крепления ручки. В подавляющем большинстве этот прием использован на сосудах II типа. Глина красная крупнозернистая, с включением известняка, пироксена, реже - железистых минералов.

Горшки I типа производились в гончарной печи на Радиогорке[49], найдены в слое VIII-IX вв. в Кыз-Кермене[50], в комплексе второй половины IX в. в Херсонесе[51], на поселениях и городищах Юго-Западного Крыма, датированных VIII-IX вв., однако присутствие в комплексах кувшинов с плоскими ручками позволяет сдвинуть хронологические рамки поселений до второй половины - конца IX-X вв.[52]

Горшки II типа отмечены в подавляющем большинстве среди херсонесских находок IX в.[53]. Однако сосуды IX в. отличаются более четкой профилировкой бортиков и более глубоким вдавлением на ручке, которое у публикуемых сосудов становится почти символическим.

Тип III (рис. 8,17). Горшочек с отогнутым бортиком d. 10 см, плавно переходящим в удлиненное тулово. Плоская ручка прикреплена к краю венчика. Глина красно-коричневая, с включением пироксена, шамота и слюды; такая же, как у амфоры 2 варианта 1 типа.

ПОЛИВНАЯ ПОСУДА.

Тарелки.

Тип I (рис.9, 1-2). Белоглиняные тарелки d. 30 см с чуть загнутым и подтреугольным венчиками. Глина белая, с редкими включениями шамота и железистых минералов. Внутренняя часть покрыта светло-желтой поливой.

Белоглиняную керамику из раскопок Херсонеса с желтым и зеленым поливным покрытием А.Л.Якобсон датировал серединой IX-X вв.[54]. Аналогичные блюда в Большом Дворце Константинополя встречаются в стадиях II-III середины и конца IX в[55]. В Сарашанах блюда с подобной формой венчика и аналогичной фактурой, «Glazed White Ware», найдены в комплексах 37 (925-950 гг.)[56], 39 - середины X в.[57] и 40 - конца X в[58].

Тип II (рис.9,3). Розоволиняная тарелка с рельсовидным бортиком, покрытая снаружи и изнутри желтой поливой. Самый ранний образец тарелки с подобной формой венчика найден в Сарашанах, в комплексе 33 середины-конца VIII в.[59], в Большом Дворце в стадиях II и III середины и конца IX в.[60], в Сарашанах в комплексах 40, 41 и 43, датирующихся соответственно концом X, началом - серединой XI, и после середины XI в.[61]

Чаши двуручные открытого типа (рис. 9, 4-5) из бело-розовой глины с желтым поливным покрытием внутри и, частично, снаружи. Фрагментированные. По классификации Дж. Хейса - X - начало XI в[62].

В засыпи цистерны найдены также неопределенные фрагменты белоглиняных сосудов под густой зеленой поливой. Конец IX-X в. по Дж. Хейсу[63].

Кувшинчик (?) поливной (рис. 9,6). Сосуд, сужающийся к венчику в 4,7 см диаметром, к краю которого прикреплена ручка с вертикальным выступом. Снаружи украшен плоскими округлыми налепами из белой глины, имеющими по 1-3 наколки. Глина красная, снаружи желто-оливковая полива. Орнаментация сосуда по технологии напоминает керамику с подглазурной росписью ангобом поздневизантийского времени. Керамическое изделие с подобным сочетанием морфологических и технологических признаков найдено впервые.

Грузило керамическое для рыболовных сетей (рис.9,7). Прямоугольное, с двумя отверстиями и граффито.

В комплексе найдено 9 бронзовых монет. Из них: Константина I (307-337 гг.) - 2, Феодосия I (379-395 гг.) - 1, Василия I (867-886 гг.) - 3 (определение Л.Н. Головченко).

Время формирования комплекса определяют амфора IV типа (начала X в.), отсутствие форм, датируемых от середины X в., а также сравнение данного комплекса с другим, имеющим аналогичный состав монетных находок. В засыпи колодца в Цитадели второй половины IX в.[64] отсутствуют кувшины с плоскими ручками и поливная керамика. Публикуемый комплекс можно датировать началом - первой половиной X в.

Цистерна N 3:

ТАРНАЯ КЕРАМИКА (нумерация типов сквозная).

Амфоры.

Тип I (рис.10,2). Амфоры причерноморского типа с бороздчатым туловом. Фрагментированные, сохранилась профильная часть амфоры с венчиком диаметром 9 см из плотной бежевой глины. Импортная.

Тип V (рис.10,1). Желобчатая амфора с дуговидными ручками. Короткое горло с прямым венчиком диаметром 9,2 см, круто изгибающиеся ручки опущены на широкие асимметричные плечи. Глина плотная оранжево-красная с включением слюды, покрыта белым ангобом. На плечах имеются граффити. Производство Ганоса.

По поводу этих амфор имеется обширная литература. А.Л.Якобсон датировал амфоры IX-XI вв.[65], в классификации амфор из комплексов византийского Херсона время их бытования определено последней третью IX - второй половиной XI в.[66]; Н. Гюнзенин, исследовавшая печи по их производству, дает датировку IX-XI вв.[67]; Дж. Хейс - конец X - начало XII в.[68]; А.В. Сазанов - последняя треть X - первая половина XII в[69].

Кувшины.

Кувшины с плоскими ручками (рис.10, 3-6). Целых форм нет. Диаметр венчиков 9-13 см. Аналогичны найденным в цистерне N 5.

Столовая посуда.

Кувшин, тип V (рис.10,7). Высота сосуда 30 см, диаметр воронковидного венчика 7,5 см, диаметр дна - 14. Сосуд одноручный, на плечах линейно-волнистый гребенчатый орнамент, в нижней части - полоски лощения. Глина хорошо отмученная красная. Аналогии нам не известны.

Кувшин, тип VI (рис.10,8). Одноручный кувшинчик с раздутым горлом и чуть отогнутым венчиком. Тонкостенный, глина красная. Горшочки (рис.10,9-10). Красноглиняные одноручные горшочки с диамет-

ром венчика 8-9 см, один из них украшен полосками белого ангоба. Аналогичны находкам из цистерны N 5.

Крышка (рис.10,11) красноглиняная с плоской верхней поверхностью, приподнятыми краями и широкой ручкой сверху, крепившейся двумя концами. По краю нанесены глубокие насечки. Глина красная.

Поливная посуда.

Тарелки, тип I (рис.11,1-2). Бортики белоглиняных тарелок диаметром 16 и 18 см с заостренным краем и небольшой западиной. Полива светло-желтая, снаружи покрывает только бортик. По классификации Дж. Хейса, подобной формы венчик характерен для тарелок 3 типа группы Glazed white ware II, появившихся в X в. Основная датировка - конец X в[70].

Донья белоглиняных тарелок со штампованным орнаментом (рис.11,3-7) на высоком поддоне. В одном случае штамп не читается (рис.11,5), полива зеленая пятнистая. Все остальные тарелки с желтым поливным покрытием. Два штампованных изображения представляют собой розетки в круге с ячейками или завитками (рис.10,3-4). Группа 1, по типологии А.Л. Якобсона[71]. Штамп с изображением орла с раскрытыми крыльями (рис.11,6). Группа 2 по Якобсону[72]. Штамп с изображением грифона ? (рис.11,7). Группа 4.[73] Аналогичные штампы из Большого Дворца Константинополя и Коринфа датируются серединой IX-X вв.[74] По мнению Дж. Хейса штампы на белоглиняной поливной посуде выходят из употребления в XII в[75].

Кувшинчики (рис.11,8-9) белоглиняные одноручные, диаметр дна 4-4,5 см, верхние части утрачены. Горло орнаментировано мазками красной краски под желтой поливой, покрывающей лишь верхнюю часть сосудов. На стенке одного кувшинчика граффито.

Подобные сосуды из Херсонеса Д.Л. Талис датировал второй половиной IX - началом XI в[76]. В Сарашанах кувшинчики найдены в комплексе 40 конца X в. и в комплексе 42 середины XI в.[77]

Черепица (рис. 12).

В засыпи цистерны найдено более 300 фрагментов кровельной черепицы, из них 7 принадлежат калиптерам (рис. 12,18-21). Удалось собрать 18 целых керамид, часть из которых имела водосливные валики. На нескольких черепицах имеются рельефные метки (рис.12, 22-26). По типологии Якобсона, данный тип черепицы датируется IX-X в[78].

Стеклянные изделия.

Лампады? из сине-зеленого стекла. Венчики с закругленным краем, один диаметром 9 см (рис. 13,1), другой - неопределенного размера с маленькой ручкой, прикрепленной к венчику (рис.13,2). Ножки монолитные, чуть закрученные (рис. 13,3,6). Один сосуд обвит тонкой стеклянной нитью.

Лампады из зеленоватого стекла находят в комплексах конца IX-X вв.[79], начала X-XI вв.[80] По мнению Л.А. Голофаст, подобные рюмки бытовали с VI по XI вв.[81]

В комплексе найдена также ручка из аналогичного стекла (рис. 13,4) и круглый в сечении браслет (рис. 13,5) из синего стекла с белым налетом на поверхности IX-X вв.[82]

Изделия из бронзы.

Представлены *пинцетом* (рис.13,9), *проколкой* (рис.13,8) и *гирей* бочкообразной формы (рис.13,7).

В засыпи найдено 22 монеты, из них: неопределенных - 2, античная (III-II вв. до н.э.) - 1, Аркадия (395-408 гг.) - 1, Элия Верина (457-474 гг.) - 1, Анастасия I (491-518 гг.) - 2, Василия I (867-886 гг.) - 1, Льва VI и Александра (886-912 гг.) - 3, Константина VII (913-959 гг.) - 1, Романа I (920-944 гг.) - 5, Константина VII и Романа II (948-959 гг.) - 3, возможно X в. - 1, Никифора Фоки (963-969 гг.) - 1.

По сочетанию циклов датирующего материала, засыпь цистерны N 3 можно отнести ко второй половине X в. Датировку комплекса подтверждает также монета Василия II и Константина (976-1025 гг.), найденная в забутовке стены, перекрывавшей цистерны.

Анализ материалов из комплексов позволяет заключить, что основную массу находок как начала - первой половины, так и второй половины X в. составляли изделия местного производства. Среди тарных сосудов преобладают бороздчатые амфоры причерноморского типа, причем следует отметить их значительное численное превосходство в раннем комплексе. Вызывает удивление отсутствие среди находок амфор с зональным рифлением, отмеченных в других синхронных комплексах. Основную часть столовой, кухонной и строительной керамики составляли изделия херсонесских мастеров.

Наряду с амфорами местного производства, в обоих комплексах широко представлены кувшины с плоскими ручками, производившиеся в Подонье - Приазовье. Единичные находки причерноморских амфор, возможно, поступили из Восточного Крыма. Единственная редкая амфора (тип IV) происходит из неизвестного центра, и амфора Ганоса представляет константино-

польское производство. Византийским же центрам принадлежат немногочисленные находки поливных сосудов, а также, вероятно, и изделия из стекла.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X квартала «б» в Северном районе Херсонеса в 1998 году. Архив НЗХТ, д. 3381, л. 6-14.
2. Ляпушкин И.И. Славяно-русские поселения на Дону и Тамани //МИА, 1941, вып.6, с. 208, 227.
3. Якобсон А.Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья //СА, 1951, N 15, с. 334; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры, //МИА, 1959, вып. 63, с.308, рис. 160-161.
4. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, с. 31, рис. 13, 1-4, с. 72, рис. 43, 1-3.
5. Антонова И.А.,Даниленко В.Н.,Ивашута Л.П.,Кадеев В.И.,Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса. //АДСВ, 1971, вып. 7, с. 85, рис. 6.
6. Сазанов А.В. К хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища //История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993, с.40.
7. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990, с. 32, рис.11.
8. Антонова И.А. и др. Средневековые амфоры...с. 90.
9. Борисова В.В. Средневековая гончарная печь //СХМ, 1960, Симферополь, вып.1, с. 42-46; Рыжова Л.А. Гончарная печь VIII-IX вв. вблизи Херсона. //Византия и ее провинции.Свердловск, 1982, с.149-155.
10. Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук). Москва, 1997, с. 11.
11. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство... с. 31, рис.12-13.
12. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура //Степи Евразии в эпоху средневековья. (Археология СССР), М.,1981, с. 73-74.
13. Яшаева Т.Ю. Средневековое поселение ближней округи Херсонеса на Гераклейском полуострове//Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье. (Тезисы докладов), Симферополь, 1994, с.80.
14. Sazanov A. Les niveaux de la premiere moitie du XI-e siecle a Kerch (Crimee) //Anatolia Antiqua, IV.Paris, 1996, p.192.
15. Баранов И.А. Таврика в эпоху... с. 32, рис. 11.
16. Баранов И.А. Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты //АДСВ. Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979, с. 114.
17. Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе //РА, 1995, N 2, с. 173, рис.4.
18. Баранов И.А. Таврика в эпоху... с. 115, рис. 3,6-7.
19. Седикова Л.В. Керамическое производство... с. 13.
20. Антонова И.А. и др. Средневековые амфоры... с. 89-90, рис.16.
21. Романчук А.И.,Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995, с. 59, табл. 27, 123-126; 23, 96.
22. Паршина Е.А. Средневековая керамика южной Таврики //Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 61, рис. 4,4; Паршина Е.А. Торжище в Партенитах //Византийская Таврика. Киев, 1991, с. 76, рис.6
23. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Oxford, 1992, v.II, p. 73, fig.25,12.
24. Hayes J.W. Excavations at Sarachane...p. 168, fig. 48,182
25. Sodini J.P.,Villeneuve E. Le passage de la ceramique Byzantine. //La Syrie de Byzance a'l Islam. VII-VIII siecles. Damas, 1992, p. 205; Magness J. Jerusalem ceramic chronology. Sheffield, 1993, p. 207.
26. Романчук А.И. Комплекс VII в. из Портового района Херсонеса //АДСВ. Свердловск, 1973, вып. 10, с. 248, рис.8.
27. Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IXв. с.174, рис.6,1-8.
28. Седикова Л.В. Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. Симферополь, 1994, с. 437, Рис. 2, 1-2.
29. Седикова Л.В. Керамические печи...с. 437, рис. 2,3.
30. Седикова Л.В. Керамический комплекс II-й половины IX в. из Цитадели в Херсонесе // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995, с. 124,

рис. 2, 9-10.
31. Белов Г.Д. Раскопки в Херсонесе в 1959 году //СГЭ. Л, 1962, т. XXII, с. 55-56.
32. Яшаева Т.Ю. Полевые описи находок усадьбы надела N 32. 1982 г. Архив НЗХТ, д. 2450/2, л. 136, N 8.
33. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство... с.32-33, рис. 14; Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища //Керамика и стекло древней Тмутаракани. М, 1963, с. 54; Антонова и др. Средневековые амфоры Херсонеса... с. 91-92, рис. 20-21.
34. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура... с. 74.
35. Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX-XI вв. //Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994, с. 47.
36. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов... с. 63.
37. Седикова Л.В. Керамическое производство...с.14.
38. Баранов И.А. Таврика в эпоху...с. 25.
39. Пятышева Н.В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе//Экспедиции Государственного исторического музея. М, 1969, с. 151-153.
40. Баранов И.А. Таврика в эпоху... с. 25.
41. Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища... с. 47.
42. Седикова Л.В. Керамическое производство... с. 15.
43. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993, с. 191.
44. Седикова Л.В. Керамический комплекс 1-й половины IX в... с. 174, рис. 7.
45. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство...с.62.
46. Седикова Л.В. Керамический комплекс 1-й половины IX в... с. 175, рис. 8, 1-9, рис. 9, 1-5.
47. Седикова Л.В. Керамический комплекс 2-й половины IX в... с. 123, рис. 2, 5-8.
48. Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища ...с. 48.
49. Рыжова Л.А. Гончарная печь VIII-IX вв...с. 154, рис. 5.
50. Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993, с. 328, рис. 10, 2,4.
51. Седикова Л.В. Керамический комплекс 2-й половины IX в... с. 123, рис. 2,3.
52. Романчук А.И., Омелькова Л.А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек //АДСВ. Социальное развитие Византии.Свердловск, 1979, с. 101, рис. 5, 4-6, с. 100, рис. 4, 5-9; Рудаков В.Е. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища //АДСВ. Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979, с. 108, рис. 2,3.
53. Седикова Л.В. Керамический комплекс 1-й половины IX в... с. 174, рис. 6, 9-16; Седикова Л.В. Керамический комплекс 2-й половины IX в... с. 123, рис. 2, 1,4.
54. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес... с. 382-386.
55. Stevenson R. The pottery //The Great Palace of the Byzantine Emperors. London, 1947, pl. 15, 10-13, pl. 16, 1-5.
56. Hayes J. W. Excavations at Sarachane ... fig. 52, 1, fig. 64, 2, fig. 69,1.
57. Hayes J. W. Excavations at Sarachane ... fig. 63, 1.
58. Hayes J. W. Excavations at Sarachane ... fig. 64, 4-8.
59. Hayes J. W. Excavations at Sarachane ... fig. 52, 1.
60. Stevenson R. The pottery... pl. 15, 16; pl. 16, 36-37.
61. Hayes J.W. Excavations at Sarachane...fig. 52, 1; 64, 2; 69, 1.
62. Hayes J.W. Excavations at Sarachane...p. 25, fig. 9, 1-7.
63. Hayes J.W. Excavations at Sarachane...p. 18.
64. Седикова Л.В. Керамический комплекс второй половины IX в... с. 123-124.
65. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство... с. 71-73, рис. 43, 5.
66. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов... с. 66-67.
67. Gunsenin N. Les amphores byzantines (X(e)-XII(e) siecles): typologie, production, circulation d'apres les collections turques.Paris, 1990, p. 269-271.
68. Hayes J.W. Excavations at Sarachane... p. 75, fig. 24, 1-11.
69. Sazanov A. Les niveaux de la premiere moitie du XI-e siecle a Kerch... p.193.
70. Hayes J.W. Excavations at Sarachane...p. 22, fig. 7, 10-16.
71. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес... с. 336, табл. I.
72. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес... с. 338, табл. III-IV.
73. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес... с. 345-348, табл. XIV-XV.
74. Stevenson R. The pottery... pl. 15, 10-13, pl. 16, 1-5; Morgan Ch. The Byzantine pottery. Corinth.- Cambridge, 1942, vol. XI, fig. 32 e; 33 g.75. Hayes J.W. Excavations at Sarachane...p. 18.

76. Талис Д.Л. К характеристике византийской керамики IX-X вв. из Херсонеса. //Труды ГИМ.М, 1960, вып. 37. с. 134, рис. 2, 11-16.
77. Hayes J.W. Excavations at Sarachane...p. 185, fig. 65,20; p. 188, fig. 68, 13.
78. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство...с.97, рис. 59 N 209, 213, 280.
79. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен. //МАИЭТ.Симферополь, 1991, вып. II, с. 47, рис. 5, 5.
80. Hayes J.W. Excavations at Sarachane...p. 404, 408, fig. 152 N 47, 49, 65.
81. Голофаст Л.А. Рюмки из раскопок ранневизантийскогоХерсонеса//АДСВ, 1998.Екатеринбург, с.241, рис 1, 15-16.
82. Львова З.А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела - Белой Вежи. //МИА, 1959, N 75, т. II, с. 318-320.

В.А.Типаков

КОНСУЛЬСТВО ЧЕМБАЛО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА: АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Среди генуэзских колоний, располагавшихся на побережье Крыма, консульство Чембало занимало особое место, уступая по своему значению только Каффе и Солдайе, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные письменные источники. По имеющимся в нашем распоряжении материалам, начальная фаза утверждения генуэзцев в районе Чембало относится к 40-м годам XIV в. В условиях военно-политического кризиса этого времени, когда итальянские республики (Венеция и Генуя) был изгнаны из Таны (1343 г.), и татары попытались дважды силой оружия овладеть Каффой (1344 и 1346 г.), сложилась критическая ситуация с обеспечением колонии необходимыми продовольственными товарами. Именно в этот момент генуэзцы попытались закрепиться на юго-западном побережье полуострова. Около 1345 г. ими был захвачен у "гордых, беспечных и несогласных между собою" греческих князей приморский город Чембало[1]. Но, начав возводить здесь оборонительные сооружения, генуэзцы терпят неудачу. Прибывший сюда татарский отряд разрушает возведенные постройки, а жители Чембало спасаются бегством в горы[2]. К этому времени относится ряд генуэзских источников, которые позволяют представить, в некоторой степени, исторические реалии того времени. В одном из них говорится о том, что "город Херсон (civitas Cressona) и все побережье были опустошены...," и отправиться в те места можно было только с разрешения хана, чтобы "... получить какое-либо продовольствие (victulia) для Каффы"[3]. Но все-таки, несмотря на активное противодействие татар, генуэзцам удается во второй половине 40-х гг. XIV в. укрепиться в Чембало. Об этом свидетельствует содержание петиции, направленной коммуной Каффы дожу Генуи Джованни де Мурта (1344-1350). В этом документе звучит не только забота об укреплении вновь приобретенной колонии, которую необходимо защитить от нападений татар, но и признание ее большого экономического значения: "Если (татары - В.Т.) завладеют крепостью Чембало (castro Cimbali), то мы можем потерять все побережье и главный рынок хлеба..."[4]. Под "побережьем" здесь, вероятно, подразумевается южная часть Крыма (от района Алушты до Чембало), которая впоследствии получила в научной литературе название "генуэзской Готии" (В.Гейд)[5], "генуэзской области Готии" или "Капитанства Готии" (А.Л. Бертье-Делагард)[6]. Одним из условий устойчивого развития местной и региональной торговли было создание системы гарантированных поставок сельскохозяйственной продукции на рынок Каффы, которая уже в первой половине XIV в. превратилась в один из наиболее крупных городов Причерноморья. Для этого, очевидно, генуэзцами на побережье Крыма в 40-70-х гг. XIV в. создается сеть торговых станций, ведущую роль среди которых занимало консульство Чембало. Важность этого хорошо укрепленного порта значительно возросла в XV в., когда в 1423 и 1433 гг. владетелю Феодоро Алексею дважды удавалось захватить Чембало, но генуэзцы смогли возвратить его под свою власть. В одном из источников 20-х гг. XV в. Чембало назван главой всей Готии ("... qui est caput totius Gothie...")[7].

В качестве проводника экономической политики Генуи в колониях Причерноморья выступал административный аппарат, который на протяжении XIII-XV вв. реформировался в условиях изменявшихся торговых приоритетов и политической ситуации, складывавшейся в регионе в тот или иной период времени. Наиболее полное представление об административно-правовой системе управления колониями в середине - второй половине XV в. дают Устав Каффы 1449 г. и материалы архива банка св. Георгия, которому 14 ноября 1453 г. перешли все колонии Генуи в бассейне Черного моря[8]. Попытку дать комплексный анализ административной системы управления консульства Чембало в свое время предпринял А.М. Чиперис, достаточно полно были используя соответствующие главы и статьи Statutum Caphe 1449 г[9]. К большому сожалению, автор заранее следовал установке показать "грабительский характер" генуэзской колониальной системы, что не позволило ему дать более или менее объективную характеристику роли администрации Чембало в управлении экономикой, организации обороны, налоговой и этноконфессиональной политике, проводившейся ею в этом районе Таврики. Вне его внимания остались и административные реформы 1454-1455 гг., осу-

ществленные правлением банка св. Георгия в Причерноморских колониях и коснувшиеся непосредственно системы управления консульством Чембало.

Возглавлял генуэзский колониальный административный аппарат в Чембало консул (consul Cimbali). Он избирался в Генуе сроком на один год. За выполнение должности консула ему из казны Каффы выплачивалось 40 соммов. При этом консул также совмещал обязанности массария (massarius) и капитана (capitaneus), т.е. начальника гарнизона крепости, за что ему доплачивалось еще 20 соммов в год. Он мог при себе иметь одного слугу, который полностью должен был находиться на его иждивении[10]. Консул мог налагать штрафы, заключать в тюрьму, вершить суд над жителями Чембало. Таким образом, по Уставу 1449 г., консул Чембало обладал административной, финансовой, военной и юридической властью и подчинялся непосредственно консулу Каффы. В качестве дополнительного материального вознаграждения за исполнение своих обязанностей консул имел право получать доход за тюремное заключение и "приложение печати"[11]. Кроме того, он получал (?) часть добычи, взятой "у неприятеля или у тех, которые воспротивятся решениям Каффы"[12].

Реформой, проведенной протекторами банка св. Георгия в 1454 г., консулу Чембало предоставлялась полная административная и юридическая (potestas, balium et arbitrium) "чистая и смешанная" власть (merum et mixtum imperium), в том числе и "право меча" (gladii potestas) (т.е., смертной казни) над всеми жителями Чембало, что не было предусмотрено Уставом 1449 г[13]. При этом он был освобожден от исполнения обязанностей начальника гарнизона крепости. Таким образом, реформа предусматривала сосредоточение в руках консула всей полноты гражданской власти. Функция capitaneus Cimbali теперь выполнялась кастелляном консульского замка св. Николая (castellanus castelli Sancti Nicolai), который назначался на эту должность в Генуе. Но эти реформаторские мероприятия банка св. Георгия на первых порах не дали ожидаемых результатов. Сложность военно-политической обстановки в регионе (закрытие проливов турками в 1453-1454 гг.), а также снижение деловой активности генуэзцев в Причерноморье, привели к целой серии отказов от должности консула Чембало[14]. Это потребовало поиска дополнительного стимулирования и поэтому протекторы банка св. Георгия предоставили консулу Чембало право собирать налоги в пределах подчиненной его юрисдикции территории и занимать должность министрария (ministrarius)[15]. С этого момента административно-правовое и финансовое управление колонией сосредоточивается в руках консула. Кроме того, 4 января 1455 г., специальным постановлением протекторов банка св. Георгия, консулу Чембало разрешалось держать в городе таверну и продавать в ней в кредит различные товары ("consul Cimbali possit fieri tabernam in Cimbalo et conuenire facere suos debitores dicta occasione")[16]. Как видим, данное разрешение полностью противоречит одной из статей Устава 1449 г., в которой говорится, что консул Чембало "... не может ни под каким видом продавать в долг или на известный срок социям и оргузиям, получающим содержание и другим, состоящим на жалованьи общины, сам или через других, товаров и других вещей, а также вина оптом или в розницу в долг, под опасением потерять в наказание деньги, взятые за проданную вещь, вместе с правом подавать жалобу" (non possit aliquo colore vendere in credentia vel cum termino alicui ex sociis arguxiis provisionatis vel aliis stipendiatis a commune neque eis vendi facere directe vel per obliquum merces seu res aliquas neque etiam vinum in grossum vel ad minutum in credentia sub pena amittendi pretium dicte rei vendite nec dari possit eidem audientia in premissis per aliquem magistratum)[17].

Наряду с консулом Чембало, начиная с 1454 г., на конкурсной основе избирался кастелян (военный комендант) замка св. Николая, назначение которого, по Statutum 1449 г. производилось на месте. Он имел право утверждать двух субкастелянов (subcastellani), которые непосредственно командовали наемниками гарнизона города. В круг должностных обязанностей кастеляна входило обеспечение безопасности и охраны консульского замка (св. Николая) и внешнего периметра обороны - крепости св. Георгия (иногда ее называли Нижней крепостью) ("... impotant onus custodum arcium et fortilitiorum Sanctorum Georgij et Nicolai Cimbali...")[18]. Кроме того, он нес персональную ответственность за все имущество и военное снаряжение (possessio cum omnibus munitionibus), а также запасы продовольствия для гарнизона, которого должно было быть достаточно на 4 месяца при условии полной блокады крепости. Этим же постановлением кастеляну разрешалось держать в Чембало таверну для удовлетворения потребностей наемников в продуктах и товарах первой необходимости ("...pro suis sociis tantum et non aliter tabernam fieri facere possit...")[19].

Во время перехода Причерноморских колоний Генуи в управление протекторами банка св. Георгия (1453-1454 гг.) обязанности консула Чембало исполнял два срока (чиновники,

назначенные в Геную по новому контракту смогли прибыть в Крым только весной 1455 г.) Андреа Сенестрари (Andreas Sinistrerius)[20], которого сменил на этом посту в 1455 г. Урбано Казана (Urbanus de Casana)[21]. Его консулат приходится на период первых реформ, проводившихся банком в колониях, что позволило в Генуе избежать дальнейших отказов от должностей. Так, уже на 1456-1457 гг. патент на должность консула Чембало был выдан представителю известного в Лигурии аристократического рода - Франческо Ломеллини (Franciscus Lomellinus)[22].

Первым кастелляном консульства Чембало, назначенным в метрополии на 1455 - 1456 гг., стал Бартоломео д'Ориа (Bartholomeus de Auria)[23], преемником которого стал Джульяно Маркезано (Julianus Marchexanus)[24]. Отбор начальников гарнизонов проводился довольно тщательно. От них, в первую очередь, требовались опыт и знания организации обороны крепостей.

Statutum Caphe 1449 г. предоставляет редкую возможность составить достаточно полную смету расходов на содержание военно-административного аппарата колонии Чембало. А.М.Чиперис пришел к выводу, что годовой расход Чембальского казначейства, связанный с содержанием генуэзского административного аппарата, составлял около 3200 аспров[25], что, очевидно, далеко от истинной суммы реальных затрат. Самый высокий должностной оклад был у консула. Как уже отмечалось выше, он состоял из двух частей - 40 и 20 соммов = 60 соммов в год, что, примерно, составляло 12000 аспров (т.е. месячная зарплата консула, на которую он должен был содержать и своего слугу, составляла 1000 аспров). Нотариус консульства получал 50 соммов годового жалования (10000 аспров в год или около 833 в месяц). Переводчик - 150 аспров в месяц (1800 в год); домовой священник - 125 аспров в месяц (1500 аспров в год); 4 оргузия - 485 аспров в месяц (5828 аспров в год); 3 полицейских служителя - 135 аспров в месяц (1620 аспров в год); 1 цирюльник - 150 аспров в месяц (1800 аспров в год); 2 трубача - 300 аспров в месяц (3600 аспров в год); 1 подкомендант Нижней крепости - 150 аспров в месяц (1800 аспров в год); 1 полицейский пристав - 150 аспров в месяц (1800 аспров в год); 1 комендант Нижней крепости и его слуга - 500 аспров в месяц (6000 аспров в год); 33 наемных солдата Нижней крепости с месячным окладом в 150 аспров (59400 аспров в год); 1 комендант крепости св. Николая и его слуга получали 500 аспров в месяц (6000 аспров в год); 7 солдат крепости св. Николая - по 200 аспров в месяц (16800 в год); 1 пушкарь - 100 аспров в месяц (1200 в год). Таким образом, на содержание 62 человек, занимавших административные, военные и полицейские посты в аппарате консульства Чембало, в год расходовалось из казны колонии в виде зарплаты 130148 аспров. Кроме того, Уставом предусматривались обычные расходы (De expensis ordinariis et annuis Cimbali): на проезд консула от Генуи до Чембало (500 аспров); церковные праздники (1020 аспров); закупку дров для отопления лоджии (700 аспров); освещения замка и лоджии (300 аспров); на знамена и штандарты дожа и коммуны Генуи (400 аспров); на единовременное пожертвование баллистариям (300 аспров) - т.е. всего 3220 аспров в год (вероятно, эта сумма принята А.М. Чиперисом за основу при подсчете затрат на содержание административного аппарата колонии).

Уставом 1449 г. были специально предусмотрены расходы на пожизненную выплату пособий шести жителям Чембало за особые заслуги перед коммуной (ослеплены при защите города) - 675 аспров в месяц (8100 аспров в год)[26]. Таким образом, общие расходы консульства Чембало, зафиксированные Statutum Caphe на 1449 г. составляли около 141460 аспров, что равно, примерно, 707 кафинским соммо.

Проведенные расчеты показывают, что в середине XV в. в консульстве Чембало функционировал относительно небольшой по численности административный аппарат, который состоял из 12 чиновников: консула, нотариуса, переводчика, министрария, 4 оргузиев (конная полиция), 4 полицейских во главе с кавалерием. Годичные затраты на содержание этого аппарата составляли 33048 аспров, т.е. 25,4% от суммы, расходуемой на оплату лиц, нанимаемых коммуной Генуи, а впоследствии протекторами банка св. Георгия. Значительная часть средств (97100 аспров) выделялась на поддержание обороноспособности крепости Чембало. При этом необходимо учитывать затраты на строительство и ремонт оборонительных сооружений города, а также закупку вооружения, размеры которых нам не известны.

Таким образом, представленный материал позволяет говорить о том, что в первой половине - середине XV в. генуэзцами в Чембало был создан сравнительно небольшой, но достаточно эффективный административно-управленческий аппарат, который осуществлял гражданскую, юридическую и военную власть. До момента передачи колоний банку св. Георгия в 1453 г., консул как глава административного аппарата обладал значительными полномочиями, объединяя в своем лице

гражданскую, судебную, финансовую и военную должность, но не имел права вмешиваться в процесс сбора налогов (т.е. не мог осуществлять фискальные функции, которые исполнялись министрарием). Реформы 1454-1455 гг. были направлены на создание дополнительных материальных стимулов для претендентов на занятие должностей в Причерноморских колониях. Именно с этой целью консулы и кастелляны получают право мелкооптовой торговли через принадлежавшие им таверны, а консул, освобожденный от должности начальника гарнизона, теперь исполняет и функции министрария. Оплата должностных окладов чиновников производилась из суммы собранных в консульстве налогов, которые поступали в Каффу. К сожалению, на настоящий момент отсутствуют достаточно полные сведения об обороте "товарной массы", которая проходила через рынок Чембало, а это не позволяет определить соотношение расходных и приходных статей консульства. Также остается невыясненным вопрос степени административного подчинения Чембало поселений, входивших в его территориальные владения, - так же, как и размеры этих владений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Броневский М. Описание Татарии (Tartarie descriptio) // ЗООИД. 1867. Т. VI. С. 347.
2. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л., 1964. С. 120.
3. Marozzo della Rocca R. Notizie da Caffa // Stati in onnore di A.Fanfani. Milano, 1962. Vol. III. P. 265-295, n. 7,8.
4. Baldi G. Caffa e Perra a meta del Trecento // RESEE. Bucurest, 1978. An. XVI. N 2. P. 218-222, 226-227.
5. Гейд В. История торговли Востока в средние века (извлечения из сочинения Вильгельма Гейда "История торговли" в пер. Л.П.Колли) // ИТУАК. 1915. № 52. С. 63.
6. Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде (справка о Фуллах) // ИТУАК. 1920. № 57. С. 19.
7. Iorga N. Notes et extraits pour servir a L'histoire des Croisades au XVe siecle. Paris, 1899. P. 385; Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea // The mediavel Academy of America. Cambrige, Mass., 1936. P. 204.
8. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. (изд. В.Юргевич) // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 629-837; Statuto di Caffa / ed. A.Vigna // ASLSP. 1879. T. VII. Parte 2. P. 567-680; Origone S. L'administrazione genovese a Caffa nel secolo XV // Saggi e documenti III. Civico Instituto Colombiano, Stadie testi // Serie Storica a cura di Geo Pistarino, 4. Genova, 1983. P. 229-318; Balletto L. Monenti di vita Genovese nella Caffa del Banco di San Giorgio // Bulgaria Pontica Vedii aevi. 1992. III. P. 105-104; Данилова Э.В. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам "Codice") // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 189-214; Codice diplomatico colonie Tauro // Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S.Giorgio (MCCCCLIII-MCCCCLXXV) ordinato ed illustrato dal P.Anadeo Vigna // ASLSP. Vol. VI-VII. Genova, 1868-1871 (далее-Codice).
9. Чиперис А.М. К истории Чембальского восстания // Уч. записки Туркменского Госуниверситета им. А.М.Горького. 1961. Вып. XIX. С. 291-306.
10. Устав 1449 г. С. 783-784; Statutum Caphe, LXXXI. De ordine Cimbali. P. 661-662.
11. Устав 1449 г. С. 783-784.
12. Устав 1449 г. С. 789.
13. Codice, doc. LXVI.
14. Codice, doc. XXXII, XLII.
15. Codice, doc. XXXII. О должностных обязанностях министрария Чембало см. Statutum Caphe, LXXXIV. De o balia et obuentionibus ministralis Cimbali. P. 666-668; Устав 1449 г. "Об обязанностях и доходах пристава, наблюдавшего за продажею в Чембало". С. 791-795; Чиперис А.М. Указ. соч. С. 295-298.
16. Codice, doc. LXVII, a. 1455, 4 Jan.
17. Statutum Caphe. P. 662; Устав 1449 г. С. 784.
18. Codice, doc. XCVII.
19. Ibid.
20. Vigna A. Serie dei consoli di Cembalo // Atti... VII. P. 926.
21. Codice, doc. L, LIII.
22. Codice, doc. CCLI, CCLVIII.
23. Codice, doc. L, LIII.
24. Codice, doc. CCI, CCXXVII.
25. Чиперис А.М. Указ. соч. С. 296.
26. Устав 1449 г. С. 787.

Хайреднова Э.А.

ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ С БОЛЬШИМИ ПРЯЖКАМИ С ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКОЙ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

В письменных и иконографических источниках отсутствуют данные об одежде жителей Крыма в эпоху раннего средневековья. Единственным источником для нас могут служить результаты археологических исследований могильников. Местное население хоронило умерших в прижизненной одежде, о чем свидетельствуют следы поношенности и ремонта на многих металлических деталях костюма и украшениях. Текстильные остатки, сохраняющиеся только в виде фрагментов на окисленных металлических аксессуарах одежды, находившихся с ними в соприкосновении, не дают возможности полностью восстановить фасон одежды. Поэтому костюм можно изучать, в основном, по составляющим единый гарнитур функциональным деталям одежды (пряжки и фибулы) и служившим украшениями бусам, подвескам, серьгам, браслетам и перстням. Расположение вещей, зафиксированных in situ на костяке, позволяет в некоторых случаях восстановить фасон одежды.

Открытая в 1959 г. в крипте базилики Сен-Дени (в предместье Парижа) богатая могила с текстильными остатками дает представление о женской одежде эпохи раннего средневековья. Исследователи связывают это погребение с меровингской королевой Арегондой, умершей в конце VI в. - начале VII в. Королеву похоронили в рубашке из тонкой шерсти, поверх которой при помощи широкого пояса с пряжкой на поясе застегнули платье из фиолетового шелка. На груди к платью небольшими фибулами была пристегнута длинная накидка-плащ из красно-коричневого шелка с широкими рукавами. Покрывавший голову платок скреплялся на груди большой булавкой. Одетые на ноги чулки из тонкой шерсти подвязывались перекрещенными ремешками с металлическими наконечниками. Невысокая обувь из тонкой кожи застегивалась на лодыжке маленькими пряжками[1].

Во второй половине VI-VII вв. жители Юго-Западного Крыма хоронили взрослых женщин в парадном наряде с парой фибул на груди и с большой пряжкой на поясе. Одним из вариантов названного женского одеяния является костюм с пряжкой с христианской символикой на прямоугольном щитке, характерный для второй половины VI - первой половины VII вв.

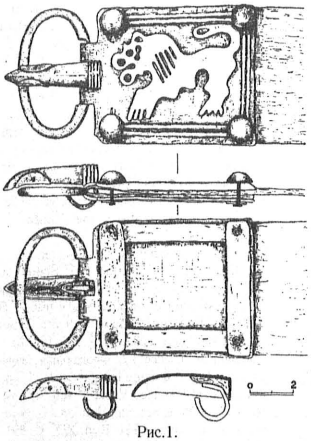


Рис.1.
Пряжка с изображением льва на щитке варианта 6 из погребения 8 склепа 102 могильника у с.Лучистое.

Пряжки выполнены из серебра с овальным кольцом, литым, треугольным или сегментовидным в сечении язычком и прямоугольным щитком (рис. 1). Кольца двух пряжек отлиты со стилизованными изображениями смотрящих друг на друга птичьих голов[2]. Щиток пряжек сделан из согнутой пополам пластины с вырезанными в месте сгиба двумя петлями для крепления на кольце. Типология и хронология этих пряжек разработана А.И.Айбабиным[3]. По декору на верхней пластине щит-

ка они представлены тремя вариантами: с вытисненными крестами (4 вариант), с вычеканенным в центре щитка равноконечным крестом (5 вариант) и с откованным по твердой модели изображением льва (6 вариант) (рис. 2).

Единственная пряжка 4 варианта зачищена в могиле 90 первой половины VII в. могильника Суук-Су (рис. 2, 1)[4]. Пряжки 5 варианта с вытисненным крестом найдены на некрополях Херсонеса, Черная Речка, Чуфут-Кале, Скалистое и Лучистое в комплексах второй половины VI - первой половины VII вв. (рис. 2, 1,2)[5]. Самая поздняя из них лежала в склепе 41 могильника Чуфут-Кале, где также находились детали поясного набора второй половины VII в.[6]. Пряжки с изображениями зверей 6 варианта известны только в погребениях первой половины VII в. из Скалистого, Суук-Су и Лучистого (рис. 2, 3)[7]. Пряжки с христианской символикой были распространены в Юго-Западном Крыму - в регионе от Алушты до низовьев реки Черная, отождествляемом исследователями с описанной Прокопием страной Дори, населенной готами-христианами[8]. Вероятно, представители этого же населения похоронены с пряжками с изображением креста и в двух склепах (62/1909 и 620) некрополя Херсонеса. За пределами Юго-Западного Крыма названные пряжки не найдены. По наблюдению А.И.Айбабина, форма и конструкция язычка и щитка описанных пряжек близки германским с прямоугольными щитками вариантов 1-2, а декор характерен для византийской продукции. По мнению исследователя пряжки с крестом 5 варианта производились в Херсонесе, а пряжки с изображением льва 6 варианта, найденные только на варварских некрополях Юго-Западного Крыма, изготовляли местные мастера [9].

Многие пряжки поношенны и сохранили следы ремонта. Язычки пряжек обычно отливались из серебра со скобой, при помощи которой они укреплялись на кольце. Вероятно, при функционировании пряжки именно на эту деталь приходилась большая нагрузка. Сломанные скобы заменяли бронзовыми, укрепленными на пасту внутри полого язычка (рис. 1).

Пряжки укреплялись на ремне из кожи толщиной 0,2-0,3 см. Ремень вставлялся между верхней и нижними пластинами щитка. С обратной стороны нижняя пластина усиливалась двумя или четырьмя узкими, вырезанными из меди пластинками, скрепленными с щитком заклепками-гвоздиками с полусферическими шляпками (рис. 1). Остатки кожи часто фиксируются между щитком и нижней пластиной пряжек. В месте крепления пряжки ремень по ширине равен щитку (от 3,5 до 4,7 см). К концу ремень сужался - прорезь кольца уже щитка на 0,5-1,5 см.

Широким ремнем с большой пряжкой подпоясывали верхнее платье. К поясу сбоку подвешивали железный нож - вероятно, как вещь, необходимую во время еды.[10] Почти все ножи (длина 9-17 см) имели деревянную рукоять и вставлялись в деревянные ножны.

Женский пояс с большой пряжкой застегивался справа налево - так же, как и мужские пояса. В погребениях пряжки располагались кольцом вправо (рис. 3, 1,8). Однако, в двух погребениях из Лучистого (подбойная могила 99, погребение 2; склеп 111, погребение 6) зачищенные in situ большие пряжки лежали иначе: кольцом влево и с перевернутыми изображениями на щитках (рис. 4, 1,7). При таком положении пряжки, ремень должен был застегиваться слева направо. Пояс с прикрепленной наоборот пряжкой мог принадлежать женщине-левше. В подтверждение этого отметим, что ножи на этих костяках лежат на правой стороне (рис. 4, 1,6), тогда как в остальных - слева (рис. 3, 1,10). Прикрепленным к поясу справа ножом удобно пользоваться левше.

Жительницы Юго-Западного Крыма в наборе с большой пряжкой обычно носили две парные фибулы различных типов. В погребениях фибулы всегда лежат вдоль плечевых костей головками вниз (рис. 3, 1,7; 4, 1,3,4). Обычай носить с костюмом с большой пряжкой пару одинаковых фибул на плечах складывается в V в. на Среднем Дунае, под влиянием римской провинциальной моды в среде разноплеменной верхушки гуннского государства. В VI в. он остался только у визиготов, остготов и готов Крыма[11].

Фибулами пристегивали наплечную одежду. Это могла быть накидка из цельного куска легкой ткани, либо плащ с широкими рукавами, подобный найденному в упомянутом выше погребении меровингской королевы Арегонды. Присутствие накидки или плаща в костюме древних жительниц Крыма косвенно подтверждается расположением бисера, которым обшивали края одежды. Так, в захоронении 1 с орлиноголовой пряжкой первой четверти VII в. из склепа 100 могильника у с.Лучистое, кроме бус из ожерелья найдено несколько сотен стеклянных бисерин черного, синего

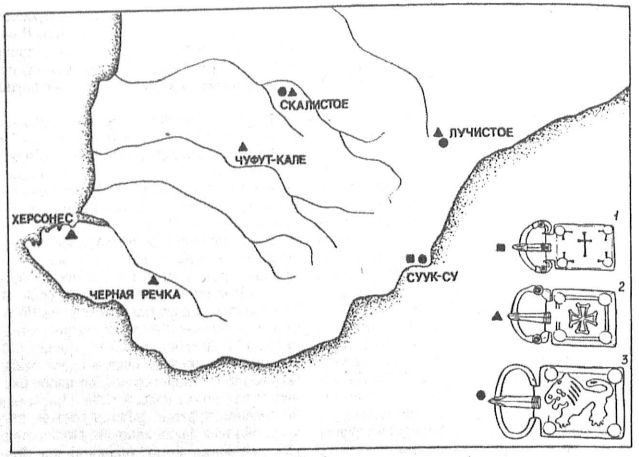


Рис.2.
Ареал больших пряжек с прямоугольным щитком с христианской символикой вариантов 4 (1), 5 (2) и 6 (3).

и зеленого цвета и более 40 мелких, плоских янтарных бусинок. При зачистке костяка их положение было зафиксировано in situ. Две полоски бисера шириной 4-5 см лежали вдоль фибул и костей рук до уровня пояса. Такая же полоса из бисера прослежена под костями черепа и шейными позвонками (рис. 5, 1). Положение бисера отметило края одежды. Таким образом могли быть обшиты только борта плаща или накидки, пристегнутой к платью фибулами (рис. 5, 3). Удалось зафиксировать и узор, который образовывали нашитые бисерины и бусы. Вдоль края борта плаща, на расстоянии 2,5-3,0 см одна от другой располагались мелкие, плоские янтарные бусинки. Свободное пространство занимали синие и черные шаровидные бисерины, а вдоль них - зеленые и желтые цилиндрические бусины (рис. 5, 2).

В наборе с большой пряжкой с христианской символикой носили двупластинчатые, пальчатые и прогнутые подвязные фибулы различных типов. Наиболее часто с названными пряжками надевали большие двупластинчатые фибулы, вырезанные из серебряной пластины и укрепленные с обратной стороны медными пластинками или стержнями (рис. 6). Треть погребений из Лучистого и 5 из 8 захоронений из Суук-Су с пряжками с христианской символикой и фибулами, сопровождались именно этими фибулами. По декору и длине они представлены тремя вариантами[12]: 1 - с рельефными декоративными накладками на головке длиной 18-22,5 см (Лучистое, склеп 102, погребение 3; Суук-Су, могила 67, погребение 1); 2 - без накладок длиной 15-19,2 см (Лучистое, склеп 10, погребение 14 и склеп 102, погребение 8; Суук-Су, могилы 91 и 198); 3 - длиной 7,3-13,9 см (Лучистое, склеп 104, погребение 2; Суук-Су, могилы 90 и 196). Двупластинчатые фибулы найдены в основном в наборе с пряжкой с изображением льва на щитке 6 варианта[13]. С пряжкой с крестами 4 варианта они зачищены в могиле 90 некрополя Суук-Су[14], а с пряжкой с крестом 5 варианта - в погребении 2 склепа 104 из Лучистого.

В Юго-Западном Крыму с середины VI в. и в VII в. двупластинчатые фибулы были составной частью одеяния с большими пряжками, разновидностью которого является описываемый нами костюм. Большие двупластинчатые фибулы варианта IIB-1 сопровождают почти все комплексы с орлиноголовыми пряжками 1 варианта из Суук-Су (склепы 46 и 56) и Скалистого (склеп 420)[15]. В Суук-Су они также найдены

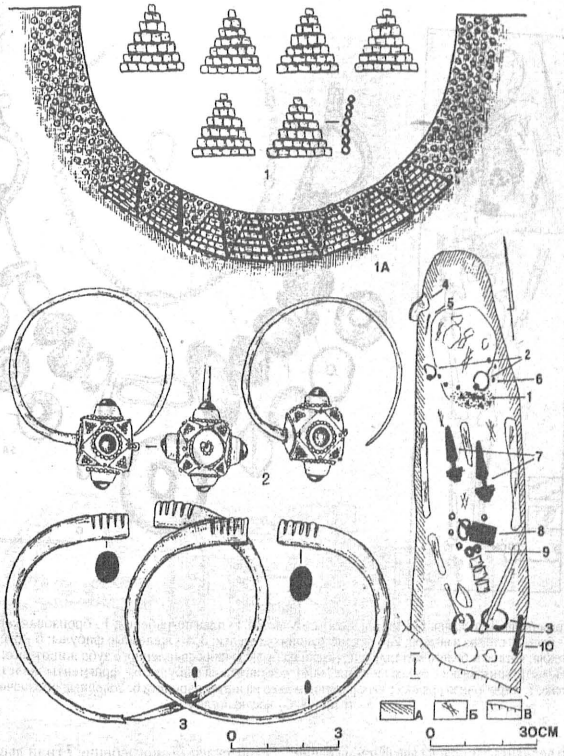


Рис.3.

Погребение 8 из склепа 102 могильника у с.Лучистое: I - план погребения; 1 - золотые подвески-городки; 1а - реконструкция горловины платья с нашитыми черным стеклянным бисером и подвесками-городками; 2 - золотые серьги с гранатовыми вставками; 3 - серебряные браслеты; 4 - фрагмент верхней части лепного горшка; 5 - железная игла; 6,9 - бусы из стекла и янтаря; 7 - серебряные двупластинчатые фибулы варианта IIВ-2; 8 - серебряная пряжка с изображением льва на щитке варианта 6; 10 - фрагмент железного ножа. Условные обозначения: а - темный органический тлен; б - костный тлен; в - трещина.

во всех погребениях с орлиноголовыми пряжками 2 (могилы 77 и 124) и в двух из четырех погребениях с пряжками 3 варианта (могилы 61 и 89), а в Лучистом - по одному разу с орлиноголовой пряжкой 2 (склеп 42, погребение 1) и 5 вариантов (склеп 10, погребение 5)[16]. Боспорская орлиноголовая пряжка, обнаруженная в подбойной могиле 315 могильника Эски-Кермен, сопровождалась двупластинчатыми фибулами варианта IIВ-3.

В погребении 1 конца VI - первой половины VII в. из склепа 77 из Лучистого вместе с пряжкой с изображением креста на щит-

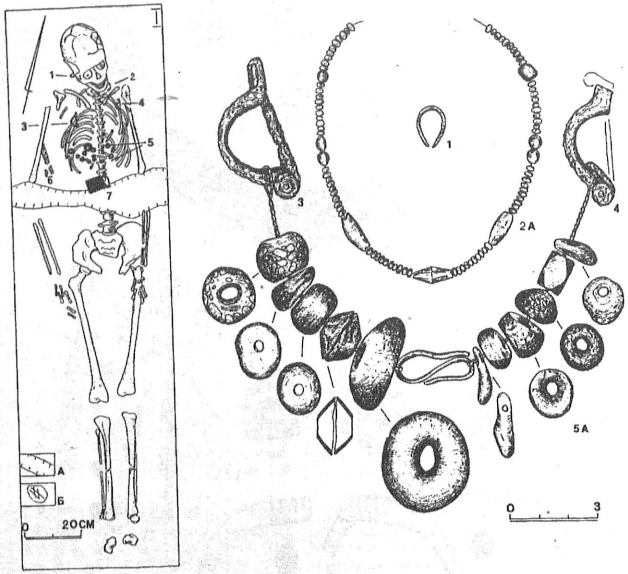


Рис.4.
Погребение 6 из склепа 111 могильника с.Лучистое. I - план погребения; 1 - бронзовая серьга; 2 - бусы из стекла и янтаря; 2а - реконструкция ожерелья; 3, 4 - железные фибулы; 5 - бусы из стекла, янтаря и белого металла и подвески из бронзы и просверленного зуба животного; 5а - реконструкция низки с бусами и подвесками, соединявшей фибулы; 6 - фрагменты железного ножа; 7 - серебряная пряжка с изображением льва на щитке варианта 6. Условные обозначения: а - трещина; б - костный тлен.

ке 5 варианта зачищены две фибулы Удине-Планис (рис. 7). Они выполнены из серебра и покрыты позолотой. На их головке при отливке исполнены схематичные изображения вьюнков, подправленные резцом. Головка и ножка украшены гнездами с гранатовыми вставками. На ножке отлиты выступы с двумя отверстиями. По технике орнаментации указанные фибулы отнесены к варианту 2[18]. Фибулы типа Удине-Планис распространены на Боспоре, где были составной частью костюма с местной орлиноголовой пряжкой.

В первой половине VII в. в наборе с большими пряжками с прямоугольными щитками, украшенными вытисненными изображениями креста (вариант 5) (Лучистое, склеп 77, погребение 7) или льва (вариант 6) (Суук-Су, могила 155, погребение 1) носили боспорские пальчатые фибулы с концентрическими ромбами на ножке варианта 2 с орнаментом, подправленным резцом после отливки[19].

Происходящие из Подунавья византийские широкопластинчатые подвязные и литые с дужноподвязным приемником фибулы[20] малочисленны в крымских погребениях. Их носили в первой половине VII в. с большими пряжками с изображением льва варианта 6 по одной на правой стороне груди (Суук-Су, склеп 153, погребение 1)[21], или вместе с однотипными, но отличающимися размерами и декором фибулами (Лучистое, склепы 74, погребение 5 и 104,

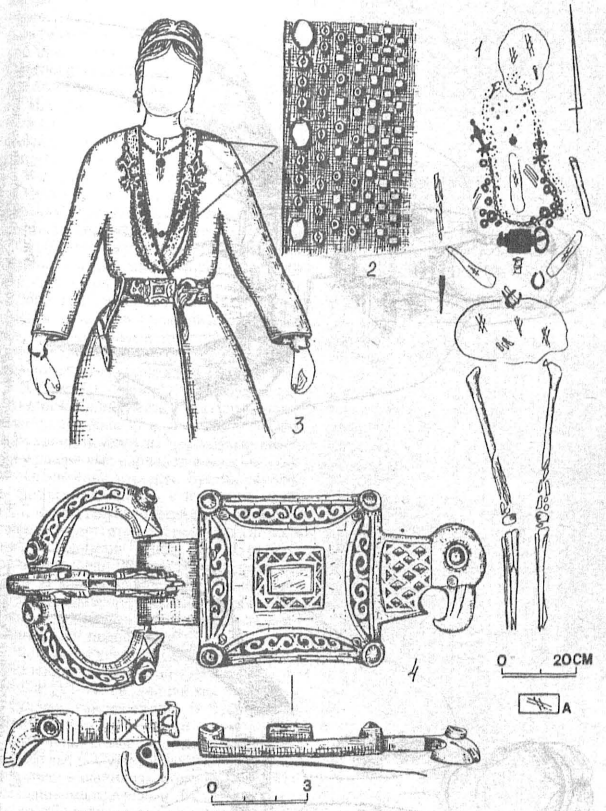


Рис.5.
Погребение 1 с орлиноголовой пряжкой из склепа 100 могильника у с.Лучистое. 1 - план погребения; 2 - реконструкция края плаща с нашитыми янтарными бусинами и стеклянным бисером; 3 - реконструкция одежды погребенной; 4 - серебряная орлиноголовая пряжка 2 варианта. Условные обозначения: а - костяной тлен.

погребение 4).

Фибулы, как и пряжки, долгое время находились в употреблении. Об этом свидетельствуют следы ремонта на игольном аппарате - функциональной детали многих фибул. При ремонте поломанные игла и пружина заменялись на железные.

Фибулы всех типов носили головками вниз. Часто фибулы соединяли нитями с бусами и подвесками (Лучистое, склепы 102, погребения 3 и 8, 104, погребения 2 и 4, 111, погребение 6) (рис. 4, 5А; 5). Низки, соединявшие фибулы, образованы 10-12 крупными бусами из стекла и янтаря и

Рис.7.
Реконструкция женского костюма из погребения 1 склепа 77 могильника у с.Лучистое.

Рис.6.
Реконструкция женского костюма из погребения 3 склепа 102 могильника у с.Лучистое.

иногда включают подвески из металла или просверленных зубов животных. Бусы нанизывались на толстую нить, концы которой привязывались к пружинам фибул. Остатки нити часто фиксируются на обратной стороне фибул и их игольном аппарате. Иногда несколько крупных янтарных бусин подвешивали на нити к одной из фибул (Лучистое, склеп 77, погребение 1) (рис. 7).

В захоронении из могилы 196 некрополя Суук-Су вместе с двупластинчатыми фибулами варианта IIВ-3 лежала бронзовая цепь, образованная восьмерковидными проволочными звеньями[22]. Обычно крайние звенья цепи надевались на иглы или крепились на тетиве пружин фибул, соединяя их между собой. Как правило, цепями украшали привозные из Подунавья, Поднепровья и Боспора пальчатые фибулы, вошедшие в состав гарнитура с орлиноголовыми пряжками с начала VII в.

В Юго-Западном Крыму фибулы с подвесками носили вместе с большими пряжками с середины VI в. и весь VII в. Обычай украшать фибулы подвесками известен у различных варваров в эпоху великого переселения народов. Бусами украшали фибулы аламаны в V в. и гепиды в VI в.[23] В качестве украшений для фибул цепи известны у остготов в Италии, у лангобардов и меровингов[24]. Цепи широко распространены среди древностей днепровского круга. В кладах из Среднего Поднепровья в большом количестве найдены цепочки с прикрепленными к ним колокольчиками и различными подвесками[25].

Фибулы не всегда входили в состав женского костюма с большой пряжкой. На протяжении VI-VII вв. носили как костюмы с фибулами, так и без них. В Лучистом из четырнадцати погребений с пряжками с христианской символикой девять содержали фибулы. В Суук-Су фибулы отсутствуют только в одном захоронении из восьми с названными пряжками. Только пряжки с крестом 5 варианта зачищены на костяках на некрополях Херсонеса (склеп 62/1909, погребение на полу), Черной Речки и Чуфут-Кале (склеп 41)[26]. Вероятно, отсутствие в некоторых гарнитурах с большими пряжками фибул следует связывать с социальным или имущественным положением их владельцев. В Лучистом зафиксированы случаи, когда в склепе - семейной усыпальнице - рядом с костяком с орлиноголовой пряжкой и парой фибул зачищено погребение с одновременной орлиноголовой пряжкой, но без фибул.

В наборе с большой пряжкой жительницы Юго-Западного Крыма обычно носили пару серег, два браслета и иногда перстни. В VI-VII вв. были распространены серьги с многогранником. По способу изготовления многогранника и его крепления к дужке эти серьги делятся на два типа: 1 - с многогранником, отлитым вместе с кольцом, или припаянным к нему (рис. 8, 1); 2 - с полым многогранником, надетым на дужку (рис. 3, 2). Серьги с многогранниками появились в начале V в. у населения римских провинций и вошли в искусство оседлых народов гуннского государства. В эпоху переселения народов они массово встречаются от Испании до Дагестана[27]. В Крыму серьги с припаянными, литыми многогранниками первого типа обнаружены в комплексах первой половины V в. - середины VII в.[28]. Вероятно, они делались местными мастерами по дунайским прототипам. Можно проследить эволюцию крымских серег этого типа. Самые ранние серьги, происходящие из комплексов V в., имеют небольшие размеры (диаметр 2,1-2,5 см, не превышает 3,0 см), а у некоторых 14-гранная бусина отлита вместе с кольцом[29]. Размеры серег из комплексов VI - первой половины VII в. увеличиваются, многогранник становится массивнее[30]. Эти серьги характерны для детских погребений (рис. 8). Только один раз они встречены в захоронении взрослой женщины с пряжкой с крестом на щитке варианта 5 (Лучистое, склеп 77, погребение 1) (рис. 7; 8,1)[31].

Серьги с надетым на проволочное кольцо полым многогранником второго типа в Крыму носили во второй половине VI-VII вв. Полый многогранник выполнен из фольги и заполнен пастой светло-желтого цвета. На его боковые грани напаяны гнезда из тонкой пластинки со стеклянными или каменными вставками. Вставки укреплялись в гнездах на пасте (рис. 3, 2). Серьги этого типа делались из золота и бронзы. Золотые серьги богато орнаментированы зернью и сканной проволочкой.

В Юго-Западном Крыму описанные серьги производили местные мастера по дунайским образцам. В Подунавье в V-VI вв. были широко распространены серьги с ажурным инкрустированным гранатами многогранником или с многогранником украшенным ромбическими гнездами[32]. Крымские мастера укрепляли каменные или стеклянные вставки не в вырезанных в многограннике отверстиях, а в специально напаянных гнездах. В отличие от дунайских, крымские серьги украшены не только ром-

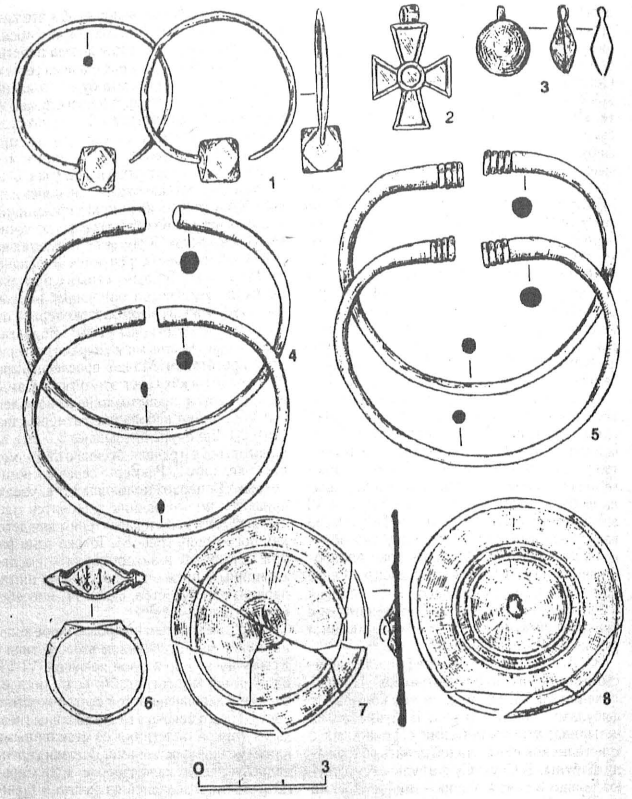


Рис.8.

Находки из погребений с большими пряжками с прямоугольными щитками 5 и 6 вариантов. 1-7 - Лучистое (1,4 - склеп 77, погребение 1; 2,3 - склеп 102, погребение 3; 5 - склеп 77, погребение 7; 6,7 - склеп 104, погребение 4); 8 - Суук-Су, могила 91. 1 - бронза с позолотой; 2 - бронза, стекло; 3,6 - бронза; 4,5 - серебро; 7,8 - белый металл.

бическими гнездами, но и круглыми, а треугольные грани вместо инкрустации декорированы зернью. Во второй половине VI - первой половине VII в. бытовали серьги с многогранником в форме куба. С начала VII в. местные мастера стали изготовлять серьги с массивным многогранником в форме параллелограмма и с кольцом большого диаметра. В могильнике Суук-Су серьги с массивными многогранниками обнаружены в комплексах первой половины VII в., а в Лучистом - в погребениях второй половины VII в. Золотые серьги с многогранником найдены только в комплексах с большими орли-

ноголовыми или прямоугольными пряжками 4-6 вариантов. С последними носили только серьги с многогранником в форме куба.

Серьги в виде кольца из круглой в сечении проволоки с сомкнутыми концами (рис. 4, 1) лежали по одной около правой височной кости в двух погребениях из Лучистого (склепы 74, погребение 5 и 111, погребение 6).

Браслеты из погребений с описываемыми пряжками выполнены, в основном, из круглого или овального в сечении стержня с утолщенными гладкими (рис. 8, 4), либо декорированными концами (рис. 3, 3; 8, 5). Первые найдены только в двух захоронениях с пряжками 5 (Лучистое, склеп 77, погребение 1) и 6 (Суук-Су, могила 67, погребение 1) вариантов[33]. Браслеты с утолщенными концами, украшенными резными линиями (рис. 8, 5) распространились в Крыму во второй половине V в. из Подунавья, где они были в моде у остготов[34]. В Юго-Западном Крыму названные браслеты бытовали вплоть до второй половины VII в. и были составной частью костюма с большой пряжкой. Со второй половины VI в. и весь VII в. в Крыму, наряду с названными, использовали браслеты, концы которых украшены небольшими насечками (рис. 3, 3). В конце VI-VII вв. в Юго-Западном Крыму носили и бронзовые браслеты с расплющенными концами с рельефным орнаментом «елочкой», нанесенным штампом. Подобные браслеты распространены среди вещей круга «древностей антов" в Среднем Поднепровье[35]. Аналогичный браслет сопровождал погребение с пряжкой 6 варианта из могилы 196 некрополя Суук-Су[36]. К костюму с большой пряжкой жительницы Крыма обычно надевали два однотипных браслета - по одному на каждое запястье. Однако в двух погребениях обнаружено по одному браслету на правой (Суук-Су, склеп 153, погребение 1) или левой (Суук-Су, могила 196) руке[37]. В захоронении 1 из могилы 67 из Суук-Су зачищено три браслета - два на правой и один на левой руках[38].

Перстни сопровождали 4 из 8 погребений с указанными пряжками из Суук-Су. В Лучистом перстень найден лишь в одном погребении (склеп 104,4) (рис. 8, 6). Форма и декор перстней разнообразны[39]. Известны перстни с выгравированным крестом и с имитацией греческой монограммы (рис. 8, 6)[40]. Вероятно, в древности не существовало определенных правил относительно того, сколько колец и перстней следовало одевать одновременно и на какой руке их носить. Носили по одному на правой (Суук-Су, могила 155) или на левой руке (Суук-Су, могила 196; Лучистое, склеп 104, погребение 4), по два на правой (Суук-Су, могила 90), и по три: два на правой, один - на левой руках (Суук-Су, могила 91)[41].

Женские погребения с описываемыми пряжками содержат большое количество бус. Из них образовывали ожерелья и украшения для фибул. Во второй половине VI - первой половине VII вв. бисером отворачивали женскую одежду. В захоронении 8 из склепа 102 могильника Лучистое, в области шейных позвонков зачищено несколько сотен черных бисерин и лежавшие на них золотые подвески-«городки» (рис. 3, 1,1). Вероятно, ворот платья погребенной женщины был оторочен бисером и нашитыми поверх него золотыми подвесками (рис. 3, 1А). Подвески - «городки» характерны для погребений с орлиноголовыми пряжками[42]. Их, вероятно, использовали в качестве подвесок в ожерельях или нанизывали на нить, соединявшую фибулы.

Ожерелья образованы 12-36 некрупными бусинами и обычно включают подвески из различных материалов. Подвески располагались в центре ожерелья. Длина низки с бусами невелика (12-30 см), и вероятно свидетельствует о том, что ожерелья не охватывали всю шею, а служили украшением только спереди. Такой способ ношения бус, возможно, связан с присутствием в одежде плаща. Его ворот почти полностью закрывал шею, оставляя открытым лишь пространство около горла.

Во второй половине VI - первой половине VII в. в ожерельях преобладают янтарные бусы. Ожерельям этого времени не свойственна полихромия: бусины, использующиеся в них, выполнены из одноцветного синего, зеленого или черного стекла. Основу многих ожерелий составляет бисер, дополненный несколькими мелкими бусинами из янтаря и стекла (рис. 4, 2А). Встречаются бусы, украшенные мелкими разноцветными пятнышками или глазками. В первой половине VII в. в ожерельях становятся многочисленными сердоликовые бусы. В Крым из Ирана поступают сердоликовые бусы с белой инкрустацией[43]. Ожерелья дополнялись подвесками из органических материалов - просверленных косточек и зубов животных, а также раковин каури. Распространены линзовидные бронзовые подвески (рис. 8, 3). В захоронении 3 первой половины VII в. из склепа 102 могильника у с.Лучистое, среди бус

Рис.9.
Реконструкция детского костюма из погребения 2 склепа 104 могильника у с.Лучистое.

из ожерелья зачищены обломки небольшого бронзового креста. На рис. 8, 2 представлена его реконструкция. Лопасти креста, а также центральное круглое поле украшены укрепленными на пасту желтыми стеклянными вставками. Кресты редки в гарнитурах с большими пряжками. Помимо упомянутого, крест обнаружен лишь в составе ожерелья из погребения с орлиноголовой пряжкой 5 варианта второй половины VII в. из склепа 257 могильника Эски-Кермен[44].

В двух погребениях (Лучистое, склеп 104, погребение 4; Суук-Су, могила 91) с пряжками с изображением льва в области пояса зачищено по зеркалу[45]. Круглые зеркала (диаметр 4,7 и 4,9 см) выполнены из белого металла с петелькой для подвешивания на обратной стороне и украшены концентрическими валиками (рис. 8, 7,8).

По мнению А.М.Хазанова, зеркала с петелькой на оборотной стороне (тип X по его классификации) появились в конце II-III в. у сармат, в районе Поволжья, в результате заимствования сибирско-китайских форм и под влиянием орнамента на сарматских зеркалах типа IX с боковым ушком[46]. В гуннскую эпоху зеркала с петелькой на оборотной стороне распространены в Нижнем Поволжье, Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и в Центральной Европе. Появление их в Центральной и Западной Европе исследователи связывают с движением гуннов на запад[47]. По наблюдению В.Б.Ковалевской, для аланской культуры Северного Кавказа V-IX вв. зеркала являются специфическим инвентарем[48]. Много их в памятниках салтовской культуры VIII-X вв.[49]

В Юго-Западном Крыму зеркала с петелькой на оборотной стороне появляются в IV в. на некрополях, возникновение которых исследователи связывают с проникновением на полуостров в середине III в. племен алан. Зеркала, происходящие из комплексов IV - первой половины V в., украшены радиальными линиями (Инкерман, Скалистое, Дружное, Лучистое)[50]. В первой половине V в. в Крыму появляются и характерные для эпохи средневековья зеркала с концентрическими рельефными валиками. Самые ранние зеркала с таким орнаментом обнаружены в Заморском (могила 22)[51] и в Керчи[52]. На Боспоре и в его сельской округе эти зеркала бытовали и в VI-VII вв.[53] В Юго-Западном Крыму зеркала с концентрическими рельефными валиками обнаружены в склепе 8 могильника Совхоз 10 с самосской амфорой VI в.[54], в Скалистом - в склепе 413 с пряжками VI-VII вв.[55] В VII в. в названном регионе зеркала немногочисленны. Они найдены в упомянутых погребениях с большими пряжками с христианской символикой[56], в Скалистом в склепе 449 среди сваленных в кучу находок из разных погребений, вместе с двупластинчатыми фибулами варианта IIB-1 и пряжкой с изображением креста на щитке 5 варианта[57] и в Лучистом, в склепе 77 на детском костяке 2, лежавшем поверх женского захоронения 1,с пряжкой с крестом 5 варианта[58]. В Восточном Крыму аналогичное зеркало зачищено в погребении хазарки конца VII в. у с.Новопокровка[59]. Зеркала с концентрическими рельефными валиками распространены на черноморском побережье Северного Кавказа. В могильнике Дюрсо они обнаружены в погребениях с двупластинчатыми фибулами варианта I а и б (по А.В. Дмитриеву) конца V - второй трети VI в.[60] Аналогичные зеркала найдены и в салтовском Дмитриевском могильнике[61].

Большие пряжки обнаружены в женских захоронениях. В детских погребениях они обычно отсутствуют. В отличие от взрослых, платье девочек подпоясывали ремнем с маленькой пряжкой или поясом без пряжки.

На детском костяке 2 из склепа 104 могильника у с.Лучистое зачищен гарнитур, по своему составу типичный для женских погребений: пара двупластинчатых фибул и пряжка с вытисненным изображением креста на прямоугольном щитке (рис. 9). Однако эти изделия являются лишь уменьшенными копиями характерных для костюма взрослых женщин одновременных аксессуаров. Кольцо и язычок пряжки выполнены из пластины. Щиток пряжки и фибулы сделаны из тонкого листа серебра. При этом ни пряжка, ни фибулы не укреплены с обратной стороны бронзовыми пластинами, как это сделано у всех подобных застежек из погребений взрослых. Вероятно, названный детский гарнитур не предназначался для долгого употребления, а был изготовлен специально для погребения.

Во второй половине VI - первой половине VII вв. взрослые жительницы Юго-Западного Крыма застегивали пояса большими пряжками с христианской символикой 4-6 вариантов и орлиноголовыми пряжками 1-3 вариантов. Гарнитуры с обоими видами пряжек близки по составу: они включают пару больших фибул, иногда соединенных нитью с бусами или цепью с подвесками, серьги (чаще всего с многогранником), пару браслетов с утолщенными гладкими или декорированными концами и ожерелье из стеклянных и янтарных бусин. От одновременных костюмов с орлиноголовыми пряжками 1-3 вариантов описанный нами гарнитур с пряжками с христианской символикой отличается набором фибул и некоторыми украшениями, присутствием в последнем иголок и зеркал. С орлиноголовыми пряжками 2-го варианта конца VI - первой четверти VII в. и 3-го варианта второй четверти VII в., наряду с местными двупластинчатыми, прогнутыми подвязными из Подунавья и керченскими с концентрическими ромбами на ножке фибулами, носили пальчатые днепровские фибулы (Суук-Су, могилы 28 и 86; Лучистое, склепы 38 и 46а)[62]. С бытовавшими в этот период пряжками с христианской символикой днепровские фибулы не найдены. Фибулы, носившиеся в гарнитуре с орлиноголовой пряжкой, часто соединены цепями с подвешенными к ним колокольчиками. В захоронениях с пряжками с христианской символикой цепь, как и колокольчик, найдены лишь по одному разу (Суук-Су, могила 196; Лучистое, склеп 10, погребение 14)[63]. Во многих захоронения с орлиноголовыми пряжками присутствуют подвески-"городки" (Суук-Су, склепы 46 и 56, могилы 61 и 89; Скалистое, склеп 420)[64], тогда как с описываемыми нами пряжками они обнаружены только в одном погребении 8 из склепа 102 могильника у с.Лучистое (рис. 3, 1). Вместе с тем, в погребениях с пряжками с христианской символикой присутствуют зеркала (Лучистое, склеп 104, погребение 4; Суук-Су, могила 91) и иглы (Лучистое, склепы 74, погребение 5 и 102, погребение 8), которых нет ни в одном из комплексов с орлиноголовой пряжкой.

Гарнитуры с одновременными орлиноголовыми и прямоугольными пряжками с христианской символикой происходят из одних могильников, а иногда и из одного погребального сооружения. В Лучистом, в слое 2 склепа 10 погребение 14 с пряжкой с изображением льва на щитке зачищено рядом с костяками (12 и 13) с синхронными орлиноголовыми пряжками 3 варианта[65]; в склепе 42 костяк 3 с указанной пряжкой находился рядом с захоронениями с орлиноголовыми пряжками 1 и 2 вариантов; в западной части камеры склепа 74 во второй половине VII в. похоронили женщину с орлиноголовой пряжкой 1 варианта, а несколько позже - в первой половине VII в. - на полу вдоль восточной стенки этой же камеры захоронили женщину с пряжкой со львом. В склепе 102 из Лучистого два захоронения с пряжками со львом зачищены в слое, перекрывавшем более раннее погребение с орлиноголовой пряжкой 1 варианта. Склепы служили семейными усыпальницами и вряд ли бы в них хоронили представительниц разных этносов. Погребения с пряжками обоих видов совершены по одному обряду. Вероятно, указанные выше различия в гарнитурах с названными пряжками следует связывать с социальным или имущественным положением их владелиц.

Бесспорно, женский костюм, в состав которого входила большая пряжка был парадным одеянием. Основные золотые украшения VI-VII вв. - серьги с многогранником и подвески-«городки" - носились только в гарнитурах с большими пряжками. Именно с ними одевали массивные серебряные двупластинчатые фибулы и браслеты. Вероятно, гарнитур из пряжки, фибул и украшений не передавали по наследству, а дарили женщине при достижении определенного возраста или в качестве приданого при вступлении в брак. Названные аксессуары носились на протяжении всей последующей жизни, а после смерти их владелицы становились частью ее погребального одеяния.

В специальной литературе неоднократ-

но говорилось о германском этническом компоненте в раннесредневековом Юго-Западном Крыму[66]. В письменных источниках этого времени местное население названо готами[67]. В качестве яркого свидетельства присутствия германцев исследователи называют один из наиболее устойчивых этнографических признаков - женский костюм, детали которого фиксируются в погребениях этого времени. Действительно, по составу гарнитура, а также по способу ношения фибул костюм с большими пряжками близок этнографическому женскому костюму остготов и визиготов[68]. Однако, в Юго-Западном Крыму германские гарнитуры с большими пряжками зачищены в типичных для алан погребальных сооружениях[69]. В некоторых захоронениях зафиксирован и характерный для алан и известный у готов обычай искусственной деформации черепов (Суук-Су, могила 91; Лучистое, склепы 105 и 111, подбойная могила 99)[70]. В склепе 62/1909 некрополя Херсонеса с погребением с пряжкой с крестом 5 варианта зачищены костяки с деформированными черепами[71]. Описанный костюм с пряжками с христианской символикой наглядно демонстрирует процесс христианизации и византинизации варварского населения Юго-Западного Крыма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Fleury M., France-Lanord A. La tombe d'Aregonde // Dossier de l'archeologie. 1979, N32, p. 27-89. Périn P. La basilique de Saint-Denis, necropole royale merovingienne // L'archeologue. 1997, N29, p. 24. Vallet F. De Clovis a Dagobert, les Merovingiens. Paris, 1997, p. 100-101.
2. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь, 1990, с. 206, рис. 27, 4. Айбабин А.И., Хайреди нова Э.А. Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с.Лучистое // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь, 1996, с. 500, рис. 5,1.
3. Айбабин А.И. Хронология..., с. 31-32.
4. Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов. Часть I // ИАК, 1906, вып. 19, с. 27, 71, рис. 49. Айбабин А.И. Хронология..., с. 31.
5. Лепер Р.Х. Дневники раскопок Херсонесского некрополя // ХСб., вып. II, Севастополь, 1927, с. 199. Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма // СА, 1958, XXVIII, с. 208, рис. 3, 4. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. МИА, N63, М.-Л., 1959, с. 270, рис. 135, 1. Айбабин А.И. Хронология..., с. 31, рис. 27, 4; 28, 1-3. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. К., 1993, рис. 5, 21; 71, 2; 77, 11; 82, 12; 110, 12. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новый комплекс..., с. 86, 89, 500, 506, рис. 5, 1; 11, 13.
6. Айбабин А.И. Хронология..., с. 31, рис. 2, 105,128, 129, 131, 138,144.
7. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. I, с. 71, рис. 44; 46; 47; табл. IX, 4,6. Когонашвили К.К., Махнева О.А. Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. К., 1974, с. 122, рис. 10. Айбабин А.И. Хронология..., с. 31-32, рис. 27, 1-3,5,6; 28, 5. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский..., с. 93, рис. 65, 18. Айбабин А.И. Комплексы с большими двупластинчатыми фибулами из Лучистого // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994/1995, рис. 7, 4; 28.
8. Васильев А.А. Готы в Крыму. I. Ранняя пора христианства и эпоха переселения народов // ИРАИМК, Пгр., 1921, т. I, с. 45-47. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П.Кондратьева. М., 1950, с. 384-385, IV,4,9-12. Прокопий Кесарийский. О постройках / Пер. С.П.Кондратьева // ВДИ, 1939, N4, кн. 3, VII,10-12. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма: Автореферат докт. дисс., Спб., 1998, с. 17.
9. Айбабин А.И. Хронология..., с. 29-31, рис. 24, 1-7; 25, 1; 26, 1.
10. Амброз А.К. Юго-западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ, вып. IV, Симферополь, 1994/1995, с. 43.
11. Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975, S. 80-84; Амброз А.К. Юго-западный..., с. 61.
12. Типы фибул даны по классификации А.И.Айбабина. См. Хронология..., с. 19.
13. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. I, с. 20, 27-28. Репников Н.И. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // ИАК, 1909, вып. 30, с. 107-108. Айбабин А.И. Комплексы..., с. 134-135, рис. 16.
14. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. I, с. 27.
15. Там же, с. 12, 16-17. Айбабин А.И. Хронология..., рис. 27, 80, 81. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский..., с. 103, рис. 73, 1,2,4.
16. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. I, с. 19, 23, 26-27. Репников Н.И. Некоторые

могильники области Крымских готов. Часть. II //ЗООИД, 1907, т. XXVII, с. 110. Айбабин А.И. Комплексы..., с. 133-134, 137, рис. 8; 9; 11; 22-24.
17. Ajbabin A.I. I Goti in Crimea (secoli V-VII)//I Goti. Milano, 1994, p. 130, fig. II.42-44.
18. Айбабин А.И., Хайреднинова Э.А. Новый комплекс..., с. 89-90, 499, рис. 4, 1,2.
19. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. II, с. 117-118, 148, рис. 132. Айбабин А.И., Хайреднинова Э.А. Новый комплекс..., с. 90, 506, рис. 11, 1,2.
20. Uenze S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec. München, 1992, S. 146-159.
21. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. II, с. 116, 146, рис. 111.
22. Репников Н.И. Разведки и раскопки..., с. 107.
23. Martin M. Schmuck und Tracht der frühen Mittelalters // Frühe Baiern im Straubinger Land. Straubing, 1995, S. 44, Abb. 22. Csallany D. Archeologische denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454-568 u.Z.). Budapest, 1961, S. 37-38, Abb. 6, Taf. XVIII, 4,5,7-9.
24. Werner J. Die Fibeln der Sammlung Diergardt. Berlin, 1961, S. 52, Taf. 47, 304. Annibaldi G., Werner J. Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta, Prov. Ascoli Picento (Marche)// Germania, 1963, 41, S. 362, Abb. 5,3. Bierbrauer V. Il ducato di Tidentum // I Longobardi. Milano, 1990, p. 122, II.22.
25. Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов" в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ, вып. V, Симферополь, 1996, табл. 44, 4-9; 53, 17,18; 54, 1-12; 57, 1-3; 69, 24-27; 70, 14-16; 75, 18; 78, 3.
26. Лепер Р.Х. Дневники раскопок.., с. 199. Кропоткин В.В. Из истории.., с. 210.
27. Bierbrauer V. Die Ostgotischen..., S. 166, Abb. 14. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков, М., 1982, с. 83-100, рис. 5, 26; 6, 3,29,50; 8, 6; 9, 1,2. Амброз А.К. Юго-западный..., с. 54.
28. Айбабин А.И. Хронология..., с. 58, рис. 2, 60.
29. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский..., с. 32, рис. 18, 39,49. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ, вып. III, Симферополь, 1993, с. 53, табл. 22,86. Айбабин А.И., Хайреднинова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ, Симферополь, 1998, вып. VI, с. 280, 292; рис. 4, 8; 10, 7,8.
30. Айбабин А.И., Хайреднинова Э.А. Новый комплекс..., с. 500, 505, рис. 5, 2,3; 10, 3,4.
31. Там же, с. 500, рис. 5, 2,3.
32. Bierbrauer V. Die Ostgotischen..., S. 244-248, Tav. XLVIII, 3; LVII, 2,3; LXXVIII, 6,7; LXXXVI, 2,4. Kurt Horedt C. Die Polyederohrringe des 5.-6. Jh. u. Z. aus der SR Rumänien // ZfA, 1979, 13, S. 243, Abb. 2, 20,21. Stadler P. Ostgermanische Gräber // Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987, S. 327, 345, Taf. 53, VII,37b.
33. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. I, с. 20. Айбабин А.И., Хайреднинова Э.А. Новый комплекс..., с. 500, рис. 5, 4,5.
34. Bierbrauer V. Die Ostgotischen..., Tav. LXXXIV, 2,3. Эрдели И. Новый могильник V в. в Кестхей-Фенекпусте // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982, с. 67, рис. 3, 4. Stadler P. Ostgermanische Gräber..., S. 326, 345, Taf. 53, VII,37c.
35. Корзухина Г.Ф. Клады..., табл. 24, 3; 22, 48; 51, 2,3,6-9,11,12; 104, 1-6.
36. Репников Н.И. Разведки и раскопки..., с. 107.
37. Там же, с. 107. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. II, с. 116.
38. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. I, с. 20.
39. Там же, с. 72, рис. 53; 55; 91.
40. Там же, с. 72, рис. 55.
41. Там же, с. 27-28. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. II, с. 118. Репников Н.И. Разведки и раскопки..., с. 107.
42. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. I, с. 12, 16-17, 19, 27.
43. Деопик В.Б. Классификация и хронология аланских украшений // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА, N114, М., 1963, с. 141-142.
44. Айбабин А.И. Погребения конца VII - первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982, с. 185, рис. 10, 10.
45. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. I, с. 27-28, 73, рис. 68.
46. Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА, 1963, N4, с. 67-68.
47. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.) Спб., 1994, с. 99-100.
48. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981, с. 87, 179, рис. 62.
49. Плетнева С.А. Салтово-маятская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981, с. 75, 150, рис. 37.

50. Веймарн Е.В. Археологічні работи в районі Інкермана // АП УРСР, 1963, т. XIII, с. 20, рис. 10,7. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский..., с. 9, 122, рис. 4, 16; 89, 2. Khrapounov I.N. Population des montagnes et piemonts de Crimee a l'epoque romain tardive // L'identité des populations archeologique. Sophia Antipolis, 1996, p. 71, fig. 6,16. Айбабин А.И., Хайреднинова Э.А. Ранние комплексы..., с. 280, рис. 4,1.
51. Корпусова В.М. Сільске населення піздньоантичного Боспору // Археологія, 1973, N8, с. 34, рис. 4, 22.
52. Засецкая И.П. Материалы..., с. 84, кат. 297.
53. Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннсредневекового периода // МАИЭТ, вып. VI, Симферополь, 1998, с. 470, 472, табл. XIV, 7,8; XVI, 13. Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997, с. 85, рис. 33, 3.
54. Высотская Т.Н. Склепы могильника совхоз 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ, вып. VI, Симферополь, 1998, с. 257-259, рис. 2, 17; 5, 25.
55. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский..., с. 97, рис. 68, 10.
56. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. I, с. 27-28, 73, рис. 68.
57. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский..., с. 86, 111, 114, рис. 59, 13; 82, 5,6.
58. Айбабин А.И., Хайреднинова Э.А. Новый комплекс..., с. 496, 501, рис. 1,22; 6, 12.
59. Гаврилов А.В. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // МАИЭТ, вып. V, Симферополь, 1996, с. 517, рис. 2, 5.
60. Дмитриев А.В. Раннесредневековые..., с. 85, 89, 92, рис. 6, 26,47; 8, 8; 9, 14,37.
61. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989, с. 101, рис. 51.
62. Айбабин А.И. Хронология..., с. 22.
63. Репников Н.И. Разведки и раскопки..., с. 107. Айбабин А.И. Комплексы..., с. 134, 158, рис. 12, 5.
64. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. I, с. 12, 16-17, 19, 27, табл. V, 2,3. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский..., с. 102, рис. 72, 22-24.
65. Айбабин А.И. Комплексы..., с. 134, 138.
66. Амброз А.К. Юго-западный..., с. 61. Айбабин А.И. Этническая история..., с. 16-17.
67. Прокопий Кесарийский. О постройках..., кн. 3, VII,10-12.
68. Айбабин А.И. Этническая история..., с. 16-17.
69. Айбабин А.И. Хронология..., с. 65-66.
70. Репников Н.И. Некоторые могильники..., ч. I, с. 27. Pilet C., Buchet L., Kazanski M., Derniers vestiges culturels des «peuples barbars". La mode «danubienne" // La necropole de Saint-Martin-de Fontenay. 54e supplement a Gallia. Paris, 1994, p. 102-103.
71. Лепер Р.Х. Дневники раскопок..., с. 199.

Т.Ю. Яшаева

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ПРЕДМЕСТЬИ ХЕРСОНА НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Гераклейский полуостров, обособленный от остальной части юго-западной Таврики горно-балочным рельефом, был органически связан с Херсоном - как географически, так и экономически. Его тесная связь с городом восходит еще к IV в. до н. э., когда он, в

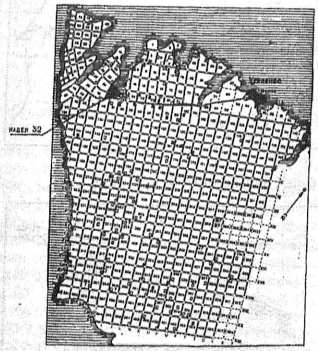


Рис.1.
Карта-схема Гераклейского полуострова с сеткой античных наделов. V-V — "Страбонова" дорога.

качестве ближней хоры, был размежеван на наделы. При изучении организации пригородных земель в средневековый период это представляется очень важным, так как ближняя округа на Гераклейском полуострове унаследовала античную систему дорог, отчасти межевые стены, в некоторых случаях сами строения (например, башни) и их локализацию. По данным археологических разведок и раскопок, строительство средневековых домов на месте античных усадеб наблюдается в балке Бермана[1], на наделах 4, 8, 9, 12, 14, 24, 30, 31, 32, 33[2], 48а[3], 150[4], 222[5], возможно, 93[6], 106[7] и некоторых других.

В статье рассматривается один из участков западной части Гераклейского полуострова, расположенный на правом берегу Камышовой бухты, в 7 км от Херсона. В IV в. до н. э. здесь был образован надел (№32) с усадьбой, укрепленной мощной башней (рис 1, 32). С двух сторон к нему примыкали древние дороги, одна из которых - так называемая "Страбонова", соединявшая город со "Старым", или "Страбоновым" Херсонесом на Маячном полуострове - была магистральная (рис. 1, V -V). По данным археологических раскопок она продолжала функционировать и в XI в[8]. Прямой выход к морю, наличие удобной бухты, а также близость магистральной дороги, связывавшей с городом, во многом способствовали долгой жизни этого района.

Раскопки, проводившиеся на наделе 32 в 1979-1982 гг., позволили выделить в интересующем нас периоде несколько слоев[9] (рис. 2а).

Строительные остатки конца IV-V вв. были выявлены в восточной и северо-восточной части комплекса. Они представлены обрывками стен, двухрусслового водостока и мощной двухпанцирной стеной С, построенной, очевидно, из блоков разобранного противотаранного пояса античной башни (рис.2,1; 3, III-III). В кладке стены найдена монета Льва I (457 — 474 гг.). О функционировании усадьбы в этот период свидетельствуют также фрагменты керамики, встречавшиеся по всей площади комплекса, но более всего сконцентрированные в его северо-восточной и восточной части: фрагменты краснолаковых мисок группы "Африканской краснолаковой посуды", форма 62В - конец IV — третья четверть VI вв.[10], (рис.4, 2,3,4,6,10,11); фрагменты краснолаковых мисок группы "Поздний римский С", форма 1 - конец IV/ начало V - вторая четверть VI в.[11] (рис. 4, 1, 7, 8); фрагменты светло-глиняных амфор с профилированными ручками: тип F, по классификации А.В. Сазанова - вторая половина IV - первая половина V вв.[12], (рис. 5,1,2); тип Е, по тому же автору - конец IV - середина V вв.[13] (рис. 5,5).

В конце VI — VII вв. проводилась кардинальная перепланировка усадьбы, при этом был засыпан водосток, оставшийся за северо-восточной стеной нового дома. В его русле найдены беспрофильные фрагменты стенок позднеантичных - раннесредневековых краснолаковых сосудов, а также

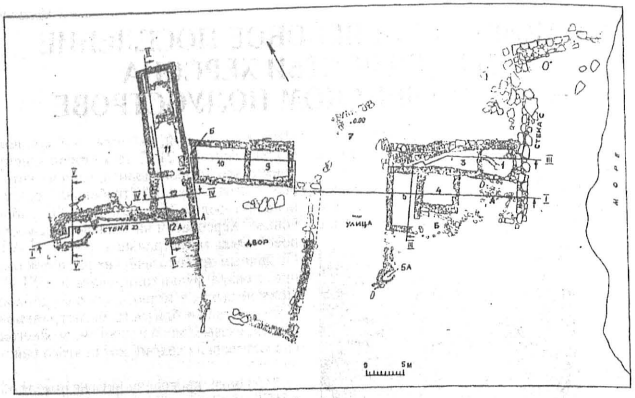


Рис.2.
План средневекового поселения на берегу Камышовой бухты. М 1:50.

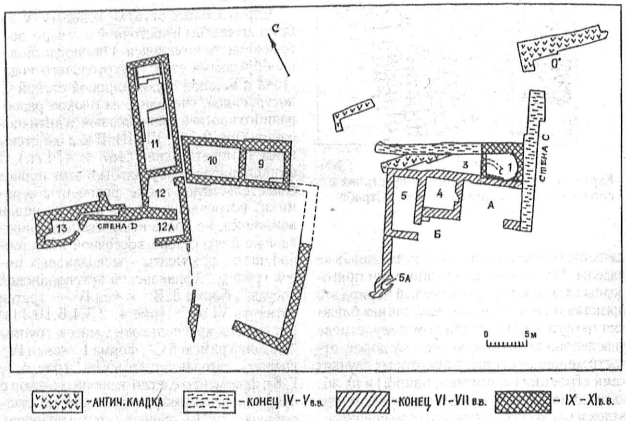


Рис.2а.
План-схема поселения. М1:50.

фрагменты стенок с "глубоким и частым рифлением" амфор с воронковидным горлом (рис. 8,3), самые ранние экземпляры которых известны в комплексах Тиритаки второй четверти VI в[14]. В новую планировку, в качестве восточной ограды усадьбы, была вписана часть стены С, построены помещения 4, 5, 5а и два дворика: вымощенный плитами внутренний дворик А, имевший (судя по большому количеству керамид), черепичный навес, и внешний Б (рис. 2, А, Б).

Помещение 4 (рис. 2, 4; 3, I-I; 9А) - в

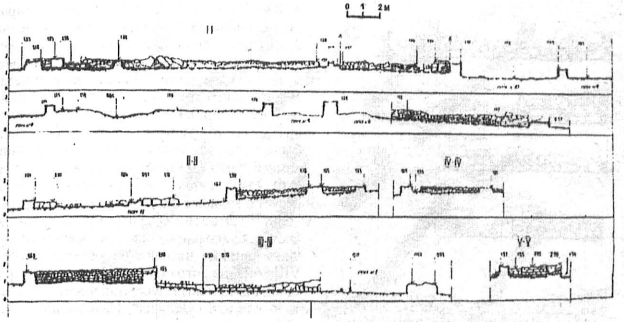


Рис.3.
Средневековое поселение на берегу Камышовой бухты. Разрезы, фасировки стен. М 1:50.

плане четырехугольное, размеры по внутреннему периметру: 4,25 х 3,5 х 4 х 3 м. Три стены имели метровую ширину, что позволяет предполагать наличие второго этажа, традиционно жилого; внизу, вероятно, размещалась кухня. В ней сохранились остатки очага, на полу - фрагменты амфор, столовой и кухонной керамики (табл. 1; рис.7,13), в том числе лепной, с закопченными донышками, каменная ступа, а также кости домашних животных и птицы, створки мидий, чешуя рыб. Дверной проем из помещения вел в крытый внутренний дворик А.

Помещение 5 (рис. 2, 5; 3, I-I; 9Б) - хозяйственного назначения, имело смежную стену с помещением 4, в плане прямоугольное, размеры по внутреннему периметру: 3,3 х 6 х 3 х 6м, толщина стен - 0,7 - 0,8 м. На полу и в слое каменного завала были встречены фрагменты амфор и столовой керамики (табл.1; рис. 7,11), крупные фрагменты нескольких пифосов, донная часть одного из которых находилась in situ в специально вырубленном в скале углублении; тут же были найдены обломки зернотерок, жернов, каменная ступа, железный виноградный нож (рис. 8, 5).

Пол в обоих помещениях лежал на материковой скале, неровности которой нивелировались подсыпкой из мелкого щебня и керамического боя, включавшего: фрагменты красноглиняных амфор с воронковидным горлом, бытующих до середины - третьей четверти VII вв.[15]; фрагменты светлоглиняных амфор с удлиненным морковкообразным корпусом ("carottes"), известных в Северном Причерноморье во второй четверти VI- третьей четверти VII вв.[16] (рис. 6, 9); фрагменты краснолаковых кубков без поддонов, с удлиненным туловом в виде усеченного конуса (рис. 5, 12, 13), бытующих по первую четверть VII в. включительно[17]. Таким образом, материал из нивелировочной подсыпки определяет время строительства помещений 4 и 5 и, в сочетании с керамикой из засыпи водостока, позволяет отнести перепланировку усадьбы к концу VI — первой четверти VII вв.

В 11 м к северо-востоку от усадьбы, у моря, находилась башня, сооруженная в середине IV в. до н. э. (рис. 1, 0). Вероятно, в позднеантичный период она была частично разобрана (снят противотаранный пояс), но основное помещение, судя по выявленному археологическому материалу, продолжало использоваться (табл.1).

Дальнейшее расширение поселения происходило к северо-западу от основной усадьбы, где появляются новые жилые и хозяйственные постройки, отделенные девятиметровым пространством - "улицей", сгруппированные вокруг большого двора, трапециевидного в плане, размерами 13,00 х 18,00 х 14,70 х 14,45 м (рис. 2). С юго-западной стороны был двухметровой ширины въезд с пилонами, образовывавшими коридор длиной 4 м. При строительстве ограды двора были использованы каменные блоки, снятые, вероятно, также с противотаранного пояса башни. Можно предположить, что часть двора использовалась в качестве загона для скота, а также, судя по широким воротам, здесь могли дер-

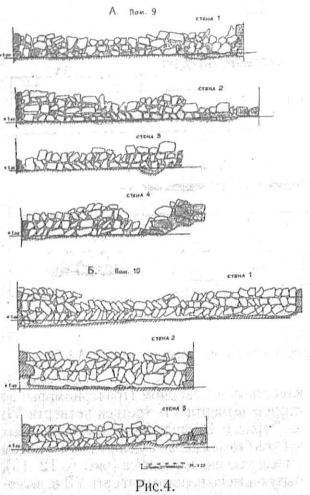


Рис.4.
Фасировки стен. М 1:20. А - помещение 9.
Б -помещение 10.

жать повозки и лошадей. Во дворе были найдены типичные для поселения фрагменты столовой и хозяйственной керамики IX — XI вв. (табл. 1), глиняные грузила, кости домашних животных.

С северо-востока двор ограничивал дом 2, состоявший из двух смежных помещений 9 и 10, имевших земляные полы и черепичную кровлю (рис. 2, 9, 10; 3, I-I; 11).

Помещение 9 в плане прямоугольное (5, 5 х 3, 6 х 5,5 х 3,6 м); характер кладки стен и их толщина различны (рис. 4А, 1-4). Северо-западная (3) сложена в "елку", в юго-западной (2) и юго-восточной (4) стенах под наклоном уложены лишь отдельные камни, северо-восточная (1) имеет обычную кладку. В южном углу была сооружена низкая каменная полка для хозяйственных нужд (2,2 х 0,5 м). Отсутствие в стенах дверного проема и укрепление северо-восточной стены дополнительным рядом кладки (ее толщина достигла при этом 1,25 м, остальные стены - 0,7м) позволяют предположить, что вход в помещение был через верхний этаж.

Помещение 10 в плане неправильной четырехугольной формы (6,75 х 3,75 х 7 х 3,75 м). В юго-западной стене - дверной проем, выходивший во двор. Как и в помещении 9, две стены сложены в "елку", в кладке двух других стен камни наклона не имеют (рис. 4, Б, 1-3). Подобные смешанные приемы строительной техники известны и в других регионах Таврики, например, в средневековых домах Мирмекия, где в "елку" также были сложены только отдельные группы камней,[18] что, по мнению исследовавшего их В.Ф. Гайдукевича, безусловно свидетельствует о знакомстве строителей с кладкой в "елку"[19]. Этот тип кладки (имевший, как известно, более раннее происхождение) получил в Таврике широкое распространение в VIII — IX вв., что обычно связывают с проникновением на полуостров носителей салтово-маяцкой культуры[20]. Наблюдаются салтовские элементы и в декоре некоторых керамических изделий, встреченных на гераклейском поселении, (правда, в единичных экземплярах рис. 7,7,14,15).

Наличие в нивелировочном слое помещений 9 и 10 фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, вошедших в употребление во второй половине IX в.[21], в сочетании с кладкой в "елку", определяет строительство дома 2 и остальных сооружений западной половины комплекса, архитектурно связанных с ним , временем не ранее второй половины IX в.

Дом 3 расположен с северо-западной стороны двора, двухкамерный, имел два смежных помещения: 12 и 12а, разделенных мощной опорной стеной Д, ориентированной по оси запад - восток, толщина 1,5 м, длина 18 м; к западному концу стены примыкало помещение 13 (рис. 2, 12, 12а; 3, I-I).

Помещение 12 в плане трапециевидное, размерами: 3,5 х 4,5 х 3,5 х 4,5 м, сообщалось через дверные проемы с помещением 12а и узким проулком, ведущим во двор.

Помещение 12а небольшое по размерам — 2,5 х 4,5 х 2,5 х 4,5 м. Входом обращено к помещению 13.

Оба помещения очень плохой сохранности. Керамический материал, найденный в них, идентичен материалу из других помещений комплекса (табл. 1), за исключением единственного фрагмента амфоры светло-коричневой глины с большим содержанием слюды в тесте, появление которых относят к последней трети X в.[22]. Одним из центров их производства в XI в. был Ганос[23].

Помещение 13 (рис. 2, 13; 3,V-V), размерами 3,5 х 5 х 3,5 х 5 м, расположено несколько обособленно, отделено от других

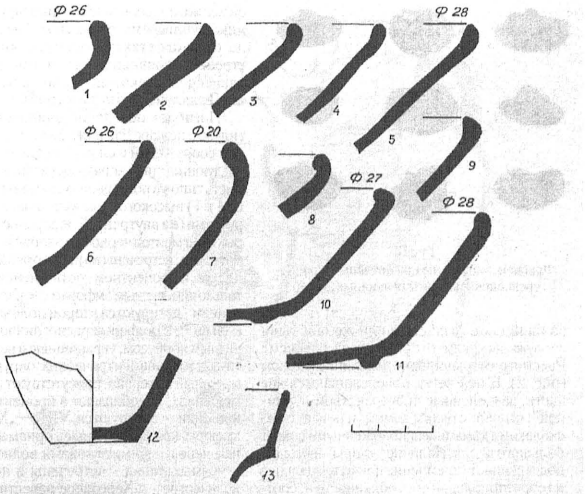


Рис.5.
Фрагменты краснолаковой керамики из позднеантичных — раннесредневековых слоев комплекса.

построек узким, вытянутым вдоль опорной стены Д двориком; имело слегка закругленную восточную стенку. В северо-восточном углу помещения выявлены остатки хлебной печи с обрушившимся черепичным сводом.

Помещение 11 (рис. 2,11; 3,II-II) пристроено к северо-восточной стене дома 3; в плане вытянутой прямоугольной формы, размерами 11 х 4,25 х 11 х 4,25м, имеет ярко выраженный хозяйственный характер. Вдоль его стен были устроены каменные выгородки различной ширины, вероятно, использовавшиеся в качестве хранилищ (рис.12).

Между домом 2 и помещением 11 - узкий проулок, шириной 0,6 м (рис. 2; 3 I-I; 13) - своего рода канава, отводившая дождевую воду из двора, а также использовавшаяся для выброса мусора: битых сосудов, черепицы и пищевых отходов - устриц, мидий, гребешков, костей домашней птицы, крупного и мелкого рогатого скота, отчасти характеризующих рацион обитателей поселения. Керамический материал, встреченный в проулке - канаве, не носит следов пожара, в отличие от материала, найденного на полу помещений, так как он отражает не время гибели, а время функционирования комплекса.

Еще одно общественное сооружение — маленький одноапсидный храм, размерами: 4,5 х 3,25 х 4,5 х 3,25 м, по центральной продольной оси — 5 м; расположен в восточном конце поселения, диаметрально противоположном хозяйственному блоку (рис. 2,1; 3,III-III). Храм был устроен на искусственной насыпи над позднеантичным водостоком (рис.10), ориентирован по оси запад — восток. Его восточная стена вплотную пристроена к ограде Д, поэтому с внешней стороны линия алтарной апсиды отсутствует, внутри же храма она была выражена достаточно отчетливо. Храм имел вымостку из плинфы в алтарной части, черепичную крышу и, судя по найденным осколкам, застекленные окна. С внешней стороны храма у северо-восточной стены в слое каменного завала найдена монета 1028 - 1034 гг. (Роман III).

Один из важных вопросов, возникающих при анализе памятника - кому принадлежали новые постройки в его западной половине: прежним обитателям усадьбы, расши-

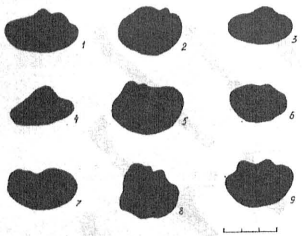


Рис.6.
Фрагменты ручек позднеантичных - раннесредневековых светлоглиняных амфор.

ривишим свое хозяйство, или же они были сооружены каким-то пришлым населением? Рассмотрим планировку поселения в целом (рис. 2). В ней четко прослеживаются две части, разделенные пространством - "улицей": старая, с одним домом, и новая, с несколькими домами, расположенными вокруг большого двора. Наличие "улицы" наглядно подчеркивает стремление новых владельцев к территориальной обособленности и, соответственно, полисемейный характер поселения. Новые постройки по планировке и строительной технике несколько отличаются от ранней усадьбы и по ряду признаков близки раннесредневековым жилищам дальней округи Херсона - поселениям у сел Бобровка, Передовое, Поляна: двухкамерность дома, закругленность одной из стен, каменное возвышение-полка в углу дома, опорная стена с примыкающими к ней помещениями, кладка в "елку"[24]. Можно предположить, что дома в западной половине поселения были построены переселенцами из дальней округи Херсона, принесшими на новое место элементы как своей материальной культуры, так и общинного уклада, бывшего в VIII — IX вв. основой сельских поселений Таврики[25].

Внутренние миграции населения из дальней округи в ближнюю происходили в позднеантичный-раннесредневековый период во многих регионах Византии. Некоторые исследователи связывают их с усилившимся в это время значением ближней хоры, "правовой статус жителей которой, становился "более городским", более гражданским, с правом на известные привилегии"[26]. И хотя "в таких центрах как Балканы, Фракия, Северное Причерноморье, этот процесс был замедлен и такого рода миграция шла вяло"[27], в херсонском предместьи он все же археологически фиксируется. Помимо публикуемого комплекса, его, возможно, отражают так называемые "круглые постройки", появившиеся в позднеантичный - раннесредневековый период в разных точках Гераклейского полуострова[28].

Погибает поселение единовременно, в сильном пожаре. На полу домов и хозяйственных сооружений в слое разрушения найдены следующие типы керамики (взаимовстречаемость типов в помещениях показана на таблице 1): 1) высокогорлые кувшины с плоскими ручками (на внутренней поверхности некоторых фрагментов черное смоление) - массовый материал, встречены во всех помещениях комплекса, в процентном соотношении уступают только яйцевидным амфорам с зональным рифлением - датируются второй половиной IX — к. XI вв.[29]; 2) амфоры красноглиняные с яйцевидным корпусом, украшенные в верхней части зонами концентрических окружностей - массовый материал, присутствуют во всех помещениях, преобладают в процентном соотношении - датируются VIII — XI вв.[30]; 3) амфоры красноглиняные, орнаментированные чередующимися зонами волнообразных и прямых линий - встречены в небольшом количестве - в Херсонесе известны в комплексах первой половины IX в.[31]; 4) амфоры красноглиняные гладкостенные с удлиненным корпусом и легким сужением в придонной части - в помещении 9 найден археологически целый экземпляр (рис. 8,1) - встречаются в комплексах первой половины IXв.[32] 5) амфоры причерноморского типа, яйцевидные с желобчатым туловом (рис. 7, 3, 13) - археологически целый экземпляр найден в канаве (рис. 7, 3) - встречаются в комплексах VIII — первой четверти IX вв.[33] 6) кувшины красно- и сероглиняные ойнохоевидные, с росписью белым ангобом (рис. 7,1,2; 8,2) - время бытования от третьей четверти VI до середины X вв.[34]; кувшины красноглиняные с "гофрированным" туловом, верхняя часть которого украшена врезным волнистым орнаментом (рис. 7,12), близкие аналогии известны в Херсонесе в слоях IX — X вв.[35] 8) фрагмент массивной крышки со сложнопрофилированным навершием, украшенным двумя ярусами налепных жгутов с пальцевыми вдавлениями (рис. 8,4); аналогичные крышки найдены в комплексах Херсона IX в.[36] (Седикова, 1995, с. 124); 9)горшочки двуручные красно- и сероглиняные, с линейно-волнистым орнаментом, нанесенным белым ангобом (рис. 7,6,11) – в помещении 5 и канаве выявлены два археологически целых экземпляра, по аналогии с росписями на ойнохоевидных кувшинах могут быть датирова-

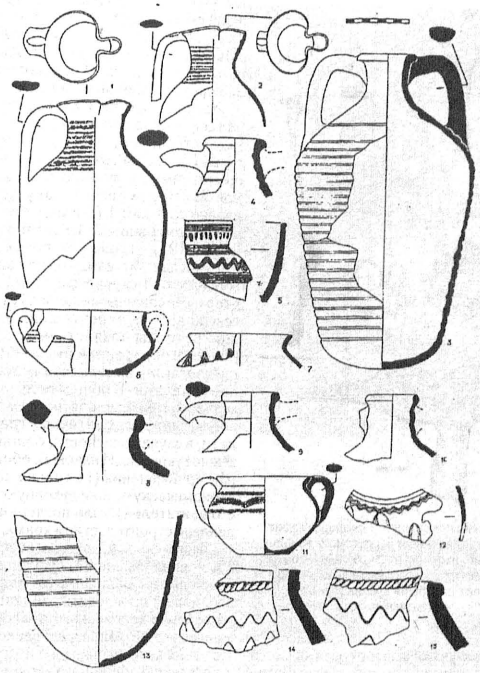


Рис.7.
Керамика из слоя разрушения поселения.

ны VII — X вв. 10) фрагменты керамики с элементами салтовского орнамента - встречены единичные экземпляры, датируемые временем существования салтово - маяцкой культуры[37]: а) фрагмент горшочка с линейно-волнистым орнаментом, выполненным гребенчатым штампом (рис. 7,5); б) фрагмент венчика чернолощеного хозяйственного сосуда с орнаментом на плечевой части в виде заштрихованных треугольников (рис.7, 7); в) фрагменты пифосообразных сосудов, орнаментированных по краю венчика широкими косыми насечками, под венчиком — двумя рядами волнообразных линий (рис. 7,14, 15).

Исходя из набора амфор (яйцевидные с зональным рифлением, с зонами прямых и волнистых линий, высокогорлые кувшины с плоскими ручками, причерноморского типа с желобчатым туловом), наличия ойнохоевидных кувшинов и двуручных горшков с росписью белым ангобом, керамики с элементами салтовского орнамента - гибель комплекса можно было бы отнести к первой половине X в. Этой дате не противоречит и отсутствие белоглиняной поливной посуды, которая, по наблюдениям А.Л. Якобсона, редко встречается в херсонской округе[38], но находки трех монет с монограммой "ро" (две - первой половины XI в. (Роман III), третья — второй половины XI в. (Роман IV) и амфоры Ганоса отодвигают дату гибели комплекса до XI в. Не исключено,

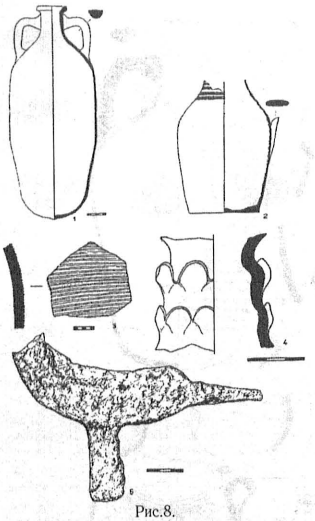


Рис.8.
Материал из помещений: 1-амфора гладкостенная с удлиненным корпусом. 2- кувшин красноглиняный с росписью белым ангобом. 3- фрагмент стенки воронковидной амфоры. 4- фрагмент навершия крышки. 5- виноградный нож.

конечно, что указанный материал является "примесью сверху", так как трудно гарантировать "чистоту слоя" в этом районе Гераклейского полуострова. Уточнить верхнюю хронологическую рамку памятника, вероятно, можно будет после окончательного его доследования (раскопано только 2/3 предполагаемой площади).

Ко времени гибели комплекс представлял собой небольшое поселение с общинным устроением, площадью, приблизительно, 70 x 50 м^2, включавшее четыре общественных сооружения и несколько домов, из которых к настоящему времени выявлено три: дом 1 (помещение 4, 5, 5а), дом 2 (помещение 9, 10), дом 3 (помещение 12, 12а) - но было их, по всей видимости, больше. Фундаменты кладок прослеживаются за северо-западной стороной двора, севернее помещения 13, а также к северо-востоку от помещений 9, 10. Большие размеры хозяйственных построек (двор-загон, хранилище, хлебопекарня) предполагали их совместное использование жителями. В общем пользовании находились также, вероятно, земля (скорее всего, в пределах античных границ надела) и, в случае опасности, башня - как надежное укрытие. И наконец, общинный характер поселения (не только социально-экономическую, но и духовную общность его обитателей) было подчеркнуто и закреплено строительством храма.

Таким образом, археологические исследования на наделе 32, будучи даже незавершенными, дали богатый материал, позволивший проследить эволюцию одного из районов херсонского пригорода в позднеантичный-раннесредневековый период: от мелкого индивидуального хозяйства к поселению общинного характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гриневич К.Э. Раскопки Гераклейской экспедиции в 1927 г. // Крым. М.-Л., вып. 2. 1928. Зедгенидзе А.А., Николаенко Г.М. Отчет об охранных полевых работах на клере 33. Архив НЭХТ, д. 1773.
2. Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХСб, вып.6. Симферополь, 1961.
3. Николаенко Г.М., Николаева Т.В. Раскопки усадьбы 48а. Архив НЭХТ, д. 2618.
4. Кузищин В.И. Раскопки позднеантичной виллы близ Севастополя // АО, 1979. С. 294.
5. Ковалевская Л.А. Отчеты о раскопках усадьбы надела 222. Архив НЭХТ, д. 3024.
6. Николаенко Г.М., Кобелев А.С. Раскопки усадьбы 93. Архив НЭХТ, д.2154.
7. Кобелев А.С., Ковалевская Л.А. Отчеты о раскопках усадьбы надела 106. Архив НЭХТ, 1983, д. 2395.
8. Николаенко Г.М., Падалка Ю.В. Раскопки "Страбоновой" дороги. Архив НЭХТ, д. 2178.
9. Яшаева Т.Ю. Отчеты о раскопках на наделе 32 в 1979 — 1982гг. Архив НЭХТ, дд. 2319, 2148, 2152, 2312.
10. Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ, вып. IV. Симферополь, 1995. С.407,424. Рис. 1,5.
11. Hayes J.W. Late roman pottery. L., 1972. C. 325-327

Рис. 9а.
Помещение 4 с остатками очага.

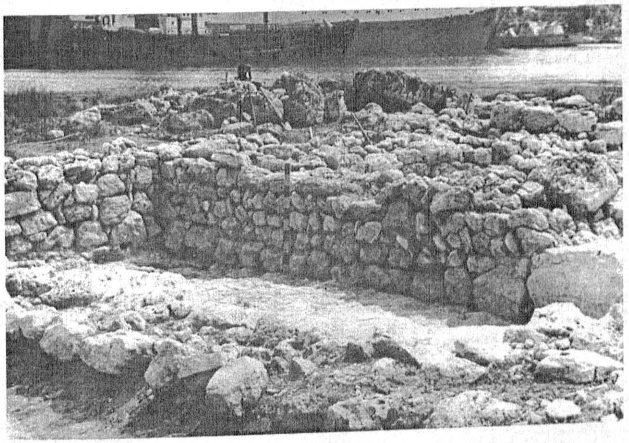


Рис. 9б.
Помещение 5

12. Сазанов А.В. Поздние типы светлоглиняных амфор. МАИЭТ, вып. 3. Симферополь, 1993. С.352. Рис. 3
13. Там же. С. 355. Рис.7
14. Сазанов А.В. К хронологии первой линии обороны Баклинского городища// История и археология юго-западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 42.
15. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol.I.The Pottery Princeton. L.,1992. P. 218; Riley J.A. New Light on Relations between the Eastern Mediterranean and Carthage in the Vandal and Byzantine Periods: the Evidence from the University of Michigan Excavations // Actes de Colloque sur la ceramique antique. CEDAC. 1982. P. 111-112.
16. Сазанов А.В. Амфоры "Carottes" в Северном Причерноморье раннесредневекового времени. Типология и хронология. // Боспорский сборник, вып. 6. М., 1995. С. 185-196.
17. Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. // МАИЭТ, вып. IV. Симферополь, 1995. С.431. Рис. 9,2.
18. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935-1938гг. // МИА, вып. 25. М.-Л.,1952. С. 178.
19. Там же.
20. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. К., 1990. С. 45-46; Плетнева С.А. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники// СА, 1991, №3
21. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург,1995. С. 63, класс 41.
22. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul, vol. 2. Princeton, 1992.
23. Gunsenin N. Ganos, centre de production d'amphores a l'epoque byzantin. // Anatolia Antiqua 2, Paris, 1993.
24. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА, вып. 168. М.-Л., 1970. С. 62-103. Рис. 25; 29; 33; 36;46.
25. Там же. С. 181.
26. Козлов А.С. Крупный позднеантичный город и внутренние миграции //Тезисы докладов VII Союзномовских чтений "Античный и средневековый город". Екатеринбург - Севастополь, 1994. С. 25-26.
27. Там же.
28. Ковалевская Л.А. Раннесредневековые круглые сооружения на Гераклейском полуострове.// Тезисы международной конференции "Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье". Симферополь, 1994. С. 18-20.
29. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург,1995. С. 63, класс 41.
30. Там же. Класс 24.Табл. 20,130
31. Там же. Класс 25. Табл. 23,96.
32. Там же. Класс 37. Табл. 23,130.
33. Там же. Класс 36. Табл. 23,128. Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959гг. // МАИЭТ, вып. IV. Симферополь, 1995. С. 396. Рис. 59,1.
34. Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. III. Москва - Магнитогорск, 1996. С. 60.
35. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 83. Рис. 50,1,2
36. Седикова Л.В. Керамический комплекс второй половины IX в. из цитадели в Херсонесе // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 124.
37. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. К., 1990. С. 45-46. Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры, вып. III. Москва - Магнитогорск, 1996. С. 60.
38. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 93.

НУМИЗМАТИКА И СИГИЛЛОГРАФИЯ

Н.А. Алексеенко, К.Д. Смычков

НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ПЕЧАТЕЙ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Роль и значение подвесных свинцовых печатей - моливдовулов в деле изучения различных аспектов истории Византийской империи с каждым годом все более и более возрастают. Особенно это касается провинциальных центров, для которых в меньшей степени известны письменные источники. Не является исключением здесь и средневековый Херсон. Именно в связи с открытием в последние годы новых памятников сфрагистики сегодня стали известны многие страницы его истории, отражающие административное устройство, взаимоотношения с центральной администрацией, развитие политических, церковных и экономических связей[1].

Круг известных херсонских печатей значительно расширился благодаря находке целого комплекса моливдовулов, видимо, являющегося остатками архива городских или таможенных документов[2]. Вместе с тем, в различных небольших собраниях по - прежнему сохраняются печати представителей херсонской администрации, ожидающие своего введения в научный оборот.

В небольшом, но весьма интересном собрании византийских печатей К.Д. Смычкова печати Херсона представляют достаточно значительную группу - около 20 экземпляров. Некоторые из них в свое время были изданы[3], отдельные недавно были подготовлены владельцем к печати[4]. Оставшимся одиннадцати моливдовулам, среди которых присутствуют и прежде невстречавшиеся, посвящена настоящая работа. Новые экземпляры представляют три разряда традиционных херсонских чиновников - архонтов, стратигов и коммеркиариев.

К наиболее ранним относятся четыре печати архонтов. Все они представлены ранее известными типами.

1. С/Х-35-А-5; D - ок. 25 mm. Толщина пластинки - ок. 2 mm.

Аналогии: Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. 1996. Т. V. № 1, та же пара матриц. (Рис. 1.1)

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах имя:

Θх– . | О – . . Θε[σ]δο[τῶ].

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι Θε[σ]δο[τῶ]

Реверс. Шестистрочная надпись:

. . . .

. . ΛIKW

. . /KAN

. . .SAP

. XEP

. . .

[...βασι]λικῶ σπαθ](αρο)καν[δ(ιδάτω)] (καὶ) ἄρ[χοντ(ι)] Χερ[σῶνος].

Несмотря на значительную фрагментарность моливдовула, полное совпадение изображений и текста с изданной ранее печатью архонта Феодота[5] не оставляет никаких сомнений, что перед нами второй экземпляр, выполненный одной и той же парой матриц.

Ряд стилистических особенностей предполагает относительно раннюю датировку рассматриваемого моливдовула.

Сфрагистический тип печати представлен традиционной для VIII-IX вв. крестообразной инвокативной монограммой. Однако расположение имени владельца в углах монограммы на лицевой стороне печати вместо тетраграммы τῶ δούλω σού τῶ σῶ δούλω является характерным признаком именно VIII в. В.С. Шандровская на примере печатей из собрания Эрмитажа прекрасно обосновала необходимость датировки памятников подобного типа в пределах конца VII - начала VIII вв[6]. Использованный здесь сфрагистический тип, сочетающий монограмму и имя, известен на византийских печатях, которые датируются исследователями именно в пределах первой половины VIII столетия[7]. О несомненно ранней датировке рассматриваемого памятника свидетельствует не только размещение имени владельца печати на лицевой стороне, но и полное начертание надписи без каких-либо знаков сокращения, а также палеографические особенности шрифта: "омега" с укороченной средней линией, "омикрон" и маленькая - округлая, и высокая - узкая, "пи" со скругленными верхними углами[8].

Между тем, общий характер шрифта буллы Феодота все же несколько отличается от известного нам по печати архонта Саввы, также относящейся к VIII столетию[9]. Он более мелкий и не такой широкий. Вероятно, эти незначительные изменения могут свидетельствовать о начавшейся тенденции по формированию элементов нового шрифта, сложившегося во второй половине VIII в. и характерного для печатей стратигов фем этого периода[10]. Вместе с тем, очевидно, не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что длинный перечень регалий нашего владельца при традиционном размере пластинки-заготовки

в какой-то мере мог предусматривать определенное уменьшение размера литер.

Кроме того, необходимо отметить, что весьма близки по стилю изображения и шрифту нашему экземпляру моливдовулы хорошо известного комита Опсикия, полководца Юстиниана II патрикия Васваракурия, которые совершенно определенно датируются началом VIII в.[11] Расположение имени владельца на лицевой стороне мы находим и на печатях еще одного из комитов фемы Опсикий, патрикия Исойи[12] и куропалата Артавазда, также относящихся к первой половине VIII столетия[13].

Принимая во внимание все это, а также предложенную В.С. Шандровской классификацию моливдовулов интересующего нас типа[14] и характерные особенности нашей находки, ее безусловно следует отнести к памятникам первой половины-середины VIII столетия.

В этом плане весьма интересно присутствие на печати Феодота титула спафарокандидата.

Ранее, при публикации первого экземпляра печати Феодота вопрос о её датировке практически остался открытым. Автор был вынужден ограничиться лишь причислением буллы к группе моливдовулов рубежа VIII-IX вв[15]. Однако введение в оборот второй печати заставляет нас вновь обратиться к этому вопросу.

Появление титула спафарокандидат, согласно авторитетному мнению Дж. Бюри, традиционно относилось к IX в[16]. Н. Икономидис, ссылаясь на свидетельства письменных источников[17], указывает на существование этого придворного ранга уже в первой половине столетия[18]. Г. Закос и А. Веглери, напротив, отмечая появление титула спафарокандидата только в "Клиторологии" Филофея и его отсутствие в Тактиконе Успенского, приходят к заключению о введении этого ранга в дворцовую практику после 850 г[19]. Следовательно, печать архонта Феодота никак не вписывается в существующую традицию. Вместе с тем, решение проблемы, как кажется, можно найти в самих моливдовулах, владельцами которых были императорские спафарокандидаты.

В первую очередь следует отметить, что наша печать - это не исключительный случай для византийской сфрагистики VIII в. Очень близкая по стилю нашим моливдовулам печать издана В. Лораном[20]. Еще один подобный экземпляр опубликовал Б.А. Панченко, отметивший ее несомненный интерес для византийской истории[21]. Возможно, существуют и другие примеры. По всей видимости, учитывая данные памятников сфрагистики, следует признать, что наличие ранга спафарокандидата на указанных печатях констатирует факт его появления среди титулатуры византийской придворной знати уже ко времени около середины VIII в.

Остальные печати архонтов относятся к IX в. и имеют традиционный ранг императорского спафария.

2. С/Х-31-А-2; D - ок. 20 mm. Толщина пластинки 3,5 mm. Аналогии: Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. 1996. Т. V. № 13, та же пара матриц. (Рис. 1.2)

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма: [ΤW – CW] | ΔΥ – Λ.

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι [τῶ σῶ] δούλ[ω]

Реверс. Четырехстрочная надпись:

. . . . .

. . . . . .

. . Θ/SAPX

EPCO/

[Κωνσταντῆνω β(ασιλικῶ) σπα]θ(αρίω) (καὶ) ἄρχ(οντι) [Χ]ερσό(νος).

Несмотря на далеко не удовлетворительную сохранность данного экземпляра, его атрибуция абсолютно не вызывает затруднений. Детальное совпадение нового моливдовула с ранее изданным[22], вне всякого сомнения, свидетельствует об их принадлежности одному и тому же персонажу - архонту Константину. Помимо этого, данное положение подтверждают еще четыре экземпляра той же пары матриц из собрания Национального заповедника "Херсонес Таврический" и частных коллекций, которые представлены в подготовленной к изданию статье, специально посвященной херсонским архонтам[23].

Манера исполнения надписи рассматриваемого моливдовула, выполненной характерным вытянутым шрифтом, предполагает его датировку первой половиной IX в.[24] Кроме того, отдельные особенности начертания литер ("бета" на длинной черте в монограмме лицевой стороны, округлая "фита" и "ро" с острым левым верхним углом), а также использование знака сокращения в виде наклонной изогнутой линии во всю высоту строки позволяют несколько сузить хронологические рамки предложенной датировки и отнести нашу находку к первой трети IX в[25].

3. С/Х-34-А-6; D - 25 mm. D поля печати - 23 mm. Толщина пластинки ок. 4 mm. Аналогии: Соколова И.В. Печати архонтов // ЗРВИ. 1978. Т. XVIII. № 6; Алексеенко Н.А.

Печати представителей городской администрации Херсона // МАИЭТ. (Рис. 1.3) 1996. Т. V. №№ 14-16, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма: TW-CW[Δ]Y[ΛW].

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι τῶ σῶ δούλ[ω]

Реверс. Четырехстрочная надпись:

+ГРН[Г]О

.WB/СПА/.

.. РХ[О]NТ/Х.

. . . . . .

Гρη[γ]ο[ρί]ω β(ασιλικῶ) σπα(θαρίω) [(καὶ) ἀ]ρχοντ(ι) Χ[ερσόνος].

Эпиграфические особенности надписи и тип монограммы позволяют датировать данную печать временем около середины IX в. Использование волнообразного знака сокращения, переходной "беты" с ярко выраженным левым нижним прямым углом, "омеги" со слегка заостренными петельками в сочетании с "бетой" на выступающей нижней черте в монограмме лицевой стороны определяет время бытования нашей печати в пределах 30-60 гг. IX в.[26] Следует отметить, что очень близкий шрифт мы находим на печатях константинопольских патриархов 40-50-х гг., который, вероятно, претерпевает существенные изменения уже ко времени патриарха Фотия (858-867, 877-886)[27]. В связи с этим, мы предполагаем более вероятной датировку печати, не выходящую за пределы середины IX в.

Еще одна печать херсонского архонта, к сожалению, не сохранившая имя своего владельца, также относится к этому периоду.

4. C/X-33-A-4; D - 20 mm. Толщина пластинки ок. 4 mm. Аналогии: Alekseenko N. Les archontes de Cherson... NN 41-42; (в печати). (Рис. 1.4)

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V?). В углах тетраграмма: [TW] - C[W] | [ΔY- ΛW]

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι [τῶ] σ[ῶ δούλω]

Реверс. Четырехстрочная надпись:

. . . .

. . . . .

.. XON[T] . .

. PCO . .

[.... β(ασιλικῶ) σπα(θαρίω) (καὶ) ἄρ]χον[τ(ι) Χε]ρσό[ν(ος)].

Неудовлетворительная сохранность данного моливдовула не позволяет сделать какие бы то ни было существенные дополнения к ранее известной информации. Вместе с тем, тип монограммы и шрифт весьма уверенно сближают ее с предыдущим экземпляром. Однако они, вероятнее всего, принадлежат различным парам матриц.

Вторую группу представляют печати стратигов - 5 экз.

5. C/X-39-C-1; D - 25 mm. D поля матрицы - ок. 21 mm. Толщина пластинки - 3 mm. Аналогии: Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art . Washington, 1991. Vol. 1. № 82.19; Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. 1998, Т. VI, С. 704-706. № 5. (Рис. 1.5.)

Аверс. Шестиконечный патриарший крест с расширяющимися оконечностями на трех ступенях. Между двух точечных ободков круговая легенда, начинающаяся в левом нижнем углу :+ K[E]BOHΘHT[W CWΔY...]

K(ύρι)[ἐ βοήθ[η τ[ῶ σῶ δού(λῶ)]

Реверс. Четырехстрочная надпись, заключенная в точечный ободок:

+NIKHΦ/

[B]/СПАΘ/КА[N]

[./]SCTPAT/Γ/]

[XE]PCW[N]

Νικηφ(όρω) [β(ασιλικῶ)] σπα9(αρο)κα[νδ(ιδάτω)] (καὶ) στρατ(η)γ(ῶ) [Ξε]ρσῶ[ν(ος)].

Параллельный экземпляр из собрания Дамбартон Оукс Дж. Несбит и Н. Икономидис датируют IX-X в.[28]. Однако В. и Н. Зайбт считают, что печати Никифора, наоборот, являются одними из самых ранних среди печатей стратигов с изображением патриаршего креста, и относят их к 60-80-м гг. IX в.[29] Близкую датировку для печатей с подобным типом креста предполагает и И.В.Соколова[30] Аналогичный экземпляр из херсонского "архива" также отнесен ко второй половине IX в.[31] Судя по всему, новый моливдовул принадлежит тому же периоду. Но нельзя не отметить его некоторое своеобразие. При практически абсолютном совпадении сфрагистического типа, текста надписи и даже сохранении аналогичных сокращений слов публикуемый экземпляр имеет весьма интересную особенность. Надпись на лицевой стороне начинается традиционно в левом нижнем углу, а не в правом верхнем, как на американском и херсонском моливдовулах. Заметим, что данное изображение креста и расположение надписи идентичны другой херсонской печати, владельцем которой был коммеркиарий, спафарокандидат Сергий[32]. Издатели датируют ее X в. Очевидно, учитывая характерные особенности сфрагистического типа рассматриваемой печати и использованного шрифта все же следует датировать наш моливдовул второй половиной IX столетия. Принимая во внимание замечания австрийских исследователей относительно расположения надписей на лицевой сторо-

не печати, наш экземпляр, по всей видимости, хронологически должен следовать за моливдовулом из собрания Дамбартон Оукс.

По-видимому, нет необходимости в данной публикации вдаваться в пространные рассуждения по поводу продолжительности срока службы стратигов в Херсоне и возможности их повторного назначения в связи с наличием нескольких экземпляров однотипных печатей. Попытка такого анализа уже была предпринята ранее[33]. Новые моливдовулы постоянно вносят свои коррективы. Очевидно, достаточно повторить лишь то, что появление однотипных печатей - безусловное свидетельство их принадлежности одному персонажу, что в свою очередь предполагает относительную продолжительность занятия им указанного на буллe поста.

Следующая печать представляет нам стратига по имени Епифаний. Думаем, что именно этот экземпляр издан был в свое время И.В. Соколовой в "Каталоге" под № 47[34]. В связи с тем, что в нашей реконструкции надписи наблюдаются некоторые отличия, считаем необходимым переиздать данную печать.

6.C/X-43-C-2; D - 22 mm. D поля печати - 22 mm. Толщина пластинки - 1,2 mm. Аналогии: Jbandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. Washington, 1993. T. 3, P. 97-98, № M-12473; Alexeenko N., Romanèuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. Washington, 1995. T. 4, № 6. Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. 1998, T. VI, C.715-716 . № 15-17. Та же пара матриц. (Рис. 1.6)

Аверс. Погрудное изображение святого Николая в фас, одетого в традиционные одежды и держащего в левой руке Евангелие. В поле над плечами святого надпись столбиком: слева - O|NI ; справа - K|O|Λ O Ἅγιος Νικόλ(αος)

По кругу надпись: +ΑΓΗΕ[ΝΙΚΟΛ/ R/ TW CW DYΛ/]

Ἅγ(ιε) Νικόλ(αος) β(οήθει) τῶ σῶ δούλ(ῶ)

Изображение заключено в ободок из точек, слившихся в одну линию.

Реверс. Пятистрочная надпись:

. . . .

. . IWR/A/CΠ

[A]θAP/SCTP

[A]TIГOXEP

[C]WNOC

[Ἐπιφαν]ίω β(ασιλικῶ) (πρωτο)σπ[α]θαρ(ίω) (καὶ) στρ[α]τιγο Χερ[σ]ῶνος.

Имя владельца печати восстанавливается безошибочно точно, благодаря изданным прежде экземплярам, принадлежащим той же паре матриц[35].

В свое время исследователи предлагали два варианта датировки данного типа моливдовулов: конец X в. - первая половина XI в.[36] и рубеж X-XI вв[37]. Однако в последней работе, посвященной херсонским стратигам, данный тип печатей все же был отнесен ко второй половине X в[38].

Заметим, что эпиграфические особенности надписи, начертание отдельных литер прямыми линиями с утолщениями на концах (w), использование приема гравировки треугольным пунсоном в элементах отдельных букв (t, g, V), употребление двух видов знаков сокращения - в виде штриха и укороченной прямой линии -характерны для надписей на моливдовулах середины X в.[39] В это же время появляется получивший широкое распространение во второй половине X в. сфрагистический тип погрудного изображения святого, с начертанием его имени столбиком в сочетании с круговой надписью обращения к божественной помощи[40]. В связи с этим, мы склонны датировать наш экземпляр именно в пределах второй половины X в. (с наибольшей вероятностью последней трети столетия).

К рассматриваемому сфрагистическому типу принадлежит и следующий моливдовул.

7. C/X - 45 - C - 4. D - ок. 24 mm. D поля печати - 22 mm. Толщина пластинки - 2 mm. Аналогии: Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. 1998. T. VI. C. 719-720, № 22. Та же пара матриц. (Рис. 1.7)

Аверс. Погрудное изображение безбородого святого в фас (вероятно, святого мученика Феодора), одетого в традиционные одежды и держащего перед грудью крест. По кругу надпись: ΑΓΙΕΘ ΕODW... Αγ(ιε) Θεοδω...

Изображение заключено в ободок из слившихся в одну линию точек.

Реверс. Шестистрочная надпись:

+ΘΕΟΔΟ

C[Π/R /A/CΠAθ/

SEΠΠTOVX

PVCOTPH KΛ/

S[CT]PATIГ/XE

[P]CONOC

Θεοδοσ[ι](ω) β(ασιλικῶ) (πρωτο)σπαθ(αρίω) (καὶ) ἐπὶ τοῦ Χρυσοτριχλ(ίνου) (καὶ) [στ]ρατιγ(ῶ) Χε[ρ]σονος.

Примечателен этот моливдовул тем, что он позволяет уточнить расшифровку легенд изданной ранее печати[41]. Оба экземпляра, несомненно, принадлежат одной и той же

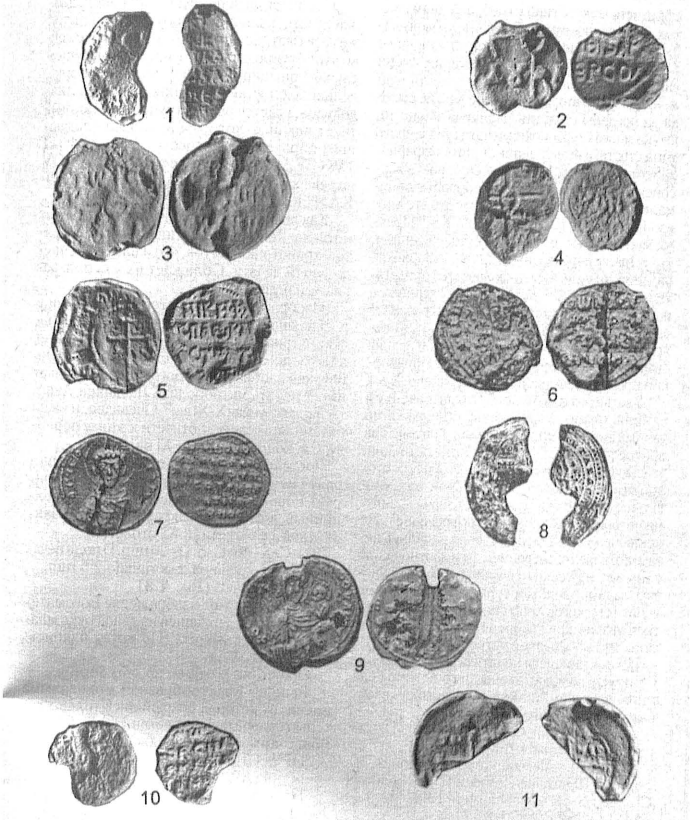


Рис. I.
Печати чиновников херсонской администрации VIII-XI вв.

паре матриц. Различная степень сохранности дает прекрасную возможность восстановить утраченные в строках литеры и полный текст надписи.

Использование мелкого квадратного шрифта, ширина литер которого нередко больше высоты и знаков сокращения исключительно в виде небольшого штриха - свидетельство принадлежности нашей печати второй половине X в. В. Зайбт печати с аналогичным шрифтом относит к рубежу X-XI вв.[42] Концом X - началом XI века датируется и появление иконографического типа святых мучеников в византийском искусстве[43]. Учитывая, что со временем происходит дальнейшее развитие

сфрагистического типа с изображением святых, выраженное в исчезновении круговой надписи с традиционной формулой обращения к божественной помощи и начертании имени святого в столбик, мы склонны отнести наш моливдовул ко второй половине X в., не выходя за пределы столетия. Примечательно то, что на многих херсонских печатях указанного типа стратиги имеют звание протоспафария-хрисотриклинита. На повышение ранга херсонских стратигов в свое время обращала внимание И.В. Соколова, считавшая что это произошло где-то в последней трети X в.[44] Правда, мы не можем согласиться с утверждением, что тогда же перед званием протоспафарий отпадает и более не восстанавливается прилагательное basilikwV[45]. Как кажется, изданные в последнее время печати[46] (а также и рассматриваемые в настоящей работе) являются прекрасным свидетельством сохранения звания "императорский протоспафарий" в придворной практике (по крайней мере, в конце X в.).

Уже не раз отмечалось, что назначение в администрацию Херсона лиц, обладавшими такими высокими придворными рангами, как протоспафарий-хрисотриклинит и патрикий, указывает на особое внимание к городу со стороны византийской центральной власти и вполне определенно связано со значительными историческими событиями в регионе[47]. Не исключено, что эти назначения начались незадолго перед обострением взаимоотношений с Киевской Русью и известным походом князя Владимира на Корсунь. В таком случае, печати стратигов Херсона, имевших ранг протоспафария-хрисотриклинита, следовало бы относить к последней четверти X в.

Две оставшиеся печати стратигов демонстрируют нам достаточно редкие типы для херсонских памятников сфрагистики - изображение Богоматери Одигитрии.

8. C/X - 47 - C - 6. Фрагмент. D - 24 mm. Толщина пластинки - 2 mm.

Аналогии: Alekséenko N., Romaniuk, A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. Washington. 1995. Vol. 4. P. 144-145. N 7; (Рис. 1.8)

Аверс. Изображение Богоматери в рост в фас, держащей перед собой на руках младенца И. Христа. По сторонам фигуры титла: MP - [OV]. По кругу надпись в двойном точечном ободке: [Θ]KEPONΘE...

[Θ(εοτό)]κε βοήθε[ι τῶ σῶ δούλω]

Реверс. В центре четырехстрочная надпись (не сохранилась), по сторонам которой украшения в виде крестика между двух черточек. По кругу надпись в двойном точечном ободке: [NI]KHTAPAXΠA....

Νικητα β(ασιλικῶ)(πρωτο)σπα...

Несмотря на неполную сохранность данной печати, наличие второго экземпляра той же пары матриц не только позволяет ее легко атрибутировать, но и (как в предыдущем случае) расширить информацию о ее владельце. Сопоставляя данные обоих моливдовулов, удается реконструировать полный текст надписи, который выглядел следующим образом: на аверсе - +ΘKEPONΘEI TW CWΔOVΛW. В поле титла: MHP - QV на реверсе - +NIKHTARACΠAΘXPVCTPI-KΛN+KAICTPATHГWXEPC.

Как видим, стратиг Никита принадлежит к той же когорте византийских аристократов-хрисотриклинитов, что и владелец предыдущей печати. Сближает их и использованный шрифт.

Изображение Богоматери Одигитрии в рост появляется на печатях константинопольских патриархов еще в IX веке и присутствует вплоть до середины XI столетия[48]. Очень близкое изображение Богоматери и шрифт имеет печать митрополита Лаодикеи Анастасия, датируемая X-XI вв.[49] Очевидно, и наши экземпляры следует отнести к этому периоду, т. е. концу X - началу XI вв.

Оставшаяся печать представляет нам ранее неизвестного стратига и демонстрирует новый сфрагистический тип, выполненный в стиле, характерном для византийской сфрагистики XI столетия.

9. C/X - 46 - C - 5. D - 26 mm. D поля печати - 24 mm. Толщина пластинки - 2,5 mm.

Аналогий нет. (Рис. 1.9)

Аверс. Поясное изображение Богоматери Одигитрии, держащей на левой руке младенца Иисуса Христа. По кругу надпись: +ΘKEP.....ΔOVΛW

Θ(εοτό)κε β[οήθει τῶ σῶ] δούλω.

Реверс. Крестообразная монограмма имени, от которой сохранились только литеры горизонтальной ветви Q и E. В углах монограммы надпись в две строки:

ΠPW - TO

. . . - . AP/

По кругу продолжение надписи: ... PATIГWX . . CW . . .

Θε... πρωτο[σπαθ]αρ(ιω)[(και) σ]τρατιγω Χ[ερ]σῶ [νος].

К сожалению, значительное повреждение надписи оборотной стороны не позволяет установить имя нашего владельца. Исходя из известных монограмм византийских имен и возможных интерпретаций сохранившихся двух начальных букв, это может быть Феодот, Феодор, Феофил или Феттал[50], хотя, конечно, не исключены и другие варианты.

С иконографической точки зрения, представленное на печати изображение Богомате-

ри является одним из вариантов широко распространенного и чтимого богородичного образа, наиболее популярного именно в XI столетии[51]. Между тем, на печатях этого периода, как правило, представлено высокорельефное изображение фигур Богоматери и И. Христа, выполненных в достаточно реалистичной манере[52]. На нашем же экземпляре присутствуют черты некоторой графичности и архаичности стиля, присущие более раннему времени. Определенное своеобразие наблюдается и в шрифте. При сохранении характерных элементов для шрифта XI в. ("альфа" и "лямбда" с клиновидными линиями, "омега" широкая без петелек), его размер несколько уступает традиционному. Все эти обстоятельства, по-видимому, несколько сужают хронологические рамки бытования нашего моливдовула, ограничивая их в пределах самого начала XI в., - очевидно, не выходя за рамки первой четверти.

Заключительная группа моливдовулов представляет чиновников фискально-податной администрации Херсона - коммеркиариев. Два из них ранее встречались на печатях.

10. C/X - 36 - K - 3. D - ок. 18 mm. Толщина пластинки - 2,5 mm. Аналогии: Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Ленинград. 1983, С.154-155. № 28. Та же пара матриц? (Рис. 1.10)

Аверс. Сильно корродировано. Погрудное изображение святого в фас (вероятно святого Николая), одетого в традиционные одежды. По кругу надпись: .....AW [Ἅγ(ιε) Νικόλ(αε) β(οήθει) τῶ σῶ δού]λῶ.

Изображение заключено в ободок из слившихся в одну линию точек.

Реверс. Пятистрочная надпись:

+ΦW . .
ORCΠAΘ
A/KA [N]Δ .
. YME . .
. . . . .
Θω[τιν]ο β(ασιλικω)
σπα[θ]α(ρο)κα[ν]δ(ιδάτω) (καὶ)
κ]ουμε[ρκ(ιαρίω) Ηερσόν(ος)].

Данный экземпляр, по всей видимости, принадлежит той же паре матриц, что и печать из собрания Национального заповедника "Херсонес Таврический" инв. № 6612, на которой А.Ф. Вишнякова читала имя Фотия[53]. На обеих печатях совпадают и размер шрифта, и расстановка литер в строках. В связи с этим, данная печать причислена к буллам херсонских чиновников (несмотря на то, что на ней не сохранилось имя фемы).

Согласно стилистическим особенностям, на которых мы неоднократно останавливались выше, эту печать следует отнести ко второй половине X в.

Последний моливдовул знакомит нас с новым типом херсонских печатей, центр композиции которого составляют крестообразные монограммы.

11. C/X - 48 - C - 4. Фрагмент. D - ок. 27 mm. Толщина пластинки - 1,5 mm. Аналогии не изданы. (Рис. 1.11)

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма[54]. В углах тетраграмма : TW - C[W] | [ΔY - ΛW].

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι τῶ σῶ δούλω.

Изображение заключено в ободок из слившихся в одну линию точек.

Реверс. Крестообразная монограмма имени владельца с литерами P и W. В углах надпись в две строки:

[KY] - MEP
[XEP] - [CW]N
[.....ωρ... χου]μερ[(χιαρίω) Ηερσῶ]ν(ος).

К сожалению, плохая сохранность монограммы имени владельца не позволяет с абсолютной точностью восстановить его имя. Сохранившиеся литеры P и W могут предполагать различные варианты традиционных имен - Феодор, Георгий и другие. Вместе с тем, сопоставление данного экземпляра с еще не изданными печатями херсонских коммеркиариев позволило выделить еще три аналогичных экземпляра, исходя из данных которых имя владельца буллы, очевидно, должно быть Георгий.

Печать обращает на себя внимание типом инвокативной монограммы и, в первую очередь, достаточно краткой легендой, что не совсем характерно для моливдовулов Херсона.

Аналогичная монограмма не часто встречается на византийских печатях. В. Зайбт датирует экземпляр с аналогичной монограммой из Венского собрания 50-60 гг. X в[55]. Подобный тип монограммы имеет на своей печати и известный по письменным источникам первой половины X в. судья Фессалоник Самона[56]. Абсолютное же сходство мы находим на моливдовулах стратига Анатолийской фемы Варды. Свой экземпляр Н.П. Лихачев предполагал отнести к X в[57]. Г. Закос датировал экземпляр из своей коллекции серединой X столетия[58]. Интересно то, что на буллах Варды, кроме монограммы, совпадают с нашими не только надписи, но и украшения сверху и снизу тетраграммы.

Достаточно близкую датировку нашего моливдовула предполагает и использованный мелкий шрифт с различными по высоте и начертанию литерами, получивший широкое распространение во второй половине X в[59].

Исходя из вышесказанного, печать коммеркиария Георгия (?) следует отнести к па-

мятникам середины-начала второй половины X столетия.

Согласно памятникам сфрагистики, коммеркиарии Херсона традиционно имели невысокое звания - императорского кандидата, императорского спафария, и лишь на закате эпохи этого института, во второй половине X в. ранг императорского спафарокандидата[60]. Следует отметить, что без указания титулярной принадлежности владельца как правило встречаются только буллы периода основания фемы. Печати X в. -непременно указывают придворный ранг своего владельца. В этой связи находка печати коммеркиария Георгия (?) имеет особую ценность для решения вопросов о статусе этих чиновников в системе государственной администрации и определения причин упразднения данного института. Безусловно, один фрагмент печати, несмотря на его своеобразие не дает возможности решить эту и другие проблемы. Требуется всесторонний анализ по крайней мере всех известных печатей херсонских коммеркиариев и данных об этом институте власти. Но это уже отдельный вопрос, выходящий за рамки настоящего исследования. Заметим лишь, что значение института коммеркиариев, начиная с середины X в., по всей видимости, постепенно начинает уменьшаться и впоследствии приводит к окончательному его упразднению. Вместе с тем, отсутствие печатей судей, к которым переходят функции коммеркиариев в других фемах, по-прежнему оставляет многие вопросы открытыми. Быть может, их решение следует искать в структуре института кураторов города, в который входили патер полиса, экдик и протевоны Херсона[61]. Очевидно, к кому-то из них перешли функции инспекторов-коммеркиариев, олицетворявших символ гражданской власти в феме.

Надеемся, что продолжение исследования памятников сфрагистики со временем позволит пролить свет на многие пока еще не раскрытые страницы истории византийского Херсона. Введение в научный оборот каждого нового моливдовула создает предпосылки не только для подготовка Корпуса печатей городских чиновников, но и для построения наиболее полной модели административного устройства Херсона в VIII-XI вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sokolova I.V. Les sceaux byzantin de Cherson // SBS . Washington. 1993. Vol. 3. P. 99-111; Alekseenko N., Romancuk, A., Sokolova I. Die Funde neuen an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. Washington. 1995. Vol. 4. P. 139-151;Алексеенко Н.А. Печати представителей городских властей Херсона // МАИЭТ. 1995. Т. V. С.155 - 170; Алексеенко Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса // Древности 1995. Харьков. 1995. С. 81-87; Алексеенко Н.А. Моливдовулы адресантов Херсона VII-IX вв. // Древности 1996. Харьков. 1997. С. 122-133; Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX-XI вв. // МАИЭТ. 1998. Т. VI. С. 701-743; Алексеенко Н.А. К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне // АДСВ. 1998. Т. 29. С. 221-227; Алексеенко Н.А. Печать митрополита Кирилла из Херсонеса // Российская археология. 1999. №1. С.186-190.
2. Alexeenko N. Уникальная находка группы византийских печатей из Херсона // XIX International Congress of Byzantine Studies: (Abstracts). Copenhagen. 1996. P. 8414.
3. Смычков К.Д. Неизданная печать с именем Цула // ВВ. 1987. Т. 48. С.158 -159; Смычков К.Д. Несколько неизданных печатей Херсона // ВВ. 1989. Т. 50. С.189 -191.
4. Смычков К.Д. Печати церковных иерархов из Херсона // АДСВ (в печати).№3. -Екатеринбург, 1999.
5. Алексеенко Н.А. Печати представителей городских властей Херсона // МАИЭТ. 1995. Т. V. С.156, 539. Рис. 1.1.
6. Шандровская В.С. Памятники византийской сфрагистики в Эрмитаже // ВВ. 1968. Т. XXIX. С. 244 - 253.
7. Лихачев Н.П. Моливдовулы Греческого Востока. // Научное наследство. Москва. 1991. Т. 19. С. 54; Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington. 1986. P. 40 - 41, 44 - 45; Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel. 1972. Vol. 1. P. 971 - 972, 996 - 999; Панченко Б.А. Каталог моливдовулов. София. 1908. С. 112. № 316; Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. T. V.1. Paris. 1963. P. 357 - 358. № 487; Laurent V. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Cité du Vatican. 1962. P.61 - 62. № 72; Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. Paris. 1884. P.336, 515, 602-603.
8. Соколова И.В. Знак сокращения на византийских печатях VIII - первой половины X в. // ВВ. 1986. Т. 47. С. 158; Шандровская В.С. Памятники византийской сфрагистики в

Эрмитаже // ВВ. 1968. Т. XXIX. С. 251; Соколова И.В. Об эпиграфике византийских печатей VIII - IX вв. // ВВ. 1981.Т. 42. С. 111-112; Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien. 1978. T. I. S. 161, 268 - 269, 321, 341.

9. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel. 1972. Vol. 1. P. 1284. № 2345; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983. С. 145; 18. Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art . Washington. 1991. Vol. 1. P. 184. N 82.3.
10. Соколова И.В. Об эпиграфике византийских печатей VIII - IX вв. // ВВ. 1981. Т. 42. С. 113.
11. Лихачев Н.П. Моливдовулы Греческого Востока // Научное наследство. Москва. 1991. Т. 19. С. 54 - 55. № 8-9; Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington. 1986. P. 40 - 41. № 28.
12. Лихачев Н.П. Моливдовулы Греческого Востока // Научное наследство. Москва. 1991. Т. 19. С. 206 - 207. № 7-8.
13. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel. 1972. Vol. 1. P. 1729. № 3078; Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington. 1986. P. 44 - 45. № 33; Mordtmann A. Sur les sceaux et plombs byzantins, conférence tenue dans la Société Littéraire grecque. Constantinople. 1873. (EPHS. 1872 - 1873. Vol. 7) P. 37 - 38. № 10.
14. Шандровская В.С. Памятники византийской сфрагистики в Эрмитаже // ВВ. 1968. Т. XXIX. С. 252 - 253.
15. Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь. 1996. Т. 5. С. 157.
16. Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. London. 1910. P. 26 - 27.
17. Scriptor Inc. de Leone Arm. ed. I. Bekker // CFHB. Bonnae. 1842. P. 360; Genesii Iosephi. Regum Libri Quattuor. Ed. A. Lesmuller-Werner and I. Thurn // CFHB. Berlin-New-York. 1978. P. 11; Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec. I. Bekkeri. Bonnae. 1838. P. 123; Constantine Porphirogenitus. De administrando imperio / Ed. G. Moravcsik, trans. by J. Jenkins. Washington. 1967. Ch. 42(49); Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. éd. I.D. Mansi 1759 - 1798 . T. XVI. C. 151, 153 et suiv.; Patroligiae cursus completus. ser. Graeca. éd. I.P. Migne. T. 102. C. 956, 984.
18. Oikonomides N. Les listes préséance Byzantines des IX et X siecle. Paris. 1972. P. 297.
19. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel. 1972. Vol. 1. P. 972.
20. Laurent V. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Cité du Vatican. 1962. P. 61 - 62. N 72.
21. Панченко Б.А. Каталог моливдовулов. София. 1908. С. 112. № 316.
22. Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь. 1996. Т. 5. С. 539. Рис. 1.13.
23. Alekseenko N. Les arcontes de Cherson sur les données de sigillographie (в печати).
24. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983. С. 70 - 76, 93, 95; Соколова И.В. Об эпиграфике византийских печатей // ВВ. 1989. Т. 42. С. 109 - 114.
25. Соколова И.В. Об эпиграфике византийских печатей // ВВ. 1989. Т. 42. С. 111. Табл. IV6, М-6226; Соколова И.В. Знак сокращения на византийских печатях VIII - первой половины X в. // ВВ. 1986. Т. 47. С. 157 - 162, Табл. II. №№ 10 - 11.
26. Соколова И.В. Знак сокращения на византийских печатях VIII - первой половины X в. // ВВ. 1986. Т. 47. С. 159; Соколова И.В. Об эпиграфике византийских печатей VIII - IX вв. // ВВ. 1981.Т. 42. С. 109.
27. Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington. 1986. P. 58 - 62. NN 49 - 51, 53 - 54.
28. Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art . Washington. 1991. Vol. 1. P. 189. № 82.19.
29. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Симферополь. 1995. С. 92.
30. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983. С. 96 - 102; Соколова И.В. О так называемой печати протевона Михаила // ВИД. Л. Т. XXIII. С. 99.
31. Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. 1998. Т. VI. С. 706.
32. Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art . Washington, 1991. Vol. 1. P. 186. № 82.8.
33. Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. 1998. Т. VI. С. 733 - 735.

34. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983. С. 161. № 47.
35. Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. Washington. 1995. T. 4. P. 144. Nr. 6; Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. 1998. Т. VI. С. 713, 715 - 716. №№ 15-17. Рис. 3. №№ 15,17.
36. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983. С. 85, 88;
37. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Симферополь. 1995. С. 94.
38. Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. 1998. Т. VI. С. 717.
39. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983. С. 94; Соколова И.В. Знак сокращения на византийских печатях VIII-первой половины X в. // ВВ. 1986. Т. 47. С. 100 - 101; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. Washington. 1995. T. 4. P. 145. Nr. 8.
40. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983. С. 86 - 89.
41. Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. 1998. Т. VI. С. 719 - 720. № 22.
42. Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österrreich. Wien. 1978. S. 145 - 146. N 42.
43. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983. С. 86 - 88; Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX - XII вв. М. 1978. С. 133; Шандровская В.С. Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике // Византия и Ближний Восток. СПб. 1994. С. 75.
44. Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 192.
45. Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 192.
46. Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. 1998. Т. VI. С. 718 - 720. №№ 20 - 23.
47. Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь. 1996. Т. 5. С. 167 - 168; Алексеенко Н.А. Византийская знать Херсона в памятниках сфрагистики // Тезисы докладов Международной конференции "Византия и Крым". Симферополь. 1997. С. 10 - 13; Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. 1998. Т. VI. С. 733.
48. Лихачев Н.П. Печати Патриархов Константинопольских // ТМНО. 1899. Т. II. Вып. 1. С. 57-66; Oikonomides N. A Collection of the Date d Byzantine Lead Seals. Washington. 1986. P. 58 - 88, NN 50, 54, 84, 88; Laurent V. Le Corpus des seaux de l'empire Byzantin, Paris. 1965 Vol. V. L'Église. Pl.1. N 9. Pl. 2. NN 10 - 12,15.
49. Laurent V. Le Corpus des seaux de l'empire Byzantin, Paris. 1963. Vol. V.1. P. 390. N 528. Pl. 72.
50. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel. 1972. Vol. 1. Pl. 233. NN 160 - 162. Pl. 234. NN 177 - 179, 184 - 187, 200, 210.
51. Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österrreich. Wien. 1978. S. 47 - 48.
52. Laurent V. Le Corpus des seaux de l'empire Byzantin, Paris. 1965 V. Pl. 82. N 605 - 607. Pl. 148. N 1169; Laurent V. Le Corpus des seaux de l'empire Byzantin, Paris. 1981. Vol. II. P. 439, 443. NN 828, 838; Йорданов И. Печатите от стратегията в Преслав. София. 1993. С. 72. Таб. 14. N 130.
53. Вишнякова А.Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. 1939. № 1. С. 126. № 8.
54. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel. 1972. Vol. 1. Pl. 258. N LIII.
55. Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österrreich. Wien. 1978. S.152 - 153. N 46.
56. Oikonomides N. A collection of the Dated Byzantine Lead Seals. Washington. 1986. P. 66-67, N 60.
57. Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. М. 1991. С. 71. Таб. LX. № 4.
58. Zacos G. Byzantine Lead Seals. Berne. 1984. Vol. II. P. 462. N 1062.
59. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983. С. 78, 94.
60. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983. №№ 21 - 23, 25 - 26, 28 - 29, 35 - 40, 62 - 63; Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art . Washington. 1991. Vol. 1. P. 184-186. NN 82.4 - 9; Alexeenko N., Romantuk A., Sokolova I. Die Funde neuen an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. Washington. 1995. T. 4. P. 145 - 146. Nr. 8 - 9.
61. Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь. 1996. Т. 5. С. 162 - 168. №№ 11 - 15. С. 540. Рис. 2. №№ 4 - 7, 9.

Н.А.Алексеенко

НАХОДКИ МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО

Одним из интереснейших памятников средневековой истории Юго-Западного Крыма является генуэзская крепость Чембало XIV-XV вв., расположенная в окрестностях г.Севастополя на горе Кастрон у входа в Балаклавскую бухту. Неоднократно упоминаемый в письменных источниках, нарративных памятниках и научно-популярной литературе*[1], этот самый западный форпост генуэзцев на крымском побережье еще и сегодня остается одним из мало изученных объектов итальянской колонизации в Северном Причерноморье. Отсутствие археологических исследований на территории крепости долгое время заставляло ученых обращаться лишь к публикациям немногочисленных находок и пересказу отрывочных сведений об истории крепости, сохранившихся в письменных памятниках средневековья.[2] Введение в научный оборот новых документов из генуэзских архивов в известной мере дополняет сведения об этом интереснейшем памятнике истории и культуры.[3] Однако в корпусе возможных источников по-прежнему существует археологическая лакуна.

Исходя из этого, появление каждой новой находки, так или иначе отражающей историю крепости, неизменно вызывает особый интерес у исследователей.

В этой связи обратим наше внимание на один из видов археологических источников. Это памятники нумизматики, важность и значение которых для восстановления исторических реалий, как известно, не требуют каких-либо дополнительных аргументов.

Среди подъемного материала, происходящего с территории крепости Чембало, нередко встречаются разнообразные старинные монеты. Факт известный, но, к сожалению, зачастую нигде и никак не фиксируемый. Поэтому, в ходе подготовительных работ по комплексному исследованию крепостного ансамбля и с целью уточнения топографии и локализации мест наиболее массовых находок археологического материала, в 1996-1998 годах было проведено металло-детекторное обследование крепости Чембало. В результате со всей территории памятника был собран лежащий в дерновом слое (глубина залеганий более 5-7 см) археологический материал. Обнаруженные предметы представлены в основном изделиями из различных металлов: свинца, меди и железа. Как правило, это пряжки, рыболовные грузила, части поясных наборов, фрагменты орудий труда и домашней утвари. Среди находок оказалось и более трех десятков монет различных эпох и достоинства. К сожалению, различная степень сохранности нумизматического материала не позволила четко атрибутировать некоторые экземпляры. А пять монет очень плохой сохранности так и не удалось определить. Между тем поступивший в наше распоряжение материал (38 монет) позволил сделать некоторые на наш взгляд, интересные наблюдения и прийти к определенным заключениям.

Полученная выборка не только дает достаточно четкую границу наиболее освоенной территории крепости, но и, как представляется, в известной мере отражает структуру денежного рынка, характерную для того или иного периода истории памятника (рис.1). Кроме того, как известно, на основе учета находок иноземной монеты становится возможным выявление городских связей с окружающим миром.[4]

В первую очередь следует отметить, что район находок монет вполне согласуется с основными местами обнаружения массового археологического материала (рис.2). Именно в этой части крепости, на оконечном мысу у входа в бухту, лучше всего прослеживаются следы интенсивной крепостной застройки и в большом количестве присутствуют фрагменты разнообразной керамики.

Нумизматические находки можно разделить на четыре условные хронологические группы: античную, византийско-ордынскую, генуэзскую и крымско-татарскую.

Часть находок (8 экз.) принадлежит времени, предшествующему появлению генуэзцев в Балаклавской гавани и основанию здесь итальянской колонии.

*Автор не претендует на приоритетность перечисленной в конце работы библиографии, в особенности старопечатных работ. Приведенный (далеко не полный) список литературы является лишь индикатором интереса к памятнику как профессионалов-историков, так и краеведов-любителей.

Античная эпоха в нашем комплексе представлена единственным экземпляром.

1. Херсонес, AE, дупондий, II век н.э.[5] *- 1 экз. (Рис. 2.1)*

Еще семь монет относятся к византийскому периоду, захватывающему и время появления в Крыму ханов Золотой Орды.

2. Византийская империя, AE, полуфоллис, Маврикий Тиберий (582-602)[6] *- 1 экз. (Рис. 2.2)*

3. Херсонес, AE, литье, Василий I (867-886)[7] *- 1 экз. (Рис. 2.3)*

4. Херсонес, AE, литье, Роман I(919-945)[8] *- 1 экз. (Рис. 2.4)*

5. Латинская имитация, AE, Трахея, 1204-1261[9] *- 1 экз.*

6-7. Золотая Орда, AE, XIII -начало XIV вв. - 2 экз.

8. Золотая Орда, AE, Токта-хан (1280-1313)[10] *- 1 экз. (Рис. 2.5)*

Монеты античного и раннесредневекового времени хорошо согласуются со свидетельствами античных и средневековых авторов о существовании в этой местности поселений, известных своими древними именами - Сюмболон, Палакион, Ямболи. Не исключено, что на мысу, где впоследствии была возведена генуэзская крепость, издревле могло обитать какое-то местное население. Безусловно, сегодня без археологических исследований говорить о чем-либо конкретном нет оснований. Вместе с тем, представляется маловероятным, что удобная для сооружения порта балаклавская бухта была оставлена без внимания и древними греками, и римскими легионерами, имевшими поблизости свой укрепленный лагерь[11], и византийцами, прочно обосновавшимися в соседнем Херсоне. Тем более, что практически по всей близлежащей округе выявлены следы присутствия древних обитателей[12]. Находки римских, ранневизантийских и херсонских монет на этой территории - лишнее подтверждение тому, что с глубокой древности территория, на которой впоследствии возникла крепость, так или иначе входила в сферу интересов и Римской, и Византийской империй и, очевидно, имела аналогичный близлежащему Херсону состав денежного рынка.

Существовал ли здесь какой-либо город (или крепость) до прихода генуэзцев - пока сказать достаточно трудно, хотя на этот счет имеется свидетельство подполковника Монро об обнаружении на Балаклавской скале римского поселения[13]. Надеемся, что со временем археология позволит проверить справедливость выводов английского офицера и поможет найти ответы на многие из еще нерешенных сегодня вопросов.

Большая часть обнаруженных монет (17 экз.) датируется временем существования генуэзского консульства Чембало (XIV-XV вв.):

9 -10. Золотая Орда, AE, Узбек-хан (1313-1343)[14] *- 2 экз.*

11. Трапезундская империя, AE, Иоанн III (1342-1344)[15] *-1 экз. (Рис. 2.6)*

12-15. Золотая Орда, AE, анонимные, времени Джанибек-хана, 1350-е гг.[16] *- 4 экз. (Рис. 2.7)*

16. Золотая Орда, AE, Токтамыш-хан (1377-1396)[17] *-1 экз. (Рис. 2.8)*

17-18. Золотая Орда, AE, анонимная, времени Токтамыш-хана[18] *- 2 экз.*

19-20. Золотая Орда, AE, XIV вв. - 2 экз.

21. Золотая Орда, AR, дирхем, 1420-1433 гг.[19] *- 1 экз.*

22-24. Татаро-генуэзские, AE, фолери, выпуск г. Кафы (после 1433 г.)[20] *- 3 экз. (Рис. 2.10-12)*

25. Византийская империя, AE, фолери, Иоанн VIII Палеолог (1421-1448)[21] *- 1 экз. (Рис. 2.9)*

Гибель итальянских колоний в Крыму под натиском Османской империи в 1475 году положила конец генуэзскому владычеству и в Юго-Западном Крыму. На политическую арену, лишившись серьезного конкурента, выступает новая сила - Крымское ханство. Династия ханов Гиреев стремится к полному экономическому господству на подвластной ей территории. Это четко прослеживается по составу денежного рынка региона, где преобладают исключительно ханские монеты. Аналогичную картину дает нам анализ кладов XV-XVIII вв., обнаруженных в Крыму и за его пределами[22]. Причем интересен факт весьма длительного сохранения в обращении монет прежних выпусков. Находки монет XV в. нередко встречаются в кладах XVII -XVIII вв[23].

Яркой иллюстрацией этому являются монеты нашей заключительной группы (13 экз.), относящиеся к эпохе ханов Гиреев:

26. Османская Порта, AE, XV-XVI вв. - 1 экз.

27. Крымское ханство, BIL, Менгли-Гирей I (1467-1515) - 1 экз.*

28-30. Крымское ханство, AR, Девлет-Гирей I (1550-1577)[24] *- 3 экз. (Рис. 2.13)*

31. Крымское ханство, AR, Мухаммад-Гирей II (1577-1584)[25] *- 1 экз. (Рис. 2.14)*

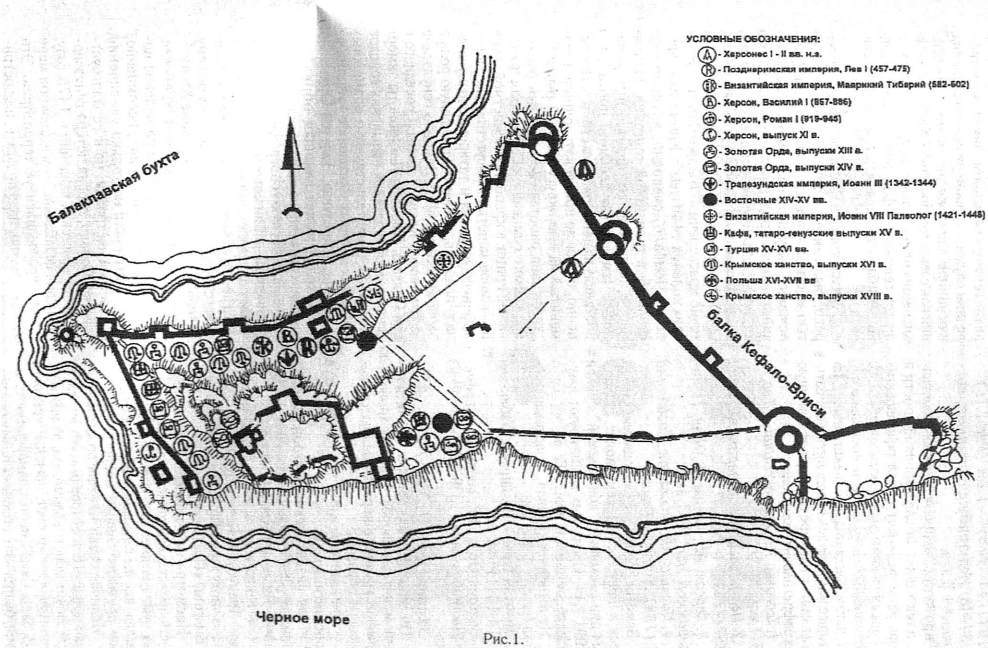


Рис.1.
Топография находок монет на территории крепости Чембало

32. Крымское ханство, AE, XVI в. - 1 экз.

33. Крымское ханство, AR, Селим-Гирей II (1743-1748)[26] *- 1 экз. (Рис. 2.15)*

34-38. Неатрибутированные, восточные - 5 экз.

Кроме того, во время проведения металло-детекторного обследования крепости и сбора подъемного материала, по имеющимся у нас сведениям, в пределах крепостного ансамбля были найдены еще несколько монет, затем попавших к коллекционерам, но которые нам удалось определить и описать. Они в известной мере расширяют монетную географию нашего комплекса:

1. Херсонес, AE, тетрассарий, I-II вв. н. э.[27] *- 1 экз.*

2. Позднеримская империя, AE, Лев I (457-474)[28] *- 1 экз.*

3. Херсон, AE, литье XI-XII вв. (с монограммой "ро")[29] *- 1 экз.*

4. Польша, AR, полторак, Сигизмунд III (1587-1632)[30] *- 1 экз.*

Заметим также, что хорошо укладываются в нашу схему и семь монет, найденных при раскопках "консульской" церкви (1991 г.)[31]. Среди них доминируют джучидские дирхемы и пулы XIV в.

Не атрибутированная, с надчеканкой - 1 экз.

Золотая Орда, AR, дирхем, Узбек-хан (1313-1341)[32] - 2 экз.

Золотая Орда, AE, анонимная, времени Джанибек-хана (1339-1357-е гг.)[33] -3 экз.

Золотая Орда, AE, XIV в.?-1 экз.

По месту чеканки удалось выявить восемь монетных дворов. В наших хронологических группах они распределяются следующим образом:

- для античной эпохи это - Херсонес и Константинополь;

- для византийско-золотоордынского периода - Константинополь, Херсон, Сарай-ал-Джедид и Крым (Солхат);

- в генуэзское время - Константинополь, Трапезунд, Кафа и Крым;

- в эпоху ханов Гиреев - Стамбул, Крым и Быдгощ? (Польша).

Несмотря на относительную случайность представленной нами выборки, анализ нумизматического материала, на наш взгляд, все же позволяет прийти к некоторым предварительным заключениям.

Наличие среди находок византийских, трапезундских, золотоордынских и татаро-генуэзских монет, видимо, как нельзя лучше отражает торговое значение крепости Чембало. Сюда вместе с заморскими товарами, безусловно, стекалась разнообразная иноземная монета, так или иначе участвовавшая в денежном обращении Таврики наряду с генуэзским аспром. Заметим, что последний служил главной разменной монетой, в основном для нужд внутреннего обращения как самой метрополии - Кафы, так и зависевших от нее в административном отношении генуэзских факториях[34]. Несомненно, Чембало не являлась тому исключением.

Приток монет в Чембало, в первую очередь, был связан с торговой деятельностью местных жителей и обитателей близлежащей округи, продававших сельскохозяйственную продукцию и закупавших в крепости различные импортные товары, привезенные сюда на генуэзских кораблях. Об ассортименте местного рынка достаточно красноречиво говорит Устав генуэзских колоний 1449 года[35]. Кроме того, крепость Чембало, очевидно, активно участвовала в транзитной торговле. Например, в источниках сообщается и о значимости Чембало как хлебного порта[36], и о поставках из него кож и текстиля[37]. Несомненно, не мог не привлекать купцов и знаменитый на всю округу рыбный рынок[38].

Активно работающий местный рынок, вне всякого сомнения, обеспечивал постоянный приток в крепость как местной, так и иноземной монеты. Присутствие же монет кафинского чекана и татарских выпусков, надо полагать, показывает ведущую роль в экономических связях Чембало генуэзской метрополии в Крыму - Кафы и соседнего с ней Солхата. Вместе с тем, монеты заморских центров и далеких ордынских городов Поволжья свидетельствуют о возможных контактах местных торговцев с купцами из Византии, Трапезунда, Золотой Орды.

Находки монет главным образом в пределах оконечного мыса вносят свои коррективы в местную топографию. Четко ограниченный район монетных находок очерчивает определенный масштаб крепостного строительства - главным образом, соответствующий его изначальному объему, завершенному где-то к середине XV в.

Значительное расширение крепости, предпринятое в 60-х гг., и возведение новой оборонительной линии[39], несомненно, предусматривали не только увеличение крепостной застройки, но и ее благоустройство. Однако, скорая потеря генуэзцами своих крымских владений в 1475 году, очевидно, не позволила им в должной мере освоить присоединенную территорию. Это обстоятельство, надо полагать, иллюстрируется и отсутствием здесь массового

подъёмного материала.

Заключительный этап в истории рассматриваемой нами территории отражают монеты пост-генуэзского периода. На наш взгляд, их состав свидетельствует не только об активном посещении Чембало насе-

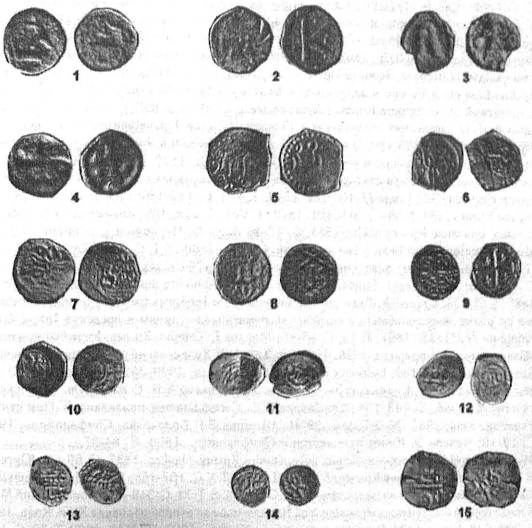


Рис.2.
Монетные находки из крепости Чембало

лением средневековой Балаклавы, когда крепость утратила свое былое стратегическое значение. Находки монет Крымского ханства именно в зоне наиболее активной крепостной застройки, скорее всего, могут быть использованы как признак существования там в XVI-XVIII вв. каких-либо построек местных жителей, приспособивших для своих нужд сохранившиеся крепостные строения. Кроме того по сообщению Э.Челеби, в пределах крепости размещался и турецкий гарнизон[40].

Не сомневаемся, что археологическое исследование крепости в дальнейшем позволит значительно расширить наши представления не только об истории генуэзской крепости Чембало, но и возможных поселениях предшествующих столетий и существенно дополнит данные наших нумизматических находок.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Guistiniani A. Castigassimi annali con la lora copiosa tavola della Ecclesia et illustrissima Republica di Genova. Genova, 1537, P. 191-192; Folieta U. Thesaurus antquitatum et historiarum Italiae. Lugd. Batav. 1704, Vol. 1, P. 1-743; Stella G. Rerum Italicarum Scriptores. Mediolani, 1730, Vol. XVII, P. 945-1318; Guthrie M.A. Tour performed in the Years 1795-1796 through the Tauride. London, 1882, P. 111;Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии. М. 1800, С. 111-112; Сумароков П. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб, 1803, Т. II, С. 196-198;Сестренцевич-Богуш С. История царства Херсонеса Таври-

ческого. СПб, 1806, Т. II, С. 198-199; Муравьев - Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 годе. СПб, 1823, С. 90;Serra G. Storia della antica Liguria e di Genova. Tourino, 1834, Vol. IV, P. 59-68; Кеппен П. О древностях Южного Берега Крыма и гор Таврических // Крымский сборник. СПб, 1837, С. 215; Clarke E.D.Travel in Russia and Turkey. London, 1839, Vol. II, P. 588; Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase, cher les Tcherkesses, et les Abkhases en Colhide, en Ceorgie, en Armenie, et en Crimee. Paris, 1843, Vol. VI; Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и его древностей // ЗООИД, 1848, Т. II, С. 264-267; Canale M. Della Crimea, del suo commercio edei suoi dominatori, dalle origini fino ai di nostri commentatori storici. Genova, 1855, P. 336; Mevil S.M. Caffa et les colonies genoises de la Crimee. Paris, 1856; Устав генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // ЗООИД , 1863, Т. V. С. 629-839; Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. 1864, Т. 1. С. 442; Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785-1789). СПб, 1865, С. 216; Броневский М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД, 1867, Т. VI, С. 343; Брун Ф.К. О поселениях итальянских в Газарии // Труды I Археологического съезда. М. 1869, Т. II, С. 378, 393-400; О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД, 1872, Т. VIII, С. 373; Поденная записка путешествию его сиятельства князя В.М. Долгорукова в Крымский полуостров во время кампании 1773 года // ЗООИД, 1872, Т. VIII, С. 185-186; Волков М. Четыре года города Кафы (1453-1456) // ЗООИД, 1872, Т. VIII, С. 118, 139; Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. СПб, 1875, С. 47-49; Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по истории торговли Южной России. Одесса, 1880, Т. I, С. 226-238, Т. II, С. 147; Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // ЗООИД, 1881, Т. 12, С. 139-140; Wachernagel. Studien und Quellen zur geschichte des Konzul von Vasel. Basel, 1885, S. 31-33; Стевен А. Дела архива Таврического Губернского Правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК, 1891, Т. 13, С. 45-46; Марков Е. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. СПб, 1903, С. 317-319; Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев, 1906, С. 131-132; Веймарн Е. Балаклава // Крым, 1929, №2(10), С. 63-65; Шнайдер Д.С. Балаклава. Симферополь, 1930, С. 38; Веникеев Е.В. Севастополь и его окрестности. М. 1986, С. 143-154; Щербакова В.С. Середньовічна Балаклава // Пам'ятники України. Київ, 1987, № 2(72), С. 39-40; Шавшин В.Г. Балаклава. Симферополь, 1994, С. 10-18; Челеби Э. Книга путешествий, Симферополь, 1996, С. 84-87.

2. Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса. 1837, С. 60-62; Юргевич В.Н. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 157-158, 175-177; Юргевич В.Н. Две генуэзские надписи из Балаклавы // ЗООИД. 1878. Т. XI. С. 319-320; Ковалевский М.М. Юридический быт генуэзских колоний на Черном море во второй половине XV в. Киев. 1904. С. 195-228; Репников Н. Разведки и раскопки в Крыму в 1907 г // ИАК. 1909. Т. 30. С. 123-126; Donaver F. La storia della Republica di Genova. Cenova 1913. Vol. II. P. 26-27; Колли Л.П. Хан Гирей и его политика // ИТУАК. 1913. Т.50. С. 99-139; Колли Л.П. Извлечение из сочинения В. Гейда "История торговли Востока в средние века" // ИТУАК. 1915. Т. 52. С. 126-139; Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. Т. 57. С. 2, 19, 32; Skrzinska E. Inscription latines des colonies genoises en Crimee // "Atti della societa Ligure di storia patria", Genova. 1928. Vol. 56. P. 9-19, 129-135 ; Maggiorotti L.A. L'opera del genio Italiano all' estero gli archtetti militari // Archtetti e architetture militari. Roma. 1933. Vol. 1. P. 299-312; Малицкий Н.Я. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71, С. 38; Зевакин С., Пенчко Н. Очерки по истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья // "Исторические записки", 1940, Вып. 7, С. 3-33; Секиринский С.А. Очерки истории Сурожа IX-XV вв. Симферополь, 1955, С. 24, 33-55; Чиперис А.М. К истории Чембальского восстания // Ученые Записки Туркменского ГосУниверситета, Ашхабад, 1961. Т. XIX. С. 291-307; Morozzo della Rocca R. Notizie da Caffa //Studi in onore di A. Fanfani. Milano. 1962. Vol. III. P. 279,283,292;Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М. -Л. 1964. С. 120-121; Мыц В.Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев. 1991. С. 57-59,79, 139; Stringa P. Genova e la Liguria nel Mediterraneo. Genova. 1992. P. 351-354; Алексеенко Н. А. Печать Папы римского Александра IV из окрестностей Балаклавы // МАИЭТ. Симферополь. 1993. Т. III. С. 267-269; Иванов А.В. Этапы развития и некоторые черты топографии Балаклавы // ХСб, Севастополь. 1997. Т. VIII. С. 46-48.

3. Bautier R.H. Les relations economiques des oceidentaux avec les pays d'Orient moyen age // Actes du VIIIe Colloque International d'histoire maritime. Paris. 1970. P. 311-316; Balard M. La Romanie genoise (XIIe-debut du XVe siecle). Rome. 1978. Vol. I-II; Agosto A. Nuovi reperti archivistici genovesi dell' "Officium Provisionis Romanie" sulla guerra di Cembalo (1434) // Bizantino-bulgarica. 1981. T. 7. P. 103-108; Papacostea S. Une revilte antigenoise en Mer Noire et la riposte de Genes (1433-1434) // Etat et colonisation au moyen age et a la Renaissance. Lion. 1989. P. 441-442; Карпов С.П. Источники по истории Причерноморья и Древней Руси в итальянских архивах // Вестник МГУ. 1994. № 1. С. 8,10; Карпов С.П. Причерноморье в XV в. по материалам собрания Diversorum Filze, секретного архива Генуи // Причерноморье в средние века. М. 1995. Т. II. С. 11-18; Kagpov S.P. New Documents on the Relations between the Latin and the Local Population in the Black Sea Area (1392-1462) // DOP. 1995. Vol. 49. P. 34-38; Balard M. The Creeks of Crimea under Genoese Rule in the XIVth and XVth Centuries // DOP. 1995. Vol. 49. P. 26.
4. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции. Тюмень. 1995. С. 136.
5 Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев. 1978. №№ 270-272.
6 Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British museum. London, 1908. Vol. 1. P. 135. NN 75-77; Толстой И.И. Византийские монеты. СПб. 1913. Вып. V. С. 548. №№ 233-236.
7 Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев. 1978. №№ 360-373.
8 Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев. 1978. №№ 411-413.
9 Hendy M.F. Coinage and money in the Byzantine Empire 1081-1261. Washington. 1969. Pl. 26.11-13, Pl. 28.1-4.
10 Савельев П.С. Монеты джучидские, джагайтанские, джелайридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // ЗИАО. 1857-1858. Т. XII. С. 325-326. № 572.
11. Алексеенко Н.А., Филиппенко А.А. Клад римских денариев из Балаклавы // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. СПб. 1994. С. 45-46; Зубар В.М., Савеля О.Я., Сарновский Т. Нові латинські написи з римського храму в околицах Херсонеса Таврійського // Археологія. 1997. № 4. С. 67; Филиппенко А.А. Строительные керамические материалы с пунктов дислокации римских войск в Кадыковке и на высоте Казацкой // ХСб. 1998. Т. IX. С. 110-117;
12. Протокол заседания Таврической Ученой Архивной Комиссии 26 ноября 1892 г. // ИТУАК. 1892. Т.17. С. 132; Репников Н. Разведки в Крыму в 1907 г. // ИАК. 1909. Т. 30. С. 123-126; Репников Н.И. О характере римской оккупации Южного Берега Крыма // СА. 1941. № 7. С. 125. прим. 3; Маликов В.М. Отчет о поездке в Балаклаву в августе 1958 г. в связи с обнаружением случайных находок // Архив НЭХТ. Дело 786. л. 1-4; Соломоник Э.И. Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округи // НЭ. 1974. Т. XI. С. 34-36; Зубарь В.М., Костромичева Т.И. Новый ауреус из окрестностей Херсонеса // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 83-86; Зубар В.М., Антонова І. А., Савеля О.Я. Надгробок римского кавалериста з околиць Балаклави // Археологія. 1991. № 3. С. 107-108; Савеля О.Я. Работы севастопольской экспедиции // Археологические исследования в Крыму в 1993 г. Симферополь. 1994. С. 237; Иванов А.В. О локализации античного поселения на территории современной Балаклавы // Тезисы докладов международной конференции, посвященной 200-летию открытия Ольвии. Николаев. 1994. С. 54.; Савеля О.Я. Некоторые результаты работ севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990-1995 гг. // ХСб. 1997. Т.VIII. С. 88 - 95;
13. "Athenaeum", 1855, № 1470. = См.: Репников Н.И. О характере римской аккупации Южного Берега Крыма // СА. 1941. № 7. С. 125, прим. 3.
14. Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб. 1832. С. 9. №№ 56-57? Таб. II. №№ LXVI-LXVII?
15. Retowski O. Die munzen der Komnenen von Trapezunt. Moskau, 1910. S. 157. NN 1 - 2; Wroth W. Catalogue of the Coins of the Vandal, Ostrogoths and Lombard. London. 1911. P. 289-290. N 2; Соколова И.В. Медные монеты трапезундской империи из собрания Эрмитажа // НЭ. 1984. Т. XIV. С.73. Таб. III. 7056, 7057, 7059.
16. Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб. 1832. С. 12, 19, 39. №№ 97,163, 401, Таб. III, X - XI. №№ LXIV, CCCXLIVb,

CCCLXXVII.
17. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946 - 1952 гг. // МИА. Т. 42. С. 448-449. № 118.
18. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. // МИА, Т. 42. С. 448 - 451. №№ 115, 131-132.
19. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции. Тюмень. 1995. С. 141.
20. Ретовский О. Генуэзско-татарские монеты. СПб. 1906. С. 66-67. Табл. VI. 262 - 263; Lunardi G. Le monete delle colonie Genovesi. Genova. 1980. P. 114, 115 - 118. №№ C63-C67.
21. Bendall S. A Private Collection of Palaeologan coins. London. 1988. P. 71. N. 351(1-6)
22. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. 1960. Т.1. С. 94-192; Kotlar N. Znaleziska monet z VIII-XIV w. na obszarze Ukrainskiej SRR. Wroclaw. 1975. № 111; Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции. Тюмень, 1995. С. 150-160.
23. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. 1960. Т.1. № 255, 257;
24. Retowski O. Die munzen der Girei. Moskau. 1903. T. II. S. 85-86, 89, Taf. VII. 1-5, 24-26.
25. Retowski O. Die munzen der Girei. Moskau. 1903. T. II. S. 95. Taf. VIII, 7.
26. Retowski O. Die munzen der Girei. Moskau. 1905. T. III. S. 196. Taf. XIV. 1.
27. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев. 1978. № 239-246.
28. Kent J.P.C. The Roman Imperial Coins. London. 1994. Vol. X. P. 291. NN 658-664. Pl. 26.
29. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев. 1978. № 461-462.
30. Szwagrzyk J.A. Pieniadz na ziemiach polskich X-XX w. Wroclaw, Warszawa, Krakow. Gdansk. 1973. P. 218. N 2674.
31. Сазанов А.В., Алексеенко Н.А. Отчет о раскопках крепости Чембало в 1991 г. // Архив НЗХТ. Дело № 3092. С. 14.
32. Мухамаднев А.Г. Булгаро-Татарская монетная система XII-XV вв. М. 1983. Табл. IX. 3-4.
33. Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб. 1832. С. 12,19. №№ 97,163. Таб. III - LXXIV. Таб. X - CCCXLIVb; Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 году // МИА. 1960. Т. 80. С. 217. № 167. Таб. 2.
34. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции. Тюмень. 1995. С. 143.
35. Устав генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 792 - 795;
36. Morozzo della Rocca R. Notizie da Caffa //Studi in onore di A. Fanfani . Milano, 1962, Vol. III. P. 279, 283, 292; Musso G. Navigazione e commercio genovese con il levante nei documenti dell' Archivio di Stato di Genova (XIV-XV sec.). Roma. 1975. P. 161; Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffae a Licostomo (sec. XIV) Bordighera. 1973. № 62; Balbi G. Caffa e Pera a metadel Trecento // RESEE. Bucarest. 1978. An. XVI. № 1.
37. Morozzo della Rocca R. Notizie da Caffa //Studi in onore di A. Fanfani . Milano. 1962. Vol. III. P. 290. № 5. 10.
38. Primaudaie E.F., de la. Etudes sur le commerce du moyen age: Histoire du commerce de la Mer Noire et des colonies genoises de la Crimee. Paris.1848. P. 223; Statuto di Caffa. A cura di A. Vigna // "Atti della societa Ligure di storia patria". Genova. 1879. Vol. VII. P. 666-668; Ярлыки крымских ханов // ЗООИД. 1872. Т. VIII. с. 20-23.
39. Дату возведения этой линии дают нам сохранившиеся строительные надписи 1463 и 1467 гг. См.: Skrzinska E. Inscription latines des colonies genoises en Crimee // "Atti della societa Ligure di storia patria". Genova. 1928. Vol. 56. P. 131-134.
40. Челеби Э. Книга путешествий. Симферополь. 1996. С. 86.

В.Л.Мыц

SOMMO В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ ГЕНУЭЗСКОЙ ГАЗАРИИ (по материалам алуштинского клада 1990 г.)

После завершения завоевательных походов монголов в 40-х гг. XIII в. на обширной территории Восточной Европы и Азии (между Дунаем и Иртышем) происходит формирование нового государства, во главе которого стоял дом Джучидов, а родоначальником правящей династии стал хан Бату. Образование Империи Монголов создало благоприятные условия для развития международной торговли, в которую уже в последней четверти XIII в. активно включаются, путем создания в Причерноморье торговых факторий, итальянские республики - Генуя и Венеция. В результате длительной и напряженной борьбы более сильные позиции в Черноморском бассейне смогла завоевать Генуя, создавшая здесь разветвленную колониальную инфраструктуру, главенствующее положение в которой занимала Каффа. Ввиду своего особого геополитического положения, Крымский полуостров играл особую роль в экономической жизни Улуса Джучи на протяжении всего периода существования этого государства, поскольку здесь оканчивались сухопутные караванные торговые дороги, и начинался морской путь в страны Западной Европы, Египет, государства Ближнего Востока. Именно в Крым из Китая вела крупнейшая торговая артерия средневековья. На рынки Таврики с Востока поступали разнообразные и многочисленные предметы роскоши и пряности. Из северных областей (Руси, Булгар и Приуралья) сюда везли меха, кожи, мед, воск, льняные ткани. Торговый путь, пролегавший через Львов, соединял порты Крыма со странами Центральной Европы[1]. Развитие трансконтинентальной торговли способствовало росту в Причерноморье новых городов (Солхат-Крым, Каффа, Азак) и стимулировало активную деятельность местных рынков, имевших свои традиционные категории экспорта, основу которых составляли продажа зерна, соли, рыбы, рабов и др.[2]

Важным компонентом обеспечения торговых операций на территории Золотой Орды являлись серебряные дирхемы, чеканка которых была начата при хане Берке (1255-1266)[3] (вероятно, отсюда их название в генуэзских нотариальных актах - aspri barricati[4]). Массовый нумизматический материал и данные письменных источников конца XIII-XV вв. свидетельствуют о том, что на денежном рынке приморских городов обращались монеты государств, принимавших активное участие в международной торговле: Венеции, Византии, Трапезунда и др.[5], что привело к одновременному существованию разнообразных номиналов и систем счета. При этом и сама монетная система государства Джучидов не была однородна на подвластной монголам территории и претерпела значительные изменения на протяжении становления Золотой Орды (вторая половина XIII в.) и ее окончательного распада (первая половина XV в.). Об этом свидетельствуют данные метрологии и внешний характер оформления монет, чеканившихся в разных улусах огромного государства - в Хорезме, Среднем и Нижнем Поволжье, Крыму с прилегающими землями Западного и Восточного Причерноморья (от Дуная до Дона)[6]. Вероятно, существующая "пестрота" монетных номиналов и потребности крупной оптовой торговли послужили необходимостью введения единого крупного весового и счетного номинала в виде серебряных платежных слитков - этого реликта "безмонетного периода"[7] - называвшегося у тюркских обитателей Орды "сом" или "сума"[8], а в итальянских источниках - "соммо". Но до недавнего времени - несмотря на проведение значительных по объему археологических исследований - не удавалось обнаружить на территории бывших генуэзских колоний подобных серебряных слитков, известных по находкам кладов владений Золотой Орды. Этот пробел в некоторой степени позволяет устранить клад серебряных слитков из раскопок средневековой Алушты, входившей с 1381 по 1475 гг. в состав генуэзского Капитанства Готия[8].

В 1990 г. Горно-Крымская экспедиция Института археологии АН Украины и Алуштинский отряд Государственного Эрмитажа продолжали исследование крепости Алустон. Основной целью работ на изучаемом участке было выяснение характера застройки центра цитадели, находящегося к юго-западу от ранее раскопанной церкви и помещений XII-XIII вв. В ходе раскопок здесь были открыты: II Продольная улица и продолжение Поперечной улицы,

идущей с востока на запад вдоль южной стены храма, а также жилые и хозяйственные помещения X-XV вв. Общая площадь вскрытого в 1990 г. участка цитадели составила около 100 кв.м. В результате этих работ здесь прослежено три основных жилых горизонта средневекового города:

1) IX-X вв. (1-й строительный период);
2) XII-XIII вв. (2-й период);
3) XIV-XV вв. (3-й период).

В последние десятилетия (до сноса в 1986 г. дома, построенного в конце XIX в.) здесь проходила дорога, и находился приусадебный участок. Верхний слой исследованной территории представлял собой площадку, залитую бетоном и перекрытую сверху слоем дерна. Под бетоном залегала подсыпка из песка и мелкого щебня, в которую были впущены водопроводные и канализационные трубы. Общая толщина современного слоя достигала 0,6-0,8 м. На глубине 0,8-1,0 м от дневной поверхности открыты кладки средневековых помещений и их заполнение (слой пожара и развал бутового камня). На уровне верхних камней сохранившихся кладок средневековых строений фиксировались следы пожара. Слой разрушения стен и пожар были в значительной части раскопа потревожены поздними перекопами (его прорезали траншеи, выгребные ямы и яма для гашения извести). Мощность этого средневекового слоя не превышала 0,15-0,25 м.

При расчистке верхнего ряда кладок удалось выявить контуры трех небольших помещений, входивших в комплекс одного здания (пом. 96, 97, 98), которое находилось на расстоянии 2,45 м от стены храма и в 1,30-1,60 м от помещений XII-XIII вв. (пом. 45 и 47). Таким образом, частично открытый в 1990 г. дом отделялся от храма Поперечной улицей, а от остальной внутрикрепостной застройки-II Продольной улицей (рис. 1).

При расчистке развала кладки 347, разграничивающей помещения 97 и 98, на глубине 1,05 м от современной дневной поверхности, был обнаружен небольшой кувшин (рис. 1), лежавший на боку и треснувший еще в древности (видимо, при обрушении стены при пожаре). В кувшине находилось 17 серебряных платежных слитков весом от 182,7 до 223,9 г (их общий вес 3432,8 г). Отлиты слитки были в двух литейных формах в виде трапециевидных брусков серебра, подтреугольных в сечении, с ложбинкой в широкой верхней грани. Шесть слитков отлиты в форме длиной 10 см и высотой до 3 см. Остальные 11

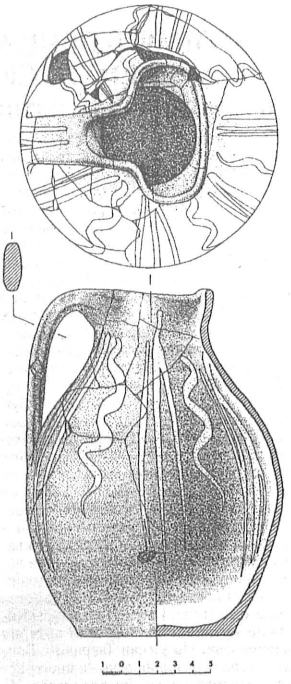


Рис. 1.
Кувшин, в котором находился клад серебряных слитков XV в.

слитков отливались в форме длиной 11 см и высотой до 3 см. Эти две группы слитков отличаются по весу: меньшие по размерам весят от 182,7 до 197,5 г, а большие - 200,9-223,9 г. Средний вес первой группы составляет соответственно 192,95 г, а второй - 207,2 г. Общий вес небольших слитков - 1153,5 г, больших - 2279,3 г. Установлено, что 11 слитков имели содержание серебра 875 пробы, а 6 - 900 (пробирный анализ выполнялся Юго-Западной инспекцией пробирного надзора Министерства финансов СССР). Пробу 900 имели два небольших слитка весом 184 и 197,5 г и 4 больших весом 202,9, 203, 204,8 и 223,9 г (см. табл. 1). Отливка всех слитков производилась в

Таблица 1

Показатели пробы, веса и чистоты металла, содержащегося в слитках алуштинского клада

№ слитка	Проба	Вес, г	Чистота, г	Вес лигатуры
1	875	182,7	159,9	21,8
2	875	194,1	169,8	24,3
3	875	200,9	175,8	25,1
4	875	207,0	181,1	25,9
5	875	216,0	189,1	26,9
6	875	195,5	171,1	24,4
7	900	194,0	174,6	19,4
8	875	203,9	178,4	25,5
9	900	223,9	201,5	22,4
10	875	210,3	184,0	26,3
11	900	204,8	184,3	20,5
12	900	197,5	177,8	19,7
13	900	202,9	182,6	20,3
14	875	203,0	177,6	25,4
15	875	203,6	178,2	25,4
16	875	189,7	166,0	23,7
17	900	203,0	182,7	20,3
Итого	3432,8	2850,2	582,6	

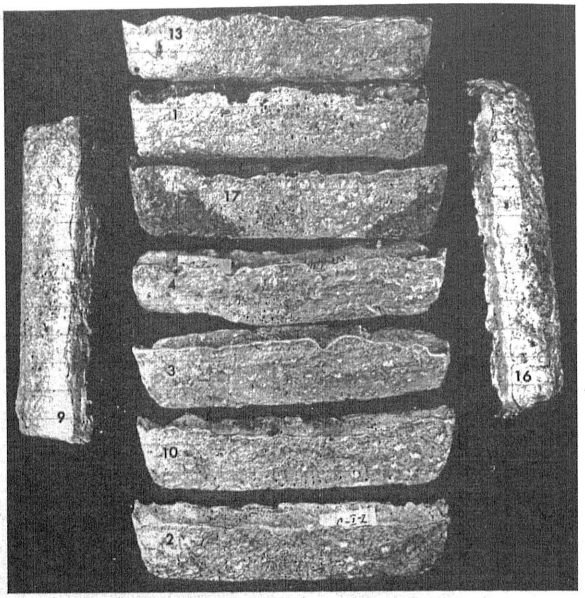


Рис.2а.
Серебряные слитки XV в. из Алушты.

один прием без швов, что обеспечило одинаковое качество (пробу) всего слитка (рис. 2).

Установлено, что при плавке серебра в открытых формах убыль металла "на угар" достигает 10-13%, при этом потеря чистого серебра заменялась лигатурой[9]. Поэтому, видимо, 11 слитков клада из Алушты имеют относительно низкую пробу - 875 и только 6 - 900. Недостаток качественного металла, очевидно, составил порядка 25 ед. При общем весе слитков клада 3432,8 г чистого серебра в нем содержалось 2850,2 г, т.е. лигатура составляет 582,6 г (примерно 16,97%). В данном случае, вероятно, качество слитков определялось качеством исходного для литья материала (монет и серебряного лома).

Кувшин, в котором находились слитки, выполнен из красно-коричневой глины, с одной ручкой, ойнохоевидным горлом и плоским дном. Высота кувшина 18 см, диаметр тулова 13,5 см, диаметр венчика 7,5 см, диаметр дна 8,5 х 8,8 см. Горло, тулово и плоская ручка украшены вертикальными (по три) полосами белого ангоба, между которыми проведены одинарные волнистые линии (рис. 1). Аналогичные сосуды хорошо известны по раскопкам Алустона 1984-1993 гг. и часто встречаются в слоях XIV-XV вв., хотя, в некоторых случаях, подобные находки отмечены и с монетами XVI в., что может указывать на их длительное существование. Наиболее ранние формы сосудов, орнаментированных белым ангобом, обнаружены в Алуште в одном слое с монетами Узбека (1312-1342) с надчеканкой второй половины XIV в. и анонимной джучидской монетой, чеканенной в Сарае-ал-Джедид в 1350-1361 гг. Эта керамика продолжает бытовать и в XV в.: фрагменты и целые сосуды происходят из слоя пожара 1475 г. Мангупа[10], Фуны, Алушты.

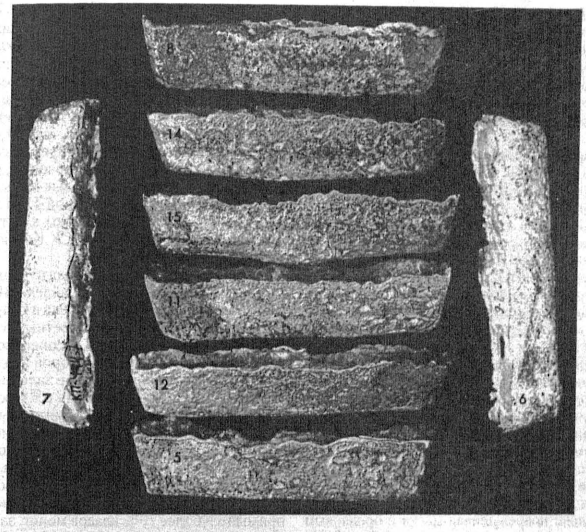


Рис.2б.
Серебряные слитки XV в.из Алустона.

При раскопках двухапсидного храма близ крепости Фуна (в забутовке северо-западной стены церкви найдена монета Тархана - Астрахань - 1381 г.) в нижнем ярусе захоронений могилы № 7 обнаружен кувшин с росписью белым ангобом[11].

В слое пожара открытых раскопками помещений (96, 97, 98) найдены фрагменты таких же сосудов с росписью белым ангобом (горшки и кувшины). Однако, обнаруженные здесь фрагменты красноглиняной поливной керамики (чаш и тарелок) тождественны находкам из закрытых комплексов второй половины - последней четверти XV в. (Фуна[12], Симеиз, Ай-Тодор, Гурзуф[13], дворец Мангупа[14]). В башне Орта-Куле генуэзской Лусты, построенной в 60-х гг. XV в. и разрушенной при штурме турками в 1475 г., найдены аналогичные сосуды. Следует также отметить находку в помещении 96 (на глубине 1,0 м) фрагментов дна красноглиняной тарелки со светло-зеленой поливой, нанесенной по белому ангобу, в центральной части поля которой до обжига нанесена монограмма "ТХ". Два таких же фрагмента происходят из раскопок цитадели Алушты. До сих пор сосуды с подобными монограммами встречены только на двух памятниках Крыма - это Алустон и дворец Мангупа, где они датируются в пределах 1425-1475 гг[15].

Как уже отмечалось, открытый в цитадели участок находится рядом с храмом. В 1987 г. при исследовании церкви прослежен пожар с материалами XV в., а в слое развала обнаружена строительная надпись с датой - 1404 г[16]. Эта находка определяет время восстановления храма неким Георгием в 1404 г. -окончательно разрушенного, вероятно, в 1475 г. при захвате турками Алушты.

Приведенный выше анализ археологического материала и общей строительной ситуации на данном участке цитадели позволяет предположить, что открытые в 1990 г. строения погибли в пожаре 1475 г. К этому же времени, очевидно, может быть отнесена и дата сокрытия клада, который был спрятан в стене, разделявшей помещения 97 и 98.

Алуштинский клад является третьей по счету из известных в Крыму подобных находок. Первый клад, состоявший из 12 серебряных слитков, был найден в 1889 г. в Херсонесе: 6 из них поступили в Императорский Эрмитаж, а 6 - в Исторический музей[17]. Все слитки палочковидной формы, относимые обычно исследователями к гривнам "новгородского" типа. Вес 6 слитков, попавших в Исторический музей, составляет 191,07, 190,82, 192,52, 195,34, 195,38, 197,30 г (в среднем получается 193,73 г на каждый слиток, что весьма близко к среднему весу слитков первой группы клада из Алушты - 192,25 г). Условия находки клада в слое тотального пожара, приведшего к разрушению города позволяют высказать предположение, что он может быть датирован 70-90-ми гг. XIII в. (1278 или 1299 г.), когда Херсонес подвергался нападениям монголов[18]. Последующие пожары и разрушения на территории городища носят более локальный характер. В рапорте К.К.Косцюшко-Валюжинича, направленном 7 июля 1889 г. в Археологическую Комиссию, под № 5 значится, что при раскопках в Северном районе Херсонесского городища в помещении с водопроводом обнаружена "железная сильно поврежденная маска с бронзовым ухом в одном помещении с гривнами". На плане раскопок 1889 г., составленном К.К.Косцюшко-Валюжиничем, под № 27-29, обозначены помещения, при раскопках которых была найдена маска, а следовательно, и гривны[19]. Н.В.Пятышева датировала находку половецкой железной маски из Херсонеса концом XIII - первой половиной XIV в.[20], а время гибели в пожаре городских строений Северного района склонна была относить "к середине или даже ко 2-й половине XIV в."[21] и предположительно связывала это событие с нашествием литовцев, ссылаясь при этом на данные Ипатьевской летописи[22], где говорится, что "В лето 6870 (=1362 г.)... В сие лето Олгерд победил трех царков татарских и з ордами их..."[23] Но, во-первых, сражение русско-литовских войск под руководством князя Олгерда с тремя монгольскими беями (Хачибугой, Кутлугбугой и Демирбеем) на р. Синие Воды датируется 1363 г.[24], а во-вторых - к Крыму и Херсонесу не имеет никакого отношения. В конце 80-х - начале 90-х гг. рядом исследователей, основывавшихся на изучении стратиграфии Северного района города, нумизматических находок и детальном анализе археологического материала, было высказано предположение о разгроме Херсонеса в 70-х гг. XIII в[25]. При этом отмечается, что "жизнь в городе в основном прекратилась, за исключением небольшого участка в Портовом районе, где еще находят следы жизнедеятельности, относящиеся к XIV - началу XV в."[26] Изучение материалов других памятников горного Крыма XIII в. (Алушта, Эски-Кермен, Бакла, Тепе-Кермен, Сюйрен, Исар-Кая) позволило прийти к заключению, что Климаты Готии и Херсон впервые подверглись разгрому монголами весной 1278 г.[27], как, вероятно, и следует датировать клад гривен, обнаруженный в 1889 г. К.К.Косцюшко-Валюжиничем.

Подобный алуштинскому клад из 10 платежных серебряных слитков найден в 1978 г. при исследовании мечети Узбека в Старом Крыму (Солхате)[28]. Если конкретные условия и дата первого клада из Херсонеса остаются не совсем ясными, то второй клад по монетам, обнаруженным в слое залегания, отнесен М.Г.Крамаровским к XIV в.[29] С большой степенью вероятности время сокрытия солхатского клада серебряных слитков можно ограничить 60-70-ми гг. XIV в., поскольку, по наблюдениям Г.А.Федорова-Давыдова, именно на этот длительный период военно-политического кризиса в Улусе Джучи приходится более 70% кладов монет, зарытых между реформами 1310-1311 и 1380 гг.[30]

Таким образом, судя по всему, алуштинский клад является наиболее поздней находкой, потому что по археологическому контексту он может быть отнесен ко второй половине - последней четверти XV в. Данную находку из раскопок цитадели Алустона можно также считать наиболее южным пунктом распространения кладов ладьевидных платежных серебряных слитков. К настоящему времени известно 14 кладов, содержавших аналогичные изделия[31]. Ареал их находок охватывает довольно обширный регион с фиксированными крайними точками: на севере в междуречье Волги и Камы (с. Вотяки), в устье Волги (Гарев), в районе Вильнюса на северо-западе, в бассейне Западного Буга (Бискупчи). Крайняя западная точка располагается в Северной Добрудже, где в 1962-1963 гг., при раскопках холма Узунбай (пос. Михаил Когэлничану в Румынии), обнаружен крупнейший на сегодняшний день клад общим весом 25 кг, состоявший из 92 брусковидных слитков и 11 слитков неправильной формы[32]. На юге район их распространения замыкается на Солхат (Старый Крым)[33] и Алушту (наша находка явля-

Таблица 2

Соотношение показателей веса двух групп слитков алуштинского клада

№ слитка	Фактический вес, г	Расчетный вес сырья	№ слитка	Фактический вес, г	Расчетный вес сырья
1 группа ("легкие")			2 группа ("тяжелые")		
1	182,7	200,97	3	200,9	220,99
16	189,7	208,67	13	202,9	222,38
7	194,0	213,40	14	203,0	223,30
2	194,1	213,51	17	203,0	223,30
6	195,5	215,05	15	203,6	223,96
12	197,5	217,25	3	203,9	224,29
Итого	1153,5	1268,85	11	204,8	225,28
			4	207,0	228,58
			10	210,3	231,33
			5	216,0	237,60
			9	223,9	246,29
			Итого	2279,3	2507,30

ется второй по счету из обнаруженных в Крыму).

В фондах Одесского археологического музея в настоящее время хранится 8 серебряных слитков: 6 из них брусковидных новгородского типа (эти материалы поступили в Одесское Общество Истории и Древностей еще до революции, но сведений о месте и времени находок или поступлений не сохранилось[34]) и 2 ладьевидных. Оба слитка имеют высокую пробу (999,9) и отличаются размером и по весу. Слиток с глубоким желобком и высокими бортами длиной 10 см и весом 186,63 г (инв. № 52515) происходит из клада, состоявшего из 12 ладьевидных слитков, найденных в 1847 г. на территории Царевского городища[35]. Другой слиток, длиной 11,1 см и весом 199,63 г (инв. № 52411), входил в состав клада из 13 "гривен", обнаруженных в 1895 г. у слободы Петропавловской Чистопольского уезда Казанской губернии[36]. Таким образом, эти предметы не имеют отношения к Причерноморскому региону, а происходят с территории наиболее массовых находок кладов, содержавших одновременно с золотоордынскими монетами и платежные серебряные слитки[37].

На протяжении последних 150 лет исследователи неоднократно обращались к изучению серебряных слитков (подобных найденным в Алуште) , пытаясь при этом ответить на вопросы о происхождении их названия, формы, веса, времени использования в качестве платежной единицы, ареале распространения, значении меток, обнаруженных на отдельных экземплярах и проч.[38]

Впервые описание серебряных слитков данной формы мы встречаем в сочинении автора "Истории Вассафа" Шахаб-ад-дин Абдаллах ибн Фазллаха родом из Ширвана. В V части своего труда, написанной около 728 г.х. (=1328), рассказывая о походе хана Узбека в Арран зимой 1319 г., он сообщает, что после наказания монгольских воинов, ограбивших скит, Узбек - в качестве компенсации за нанесенный урон - пожаловал "50 слитков чистого серебра, обе стороны которых снабжены ушками и которые называются сомами; каждый сом равняется 20 динарам ходячей монеты"[39] (М.Г.Крамаровский в своей работе приводит уточненный А.А.Ивановым перевод данного фрагмента: "...каждые две стороны которых приподняты..."[40]). Перу этого же писателя принадлежит и поэтическое образное сравнение формы саума со скованной льдом рекой: "Зимою 662 г.х. (=4.XI.1263 - 23.X.1264), когда ювелир судьбы (мороз) превратил реку Дербендскую как бы в слиток серебра..."[41].

Весьма близкое по времени (1333/34 г.) упоминание о саумах встречается в описании путешествия ибн-Баттуты (1304-1370). При посещении ставки хана Узбека он получил в качестве подарков от его жен "серебряные слитки, которые они называют саумами - пишется через са; в единственном числе саума"[42]. Вес слитка ибн-Баттута определяет в 5 унций, что, по мнению М.Г.Крамаровского, составляет 195,3 г[43]. Сообщение путешественника о месте серебряных рудников, находившихся в горах "Русских", откуда в Орду поступают саумы[44], вызвало в научной литературе длительную дискуссию[45], пока не было доказано, что разработка месторождений серебра в России впервые началась только в конце XVII в., а до этого времени источником сырья для чеканки монет и отливки гривен служило серебро, поступавшее путем торгового обмена из стран Западной Европы[46]. Тем не менее, ряд авторов до настоящего времени продолжают считать, что саумы "являются продуктом переработки собранного на Руси татарами серебра"[47].

Слитки подобной формы и веса получили в научной литературе название "ладьевидных"[48]. В свое время К.В.Болсуновский, при публикации клада, состоявшего из 8 серебряных слитков, найденных в Черниговской губернии, попытался дать пространное обоснование предположению, что слитки-гривны отливались в различных районах Древней Руси по форме, напоминающей торговые суда-ладьи, и при этом их форма и размеры не играли решающего значения. "Впоследствии забыли причины, потребовавшие от гривен форму ладьи; на них стали смотреть как на слитки серебра, общее мерило ценностей, монету, перестали придавать им эту форму и начали отливать прямо палки серебра, коих стоимость видели уже не в форме, а в качестве металла и его весе. Но и позднейшие гривны иногда сохраняли точную форму лодки, или даже челнока"[49]. На верность его рассуждений якобы должны были указывать и метки в виде "якоря", которые ставились при отливке на некоторых ладьевидных слитках[50]. Н.П.Бауэр, используя в основном находки Волжско-Камского региона, отнес время появления ладьевидных слитков к XIV в. и выделил в их подгруппу восточно-русских (татарских) гривен[51]. И.Г.Спасский, основываясь на особен-

ностях приема литья и форме, пришел к заключению, что прототипами золотоордынских ладьевидных слитков являлись китайские ямбы[52].

В средневековых письменных источниках XIV-XV вв. платежные слитки неоднократно отмечаются под названием "сом", "сонм", "сум", "саум". В.Н.Юргевич, занимаясь изучением монетного дела генуэзской Газарии, высказал предположение, что это название было заимствовано из итальянского "soma" - ("тяжесть", "вес")[53], "которое в привилегии, данной генуэзцам армянским царем Левоном II в 1288 г., пишется по латыни sauma"[54]. При этом он, ссылаясь на итальянские источники, приводит ряд свидетельств, относящихся к соммам Каффы, часто упоминаемых в различных документах тенуэзской колонии: "summi de Caffa", "summi currentes de Caffa", "summi argenti de Caffa"[55]. Ф.Брун считал, что "монгольское "саума" могло подать повод итальянцам, поселившимся на берегах морей Черного и Азовского, принять название somma для обозначения серебряных слитков"[56]. Тем не менее, "предоставляя ориенталистам объяснить значение слова "саум", в единственном числе "саума", он высказал предположение, что семантика этого термина "находится в связи с греческим словом "Σημα" (знак), от которого обыкновенно производят византийское "ασημιν" или "ασαμιν" (серебро)[57].

А.Л.Бертье-Делагард отозвался чрезмерно критично по поводу этих предположений, ввиду их "неполноты" и "неясности"[58]. Не касаясь семантики наименования слитков ладьевидной формы, он пришел к выводу, "что саум весил около полуфунта, и поэтому производить это название от вьюка (summa), тяжести, накладываемой на животное, мула или верблюда, т.е. веса в 4-6 пудов, едва ли возможно"[59]. При этом он отметил долговременность использования термина, обозначавшего в Золотой Орде серебряный слиток: "... до сих пор у Волжских татар рубль зовется сумом"[60]. Определенный интерес, в связи с рассматриваемой темой, представляет наличие в денежном обращении Крымского ханства монет под названием "сим", стоимостное выражение которых соответствовало 1,5 акче (аспра). По мнению А.Л. Бертье-Делагарда, этот термин происходит от новогреческого слова ἀσημι - "серебро" - и только в Крыму он получил значение монетного номинала[61].

А.Г.Мухамадиев определяет "сом", "сон", как слиток золота, серебра или бронзы, применявшегося также и как счетная единица. Он отмечает, что наличие данного термина в значении «слиток» зафиксировано в словаре М.Кашгари (XI в.), хотя время его бытования в Поволжье датирует XIII-XIV вв.[62] Первоначально в качестве расчетной весовой величины сома он принимал 182,4 г[63], но впоследствии, изучив коллекцию из 11 слитков, хранящихся в Госмузее ТАССР (инв. № 8214-8224) и имеющих вес от 192,5 до 206,1 г, определил теоретический вес сома в 206,1 г, что, по его мнению, соответствует 8 весовым фракциям по 25,56 г, составляющим 1/16 фунта (409,5 : 16 = 25,56 г)[64]. Давая оценку реформе, проведенной во время правления Тохтамыша (после 1380 г.), А.Г.Мухамадиев пришел к выводу, что она "не только не внесла в денежное обращение ничего нового, но как бы узаконила его расстройство". При этом "счетный сом (120 монет весом 163 г) оказался оцененным слишком низко по сравнению с сомом-слитком весом 204,75 г[65]. По его наблюдениям, в 80-х гг. XIV в. в Булгаре 1 дореформенный даник весом 0,78 г "более соответствовал курсу счетного сама и сома-слитка" (240 даников х 0,78 г = 1 сому весом 187,2 г, что соответствовало сому-слитку весом 204,75 г)[66].

М.Г.Крамаровский, занимаясь рассмотрением данного вопроса, обратил внимание на наличие слова "сом" в значении "слиток" (серебра) в арабоязычном грамматическом трактате XIV в., посвященном тюркскому языку[67]. Но при этом он отмечает, что в "современной тюркологии слово "сом" ("сум") не анализировалось, его генезис нельзя считать окончательно выясненным"[68]. Проведенное им изучение имеющихся источников и нормативного веса серебряных слитков, на наш взгляд, убеждает в том, что весовой основой саума (также как и слитков так называемого "северного веса"[69]) является полуфунтовый стандарт (204,756 г), хотя "средний вес" ладьеобразных слитков он определяет в 200,3 г[70].

Развитие международной торговли, с активным участием итальянских купцов, стимулировало приток в страны Причерноморья значительной массы серебра в слитках, о чем красноречиво свидетельствуют имеющиеся сведения письменных источников и материалы кладов. Ряд актовых документов из архива Генуи свидетельствуют об отправке слитков серебра из Каффы в Солхат, Карасу-Базар, Чембало[71]. При этом отмечены случаи поступления через Каффу в различные города Черноморского

бассейна (Трапезунд, Симиссо, Синоп и др.) серебряных слитков с клеймом цекки метрополии[72]. Обязанности по контролю эталонного веса и пробы sommo в Каффе возлагались на особого чиновника-саджатора (от "saggi"), у которого частные лица перед совершением расчетов должны были произвести взвешивание и оценку наличных слитков. Сенсерия (контроль за качеством и весом соммо) в конце XIV - начале XV в. превратилась в сугубо государственную службу, при исполнении которой запрещалось заниматься коммерческой деятельностью[73]. Это способствовало включению sommo в денежное обращение государств Восточной Европы в качестве эталонного весового и стоимостного номинала, который использовался при заключении крупных торговых сделок или межгосударственных платежей. Например, в 1330 г. воевода Валахии Бесараб I при подписании договора с королем Венгрии Карлом Робером вынужден был (в качестве контрибуции) дать обязательство выплатить 7 тыс. марок в серебряных слитках[74]. В 1387 г. польский король Владислав II Ягелло оформляет заем у воеводы Молдавского княжества Петра I Мушата на сумму в 3 тыс. марок, которые должны быть представлены в серебряных слитках[75]. По русско-литовским актовым материалам эта сделка датируется 1388 г. При этом указывается, что в качестве залога король Владислав предоставил молдавскому господарю город Галич с волостью за "4 тысяче рубли фряжского (генуэзского - В.М.) серебра"[76]. И в дальнейшем в финансовых операциях между молдавскими господарями и польскими королями "фряжское серебро" выступает в качестве основного, признанного обеими сторонами, средства платежа[77].

Рассматривая материалы серии кладов из раскопок на холме Узунбай, где наряду с серебряными слитками брусковидной (92 шт.) и неправильной формы (11 шт.) найдено 195 золотых византийских иперперов первой четверти XIII - первой четверти XIV в. и 23440 дирхемов, чеканенных в различных центрах Улуса Джучи, О.Ильеску высказал мнение о том, что слитки в форме брусков, как и другие серебряные слитки, "...употреблялись в XIII-XIV вв. как средство в большой восточной торговле", а их взвешивание производилось "с помощью единицы массы монгольского происхождения, называемой по-итальянски "sommo..."[78]. Средний вес слитков-брусков с холма Узунбай оказался равен 198 г. Это позволило О.Ильеску, воспользовавшемуся данными Пеголотти об изготовлении в Тане из слитка серебра 202 аспров, предположить, что генуэзский соммо положен в основу (в качестве весового стандарта) денежной реформы, проведенной Петром I Мушатом в 1375-1377 гг., когда в Молдавии в обращение были введены монеты "грошевого" типа с весом в 0,98-0,99 г (202 x 0,98 = 197,96 г = 1 соммо)[79].

Т.И.Слепова, занимаясь изучением вопроса распространения венецианских и генуэзских монетных номиналов в Западном и Северном Причерноморье в XII- XV вв., отметила, что значительную роль в региональной оптовой торговле играли серебряные слитки, которые при совершении сделки взвешивали с помощью специальной единицы веса, "возможно, монгольского происхождения", получившей в итальянских источниках название sommo от saum agusaum blanc[80]. Ссылаясь на состав кладов (прежде всего, на клад из пос. Михаил Когэлничану, где обнаружено 103 слитка), она приходит к заключению, что в системе обмена Причерноморской торговли серебряные слитки были представлены двумя видами, отличавшимися по форме - "прямоугольными брусками и лепешками" с усредненным весом, равным приблизительно 198 г[81].

Гильом Рубрук, побывавший в орде каана Мэнгу в 1253-1254 гг., неоднократно упоминает (видимо, к тому времени уже широко распространенные в восточной части монгольской империи) слитки серебра, которые он называет "яскот" (jastug)[82]. По мнению Н.П.Шастиной, "яскот" или точнее "наскот" Рубрука представляет собой искаженное тюркское слово "ястуг", которое эквивалентно персидскому "балиш", употреблявшемуся при обозначении золотых и серебряных слитков. Использование Рубруком тюркского термина указывает на то, что тюркский язык был в широком употреблении в империи монголов. "Сами же монголы называли золотые и серебряные слитки, находившиеся у них в обращении, "сухэ", что значит "топор"[83]. В связи с этим определением, интересно замечание самого Рубрука о форме сбора дани, практикуемой монголами: "...даже и сверх условленной дани они брали в недавно минувшие годы со всякого дома по одному топору и все железо, которое находили в слитке"[84].

Б.Шпулером было высказано предположение об эквивалентности терминов "саум" (принятого в Золотой Орде) и "наскот" (использовавшегося в восточной части империи)[85]. М.Г.Крамаровский отметил, что данное соответствие может быть принято

лишь с учетом весового несоответствия этих двух типов платежных слитков[86]. Свой вывод он подтверждает проведенными цифровыми расчетами. Взяв в качестве примера рассказ Рубрука о том, что золотых дел мастер Вильгельм из 100 иаскотов (составляющих 1000 марок), полученных от каана Мунке (1251-1257), изготовил в каракорумском дворце удивительный по своей красоте и способу технического решения серебряный фонтан[87], а также приняв во внимание вес парижской тройской марки (244,7529 г[88]), М.Г.Крамаровский пришел к выводу, что иаскот должен был весить 2447,5 г[89]. Г.Рубрук действительно в своем повествовании делает перерасчет стоимости (?) или веса (?) серебряного слитка, которым пользовались восточные монголы как 1:10 (1 иаскот = 10 маркам)[90]. Отсюда соотношение саума и иаскота получается 1:11,3[91]. Но, на наш взгляд, есть основания усомниться в столь значительном весовом и стоимостном превосходстве иаскота над саумом. Эти сомнения базируются на свидетельствах самого Рубрука[92]. Например, когда тот сообщает, что Мэнгу, выслушав просьбу сына священника (речь идет о 200 иаскотах, необходимых для восстановления церкви, разрушенной сарацинами), приказывает дать армянину грамоту к сборщику дани в Персии и Великой Армении, "чтобы тот выплатил ему упомянутую сумму серебра"[93]. Если следовать логике расчетов М.Г.Крамаровского, получается, что на строительство храма кааном было пожертвовано 489,4 кг серебра (2,4475 кг х 200 = 489,4 кг) или примерно 2447,5 саумов (при усредненном весе саума в 200 г, как предлагает М.Г. Крамаровский[94]). Нам трудно найти логическое объяснение такой щедрости или, вернее сказать, расточительности. Можно привести и другие места из сочинения Рубрука, в которых он оперирует значительно более крупными суммами, граничащими с пределом человеческой фантазии: "Эти народы (кауле и манзе - В.М.) предлагали ежегодно тридцать две тысячи туменов яскотов, лишь бы только их оставили в мире"[95]. Но совсем иной тон звучит в рассказе о прощании с мастером Вильгельмом: "пришел мой проводник, принесший 10 яскотов (24,475 кг по М.Г.Крамаровскому - В.М.); пять из них он положил в руку мастера Вильгельма..., другие пять он положил в руку человека Божия, моего толмача, приказывая ему издержать их в пути на мои нужды. Так научил их мастер Вильгельм, без нашего ведома. Я тотчас распорядился продать один и раздать христианским беднякам...; другой мы издержали на покупку необходимого себе из платья и другого, в чем нуждались; на третий купил себе кое-что человек Божий, причем он получил некоторую выгоду, и это пошло ему на пользу. Остальные мы также издержали на пути..."[96]. Из этого сюжета не складывается впечатление о значительности веса и стоимости иаскота. На самом деле остается неясным, какую марку имел в виду посол Людовика IX[97]. В середине XIII в., во время правления Людовика IX, во Франции была введена крупная серебряная монета, называвшаяся denarius grossus, gros tournois и весившая около 4,05 г[98], что составляет примерно 1/60 веса парижской тройской марки. Таким образом, вопрос о весовой и стоимостной эквивалентности саума и иаскота остается дискуссионным, и данная проблема требует дальнейшего изучения на базе фактологического материала. Она может быть решена только при натурном сравнении серебряных платежных слитков, находившихся в обращении на территории улуса Джучи и восточной части империи монголов.

О том, что соммо широко использовались в трансконтинентальной торговле, свидетельствует, например, один интересный источник, который датируется началом XIV в. (скорее всего первой половиной этого столетия) и получивший название "Тосканского Анонима"[99]. Его автор достаточно подробно описывает маршрут движения торговых караванов от Таны до Китая, который, по его подсчетам, занимает 284 дня[100]. При этом он дает конкретные советы коммерсантам по рыночной конъюнктуре крупнейших торговых городов, располагавшихся на маршруте "Шелкового пути". Например, "Тосканский Аноним" рекомендует везти из стран Запада в Каффу для продажи или выгодного обмена не только льняные и шерстяные ткани, но и **"серебро в слитках"** (выделено авт.)[101]. Тем, "кто едет с товарами", советуется заехать в Ургенч, потому что "это очень выгодный для торговли город, где можно продать ткани и получить серебряные соммо... после обмена можно продолжить путь с теми соммо серебра..." Достигнув Кассая "следует продать все соммо, которые есть, потому что это выгодный для торговли край; на эти соммо получают бумажные деньги с печатью правителя, которые называются "балиши" и имеют хождение в пределах Китая"[102].

Основание генуэзцами в середине 70-х гг. XIII в. торговой колонии Каффы позволило им создать условия для активного участия

в широкомасштабной международной торговле с привлечением к ее реализации товаров, производившихся в Европе. Постепенно расширяя и укрепляя сеть торговых факторий, располагавшихся на побережье Черного моря, Генуя смогла добиться господствующего положения (Венеция вынуждена была играть второстепенную роль) в осуществлении транзитной поставки восточных товаров на рынки средиземноморских государств, извлекая из этого огромные прибыли на протяжении почти двух столетий (1275-1475 гг.). Это произошло и за счет быстрой адаптации западных купцов к условиям системы денежного обращения Золотой Орды, в развитии которой они сыграли немаловажную роль.

Ввозу драгоценных металлов способствовала протекционистская политика ханов, потому что серебро и золото (представленные в любой форме) были единственным товаром, освобожденным от налогообложения[103]. Поэтому в Причерноморские колонии (и прежде всего - в Каффу), импортировалось серебро в виде готовых ювелирных изделий, слитков и пластин, в том числе помеченных штемпелем коммуны Генуи[104]. Основная масса серебра, вероятно, поступала из рудников Испании и Сардинии[105]. Источники иногда отмечают поступление изделий из серебра (слитков и пластин) с печатью Венеции[106]. Акты Каффы 1289-1290 гг. демонстрируют высокую деловую активность генуэзских купцов в этот период при заключении сделок, потому в это время в обороте зафиксировано наличие более 520 кг серебра (для 1343-1344 гг. нотариальными записями отмечено 1 тыс. соммо, что составляло более 200 кг серебра[107]).

О том, что соммы использовались генуэзцами уже в 80-90-е гг. XIII в. при осуществлении торговых операций, проводившихся ими в Каффе и Солхате, свидетельствует ряд актов, опубликованных Г.Братиану, М.Баларом и Л.Балетто[108]. Как отмечает Л.Балетто, на основании итальянских документов можно заключить, что соммо составлял 45 сажей (saggi) и являлся одновременно весовой и монетной единицей у монголов[109]. По подсчетам М.Балара, sommo состоял из одной верги (verga) серебра, и его вес был равен 218,911 г[110]. В документах, датированных 25.06.1289-09.06.1290 гг. зафиксировано 3 ссылки на стоимостную оценку соммо в аспрах-баррикатах. Так, например, в документе № 177 от 10.06.1299 г. стоимость 49 соммо (sommi) и 3 сажей (saggi) = 5509 аспров-баррикатов[111] (1 соммо стоит 112,27 аспра-барриката). В документе № 652 от 17.06.1290 г. (Л.Балетто считает, что соммы, указанные в этом документе, доставлены в Крым из Генуи[112]) стоимость 1 соммо определена в 119,5 аспра-барриката, а в документе № 885 от 08.08.1290 г. - 120 аспров-баррикатов[113]. При этом, вероятно, нет оснований говорить о столь быстром увеличении стоимости соммо по отношению к аспру-баррикату из-за разнообразия веса самих соммо, "чей вес в серебре вызван неточностью чеканки вергов"[114]. Это отмечал и флорентийский финансист - автор справочника "Практика торговли" (1333-1342) Ф.Балдуччи Пеголотти, указывавший на то, что "соммы являются серебряными вергами, которые не одинаковы по весу, некоторые весят меньше, иные больше, чем принято считать..."[115] Однако, насколько позволяют судить данные самого Пеголотти, соммо Таны (Азака) по своим весовым показателям не сильно отличаются между собой[116]. Так, например, по расчетам, произведенным Г.А.Федоровым-Давдовым, указанные в "Практике торговли" данные веса одного соммо, соответствуют весу в граммах: 45 саджей = 206,5 г; 7,5 унций перы = 204,75 г; 7 унций без 2 венецианских гроссо (или 8 больших венецианских сольдо) = 204,04 г; 7 унций и 20 денариев серебра по весу Генуи = 206,8 г[117]. Таким образом, вес соммо Таны в 30-40-х гг. XIV в. составлял 204,04-206,8 г. По расчетам Э.Шильбаха, усредненный вес соммо Таны составлял 197,97 г. При этом для других крупных Причерноморских торговых центров он приводит весовые данные соммо, соответствующие для Трапезунда - 204,764 г (этот показатель наиболее близок "теоретической норме" полуфунтового стандарта), Каффы - 213,371 г, Судака - 202,5 г[118]. В то же время, например, для Каффы имеются сведения о весе слитков серебра, достигающем 8,5 генуэзских унций, что составляет 224 г[119]. Вес каффинского соммо в середине XV в. Э.В. Данилова определяет в пределах 208,25 г[120]. На наш взгляд, "пестрота" мнений и данных о весовом составе соммо определяется характером материалов, используемых тем или иным исследователем. К тому же необходимо учитывать разновременность привлекаемых источников, не всегда позволяющих четко определить степень колебания курса стоимости монетных номиналов и соммо, находившихся в определенной зависимости от торговой конъюнктуры, а та, в свою очередь, нередко находилась в прямой зависимости от военно-политической обстановки, складывавшейся в Северном Причерноморье в тот или иной

период. Так, например, на 1363 г. в Тане фиксируется следующая стоимость соммо по отношению к другим монетным номиналам: 1 соммо = 5 венецианским дукатам = 10 сольди = 120-150 аспрам = 120-150 венецианским гроссо[121]. Следует отметить, что такой же курс был установлен при расчете уплаты фрахта на галеях "линии" Венеция - Тана в 1363-1365 гг.[122] Из этого соотношения видно, что курс соммо был подвержен колебаниям на уровне наиболее мелкой серебряной монеты - аспра и достигал 30. Но в данных случаях это, вероятнее всего, было вызвано политической нестабильностью в Северном Причерноморье, вызванной междоусобицей в Орде. Е.Фенстер, используя опубликованные данные Верлиндера, установил, что в 28 документах Бенедетто Бианко 1359-60 гг. оценка произведена в sommo. Проведенные им расчеты убедили его в том, что sommo в тот период составляли 110 аспров[123]. М.Мартин совершенно справедливо подверг критике использованную Е.Фенстером методику подсчета стоимости sommo, что привело к такому значительному расхождению данных Пеголотти (190) и Фенстера (110)[124]. Достаточно многочисленные опубликованные архивные материалы ни разу не отмечают столь низкого курса sommo по отношению к аспру. Например, по данным Чибальдоне де Канале, в 1311 г. в Солдайе sommo стоил 120 аспров[125]. 23 марта 1333 г. Сенат Венеции известил, что стоимость sommo в Тане составляет 160 аспров[126]. В письме Пигноло Чичелло от 26 мая 1341 г. сообщается, что курс sommo в Тане составлял 177 аспров[127]. М.Мартин, основываясь на данных венецианских документов, пришел к заключению, что средняя стоимость одного sommo в Тане составляла 150 аспров[128]. В 1333 г. сбор установленного в Тане 1% налога со всех ценностей составил 1000 соммов (около 200 кг серебра), что дает возможность определить общую стоимость товаров, прошедших через рынок Таны, в 100000 sommo[129].

Среди документов Каффы, собранных нотариусом Николо Бельтраме с 20 ноября 1343 по август 1344 г. и опубликованных Дж.Бальби, встречаются материалы, указывающие на соотношение стоимости соммо с другими денежными единицами[130]. В документе № 32 от 21.03.1344 г. 1 соммо стоит 200 "старых" аспров. В следующем документе № 36 от 26.03.1344 г. 250 каффинских соммов стоят 2062 перпера 2 карата и 0,5; 04.05.1344 г. 21 соммо 19 сажей 4 карата = 2882 трапезундских аспра-комнената; 05.07.1344 г. - 45 соммов 1 и 0,5 сажия = 249 генуэзских лир[131].

По материалам Massaria Caffe в более позднее время фиксируется следующее соотношение стоимости 1 соммо по отношению к аспру: 1381 г. - 133 аспра; 1386 г. - 145; 1410 г. - 200; 1420/21 г. - 202; 1422/23 гг. - 202 - 225 аспров[132]. Приведенные данные фиксируют не только (и не столько) увеличение) стоимости соммо по отношению к аспру, сколько постепенное уменьшение веса монеты и содержания в ней серебра. На эти значительные колебания курса соммо, многократно фиксируемые в итальянских источниках, но не находящие однозначного объяснения, уже обращалось внимание исследователей[133], когда одновременно существовали разные обменные курсы аспра по отношению к сомму[134].

Пытаясь, вероятно, "примирить" существующие противоречия в показаниях стоимостного определения саума, М.Г.Крамаровский, изучив de visu коллекцию из 35 слитков, хранящихся в Эрмитаже, получил усредненный вес, равный 200,3 г[135]. Но насколько оправдана подобная попытка проведения расчетов стоимости соммов? На наш взгляд, этому противоречит имеющийся к настоящему времени достаточно многочисленный материал - в том числе и находки из Алушты, где, как отмечалось выше, найдены слитки, явно специально отлитые в двух разных формах. Поэтому необходимо дать объяснение появлению этих двух форм, в которых одновременно отливались "легкие" (со средним весом 192,25 г) и "тяжелые" (207,2 г) слитки, потому что разница между ними составляет 14,95 г, что весьма существенно и не может быть признано случайностью (хотя средний вес слитков клада равен 201,929 г, что близко к расчетной норме, предлагаемой М.Г.Крамаровским). Исходя из технологических условий отливки слитков в открытых формах, следует полагать, что каждый слиток отливался отдельно из дозированного по весу серебра, которое плавилось отдельно для каждого слитка[136]. При дозировке серебряного лома учитывался объем убыли серебра "на угар" (10-14%). В таком случае, разница в весе изготовленных слитков колебалась бы в пределах 1-4%, чего мы не наблюдаем на практике, даже в рамках каждой весовой группы. Например, разница между наиболее "легким" и "тяжелым" слитком в первой группе алуштинского клада составляет 14,8 г, а во второй достигает 23 г (табл. 2). Если бы изготовитель соммов стремился получить примерно равные по весу слитки, то соответствующим образом произ-

водил бы и дозировку исходного материала. Взяв за основу минимальный объем потери веса слитка, равный 10%, мы получим, что на отливку соммов первой группы расходовалось в среднем 211,473, а второй - 227,92 г. При этом разница в весе исходного сырья составляет 16,447 г. Как видно из табл. № 2, происходит плавный рост веса слитков. Для их изготовления понадобилось, как минимум, 3776,15 г сырьевого материала с содержанием серебра 87,5-90,0%. Потери серебряной массы, которые были неизбежны при плавке слитков, вероятно, должны были компенсироваться стоимостью реального слитка, завышенной, как минимум, на 10%. Например, на изготовление слитка № 3, при его фактическом весе 200,9 г, было израсходовано 220,99 г. Следовательно, его стоимость должна была приравниваться весу серебра в 220,99 г. Но мы не располагаем какими-либо письменными свидетельствами, которые могли бы подтвердить данное предположение. Единственный источник, дающий представление о стоимости соммо и системе его обмена на монеты, это "La Pratica della Mercatura" Ф.Пеголотти. "Практика торговли" позволяет ответить на три важных вопроса: 1) каким был вес (45 танских саджей) и качество серебряного слитка (в сплаве должно быть 11 унций и 17 денариев чистого серебра на либру); 2) на монетном дворе из одного соммо чеканилось 202 аспра, из которых 190 монет выдавалось на руки владельцу слитка, а остальные изымались за работу и в доход монетного двора; 3) в уплату по весу принимались слитки установленной пробы, а что касается тех слитков, которые рознятся между собой по весу, то на одну чашку весов кладут эти серебряные слитки, а на другую кладут по весу столько соммов, сколько нужно для уравновешивания. И если по весу (серебряный слиток) меньше одного сомма, то доплачиваются аспры"[137]. Таким образом, Пеголотти фиксирует обращение на рынке Таны 20-х гг. XIV в., наравне с полновесными слитками, соммов более легкого веса. Г.А.-Федоров-Давыдов, занимаясь исследованием денежно-весовых единиц Таны начала XIV в., сделал интересные наблюдения: вес 190 аспров, которые получал заказчик из сомма в 206,5 г., составлял 193,9 г, за счет чего "устанавливался курс аспра, несколько завышенный по сравнению с металлическим содержанием монеты"[138]. Если сравнить весовые показатели "легких" соммо (192,25 г в кладе из Алушты), то можно убедиться в том, что они соответствовали весу чеканившихся из слитка монет. Разница состоит в том, что в слитках содержание серебра всегда было значительно выше, чем в чеканившихся монетах (Г.А.Федоров-Давыдов, по данным Пеголотти, определяет состав лигатуры в 2,4%[139]). Вес аспров колебался от 0,70 до 1,28 г при условии наличия в них чистого серебра от 0,83 до 0,33%[140]. Если следовать расчетам Г.А.-Федорова-Давыдова, то из слитка в 206,5 г в Тане чеканились 202 монеты весом 1,02 г с содержанием серебра 97,6%, но на практике оказывалось, что в обращавшихся монетах серебра было меньше - максимум 83%, т.е. добавка лигатуры составляла 14,6% и общий ее вес в монете "хорошего качества" достигал 17%. Таким образом, получается, что из качественного слитка серебра (976 пробы по Г.А.Федорову-Давыдову) и весом в 206,5 г, очевидно, чеканилось более чем 202 аспра - за счет дополнительного включения лигатуры (206,5 + 30,149 = 236,64 : 1,02 = 232-190 = 42 аспра). В этом случае удержание в пользу монетного двора составляло бы не 5,9, а более 18%. Из этого становится очевидным, что "заказчику" было явно невыгодно отдавать для переработки на монетный двор полновесный слиток. Для чеканки 202 аспров было достаточно предоставить и "легкий" сом в 175,6 г, в который при изготовлении монет все равно добавлялась лигатура (175,6 + 30,0 = 206,5 : 1,02 = 202-190 = 12 аспров). Но столь "легкие" слитки нам не известны. В коллекции из Алушты самый маловесный слиток 875 пробы составляет 182,7 г. Со временем (с конца 80-х гг. XIV и особенно в XV в.), при уменьшении веса серебряных аспров и ухудшении их качества увеличивалась и стоимость соммо, что было уже показано выше на примере документов Каффы. Алуштинский клад может демонстрировать и уменьшение состава серебра в саумах. Тем не менее, даже в это время было невыгодно отдавать саумы на перечеканку. Попробуем это обосновать на следующем примере, оперируя для удобства округленными цифрами. Например, из слитка весом 200 г с 900 пробой можно было изготовить 280 монет весом в 1 г и содержанием серебра 50% (добавив 80 г лигатуры). Если даже "заказчику" при этом выдавалось 225 аспров на руки (самая высокая стоимость соммо, зафиксированная в документах Каффы на 1423 г.), то и при этом доход монетного двора составлял 55 аспров (19,6%). Из этого примера, на наш взгляд, становится очевидным, что более выгодно было произвести на рынке обмен по существующему курсу "легкого" сомма. Полновесные слитки, скорее всего, служили для обмена на качественную серебряную или золотую монету, а также при крупных оптовых торговых операциях, приносив-

ших большую прибыль, в то время как "легкие" использовались для обмена на монеты, имеющие хождение на "местных" рынках. Таким образом, появление разных по весу соммов было вызвано необходимостью сложившейся торговой практики и отвечало ее потребностям. То же явление отмечено и в длительном обращении "северного слитка", который также, имея теоретическую норму веса в 204,7 г в XI в., в XIII-XIV вв. (за счет фальсификации денег) стал весить 197 г[141]. Вероятно, учитывая тенденцию постепенной деградации аспров, которая по своим темпам значительно превосходила степень качественного ухудшения состава серебряных слитков, уже в Уставе Каффы 1449 г. юридически зафиксирована выплата жалования должностным лицам генуэзских колоний в каффинских соммах (sumo argenti di Caffa)[142], и только мелкие расходы и пожертвования приведены в расчете на аспры. Здесь же было определено и взыскание с должностных лиц различного ранга крупных штрафов и поручительств в размере от 10 до 500 соммов[143].

Изготовление слитков, в отличие от монет, не являлось монополией улуса Джучи. Это, очевидно, было сделано для свободного притока на внутренний рынок государства массы серебра. Саумы изготавливались как на монетных дворах, так и, вероятнее всего, в ювелирных мастерских, причем есть основания полагать, что большая часть обращавшихся на рынке слитков серебра не была изготовлена на монетных дворах. Об этом говорят крайне редкие находки саумов со следами клейма, поставленного при отливке. Нам известно всего два таких случая: 1) один слиток с восьмилучевым клеймом из коллекции Госмузея Татарстана[144] и 2) слиток из города Булгар, на одной стороне которого помещена "печать Соломона"[145]. Что же касается клада из Черниговской губернии, опубликованного К.В.Болсуновским, то на двух гривнах новгородского типа при литье были оттиснуты на боковых гранях не изображения якорей, как он считал, а тамгообразные знаки в виде "птичьей лапки", широко распространенный у тюркских народов[146]. Значительно чаще на саумах встречаются метки в виде штрихов и полос, которые "делят" слиток на равные части. Например, на сауме с клеймом в виде печати Соломона, на боковой стороне нанесено 9 косых четких штрихов, которые делят слиток на 8 равных частей[147]. На 10 слитках из Госмузея Татарстана нанесено от 4 до 8 насечек. Причем на 2 саумах - 7,5 насечек (7 прямых и одна косая)[148]. Наличие подобных меток невольно вызывает ассоциации с сообщениями средневековых авторов (в том числе и Пеголотти) о делении соммов на унции и другие весовые фракции[149]. Но проверить эти предположения нет практической возможности.

Вполне естественно, что формы, в которых отливались слитки, не найдены, потому что они формовались из грунта и после их отливки разрушались. Во время подводных археологических работ 1989 г. в порту средневековой Сугдеи был найден слиток свинца, по форме и размерам идентичный "тяжелым" соммам (высота слитка 2,5, длина в основании 11,3, а по верхней вогнутой части - 12,5 см)[150]. Вероятно, свинцовый слиток представляет собой пробную отливку формы, а кроме того дает возможность высказать предположение, что и другие цветные металлы для продажи отливались в формах, подобных формам серебряных платежных слитков. В любом случае у нас есть основания говорить о том, что саумы (соммы) вполне могли изготавливаться на месте, тем более в таких крупных торгово-ремесленных центрах как Солхат, Каффа, Сугдея и др. Слитки из злуштинского клада также, очевидно, были отлиты в генуэзской торговой фактории, называемой в документах Lusta. На это указывает то, что слитки после отливки не были в обращении (они имеют острые тонкие края с каплями серебра, которые при использовании были бы стерты или обломаны).

Подводя итоги рассмотрению темы, мы можем прийти к следующим заключениям:

1. До настоящего времени точно не установлено происхождение термина "саума", обозначавшего слиток серебра определенной формы и веса. Большинство исследователей склоняется к мнению об его тюркской основе. В связи с этим, важным является существование в уйгурской ономастике родового имени "Саума", существование которого отмечено в XIII в.[151] Но окончательно данный вопрос могут разрешить дальнейшие изыскания тюркологов.

2. Сом, саума, как единица веса, равнялась полуфунтовому стандарту (204,75 г) и не имеет никакого отношения к "монгольской мере", как считали О.Ильеску, Т.И. Слепова и др. Вместе с этим, следует признать существование двух весовых номиналов серебряных слитков, имевших хождение на территории Золотой Орды - "легкого" и "тяжелого" (полновесного) соммо. Первые ("счетный сом" по А.Г. Мухамадиеву) использовались для размена на более мелкую монету и для сдачи на монетный двор, а

вторые (сом - слитком, весившим, примерно 204,75 г) служили основой монетно-весовой системы обмена при крупных оптовых торговых операциях.

3. Изготовление слитков установленной формы, веса и качества не являлось монопольным правом монетных дворов, размещавшихся в крупнейших торгово-ремесленных центрах Орды. Поэтому они могли как свободно ввозиться, так и отливаться на местах. Но право чеканки монет и установление курса их стоимости по отношению к соммо со временем (особенно в 80-е гг. XIV и в XV в.) создавали неблагоприятную конъюнктуру для обмена. Ухудшение качества и веса серебряных монет неизбежно привело к увеличению лигатуры в слитках. Поэтому одним из основных пунктов в договоре между Каффой и Солхатом в 1387 г. было требование генуэзцев "чеканить монеты хорошей пробы и в количестве, достаточном для нужд торговли"[152].

4. По имеющимся материалам, хронологические рамки обращения соммо на рынках Генуэзской Газарии можно определить в пределах 1275-1475 гг. Важным моментом, стимулирующим широкое распространение и использование серебряных слитков в международной торговле, было основание Генуей колониальной системы в бассейне Черного моря. После завоевания в 1475 г. турками Каффы sommo достаточно быстро выходят из оборота, хотя точное время полного исчезновения серебряных платежных слитков еще не установлено. О том, что на территории Западного Причерноморья в последней четверти XV в. соммо продолжали использовать в качестве счетно-весовой единицы, свидетельствует одна молдавская дарственная грамота 1476 г., в которой перечисляются культовые предметы из серебра и при этом их вес обозначен в соммах[153]. Наиболее поздний документ, в котором sommo фигурирует в качестве счетно-платежной единицы, датируется 26 декабря 1518 г. и происходит из столицы Молдавского княжества Сучавы[154].

5. Время сокрытия алуштинского клада, состоявшего из 17 серебряных слитков, вероятнее всего, относится к финальному этапу существования генуэзских колоний в Крыму. Дом, в стену которого был заложен кувшин с соммами, погиб в пожаре, датируемом 1475 г. В конце мая 1475 г. у берегов Таврики появился огромный турецкий флот, направлявшийся к Каффе (по разным источникам, экспедиция Гедык Ахмед-паши состояла из 300[155], 370[156] или 473 судов)[157]. В течение июня-июля туркам удалось захватить все города и крепости, принадлежавшие Колонии Генуи. Таким образом, есть основания датировать слой пожара Алушты этим временем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С. 90.
2. Егоров В.Л. Указ. соч. С. 90; Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Каффы XIII-XV вв. Тюмень, 1995. С. 147 -148.
3. Schlumberger G.L. Numismatique de l'Orient latin. Paris, 1878. S. 462.
4. Слепова Т.И. Некоторые аспекты распространения венецианских и генуэзских монет и их подражаний в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XII-XV вв. // ТГЭ. Вып. XXVI. 1986. С. 26.
5. Слепова Т.И. Указ. соч. С. 22-30.
6. Лебедев В.П. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 139.
7. Котляр М.Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971. С. 82-83.
8. Автором совместно со С.Б.Адаксиной подготовлена для "Петербургского археологического вестника" предварительная публикация клада 1990 г.
9. Сотникова М.П. Серебряные платежные слитки Великого Новгорода (вопросы техники и эпиграфики) (Автореф. на соиск. степени к.и.н.) Л., 1958. С. 6, 14.
10. Якобсон А.Л. Дворец // МИА. № 34. 1953. С. 396, рис. 9.
11. Айбабина Е.А. Двухапсидный храм близ крепости Фуна // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 195, 203, рис. 8,1, фото 10.
12. Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 106-107, рис. 6,7; Укрепления Таврики X-XV вв. Киев, 1991. С. 101-103, рис. 41.
13. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 70-71, рис. 10,1-7,9,13.
14. Якобсон А.Л. Дворец.. С. 399-401, рис. 13, 16, 32; Даниленко В.Н., Романчук А.И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. Вып. 6. Свердловск, 1969. С. 116-133, табл. 1-4.

15. Мыц В.Л. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV-XV вв. // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 183, рис. 2-3; Залесская В.Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье // Преслав. Вып. 4. София, 1993. С. 371-374, рис. 5.
16. Соломоник Э.И. Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 172-173, рис. 1.
17. Ильин А.А. Топография кладов серебряных и золотых слитков // ТНК. Вып. 1. Пг., 1921. С.47.
18. Мыц В.Л. О дате гибели византийского Херсонеса: 1278 г. // Византия и Крым. Симферополь, 1997. С. 65-67.
19. Пятышева Н.В. Железная маска из Херсонеса (к вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками). М., 1964. Табл. IX.
20. Пятышева Н.В. Указ. соч. С. 20.
21. Пятышева Н.В. Указ. соч. С. 32.
22. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 350. Н.В.Пятышева ошибочно называет серебряные слитки из клада 1889 г. "гривнами новгородско-литовского типа" (Указ. соч., с. 32). Действительно, в старой отечественной и зарубежной литературе бытовало мнение, что литовские гривны весили в среднем 190 г (Wittyg W. Wykopalisko z pod Czerwonego Dworu. Warszawa, 1888. S. 6-7). Однако, В.Виттиг при издании клада из Красного Двора (под Вильнюсом) ошибочно принял за "литовские" серебряные слитки ладьевидной формы - т.е. саумы (Котляр М.Ф. Грошовий обіг на території України ... С. 56). А.А.Ильин вес литовских гривен определял в пределах 102-119 г (Ильин А.А. Топография кладов... С. 10), что вполне было подтверждено материалами вильнюсского клада 1930 г., в котором находилось 400 литовских гривен со средним весом 107 г, опубликованного П.Каразием (Kara zija P. 1930m. Vilniaus lobis. Vilnius, 1932). Эти данные послужили основанием для вполне аргументированного утверждения, что "слитков литовской формы и весом около 190 г вообще не существовало" (Котляр М.Ф. Указ. соч., с. 57).
23. Пятышева Н.В. Указ. соч. С. 32. Прим. 131.
24. Іваків Г.Ю. Історичний розвиток Києва XIII - середини XVI ст. Київ, 1996. С. 67.
25. Рыжов С.Г. Раскопки жилых кварталов в Северном районе Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса (1888-1988 гг.). Севастополь, 1988. С. 93; Калашник Ю.П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982-1988 гг.) // Итоги археологических экспедиций Эрмитажа. Л., 1989. С. 186; Сазанов А.В. Хронология комплексов византийского Херсона VI-XV вв. // Российское византиноведение: итоги и перспективы (тезисы докл. и сообщ. на Международной конф., посвященной 100-летию «Византийского временника» и 100-летию Русского Археологического Института в Константинополе). М., 1994. С. 126; Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Кладовая дома XIII века в Северо-восточном районе Херсонеса // ХСб. Вып. IX. Севастополь, 1998. С. 193.
26. Рыжов С.Г. Указ. соч. С. 93.
27. Мыц В.Л. О дате гибели византийского Херсонеса... С. 66.
28. Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков из Старого Крыма и золотоордынские сумы // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XLV. Л., 1980. С. 68-72.
29. Крамаровский М.Г. Указ. соч. С. 68.
30. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. Вып. I. 1960. С. 111.
31. Северова М. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (по материалам Старо-Крымской археологической экспедиции) // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LIV. Л., 1990. С. 43.
32. Mitreoa B. Decouvertes recentes et plus anciennes de monnaies antiques et byzantines en Roumanie // Dacia. № 11. 1967. P. 390; Iliescu O. La monnaie genoise dans les pays roumaines aux XIII-XV siecles // I Genovesi nel Mar Nero durante i secoh XIII et XV. Colloquio romeno-italiano. Bucurest, marso 27-28 1975. Bucuresti, 1977. P. 162-165.
33. Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков... С. 68 -71.
34. Тимашкова Т.Г. Серебряные гривны из собрания Одесского археологического музея АН УССР // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 155.
35. Ильин А.А. Топография кладов... С. 13. № 3; Тимашкова Т.Г. Серебряные гривны... С. 159.
36. Ильин А.А. Указ. соч. С. 23. № 62; Тимашкова Т.Г. Указ. соч. С. 158. Рис. 1,4.
37. Ильин А.А. Указ. соч. С. 2. См. карту.
38. Савельев В.К. О кладах золотоордынских монет в развалинах древнего города Болгар // Труды первого археологического съезда в Москве. Вып. II. М., 1987. С. 492-500.
39. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М., 1941. С. 87-88.

40. Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков... С. 70.
41. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... Т. 2. 1941. С. 81.
42. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. М., 1884. С. 302.
43. Крамаровский М.Г. Указ. соч. С. 69.
44. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... Т. 1. 1884. С. 303.
45. Брун Ф. Черноморье: Сб. исслед. по ист. географии Юж. России. Ч. 1. Одесса, 1879. С. 130.
46. Сотникова М.П. Серебряные платежные слитки... С. 8.
47. Спасский И.Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Изд 4-е. Л., 1970. С. 71; Котляр Н.Ф. Кладоискательство и нумизматика. Киев, 1974. С. 93. Табл. VIII,3.
48. Спасский И.Г. Указ. соч. С. 71.
49. Болсуновский К.В. Русские монетные гривны, их формы и происхождение. Киев, 1903. С. 13.
50. Болсуновский К.В. Указ. соч. С. 2. Рис. 1,1.
51. Bauer N. Die Silber und Goldbarren des russishen Mittelalters // Eine archaeologische Studie. N.Z.Wien, 1929-1931. S. 91-94.
52. Спасский И.Г. Русская монетная система... С. 71.
53. Юргевич В.О. О монетах генуэзских, находимых в России // ЗООИД. Т. 8. 1872. С. 153-154; Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. Перевод и комментарий В.Юргевича // ЗООИД. Т. 5. 1863. С. 819-820.
54. Юргевич В. О монетах генуэзских, находимых в России... С. 154.
55. Юргевич В. Указ. соч. С. 153-154.
56. Брун Ф. Черноморье... С. 130.
57. Брун Ф. Указ. соч. С. 130.
58. Бертье-Делагард А.Л. Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве // ИТУАК. № 51. 1914. С. 167.
59. Бертье-Делагард А.Л. Ценность монетных номиналов... С. 172.
60. Бертье-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 170.
61. Там же. С. 166.
62. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань, 1990. С. 136.
63. Мухамадиев А.Г. Клад татарских монет XIV в. // Древности Восточной Европы. М., 1964. С. 150.
64. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья... С. 136-137.
65. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М., 1983. С. 103.
66. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система... С. 104.
67. Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков... С. 69.
68. Крамаровский М.Г. Указ. соч. С. 69. В связи с рассматриваемой темой интересно отметить прибытие в Париж в 1287 г. уйгурского монаха Раббана Саума (Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. III. М. Л., 1948. С. 590-591), что может указывать и на уйгурское происхождение термина, обозначавшего в Улусе Джучи слиток серебра. Широкое распространение в Золотой Орде уйгурского диалекта тюркского языка уже давно отмечалось ориенталистами (см., например: Григорьев В. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая // ЗООИД. Т. 1. 1844. С. 337).
69. Янин В.Л. Денежно-весовые системы. Домонгольский период. М., 1958. С. 48. Рис. 3; Федоров-Давыдов Г.А. Рец.: Янин В.Л. Денежно-весовые системы. Домонгольский период // СА. № 2. 1958. С. 321.
70. Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков... С. 69-70.
71. Bautier R.H. Points de vue sur les relations economiques des occidentaux avec les pays d'Orient au moyen age // Actes du VIII Colloque internationale d'histoire maritime. Paris. S.E.V.D., 1970. P.311-316. N 2.
72. Balard M. Genes et l'Outre-mer. I. Les actes de Caffa du notarie Lamberto di Sambuceto, 1289-90. Paris, 1973. N 60, 171, 173-177, 221, 632, 652.
73. Еманов А.Г. Образование городской коммуны Кафы (до сер. XV в.): (Автореф. дис. на соиска-ние уч. ст. д.и.н.) Екатеринбург, 1997. С. 39.
74. Chronicon pictum Vindobonaese. Ed. par G.Pope-Lisseanu. Bucarest, 1937 [IIR,t.11]. P. 109.
75. Document concernant les relations de la Valachie avec Brachov et la Hongrie. Bucarest, 1905. Vol. 1. P. 599-600.
76. Українськи грамоти. Вид. В. Розов. К., 1928. Т. 1 (XIV і перша половина XV ст.). № 19. С. 37.
77. Українськи грамоти... Т. 1. № 42. С. 77 (1411 р.).
78. Iliescu O. La monnaie genoise dans les pays roumains aux XIII-XV siecles // Colloquio romeno-

italiano "I Genovesi nel Mar Nero durante i secoli XIII e XIV". Bucurest, 27-28 marso 1975. Bucuresti, 1977. P. 165; См. также его работу: Etalons ponderaux et monnaies de Mesembrie au XIVe // Byzantinobulgarica, 1981. VII. S. 469-472.

79. Iliescu O. La monnaie genoise... P. 162-165.
80. Слепова Т.И. О распространении венецианских и генуэзских монет... С. 27.
80. Там же. С. 89.
81. Слепова Т.И. Указ. соч. С. 27-28.Прим. 131.
82. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М., 1997. С. 144, 147, 148, 151 и др.
83. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны... С. 129. Прим. 131.
84. Там же. С. 89.
85. Spuler B. Die goldene Horde. Die Mongolen in Rusland. 1233-1502. Wiesbaden, 1965. S. 330
86. Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков... С. 71.
87. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны ... С. 154-155, 162.
88. Schrotter F.F. Worterbuch der Munzkunde. Berlin - Leipzig, 1930. S. 371.
89. Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков... С. 70, 71.
90. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны... С. 144, 147, 148, 151 и др.
91. Крамаровский М.Г. Указ. соч. С. 71.
92. Гильом де Рубрук. Указ. соч. С. 144, 147, 148, 151 и др.
93. Там же. С. 147.
94. Крамаровский М.Г. Указ. соч. С. 70.
95. Гильом де Рубрук. Указ. соч. С. 151.
96. Там же. С. 178.
97. Крамаровский М.Г. Указ. соч. С. 70.
98. Belen. Essai sur l'hist. economique de la Turquie, Journ. Asiat., VI serie, t. III. Paris, 1864. S. 436.
99. Bautier R.H. Points de vue sur les relations economiques des occidentaux avec les pays d'Orient au moyen age... P. 311-331.
100. Ibid. P. 315-316.
101. Ibid. P. 314-315.
102. Ibid. P. 315-316.
103. Gioffre D. Lider institutionem cabellarum veterum. Milano: A. Giuffre, 1967. N 63.
104. Bratianu G. Recherches sur la commerce genois dans la Mer Noire au treizieme siecle. Paris, 1929. N 16; Balard M. Geneis et l'Outre-mer. t.1: Les actes de Caffa du notarie Lamberto di Sambuceto 1289-1290. Paris, 1970. N 592, 640, 652, 791.
105. Ciano C. La "pratica di mercatura" Datiniana (sec. XIV). Milano: A.Giuffre, 1964. P. 62.
106. Bautier R.H. Points de vue sur les relations economiques... P. 315; Evans A. La pratica della mercatura di Francesco Balducci Pegolotti. Cambridge-Mass..: The Mediaeval Academy of America, 1936. P. 40-41.
107. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции... С. 37. При проведении подсчетов А.Г.Еманов не учитывает, что уже в 1343 г. между монголами и итальянскими торговыми республиками произошло резкое обострение отношений, а в 1344 г. Каффа была осаждена войсками Джанибека.
108. Bratianu G.I. Actes des notaires genois de Pera et de Caffa de la fin du treizieme siecle (1281-1290) // Academie Roumaine. Etudes et recherches. II. Bucurest, 1927; Balard M. Geneis et l'Outre-mer. t.1: Les actes de Caffa... 1973; Balletto L. Genova mediterraneo Mar Nero (sec. XIII-XV). Genova, 1976.
109. Balletto L. Genova mediterraneo Mar Nero... P. 181.
110. Balard M. Geneis et l'Outre-mer... P. 52.
111. Balletto L. Genova mediterraneo Mar Nero... P. 182.
112. Ibid. P. 186.
113. Ibid. P. 183.
114. Ibid. P. 186.
115. Pegolotti F.B La pratica della Mercatura, ed. by Alan Evans. Cambridge-Mass., 1936. P. 43.
116. Ibid. P. 23, 53, 150.
117. Федоров-Давыдов Г.А. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. // СА. № 3. 1958. С.67-68.
118. Schilbach E. Byzantinische Metrologie. Munich, 1970. S. 191-197.
119. Юргевич В. Замечания на статью о генуэзских монетах, помещенную в 8-м томе Записок Общества, сделанные итальянским ученым К.Десимони // ЗООИД. Т. 8. Одесса, 1872. С. 460.

120. Данилова Э.В. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам "Codice") // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 202.
121. Fenster E. Zur Fahrt der venezianischen Hendelsgaleeren in das Schwarze Meer // BS. Bd. 39. 1978. S. 187.
122. Карпов С.П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 197. Прим. 22.
123. Fenster E. Zur Fahrt der venezianischen... S. 187.
124. Martin M. Some aspects of trade in fourteenth century Tana // Bulgaria Pontica. T. II. 1988. P. 131-132.
125. Zibaldone de Canale. Venice, 1967. P. 69.
126. Martin M. Some aspects of trade in fourteenth century... P. 132.
127. Lettere di mercanti a Pignol Zucchello // ed. R.Morozzo dela Rocca. Venice, 1957. P. 18.
128. Martin M. Some aspects of trade in fourteenth century... P. 132.
129. Ibid. P. 133.
130. Balbi G.-Raiteri S. Notia genovesi in Oltremare //Atti rogati a Caffa ea Licostomo (sec. XIV). - Genova-Bordighera, 1973. P. 1-184.
131. Balletto L. Genova mediterraneo Mar Nero... P. 193.
132. Карпов С.П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. С. 97.
133. Бертье-Делагард А.Л. Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве... С. 171.
134. Карпов С.П. Указ. соч. С. 197. Прим. 22.
135. Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков... С. 70.
136. Сотникова М.П. Серебряные платежные слитки Великого Новгорода... С. 5.
137. Pegolotti F.B La pratica della Mercatura... P. 35.
138. Федоров-Давыдов Г.А. Денежно-весовые единицы Таны... С. 69.
139. Там же. С. 69.
140. Бертье-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 171.
141. Федоров Г.В. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I // МИА. № 12. 1949. С. 148.
142. Устав для генуэзских колоний в Черном море. С. 643, 766, 819, 820.
143. Там же. С. 646, 662, 665, 676, 680, 682, 690, 691 и др.
144. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья... - С. 136.
145. Савельев В.К. О кладах золотоордынских монет... - С. 500. - Рис. 83.
146. Болсуновский К.В. Русские монетные гривны... - Табл. 1,1,2.
147. Савельев В.К. Указ. соч. - С. 500. - Рис. 83.
148. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья... - С. 136 - 137.
149. Федоров-Давыдов Г.А. Денежно-весовые единицы Таны... - С. 66.
150. Автор выражает благодарность И.А.Баранову за возможность ознакомиться и использовать материалы его исследований.
151. Успенский Ф.И. История Византийской империи... - С. 590 - 591.
152. Schlumberger G.L. Numismatigue de l'Orient latin... - S. 463 - 464.
153. Document concernant les relations de la Valachie... - P. 211.
154. Costachescu M. Documente moldovenesti de la Stefanita voevod (1517 - 1527) // Documents moldaves du voivode Stefanita, 1517 - 1527. - Iasi, 1943. - P. 85. - Doc. n. 18.
155. Зайончковский А. Летопись Кипчакской степи (теварих-и дешт-и кипчак) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. - М., 1969. - Т. 2. - С. 14.
156. Новичев А.Д. История Турции. - Л., 1963. - С. 53.
157. Гейд В. История торговли Востока в средние века (извлечения из сочинения Вильгельма Гейда "История торговли..." в пер. Л.П.Колли) // ИТУАК. - 1915. - № 52. - С. 179.

Снытко И.А., Туровский Е.Я.

О МОНЕТАХ ОЛЬВИИ И ХЕРСОНЕСА С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ СТРЕЛКОВ ИЗ ЛУКА

В настоящей статье рассматриваются две серии ольвийских и херсонесских монет, большое сходство между которыми неоднократно отмечалось специалистами[1]. Мы остановимся прежде всего на вопросах хронологии этих выпусков и их возможной взаимосвязи.

Рис.1.
Херсонесские монеты Дева – лучник.

Рассмотрим сначала херсонесский выпуск. Он имеет следующий тип: аверс. Голова Девы в венке влево; реверс. Коленопреклоненная Дева, стреляющая из лука, вправо, слева ХЕР, справа имя?АГАΣ[2]. Впервые этот сорт херсонесской меди описал Х.Х. Гиль, который безосновательно усмотрел в божестве на аверсе Аполлона. Магистратское имя на упомянутом им экземпляре дано в форме АГАΣΙ[3]. Монета с аналогичным вариантом легенды недавно была опубликована[4]. Однако большая часть известных экземпляров данного типа имеет легенду АГАΣ (Рис. 1).

А.Л. Бертье-Делагард датировал такие монеты концом III в.до н. э.[5]. Этим же временем определяет хронологию выпуска В.А. Анохин. Основанием для его вывода послужила датировка типологически схожей с херсонесской монеты сицилийского города Алесы, которая, согласно определению Хеда, выпускалась между 241-210 гг. до н. э.[6]. Один из авторов настоящей статьи, отвергая столь позднюю дату, предложил датировать херсонесский выпуск пределами 60-х - 40-х гг. III в. до н. э.[7]. Однако и такая дата представляется ныне слишком завышенной, так как не учитывает обстоятельства находок этих монет.

Поскольку в самом Херсонесе находки монет с лучником происходят из перемешанных или широко датируемых слоев эллинистического времени, особенно важное значение для хронологии имеют находки таких монет в узко датируемых слоях памятников херсонесской хоры. Одна монета с лучником найдена в хорошо датируемом комплексе в Керкинитиде[8], другая происходит из раскопок херсонесской усадьбы у Евпаторийского маяка[9]. Последняя находка позволила А.М. Гилевич и А.Н. Щеглову отнести выпуск монеты к концу IV в. до н. э.[10]. На наш взгляд, столь конкретный вывод излишне категоричен, поскольку terminus ante quem данной усадьбы определяется временем около конца первой четверти III в. до н. э. Таким образом, монета может датироваться как последней четвертью IV в. до н. э., так и первой четвертью III в. до н. э. В какой же промежуток пятидесятилетнего периода следует поместить эту эмиссию?

Обратимся к легенде монет. Не вызывает сомнения, что за сокращениями АГАΣ, АГАΣΙ скрывается имя херсонесского магистрата Агасикла. Весьма возможно, что этот магистрат - тот самый Агасикл сын Ктесия, cursus honorum которого отображен на мраморном постаменте его конной статуи, найденном в Херсонесе (IOSPE, I², № 403). В указанный промежуток времени известен только один монетный магистрат с таким именем. При нем чеканились серебряные тетрадрахмы, тип: ав. Голова Девы вправо; рев. Бодающий бык влево, сверху ХЕР и палица, снизу имя[11]. Время его деятельности относят к первому[12] или второму[13] десятилетию III в.до н.э. Возникает вопрос: мог ли этот магистрат наряду с серебром осуществлять выпуск мелкой меди? На наш взгляд, ответ должен быть положительным.

Последний выпуск меди младшего номинала (халка) в Херсонесе IV в.до н.э. был осуществлен не позднее начала последней четверти столетия[14]. Большая часть второй половины IV в. до н.э. в Херсонесе характеризуется ежегодными весьма масштабными эмиссиями крупной меди (дихалков), остававшейся в обращении и к началу III в.до н.э. Можно уверенно предполагать, что крупной меди было отчеканено вполне достаточно для удовлетворения потребностей херсонесского рынка на многие годы, чем и объясняется длительный перерыв в чеканке меди в первой половине III в.до н.э.[15] В то же время, по-видимому, ощущался дефицит меди младшего номинала. Вероятно, магистрат Агасикл и решил восполнить эту нехватку новой эмис-

сией. Отметим, что мнение о большой редкости выпуска Дева-стрелок является сильным преувеличением. Монеты хорошо представлены как в музейных, так и в частных собраниях. Известны не менее двух штемпелей как аверса, так и реверса этих монет. Наиболее вероятной датой херсонесского выпуска следует считать 90-е гг. III в. до н.э.

Обратимся теперь к ольвийскому выпуску. Он имеет тип: ав. Голова Деметры в согопа muralis влево; рев. Коленопреклоненный лучник влево, ОΛВІО, сокращение имени,

Рис.2.
Ольвийские монеты Деметра – лучник.

буквенный дифферент или монограмма[16]. Как видно, типологическое сходство между херсонесскими и ольвийскими выпусками весьма велико. К существенным отличиям можно отнести следующие: наличие на голове ольвийской богини башенной короны; различный поворот лучника - левый (Ольвия), правый (Херсонес); выпуск херсонесской монеты при одном магистрате и последовательный выпуск ольвийских монет при целой группе магистратов.

Для того, чтобы определить количество лет в течение которых чеканились монеты «Деметра- лучник», необходимо уточнить число магистратов, известных на монетах. В каталоге В.А. Анохина приводятся семь дифферентов и монограмм[17]. В своде причерноморских монет Британского музея приводится дополнительно еще три[18]. Однако один из них – ΙΣΛΟ, судя по фотографии монеты, представляет собою ретроградную передачу имени города – ОΛВІ. Другой – ΦΛΑ, очевидно, является ретроградной версией известного сокращения – ΑΛΦ, что отмечал еще П.О. Карышковский[19]. И только третье сокращение – NO(Σ) представляет неизвестное ранее сокращение имени магистрата, при котором чеканились монеты с лучником. Таким образом, выпуск серии осуществлялся не менее 7 лет (вероятность появления нескольких новых дифферентов не исключается).

Вопрос о датировке серии «Деметра-лучник» остается дискуссионным. В.А. Анохин поместил их выпуск в десятилетний период между 360 и 350 гг.до н.э.[20] Согласно его хронологии, выпуск был осуществлен еще за полвека до выпуска "борисфенов". Крупнейший знаток ольвийской нумизматики П.О.Карышковский, напротив, полагал, что монеты с лучником одновременны второй и третьей группам "борисфенов". При этом он оговаривал, что трудно выделить выпуски, в точности отвечающие тем или иным годовым эмиссиям "борисфенов"[21]. Мы разделяем этот вывод, исключая разве что излишнюю категоричность относительно второй и третьей групп "борисфенов". На наш взгляд, чеканка "лучников" имела, скорее всего, дискретный характер и осуществлась по мере необходимости в младших номиналах в основном теми же магистратами, при которых чеканились "борисфены" (табл.1). Справедливости ради отметим, что это не единственный возможный вариант, поскольку в ольвийской нумизматике известен пример, когда старший и младший номиналы одной серии обозначались различными магистратскими дифферентами. Речь идет о меди, непосредственно предшествующей выпускам "борисфенов", тип: голова Деметры влево – орел на дельфине[22]. Скорее всего, следует признать, что "борисфены" и "лучники" выпускались от лица одних и тех же магистратов.

Постараемся проследить относительную последовательность выпусков внутри серии с "лучниками" и возможные соответствия этих выпусков "борисфенам", полностью сознавая гипотетичность таких построений (Рис. 2; Табл. 1). По-видимому, наиболее ранним выпуском следует считать монеты с именем ΣΩΣΤΡΑ. Они отличаются изысканным художественным исполнением и наиболее полной формой магистратского имени. Эти монеты, вероятно, следует связывать с деятельностью магистрата, чеканившего "борисфены" III группы с сокращением ΣΩ. Затем, по-видимому, выпускались "лучники" с монограммой АР. Они также отличаются хорошим исполнением и сопоставимы с "борисфенами" IV группы с сокращениями АР и АРІ. Следующим по времени был, вероятно, выпуск с сокращением ΑΑΦ или ΦΛΑ, сопоставимый с "борисфеном" V группы с сокращением АЛ. Затем, возможно, выпуск с сокращением NO (Σ ?), который соответствует "борисфенам" V группы с NO(NOY). Выпуск с монограммой НР также соответствует "борисфену" V группы с аналогичной монограммой. "Лучник" с сокращением ВА, возможно, соответствует

"борисфену" VI группы со сложной монограммой.

Отметим также, что в серии "лучников" встречаются монеты грубого исполнения и меньшего веса, на которых отсутствуют магистратские дифференты. На наш взгляд, эти монеты чеканились одновременно с последними кризисными эмиссиями "борисфенов".

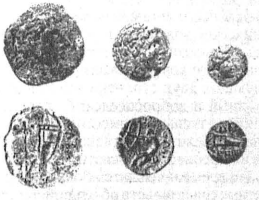


Рис.3.
Монеты ольвийской коллегии Семи.

Совместные находки "борисфенов" и "лучников" на поселениях ольвийской хоры, датируемых последней третью IV- первой четвертью III в. до н. э., вполне подтверждают вывод П.О. Карышковского о параллельном выпуске этих монет. Так монеты серии "Деметра — лучник" найдены на усадьбах сельской округи Ольвии послезопирионовского времени (после 331-320 гг.до н. э.): в урочище Чертоватое, на Дидовой Хате; в слоях последней четверти IV- III вв. до н. э. поселений Закисова Балка I, Козырка II, Дидова Хата I[23]. Показательными для датировки "лучников" явились результаты раскопок поселения Чертоватое I. За время исследований памятника было найдено пять таких монет[24]. В комплексах первых двух третей IV в. до н. э. из нумизматического материала были представлены только медные монеты с изображением Деметры и орла на дельфине[25]. Единственный "лучник" из этих комплексов, как выяснилось, найден в хозяйственной яме, датируемой последней четвертью IV в. до н. э. Остальные монеты найдены в слоях конца IV — начала III вв. до н. э. По последним данным многочисленные совместные с "борисфенами" находки "лучников" происходят из поселений и усадеб Нижнего Побужья в районе Аджигольской балки, Волошской косы, Старой Богдановки, Новой Богдановки, Дидовой Хаты, Лупарево, Скельки и одновременных памятников Нижнего Поднепровья.*

Как видно, датировка "лучников", предложенная П.О. Карышковским, наиболее приемлема и реальна. В.В. Рубан и В.Н. Урсалов, поддерживая это мнение, относят данную серию к V этапу своей периодизации денежного обращения на сельской округе Борисфениды и Ольвии и хронологически определяют хождение этих монет пределами последней трети IV- первой половины III в. до н. э. [26]

Теперь остановимся на вопросе о номиналах и весовом соотношении "борисфенов" и "лучников". Сравнение весов известных монет серии "Деметра- лучник" показывает, что они имели два номинала. Сопоставление весовых характеристик этих номиналов с "борисфенами" дает соотношение 1 : 2 : 4 . Таким образом, скорее всего, следует говорить о единой системе номиналов, соответственно — халке, дихалке и тетрахалке. В пользу такой реконструкции свидетельствует более поздняя серия ольвийской меди из трех номиналов, выпускавшаяся от лица сакральной коллегии Семи. Вероятно, как полагал П.О. Карышковский, авторитет коллегии был призван вернуть подорванное доверие ольвиополитов к городской меди[27]. Однако в контексте нашей статьи интересен другой аспект данной эмиссии. Выпуск, как видно, знаменовал попытку возврата к докризисной системе (под кризисом подразумевается стремительное падение веса "борисфенов" в последние годы их чеканки). Серия Семи состояла из старшего номинала (тетрахалка), сопоставимого по весу с "борисфенами" докризисных групп. Тип монеты: голова Зевса Ольвия вправо — оружие, весьма близок к "борисфенам". Средний номинал (дихалк) имел тип: голова Аполлона — лучник (Рис. 3). Реверс монеты практически полностью повторяет тип серии " Деметра- лучник". Только младший номинал (халк) имеет оригинальное изображение: голова Аполлона — горит. Таким образом, реально прослеживается генетическая связь двух серий: близкие веса, одинаковое соотношение номиналов, схожесть изображений.

Подводя итоги, отметим следующее: ольвийские монеты с "лучником" появляются, скорее всего, около начала после-

*Авторы благодарят за информацию известного николаевского коллекционера В.С. Устинова и сотрудника Херсонского музея В.В. Пиворовича.

дней четверти IV в. до н. э. – в любом случае, несколько ранее херсонесских. Эмиссии их были обильней, а циркуляция - более продолжительной, что указывает на то, что ольвийская медь послужила прототипом херсонесскому резчику, а не наоборот (тем более, что херсонесский выпуск имел эпизодический характер и не нашел продолжения при других магистратах). В пользу этого предположения свидетельствует и сам мотив изображения лучника, известный в ольвийской нумизматике еще с раннеклассического времени. На реверсах статеров Эминака второй половины V в. до н. э. изображен стрелок, натягивающий тетиву на лук[28]. Стрелок из лука изображен и на упомянутых монетах Семи, а также на мелком серебре митридатовского времени[29]. В типологии херсонесских монет изображение стреляющего лучника явилось случайным эпизодом. Косвенным аргументом в пользу заимствования монетного типа Херсонесом может служить следующее обстоятельство: за единственным исключением, на протяжении второй половины IV - III вв. до н. э. все портретные изображения на аверсах херсонесских монет имели правый поворот головы, тогда как в данном случае поворот головы богини, как и на ольвийском прототипе, левый.

Факт заимствования типа ольвийской монеты херсонесским резчиком является косвенным отражением тесного политического и экономического взаимодействия двух соседних демократических полисов. Отношения Ольвии и ее ближайшего юго-восточного соседа Херсонеса не всегда были стабильными и взаимовыгодными. В последнее время большинство исследователей склоняются к мнению, что между двумя полисами в позднеклассическое время имел место конфликт, предметом которого послужил Северо-Западный Крым, попавший в сферу жизненно важных интересов как Ольвии, так и Херсонеса[30]. Однако уже в последней четверти IV в. до н.э. былые связи налаживаются, что, по мнению Ю.Г. Виноградова, знаменательно совпадает с победой радикальной демократии в Ольвии после похода Зопириона[31]. По многим источникам (прежде всего, по данным лапидарной и керамической эпиграфики, а также нумизматики), взаимоотношения полисов после предполагаемого конфликта на протяжении последующих двух столетий носили дружественный и добрососедский характер[32]. Наиболее тесные взаимоотношения во всех областях межгосударственных связей Ольвии и Херсонеса отмечаются в III в. до н. э. На это время приходится большинство известных свидетельств об ольвийско-херсонесских контактах[33].

Пик экономических связей между двумя полисами, по данным керамической эпиграфики, приходится на первую четверть III в. до н. э., но не прекращается на протяжении всего столетия[34]. Удельный вес херсонесской амфорной тары в Ольвии и ее округе в районах Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья достаточно велик, хотя и уступает таким центрам как Фасос и Синопа[35]. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в эллинистическую эпоху могут являть собою пример добрососедских и дружественных отношений, несмотря на возможно имеющиеся разногласия. Косвенным отражением этих отношений, по-видимому, являлся и выпуск сходных по типу медных монет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карышковский П.О. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма// МАСП. 1962. Вып. 4. С. 87-107; Зограф А.Н. Лук и стрельба из него на монетах Северного Причерноморья// НАП. Киев,1982. С.6.
2. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев,1977. Табл. X. № 154.
3. Бертье-Делагард А.Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса// ЗООИД. Т.XXVI. 1906. С.220. Прим.3.
4. Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV- II вв.до н. э. Севастополь, 1997. С. 61. № 150.
5. Бертье-Делагард А.Л. Несколько новых... С. 250..
6. Head B.V. Historia Nummorum. Oxford, 1911. P. 125-126; Анохин В.А. Монетное дело... С.29.
7. Туровский Е.Я. Монеты... С. 28.
8. Кутайсов В.А. Эллинистический дом Керкинитиды // СА. 1987. №1. С. 170 сл.
9. Колесников А.Б. Античные сельские усадьбы у Евпаторийского маяка // Вестник МГУ. Сер. История. 1984. №4; Его же. Монеты из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.: Изд-во МГУ,1991. С. 187.
10. Гилевич А.М.,Щеглов А.Н. Херсонесец Батилл, сын Никагора // Hyperboreus.1996. Vol. 2. Fasc. 2. P. 100-124.
11. Анохин В.А. Монетное дело... Табл. VI, №84.

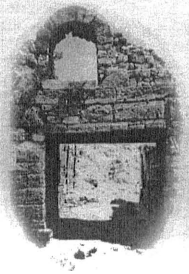
Таблица 1

№	Дифференты на монетах «Деметра - лучник»	Источник	Вес	Дифференты на «борисфенах»	Источник	Вес
1	ΣΩΣΤΡΑ	Анохин, № 60; SNG, №536; SNG, №537	4,25 г 5,04 г 4,56 г	ΣΩ	Карышковский, №23; SNG, №473	11,28 г
2	Ⱁ	Анохин, № 61; SNG, №538; SNG, №539	4,08 г 4,50 г 4,49 г	Ⱁ	Карышковский, №23; SNG, №473	11,32 г
3	ΒΑ	Анохин, № 62;	1,95 г	ⱁ	может быть, Карышковский, №73; Анохин, №194	9,50 г
4	Α	Анохин, № 63;	2,14 г	Α	Карышковский, №73; Анохин, №194	5,70 г
5	ΑΛΦ	Анохин, № 64;	1,78 г	ΑΛ, Ⱁ	Карышковский, №43, 81; Анохин, №166	7,88 г
6	Ⱁ	Анохин, № 65;	1,71 г	Ⱁ	Карышковский, №24; SNG, №474	11,32 г
7	ⱂ Ⱂ	Анохин, № 66; SNG, №541 Анохин, № 67;	1,79 г 1,70 г 1,35 г	ⱂ	Карышковский, №65	
8	ΝΟΣ	SNG, №540	4,15 г	ΝΟ	Карышковский, №47; Анохин, №168	9,41 г
9	ΦΛΑ	SNG, №542	2,53 г	ΑΛ, Ⱁ	Карышковский, №43, 81	
10	ΙΣΛΟ(ΟΛΒΙ)	SNG, №548	1,96 г			

12. Туровский Е.Я. Монеты... С. 20.
13. Анохин В.А. Монетное дело... С. 139.
14. Туровский Е.Я. Монеты... С. 54-55.
15. Туровский Е.Я. Монеты... С. 16.
16. Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на Северном берегу Черного моря. Одесса, 1884. Ч. I. Табл. VII. С. 152-160.
17. Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 105.
18. Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX. London, 1993. Plate XXIII, №№ 536-549.
19. Карышковский П.О. Из истории монетного дела... С. 89 сл.
20. Анохин В.А. Монеты античных городов... С. 105.
21. Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 83.
22. Бурачков П.О. Общий каталог... Табл. VII. №№ 138-140.
23. Рубан В.В., Урсалов В.Н. Ольвийские монеты из античных сельскохозяйственных вилл Бугс-

кого лимана // ВДИ. 1978. № 3. С.42.
24. Снытко И.А. Исследования поселения Чертоватое I на Бугском лимане // Древнее Причерноморье. КСОАО. Одесса, 1994. С. 152-156.
25. Бурачков П.О. Общий каталог... Табл. VII. №№ 142-149.
26. Рубан В.В., Урсалов В.Н. Ольвийские монеты... С.51.
27. Карышковский П.О. Монеты ольвийской коллегии семи // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, С. 113.
28. Карышковский П.О. О монетах с надписью EMINAKO // СА. 1960. № 1, С. 179-195; Его же. Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 78-79; Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса VII-I вв. до н. э.: историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 117.
29. Анохин В.А. Монеты античных городов... № 59.
30. Щеглов А.Н. Ольвия и Херсонес: новые материалы и аспекты проблемы // ПИО. Парутино, 1985. С. 84-86;Его же. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община. Л., 1986. С. 171; Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 171
31. Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 171-172.
32. Золотарев М.И. Херсонес и Ольвия в конце VI-II вв. до н. э.: (Автореф. дис. ... канд. ист. наук.) Л., 1986. С. 13-15.
33. Золотарев М.И. Херсонес и Ольвия в конце VI-II вв. до н. э.: Проблемы взаимоотношений: (Дисс. ... канд. ист. наук.) Л., 1986. С. 164.
34. Золотарев М.И. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV-II вв. до н. э. (по материалам херсонесских керамических клейм из Ольвии) // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 123-138.
35. Снытко И.А., Туровский Е.Я. Находки керамических клейм Херсонеса Таврического на памятниках хоры Ольвии //Древнее Причерноморье (II чтения памяти профессора П.О. Карышковского): ТД юбил. конф. Одесса, 1991. С. 91-92.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ



М.Ю. Николаенко

ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ВЫСОТЕ БЕЗЫМЯННАЯ

Применение геофизических методов в археологии в настоящее время является широко распространенной практикой. Археологические задачи, решаемые при помощи геофизических методов, в основном, сводятся к поиску погребенных сооружений – строительных остатков, склепов и т.п., и зон с аномальной намагниченностью - печей, очагов, древних кострищ, скоплений керамики и пр. Таким образом, в археологии применяются различные модификации электроразведки и магниторазведка. Эффективность геофизических методов как вспомогательных при археологических разведках несомненна, так как время поиска погребенных объектов значительно сокращается, а следовательно - экономятся средства и время на полевые работы. Кроме того, получаемая информация позволяет точно локализовать объекты, не определяемые их остатками на дневной поверхности.

Геофизические исследования на высоте Безымянная близ Севастополя (рис. 1) проводились в составе совместной экспедиции Национального заповедника "Херсонес Таврический" и Университета штата Техас. Руководством экспедиции[1] были определены объекты поиска - скопления керамики, зольные остатки, возможные печи, очаги, кострища. Подобные объекты обладают аномальным[2] магнетизмом, поэтому исследования проводились при помощи магнитометра. Для измерений использовался промышленный квантовый магнитометр М-33 производства фирмы "Рудгеофизика" (Санкт-Петербург, Россия).

На обследуемой территории древнего поселения, непосредственно на вершине холма, представляющей собой относительно плоскую площадку, была разбита сеть[3], по которой проводились измерения магнитного поля Земли (рис. 2). Размер ячейки сети составил 0,1х0,5 м, т.е. интервал между профилями, вдоль которых проводились измерения, равнялся 0,5 м, а шаг измерений - 0,1 м. Столь незначительный шаг измерений был выбран исключительно для имитации непрерывных измерений магнитного поля вдоль профиля, поскольку предполагаемые линейные размеры объектов весьма незначительны. Общая площадь обследованного участка составила 1600 м^2. Сеть также была ориентирована на магнитный север для уменьшения девиационных поправок, высота магниточувствительного блока над дневной поверхностью при измерениях составляла 0,5 м.

После проведения измерений была построена контурная карта измеренного геомагнитного поля на обследованной территории. Величина dt поля рассчитывалась

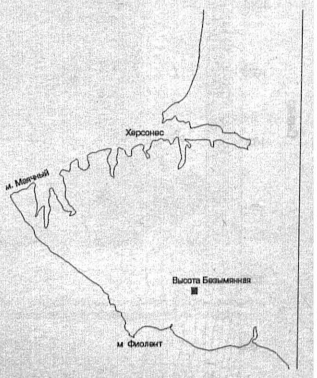
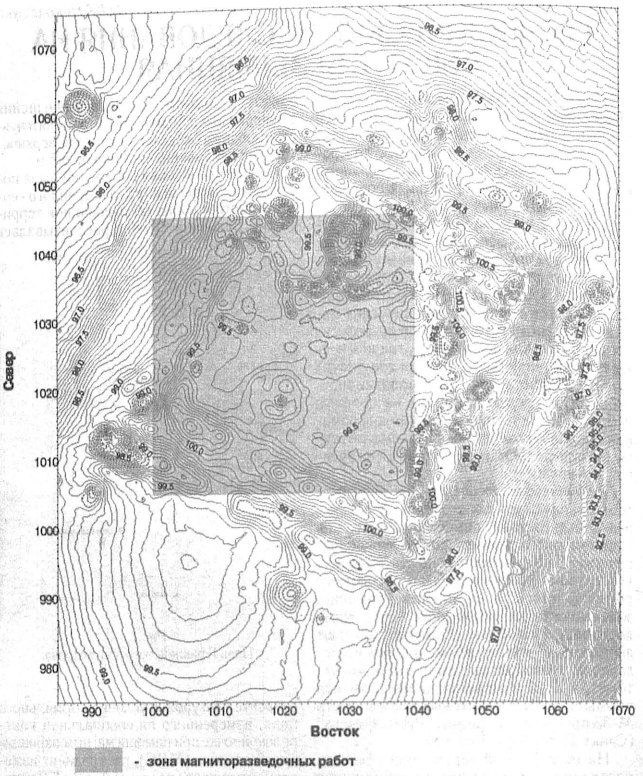


Рис. 1.
План Гераклейского полуострова.

относительно уровня условно нормального поля, измеренного на специальной контрольной точке при помощи магнитовариационной станции (МВС), где градиент измеряемой величины не превышал 2 нТ. В качестве МВС также применялся магнитометр М-33, включенный в автоматический режим с интервалом между измерениями 60 секунд. Таким образом, были определены различные магнитные аномалии, из которых были отбракованы создаваемые неархеологическими объектами.

На следующем этапе исследований решалась *прямая задача* – локализация археологических объектов, - и часть *обратной задачи* - определение приблизительной глубины залегания. И прямая, и обратная задачи решались при помощи специально разработанного автором настоящей статьи программного обеспечения.



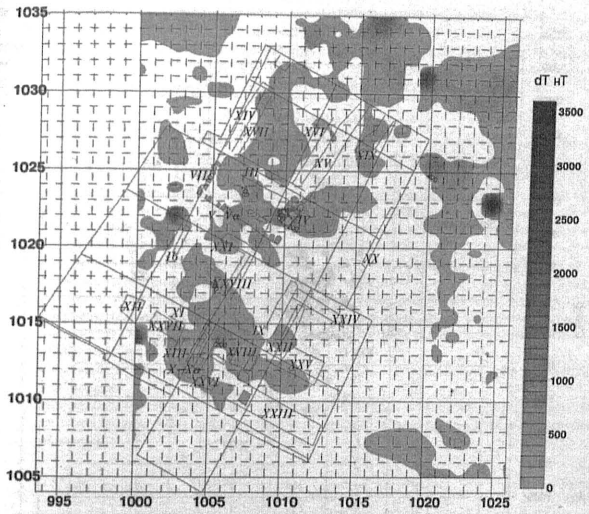
Вершина выс. Безымянная
Топографическая съемка - Дж. Лукас (США)
Интервал горизонталей 10 см, высотные отметки и координатная сеть - условные
М1:500

Рис.2.

Исследования велись внутри территории, ограниченной земляными валами. Причиной такого расположения съемочных планшетов послужили следующие соображения:

- отсутствие каких-либо следов древних сооружений или деталей таковых на дневной поверхности

- ориентация квадратной структуры, образованной валами, углами в направлении север – юг, что является существенным фактором при выполнении исследований магнитного поля (малые девиационные поправки)- высокая вероятность того, что эта структура возведена на стенах или фунда-



Зона раскопа и магниторазведочных исследований. Приводимая шкала показывает различными оттенками зоны наиболее интенсивных магнитных аномалий, еще не разделенных на археологические и неархеологические (исходное поле dT).
План раскопа выполнен Дж. Лукасом (США)
М1:250

Рис.3.

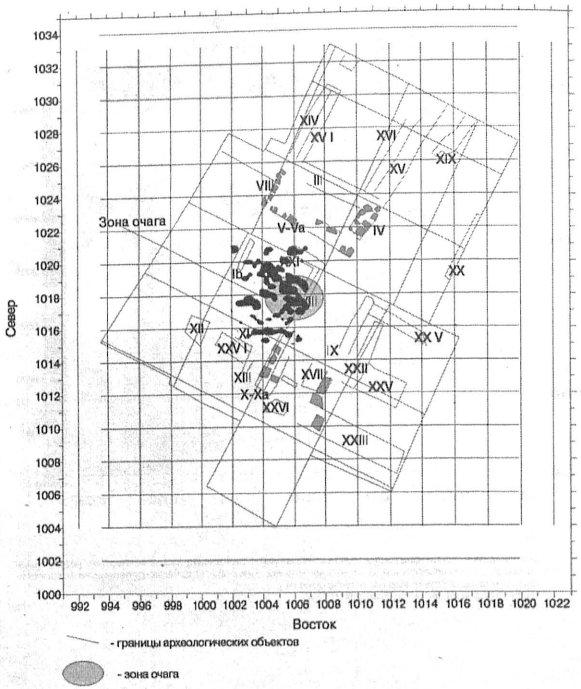
менте древнего сооружения, например, укрепления

Эта структура перекрыла остатки античного поселения, которые были вскрыты в ходе кампании 1997 - 1998 гг., поэтому исследованная магнитометром площадь не полностью перекрывает площадь раскопа.

Решение прямой задачи

При решении прямой задачи использовалась программа Mag для PC-совместимых компьютеров, разработанная автором настоящей статьи, работающая под управлением Windows 95. Входные данные для программы Mag подготавливаются в виде файла формата GRD (вариант ASCII) при помощи программы Surfer® (Copyright© 1993-96, Golden Software, Inc.) и содержат информацию о количестве профилей, пикетов и рассчитанных значений величины ΔT по точкам измерений на интерпретируемой площади, координатную привязку площади измерений и значения поля ΔT по точкам. Программа Surfer преобразует исходные данные, подготовленные в виде матрицы 3xN, где N — количество точек измерений, к вышеупомянутому виду (файл формата GRD), интерполирует значения отображаемой величины между узловыми точками заданной сети и строит контурную карту исходного поля. Встроенными средствами можно также произвести при необходимости сплайн-интерполирование отображаемой величины. Далее полученные данные обрабатываются программой Mag.

Программа Mag по полученным данным строит исходное поле, которое также можно сгладить при помощи полинома (по 5-точечной формуле). Далее рассчитывается контрастность поля, поле градиентов и определяются приблизительные физические границы магнитовозмущающего тела. На иллюстрации (рис. 3) показаны аномаль-



План раскопа (выполнен Дж. Лукасом (США)) с магниторазведочными данными
Координатная сетка условная
М1:200

Рис.4.

ные зоны исходного, т.е. измеренного магнитного поля. Рассчитанные поля контраста и градиента магнитного поля экспортируются в программу Surfer для построения карт изолиний[2].

Решение обратной задачи

Карты изолиний полей контраста и градиента приблизительно показывают границы объекта в проекции на дневную поверхность. Это может быть как одиночный объект, так и группа объектов, находящихся рядом друг с другом. Но как сказано выше, исследуемые тела имеют очень небольшие линейные размеры и потому разделить аномалии от группы близко или вплотную залегающих тел невозможно. Также, поскольку любые магнитные археологические объекты, кроме зольных слоев, имеют неопределенную форму, для упрощения расчетов можно условно принять единый геометрический примитив – вертикальный цилиндр, намагниченный вдоль образующей - для приблизительного определения глубины залегания объекта. На иллюстрации (рис. 4) видны остатки очага и зольные пятна. Последующие раскопки полностью

подтвердили результат магниторазведки.

На заключительном этапе определяется глубина залегания верхней кромки магнитовозмущающего тела (очага), которая составляет приблизительно 80 см. Археологическое подтверждение результатов исследований объектов, обнаруженных при помощи магниторазведки, но не раскопанных в прошедшем сезоне, ожидается в ходе дальнейших раскопок.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пользуясь возможностью, автор выражает благодарность за всемерную поддержку геофизических исследований руководству экспедиции, а также второму инженеру В.В. Панченко и топографу Дж. Лукасу.
2. Обожженная глина, керамика, зольные остатки, кострища и т.п. при воздействии огнем приобретают намагниченность, обусловленную существующим в этот момент магнитным полем, и сохраняют ее в какой-то мере. Поскольку магнитное поле Земли меняется с течением времени (явление миграции магнитных полюсов и изменения магнитного склонения и наклонения), то нетрудно выделить древние объекты, обладающие выраженными магнитными свойствами, отличными от современных.
3. Координатная сеть, по которой производились измерения и в которой выполнены все сопроводительные чертежи, является условной, без привязки к географической системе координат. Основной опорной точкой является пункт с координатами 1000С (север), 1000В (восток).
4. Обычный текстовый файл, содержащий необходимые данные, записанные в определенном порядке.
5. Нет необходимости встраивать в программу Mag модуль построения изолиний, поскольку такой модуль будет дублировать функции программы Surfer (к тому же, не лучшим образом).

А.В. Иванов

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БАЛАКЛАВЫ в 1993 и 1995 гг.

В 1993 и 1995 гг. Севастопольской археологической экспедицией (нач. О.Я.Савеля) проводились исследования участка средневекового некрополя в старой части Балаклавы[1-2]. Памятник был выявлен в январе 1993 г. в районе ул. Кирова-Башенная (рис.1).- Исследуемый участок некрополя занимал часть северного склона пологой безымянной лощины, пересекающей западный склон г.Кефало-Вриси.

Исследуемый некрополь не был отмечен ни на одном из известных планов города, начиная с 1771 г. Его территория была застроена уже во втор. пол. XVIII в. Как показали наблюдения, могильник занимает территорию, отнюдь не ограниченную исследованной площадью. Несколько погребений было разрушено восточнее, на месте снесенного дома по ул. Башенной; к югу захоронения уходят под существующие частные домовладения по ул.9 Мая; к западу погребения перекрыты асфальтовым покрытием ул.Кирова.

Остановка земляных работ зимой 1993 г. не представлялась возможной, и до трети зафиксированных погребений было разрушено. Наше внимание было сосредоточено на зачистке уцелевших захоронений с целью определения планировки некрополя, особенностей погребального обряда и фиксации материала, позволяющего датировать памятник. Наибольшее внимание мы уделили сбору антропологического материала. Всего было выявлено до 45 захоронений. Из них зачищено двадцать четыре, три погребения, уходивших под асфальтовое покрытие ул.Кирова были оставлены невскрытыми, остальные были разрушены. В 1995 г. при расчистке и расширении котлована было зафиксировано двенадцать погребений, из которых зачищено семь, из остальных по возможности собран антропологический материал. Полная зачистка погребений не производилась из-за постоянной угрозы обвала бортов котлована и расположенных над ним хозяйственных построек.

На плане некрополя (рис.2) погребения, исследованные в 1993г., имеют сквозную нумерацию от 1 до 24; захоронения, разрушенные строительными работами, обозначены индексом Р (с Р 1 по Р 19), погребения, исследованные в 1995 г., имеют номера с индексом 95.

Все погребения совершены по обряду ингумации (рис.3). Могилы - грунтовые ямы глубиной до 0,7-0,9м от древней дневной поверхности, перекрытые сверху культурным и гумусным слоем мощностью до 2 м. Захоронения совершались в деревянных гробах, от которых зафиксирован древесный тлен и гвозди (№№ 1,6,8,9,2/95,11/95 и др.). Положение погребенных вытянутое на спине, положение рук варьирует, чаще руки вытянуты вдоль туловища, в трех случаях (№№ 16,21,3/95) - на тазу, в погребении № 11/95 руки сложены на груди. Инвентарь в погребениях отсутствует.Ориентация погребений преимущественно западная, с отклонениями к северу и югу до 20° (кроме разрушенных погребений №№ 11р,12р, имевших восточную ориентировку, с отклонением к югу). Ряды погребений соблюдались весьма произвольно; можно предположить 5-6 рядов захоронений. Северо-восточный угол исследованного участка характеризуется очень большой плотностью могил. Расстояния между погребениями в рядах не соблюдалось. Погребения взрослых перемежаются с детскими захоронениями. Только одно погребение было разрушено более поздней могилой (№ 1 и 2/95),в двух случаях детские погребения перекрывали предшествовавшие погребения взрослых (№№6 и 11'/95).

Продолжавшиеся строительные работы и постоянное изменение границ котлована не дали возможности полностью зафиксировать и вычертить стратиграфию бортов с привязкой всех погребений; были построены две стратиграфические колонки северного и южного бортов котлована (рис.3). Стратиграфия памятника следующая: 0,3 м от современной поверхности – гумусированный слой с мусорной засыпью; 0,6- 0,7 м - светло-коричневый грунт с примесью щебня, содержащий прослойки разновременного мусора и строительные остатки XIX-нач.XX вв.; в нижних, граничащих со следующими горизонтами прослойках преобладают фрагменты позднесредневековой керамики различных типов. Следующий слой, мощностью до

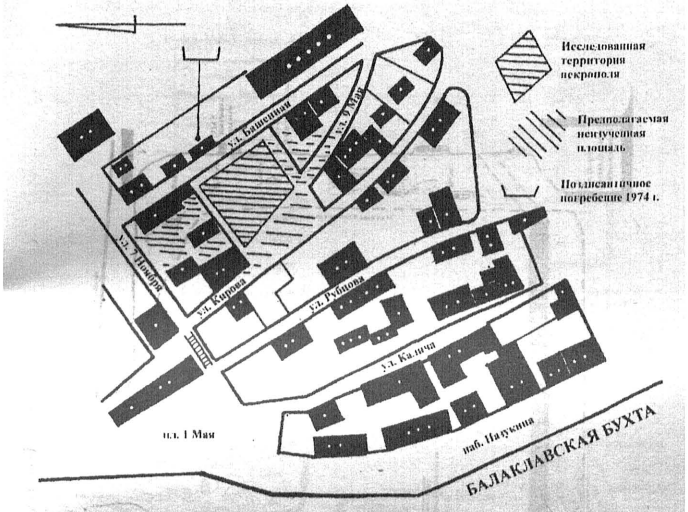


Рис.1.
Местоположение некрополя на плане современной Балаклавы

одного метра, (в который и впущены погребения) состоит из светло-коричневого суглинка, не содержащего никакого материала; этот слой выделяется присутствием значительного количества щебня местных пород. Под ним залегает почти метровый слой еще более светлого суглинка с линзами серой глины, на глубине 2,5-3 м постепенно переходящий в темно-коричневый суглинок со щебнем и линзами глины. Культурные остатки присутствуют до глубины 2-2,5 м. Мощность верхнего гумусированного слоя увеличивается к западу. Уровень остальных слоев падает к западу на 1-1,5 м. В восточной части котлована напластования подстилаются мощным пластом глины, резко опускающимся к западу, и к центру котлована уходящим в глубину.

Непосредственно в погребениях обнаружены крупные кованые гвозди квадратного и круглого сечения. В захоронениях №№ 6 и 10 в области грудной клетки зафиксированы крупные бесформенные куски металла. Керамический материал из засыпей могил и слоя, перекрывающего их , представлен фрагментами позднесредневековой керамики различных типов, которые можно разделить на две хронологические подгруппы: XIII-XV и XVI-XVIII вв. Более ранняя керамика представлена фрагментами плоских черепиц с острым треугольным бортом[3], профильными частями и фрагментами стенок амфор с дуговидными ручками и желобчатым туловом, фрагментом пригорловой части амфоры с манжетовидным венчиком[4-5]. Столовая посуда представлена фрагментами поливных чаш и тарелок с охристо-желтым или светло-зеленым покрытием и врезным орнаментом (рис.4 : 1-погр.№7,2-погр.№17,3 -погр.№11/95, 6,7 -погр.№7/95) датируемых XIII-XIV вв.[6-7] Из поливной керамики выделяется фрагмент тулова небольшого орнаментированного кувшина (рис.4,4); глина темно-коричневая, плотная; орнамент из продольных полос и ромбов, с вписанным в ромб крестом, нанесен на толстый слой белого ангоба в выемчатой технике и покрыт прозрачной желтоватой поливой. В засыпи могилы №4/95 найден фрагмент открытого сосуда, оформленный подобным же образом (рис.4.5). Два аналогичных фрагмента чаш были отмечены в

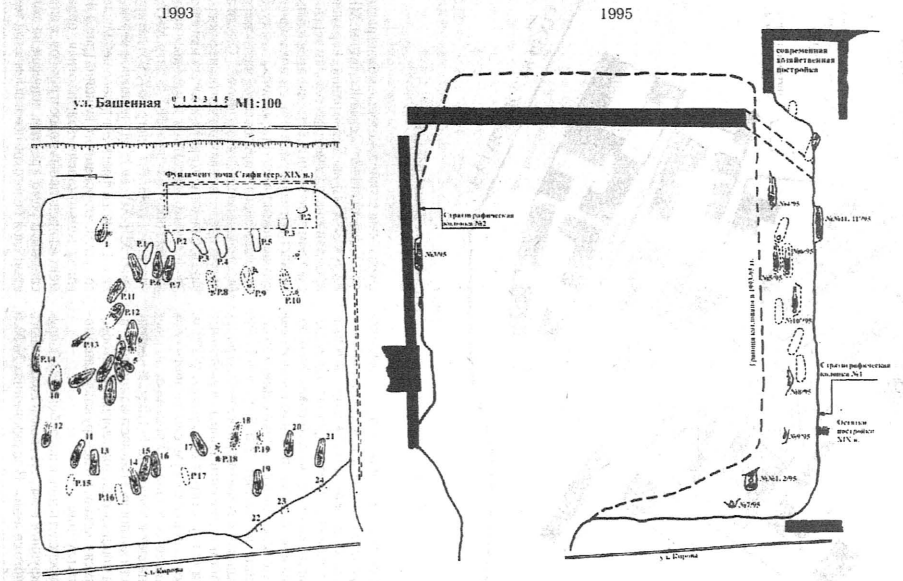


Рис.2.
План исследованной части некрополя.

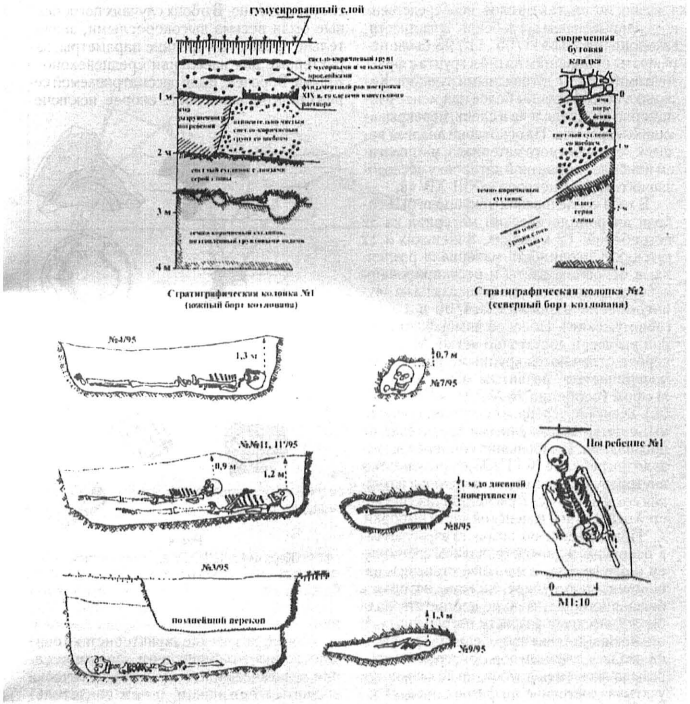


Рис.3.
Стратиграфия памятника и планы погребений.

культурном слое XIII-XVвв. на улице Рубцова и в подъемном материале в крепости Чембало. Несмотря на разнообразие форм сосудов ,по характеру оформления и устойчивому набору элементов орнамента, М.Г. Крамаровский выделяет данную керамику в самостоятельную группу изделий, (возможно, константинопольского производства, нач. XIII в.)[8] В юго-западном Крыму единичные фрагменты изделий данной группы были отмечены А.Л. Якобсоном в слоях XIII в. Херсона. Более поздняя керамика представлена фрагментами тонкостенной красноглиняной кухонной посуды, фрагментами разновеликих кувшинов с шаровидным или яйцевидным туловом и плоскими в сечении ручками, фрагментами светло- и красноглиняной керамики с глухим поливным покрытием преимущественно ярко-зеленого и коричневого тонов, часто не полным, сочетающимся с орнаментами, нанесенными белым ангобом, светло-глиняной посуды с прозрачным или зеленоватым поливным покрытием. К относительно поздней керамике относятся также фрагменты курительных трубок, известные в крымских памятниках с посл. четв. XVII в.[9]

Со временем функционирования могильника мы склонны связывать керамику более ранних типов, встречавшуюся как

в засыпи могил, так и в слое, непосредственно перекрывавшем погребения. В частности, захоронения №№11/95 ,11'/95 были перекрыты небольшим пятном грунта с фрагментами амфор с дуговидными ручками. Керамика второй группы более или менее равномерно распределена в слоях, перекрывающих некрополь. На основании анализа находок керамического материала, мы полагаем наиболее вероятной датировку исследованного участка некрополя XIII-XIV вв.

В ходе исследования некрополя был собран антропологический материал из 32 погребений: 12 мужских, 8 женских и 12 детских. Сохранность материала различна, в основном взяты и реставрированы черепа, длинные кости были взяты из двух погребений взрослых: №4/95 и 10'/95 (оба мужские). Половой диморфизм в серии выражен достаточно четко. Мужские черепа отличаются крупными размерами, массивностью, развитым мышечным рельефом (особенно №№9,10,4/95 и 10'/95). Женские черепа, в основном, грацильны, с четко выраженными характерными признаками. Наибольшие сомнения вызывало погребение №11'/95,по результатам внутригруппового сопоставления и изучения сохранившихся фрагментов тазовых костей отнесенное к женской части выборки.

При определении возраста взрослых мы в основном руководствовались состоянием швов черепа, в меньшей степени - изношенностью зубной системы,которая в большинстве случаев, не соответствовала биологическому возрасту погребенных. В отношении детских погребений мы руководствовались, главным образом, сроками прорезывания и смены зубов, по возможности учитывая состояние эпифизов длинных костей. Возрастной состав серии выглядит следующим образом (см.табл.№1):

	Adultus	Maturus	SeniLIS
Мужчины	6	5	1
Женщины	3	-	5
Дети	inf I-4	inf II-7	juvenis- 1

В двух случаях представилась возможность измерить рост погребенных. Оба костяка принадлежали мужчинам в возрасте maturus, и отличались значительными размерами и массивностью. Рост погребенных, вычисленный по формулам К. Пирсона и В. Бунака[10], составил : №4/95-172.4 (Пирсон) и 176.2 (Бунак); №10'/95 – 176.7 и 178 см соответственно. В обоих случаях погребенные были весьма высокорослыми, значительно превосходя средние параметры, характерные для населения средневекового Крыма. Впрочем, и для рассматриваемой серии столь большой рост - скорее, исключение.

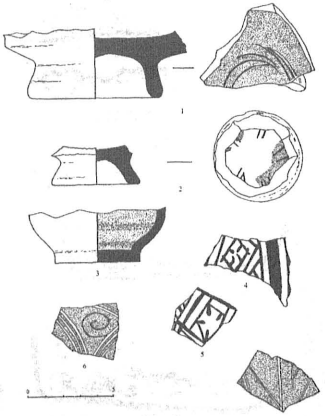


Рис.4.
Керамика XIII-XIV вв. из раскопок некрополя

Морфологические характеристики свидетельствуют о смешанном характере серии практически по всем морфологически значимым признакам, о чем свидетельствует К вариации (V%) и соотношения min – max (табл.4).

По величине продольно –поперечного указателя в серии выделены долихо-(м№10,ж№№6,18), мезо-(м.9,13,3/95,4/95) и брахикранный (м.1,15,25.ж.7,12,17,5/95,11/95) компоненты, причем как брахикрания, так и долихокрания выражены весьма резко; мезокраны по величине указателя тяготеют к брахикранной группе. Черепа №№7/95,10'/95 из расчетов средних и указателей черепной коробки исключены: исключительно сильная брахикрания, превосходящая крайние величины признака, и визуально уплощенный затылок свидетельствуют о достаточно выраженной затылочной деформации. По высоте черепной коробки серия также смешанная, большая часть вы-

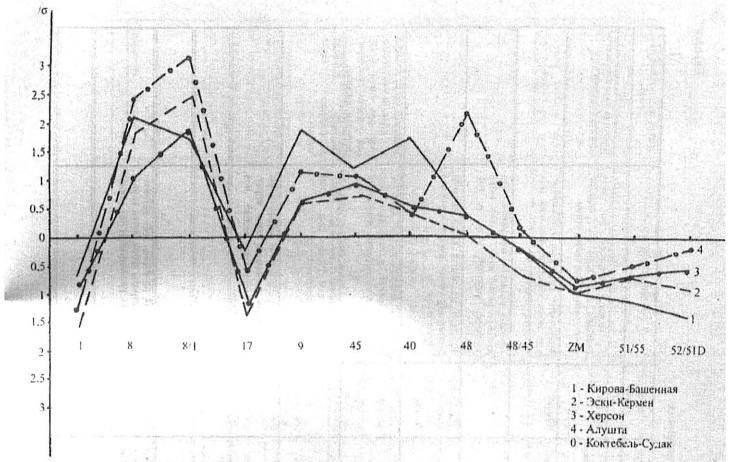


Рис.5.
Сопоставление краниологической серии из некрополя Кирова-Башенная с материалами из средневековых некрополей Крыма

борки характеризуется большими величинами высотно-продольного и высотно-поперечного указателей, однако отметим женский череп №6, отличающийся очень малой величиной высотно-продольного и средней (ближе к малой) - высотно-поперечного, и мужские погребения №13 и №4/95, имеющие средние величины данных указателей. Профиль лба в мужской части выборки – покатый (№№ 1,10,13) или близкий к прямому (№№ 15,7/95,9.95). Единственное измерение в женской выборке (№7) характеризует умеренно-покатый лоб. Ширина затылка у всей серии значительна, вплоть до очень больших величин параметра (ж.№7).

Лицо на уровне НМ точек у мужской части серии профилировано хорошо (№№1,10,15,3/95) или умеренно (4/95;7/95,10/9), у №6/95 усматривается уплощенность лица на уровне НМ точек. В женской выборке у №6 лицо сильно уплощено, в двух других случаях профилировка умеренная (10/95,11/95). Величина ZM угла свидетельствует о (в основном) хорошей профилировке лица на среднем уровне для мужской выборки, не исключая и №6, однако значительные величины данного параметра у №1 и №4/95 свидетельствуют о несколько ослабленной профилировке. В женской части серии единственное измерение ZM угла указывает на некоторую уплощенность лицевого отдела на уровне ZM точек. Вся серия характеризуется незначительной глубиной FC: максимальные значения как у мужчин, так и у женщин не превышают 4 мм.

По высотным и широтным параметрам лицевого отдела серия отличается изрядной смешанностью. Большая часть мужской выборки характеризуется средневысоким лицом, №№1 и 10/95 имеют весьма малую высоту лица; напротив, №10 имеет очень высокое лицо. В женской серии встречаются малые №7 и средние №10/95 величины признака. Скуловой ДМ в мужской серии - преимущественно большой и очень большой (кроме №15 и 4/95, у которых величина признака соответственно малая и средняя). В женской выборке признак измерен в двух случаях: погр.№8 – скул. ДМ малый, у №17 - на грани средних и больших величин. Верхняя ширина лица у мужчин - большая и очень большая, (за исключением №4/95,имеющего среднюю, на грани малых

Таблица I

Индивидуальные характеристики материала

№	П	Возр.	Общ. хар-ка	Швы черепа	Стерт. Моляров	Утраты зубов	Патол. зубов	Нижн. Челюсть	Проч. патол. и морф. особ.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	М	Senilus ок.65	Череп крупных размеров, развит мышечный рельеф, лоб покатый	Облитерация практически полная, за исключением чешуйчатых и отд. уч. затылочного шва.	В пред. Зб.	М1 лев. нижн. Лунки зарощены	Кариес	Н. челюсть широкая, выс. тела невелика, ветви короткие средешироокие, распол. под тупым углом	На затыл. шве вросшие вставные косточки
6	Ж	Adult. 20-25	Череп небольшой, грацильный нижняя часть лицевого отдела разрушена	Швы черепа открыты, сфеноокципитальный шов разрушен.	До 4б.	М3лев. верх. отсутствует, миог. утраты	Кариес	Небольших размеров, среднеширокая, ветви короткие, широкие, распол. под тупым углом.	
7	Ж	Senilus св.65л.	Череп небольшой, грацильный, лоб близок к вертикали, выражены лобные и темен бугры	Облитерация практически полная, включая участки чешуйчатых швов.	Ок.3-4б.			Средних размеров массивная, тело высокое, развит мыш. рельеф. ветви широкие, короткие расп. п. туп. углом	
8	М	Adult Ок.30	Фрагменты крупного черепа, кости свода толщ. до 10мм	Сохранившиеся участки швов открыты, за исключением отдельных уч. внутр. поверхности сагиттального шва	Ок 3-4 б.		Пм.2,л.ниж .кариес отл. зубн. камня	Крупная массивная ветви средней длины и ширины расположены под тупым углом	
9	М	Adult. Ок.30	Череп крупный массивный, лоб близок к вертикали сильны посмертные деформации	Швы черепа, в основном, открыты, нач. ст. облитерации центр. части сагиттального шва, сфеноокципитальный шов зарощен	Ок. Зб.		Отл. зубн. камня.	Широкая массивная, тело высокое, ветви широкие, расположены под тупым углом, выражен мышечный рельеф.	В нижней части затылка в области ламбдовидного шва, слева черепная коробка проломлена тупым орудием.
10	М	Matur.-Senil. Бл. к 55	Череп крупный массивный, лоб покатый, развит мышечный рельеф	Облитерация завершена по внутр. поверхности на внешней заращены ламбдовидный и сагиттальный, венечный открыт	В пред.Зб.			Среднешироkая с высоким телом, ветви длинные, распол. под углом близким к прямому.	Нарушен порядок облитерации швов черепа.
12	Ж	Adult. 25-30	Череп небольшой грацильный, лицевой отдел и основание разрушены.	Швы черепа открыты	До3-4 б.			Средних размеров с выраженным мышечным рельефом, ветви короткие средне-широкие, распол. под тупым углом.	
13	М	Adult. ок 25	Череп средних размеров, массивен, лоб покатый	Швы черепа открыты как на внутр., так и на внешн. поверхности	До 3-4 б.				
15	М	Adult. До 25.	Череп отличается массивностью	Швы черепа открыты, как на внутр. так и на внешней поверхн.	2-3 б. М 3-1б.				
17	Ж	Senil. Ок.55-60.	Череп грацильный лицевой отдел визуально уплощен.	На внутрен. пов. облитерация почти полная На внешней откр, отд. участки.		Полная утрата зубов верхней и нижней челюсти	Атрофия альвеол. края после потери зубов	Небольших размеров, тело истончено после утраты зубов, ветви короткие и узкие, расположены под тупым углом.	
18	Ж	Senil.. Св.60	Череп небольшой грацильный, лоб покатый.	Полная облитерация швов черепа за искл. височных					

Таблица 1 (Окончание)

Индивидуальные характеристики материалов

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
25	М	Matur Ок40.	Сохранилась черепная крышка и височные кости. Череп крупный массивный, лоб близок к вертикали, выражены лобные бугры	Швы облитерировали по внутренней поверхности. по внешней значительна облитерация сагиттал. шва.					Сохранился метопический шов
3/95	М	Matur. 50-55	Череп крупный, массивный, с развитым мышечным рельефом	На внешней поверхности практически полностью облитерировали сагиттальный и венечный швы	До 3-4 б.	ПМ1-2,М1,2,3пр.нижн. ПМ2,М1,2,3,пр.верхн.М1,2 лев. Верхн.	Кариес, признаки, парадонтоза, свищевые ходы.	Крупная, ветви широкие, расположены под углом близким к прямому, подбородочный выступ развит хорошо.	На ламбдовидном шве две вставные косточки, на внутренней поверхности в теменной области две лакуны дм.15мм.
4/95	М	Matur. 45-50	Череп массивный. оч. крупных размеров, развит мышечный рельеф в обл. прикрепления шейных мышц	На внешней поверхности облитерировала средняя часть сагиттального шва, височные области венечного.	В пред 3 б.М3 л.в.-16.М2-пр. верхн.-4б.	М1-2,лев.верхн. М1, Пм.2-прав. верхн.	Значительные отложения зубного камня.	Крупная, массивная относительно узкая, высота тела очень большая, ветви широкие, расположены под тупым углом развит мышечный рельеф	Множественные лакуны в области теменных и лобных костей.
5/95	Ж	Senil. 60-65	Череп грацильный небольших размеров лоб близок к вертикали, реставрирован со значительными утратами.	На внешней поверхности открыты отд. участки ламбдовидного и венечного швов, сагиттальный шов полностью зарощен.	До 5 б.		Кариес и, возможно, парадонтоз.		
7/95	М	Adult. 20-22	Взят массивный фрагментированный череп с развитым мышечным рельефом.	Сфеноокципитальный шов зарощен, остальные швы черепа открыты.	2 б.	М3 -отсутствуют		Средних размеров, относительно узкая, тело очень высокое, ветви расположены под углом близким к прямому.	
10/95	Ж	Adult. 25-30	Взят грацильный фрагментированный череп	Швы черепа в основном, открыты облитерация венечного и сагиттального швов по внутренней поверхности в начальной стадии.	До 3 б.		Отложения зубного камня		
10'/95	М	Matur. 35-40	Череп массивный крупных размеров со средне-развитым рельефом	Облитерация швов черепа не завершена средние участки венечного и ламбдовидного швов открыты.	До 3 б.				На ламбдовидном шве две вставные костчки, справа от L, поверхность черепной коробки в обл. L вдавлена во внутрь.
11/95	Ж	Senilus 60-65	Череп относительно небольших размеров, грацильный, разрушена лицевая часть.	Швы черепа, за исключением чешуйчатых полностью облитерировали	В пределах 4 б.			Относительно небольших размеров, ветви короткие широкие, расположены под углом близким к прямому	Лакуны по внутренней поверхности черепной коробки.

Таблица 2

Индивидуальные измерения (мужчины)

Параметр/№ погребения	№1	№9	№10	№13	№15	№25	№3/95	№4/95	№6/95	№7/95	№10/95
1	172,00	187,00	190,00	186,00	175,00	186,00	185,00	187,00	179,00	163,00	174,00
1B	170,00		185,00	182,00	174,00	184,00	183,00	185,00	177,00	163,00	178,00
8	147,00	147,00	140,00	145,00	154,00	157,00	146,00	145,00		169,00	157,00
17	142,00	146,00	146,00	133,00	144,00		139,00	135,00		136,00	141,00
5	107,00	94,00	112,00	106,00	96,00		113,00	105,00		105,00	95,00
9	98,50	101,00	103,50	95,00	106,00	110,00	105,00	103,00	102,00	110,00	103,00
10	121,00	124,00	117,00	127,00	134,00	146,00	122,00	125,00	121,00	141,00	133,00
11	136,00	123,00	117,00	136,00	122,00	131,00	132,00	124,00		144,00	138,00
12	113,00	118,00	112,00	111,00	104,00	115,00	117,50	116,00		120,00	108,00
29	111,00	119,00	114,50	117,00	109,00	117,00	114,00	113,00	113,00	111,00	120,00
30	111,00	132,50	114,00	110,00	123,00	115,00	110,00	118,00	117,00	106,00	105,00
31	91,00	93,00	97,00	93,00	92,00		87,00			92,00	96,00
24	315,00		313,00	344,00			320,00	314,00		350,00	
25	300,00						360,00			355,00	367,00
26	113,00	132,00	115,00	150,00	115,00	140,00	128,00	130,00	130,00	125,00	137,00
27	97,00	143,00	118,00	145,00	137,00	130,00	120,00	130,00		130,00	120,00
28	90,00	107,00	108,00	132,00	96,00		112,00			100,00	110,00
7	40,00	41,00	41,00	34,00	36,00		34,00			38,00	
16	31,00	30,00	30,50	27,00	29,00		29,00				
Высота изгиба дба	21,00	32,00	23,00	23,00	18,50	34,00	26,00	27,00	22,00	18,00	28,00
Высота изгиба затылка	18,00	26,00	24,00	20,00	24,00		29,00	27,00		20,00	21,00
45	139,00				128,00		143,00	132,00		147,00	145,00
40	101,00		109,00		96,00		105,00	103,00		104,00	93,00
48	65,00		85,00		70,00		74,00	72,00	72,00	71,00	61,50
47	116,50		137,00				125,00	126,00		120,00	111,50
43	117,00	108,00	110,00	110,50	109,00	112,00	111,00	103,00	111,50	116,00	108,50
46	94,00		104,00		92,00		102,00	97,00	99,00	108,00	90,00
60	52,00	61,00	58,00				57,00	60,00	45,00	55,00	55,00
61	57,00	67,00	65,00				63,00	66,00	63,00	64,00	63,00
62	42,00	48,00	49,00				45,00	50,00	47,00		44,00
63	33,00	35,00	40,00				37,00	33,00	36,00	40,00	
55			62,00				52,00	50,00	56,00	55,00	48,00
54	24,00	24,00	25,00		24,50		23,00	27,00		27,50	25,50
51D	48,00	44,00	48,50	41,00	47,50		41,00	40,00	43,00	42,00	40,00
51MF	44,00	41,00	44,00	39,00	43,00		44,00	42,00	45,00	44,00	41,50
52	33,00	33,00	42,00	41,00	34,00			33,50	30,00		34,00
20	119,00	131,00	120,00	116,00	117,00		119,00	118,00		130,00	113,00
Бимал. шир. ТМО-ТМО	105,00		108,00	111,00	107,50	112,00	100,00	98,00	105,00	106,00	97,50
Высота над. ТМО-ТМО	22,00		24,00		22,50		23,00	16,00	14,50	19,00	14,00
Ширина ZM-ZM	93,00		101,00				102,00	96,00	99,00	108,00	89,00
SUBS ZM-ZM	18,00		31,00		31,00		25,00	20,00	25,00	31,00	22,00
57 SC	11,00		8,00		9,00		10,00	7,00	7,00	11,00	10,00
SS			4,00		3,00		0,50	3,00	3,00	5,50	4,50
50 MC	18,50	24,00	17,00		19,00		17,50	20,00	21,00	22,00	18,50

Таблица 2 (продолжение)

Индивидуальные измерения (мужчины)

Параметр/№ погребения	№1	№9	№10	№13	№15	№25	№3/95	№4/95	№6/95	№7/95	№10/95
MS			9,50		7,00		9,00	7,00	5,50	9,00	6,50
49A DC	12,50	16,00	11,50		12,50		21,00	21,00	22,00	23,00	20,00
DS			6,00		6,00		10,00	9,50	8,00	12,00	11,00
FC	4,00	3,00	4,00	3,50	2,00		2,50	4,00	1,50	1,00	4,00
Углы											
от N угол профиля лба	77,0		73	70	85					90	91
от GL угол профиля лба	70,0		75	62	89		104	104		97	100
72	91,0		86		92		89	98			95
73	87,0		85		94		86	97		95	94
74	86,0		88		94		101	101			111
75										123	
75.1											
Нижняя челюсть											
68.1	118,0	119				112	110	120	115		113
79	126,0	126	115			119	115	128	121	120	124
68	86,0	83	98			84	84	83	60	82	79
70	55,0	59	68			60	62	60	86	52	60
71A	32,0	31	34			33	35	38	34	33	32
65	125,0	129				125	132	119	123		134
66	104,0	104	18			107	111	112	108	111	115
67	45,0	48	46			48	50	47	49	48	47
69	29,0		38				32	39	37	31	31
69.1	27,0	29	32			31		34	32	30	31
69.3	12,0	14	16			13	12	13	20	12	12,5
Надпере-носье	4-5	1	3	1	3	4					
Надбровные дуги	2	1-2	2	1	2	2					
Наруж. затылоч. бугор		5	4-5	1	2						
Сосцевидный отросток	2	2	2-3		2	2					
Нижн. край грушев. отв.	F.PRAEN	F.PRAEN	F.PRAEN								
Передне-носовая ость	2	5	3		2-3						

величину данного признака). У женщин присутствуют как очень большие (№№ 17,10/95,11/95), так и средние (№ 6,12,8) величины параметра. По средней ширине лица серия вновь отличается смешанностью: мужчины- №№1,15,10'/95 и женщины №№6,18 - характеризуются малыми, ближе к средним величинами признака, м.№4/95 и ж.№17 – средними, большой и очень большой средней шириной лица отличаются №№10 ,3/95, 7/95-муж. и № 10/95-жен.

Угловая ширина нижних челюстей у всей мужской части серии большая и очень большая, близкая к макс. значениям признака, у женщин угловая ширина, также очень значительна, кроме №6-средн. вел. Верхнелицевой указатель мы имели возможность вычислить лишь для части мужской выборки (n7): №№ 1,7/95,10'/95 имеют малые величины указателя, что свидетельствует о низком, широком лице; №№ 15,3/95,4/95 характеризуются средними величинами указателя, т.е. более высокими и узкими лицами, №10 представляет ярко выраженный высоколицый тип. Абсолютные размеры лица у рассматриваемой серии весьма значительны, что в сочетании с развитым лицевым рельефом и крупной нижней челюстью производит впечатление исключительной массивности лицевого отдела, вовсе не характерной для населения Юго-западного Крыма рассматриваемого времени.

Величины симотического и дакриального указателей свидетельствуют о вариабельности высоты переносья, встречающейся в серии: муж.№4/95,7/95,10'/95- характеризуются средними величинами отношения SS/SC; у мужчин №№10,3/95,6/95 и женщин 11/

Таблица 2 (продолжение)

Индивидуальные измерения (женщины)

Параметр/№ погребения	№6	№7	№12	№17	№18	№5/95	№10/95	№11/95
1	185	178	170	172	185	176	153	184
1B	183	175	168	170	181	175	149	179
8	133	147	144	152	140	143	162	155
17	127	125		140	140			131
5	109	104		108	106			102
9	93	96	96	102	97		104	95
10	115	121	122	131	124	120	134	125
11	115	123		124	123			131
12	110	117	110	110	112	109		108
29	108	111	114		113	108	107	110
30	103	100	109	100	117	109	92	110
31	91	114	91	104	97	92		94
24	295	370		350	34	295		305
25	335	322	417		411	355		358
26	115	115	142		146	125	125	120
27	110	100	145	115	145	120	105	128
28	110	107	130	125	120	110		110
7	34	17		34,5	36,5			37
16	27			30	30		32	
Высота изгиба зба	12	25	21,5		24	29	29	20
Высота изгиба затылка	17	32	24		20	25		28
45				128	118			
40		89						
48		63					67	
47		108						
43	99		102	109	102		112	110
46	83			92	81		98	
60							54	
61							60	
62							47	
63								
55		43						
54								
51D	44	41,5			48	35	40	41
51MP		40			42	37	43	43
52	41,5	33	30		37		40	
20	109	113		119	119	114		112
Бимал. шир. TMO-TMO	97		102	109			101	101
Высота над. TMO-TMO	13				20		11	15
Ширина ZM-ZM	83			92	81		95	
SUBS ZM-ZM							17	
57 SC	9	9			9	10		6
SS	3,5	2,5			6	3,5		3
50 MC	18							16,5
MS	6							7
49A DC	11	12			7			21,5
DS	3	4			5			10
FC		4,5				2	4	
от N		81						

Таблица 2 (окончание)

Индивидуальные измерения (женщины)

Параметр/№ погребения	№6	№7	№12	№17	№18	№5/95	№10/95	№11/95
от GL		76						
72		96						
73		94						
74		90						
75		70						
75.1		26						
Нижняя челюсть								
68.1		101		102				109
79	131	120	134	125				126
68	72	79	77	74				83
70	43	55	48	50				61
71A	30	36	32	27				37
65		160		90				119
66	94	99	103	120				104
67	42	51	43	45				46
69		33	34					32
69.1	17	29	28	14				28
69.3	14	16	16	15				31
Надпереносье	2	1	2					3
Надбровные дуги	1	1	1-2	2	1			1-2
Наруж. затылоч. бугор	1		2	2	1			3
Сосцевидный отросток	1	1-2	1	2				2
Нижн. край арушев. отв.		F:PRAEN	ANT	ANT	1			
Передне-носовая ость		1-2	1					

Таблица 3

Индивидуальные измерения указателей и углов горизонтальной профилировки лица (мужчины)

Указатель	Мужчины										
	№1	№9	№10	№13	№15	№25	№3/95	№4/95	№6/95	№7/95	№10/95
8:1	85,5	78,6	73,7	78,0	88,0	84,4	78,9	77,5			
17:1	82,6	78,1	76,8	71,5	82,3		75,1	72,2			
17:8	96,6	99,3	104,2	91,7	93,5		95,2	93,1		80,5	89,8
9:8	67,0	68,7	73,6	65,5	68,8	70,1	71,9	71,0		65,1	65,6
9:10	81,4	81,5	88,5	74,8	79,1	75,3	86,1	82,4	84,3	78,0	77,4
9:45	70,9		80,9		82,8		73,4	78,0		74,8	71,0
45:8	94,6				83,1		97,9	91,0		86,9	92,3
48:45	46,8				54,6		51,8	54,6		48,3	42,4
48:17	45,8		58,2		48,6		53,2	53,3		52,2	43,6
52:51(d)	68,8	75,0	86,6	100,0	71,6			79,8	69,8		81,9
54:55			40,3				44,2	54,0		50,0	63,8
DS:DC			52,2		48,0		47,6	45,2	40,0	52,1	55,0
SS:SC			50,0		33,3		50,0	42,9	50,0	45,0	45,0
MS:MC			55,9		36,9		50,9	35,0	26,2	40,9	35,1
NM	134,0		132,0		135,0		131,0	144,0	148,0	140,0	146,0
ZM	140,0		118,0				129,0	135,0	126,0	120,0	126,0

Таблица 3 (окончание)

Индивидуальные измерения указателей и углов горизонтальной профилировки лица (женщины)

Указатель	Женщины							
	№6	№7	№12	№17	№18	№5/95	№10/95	№11/95
8:1	71,9	82,6		88,4	75,7	81,3		84,2
17:1	68,6	70,2		81,4	81,4			71,2
17:8	95,5	85,0		92,1	100,0			84,5
9:8	69,6	65,3	66,7	67,1	69,2		64,1	61,2
9:10	80,8	79,3	78,7	77,9	78,2		77,6	76,0
9:45				79,7	82,2			
45:8				84,2	84,3			
48:45		70,8						
48:17		50,4						
52:51(d)	94,4	79,5			77,1		100,0	
54:55								
DS:DC	27,3	33,3			71,4			46,5
SS:SC	38,9	27,7			66,7	35,0		50,0
MS:MC	33,3							23,6
NM	150,0						140,0	146,0
ZM							141,0	

95,18 переносье уже, а значение дакриального указателя выше. У муж. №6/95 высокое значение симотического указателя сочетается с малой величиной соотношения DS/DC, в остальных случаях параметры указателей соответствуют друг другу.

По носовому указателю 54/55 мужская часть серии представлена выборками с относительно узким - №10,3/95 или широкими – №№4/95,10'/95 и №15 носами, №7/95 занимает промежуточное положение. В женской части серии данный параметр не вычислялся. Угол выступания носовых костей удалось измерить на единственном женском черепе №7, признак находится в пределах средних величин. Форма нижнего края грушевидного отверстия f.praen. в пяти случаях из семи наблюдений.

В мужской серии величина орбитного указателя, в основном, в пределах малых и средних величин, что соответствует низким и средневысоким орбитам, высокие орбиты для мужчин, отмечены в одном случае погр.№10. В женской выборке высокие орбиты зафиксированы в погребениях №№10/95,11/95; у №18-средневысокие и у №7 очень низкие.

Углы вертикальной профилировки характеризуют всю серию как ортогнатную, на альвеолярном уровне прогнатизм также не выражен.

Как уже отмечалось, есть достаточно оснований считать балаклавскую серию смешанной, это подтверждают расчеты коэффициентов корреляции между парами таксономически значимых признаков (таб. №5). Для сравнения использовались аналогичные параметры опубликованных антропологических серий - по мнению авторов, относительно однородных[11]. В нашем случае, как правило, наблюдаются меньшие величины корреляции или противоположный знак коэффициента даже для признаков, состоящих в тесной физиологической зависимости, что характерно для смешанных серий. Значительная связь отмечена между верхней высотой лица и продольным dm черепной коробки и некоторыми признаками, характеризующими горизонтальную профилировку лицевого отдела (48 и MS, 48 и 77).

Полученные данные свидетельствуют о своеобразном антропологическом составе населения поздне-средневековой Балаклавы: в пределах одного некрополя отмечается несколько морфологических типов. Большая часть выборки характеризуется мезобрахикранией, высокой и средневысокой черепной коробкой, со значительными широтными параметрами, низким или средневысоким лицом, смешанными широтными характеристиками лицевого отдела, с преобладанием в серии широколицего компонента. Вполне определенно можно говорить об ослаблении горизонтальной профилировки у значительной части серии, что выражается в малых величинах FC и умеренных величинах HM и ZM углов, сочетающемся с низким значением орбитного указателя и относительно узким выступающим носом. Полагаем, что подобный комплекс признаков не исключает присутствия в серии монголоидного компонента. Совершен-

Таблица 4

Средние величины признаков и указателей серии (мужчины)

Признаки и указатели	N	Min	Max	X ср.	S от X ср.	S	S от S	V, %
№1	8	153,00	185,00	175,38	3,55	10,05	2,51	5,73
№1B	8	149,00	183,00	172,50	3,57	10,10	2,52	5,85
№8	8	133,00	162,00	147,00	3,02	8,54	2,14	5,81
№17	5	125,00	140,00	132,60	2,84	6,34	2,01	4,78
№5	5	102,00	109,00	105,80	1,15	2,56	0,81	2,42
№9	7	93,00	104,00	97,57	1,38	3,66	0,98	3,75
№10	8	115,00	134,00	124,00	2,02	5,70	1,43	4,60
№11	5	115,00	131,00	123,20	2,27	5,08	1,60	4,12
№12	7	108,00	117,00	110,86	1,04	2,75	0,73	2,48
№29	7	107,00	114,00	110,14	0,94	2,47	0,66	2,25
№30	8	92,00	117,00	105,00	2,57	7,28	1,82	6,93
№31	7	91,00	114,00	97,57	3,00	7,94	2,12	8,14
№24	6	34,00	370,00	274,83	45,47	111,38	32,15	40,53
№25	6	322,00	417,00	366,33	14,63	35,84	10,35	9,78
№26	7	115,00	146,00	126,86	4,36	11,53	3,08	9,09
№27	8	100,00	145,00	121,00	5,67	16,03	4,01	13,25
№28	7	107,00	130,00	116,00	3,14	8,30	2,22	7,15
№7	5	17,00	37,00	31,80	3,35	7,49	2,37	23,55
№16	4	27,00	32,00	29,75	0,89	1,79	0,63	6,00
Высота изгиба лба	7	12,00	29,00	22,93	2,07	5,47	1,46	23,84
Высота изгиба затылка	6	17,00	32,00	24,33	2,01	4,92	1,42	20,23
№45	2	118,00	128,00	123,00	3,54	5,00	2,50	4,07
№40	1	89,00	89,00	89,00				
№48	2	63,00	67,00	65,00				
№47	1	108,00	108,00	108,00				
№43	6	99,00	112,00	105,67	1,98	4,85	1,40	4,59
№46	4	81,00	98,00	88,50	3,44	6,87	2,43	7,77
№60	1	54,00	54,00	54,00				
№61	1	60,00	60,00	60,00				
№62	1	47,00	47,00	47,00				
№63	0	0,00	0,00	0,00				
№55	1	43,00	43,00	43,00				
№54	0	0,00	0,00	0,00				
№51D	6	35,00	48,00	41,58	1,61	3,94	1,14	9,48
№51MF	5	37,00	43,00	41,00	1,02	2,28	0,72	5,56
№52	5	30,00	41,50	36,30	1,92	4,28	1,35	11,80
№20	6	109,00	119,00	114,33	1,48	3,64	1,05	3,18
Бимал. шир. TMO-TMO	5	97,00	109,00	102,00	1,74	3,90	1,23	3,82
Высота над. TMO-TMO	5	11,00	20,00	14,75	1,50	3,34	1,06	22,68
Ширина ZM-ZM	4	81,00	95,00	87,75	2,94	5,89	2,08	6,71
SUBS ZM-ZM	1	17,00	17,00	17,00				
57 SC	5	6,00	10,00	8,60	0,61	1,36	0,43	15,77
SS	5	2,50	6,00	3,70	0,54	1,21	0,38	32,66
50 MC	2	16,50	18,00	17,25				

Таблица 4 (продолжение)

Средние величины признаков и указателей серии (мужчины)

MS	2	6,00	7,00	6,50				
49A DC	4	7,00	21,50	12,88	2,66	5,32	1,88	41,32
DS	4	3,00	10,00	5,50	1,35	2,69	0,95	48,96
FC	3	2,00	4,50	3,50	0,62	1,08	0,44	30,86
Углы								
от N угол профиля лба	1	81,00	81,00	81,00				
от GL угол профиля лба	1	76,00	76,00	76,00				
№72	1	96,00	96,00	96,00				
№73	1	94,00	94,00	94,00				
№74	1	90,00	90,00	90,00				
№75	1	70,00	70,00	70,00				
№75.1	1	26,00	26,00	26,00				
Нижняя челюсть								
№68.1	3	101,00	109,00	104,00	2,05	3,56	1,45	3,42
№79	5	120,00	134,00	127,20	2,18	4,87	1,54	3,83
№68	5	72,00	83,00	77,00	1,72	3,85	1,22	5,00
№70	5	43,00	61,00	51,40	2,75	6,15	1,95	11,97
№71A	5	27,00	37,00	32,40	1,66	3,72	1,18	11,48
№65	3	90,00	160,00	123,00	16,58	28,72	11,72	23,35
№66	5	94,00	120,00	104,00	3,91	8,74	2,76	8,40
№67	5	42,00	51,00	45,40	1,40	3,14	0,99	6,91
№69	3	32,00	34,00	33,00	0,47	0,82	0,33	2,47
№69.1	5	14,00	29,00	23,20	2,85	6,37	2,01	27,45
№69.3	5	14,00	31,00	18,40	2,84	6,34	2,01	34,48
Указатели								
8:1	6	71,90	88,40	80,68	2,22	5,45	1,57	6,75
17:1	5	68,60	81,40	74,56	2,53	5,65	1,79	7,57
17:8	5	84,50	100,00	91,42	2,68	6,00	1,90	6,56
9:8	7	61,20	69,60	66,17	1,03	2,72	0,73	4,11
9:10	7	76,00	80,80	78,36	0,52	1,38	0,37	1,76
9:45	2	79,70	82,20	80,95				
45:8	2	84,20	84,30	84,25				
48:45	1	70,80	70,80	70,80				
48:17	1	50,40	50,40	50,40				
52:51(d)	4	77,10	100,00	87,75	4,84	9,69	3,43	11,04
54:55								
DS:DC	4	27,30	71,40	44,63	8,47	16,95	5,99	37,98
SS:SC	5	27,70	66,70	43,66	6,08	13,59	4,30	31,13
MS:MC	2	23,60	33,30	28,45				
NM	3	140,00	150,00	145,33	2,37	4,11	1,68	2,83
ZM	1	141,00	141,00	141,00				

Таблица 4 (продолжение)

Средние величины признаков и указателей серии (женщины)

Признаки и указатели	N	Min	Max	X ср.	S от X ср.	S	S от S	V, %
№1	11	163,00	190,00	180,36	2,42	8,03	1,71	4,45
№1B	10	163,00	185,00	178,10	2,19	6,93	1,55	3,89
№8	10	140,00	169,00	150,70	2,56	8,09	1,81	5,37
№17	9	133,00	146,00	140,22	1,51	4,52	1,06	3,22
№5	9	94,00	113,00	103,67	2,23	6,70	1,58	6,46
№9	11	95,00	110,00	103,36	1,28	4,25	0,91	4,12
№10	11	117,00	146,00	128,27	2,63	8,71	1,86	6,79
№11	10	117,00	144,00	130,30	2,56	8,09	1,81	6,21
№12	10	104,00	120,00	113,45	1,47	4,65	1,04	4,10
№29	11	109,00	120,00	114,41	1,01	3,34	0,71	2,92
№30	11	105,00	132,50	114,68	2,28	7,57	1,61	6,60
№31	8	87,00	97,00	92,63	1,01	2,87	0,72	3,10
№24	6	313,00	350,00	326,00	6,17	15,11	4,36	4,64
№25	4	300,00	367,00	345,50	13,31	26,61	9,41	7,70
№26	11	113,00	150,00	128,64	3,28	10,87	2,32	8,45
№27	10	97,00	145,00	127,00	4,23	13,36	2,99	10,52
№28	8	90,00	132,00	106,88	4,18	11,83	2,96	11,07
№7	7	34,00	41,00	37,71	1,08	2,86	0,77	7,59
№16	6	27,00	31,00	29,42	0,53	1,30	0,38	4,43
Высота изгиба лба	11	18,00	34,00	24,77	1,49	4,93	1,05	19,91
Высота изгиба затылка	9	18,00	29,00	23,22	1,16	3,49	0,82	15,02
№45	6	128,00	147,00	139,00	2,82	6,90	1,99	4,97
№40	7	93,00	109,00	101,57	1,92	5,07	1,35	4,99
№48	8	61,50	85,00	71,31	2,28	6,46	1,61	9,05
№47	6	111,50	137,00	122,67	3,30	8,08	2,33	6,59
№43	11	103,00	117,00	110,59	1,09	3,63	0,77	3,28
№46	8	90,00	108,00	98,25	2,05	5,80	1,45	5,91
№60	8	45,00	61,00	55,38	1,69	4,77	1,19	8,61
№61	8	57,00	67,00	63,50	1,00	2,83	0,71	4,45
№62	7	42,00	50,00	46,43	1,01	2,66	0,71	5,74
№63	7	33,00	40,00	36,29	1,02	2,71	0,72	7,47
№55	6	48,00	62,00	53,83	1,86	4,56	1,32	8,47
№54	8	23,00	27,50	25,06	0,51	1,45	0,36	5,77
№51D	10	40,00	48,50	43,50	1,00	3,18	0,71	7,31
№51MF	10	39,00	45,00	42,75	0,55	1,75	0,39	4,09
№52	8	30,00	42,00	35,06	1,38	3,91	0,98	11,15
№20	9	113,00	131,00	120,33	1,92	5,77	1,36	4,80
Бимал. шир. TMO-TMO	10	97,50	112,00	105,00	1,52	4,81	1,08	4,58
Высота над. TMO-TMO	8	14,00	24,00	19,38	1,34	3,80	0,95	19,60
Ширина ZM-ZM	7	89,00	108,00	98,29	2,19	5,80	1,55	5,90
SUBS ZM-ZM	8	18,00	31,00	25,38	1,72	4,87	1,22	19,20
57 SC	8	7,00	11,00	9,13	0,54	1,54	0,38	16,83
SS	7	0,50	5,50	3,36	0,55	1,46	0,39	43,40
50 MC	9	17,00	24,00	19,72	0,71	2,14	0,50	10,83

Таблица 4 (окончание)

Средние величины признаков и указателей серии (женщины)

MS	7	5,50	9,50	7,64	0,53	1,41	0,38	18,41
49A DC	9	11,50	23,00	17,72	1,44	4,33	1,02	24,46
DS	7	6,00	12,00	8,93	0,82	2,18	0,58	24,40
FC	10	1,00	4,00	2,95	0,34	1,08	0,24	36,71
Углы								
от N угол профиля лба	6	70,00	91,00	81,00	3,32	8,14	2,35	10,05
от GL угол профиля лба	8	62,00	104,00	87,63	5,46	15,43	3,86	17,61
№72	6	86,00	98,00	91,83	1,59	3,89	1,12	4,24
№73	7	85,00	97,00	91,14	1,73	4,58	1,22	5,03
№74	6	86,00	111,00	96,83	3,49	8,55	2,47	8,83
№75	1	123,00	123,00	123,00	0,00			
№75.1								
Нижняя челюсть								
№68.1	7	110,00	120,00	115,29	1,34	3,53	0,94	3,07
№79	9	115,00	128,00	121,56	1,50	4,50	1,06	3,70
№68	9	60,00	98,00	82,11	3,09	9,28	2,19	11,30
№70	9	52,00	86,00	62,44	3,10	9,31	2,19	14,91
№71A	9	31,00	38,00	33,56	0,65	1,95	0,46	5,81
№65	7	119,00	134,00	126,71	1,84	4,86	1,30	3,84
№66	9	18,00	115,00	98,89	9,60	28,81	6,79	29,13
№67	9	45,00	50,00	47,56	0,47	1,42	0,34	2,99
№69	7	29,00	39,00	33,86	1,41	3,72	0,99	10,99
№69.1	8	27,00	34,00	30,75	0,70	1,98	0,50	6,45
№69.3	9	12,00	20,00	13,83	0,83	2,49	0,59	18,03
Указатели								
8:1	8	73,70	88,00	80,58	1,60	4,53	1,13	5,62
17:1	7	71,50	82,60	76,94	1,55	4,10	1,10	5,33
17:8	9	80,50	104,20	93,77	2,07	6,20	1,46	6,61
9:8	10	65,10	73,60	68,73	0,88	2,78	0,62	4,04
9:10	11	74,80	88,50	80,80	1,26	4,17	0,89	5,16
9:45	7	70,90	82,80	75,97	1,65	4,37	1,17	5,75
45:8	6	83,10	97,90	90,97	1,98	4,86	1,40	5,34
48:45	6	42,40	54,60	49,75	1,80	4,40	1,27	8,84
48:17	7	43,60	58,20	50,70	1,75	4,63	1,24	9,14
52:51(d)	8	68,80	100,00	79,19	3,46	9,79	2,45	12,36
54:55	5	40,30	63,80	50,46	3,65	8,16	2,58	16,18
DS:DC	7	40,00	55,00	48,59	1,77	4,68	1,25	9,62
SS:SC	7	33,30	50,00	45,17	2,10	5,56	1,48	12,30
MS:MC	7	26,20	55,90	40,13	3,56	9,42	2,52	23,48
NM	8	131,00	148,00	138,75	2,20	6,22	1,55	4,48
ZM	7	118,00	140,00	127,71	2,73	7,23	1,93	5,66

Таблица 5

Коэффициенты корреляции между парами признаков черепов из могильника Кирова-Башенная

	Мужчины			Женщины		
Признаки	N	R	SR	N	R	SR
№1 и №8	10	-0,777	0,222	8	-0,687	0,297
№1 и №17	9	0,132	0,375	5	-0,255	0,558
№1 и №5	9	0,243	0,367	5	-0,186	0,567
№1 и №48	8	0,637	0,315	N<3		
№8 и №17	9	-0,218	0,369	5	0,200	0,566
№8 и №45	6	0,486	0,437	N<3		
№8 и MS	7	-0,139	0,443	N<3		
№45 и №48	6	-0,230	0,487	N<3		
№45 и №54	6	0,098	0,498	N<3		
№45 и №52	6	-0,092	0,498	N<3		
№45 и MS	6	0,516	0,428	N<3		
№48 и MS	8	0,614	0,322	N<3		
№48 и №77	8	-0,435	0,368	N<3		
№48 и ZM	7	-0,529	0,380	N<3		
№77 и DS	7	0,368	0,416	N<3		
№77 и SC	8	-0,389	0,376	N<3		
№77 и SS	7	0,384	0,413	N<3		
№77 и ZM	7	-0,007	0,447	N<3		
ZM и DS	7	0,216	0,437	N<3		

но иной комплекс признаков наиболее ярко представлен погребением №10- очень массивный, ярко выраженный долихокран, с очень высокой черепной коробкой, относительно узколицый с резкой профилировкой лицевого отдела высокими орбитами и узким носом. Признаки, характерные для данного морфологического типа, в различных вариантах комбинаций присутствуют и в остальной части серии. Учитывая независимый характер наследования признаков, не исключено, что присутствие в серии столь специфического типа следует рассматривать как факт генетического порядка, свидетельствующий о том что в формировании населения средневековой Балаклавы участвовали морфологически различные группы, однако достоверному выделению исходных типов и определению их соотношения препятствует небольшой объем выборки.

По отношению к известным антропологическим сериям XIII- XIVвв. из городских центров Юго-Западного и Южного Крыма балаклавские материалы выделяются прежде всего массивностью, очень большими абсолютными размерами лицевого отдела и большей части параметров черепной коробки. Сопоставление параметров средних, несмотря на смешанность серии, все же позволяющее оценить направление различий[12], не свидетельствует о принципиальном своеобразии населения Балаклавы, однако известные для данного времени комплексы морфологических признаков в исследуемом материале проявляются в более резких формах (табл.№6,рис№5).

Материалы из некрополя позднесредневековой Балаклавы подтверждают тезис об этноконфессиональной интеграции различных групп населения в процессе формирования греческой средневековой народности на территории Крымского нагорья и Южном побережье полуострова в XIII-XVвв.[13], и особой роли в нем формирующихся городских центров - в частности, Ямболи-Балаклавы. В данном случае, конфессиональное единство и общий погребальный обряд, в пределах единого некрополя объединяют различные по происхождению и сохраняющие морфологическое своеобразие группы городского населения.

Таблица 6

Средние измерений серии черепов из Балаклавы некоторых крымских серий

мужчины

№ признака	Гончарное		Эски-Кермен		Мангуп		Алушта		Херсонес (IX-XIVвв.)		Базилика 1935 г.		Балаклава	
	n	X	n	X	n	X	n	X	n	X	n	X	n	X
1	14	175,1	144	175	27	179	33	176,9	99	180,1	20	183,9	11	180,36
8	15	148,8	138	147,8	27	148	33	151,7	94	145,2	18	145,1	10	150,7
17	11	132,3	119	132,6	26	134	24	135,9	84	133,4	16	136,6	9	140,22
5	10	100,5	118	99,3	26	101	22	100,7	84	101,1	16	103,9	9	103,67
9	14	95,5	133	97	26	99,2	30	100,8	104	98,7	20	99,4	11	103,36
8/1	14	85	135	84,3	27	82,7	33	85,7	94	81	18	79,1	8	80,58
17/1	11	75,9	118	75,7	26	75,9	24	76,5	81	74,1	16	74	7	76,94
17/8	11	89,1	112	89,5	26	90,9	24	89,5	79	92,2	14	94,1	9	93,77
9/8	14	63,4	121	65,7	26	67	29	66,6	89	68,3	17	68,7	10	68,73
20	12	115,1	115	111,1	29	113	21	117,6	85	111,1	19	107,9	9	35,06
40	6	97,3	85	95,2	22	95	16	95,1	65	96,2	15	100,5	7	101,57
45	11	135,9	97	136,8	19	139	17	137,1	68	136	16	135,8	7	137,43
48	12	68,6	100	69,3	23	72,2	20	78	91	71,2	16	69	8	71,31
48/45	9	50,1	86	50,6	19	52,3	15	52,6	65	52,5	14	50,87	7	52,13
40/5	6	96,8	83	96,2	22	94,5	15	94,5	64	95,4	15	92,24		
55	14	51,4					23	52,3			20	51,175	8	47,25
54	14	25,3					23	25,1			18	25,1	7	39
54/55	14	49,4	107	48,2	23	48,2	23	48,4	91	48,2	17	49,2	6	55,22
51mf	13	39,8					21	39,9			23	42	10	42,75
52	14	32,6					21	35,5			21	33,2	8	35,06
52/51mf	13	82,2	115	83,2	24	84,5	21	88,9	92	84,6	21	78,7		
NM	14	140,4					18	136,8			21	140,7	8	138,75
ZM	11	128,9	88	128,4	17	131	15	127,7	79	128,6	16	125,75	7	127,71
DS/DC	11	61					20	56,9			18	57,4	7	48,59
SS/SC	13	56,8					23	47,7			20	49,3	7	45,17
FC	13	5,5			27	3,1	28	3,9	111	3,2	23	3,1	10	2,95

женщины

№ признака	Гончарное		Эски-Кермен		Мангуп		Алушта		Херсонес (IX-XIV вв.)		Базилика 1935 г.		Балаклава	
	n	X	n	X	n	X	n	X	n	X	n	X	n	X
1	16	168,8	137	169,1	30	171	28	170,5	92	172	13	174,2	8	175,38
8	19	141,8	130	142,3	30	142	28	145,4	88	139,9	14	136,4	8	147
17	13	127,2	112	126,4	29	130	19	132,5	79	128,1	7	128,3	5	132,6
5	12	94,6	112	93,8	29	96	12	93,6	77	95,6	8	96,7	5	105,8
9	16	93,9	136	94,7	30	94,2	22	95,3	95	95,2	14	94,5	7	97,57
8/1	16	84,8	124	84,2	30	82,8	28	85,5	87	81,5	13	78,3	6	80,68
17/1	11	76,3	109	74,9	29	75,9	19	78,8	78	74,5	6	74,8	5	74,56
17/8	11	90,8	105	89,2	29	91,4	19	91,7	76	91,7	7	94,3	5	91,42
9/8	15	65,8	99	66,7	30	66,6	21	65,5	85	68	14	69,3	7	66,17
20	4	113,6	115	111,1	29	113	20	114,8	85	111,1	12	100,3	6	114,33
40	8	90,2	90	91	24	92,2	8	89	56	93,3	5	93,4	1	89
45	12	127,3	99	127,8	25	129	8	128,4	66	128,3	10	123,2	2	123
48	15	65,9	115	66	27	67,1	12	65,2	75	67,4	8	65,3	2	65
48/45	11	51,4	92	51,4	23	52	6	52,3	54	53	8	53,6	2	84,25
40/5	7	94,8	87	96,9	24	95,7	8	95,9	55	97,3	5	94,3		
55	16	49,2					12	47,7			9	48,1	1	43
54	15	23,6					11	23,4			10	24,7	1	41,5
54/55	14	47,9	119	49	28	48,9	11	49,2	77	49,1	9	51,9	1	96,51
51mf	14	38,3					11	37,4			11	40,5	5	37,8
52	16	33,2					12	34			10	32,6	5	32,9
52/51mf	14	87,4	124	84,9	29	84,2	11	91,2	81	86,4	10	79,6		
NM	10	139,5					6	137,8			11	141,7	3	145,33
ZM	9	128,7	94	129	22	129	9	128,5	64	131,3	9	127,9	1	141
DS/DC	13	58,2					5	60			8	56	4	44.63
SS/SC	13	52,8					7	47,9			8	43,4	5	43,66
FC	15	5,1									11	2,9	3	3,5

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отчет о раскопках САЭ. в 1993 г. Архив НЗХТ. Д. 3187.
2. Отчет о раскопках САЭ. в1995 г. Архив НЗХТ. Д.3305.
3. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л. 1979. С.147.
4. Якобсон А.Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья//СА. 1951. т.15. с.340, 342.
5. Антонова И.А., Даниленко В.Н. и др. Средневековые амфоры Херсонеса// АДСВ. 1971. №7. с.94.
6. Якобсон А.Л. Ук.соч. 1979. с.133.
7. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики //Феодальная Таврика. Киев, 1974. с.65-76.
8. Крамаровский М.Г. Три группы поливной керамики из Причерноморья// Византия и византийские традиции. СПб, 1996. с.99-101.
9. Баранов И.А. Главные ворота средневековой Солдайи //Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. с.92.
10. Алексеев В.П. Остеометрия. М., 1966. с.224-225, 242.
11. Кондукторова Т.С. Физический тип людей Нижнего Поднепровья. М., 1979. С.120-125.
12. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л.; 1948. С.29.
13. Айбабин А.И.,Герцен А.Г.,Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма. МАИЭТ. Вып.III. Симф., 1993. с.216.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААИК -	Архитектурно-археологические исследования в Крыму
АГСП -	Античные государства Северного Причерноморья
АДСВ -	Античная древность и средние века
АИК -	Археологические исследования в Крыму
АК -	Археология Крыма.
АО -	Археологические открытия
АП -	Археологічні пам'ятки УРСР.
АСГЭ -	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВА -	Вопросы антропологии
ВВ -	Византийский временник
ВДИ -	Вестник древней истории
ВИ -	Вопросы истории
ВКУ -	Вістник Київського Університата
ВЛГУ -	Вестник Ленинградского государственного университета
ВЯ -	Вопросы языкознания
ГИМ -	Государственный исторический музей
ГМИИ -	Государственный музей изобразительных искусств
ГЭ -	Государственный Эрмитаж
ЗОАО -	Записки Одесского археологического общества
ЗООИД -	Записки Одесского общества истории и древностей
ИА ИА НД -	Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИАДК -	История и археология древнего Крыма
ИАК -	Известия Археологической комиссии
ИВАД -	Известия Варненского археологическо дружество
ИГАИМК -	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИКОГО -	Известия Крымского отдела Географического общества
ИРАИМК -	Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТОИАЭ -	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК -	Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИФЖ -	Историко-филологический журнал
КБН -	Корпус боспорских надписей.
КИАМ -	Керченский историко-археологический музей
КСИА -	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК -	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСОАО -	Краткие сообщения Одесского археологического общества.
КФ ИА НАНУ -	Крымский филиал Института археологии Национальной Академии Наук Украины
ЛНХТ -	Латинские надписи Херсонеса Таврического.
МАИЭТ -	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МАК -	Материалы по археологии Кавказа
МАСП -	Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАУ -	Матеріали з антропології України
МИА -	Материалы и исследования по археологии СССР
МЭИК -	Материалы по этнической истории Крыма
НА КФ ИА НАНУ -	Научный архив Крымского филиала ИА НАНУ
НАП -	Нумизматика античного Причерноморья
НЗХТ -	Национальный заповедник "Херсонес Таврический"
НиС -	Нумизматика и сфрагистика
НО -	Надписи Ольвии
НЭ -	Нумизматика и эпиграфика
НЭПХ -	Новые эпиграфические памятники Херсонеса
ОАК -	Отчет Археологической комиссии
ОАМ -	Одесский археологический музей
ПАВ -	Петербургский археологический вестник
ПИО -	Проблемы истории Ольвии
ПСА -	Проблемы советской археологии
РА -	Российская археология

СА -	Советская археология
САИ -	Свод археологических источников
СГЭ -	Сообщения Государственного Эрмитажа
СКМ -	Сакский краеведческий музей
СХМ -	Сообщения Херсонесского музея
ТГЭ -	Труды Государственного Эрмитажа
ФКМ -	Феодосийский краеведческий музей
ХГИАМЗ -	Херсонесский государственный историко-археологический музей-заповедник
ХГУ -	Харьковский государственный университет
ХКААМ -	Художественная культура и археология античного мира
ХСб -	Херсонесский сборник
ЦГВИА -	Центральный Государственный военно-исторический архив
Цхалтубо-III -	О.Д. Лордкипанидзе (ред.) Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо-1982. Тбилиси.
ACSS -	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
Akten - Statuetten	Wien, 1988. K.Gschwantler, A.Bernhard-Walcher (hrsg.) Griechische und römische und Großbronzen. Akten der 9.Tagung über antike Bronzen 21.-25.April 1986 in Wien.
AnatSt -	Anatolian Studies
ARV² -	Beazley J.D. Attic Red-Figure Vase-Painters. Second ed. Oxford, 1963.
ASLSP -	Atti della Societa Ligure di Storia Patria.
BCH -	Bulletin de correspondence hellenique
BJb -	Bonner Jahrbücher
BMMA -	Bulletin of the Metropolitan Museum of Art
BSA -	British School at Athens.
Bull Epigr -	Bulletin epigraphique
CIL -	Corpus Inscriptionum Latinorum
CVA -	Corpus Vasorum Antiquorum
DHA -	Dialogues d'histoire ancienne
DOP -	Dumbarton Oaks Papers
FdD -	Fouilles de Delphes
IGBR -	Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae.
IOSPE, I² -	Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae.
ISM -	Inscriptiile din Scythia Minor
JdI -	Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts
OlForsch -	Olympische Forschungen
ÖJh -	Österreichische Jahreshefte
PB -	Pape W., Benseler G. Worterbuch der griechischen Eigennammen. - Braunschweig,1884.
REB -	Revue des études byzantines
RESEE -	Revue des Etudes Sud-Est Europeennes
RGDA -	Res Gestae Divi Augusti
SEG -	Supplementum epigraphicum graecum
SHA -	Scriptores Historiae Augustae
SNG -	Sylloge Nummorum Graecorum.
ZfA -	Zeitschrift für Archäologie

СОДЕРЖАНИЕ

Памятники раннего железного века

С.Г. Колтухов. «Золотой» Симферопольский курган 7

Исследования по греко-римской археологии.

А.В. Буйских. Жилые дома на Северном берегу Херсонеса 23
Т.Н. Высотская, Г.И. Жесткова. Рельефная краснолаковая керамика из могильника «Совхоз N 10» 31
В.К. Голенко. К вопросу о времени сооружения "цитадели" на горе Опук 39
Д.В. Журавлев, Л. Хршановски. Группа греческих светильников из Херсонеса 50
Ю.П. Зайцев. Два сюжета из эллинистической хронологии Неаполя скифского 60
М.И. Золотарев. О времени строительства т.н. "Казармы" в Херсонесе Таврическом (по материалам находок керамических клейм) 70
Д.А. Костромичев. Синопское клеймо римского времени из Херсонеса 80
В.А. Кутайсов. Аграрная история Керкинитиды 83
С.Б. Ланцов. Две вотивные таблички из святилища римских военнослужащих около Сакского озера в Крыму 94
Л.В. Марченко. Эллинистический комплекс у перекрестка главных магистралей города 101

Г.М. Николаенко. Фр. Дюбуа де Монпере о сельских усадьбах на Гераклейском полуострове 107
М.Ю. Трейстер Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья 121
В.Б. Уженцев. Редкий тип краснолаковых кубков из Калос Лимена 159
D.R. Edwards. Jews and Christians at Ancient Chersonesus: The Transformation of Jewish Public Space 162

Исследования по этнической истории античной Таврики

В.Л. Мыц, А.В. Лысенко, С.М.Жук. Пещерный позднеантичный некрополь на г. Ай-Никола .. 169
С.А. Мульд. Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в Центральном Крыму 181
А.Е. Пуздровский, Ю.П. Зайцев, И.И. Неневоля. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике 194
А.Е. Пуздровский. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н. э. - III в. н. э.) 209
А.А. Труфанов. Могила 656 Усть-Альминского позднескифского некрополя 226
С.В. Ушаков. Об основных типах погребальных сооружений в Юго-Западном Крыму III - первой половины VI вв 232
И.Н. Храпунов, Н.И. Храпунов. Склеп с захоронениями IV в.н.э. из могильника Дружное в Крыму 242
В.Ю. Юрочкин. Черняховская керамика юго-западного Крыма 257

Памятники средневекового Крыма

Е.А. Айбабина. Некоторые заметки о каменной резьбе Каффы 277
И.А. Баранов, В.В. Майко. К вопросу о типологии столовой лощеной посуды Юго-восточного Крыма второй половины X в 287
В. М. Зубарь. Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма 291
М. В. Зубарь. К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса 298
Д.Ю. Коробков. Византийский серебряный потир из раскопок в Херсонесе 303
С.Г. Рыжов, Л.В. Седикова. Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса 312
В.А. Типаков. Консульство Чембало во второй половине XV века: административное управление 330
Э.А. Хайрединова. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма 334
Т.Ю. Яшаева. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове 349

Нумизматика и сигиллография

Н.А. Алексеенко, К.Д. Смычков. Несколько новых печатей византийского Херсона 361
Н.А. Алексеенко. Находки монет на территории генуэзской крепости Чембало 371
В.Л. Мыц. SOMMO в денежном обращении генуэзской Газарии (по материалам алуштинского клада 1990 г.) 379
И.А. Снытко, Е.Я. Туровский. О монетах Ольвии и Херсонеса с изображениями стрелков из лука 399

Методы изучения археологических памятников

М.Ю. Николаенко. Геофизические исследования на высоте Безымянная 407
А.В. Иванов. Исследования некрополя средневековой Балаклавы в 1993 и 1995 гг 412

Научное издание
ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК.
Выпуск X.
Сборник научных статей.

Издание подготовлено дизайн-студией «Каламо»

Технический редактор С. Золотарев
Макет, верстка А. Забусик
Корректор Д. Коробков

Подписано к печати 26.05.2000 г. Формат 70x100 1/8
Объем 12,59 усл. печ. л.; 217 физ. печ. л. Тираж 1000 экз.